РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

научно-правовой журнал

№ 8 (август) 2026 год

Учредитель:

Грудцына Людмила Юрьевна

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке E-library с 2013 г.

Издатель: *Издательство "ЮРКОМПАНИ"*

Журнал основан в 2012 году

Сетевое издание зарегистрировано в Национальном центре ISSN (Свидетельство о регистрации ISSN 2782-3830 от 13 декабря 2021 г.)

Научно-правовой журнал «Российский научный вестник» включён в Перечень рецензируемых научных изданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.

Журнал включён в Science Index, индексируется в Google Scholar,

каждой статье присваивается DOI (Digital Object Identifier).

Выходит один раз в месяц.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций

(Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-49715 от 4 мая 2012 г.)

РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

научно-правовой журнал

научный журнал, посвященный актуальным проблемам юридической науки и практики, а также законотворческой и правоприменительной деятельности, вопросам образования, социологии и педагогики

Главный редактор:
Владимир Усанов

Первый заместитель главного редактора:
Марат Шайхуллин

Заместитель главного редактора:
Валерий Рыжов

Корректор: **Вера Козлова**

Компьютерная верстка: **Марина Горячева**

Дизайн: **Роман Ерцев**

Материал подготовлен с использованием СПС «ГАРАНТ» (www.garant.ru)

Адрес офиса редакции:

121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис А 802.2. Этаж 8.

Бизнес-центр "Гранд Сетунь Плаза".

Для писем: *121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, кв. 57.*

Home page: *www.r.law-books.ru* **E-mail:** *mail@law-books.ru*

WhatsApp: *+7-903-672-55-88* **Многоканальный:** *+8-800-700-45-88*

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Российский научный вестник» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Редакционная коллегия:

Главный редактор: ***Усанов Владимир Евгеньевич***, академик РАО, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Первый заместитель главного редактора: ***Шайхуллин Марат Селирович***, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Заместитель главного редактора: ***Рыжов Валерий Борисович***, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Специальность: 5.1.2 - Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алферова Елена Васильевна - кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом правоведения ИНИОН РАН.

Грудцына Людмила Юрьевна - доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Почетный адвокат России, эксперт РАН.

Дорская Александра Андреевна - доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Исраелян Валентин Борисович - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова.

Булаков Олег Николаевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного университета, член экспертного совета Совета Федерации Федерального Собрания России.

Садовникова Галина Дмитриевна - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА).

Усанов Владимир Евгеньевич - академик РАО, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Специальность: 5.1.3 - Частно-правовые (цивилистические) науки

Андреева Любовь Васильевна - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА имени О.Е. Кутафина, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Белов Валерий Евгеньевич - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики отделения «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Иванова Светлана Анатольевна - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Стригунова Дина Павловна - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Editorial Board:

Editor-in-chief: ***Usanov Vladimir Evgenievich***, Academician of RAO, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State-Legal and Criminal-Legal Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

First Deputy Editor-in-Chief: ***Shaikhullin Marat Selirovich***, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State-Legal Studies of the Eurasian Research Institute of Legal Problems

Deputy Editor-in-Chief: ***Ryzhov Valery Borisovich***, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and municipal administration of the Institute of Social and Humanitarian Education of Moscow Pedagogical State University

Specialty: 5.1.2 - Public-legal (state-legal) sciences

Alferova Elena Vasilievna - Candidate of Law, Leading Researcher, Head of the Department of Law, INION RAS.

Grudtsina Ludmila Yurievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the FSBEI HE «Russian State Academy of Intellectual Property,» Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences.

Dorskaya Alexandra Andreevna - Doctor of Law, Professor, Deputy Director for Scientific Work, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice.

Israelyan Valentin Borisovich - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Moscow City University of Management of the Government of Moscow named after Yu.M. Luzhkova.

Bulakov Oleg Nikolaevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State University of the Humanities, member of the Expert Council of the Federation Council of the Federal Assembly of Russia.

Sadovnikova Galina Dmitrievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «O.E. Kutafin Moscow State Law University» (MGUA).

Specialty: 5.1.3 - Private legal (civilistic) sciences

Andreeva Lyubov Vasilievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Belov Valery Evgenievich - Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Support of the Market Economy of the Higher School of Law Department of the Institute of Public Administration and Management of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Ivanova Svetlana Anatolyevna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation.»

Strigunova Dina Pavlovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, FSBEI HE «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.»

Зарубежные члены Редакционной коллегии:

Ари Палениус - проф., директор кампуса г. Керава Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)

Арройо Эна Росьо Карнеро - Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо

Безерра Феликс Валуа Гуара - JurisDoctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.

Велиев Исахан Вейсалоглы - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Деян Вучетич - доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Джун Гуан - проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Дуран Роберто Альваро Гусман - JurisDoctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии

Ким Эшли - D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.

Лаи Дешенг - проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Марек Вочозка - проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)

Миндагулов Алькен Хайдарович - доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)

Нематов Акмал Рауфджонович - доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)

Она Гражина Ракаускиене - проф., Университет им. МиколасаРомериса (Литва)

Пол Брэнд - профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Пол Дэвис - профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Предраг Димитриевич - доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Тепман Леонид Наумович - доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)

Чирич Александр - доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Foreign members of the Editorial board:

Ari Palenius - prof., Director of the campus, the Kerava Laurea University of Applied Sciences (Finland)

Arroyo Ena RosyoKarnero - Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo

Bezerra Felix Valois Goira - Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins

VeliyevIsakhan Veysal Oglou - doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)

Dejan Vuchetich - the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)

Jun Guan - prof.Deputy, Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Durán Roberto Alvaro Guzman - Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia

Kim Ashley - D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.

Lai Desheng - prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Marek Vochozka - prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)

Mindagulov Alken Haydarovich - Doctor of Law sciences, Professor (Republic of Kazakhstan)

Nematov Akmal Raufdzhonovich - the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)

Ona Grazyna Rakauskiene - prof., University MykolasRomeris (Lithuania)

Paul Brend - professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)

Paul Davies - professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)

Predrag Dimitriyevich - the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)

Tepman Leonid Naumovich - Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)

Chirich Alexander - the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

Специальность: 5.1.2 - Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

- ПОЛИТИКА И ПРАВО
- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
- НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО
- ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИИ
- КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Специальность: 5.1.3 - Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

- ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО
- КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО
- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА
- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО
- АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
- УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

JOURNAL HEADINGS

Specialty: 5.1.2 - Public-legal (state-legal) sciences (legal sciences)

- POLICY AND LAW
- HUMAN RIGHTS
- NATIONAL SECURITY
- CONSTITUTIONAL (STATE) LAW
- CONSTITUTION THEORY
- CONSTITUTIONAL TRIAL

Specialty: 5.1.3 - Private-legal (civilistic) sciences (legal sciences)

- LAW OF OBLIGATION
- CORPORATE LAW
- PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
- PROBLEMS OF THE THEORY OF LAW
- CIVIL AND BUSINESS LAW
- ADMINISTRATIVE LAW
- EDUCATION MANAGEMENT

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

научных статей, направленных в редакцию научно-правового журнала «Российский научный вестник»

1. Рецензируемое научное издание – научно-правовой журнал «Российский научный вестник» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов, докторами или кандидатами юридических наук, и имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой научной статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции рецензируемого научного издания в течение пяти лет.

2. Редакция научно-правового журнала «Российский научный вестник» направляет авторам представленных материалов копии рецензий и/или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию научно-правового журнала «Российский научный вестник» соответствующего запроса.

3. Рецензент оценивает основные достоинства и недостатки рукописи статьи, руководствуясь при этом следующими критериями: соответствие содержания статьи профилю журнала, актуальность избранной темы, научный и методологический уровень, использование необходимых методик исследования, новизна и оригинальность основных положений и выводов, практическая полезность. При анализе представленных материалов, рецензентом уделяется внимание следующим вопросам:

а) общий анализ научного уровня, терминологии, структуры статьи, актуальности темы;

б) оценка подготовленности статьи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи;

в) научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекоменда ций и результатов исследований современным достижениям науки и практики;

г) место рецензируемой работы среди других работ на подобную тему: что нового в ней или чем она отличается от них, не дублирует ли содержание рукописи работы других авторов или ранее напечатанные работы данного автора);

д) допущенные автором неточности, ошибки, нарушение правил цитирования.

4. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать две недели с момента поступления рукописи к рецензенту.

5. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

6. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:

а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) заме чаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

7. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сведения общего характера:

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в журнале «Российский научный вестник» осуществляется при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования и с учетом очередности присылаемых для публикации материалов. Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов). Срок рассмотрения рукописи: от 1 до 3 рабочих дней. В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания, об этом факте необходимо поставить в известность редакцию. Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (текст должен отличаться минимум на 30% от ранее опубликованных материалов). Рукописи должны иметь авторство не менее 80%, что подтверждается системой Антиплагиат. Тексты статей принимаются объемом от 5 до 15 машинописных страниц и (не более 30 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 6 машинописных страниц. В расчет объема статьи входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах). Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована. Научная статья, оформленная по образцу, направляется на e-mail: mail@law-books.ru или через форму на Главной странице сайта «Опубликовать статью РИНЦ». Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями. Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора.

Правила оформления статей:

Набор текста производится в формате Microsoft Word. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,0; выравнивание текста – по ширине; поля: левое — 3,5 см, правое, верхнее, нижнее — по 3,5 см; отступ первой строки (абзацный отступ) – 0,5 см (для образования отступа не следует использовать клавишу пробела и табуляции). Аннотация, ключевые слова, примечания, библиография, сведения об авторе оформляются 12 шрифтом, интервал 1,0).

Последовательность оформления статьи:

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке: Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса; Название статьи (буквы – прописные); Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа); Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания; Название статьи (буквы – прописные); Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа). После размещения технической информации следует текст статьи. Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом). В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

Правила транслитерации:

Транслитерацию следует делать по сайту www.translit.ru, выбирать вариант LC (Library of Congress). Транслитерированные русские источники оформлять по модели для российских источников. В квадратных скобках давать перевод названия статьи или книги, а также периодического издания, в котором статья была опубликована. На английском языке фамилия

отделяется от инициалов автора через запятую, затем год издания работы в скобках (только цифры). Описание статьи, опубликованной на русском языке, делается

по следующей схеме:

– фамилия и инициалы автора (авторов) – в транслитерации по системе LC (http://translit. ru/?direction=ru&account=lc); – заглавие статьи / монографии – в транслитерации; – заглавие статьи / монографии — в переводе на английский язык, в квадратных скобках; – название журнала в транслитерации которое отделено от заглавия статьи двойным слешем (//); – название журнала — в переводе на английский язык, в квадратных скобках (название на английском языке смотреть на сайте журнала); – выходные данные, исключая год (город, название издательства, «дата обращения») – в транслитерации, заменив обозначение страниц статьи (общее количество страниц монографий, учебников, сборников материалов конференций) на латинское P. (p.); – указание на язык публикации, вышедшей не на английском языке [напр.: (In Russ.)], – обязательно! Для аспирантов, соискателей ученой степени кандидата и доктора наук: – в обязательном порядке в статье необходимо указывать: телефоны кафедр, научных подразделений, к которым они прикреплены, а также данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание), – необходимо соблюдать правила научной этики при написании и публикации статей, в случае нарушения которых Редакция оставляет за собой право отказать в публикации предварительно одобренной статьи при обнаружении признаков недобросовестного заимствования и недобросовестного повышения оригинальности текста в системе “Антиплагиат” (компенсационный взнос в этом случае не возвращается).

ПОЛИТИКА И ПРАВО
Радыгин Е.В. * Понятие информационного суверенитета. 17
Акапьев В.Л., Новикова Е.А., Новикова Я.О. * Цифровизация системы правосудия в России: состояние, перспективы, проблемы. 23
Радаева С.В., Карданова И.В. * Теоретические и нормативные основы цифровизации правосудия в Российской Федерации. 31
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
Радыгин Е.В. * Обеспечение информационного суверенитета: сравнительно-правовой анализ законодательства России и Китая. 39
Халилова Э.О., Третьяков Е.К. * Правовое регулирование цифровизации государственного сектора: современные тренды. 49
Сустина Т.И. * Правовое регулирование обучения искусственного интеллекта как основополагающий принцип обеспечения информационной безопасности общества. 55
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО
Искра О.С. * Международные стандарты информационного права и конкурентное влияние на национальные ценностные модели. 58
КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО
Ковтун С.О. * Хартия 1814 года и основные государственные законы 1906 года: обзорный анализ октроированных конституций. 63
Гусаим И.В. * Идеологическая основа конституционных поправок 2020 года и их значение в обеспечении общественной безопасности. 71
ПРАВО И ЭКОНОМИКА
Зарипов Ш.Р., Зарипов Р.У., Аслаев С.Т., Аслаев Т.С., Кудашев Р.К., Сайфутдинов В.В. * Предмет финансового права в исламских странах. 79
Березовская М.О., Еремина Д.С. * Личное страхование как непоименованный способ обеспечения исполнения обязательств в потребительском кредитовании: проблемы теории и практики. 87
Зарипов Ш.Р., Зарипов Р.У., Азнабаев О.Ф., Гарифуллин Р.Р., Еремеев В.Ю., Карташев Н.И. * Метод финансового права в исламских странах. 94
ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА
Ашитко В.П. * Участие защитника в устранении нарушений на этапах досудебного производства. . 99
Бегичева Е.В. * Цифровые доказательства в арбитражном и гражданском процессе: сравнительный анализ практики применения и перспективы развития. 105
Войтович Л.В. * Процессуальные последствия нарушения правил о компетенции судебных органов: полномочия суда согласно отечественному цивилистическому процессуальному законодательству в ретроспективе. 113
Маркелова М.М. * Финансирование третьей стороной в международном арбитраже: о смешанной модели регулирования. 123
Пискулин А.Е., Исмухамбетова Л.М. * Частное исполнительство в смешанной системе принудительного исполнения судебных актов. 130
Филонова О.И. * Подсудность гражданских дел окружным судам: к 160-летию образования Санкт-Петербургского окружного суда. 134
ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
Хмелевский И.О. * Типология нарушений авторских прав в цифровой среде: сравнительно-правовой анализ. 138
Шаклеин В.В., Луцук Д.В. * К вопросу об общей собственности на интернет-аккаунт и его разделе 145
Чуб А.О., Петров Н.В. * Вид разрешенного использования как элемент правового режима земельного участка и его значение для правообладателей. 150
Яковлев А.Р. * Компенсационные механизмы и страхование инвестиционных рисков как частноправовые гарантии защиты прав инвесторов. 154
Никулина В.А. * Прокурорский транспортный надзор на железнодорожном транспорте. 162
Головин Я.А. * Коллективные иски при оспаривании решений общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме: процессуальные аспекты. 167
Халилова Э.О., Киселева К.Е. * Концепция совершенствования законодательства об обороте земельных участков со стороны частного права. 174
ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Рыбченко В.К. * Имущество общего пользования в садоводческих товариществах: гражданско-правовая природа, управление и пределы распоряжения. 181
Быков Д.С. * Пределы ответственности наследников по долгам наследодателя. 191
Барикаева А.Ф. * Организация системы предпринимательства (малого и среднего бизнеса) на муниципальном уровне как фактор укрепления экономических основ местного самоуправления. 195
Жамков М.В. * Проблемы и перспективы права застройки в механизме комплексного развития территорий. 201
Максимкин Я.А. * К вопросу о правовой природе таргетированной рекламы. 206
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС
Александрова О.П., Андреева М.М., Геворгян К.К. * Некоторые вопросы участия специалиста на стадии возбуждения уголовного дела при производстве проверки сообщения о преступлении. . . . 211
Гурьянова С.О., Кузнецов М.И., Куркина И.Н., Ращупкина Л.В. * Представления курсантов образовательных организаций ФСИН России о личности осужденных. 216
Гофман А.А., Пожималин В.Н. * Эффективность наказаний, альтернативных лишению свободы: правовые и организационные аспекты реализации в Российской Федерации. 226
Гофман А.А., Пожималин В.Н. * Программы ресоциализации осужденных: российский и зарубежный опыт. 230
Александрова О.П., Андреева М.М., Геворгян К.К. * Некоторые вопросы производства отдельных процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела. 235
УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ
Акапьев В.Л., Ковалева Е.Г., Борисенко А.В., Новикова Е.А. * Правовые методы обеспечения информационной безопасности школьников. 240
Зарипов Ш.Р., Зарипов Р.У., Гарифуллин Р.Р., Еремеев В.Ю., Махмутов И.С. * Методологические концепции определения системообразующих категорий правового образования. 248
Пеганова Ю.А. * Эколого-правовое сознание молодежи: социологический анализ и перспективы правового просвещения (на примере Вологодской области). 258
ИННОВАЦИИ В МИРЕ
Богданова Е.А. * Исламское перестрахование ретакафул: общая характеристика института. 263
Кузнецов Д.М., Шергунова Е.А. * Проблемы наследования цифровых активов в современную эпоху 267
Дернова В.С., Александрова Н.А. * Организационно-экономические инструменты удержания курьеров старших возрастных групп: психосоциальные и эргономические аспекты. 271
Лопатин К.С. * Проблема обеспечения принципа правовой определённости в процессе применения теста на пропорциональность. 279
ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И МИРЕ
Горбунов М.Д. * Проблема внедрения альтернативных способов разрешения конфликтов (медиации) в контексте особенностей юридического образования. 283
Малькова Е.Г. * Специфика использования ИИ технологий в профессиональной подготовке юридических кадров. 287
Мельников А.С., Крапивин О.В., Казначеев В.А., Панкратов Е.С. * Отдельные особенности развития профессионально важных физических качеств сотрудников ФСИН России. 291
ПРОБЛЕМЫ ПРАВА
Севостьянов А. Г. * Некоторые объективные и мнимые доводы за и против адвокатской монополии 296
Бодяков В.Н., Морозов Р.М. * Криминалистические аспекты восстановления удаленной информации с электронных носителей при расследовании преступлений против личности. 300

POLICY AND LAW
Radygin E.V. * Concept of information sovereignty. 17
Akapev V.L., Novikova E.A., Novikova Ya.O. * Digitalization of justice in Russia: state, prospects, problems 23
Radaeva S.V., Kardanova I.V. * Theoretical and regulatory foundations of the digitalization of justice in the Russian Federation. 31
NATIONAL SECURITY
Radygin E.V. * Ensuring information sovereignty: a comparative legal analysis of the legislation of Russia and China. 39
Khalilova E.O., Tretyakov E.K. * Legal regulation of public sector digitalization: contemporary trends. . . . 49
Sustina T.I. * Legal regulation of artificial intelligence training as a fundamental principle for ensuring the information security of society. 55
INTERNATIONAL PUBLIC LAW
Iskra O.S. * International standards of information law and competitive influence on national value models 58
CONSTITUTIONAL (STATE) LAW
Kovtun S.O. * The charter of 1814 and the fundamental laws of 1906: a comparative overview of granted constitutions. 63
Gusaim I.V. * The ideological basis of the 2020 constitutional amendments and their significance for ensuring public security. 71
LAW AND ECONOMICS
Zaripov Sh.R., Zaripov R.U., Aslaev S.T., Aslaev T.S., Kudashev R.K., Sayfutdinov V.V. * The subject of financial law in islamic countries. 79
Berezovskaya M.O., Eremina D.S. * Personal insurance as a non-typified security for obligations in consumer lending: problems of doctrine and practice. 87
Zaripov Sh.R., Zaripov R.U., Aznabaev O.F., Garifullin R.R., Eremeev V.Y., Kartashev N.I. * The method of financial law in islamic countries. 94
JUSTICE AND JURISPRUDENCE
Ashitko V.P. * Participation of a defense counsel in the elimination of violations at the pre-trial stages. . . . 99
Begicheva E.V. * Digital evidence in arbitration and civil proceedings: a comparative analysis of practical application and development prospects. 105
Voitovich L.V. * Procedural consequences of violating the rules on the competence of judicial bodies: the powers of the court under domestic civil procedural legislation in retrospect. 113
Markelova M.M. * Third-party funding in international arbitration: towards a hybrid regulatory model. . . 123
Piskulin A.E., Ismukhambetova L.M. * Private enforcement in a mixed system of compulsory execution of judicial acts. 130
Filonova O.I. * Jurisdiction of civil cases to district courts: on the 160th anniversary of the establishment of the St. Petersburg district court. 134
PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
Khmelevskii I.O. * Typology of copyright infringements in the digital environment: a comparative legal analysis. 138
Shaklein V.V., Lutsuk D.V. * To the question of general ownership of an internet account and its section. 145
Chub A.O., Petrov N.V. * The type of permitted use as an element of the legal regime of a land plot and its significance for copyright holders. 150
Yakovlev A.R. * Compensation mechanisms and insurance of investment risks as private legal guarantees of investor rights protection. 154
Nikulina V. * Prosecutorial transport supervision in railway transport. 162
Golovin Ya. A. * Class-action lawsuits challenging decisions of the general meeting of unit owners in a multi-unit residential building: procedural aspects. 167
Khalilova E.O., Kiseleva K.E. * The concept of improving the legislation on the circulation of land plots from the perspective of private law. 174
CIVIL AND BUSINESS LAW
Rybchenko V.K. * Common property in horticultural partnerships: civil nature, management and disposal limits. 181
Bykov D.S. * Heirs 'liability limits for the heirs' debts. 191
Barikaeva A.F. * Organization of a system of entrepreneurship (small and medium-sized businesses) at the municipal level as a factor in strengthening the economic foundations of local self-government. 195

Zhamkov M.V. * Challenges and prospects for development rights within the framework of integrated territorial development. 201
Maksimkin Ya.A. * On the legal nature of targeted advertising. 206
CRIMINAL LAW AND PROCESS
Alexandrova O.P., Andreeva M.M., Gevorgyan K.K. * Certain issues regarding the participation of a specialist at the pre-investigation stage of criminal proceedings during the verification of a crime report. 211
Guryanova S.O., Kuznetsov M.I., Kurkina I.N., Rashchupkina L.V. * Representations of students of educational organizations of the Russian federal penitentiary service about the personality of condemneds 216
Gofman A.A., Pozhimalin V.N. * The effectiveness of alternative punishments to imprisonment: legal and organizational aspects of implementation in the Russian Federation. 226
Gofman A.A., Pozhimalin V.N. * Resocialization programs for condemned persons: russian and foreign experience. 230
Alexandrova O.P., Andreeva M.M., Gevorgyan K.K. * Certain issues regarding the conduct of specific procedural actions at the stage of initiating a criminal case. 235
EDUCATION MANAGEMENT
Akapyev V.L., Kovaleva E.G., Borisenko A.V., Novikova E.A. * Legal methods of ensuring information security for schoolchildren. 240
Zaripov Sh.R., Zaripov R.U., Garifullin R.R., Eremeev V.Yu., Mahmutov I.S. * Methodological concepts for defining the system-forming categories of legal unit. 248
Peganova Yu.A. * Environmental and legal consciousness of youth: a sociological analysis and prospects for legal education (a case study of the Vologda region). 258
INNOVATION IN THE WORLD
Bogdanova E.A. * Islamic reinsurance retakaful: general concept of the institute. 263
Kuznetsov D.M., Shergunova E.A. * Challenges of inheriting digital assets in the modern era. 267
Dernova V.S., Alexandrova N.A. * Organizational and economic tools for retaining older couriers: psychosocial and ergonomic aspects. 271
Lopatin K.S. * The proportionality test: the problem of ensuring the principle of legal certainty. 279
EDUCATION IN RUSSIA AND THE WORLD
Gorbunov M.D. * The problem of implementing alternative conflict resolution (mediation) in the context of legal education. 283
Malkova E.G. * The specifics of using AI technologies in the professional training of legal personnel. . . . 287
Melnikov A.S., Krapivin O.V., Kaznacheev V.A., Pankratov E.S. * Special features of the development of professionally important physical qualities of Russian federal penitentiary service employees. 291
PROBLEMS OF LAW
Sevostyanov A. G. * Some objective and imaginary arguments for and against a lawyer's monopoly. . . 296
Bodyakov V.N., Morozov R.M. * Forensic aspects of recovering deleted information from electronic media in the investigation of crimes against the person. 300

- ПОЛИТИКА И ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-17-22

РАДЫГИН Евгений Владимирович,
кандидат технических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия,
e-mail: radyginev@mail.ru

ПОНЯТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация. *Проведен теоретико-правовой анализ научных подходов к трактовке категории «информационный суверенитет» в отечественной и зарубежной литературе. Рассмотрены позиции ряда исследователей, а также доктринальные и стратегические документы. Выявлены ключевые расхождения в определении сущности, понимании элементного состава, целей и участников обеспечения информационного суверенитета. На основе систематизации существующих позиций выделено пять основных подходов к интерпретации понятия: технократический, политико-правовой, юридический, социокультурный и международно-правовой. С учётом их сильных сторон сформулировано авторское определение информационного суверенитета, интегрирующее инфраструктурный, правовой и ценностный аспекты при соблюдении баланса между государственными интересами и правами граждан. Сделан вывод о том, что информационный суверенитет одновременно выступает частью государственного суверенитета и элементом системы информационной безопасности государства.*

Ключевые слова: *информационный суверенитет, государственный суверенитет, информационная безопасность, национальная безопасность, подходы к определению.*

RADYGIN Evgeny Vladimirovich,
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice

CONCEPT OF INFORMATION SOVEREIGNTY

Annotation. *This study provides a theoretical and legal analysis of scientific approaches to interpreting the category of "information sovereignty" in Russian and foreign literature. The positions of various researchers, as well as doctrinal and strategic documents, are examined. Key discrepancies are identified in defining the essence of the concept, understanding its structure, goals, and the actors involved in ensuring information sovereignty. Based on the systematization of existing viewpoints, five main approaches to interpreting the concept are identified: technocratic, political-legal, juridical, sociocultural, and international-legal. Capitalizing on their strengths, the author formulates a definition of information sovereignty that integrates infrastructural, legal, and value-based aspects while maintaining a balance between state interests, citizens' rights, and global stability. The study concludes that information sovereignty simultaneously acts as a component of state sovereignty and as an element of the national information security system.*

Key words: *information sovereignty, state sovereignty, information security, national security, approaches to definition.*

Введение. Цифровая трансформация всех сфер общественной жизни и обострение геополитической обстановки выдвинули проблему защиты национального цифрового пространства в число приоритетных задач государственной политики. В условиях, когда информационно-коммуникационные технологии выступают базисом для функционирования критической инфраструктуры, государственного управления и реального сектора экономики, традиционная концепция

государственного суверенитета претерпевает существенную трансформацию, формируя и актуализируя новые сферы, в числе которых особое место занимает информационная.

Актуальность исследования обусловлена ростом трансграничных киберугроз, монополизацией глобального ИТ-рынка транснациональными корпорациями и использованием информационных ресурсов в качестве инструмента политического, социального и экономического давления. Для Российской Федерации, находящейся в условиях санкционных ограничений и специальной военной операции, формирование эффективной модели правового регулирования информационной сферы является критически важным фактором обеспечения национальной безопасности, что невозможно без научно-правового определения категории «информационный суверенитет».

Цель настоящей работы: на основе теоретико-правового анализа уточнить подходы к определению информационного суверенитета как политико-правовой категории.

Материалы и методы. В ходе анализа использованы позиции отечественных и зарубежных исследователей, опубликованных в открытых научных изданиях, а также нормативные правовые акты, доктринальные и стратегические документы, а также публичные выступления высших должностных лиц.

В процессе исследования и раскрытия содержания, опубликованных дефиниции, выявления их особенностей применен теоретический анализ. Формально-юридический метод использован при изучении нормативной базы и границ исследуемой категории. Применение сравнительного анализа позволило сопоставить позиции различных авторов и трактовок в нормативных правовых документах. Систематизации подходов способствовало применение классификации. Использование общенаучного метода синтеза позволило сформулировать авторское определение категории «информационный суверенитет».

Результаты исследования и обсуждение. В современной правовой и политической науке продолжается дискуссия об определении информационного суверенитета. М. М. Кучерявый его определяет, как: «верховенство и независимость государственной власти при формировании и реализации информационной политики в национальном сегменте и глобальном информационном пространстве. Принципиальное значение для обеспечения информационного суверенитета имеет государственная информационная политика» [1]. Автор делает акцент на государственной информационной политике, что относит информационный суверенитет к политико-правовой категории. При этом, если условие «верховенства» государственной власти при формировании и реализации информационной политики не вызывает сомнения, то независимость требует пояснения. Государственная власть априори зависима от граждан, интересы которых она представляет и призвана обеспечивать. Следовательно, независимость в контексте информационного суверенитета должна рассматриваться через внешний контур, то есть независимость от иностранных политических акторов.

Е. Г. Зорина поддерживает позицию М. М. Кучерявого, выделила две характеристики информационного суверенитета. Первый: технический заключается в обладании отечественными программным обеспечением, ИТ-инфраструктурой и ИТ-системами. Второй Е.Г. Зорина определяет, как идеологический, включающий: «наличие официальной идеологии или национальной идеи, высокого уровня популярной массовой культуры, развитой системы пропаганды, а также усовершенствованного законодательства в области информации и т. д.» [2]. По сути, выделяя характеристики или элементы информационного суверенитета, автор переводит «верховенство» в идеологический суверенитет, а «независимость» в технический суверенитет, расширяя его границы за счет введения экономических аспектов и введения иных участников, кроме государственной власти, а именно участников экономических отношений, то есть тех, кто создает отечественное ПО и оборудование, которое с его помощью выполняет значимые информационные задачи для юридических и физических лиц. Сторонники узко технократического подхода А. Ю. Мохов и А. А. Преснякова информационный суверенитет понимают: «как состояния независимости национальной инфраструктуры компьютерных сетей от внешнего негативного воздействия, предотвращения угроз управленческим информационным сетям (порталы государственных и муниципальных услуг, ведомственные информационно-аналитические системы и т.д.) во внутреннем пространстве, защиты персональных данных» [3]. Авторами суверенитет и независимость рассматривают как синонимы, что не является обоснованным.

Е.И. Соболев разделяет точку зрения Е. Г. Зориной и рассматривает элементы информационного суверенитета в качестве его критериев, которые автор расширил следующими: созданием и распространением продукции, имеющей отличительные культурные признаки государства; активным использованием интернет-пространства для распространения в нем отвечающих интересам государства идей, правовой базой [4]. Е.И. Соболев по сути детализировал «идеологический» элемент Е. Г. Зориной, выде-

лив в нем культурную и коммуникационную составляющую. Полагаем, что расширение контура информационного суверенитета за счёт инкорпорации широких социокультурных сфер фактически смещает фокус на задачи государственного идеологического строительства. Такая трактовка сопряжена с методологическим риском подмены информационной составляющей идеологической. Подобная подмена не является обоснованной и способна привести к размыванию предметного поля категории.

Д. С. Артамонов видит более широкий набор элементов информационного суверенитета, в который вошли: цифровой или электронной (1), медийный (2), ментальный (3) и интеллектуальный суверенитеты. По мнению Д. С. Артамонова: «информационный суверенитет направлен на обеспечение безопасности государства и общества, противодействие терроризму и негативному информационному воздействию. Целями информационного суверенитета является медиалегитимация власти, установление каналов обратной связи, а также мобилизация общества на защиту реального суверенитета государства» [5]. Несмотря на то, что Д. С. Артамонов детализировал элементных состав информационного суверенитета, его позиция схожа с ранее проанализированными. Принципиальным отличием является не это, а формулировка направленности и цели информационного суверенитета. Вместе с тем, если направленность определяет его встроенность в национальную безопасность, то цели ограничиваются политико-коммуникационными аспектами. Представляется, что сведение целей информационного суверенитета исключительно к медиалегитимации власти и мобилизации общества, как предлагает Д. С. Артамонов, чрезмерно сужает и политизирует данную категорию, относя ее в область решения тактических политико-коммуникационных задач.

Н. В. Василенко под информационным суверенитетом понимает: «независимость национального государства от внешнего давления и верховенство его власти на внутреннем пространстве в формировании и осуществлении информационной политики с учетом национальных интересов» [6]. Автором через «независимость национального государства от внешнего давления» и «учет национальных интересов» информационный суверенитет содержательно рассматривается в контексте национальной безопасности. При этом Н. В. Василенко поясняет свое понимание информационного суверенитета через институциональное ограничение цифровой трансформации. Автор указывает на уровень институциональной среды, формирующей границы между суверенитетами различных государств. В данном контексте понятие привязывается к разработанным внутри государства "правилам игры" и жесткости контроля за их исполнением.

В Стратегии обеспечения информационной безопасности государств - участников Содружества Независимых Государств информационный суверенитет государств - участников СНГ рассматривается, как: «способность самостоятельно осуществлять функции государства в информационной сфере в целях соблюдения прав и свобод граждан, обеспечения национальной и коллективной безопасности» [7]. Логично, что в Стратегии информационный суверенитет рассматривается через призму государства и его конституционных основ.

В Доктрине информационной безопасности РФ термин «информационный суверенитет» не используется, его заменяет «суверенитет РФ в информационном пространстве». При этом в указанном документе прослеживается доминирование международно-правового подхода. Так одной их задач в обеспечении информационной безопасности в области стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства является «защита суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве посредством осуществления самостоятельной и независимой политики, направленной на реализацию национальных интересов в информационной сфере» [8].

В практическом плане информационный суверенитет реализуется через:

локализацию данных на территории РФ, которая предусмотрена Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [9];

защиту критической информационной инфраструктуры посредством установления режима безопасности для значимых объектов, включая государственные информационные системы и инфраструктуру операторов связи [10], что закреплено Федеральным законом от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры РФ»;

управление национальной доменной зоной и маршрутизацией, посредством создания технических и правовых механизмов обеспечению устойчивого, безопасного и целостного функционирования на территории РФ информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», что закреплено изменениями и дополнениями внесенными Федеральным законом от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [11].

Таким образом, в российской правовой си-

стеме «информационный суверенитет» проявляется как совокупность правовых режимов, обеспечивающих юрисдикцию государства над объектами критической значимости и контроль за трансграничными информационными потоками, затрагивающими интересы безопасности и прав граждан.

Политико-правовой подход к пониманию информационного суверенитет использовал Президент Белоруссии А. Лукашенко в ходе совещания с руководителями ведущих государственных СМИ, определив его, как: «право проводить собственную информационную политику, формировать национальную информационную инфраструктуру, обеспечивать информационную безопасность» [12].

С.В. Нарутто, С.Ю. Колмаков и И.М. Япрынцев в результате проведения теоретического и правового анализа пришли к выводу о фрагментарности нормативного регулирования информационного суверенитета, которое предопределено: «отсутствием системности в осмыслении данной категории на научно-доктринальном уровне», что подвергает сомнению о сформированных конституционно-правовых основах обеспечения информационного суверенитета в РФ [13]. Таким образом, авторы подчеркивают взаимосвязь содержательной и правовой концепции в обеспечении информационного суверенитета.

Приведенные определения показывают не только отсутствие концептуального единства в понимании информационного суверенитета, но и демонстрируют размытость границ элементного наполнения, а также отсутствия единообразного понимания перечня участников его обеспечения и своего рода «выгодоприобретателей» от такого обеспечения.

В зарубежной литературе единства также не наблюдается. W. Gong отмечает усиление научного интереса к анализируемой области и использования различных терминов. Для определения информационного суверенитета автор его рассматривает как производное от государственного суверенитета и, соответственно, базируется на двух значениях суверенитета: внутреннего, базирующегося на праве государства выбирать виды, типы, наполнение «собственной политической, экономической и социальной систем»; внешнего, предполагающего «полную независимость и свободу от любого внешнего контроля». В соответствии со значениями понятия W. Gong сформулировал два определения информационного суверенитета: «… это та часть государственного суверенитета, которая связана с информацией, … информационный суверенитет должен быть высшей властью в формировании информационной политики и полномочием поддерживать информационный порядок внутри государства» [14] и «… информационный суверенитет означает полное юридическое равенство с другими государствами и свободу от любого внешнего контроля в отношении независимых прав на производство и использование информации» [14]. То есть внутреннее наполнение информационного суверенитета сводится к формированию и реализации государственной информационной политики и поддержанию порядка в информационной сфере, а внешнее предполагает юридическое закрепление свободы от внешнего контроля при производстве и использовании информации [14].

Проведенный теоретический анализ позволяет выделить пять основных подходов к интерпретации исследуемого понятия:

технократический подход, в рамках которого акцентирует сделан на государственном контроле над программным обеспечением и физической инфраструктурой (серверами, центрами обработки данных, магистральными каналами связи и национальными операторами и др.) (А. Ю. Мохов, А. А. Преснякова, Е. Г. Зорина в части технического аспекта);

политико-правовой подход – подразумевает понимание через верховенство государственной власти и национальных интересов при формировании и реализации информационной политики (М. М. Кучерявый, А. Г. Лукашенко, Н. В. Василенко, W. Gong в части внутреннего аспекта);

юридический подход – рассматривает сквозь призму исключительной юрисдикции государства, распространяющейся на персональные данные граждан и деятельность ИТ-субъектов в национальном цифровом пространстве (Стратегия СНГ в части конституционных основ);

социокультурный подход направлен на защиту ментального и идеологического пространства, включая сохранение культурных ценностей и противодействие деструктивному информационно-психологическому воздействию (дезинформации) (Д. С. Артамонов, Е. И. Соболев, Е. Г. Зорина в части идеологии);

международно-правовой подход направлен на закрепление юридического равенства каждого государства в производстве и использовании информации, а также предполагает наличие реальной свободы без внешнего вмешательства (W. Gong в части внешнего аспекта, Доктрина информационной безопасности РФ).

Базируясь на результатах анализа подходов, нами сформулировано авторское определение, которое, по нашему мнению, объединяет инфраструктурный, правовой и ценностный аспекты в единую систему, при этом учитывает права

граждан и не нарушает международный баланс.

Под информационным суверенитетом государства рассматриваем элемент (вид) государственного суверенитета, выражающийся в верховенстве и независимости государственной власти при формировании и реализации информационной политики, выступающим базовым условием обеспечения информационной безопасности государства. В правовом и функциональном аспектах он реализуется через установление исключительной юрисдикции в отношении национальной цифровой инфраструктуры, нормативное регулирование деятельности IT-субъектов и защиту медиакоммуникационного пространства от деструктивного внешнего воздействия в рамках конституционно установленных балансов прав граждан и интересов национальной безопасности.

Заключение. Таким образом, проведённый анализ показал отсутствие концептуального единства в трактовке информационного суверенитета: в научных работах и документах акцент делается на разных аспектах: от контроля над цифровой инфраструктурой до защиты ментального и идеологического пространства. Это приводит к размытости границ категории и неопределённости круга субъектов, участвующих в её обеспечении. Систематизация позиций позволила выделить пять ключевых подходов к интерпретации информационного суверенитета: технократический, политико-правовой, юридический, социокультурный и международно-правовой. Авторское определение объединяет инфраструктурный, правовой и ценностный компоненты, одновременно учитывая необходимость соблюдения конституционных прав граждан и поддержания международного баланса. Установлено, что информационный суверенитет является одновременно частью государственного суверенитета и элементом системы информационной безопасности, а его обеспечение требует комплексного подхода, сочетающего развитие технологической базы, совершенствование правового регулирования и защиту национального медиакоммуникационного пространства, что предопределяет пересечение информационного суверенитета с другими элементами (видами) государственного суверенитета и национальной безопасности.

Список литературы:

[1] Кучерявый М. М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // Управленческое консультирование. – 2014. – №. 9 (69). – С. 7-14.

[2] Зорина Е. Г. Информационный суверенитет современного государства и основные инструменты его обеспечения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2017. – Т. 17. – №. 3. – С. 345-348.

[3] Мохов А. Ю., Преснякова А. А. Информационная безопасность и информационный суверенитет Российской Федерации: правовые основы // Право и государство: теория и практика. – 2020. – №. 4 (184). – С. 76-78.

[4] Грибин Н. П. и др. Информационный суверенитет: материалы научной дискуссии // Россия и мир: научный диалог. – 2022. – №. 2. – С. 100-131.

[5] Артамонов, Д. С. Информационный суверенитет: теоретический аспект / Д. С. Артамонов // Международный и национальный механизмы обеспечения суверенитета : Материалы VIII Международного Конституционного Форума, посвященного 80-летию Саратовской области, Саратов, 16 декабря 2016 года. Том Часть I. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2017. – С. 16-20. – EDN ZAWIMR.

[6] Василенко, Н. В. Информационный суверенитет как институциональное ограничение цифровой трансформации / Н. В. Василенко // Цифровая трансформация экономических систем: теория и практика : монография. – Санкт-Петербург : Политех-Пресс, 2022. – С. 9-33. – DOI 10.18720/IEP/2022.6/1. – EDN YGBXCU.

[7] Решение Совета глав правительств СНГ "О Стратегии обеспечения информационной безопасности государств - участников Содружества Независимых Государств" (Принято в г. Москве 25.10.2019). URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=65191#awAtrOVoIK5e5pc11 (дата обращения: 08.07.2026).

[8] Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460 (дата обращения: 08.07.2026).

[9] Федеральный закон от 27.07.2006 # 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных»./ [Электронный ресурс]. URL:https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=499769&dst=100001%2C-1&date=11.07.2026&demo=2 (дата обращения: 10.07.2026).

[10] Федеральный закон от 26.07.2017 N 187-ФЗ (ред. от 07.04.2025) "О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=502634&dst=100001%2C-1&date=10.07.2026&demo=2/(дата обращения: 10.07.2026).

[11] Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон

"Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]. URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=323815&dst=100008&date=08.07.2026&demo=2 (дата обращения: 08.07.2026).

[12] Об информационном суверенитете, вызовах и честном разговоре с людьми – Лукашенко высказался о работе госСМИ. [Электронный ресурс]. URL: https://belta.by/president/view/lukashenko-vstretilsja-s-rukovodstvom-krupnejshih-gosudarstvennyh-smi-379176-2020/ (дата обращения: 08.07.2026).

[13] Нарутто С. В., Колмаков С. Ю., Япрынцев И. М. Информационный суверенитет: конституционно-правовые основы в условиях развития цифрового государства // Образование и право. – 2022. – №. 10. – С. 14-22.

[14] Gong W. Information sovereignty reviewed // Intercultural Communication Studies. – 2005. – Т. 14. – №. 1. – С. 119.

References:

[1] Kucheryavy M. M. State policy of information sovereignty of Russia in the context of the modern global world // Management consulting. – 2014. – №. 9 (69). - S. 7-14.

[2] Zorina E. G. Information sovereignty of the modern state and the main tools to ensure it // Izvestia Saratov University. New series. Sociology series. Political science. – 2017. - VOL. 17. – №. 3. - S. 345-348.

[3] Mokhov A. Yu., Presnyakova A. A. Information security and information sovereignty of the Russian Federation: legal foundations // Law and state: theory and practice. – 2020. – №. 4 (184). - S. 76-78.

[4] N.P. Gribin et al. Information sovereignty: materials of scientific discussion // Russia and the world: scientific dialogue. – 2022. – №. 2. - S. 100-131.

[5] Artamonov, D. S. Information sovereignty: theoretical aspect/D. S. Artamonov // International and national mechanisms for ensuring sovereignty: Materials of the VIII International Constitutional Forum dedicated to the 80th anniversary of the Saratov region, Saratov, December 16, 2016. Volume Part I. - Saratov: Saratov Source Publishing House, 2017. - S. 16-20. – EDN ZAWIMR.

[6] Vasilenko, N.V. Information sovereignty as an institutional limitation of digital transformation/ N.V. Vasilenko // Digital transformation of economic systems: theory and practice: monograph. - St. Petersburg: Polytech-Press, 2022. - S. 9-33. – DOI 10.18720/IEP/2022.6/1. – EDN YGBXCU.

[7] Decision of the CIS Council of Heads of Government "On the Strategy for Ensuring Information Security of the Member States of the Commonwealth of Independent States" (Adopted in Moscow 25.10.2019). URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=65191#awAtrOVoIK5e5pc11 (дата обращения: 08.07.2026).

[8] Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016 No. 646 "On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation." [Electronic resource]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460 (access date: 08.07.2026).

[9] Federal Law of 27.07.2006 # 152-FZ (as amended by 24.06.2025) "On Personal Data. "/[Electronic Resource]. URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=499769&dst=100001%2C-1&date=11.07.2026&demo=2 (access date: 10.07.2026).

[10] Federal Law of 26.07.2017 N 187-FZ (as amended by 07.04.2025) "On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation." [Electronic resource]. URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=502634&dst=100001%2C-1&date=10.07.2026&demo=2/ (access date: 10.07.2026).

[11] Federal Law of 01.05.2019 No. 90-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Communications" and the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" [Electronic Resource]. URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=323815&dst=100008&date=08.07.2026&demo=2 (access date: 08.07.2026).

[12] On information sovereignty, challenges and honest conversation with people - Lukashenka spoke about the work of the state media. [Electronic resource]. URL: https://belta.by/president/view/lukashenko-vstretilsja-s-rukovodstvom-krupnejshih-gosudarstvennyh-smi-379176-2020/ (дата обращения: 08.07.2026).

[13] Narutto S.V., Kolmakov S. Yu., Yapryntsev I.M. Information sovereignty: constitutional and legal foundations in the development of the digital state // Education and law. – 2022. – №. 10. - S. 14-22.

[14] Gong W. Information sovereignty reviewed // Intercultural Communication Studies. – 2005. - T. 14. – №. 1. - S. 119.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 11.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-23-30

АКАПЬЕВ Виктор Львович,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина,
e-mail: akapevvl@yandex.ru

НОВИКОВА Екатерина Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина,
e-mail: tomchik1980@mail.ru

НОВИКОВА Яна Олеговна,
курсант 4 «С»-1 курса 3205 взвода института-факультета подготовки сотрудников для органов предварительного расследования Московского ордена почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
e-mail: annanovikovaol3004@gmail.com

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ, ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. *В условиях цифровой трансформации всех сфер общественной жизни система правосудия не может оставаться в стороне, а по мере того как цифровые технологии все больше проникают в судебную практику они открывают не только новые возможности, но и создают отдельные проблемы. Актуальность исследования обусловлена частичной цифровизацией правосудия и постоянной необходимостью обновления данных об эффективности цифровых инструментов в сфере правосудия. В статье рассматриваются потенциальные преимущества и существенные проблемы, связанные с системами цифрового правосудия. В качестве преимуществ авторы выделяют: повышение эффективности и доступности, обеспечение прозрачности и открытости, повышение качества правосудия, укрепление доверия к судебной системе, ответ на вызовы современности и др. К проблемным аспектам цифровизации системы правосудия отнесены: технические и инфраструктурные, правовые и процессуальные проблемы, этические и социальные, экономические и организационные проблемы, угрозы кибербезопасности и др.*

Авторами сформулирован вывод о том, что внедрение цифровых технологий в правосудие - это многоэтапный процесс, цель которого – не заменить судью искусственным интеллектом, а создать эффективную экосистему, где технологии обеспечивают задачи справедливого правосудия.

Ключевые слова: *судебная система, цифровизация, человеческий фактор, правовые проблемы, перспективы, правосудие, кибербезопасность.*

AKAPEV Viktor Lvovich,
Candidate of Pedagogical Sciences Associate Professor of the Department of Information and Computer Technologies in the Activities of Internal Affairs Bodies Belgorod Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin

NOVIKOVA Ekaterina Anatolyevna,
Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Belgorod Law Institute The Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin

NOVIKOVA Yana Olegovna,
Cadet of the 4th "C"-1 course of the 3205th platoon of the Institute-Faculty of Training Employees for the Preliminary Investigation Bodies of the Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya

DIGITALIZATION OF JUSTICE IN RUSSIA: STATE, PROSPECTS, PROBLEMS

Annotation. *In the context of the digital transformation of all areas of public life, the justice system cannot remain on the sidelines, and as digital technologies increasingly permeate the judicial system, they not only present new opportunities but also pose specific challenges. The relevance of this study lies in the partial digitalization of justice and the constant need to update data on the effectiveness of digital tools in the justice sector. This article explores the potential benefits and significant issues associated with digital justice systems.*

The authors highlight the following advantages: increased efficiency and accessibility, transparency and openness, improved quality of justice, increased trust in the judicial system, and response to modern challenges, among others. The authors also identify the following problematic aspects of digitalization in the justice system: technical and infrastructure issues, legal and procedural issues, ethical and social issues, economic and organizational issues, cybersecurity threats, and others.

The authors conclude that the introduction of digital technologies into the justice system is a multi-stage process that aims not to replace judges with artificial intelligence, but to create an effective ecosystem where technologies support the goals of fair justice.

Key words: *judicial system, digitalization, human factor, legal issues, cybersecurity.*

Социология права, которая рассматривает право, как социальное явление, формируемое культурными, экономическими и политическими факторами, имеет решающее значение для понимания того, как цифровые инструменты могут по-новому определить доступность и инклюзивность правовой системы. И наоборот, «правовой реализм» фокусируется на практических результатах юридических процессов, подчеркивая важность оценки реальной эффективности этих цифровых инструментов [1, с. 9].

Поскольку цифровые технологии всё больше проникают в системы правосудия по всему миру, соответственно, всё больше людей получают доступ к юридической информации в интернете, участвуют в виртуальных слушаниях и получают уведомления о делах в режиме реального времени на свои телефоны [2]. Поэтому с уверенностью можно утверждать, что внедрение таких цифровых технологий в правосудие, как электронное производство дел, цифровая регистрация, дистанционные слушания и онлайн-ресурсы юридической помощи, которые меняют работу судов и взаимодействие с гражданами, повышая качество судебных услуг, – это объективная мировая тенденция, обусловленная необходимостью соответствовать требованиям современного цифрового общества.

Повсеместная цифровизация, в том числе общественных отношений, накладывает свой отпечаток и на вопросы, затрагивающие государственное урегулирование, и на вопросы, связанные с отправлением правосудия, а также непосредственно на работу органов судебной власти [3, с.17].

Выделим некоторые ключевые аспекты этого процесса:

1. Повышение эффективности и доступности правосудия.

Внедрение информационных технологий (электронный документооборот, автоматизированное распределение дел, цифровые уведомления) обеспечивает сокращение сроков рассмотрения дел и ускорение судебных процессов [4, с. 74].

Цифровые технологии представляются идеальным инструментом для преодоления системных барьеров, применение которых обеспечивает

снижение организационной, финансовой, кадровой, информационной и аналитической нагрузок на сам судейский аппарат.

2. Обеспечение прозрачности и открытости.

Улучшенная система записи, оцифровки и расшифровки судебных заседаний способствует соблюдению законодательства и позволяет усилить общественный контроль. Каждый гражданин может отследить ход дела (кроме закрытых судебных разбирательств) и изучить тексты решений. Это мощный инструмент общественного контроля и формирования единообразной практики.

Цифровая фиксация всех действий, случайное распределение дел между судьями, автоматический контроль сроков минимизируют возможности для административного вмешательства и волокиты, а также коррупционной составляющей.

3. Повышение качества правосудия.

В практику судов по-настоящему включаются системы поддержки принятия решений (СППР) - компьютерные автоматизированные системы, предназначенные для помощи лицам, принимающим решения (ЛПР), в анализе предметной деятельности. Аналитические системы и системы проверки на противоречия способствуют анализу массивов данных и нормативных актов (не заменяя их решений), обеспечивать автоматическое отслеживание процессуальных сроков, и, как следствие, реализации права на суд в разумные сроки.

Цифровое управление делами помогает судам собирать значительные данные для обеспечения аргументированности принятия решений. Использование технологии больших данных позволяет формировать обоснованные управленческие решения и создавать высокоточные прогнозные модели, что способствует повышению эффективности управления и оптимизации функционирования судов [5, с.5].

Использование фактических данных для поддержки управленческих решений даёт руководству судов возможность оптимально распределять ресурсы и рабочую нагрузку. Это достигается за счёт оценки и контроля работы судей, выявления проблемных участков и определения направлений, где ресурсы требуются в первую очередь.

4. Укрепление доверия к судебной системе.

Благодаря внедрению «цифровых журналов» и средств фиксации действий сокращаются возможности для нарушений и повышается служебная дисциплина, что уменьшает риски принятия неверных и незаконных решений. Минимизация влияния человека на организационные вопросы укрепляет образ суда как объективного органа, отвечающего стандартам технологической нейтральности.

5. Ответ на вызовы современности.

Появляются многократно более широкие возможности для процессуально корректного обращения с цифровыми доказательствами – электронными документами, материалами из социальных сетей, криптографическими данными и т.д. В условиях увеличения числа киберпреступлений критически возрастает необходимость обеспечить надёжную защиту информации и судебных систем от кибератак. Использование систем электронного документооборота упрощает международное взаимодействие при трансграничных спорах и оказания правовой помощи в рамках СНГ, БРИКС и ШОС [6, с. 84].

Опыт цифровизации судебной системы в России является одним из наиболее продвинутых в мире по скорости внедрения и масштабам. Этот процесс, активно развивающийся с 2010-х годов, затронул почти все аспекты судопроизводства. Перечислим ключевые компоненты и результаты этого опыта:

система «Правосудие»: единая государственная автоматизированная система (ГАС «Правосудие» [15]) – это территориально распределенная автоматизированная информационная система, предназначенная для формирования единого информационного пространства судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, обеспечивающая информационную и технологическую поддержку судопроизводства на принципах поддержания требуемого баланса между потребностью граждан, общества и государства в свободном обмене информацией и необходимыми ограничениями на распространение информации [7, с.38]. Указанная система представляет собой технологический «хребет» цифровизации судебной системы Российской Федерации, который обеспечивает подачу исков, жалоб, ходатайств в суды общей юрисдикции и арбитражные суды через специальные личные кабинеты (для граждан, юристов, организаций), ведение всего документооборота в цифровой форме внутри суда (электронное делопроизводство), публикацию таких информационных сервисов, как судебные акты на порталах sudrf.ru (для судов общей юрисдикции) и kad.arbitr.ru (для арбитражных судов). Здесь же доступны тексты решений, календари заседаний, информация о движении дел;

система видеоконференц-связи (ВКС), которая активно используется для удаленного участия сторон, свидетелей, обвиняемых, содержащихся под стражей, осужденных, проведения судебных заседаний между разными регионами;

сервис «Электронный страж» позволяет получать судебные извещения и документы в элек-

тронном виде через личный кабинет, что заменило бумажные повестки.

ограниченное применение систем с элементами искусственного интеллекта (ИИ):

система анализа судебной практики «Правовой навигатор», которая помогает судьям изучать аналогичные решения;

система автоматической проверки документов на опечатки, ошибки в реквизитах, расчет госпошлины;

система «Цифровой помощник судьи» в арбитражных судах автоматизирует такие рутинные задачи, как подготовка проектов определений, извещений, контроль сроков [8, с.160].

Находят свое применение цифровые сервисы (в арбитражном производстве):

электронный кабинет арбитражного дела;

автоматическое возбуждение дел о банкротстве;

«Картотека арбитражных дел» – образцово прозрачный и удобный для юристов портал.

На этом информатизация судебной системы в России не останавливается и в стране продолжает активно развиваться цифровизация судов, в ходе реализации которой рассматривается возможность расширенного использования искусственного интеллекта для внедрения систем анализа доказательств (например, по делам о ДТП на основе данных камер видеонаблюдения), прогнозирования нагрузки.

Разрабатываются системы полного цикла «электронного дела», целью которых является формирование дела, которое с момента возбуждения и до исполнения решения существует только в цифровом виде. В рамках формирования федерального единого информационного пространства осуществляется интеграция ведомственных ГИС в единую госплатформу, в частности, интеграция с «Госуслугами», системами других ведомств. Предусмотрено развитие онлайн-примирительных процедур и медиации в цифровой среде [9].

Можно с уверенностью утверждать, что опыт России в цифровизации судебной системы уникален. Страна совершила технологический рывок за относительно короткий срок, создав одну из самых развитых цифровых судебных инфраструктур в мире. Основной успех заключается в массовой доступности и прозрачности [10, с.245].

При этом, несмотря на успехи, внедрение цифровых технологий в правосудие сталкивается с комплексом сложных проблем, которые можно разделить на несколько ключевых категорий:

1. Технические и инфраструктурные проблемы.

Разрозненные и устаревшие IT-системы различных судов, органов предварительного расследования и других инстанций часто не интегрируются между собой, создавая «цифровые разрывы». Технические сбои, зависание систем или отключение электричества могут прервать судебное заседание или заблокировать доступ к критически важным документам.

Судебные системы становятся целью для хакерских атак. Утечка конфиденциальных данных, фальсификация доказательств или технические перебои в организации работы судов представляют собой катастрофические риски.

Сохраняется проблема цифрового неравенства. Не у всех граждан, особенно в удаленных регионах или среди уязвимых групп населения (пожилые, малообеспеченные), есть необходимое оборудование, стабильный Интернет или цифровые навыки. Хотя для них и созданы центры оказания цифровой помощи, но полного охвата пока нет.

Учёт цифрового неравенства – понимаемого не только как доступ к цифровым технологиям, но и как доверие людей и их способность эффективно взаимодействовать с ними – является ключевым фактором для того, чтобы технологии не усугубляли неравенство в доступе к правосудию.

Возникает риск перерастания технических проблем в технократическую алгоритмическую догму «цифрового формализма», когда судебная система начинает работать слишком «жестко». Например, иск может быть автоматически оставлен без движения из-за малейшей технической неточности, даже если по существу все верно. При этом вытесняется «живой» человеческий фактор.

Ставя упор на техническом оснащении судов, забывают о проблеме информационной совместимости, так как не все государственные информационные системы (например, Росреестр, МВД, ФНС) идеально связаны с ГАС «Правосудие», что иногда вызывает временные задержки [11].

2. Правовые и процессуальные проблемы.

Сохраняются пробелы и противоречия в законодательстве, в частности, выражающиеся в том, что действующие процессуальные кодексы (УПК РФ [16], ГПК РФ [17], АПК РФ [18]) зачастую не учитывают цифровые процедуры. В этой связи возникают вопросы: равнозначна ли электронная подпись собственноручной? Как юридически квалифицировать сбой в трансляции?

Законодательство иногда не успевает за технологиями, возникают споры о процессуальной действительности тех или иных цифровых действий. Проблемой остается правовой статус цифровых доказательств (В ст. 59 КАС РФ таковые не названы), так как возникают сложности с обеспечением неизменности (целостности) циф-

ровой цепочки доказательств, верификацией их подлинности и допустимости. При рассмотрении трансграничных споров возникают конфликты юрисдикций, разные стандарты защиты данных и проблемы с электронным взаимодействием.

Применение системы веб-конференции, подразумевающей использование сети Интернет, вносит иные механизмы установления личности свидетеля и отобрания подписки, связанные уже с цифровизацией правосудия. В этом случае задействуются механизмы, предусмотренные

Федеральным законом от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [19].

Помимо этого, цифровизация судебной системы обнажает проблему нарушения конституционного права на тайну информации. Так, с принятием Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ» [20] у судов появилась обязанность предоставлять в общий доступ текст судебных актов путем его публикации. В статье 15 указанного Закона предусмотрен механизм защиты персональных данных участников процесса, а также государственной и иной охраняемой законом тайны путем сокрытия идентифицирующих признаков, таких как имена, фамилии, адреса и т.д. Необходимо отметить, что данная статья имеет в своей диспозиции ограниченный круг применения, а именно только для судов общей юрисдикции, в то же время при публикации абсолютно всех судебных актов арбитражных судов персональные данные не подлежат деанонимизации и становятся общедоступными [12, с.35].

Динамика цифровизации правосудия неизбежно приведет процессуальное законодательство к необходимости легализации предиктивного правосудия в той или иной форме. В основу таких нововведений должен быть положен глубокий теоретический анализ реализации принципов гражданского процесса в таком виде правосудия, который позволит предложить оптимальные формы сочетания искусственного интеллекта и интеллекта человека [3, с.27].

3. Человеческий фактор и культурное сопротивление.

В значительной степени проявляется консерватизм системы, так как правосудие – традиционно консервативная сфера. Часть судей, адвокатов и сотрудников аппарата с недоверием относятся к инновациям, опасаясь сложностей или потери контроля. Данный фактор усиливается на фоне отсутствия достаточно сформированности информационно-технологической компетентности и нехватки IT-специалистов.

Чрезмерная автоматизация может создать ощущение, что решение принимает «бездушная машина», что подрывает доверие к суду как к институту, основанному на справедливости и человеческом понимании, возрастает риск дегуманизации.

В условиях цифровизации судебной системы, активного развития системы электронного правосудия появилась возможность подачи документов в электронном виде, что не могло не отразиться на росте итоговой нагрузки на судей. Судейский корпус вынужден выполнять как дополнительные, так и прежние виды работ, но в значительно большем объеме. На сегодняшний день секретари и помощники судей осуществляют: сканирование документов, вызов участников процесса, ведение протокола судебного заседания, организацию и проведение видео-конференц-связи, отправку уведомлений, подшивку и подготовку судебного дела, передачу дел в архив, своевременное прикрепление электронных документов, подготовку проектов судебных актов и др. [13, с. 183].

4. Этические и социальные проблемы.

Использование систем искусственного интеллекта для помощи в принятии решений (например, оценка вероятности рецидива) может воспроизводить и усиливать существующие в данных социальные предубеждения (bias) (Bias - термин, который означает предвзятость, смещение или перекос, из-за которого результаты оказываются неточными или необъективными. Он может использоваться в различных контекстах: в статистике, в психологии и в искусственном интеллекте). Возникает явление «дискриминации алгоритмов», при котором автоматизированные системы (например, на базе искусственного интеллекта (ИИ)) допускают смещения в принятии решений, которые негативно сказываются на определённых группах людей без объективных оснований.

В то же время перед юридической наукой и практикой остаются открытыми многие вопросы правового, технического, этического характера по вопросам использования искусственного интеллекта в судебной системе.

5. Экономические и организационные проблемы.

Цифровизация судебной системы связана с высокими первоначальными затратами, так как разработка, внедрение и обслуживание безопасных и эффективных систем требуют значительных бюджетных ассигнований.

Обостряются организационные проблемы управления изменениями, связанные с необходи-

мостью одновременного изменения процессов, переобучения персонала и адаптации пользователей. Без грамотного управления такой проект обречен на провал и рискует трансформироваться в очередной вариант «цифрового фасада», когда внедрение технологий осуществляется формально, без изменения реальных процедур. Такое решение приводит лишь к дублированию работы в бумажном и электронном исполнении документов, что только ведет к увеличению нагрузки [14, с.113].

6. Угроза кибербезопасности.

Поскольку, как уже говорилось, криминогенная обстановка смещается в область киберпреступности, российские государственные, включая судебные, информационные системы постоянно находятся под прицелом хакерских атак. Следовательно, обеспечение защиты данных является критическим приоритетом в ходе цифровой трансформации отечественной судебной системы.

Эти проблемы носят системный характер, а значит, цифровая трансформация правосудия не может сводиться к механической закупке техники и программного обеспечения. Речь идёт о комплексной стратегии: инвестиции в инфраструктуру и кибербезопасность должны сочетаться с глубинным реформированием процессуальных норм, адаптацией законодательства к цифровым реалиям, серьёзной работой с кадрами (обучение судей и сотрудников, привлечение IT-специалистов), укреплением общественного доверия через прозрачность и этичное применение технологий, а также поэтапным внедрением с пилотированием и обязательным сбором обратной связи от всех участников судебных процессов.

Основной вызов современного этапа находится не в технологической, а в социально-правовой и культурной сферах: как обеспечить сохранение гуманистической природы правосудия, его гибкости и справедливости в условиях жёсткой регламентации цифровых процедур, как преодолеть цифровое неравенство и не допустить технократического формализма. Баланс между эффективностью машинных алгоритмов и мудростью человеческого правосудия остаётся ключевой проблемой для российской, как и для любой другой судебной системы, осуществляющей цифровую трансформацию.

Сохраняется гуманистическая сущность правосудия: технологии не заменяют судью, а служат инструментом освобождения его для главной задачи - анализа, оценки и принятия законных, обоснованных и мотивированных решений.

Список литературы:

[1] Шапсугов Д.Ю. Правовой реализм как осуществляющаяся нормативная коммуникация людей и разновидность юридического мышления. размышления о правовой реальности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 7-16.

[2] Five ways digital technologies are transforming courts and access to justice [Электронный ресурс]. - URL.: https://blogs.worldbank.org/en/governance/five-ways-digital-technologies-are-transforming-courts-and-acces (дата доступа 05.12.2025).

[3] Проблемы реализации принципов гражданского судопроизводства в правоприменительной деятельности: монография / Отв. ред. В.М. Жуйков, С.С. Завриев. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 416 с.

[4] Асадуллина А.А. Цифровизация уголовного правосудия как способ реализации принципа равенства всех перед законом и судом / Сборник трудов конференции «Перспективы цифровизации и технологические инновации: вызовы и возможности». - Издательство: ООО «Омега сайнс», 2025. – С. 72-75.

[5] Записная Т.В. Роль юридического прогнозирования в формировании концепции дальнейшего развития цивилистического процесса // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 5. С. 3-7.

[6] Зуев С.В. Электронное уголовное дело: теоретическая модель / С.В. Зуев, Н.А. Моругина // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 3 (57). С. 83-94.

[7] Паняева Д.А. Особенности цифровизации органов судебной власти в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 8. С. 36-39.

[8] Латыпов В.С. Вопросы интеграции технологии искусственного интеллекта в деятельность по оказанию содействия уголовному правосудию: тезисы // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: Материалы международной научно - практической конференции, Санкт - Петербург, 29 ноября 2024 года. Санкт - Петербург: Санкт - Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Санкт - Петербургский университет МВД РФ, 2024. - С. 158 - 162.

[9] Цифровизация правосудия и эффективность новых судов: итоги работы Совета судей [Электронный ресурс]. – URL.: Право.ру: сайт. https://pravo.ru/story/216641/?

ysclid=l153vwkrh1 (дата обращения: 12.12.2025).

[10] Приженникова А. Цифровизация правосудия: теоретические и практические аспекты // Образование и право. 2020. № 2. С. 240-250.

[11] Бурнов В. Цифровизация российской судебной системы в международном контексте [Электронный ресурс] // РАПСИ: сайт. URL: http: //rapsinews.ru/judicial_analyst/ (дата обращения: 12.01.2026).

[12] Кощеев Н.К. Соблюдение баланса публичных и частных интересов при цифровизации судебной системы // Юрист. 2025. № 4. С. 33-37.

[13] Шаманский Д.А. Проблемы эффективности организационно-распорядительных функций и полномочий судебной власти РФ // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 7 (176). С. 181-190.

[14] Рябчиков С.А. Электронный документооборот как центральное звено цифровой платформы уголовного судопроизводства // Технологии XXI века в юриспруденции: Материалы Шестой всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 24 мая 2024 года. Екатеринбург, 2024. С. 109 - 114.

[15] Постановление Совета судей Российской Федерации от 11 апреля 2002 г. № 75 «Об информатизации судов» // СПС «Гарант».

[16] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

[17] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

[18] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № № 95-ФЗ СЗ РФ. 2002. № 30 Ст. 3012.

[19] Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[20] Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ» // СПС «Гарант».

References:

[1] D.Yu. Shapsugov. Legal realism as a normative communication of people and a kind of legal thinking. reflections on legal reality // North Caucasian Legal Bulletin. 2023. № 2. S. 7-16.

[2] Five ways digital technologies are transforming courts and access to justice [Электронный ресурс]. - URL.: https://blogs.worldbank.org/en/governance/five-ways-digital-technologies-are-transforming-courts-and-acces (дата доступа 05.12.2025).

[3] Problems of implementing the principles of civil proceedings in law enforcement: monograph/ Rev. ed. V.M. Zhuikov, S.S. Zavriev. - M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norm: INFRA-M, 2024. - 416 s.

[4] Asadullina A.A. Digitalization of criminal justice as a way to implement the principle of equality of all before the law and the court/Collection of proceedings of the conference "Prospects for digitalization and technological innovation: challenges and opportunities." - Publishing house: Omega Sains LLC, 2025. - S. 72-75.

[5] Note by T.V. The role of legal forecasting in shaping the concept of further development of the civil process // Arbitration and civil process. 2025. № 5. S. 3-7.

[6] Zuev S.V. Electronic criminal case: theoretical model/S.V. Zuev, N.A. Morugina // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. T. 15, NO. 3 (57). S. 83-94.

[7] Panyaeva D.A. Features of digitalization of judicial authorities in Russia // State power and local self-government. 2025. № 8. S. 36-39.

[8] Latypov V.S. Issues of integration of artificial intelligence technology into activities to assist criminal justice: theses // Criminal proceedings of Russia and foreign countries: problems and development prospects: Materials of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, November 29, 2024. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. - S. 158-162.

[9] Digitalization of justice and the effectiveness of new courts: the results of the work of the Council of Judges [Electronic resource]. - URL.: Право.ру: site. https://pravo.ru/story/216641/ ?ysclid=l153vwkrh1 (accessed on: 12.12.2025).

[10] Prizhennikova A. Digitalization of justice: theoretical and practical aspects // Education and law. 2020. № 2. S. 240-250.

[11] Burnov V. Digitalization of the Russian judicial system in the international context [Electronic resource] // RAPSI: website. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/ (access date: 12.01.2026).

[12] Koshcheev N.K. Observance of the balance of public and private interests in the digitalization of the judicial system // Lawyer. 2025. № 4. S. 33-37.

[13] Shamansky D.A. Problems of the effectiveness of organizational and administrative functions and powers of the judicial power of the Russian Federation // Actual problems of Russian law. 2025. № 7 (176). S. 181-190.

[14] Ryabchikov S.A. Electronic document management as the central link of the digital platform of criminal proceedings // Technologies of the XXI century in jurisprudence: Materials of the Sixth All-Russian Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, May 24, 2024. Yekaterinburg, 2024. S. 109-114.

[15] Decree of the Council of Judges of the Russian Federation of April 11, 2002 No. 75 "On Informatization of Courts "// SPS" Garant.".

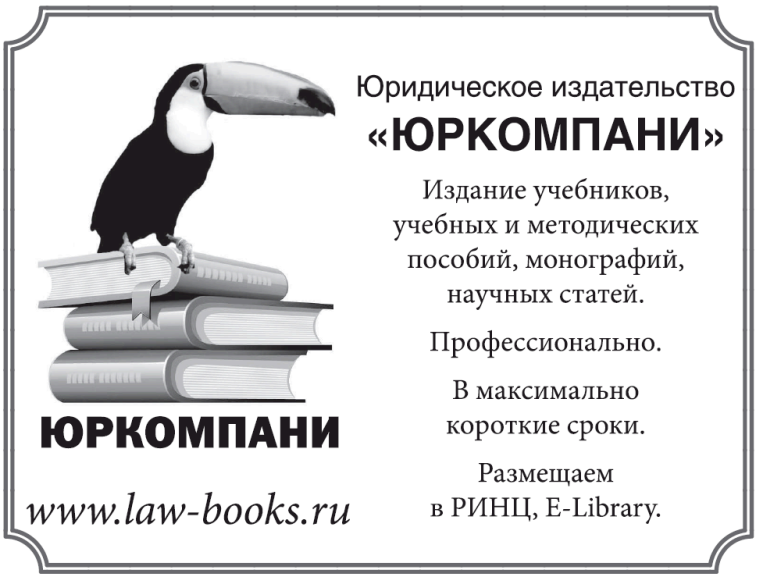
[16] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended by 10.06.2026) // SPS "ConsultantPlus.".

[17] Code of Civil Procedure of the Russian Federation dated 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended by 09.04.2026) // SPS ConsultantPlus.

[18] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated 24.07.2002 No. 95-FZ of the RF NW. 2002. No. 30 Art. 3012.

[19] Federal Law of 29.12.2022 No. 572-FZ "On the Identification and (or) Authentication of Individuals Using Biometric Personal Data, on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Invalidating Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation "// SPS" ConsultantPlus.".

[20] Federal Law of 22.12.2008 No. 262-FZ "On Ensuring Access to Information on the Activities of Courts in the Russian Federation "// SPS" Garant.".



Дата поступления рукописи в редакцию: 13.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-31-38

РАДАЕВА Светлана Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин СКФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева», ORCID ID: 0000-0002-1078-7690, e-mail: 1974403@mail.ru

КАРДАНОВА Ирина Викторовна,
ст.преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин СКФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева», ORCID ID: 0000-0002-1078-7690, e-mail: 19kiv64@gmail.com

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматривается феномен цифровизации правосудия сквозь призму теоретических конструкций судоустройства и процессуального права. Авторы ставят целью выявить доктринальные предпосылки трансформации судопроизводства под влиянием информационно-коммуникационных технологий, а также оценить состояние и тенденции развития нормативного регулирования в данной сфере. На основе анализа трудов отечественных правоведов, действующего законодательства, подзаконных актов, программных документов и проектов федеральных законов обосновывается, что цифровизация не сводится к техническому переоснащению судов, а представляет собой последовательное внедрение новых институтов, влияющих на фундаментальные принципы правосудия – доступность, гласность, состязательность и разумный срок судопроизводства. Отдельное внимание уделено высказываниям Президента Российской Федерации и Председателя Верховного Суда РФ, задающим вектор государственной политики в этой области. В заключении формулируются предложения по совершенствованию правовой базы, обеспечивающей баланс между технологической модернизацией и сохранением сущностных характеристик судебной защиты.*

Ключевые слова: *правосудие, цифровизация, электронное правосудие, информационные технологии, ГАС «Правосудие», видео-конференц-связь, суперсервис «Правосудие онлайн», принципы судопроизводства, судебная реформа, нормативное регулирование.*

RADAEVA Svetlana Vladimirovna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines SKF Lebedev Russian State University of Justice

KARDANOVA Irina Viktorovna,
Senior Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines SKF Lebedev Russian State University of Justice

THEORETICAL AND REGULATORY FOUNDATIONS OF THE DIGITALIZATION OF JUSTICE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines the phenomenon of digitalization of justice through the prism of theoretical constructions of the judicial system and procedural law. The authors aim to identify the doctrinal prerequisites for the transformation of legal proceedings under the influence of information and communication technologies, as well as to assess the state and trends in the development of regulatory regulation in this area. Based on the analysis of the works of Russian jurists, current legislation, by–laws, program documents and draft federal laws, it is proved that digitalization is not limited to the technical re-equipment of courts, but represents the consistent introduction*

of new institutions that affect the fundamental principles of justice - accessibility, transparency, competitiveness and a reasonable period of legal proceedings. Special attention is paid to the statements of the President of the Russian Federation and the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation, which set the vector of state policy in this area. In conclusion, proposals are formulated to improve the legal framework that ensures a balance between technological modernization and the preservation of the essential characteristics of judicial protection.

Key words: *justice, digitalization, electronic justice, information technologies, GAS "Justice", video conferencing, superservice "Justice Online", principles of judicial proceedings, judicial reform, regulatory regulation.*

Трансформация судебных систем под воздействием цифровых технологий – общемировая тенденция, которая в Российской Федерации приобрела характер одного из стратегических направлений развития государства. На совещании по вопросам совершенствования судебной системы Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул, что «Сегодня в сферу судопроизводства всё более активно внедряются информационные технологии, наши граждане широко используют электронные сервисы судебной системы, и сам судебный процесс нередко проходит в онлайн-режиме. Использование современных информационных технологий – важный шаг к повышению доступности и открытости правосудия» [10].

Эту линию последовательно развивает Председатель Верховного Суда РФ И.В. Краснов, указав в интервью, опубликованном в «Российской газете» и ТАСС: «Сегодня цифровизация затрагивает практически все стороны нашей жизни — это современный тренд, и сфера отправления правосудия должна соответствовать требованиям времени. <...> В дальнейшем необходимо развитие системы электронного правосудия, повышение качества взаимодействия судов с заявителями через цифровые форматы обратной связи, расширение соответствующих каналов. В современных условиях от уровня цифровизации судебной системы зависит ее надежность, удобство и эффективность» [11].

Несмотря на стремительное развитие технологической инфраструктуры судов, теоретические основы цифровизации правосудия остаются недостаточно разработанными, а действующее законодательство – фрагментарным, что порождает риски дисбаланса между техническими возможностями и гарантиями справедливого процесса. Настоящая статья посвящена комплексному анализу теоретических концепций, лежащих в основе внедрения информационно-коммуникационных технологий (далее ИКТ) в судопроизводство, а также систематизации и оценке нормативного материала, регулирующего указанные отношения.

Категория «электронное правосудие» вошла в отечественный научный оборот в конце 1990 х – начале 2000 х годов, однако до сих пор не получила легальной дефиниции. В доктрине представлены различные подходы: одни ученые рассматривают его как совокупность процессуальных и организационных отношений, возникающих в связи с использованием информационных технологий в деятельности судов [6, 98]; другие акцентируют внимание на том, что это не особый вид правосудия, а традиционное правосудие, осуществляемое с применением электронных средств [3]. На наш взгляд, интересна и убедительна позиция М.А. Рожковой, определяющей электронное правосудие как «институт судебной защиты, реализуемый посредством информационно-коммуникационных технологий, направленный на обеспечение доступности, оперативности и эффективности судопроизводства при сохранении всех процессуальных гарантий» [9, 89]. Подобный институциональный подход позволяет не противопоставлять «электронное» и «традиционное» правосудие, а рассматривать их в диалектическом единстве.

Цифровизация правосудия базируется на нескольких теоретических концепциях, которые связаны с модернизацией таких классических принципов судопроизводства, как доступность правосудия, гласность судебной деятельности, равенство и состязательность сторон, разумные сроки судопроизводства.

Принцип доступности правосудия, традиционно понимаемый как возможность беспрепятственного обращения в суд, в условиях цифровизации трансформируется в требование многоканальной подачи документов, дистанционного участия в заседаниях, возможности получения информации о движении дела в режиме реального времени. В.В. Ярков отмечает, что «технический прогресс выдвигает на первый план проблему «цифрового неравенства», при котором определенные группы граждан рискуют оказаться исключенными из системы судебной защиты по причине отсутствия технической возможности или навыков использования электронных сервисов» [12,147]. Таким образом, доступность правосудия перестает быть исключительно юридико-организационной категорией, приобретая социально-технологическое измерение.

Не менее существенное воздействие цифровизация оказывает на принцип гласности. Традиционная формула «открытость судебного разбирательства» дополняется возможностью онлайн-трансляций, публикацией судебных актов в сети Интернет, дистанционным ознакомлением с материалами дела. Как справедливо указывает И.Л. Петрухин, «электронная гласность расширяет границы судебной публичности, но одновременно ставит вопрос о пределах открытости, необходимости защиты персональных данных, государственной и коммерческой тайны» [7, 231]. Отсюда вытекает необходимость дифференцированного правового режима доступа к различным категориям судебной информации.

Равенство и состязательность сторон также претерпевает модификацию: подача документов в электронном виде, участие в заседаниях посредством видео-конференц-связи (ВКС) и веб-конференций изменяют пространственно-временные параметры взаимодействия сторон. Е.А. Борисова подчеркивает, что «дистанционное участие не должно создавать процессуальных преимуществ либо, напротив, ущемлять права лиц, присутствующих в зале суда физически. Цифровой инструментарий обязан обеспечивать равные возможности для всех участников процесса» [2, 63]. Это требует закрепления на нормативном уровне стандартов качества видео- и аудиосвязи, а также критериев допустимости дистанционного участия для отдельных категорий дел.

Принцип разумного срока судопроизводства в цифровой среде обретает новое звучание: автоматизация делопроизводства, электронный документооборот, извещение участников посредством СМС и электронной почты объективно сокращают временные издержки. В силу ч.7 ст. 113 ГПК РФ, ч.1.1 ст. 96 КАС РФ, абз. 5 ч.4 ст. 121 АПК РФ судебное извещение в электронном виде может быть направлено посредством единого портала государственных и муниципальных услуг либо системы электронного документооборота участника процесса с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия.

Однако, как показывают исследования М.И. Клеандрова, «ускорение процесса не должно превращаться в самоцель в ущерб качеству судебного разбирательства и полноте исследования доказательств» [5, 96].

Необходимо обратить внимание, что электронные технологии на современном этапе, включая технологии искусственного интеллекта (ТИИ) призваны оптимизировать рутинные процедуры, оставляя судье время для интеллектуального анализа материалов дела.

Учитывая изложенное, следует предположить, что теоретический фундамент цифровизации правосудия составляет концепция, согласно которой информационно-коммуникационные технологии выступают не внешним дополнением, а органичным элементом механизма судебной защиты, обеспечивающей эволюцию принципов судопроизводства при сохранении их сущностного содержания.

Правовая основа цифровизации правосудия в Российской Федерации представляет собой строгую систему нормативных правовых актов, включающую законодательные акты, подзаконное нормотворчество, акты высших судебных инстанций и программно-стратегические документы.

Базовые положения, создающие юридическую платформу для электронного взаимодействия в сфере правосудия, содержатся в ряде федеральных законов. Так, Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закрепляет принципы правового регулирования информационных отношений, определяет понятия «электронный документ», «информационная система», «электронное сообщение», «документированная информация», что является фундаментом для электронного документооборота в судах. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» раскрывает содержание понятия «электронная подпись», устанавливает правовые условия признания электронных документов равнозначными документам на бумажном носителе, подписанным собственноручной подписью, и регламентирует использование различных видов электронной подписи, в том числе при обращении в суд.

Процессуальное законодательство с 2010 х годов поэтапно интегрирует цифровые институты. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации первым воспринял новеллы: уже в 2010 году были введены нормы о подаче исковых заявлений в электронной форме (ст. 125), об извещении лиц, участвующих в деле, посредством размещения информации в сети Интернет (ст. 121), о выполнении судебных актов в форме электронного документа (ст. 169). Гражданский процессуальный кодекс и Кодекс административного судопроизводства долгое время отставали, однако Федеральным законом от 23.06.2016 № 220-ФЗ в ГПК внесены нормы об электронных документах и ВКС, а последующие изменения, инспирированные пандемией COVID-19, существенно расширили применение дистанционных технологий. Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ унифицировал подходы к использованию систем видео-конференц-связи и веб-конференций

в АПК, ГПК и КАС, закрепив возможность участия в заседании с использованием личных устройств при условии идентификации личности через Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА). Уголовно-процессуальный кодекс также учел веяния времени, появилась возможность использования средств ВКС для участия обвиняемого при разрешении судом ходатайства об изменении территориальной подсудности уголовного дела (ст. 35 УПК РФ), подозреваемого, задержанному в порядке ст. 91 и 92 УПК РФ, при невозможности его доставления в судебное заседание об избрании меры пресечения (ст. 108 УПК РФ); участия в судебном заседании подсудимого путем использования систем видео-конференц-связи (ст. 241.1 УПК РФ), осужденному в апелляционном и кассационном производстве (ст. 389.12 и ст. 401.13 УПК РФ), потерпевшие при разрешении вопросов о порядке исполнения приговора (ст. 399 УПК РФ) и т.д.

Приказами Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 25 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» и 15.01.2026 № 7 «О внесении изменений в Порядок подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа детально регламентируются технические требования к файлам, процедуру идентификации отправителя, основания для отклонения поступивших документов. Аналогичные порядки действуют в системе арбитражных судов (приказ Судебного департамента от 28.12.2016 № 252) и для кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции.

Особое значение имеют постановления Пленума Верховного Суда РФ, обеспечивающие единообразие судебной практики. В своем постановлении от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» Пленум Верховного Суда РФ разъяснил порядок подачи исков, направления судебных извещений, выполнения судебных актов в форме электронных документов, а также вопросы, связанные с допустимостью и достоверностью электронных доказательств. Благодаря этому акту удалось преодолеть многие пробелы и коллизии в правоприменении.

Стратегический вектор цифровизации задан Указом Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», где цифровая трансформация названа одной из национальных целей. В развитие указа принято постановление Правительства РФ от 10.10.2020 № 1646 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации государственного управления», а также ведомственные программы цифровой трансформации Судебного департамента. Ранее действовала Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы», утвержденная постановлением Правительства от 27.12.2012 № 1406, в рамках которой создана ГАС «Правосудие», модернизированы серверные мощности, организованы каналы защищенной связи.

В настоящее время в Государственной Думе находится на рассмотрении внесенный Правительством РФ проект федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации». Проект предусматривает в качестве объекта правового регулирования будущего закона - отношения, возникающие в связи с разработкой, внедрением, использованием и иным применением технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации. Его целью намечено создание правовых условий для ускоренного развития и внедрения технологий искусственного интеллекта, обеспечение безопасности личности, общества и государства, государственного технологического суверенитета при использовании технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации.

Профессиональная среда и общественность ожидают, что он станет актом, аккумулирующим нормативную базу цифровизации правосудия, будет преодолен этап фрагментарных поправок и она приобретет системный характер, хотя процесс ее гармонизации с фундаментальными процессуальными принципами далек от завершения.

Важным и трендовым средством во всех видах общественной и государственной деятельности являются технологии искусственного интеллекта (ТИИ). Председатель Верховного Суда РФ И.В. Краснов отметил: «Сегодня цифровизация затрагивает практически все стороны нашей жизни – это современный тренд, и сфера отправления правосудия должна соответствовать требованиям времени. Я уже дал поручение ускорить внедрение технологий искусственного интеллекта в судебную деятельность. Их следует использовать для эффективного анализа судебной практики, выявления в ней противоречий, недостатков правового регулирования. Хотя здесь важно отметить, что нейронные сети никогда не заменят судью, потому что решение, особенно касающееся людских судеб, всегда должно оставаться за человеком. Технологии призваны лишь помогать

оптимизировать рабочие процессы и повышать качество судопроизводства» [4].

В настоящее время ТИИ используется в различных направлениях организации судебной деятельности.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 мая 2026 года № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» предусматривается распределение дел путем использования автоматизированной информационной системы (п.16); проведение судебного заседания путем использования систем видеоконференцсвязи или участие в судебном заседании путем использования системы веб-конференции (статьи 155.1 и 155.2 ГПК РФ) (п.17).

Однако, стоит отметить, что анализ действующего законодательства, в особенности процессуальное на текущем этапе развития не имеет прямого упоминания «искусственного интеллекта» в кодексах. При этом нормативная база уже содержит положения, допускающие применение автоматизированных информационных систем, технических средств и электронных сервисов, которые по своей сути могут использовать технологии ИИ. Исключением является экспериментальное правовое регулирование (ЭПР), где ИИ в судебной деятельности назван прямо. Примером такого ЭПР является Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных». Статья 1 прямо определяет цель — внедрение технологий искусственного интеллекта; в статье 2 закрепляются легальные дефиниции ИИ и технологии ИИ; статья 5 допускает установление особенностей регулирования (включая отступления от процессуального законодательства) для участников ЭПР. На основании этого закона в Москве реализуется эксперимент по применению ИИ при рассмотрении бесспорных требований (судебные приказы). Модуль ИИ анализирует поступившие заявления, проверяет приложенные документы и автоматически формирует проект судебного приказа. Судья лишь утверждает его или отправляет на доработку. Прямые нормы в ГПК (гл. 11) и КАС (гл. 11.1) об этом отсутствуют, но ЭПР позволяет вводить такое регулирование без изменения кодексов.

Анализируя нормы процессуального законодательства, можно отметить, что современные редакции предусматривают возможности использования технологий ИИ на ключевых этапах судопроизводства.

Как уже отмечалось выше, закон предусматривает подачу документов в суд в электронной форме с использованием специализированных платформ. Внутри этих систем могут применяться элементы ИИ (проверка реквизитов, классификация исков, определение подсудности):

исковое заявление и прилагаемые документы могут быть поданы в суд в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью, либо простой электронной подписью (ГПК РФ, п. 1.1 ст. 3, ст. 131.1);

подача иска, апелляционной жалобы через систему «Мой арбитр» (АПК РФ, ч. 1 ст. 125, ч. 1 ст. 260);

административное исковое заявление может подаваться в электронной форме (КАС РФ, ч. 2 ст. 45, ч. 1.1 ст. 125);

Порядок подачи документов в федеральные суды общей юрисдикции в электронном виде утверждён Приказом Судебного департамента при ВС РФ от 27.12.2016 № 251 (регламентирует функционал ГАС «Правосудие», автоматическую фиксацию даты и времени поступления, проверку форматов).

Статьи 10 и 11 Федерального закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ» № 262-ФЗ обязывают суды размещать информацию в сети Интернет, что стимулирует развитие систем автоматической обработки входящих документов.

На наш взгляд наиболее урегулированной стадией судебной деятельности является распределение дел между судьями. В нормативных правовых актах автоматизированная информационная система прямо названа как инструмент формирования состава суда, что является чисто алгоритмической, потенциально ИИ-задачей:

в соответствии с ч. 3 ст. 18 АПК РФ состав суда … формируется с учётом специализации судей … с использованием автоматизированной информационной системы. Автоматизированная информационная система может осуществлять подбор кандидатур судей с учётом их специализации, загруженности и иных критериев;

в силу ч. 3 ст. 14 ГПК РФ формирование состава суда … осуществляется с использованием автоматизированной информационной системы;

согласно ч. 4 ст. 28 КАС РФ состав суда … формируется с использованием автоматизированной информационной системы;

на основании ч. 1 ст. 30 УПК РФ состав суда … формируется с учётом нагрузки и специализации судей … с использованием автоматизированной информационной системы.

В данном случае закон прямо санкционирует применение алгоритмов (включая машинное

обучение) для учёта загруженности, специализации и процессуального статуса судьи.

В рамках непосредственного судебного разбирательства технологии ИИ не называются, но широко применяются в сопутствующих инструментах: системы распознавания лиц, анализ поведения присяжных, использование экспертных систем.

в силу ст. 155.1, ст. 155.2 ГПК РФ участие в судебном заседании путём видеоконференцсвязи и веб-конференции (ИИ может использоваться для шумоподавления, распознавания речи, стенографии);

согласно ст. 153.1, ст. 154 АПК РФ (электронное дело) используется ВКС и исследование электронных доказательств;

ст. 278.1 УПК РФ предусматривает возможность допроса свидетеля путём ВКС.

В Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» № 73-ФЗ прямого упоминания ИИ нет, но эксперт вправе использовать любые научно обоснованные методики и технические средства (ст. 4, ст. 8). Это открывает путь программам на базе ИИ в качестве инструмента эксперта (например, фоноскопическая или лингвистическая экспертиза с применением нейросетей).

Все процессуальные кодексы разрешают использовать «технические средства» при изготовлении протокола. Это легальная основа для внедрения автоматической расшифровки аудиозаписи (speech-to-text) с помощью ИИ-модулей. Технология speech-to-text отвечает за перевод голоса в текст с помощью нейросети. В основе лежит многоуровневый процесс обработки и анализа аудио содержимого. Речь с помощью искусственного интеллекта преобразуется в буквы, слова, фразы и предложения, и на выходе получается текстовая версия аудио.

В настоящее время, на наш взгляд, необходимая технология должна быть на законодательном уровне закреплена в качестве использования в судебном разбирательстве, безусловно, созданы технические возможности для этого. Сейчас секретари судебного заседания тратят значительное количество времени для расшифровки аудопротоколов «вручную».

Так, например, в ст. 230 ГПК РФ предусматривается правило, согласно которому секретарем или помощником судьи обеспечивается в ходе судебного заседания использование средств аудиозаписи и (или) иных технических средств, составление протокола с использованием технических средств.

В соответствии со ст. 155 АПК РФ в ходе каждого судебного заседания арбитражного суда первой инстанции, а также при совершении отдельных процессуальных действий вне судебного заседания ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи и составляется протокол в письменной форме (далее также - протокол). Протокол может быть написан от руки или составлен с использованием технических средств.

Аналогичное правило содержится и в ст. 206 КАС РФ

Статья 259 УПК РФ также допускает применение технических средств при протоколировании.

Интерпретируя приведенные нормы, можно отметить, что именно фраза, содержащаяся в процессуальных актах «составление протокола с помощью технических средств» позволяет использовать системы ИИ-транскрибация.

Что касается стадии принятия решения, то действующее законодательство, в первую очередь Конституция РФ (ст. 118 Конституции РФ), ФКЗ «О судебной системе РФ» (ст. 1), процессуальные кодексы (ст. 13 ГПК, ст. 15 АПК, ст. 16 КАС, ст. 8 УПК) не допускают вовлечение ИИ в процесс вынесения судебных постановлений. Этой линии следуют и положения рассматриваемых в настоящее время законопроектов Государственной Думой ФС РФ. Однако, как указывалось выше, существует экспериментальный правовой режим (ЭПР), нацеленный на использование ИИ только при подготовке бесспорного решения – судебного приказа, т.е. в рамках приказного производства, где основной задачей ИИ становится проверка наличия документов, подтверждающих бесспорное требование заявителя и обязанность должника его исполнить.

Одним из важных правомочий, составляющих конституционное право на судебную защиту, является исполнение судебного решения. Соответственно, очень важным является для достижения итогового результата – защиты прав и свобод человека и гражданина реальное его исполнение. И здесь таким эффективным средством становятся технологии ИИ.

Законодательство об исполнительном производстве ориентировано на электронное межведомственное взаимодействие и автоматизацию, где ИИ может применяться для маршрутизации постановлений, выявления счетов и прогнозирования взыскания.

Федеральный закон «Об исполнительном производстве» № 229-ФЗ обязывает Федеральную службу судебных приставов создавать и вести государственные информационные системы (включая банк данных исполнительных производств) (ст. 6.1); в статьях 12 и 30 допускается возможность направления исполнительного документа в форме электронного доку-

мента, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью (судебный приказ, исполнительный лист); распределение взысканных средств могут быть автоматизированы ИИ-алгоритмами (ст. 33, ст. 34.)

Постановлением Правительства РФ от 27.04.2022 № 754 утверждено положение о ФГИС «Единая цифровая платформа принудительного исполнения», которая предусматривает интеллектуальный анализ данных для подбора оптимальных мер принудительного исполнения и автоматическое принятие отдельных процессуальных решений (например, списание средств со счётов должника при цифровом взаимодействии с банками).

Учитывая изложенное, мы можем сделать вывод, что на сегодняшний день в процессуальном законодательстве не закрепляется дефиниции «искусственного интеллекта» и «технологии искусственного интеллекта». При этом правовое регулирование осуществляется бланкетными нормами об автоматизированных информационных системах (распределение дел) и технических средствах (протокол, ВКС).

Исключение составляет ЭПР в Москве (Закон № 123-ФЗ), где ИИ официально допущен к формированию проектов судебных приказов по бесспорным требованиям.

В сфере исполнения решений ИИ-инструменты применяются на базе норм о цифровых платформах и банках данных.

Полноценное сквозное регулирование «от подачи до исполнения» на уровне кодексов отсутствует, однако запланировано в рамках федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» и концепции «Цифровое правосудие».

Таким образом, стоит отметить, что современный этап цифровизации характеризуется переходом от отдельных электронных сервисов к экосистемному подходу, что нашло отражение в концепции суперсервиса «Правосудие онлайн». Эксперты Высшей школы экономики совместно с Судебным департаментом апробируют системы категоризации исков, автоматизированного распределения дел с учетом специализации судей, анализа судебной практики для выявления правовых позиций. Президент РФ на совещании по вопросам развития судебной системы подчеркнул: «Искусственный интеллект должен помогать судье, но окончательное решение всегда принимает человек». Эта установка закреплена в Резолюции Совета судей РФ «О цифровой трансформации судебной системы», где прямо указано, что технологии ИИ применяются исключительно для организационных и аналитических задач, не затрагивая существа правосудной деятельности.

Нельзя обойти вниманием дискуссию о дистанционном рассмотрении отдельных категорий дел без вызова сторон. Проект поправок в ГПК и КАС предлагает ввести упрощенное производство онлайн по бесспорным требованиям, где судья рассматривает материалы исключительно в электронной форме и выносит решение, подписанное усиленной квалифицированной электронной подписью. В научной литературе отмечается, что такая модель требует детальной проработки механизмов информирования сторон, обеспечения права на возражения и проверки достоверности представленных доказательств, иначе возникнут риски грубых судебных ошибок [8, 318]. Пока законодатель занимает осторожную позицию, но пилотные проекты уже показывают эффективность в спорах с малой суммой требований.

Отдельного упоминания заслуживает проблема судебных извещений. Федеральным законом от 30.12.2021 № 440-ФЗ закреплено, что согласие лица на получение извещений посредством электронной почты или через личный кабинет на портале Госуслуг дается один раз и действует для всех дел с его участием, что существенно экономит ресурсы. В планах – внедрение автоматизированной системы, которая через портал Госуслуг будет информировать гражданина о дате, времени и месте заседания и даже предоставлять возможность подтвердить явку или заявить ходатайство об онлайн-участии. Председатель Верховного Суда неоднократно обращал внимание на необходимость синхронизации этих сервисов с Единым порталом государственных услуг, чтобы «судебная повестка воспринималась как обычное госуслуга, удобная и понятная человеку».

Таким образом, проектные инициативы свидетельствуют о стратегической нацеленности на создание такой модели правосудия, где физическое присутствие в суде становится исключением, а цифровое взаимодействие – правилом, но при безусловном сохранении гарантий справедливого разбирательства.

Цифровое правосудие – не финал развития, а лишь инструмент, призванный укрепить веру общества в закон и суд. Право не должно плестись в хвосте у технологии, но и не обязано ставить ей заслоны; его задача – направить цифровую энергию в русло защиты прав и свобод человека. Именно эта задача должна решаться совместными усилиями ученых, судейского сообщества и законодателя.

Список литературы:

[1] Бегишев И. Р., Майоров А. В. «Цифровая трансформация уголовного судопроизводства: теоретические основы и проблемы правового ре-

гулирования» // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 1 (48). С. 67–72.

[2] Борисова Е.А. Дистанционное участие в судебных заседаниях: гарантии состязательности // Закон. 2021. № 3. С. 58–67.

[3] Захаров Г. Н. «Цифровизация судопроизводства: иллюзии и реальность» // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2025. № 2 (82). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://journal.tversu.ru/index.php/law/article/view/4229 (дата обращения 30.05.2026).

[4] Интервью Председателя Верховного Суда РФ Игоря Краснова «Российской газете» и информационному агентству ТАСС — Верховный Суд Российской Федерации – URL: https://www.vsrf.ru/press_center/news/34833/ (дата обращения 30.05.2026).

[5] Клеандров М.И. Правосудие и электронные технологии: пределы допустимости // Государство и право. 2019. № 8. С. 92–103.

[6] Малыхина Т. А. «Правовое обеспечение цифрового правосудия в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития» // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1. С. 93–102.

[7] Петрухин И.Л. Судебная власть: контроль за расследованием преступлений. М.: Проспект, 2017. 456 с.

[8] Решетняк В.И., Брановицкий К.Л. Электронное правосудие в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и практические проблемы. М.: Статут, 2020. 416 с.

[9] Рожкова М.А. Информационные технологии в судопроизводстве: институциональный подход // Вестник гражданского процесса. 2021. № 4. С. 85–104.

[10] Совещание судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов.ПрезидентРоссии – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76296 (дата обращения 30.05.2026).

[11] Цифровизация судебной системы повышает ее надежность и эффективность — Краснов | Российское агентство правовой и судебной информации – РАПСИ – URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20251105/311308058.html (дата обращения 30.05.2026).

[12] Ярков В.В. Справедливость, право, цифра: очерки современного процесса. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 352 с.

References:

[1] Begishev I.R., Mayorov A.V. "Digital transformation of criminal proceedings: theoretical foundations and problems of legal regulation "// Law and order: history, theory, practice. 2026. № 1 (48). S. 67-72.

[2] E.A. Borisova. Remote participation in court hearings: guarantees of competition // Law. 2021. № 3. S. 58-67.

[3] Zakharov G. N. "Digitalization of legal proceedings: illusions and reality "// Bulletin of Tver State University. "Right" series. 2025. № 2 (82). [Electronic resource]. - Access mode: https://journal.tversu.ru/index.php/law/article/view/4229 (access date 30.05.2026).

[4] Interview of the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation Igor Krasnov to Rossiyskaya Gazeta and the TASS news agency - the Supreme Court of the Russian Federation - URL: https://www.vsrf.ru/press_center/news/34833/ (date of appeal 30.05.2026).

[5] Kleandrov M.I. Justice and electronic technologies: limits of admissibility // State and law. 2019. № 8. S. 92-103.

[6] Malykhina T. A. "Legal support of digital justice in the Russian Federation: problems and development prospects "// Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1. S. 93-102.

[7] Petrukhin I.L. Judicial power: control over the investigation of crimes. M.: Prospect, 2017. 456 pp.

[8] Reshetnyak V.I., Branovitsky K.L. Electronic justice in civil and arbitration proceedings: theoretical and practical problems. M.: Statute, 2020. 416 p.

[9] Rozhkova M.A. Information technologies in legal proceedings: institutional approach // Bulletin of the civil process. 2021. № 4. S. 85-104.

[10] Meeting of judges of courts of general jurisdiction, military and arbitration courts. President of Russia - URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76296 (date of appeal 30.05.2026).

[11] Digitalization of the judicial system increases its reliability and efficiency - Krasnov | Russian Agency for Legal and Judicial Information - RAPSI - URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20251105/311308058.html (date of appeal 30.05.2026).

[12] V.V. Yarkov. Justice, law, number: essays on the modern process. M.: Infotropic Media, 2022. 352 pp.

- НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-39-48
Дата принятия рукописи в печать: 04.08.2026 г.

РАДЫГИН Евгений Владимирович,
кандидат технических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия,
e-mail: radyginev@mail.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И КИТАЯ

Аннотация. *В статье проведен комплексный теоретико-правовой анализ понятия «информационный суверенитет» в контексте современной геополитической нестабильности и ускоренной цифровизации. Выявлены ключевые проблемы законодательного регулирования цифровых границ в Российской Федерации. На основе сравнительно-правового метода исследованы модели обеспечения информационного суверенитета Китая и России и предложены рекомендации по формированию оптимальной гибридной модели информационного суверенитета для России.*

Ключевые слова: *информационный суверенитет; Китайская Народная Республика, Российская Федерация, сравнительно-правовой анализ; критическая информационная инфраструктура; юридическая ответственность.*

RADYGIN Evgeny Vladimirovich,
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice

ENSURING INFORMATION SOVEREIGNTY: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF RUSSIA AND CHINA

Annotation. *The article provides a comprehensive theoretical and legal analysis of the concept of "information sovereignty" in the context of contemporary geopolitical instability and accelerated digitalization. The study identifies key challenges in the legislative regulation of digital borders in the Russian Federation. Utilizing a comparative legal method, the author examines the models for ensuring information sovereignty in China and Russia, and proposes recommendations for developing an optimal hybrid model of information sovereignty for the Russian Federation.*

Key words: *information sovereignty; People's Republic of China; Russian Federation; comparative legal analysis; critical information infrastructure; legal liability.*

Введение. В эпоху глобальной цифровизации информационный суверенитет стал базовым элементом государственного суверенитета и условием обеспечения национальной безопасности. Способность государства контролировать свое информационное пространство сегодня подвергается беспрецедентным вызовам. Эта проблема резко обострилась в условиях масштабного санкционного давления и проведения специальной военной операции (СВО). Эти факторы обнажили уязвимость информационного пространства и критической информационной инфраструктуры перед внешними воздействиями.

Среди источников угроз национальной безопасности в информационной сфере и вызовами для государственного суверенитета, ключевое значение имеют:

трансграничные корпорации, которые фактически монополизировали каналы распространения информации. Они самостоятельно опреде-

ляют правила модерации контента. Примером жесткой цензуры и ограничения распространения отечественного контента является политика видеохостинга YouTube (принадлежащего корпорации Google LLC) [1]. Аналогичную политику проводят и другие западные экосистемы. Так корпорация Meta Platforms Inc. (признана в РФ экстремистской организацией) ввела беспрецедентные послабления в правилах модерации своих соцсетей Facebook и Instagram [2]. А Twitter (современное название платформы «X») системно присваивал государственным российским аккаунтам и профилям журналистов ограничительные маркеры [3]. Одновременно сохраняя доступ российской аудитории к «информации экстремистского характера, детская порнография, суицидальный контент, информация о продаже и пропаганде наркотиков» [4].

Подобные скоординированные действия трансграничных корпораций доказывают, что архитектура рекомендательных алгоритмов и правил модерации западных ИТ-компаний используется не как нейтральный технологический инструмент, а как цифровое воздействие на российскую и международную аудиторию, формируя однобокую повестку и ограничивая право на доступ к альтернативной точке зрения. Это превращает регулирование деятельности таких корпораций в важнейшую задачу обеспечения суверенитета государства;

международные акторы – к ним относятся иностранные государственные институты и хакерские группировки используют цифровое пространство как инструмент ведения гибридной войны. Их деструктивное воздействие на информационное пространство РФ проявляется в двух направлениях:

кибератаки и цифровой саботаж. На протяжении 2022–2025 гг. в России ежегодно фиксируется от 31 до 38 тыс. подтвержденных сложных инцидентах ИБ. [5], [6],[7];

финансирование и разработка инструментов прорыва цифровых границ. Примером прямого вмешательства в информационный суверенитет РФ является деятельность американского правительственного «Фонда открытых технологий» [8];

внутренние социальные группы за счет целенаправленного информационно-психологического воздействия на отдельные группы российского общества через:

распространение фейков и манипуляций в отношении молодежи [9]. Более того, фиксируются опасные прецеденты институционального вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность, например, [10], [11];

воздействие на лидеров общественного мнения и представителей творческой интеллигенции посредством получения ими от международных акторов грантового и рекламного финансирования для формирования внутри страны пула лидеров мнений (реестр иностранных агентов [12]).

В этих реалиях возникает необходимость глубокого сравнительного анализа подходов к регулированию информационного пространства в России и за рубежом (на примере Китая), что определяет тему исследования, результаты которого представлены в настоящей статье.

Цель настоящей работы заключается в проведении комплексного сравнительно-правового анализа моделей законодательного регулирования информационного пространства в РФ и КНР для выявления институциональных уязвимостей отечественной правовой системы и выработки рекомендаций по формированию оптимальной гибридной модели обеспечения информационного суверенитета России.

Материалы и методы. Для достижения поставленной цели и обеспечения достоверности выводов использован репрезентативный массив нормативно-правовых, аналитических и эмпирических материалов. В процессе работы над статьей использовались общенаучные и специальные методы исследования, среди которых: сравнительно-правовой метод, системно-структурный анализ, дискурс-анализ, институциональный анализ.

Результаты и обсуждения. В мировой практике сформировались различные концептуальные подходы к делимитации и защите национального цифрового пространства.

Китайская модель регулирования характеризуется тотальным государственным контролем над потоками входящего и исходящего трафика. В КНР создана суверенная цифровая экосистема, состоящая из национальных аналогов глобальных платформ (Baidu, WeChat, Weibo). Ч. Шици провел ретроспективный анализ развития социальных медиа в Китае, в результате которого автор приходит к выводу: «китайская цифровая среда формирует не классическую публичную сферу, а ее гибридный аналог, который можно охарактеризовать как «управляемую», или «государственно-корпоративную» публичную сферу. Автономия от государства здесь является фикцией; платформы выступают в роли посредников, реализующих государственную политику в области информации» [13]. Ч. Шици выделил четыре концепции государственного контроля «Великий китайский файрвол», «Золотой щит» (микроуровень, «Гармонизация контента» (микроуровень), «Управление общественным мнением» [13].

Фундаментальным нормативным правовым

актом Китая, регулирующим цифровую среду, защиту данных и национальный суверенитет киберпространства (网络空间主权) является Закон КНР «О кибербезопасности» (中华人民共和国网络安全法), принятый в 2016 году и вступивший в силу 1 июня 2017 года [14]. Закон заложил основу для жесткого государственного контроля над ИТ-инфраструктурой. Поправки 2025 г. значительно ужесточили ответственность и расширили сферу действия этого закона на искусственный интеллект (ИИ), а также прямо закрепили норму о том, что обеспечение кибербезопасности осуществляется под строгим руководством Коммунистической партии Китая (КПК).

Закон определяет ключевые понятия:

сеть относится к системе, состоящей из компьютеров или других информационных терминалов и связанного с ними оборудования, которое собирает, хранит, передает, обменивается и обрабатывает информацию в соответствии с определенными правилами и процедурами;

кибербезопасность (сетевая безопасность) относится к способности предотвращать атаки, вторжение, помехи, разрушение и незаконное использование сети, а также несчастные случаи путем принятия необходимых мер для поддержания сети в стабильном и надежном рабочем состоянии и обеспечения целостности, конфиденциальности и доступности сетевых данных [14].

Главный постулат закона заключается в том, что юрисдикция Китая полностью распространяется на его цифровые границы. Государство имеет право регулировать, контролировать и блокировать любой контент или ИТ-процессы внутри страны. Закон официально включил генеративные модели и технологии ИИ в сферу регулирования информационной безопасности, требуя от разработчиков исключать генерацию деструктивного или подрывающего национальную безопасность контента. Примечательно, что российская генеративная модель Алиса AI на вопрос: «Крым чей?» отвечает «политически корректно»: «…Таким образом, вопрос о принадлежности Крыма остаётся спорным и зависит от политической позиции и точки зрения».

Возвращаясь к обзору Закон КНР, следует отметить, что нормами предусмотрена группировка субъектов ИТ-рынка с определением для каждой категории соответствующих обязанностей. Так, сетевые операторы (网络运营者) обязаны регистрироваться под реальными именами (实名制), провайдеры и платформы обязаны требовать от пользователей верификацию по паспорту или номеру телефона при регистрации. При этом анонимный доступ к созданию контента запрещен. Операторы должны сохранять системные логи сетевой активности не менее 6 месяцев и оказывать техническую помощь спецслужбам при расследовании преступлений.

Законом КНР в отдельном разделе главы 3 предусмотрены механизмы защиты ключевой информационной инфраструктуры. Персональные данные граждан КНР и важные государственные данные должны физически храниться на территории Китая. Вывод данных за рубеж требует строгой государственной проверки безопасности (Security Assessment). Любое телекоммуникационное и защитное оборудование перед закупкой для нужд критической информационной инфраструктуры должно проходить государственную сертификацию на отсутствие уязвимостей и «закладок».

Законом запрещен сбор персональных данных без явного информирования и согласия граждан. Сетевые операторы обязаны немедленно прекращать передачу незаконной информации, удалять её, сохранять записи о нарушениях и сообщать в контролирующие органы.

Глава VI «Юридическая ответственность» (法律责任) Закона КНР «О кибербезопасности» определяет систему наказаний за нарушения в сетевом пространстве. С учетом масштабного пакета поправок, вступивших в силу 1 января 2026 года, эта глава трансформировалась в один из самых жестких механизмов комплаенса в мире за счет кратного увеличения цены нарушений для бизнеса и введение сквозной персональной ответственности руководителей (таблица).

В РФ аналогичного по названию нормативного правового акта нет. Однако ряд аналогичных норм законодательно закреплены. Так, Федеральный закон № 187 «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [15] является аналогом китайской Главы 3. Он регулирует защиту стратегических сетей (транспорт, банки, энергетика), обязывает передавать данные об инцидентах в государственные органы и требует постепенного отказа от иностранного оборудования. Несмотря на то, что перечень сфер, объекты которых отнесены к критической инфраструктуре в законодательных актах практически одинаков, усматривается отличие в привязке данных таких объектов к угрозам национальной безопасности, экономике и национальным интересам. Таким образом, по нашему мнению, происходит гармонизация стратегических документов различного срока планирования и норм закона.

Статья 7 возлагает обязанность по определению категории значимости (всего их три – с первой по третьей) на самого субъекта критической инфраструктуры согласно Правил категорирования объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации [16].

Статья 31 Закона КНР устанавливает обязанность по такому определению за государственным органом, что сокращает возможность вариации при определении категорий, но вместе с тем сокращает объем работ государственного органа по группировки анализируемых объектов. Сопоставление требований по информированию и об атаках и инцидентах позволяет выявить различие в подходах. Если в РФ акцент сделан на реакцию на инциденты и информирование ФСБ РФ о таких инцидентах (ст. 9 ФЗ-187), то в Законе КНР (ст. 34) предусматривается обязанность операторов реализовывать превентивные меры защиты, такие как планирование реагирования и проведение учений.

В РФ и КНР предусмотрена централизованная система сбора и анализа информации об угрозах объектам критической инфраструктуры. Однако в РФ (ст. 5, 11) оператор является активным участником системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы РФ. В Законе КНР роль оператор ограничивается сбором и передачей информацией об обнаружении уязвимостей, но система управления представлена государственными органами (ст. 39).

Контроль в области безопасности объектов критической инфраструктуры в РФ организуется посредством плановых и внеплановых проверок Федеральной службы по техническому и экспортному контролю (статья 13 ФЗ-187). В КНР проверка безопасности находится в зоне ответственности операторов, которые должны проводить ежегодный внутренний аудит безопасности (ст. 34) и минимум один раз в год проводить комплексную оценку рисков безопасности сетей самостоятельно либо с привлечением сертифицированных агентств и отправлять отчеты властям (ст. 38).

В Российской Федерации ответственности и наказание за неисполнение требований закона норм определена отсылочной нормой на КоАП РФ и УК РФ (таблица).

Регулирование в сфере обеспечения информационного суверенитета включает Закон Китайской Народной Республики «О безопасности данных» (中华人民共和国数据安全法) (далее - DSL КНР) [17]. Если Закон КНР о кибербезопасности защищает инфраструктуру и сети, то этот закон защищает саму информацию как стратегический национальный ресурс. Закон юридически закрепляет, что любые данные, сгенерированные на территории Китая, подлежат суверенному контролю государства. Государство декларирует право регулировать их оборот, обогащение, хранение и уничтожение в целях национальной безопасности. Закон устанавливает классификацию данных и иерархическую систему защиты для классификации и защиты данных на основе важности данных для экономического и социального развития и степени ущерба, причиненного национальной безопасности, общественным интересам или законным правам и интересам отдельных лиц и организаций:

обычные данные, к ним относятся стандартная коммерческая и операционная информация;

важные данные (重要数据) – это сведения, утечка которых может навредить экономике или региональной безопасности.

ключевые государственные данные (核心数据) – затрагивающие национальную безопасность, жизненно важные интересы национальной экономики, важнейшие аспекты жизнеобеспечения населения, а также существенные общественные интересы. За нарушение правил работы данным и предусмотрены максимальные штрафы (до 10 млн юаней) и закрытие бизнеса [17].

В Российской Федерации категорированию подлежат не массивы данных как обособленный ресурс, а информационные системы, в которых они циркулируют. Законодательство закрепляет многоуровневую шкалу: в сфере государственных информационных систем (ГИС), требования к защите которых установлены ст. 16 ФЗ № 149-ФЗ [18] (включая нормы о переходе на единую платформу «ГосТех»), выделяются 1, 2 и 3 классы защищенности на основании нормативных актов ФСТЭК России (Приказ № 17) [19]. Для персональных данных предусмотрены четыре уровня защищенности – от УЗ-1 до УЗ-4 (в развитии ст. 19 ФЗ № 152-ФЗ [20] согласно Постановлению Правительства РФ № 1119 [21]). Критерием деления, как и в ст. 21 DSL КНР, выступает масштаб возможных негативных последствий для безопасности государства. Однако если китайский DSL категорирует саму информацию, российский законодатель в ст. 16 ФЗ № 149-ФЗ и актах регуляторов задействует инфраструктурный фильтр, классифицируя среду её обработки.

Следует отметить экстерриториальный суверенитет, предусмотренный Законом. Статья 2 прямо указывает: если организация или физическое лицо за пределами Китая осуществляет обработку данных, которая «наносит вред национальной безопасности или общественным интересам КНР», Китай имеет право привлечь их к юридической ответственности (включая экономические санкции и блокировки) [17]. Прямого аналога данной нормы в российском законодательстве нет, ч. 3 ст. 12 УК РФ, закрепляет реальный принцип экстерриториальности, так, иностранные граждане, совершившие киберпреступление вне пределов РФ (например, посягательство на российские государственные данные по ст. 272–274.1 УК РФ), подлежат ответственности, если

преступление направлено против интересов Российской Федерации.

Закон КНР «О защите персональной информации» (个人信息保护法) (далее - PIPL) [22], вступил в силу 1 ноября 2021 г. и является третьим «столпом законодательства Китая в области обеспечения информационного суверенитета. Аналогом PIPL является Федеральной закон РФ № 152-ФЗ «О персональных данных», анализ законодательных актов позволяет сделать вывод от высокой степени конвергенции правовых систем.

Законом исключен любой скрытый, принудительный или вводящий в заблуждение сбор данных. Прямым аналогом данной превентивной нормы в российском законодательстве выступает часть 1 статьи 9 ФЗ № 152-ФЗ, устанавливающая сквозной критерий юридической силы согласия на обработку данных. Согласно отечественной норме, такое согласие должно быть конкретным, предметным, информированным, сознательным и однозначным. Персональная информация должна удаляться или анонимизироваться сразу после достижения целей обработки. Прямым аналогом данного принципа в российском правовом поле выступает часть 7 статьи 5 ФЗ № 152-ФЗ, императивно требующая уничтожения обрабатываемых персональных данных либо их обезличивания по достижении целей обработки или в случае утраты необходимости в достижении этих целей.

Персональные данные разделена на обычные (имя, базовая контактная информация, пол, возраст) и чувствительные, данные, утечка которых может нанести вред человеческому достоинству, безопасности или имуществу. (биометрия – лицо и отпечатки, религиозные убеждения, медицинские карты, финансовые счета, трекинг геолокации в реальном времени, а также любые данные детей до 14 лет). Для обработки чувствительных данных компания обязана получить отдельное целенаправленное согласие пользователя. Пакетированные согласия («принимаю всё сразу») в КНР запрещены. В российском законодательстве аналогом данной дифференциации выступает разделение данных на общие, специальные (статья 10 ФЗ № 152-ФЗ) и биометрические (статья 11 ФЗ № 152-ФЗ). Правовой режим обработки специальных и биометрических данных в РФ полностью симметричен китайскому (ч. 4 ст. 9 ФЗ № 152-ФЗ) для них требуется исключительно письменное (или равнозначное ему электронное с усиленной подписью) целенаправленное согласие субъекта. Требование конкретности и предметности согласия в отечественном праве де-юре исключает легитимность «пакетированных» согласий, обязывая операторов предоставлять пользователю возможность выбора отдельных целей обработки, что демонстрирует концептуальное единство защитных механизмов РФ и КНР.

Ст. 24 запрещает платформам (такси, бронирование отелей, маркетплейсы) использовать автоматизированное профилирование для установления дискриминационных (более высоких) цен транзакций и других условий транзакций. Если реклама или контент формируются алгоритмом на базе персональных данных, пользователю обязаны предоставить кнопку «выключить персонализацию» или предложить альтернативный вариант, не привязанный к его цифровому профилю.

Закон имеет глобальный охват (ст. 3). Он применяется к иностранным компаниям за пределами Китая, если они предоставляют товары или услуги физлицам на территории КНР и / или анализируют и оценивают поведение граждан внутри Китая (например, через аналитические куки или трекеры приложений). Такие зарубежные компании обязаны учредить в Китае специальное юридическое лицо или назначить местного представителя, который будет нести административную ответственность перед Администрацией киберпространства Китая (CAC) и уголовную ответственность в рамках судебной системы КНР.

Оба акта выходят за рамки исключительно технического контроля, смещая фокус на защиту прав субъекта данных. Так, экстерриториальный контур статьи 3 PIPL концептуально совпадает с частью 1.1 статьи 1 ФЗ № 152-ФЗ, а обязанность открытия физических представительстве для зарубежных ИТ-платформ (статья 53 PIPL) в российском правовом поле дублируется, но в другом акте в Федеральном законе от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“ на территории Российской Федерации». Главное различие кроется в ответственности и механизме экономических санкций.

Следует отметить, что формирование регуляторного контура информационного суверенитета КНР продолжается. Как отмечает С. Бо в апреле 2026 года Администрацией киберпространства Китая (CAC) выпустила два противоположных по духу документа. Первый документ предлагает послабления для малого бизнеса, а второй запускает жесткие межведомственные проверки в шести ключевых индустриях (App/SDK, реклама, образование, транспорт, здравоохранение, финансы). Автор отмечает, что это не противоречие в политике, а переход китайского комплаенс-регулирования к модели многоуровневого управления [23].

Нами проведён анализ норм законодательства в области обеспечения информационного суверенитета в КНР и РФ, за нарушение которых предусматривается возникновение юридической ответственности в КНР и РФ (таблица).

Таблица - Сравнительный анализ юридической ответственности за нарушение норм

Нарушение	Санкции для юрлиц (КНР)	Персональные санкции для топ-менеджеров (КНР)	Аналогичные санкции и статьи в законодательстве РФ
1. Нарушение правил КИИ (закупки без проверки, трансграничный вывод данных)	Фиксированный штраф от 100 тыс. до 10 млн юаней; приостановка работы сайтов/ПО; отзыв лицензий	Личный штраф до 1 млн юаней; пожизненный запрет занимать руководящие должности в ИТ-секторе	Ст. 13.12.1 КоАП РФ – штраф до 50 тыс. руб. для физ. лиц, для юр. лиц от 50 тыс. до 100 тыс. руб.; за нарушение требований безопасности объектов КИИ (ч. 1) от 10 тыс. до 50 тыс. руб/ и от 100 тыс. до 500 тыс. руб. за нарушение порядка информирования об инцидентах соответственно
			Ст. 274.1 УК РФ. В случае наступления вредных последствий для должностного лица до 10 лет лишения свободы
2. Игнорирование анонимности (оказание услуг без проверки реального имени/паспорта)	Штраф от 50 тыс. до 500 тыс. юаней; приостановка операций; полное закрытие веб-ресурса.	Личный штраф от 10 тыс. до 100 тыс. юаней	Ст. 13.31 КоАП РФ. Административный штраф для юр. лиц от 800 тыс. до 1 млн. руб. (ч. 2) за неисполнение бланкетного требования ст. 10.1 ФЗ № 149-ФЗ об обязательной верификации пользователей (включая идентификацию по номеру телефона)
			Ст. 13.29 КоАП РФ. Штраф для операторов связи и дилеров за несоблюдение порядка верификации абонентов (включая продажи без паспорта и превышение лимитов на сим-карты) от 300 тыс. до 500 тыс. руб. (для юр. лиц), а при повторных грубых нарушениях или отсутствии данных в ЕСИА – от 1 млн до 2 млн руб.
3. Пропуск вредоносного контента (распространение запрещенной информации, деструктивного контента ИИ)	Крупные штрафы; конфискация незаконно полученного дохода; блокировка платформ	Личные штрафы; административный арест за содействие правонарушению	Ст. 13.41 КоАП РФ: Оборотные штрафы для владельцев сайта или информационного ресурса в сети "Интернет" в размере от 1/20 до 1/5 совокупного размера годовой вы-

			ручки (за повторное нарушение)
			Персональная ответственность высших должностных лиц в виде ареста предусмотрена в случае умышленного неисполнения судебного решения об удалении контента (ч. 2 ст. 315 УК РФ) , предусматривающую персональный арест до 6 месяцев или лишение свободы до 2 лет
4. Незаконный оборот данных и утечки (несоблюдение локализации, компрометация персональных данных)	Фиксированные штрафы до 10–50 млн юаней (по «О защите персональной информации» / «О безопасности данных») или оборотные до 5% от годовой выручки; ликвидация бизнеса	Личные штрафы до 1 млн юаней; уголовное преследование	Ст. 13.11 КоАП РФ (ч. 12–14). Первичные фиксированные штрафы за утечки персональных данных дифференцированы: от 3 до 5 млн руб. (за компрометацию данных от 1 тыс. до 10 тыс. субъектов) до 10–15 млн руб. (если затронуты более 100 тыс. субъектов или более 1 млн уникальных идентификаторов)
			При повторной утечке – оборотный штраф от 1% до 3% годовой выручки (но в границах от 20 млн. до 500 млн. руб.)

По нашему мнению, если китайский законодатель использует фиксированные штрафы до 10 млн юаней в качестве универсальной превентивной меры, то российский правовой подход к 2026 году пришел к гибридной схеме: сочетанию жестких фиксированных порогов (до 15–20 млн рублей за первичные инциденты с биометрией) и гигантских оборотных штрафов с нижним пределом в 20 млн и потолком в полмиллиарда рублей за повторные утечки.

Заключение. Проведенный анализ показывает высокую степень сближения норм законодательства РФ и КНР по государственному контролю цифрового пространства. Однако, выявленные различия позволяют применить успешный китайский опыт в российском законодательстве. В частности, дополнение Федерального закона № 149-ФЗ классификацией массивов данных (по аналогии с DSL КНР), позволит защищать стратегическую информацию независимо от того, в какой именно (государственной или частной) информационной системе она циркулирует. Также целесообразно закрепить в ФЗ № 149-ФЗ прямую норму об экстерриториальном действии российского информационного законодательства (по аналогии со ст. 2 DSL КНР) в отношении любых иностранных лиц, чьи действия по обработке данных наносят вред национальной безопасности или общественным интересам РФ. Дополнить КоАП РФ нормами о персональной ответственности топ-менеджмента ИТ-компаний персональными дисквалифицирующими санкциями, вплоть до пожизненного запрета на занятие руководящих должностей в ИТ-отрасли за грубые системные нарушения

Дополнить Федеральный закон № 187-ФЗ обязанностью субъектов критической инфраструктуры проводить ежегодный обязательный внутренний аудит и комплексную оценку рисков с предоставлением отчетов регуляторам (ФСТЭК, ФСБ), а также закрепить нормативную обязанность по регулярному проведению практических киберучений. Законодательно закрепить требования к разработчикам генеративного искусственного интеллекта и больших языковых моделей (LLM) по превентивному исключению гене-

рации контента, подрывающего конституционный строй и национальную безопасность РФ.

Список литературы:

[1] YouTube заблокировал уже более 80 российских каналов в этом году / Интерфакс : информационное агентство. – 2024. – 10 июля. – URL: https://www.interfax.ru/russia/970173 (дата обращения: 12.07.2026).

[2] Meta продлила разрешение на призывы к убийству российских военных до конца апреля / Коммерсантъ : газета. – 2022. – 11 апреля. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/5304694 (дата обращения: 12.07.2026).

[3] В России заблокировали Twitter / 74.ру : сетевое издание. – 2022. – 5 марта. – URL: https://74.ru/text/world/2022/03/05/70488602/ (дата обращения: 12.07.2026).

[4] Роскомнадзор просит Twitter разъяснить причины блокировки нескольких российских аккаунтов / Официальный сайт Роскомнадзора. – 2019. – 16 декабря. – URL: https://old.rkn.gov.ru/press/publications/news71076.htm (дата обращения: 12.07.2026).

[5] Кибератаки на российские компании в 2024 году / ГК «Солар» : Центр исследования киберугроз : официальный сайт. – 2025. – URL: https://rt-solar.ru/analytics/reports/5320/ (дата обращения: 12.07.2026).

[6] За два года доля атак с вредоносным ПО на российскую промышленность выросла с 56 % до 83 % / SecPost : сетевое издание в сфере ИБ. – 2026. – 19 мая. – URL: https://secpost.ru/za-dva-goda-dolya-atak-s-vredonosnym-po-na-rossijskuyu-promyshlennost-vyrosla-s-56-do-83 (дата обращения: 12.07.2026).

[7] Кибервойна России и Украины / TAdviser : государственно-коммерческий портал. – 2025. – 5 ноября. – URL: https://clck.ru/3UhkQF (дата обращения: 12.07.2026).

[8] Pearson, J. US calls on Big Tech to help evade online censors in Russia, Iran / J. Pearson // Reuters : global news agency. – 2024. – September 5. – URL: reuters.com (дата обращения: 12.07.2026).

[9] Лига безопасного интернета выявила более 13 млн фейков о России с начала СВО / ТАСС : информационное агентство. – 2024. – 25 января. – URL: tass.ru (дата обращения: 12.07.2026).

[10] В Первоуральске подростка обвинили в диверсии на железной дороге / РИА Новости : информационное агентство. – 2026. – 9 июля. – URL: https://ria.ru/20260709/sk-2103718528.html (дата обращения: 12.07.2026).

[11] Подростка, который поджёг подстанцию в Подмосковье, обвинили в теракте / РИА Новости : информационное агентство. – 2026. – 2 июля. – URL: ria.ru (дата обращения: 12.07.2026).

[12] Реестр иностранных агентов / Министерство юстиции Российской Федерации : официальный сайт. – 2026. – URL: minjust.gov.ru (дата обращения: 12.07.2026).

[13] Шици, Ч. История развития социальных медиа в Китае / Ч. Шици // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – № 6 (115). – С. 543–546.

[14] 中华人民共和国网络安全法 (Закон Китайской Народной Республики «О кибербезопасности») / Официальный сайт Управления киберпространства КНР (САС). – URL: https://www.cac.gov.cn/2025-12/29/c_1768735112911946.htm (дата обращения: 10.07.2026).

[15] Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ (ред. от 07.04.2025) «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». – URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=502634&dst=100001%2C-1&date=13.07.2026&demo=2 (дата обращения: 09.07.2026).

[16] Постановление Правительства РФ от 08.02.2018 № 127 (ред. от 07.11.2025) «Об утверждении Правил категорирования объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, а также перечня показателей критериев значимости объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и их значений». – URL: http://government.ru/docs/all/115353/2 (дата обращения: 10.07.2026).

[17] 中华人民共和国数据安全法 (Закон Китайской Народной Республики «О безопасности данных») / Официальный сайт Управления киберпространства КНР (САС). – URL: https://www.cac.gov.cn/2021-06/11/c_1624994566919140.htm (дата обращения: 09.07.2026).

[18] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 26.06.2026) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». – URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=538088&dst=100001%2C-1&date=12.07.2026&demo=2 (дата обращения: 12.07.2026).

[19] Федеральная служба по техническому и экспортному контролю. Приказ от 11.02.2013 № 17 «Об утверждении Требований о защите информации, не составляющей государственную тайну, содержащейся в государственных информационных системах» (ред. от 28.08.2024) / Официальный сайт ФСТЭК России. – URL: https://fstec.ru/dokumenty/vse-dokumenty/prikazy/prikaz-fstek-rossii-ot-11-fevralya-2013-g-n-17 (дата обращения: 12.07.2026).

[20] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ca9e5658710519f09ab2fdb8196fcb3eb024a051/ (дата обращения: 12.07.2026).

[21] Постановление Правительства РФ от 01.11.2012 № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137356/8c86cf6357879e861790a8a7ca8bea4227d56c72/#dst100025 (дата обращения: 12.07.2026).

[22] 个人信息保护法 (Закон Китайской Народной Республики «О защите персональной информации») / Официальный сайт Управления киберпространства КНР (CAC). – URL: https://www.cac.gov.cn/2021-08/20/c_1631050028355286.htm (дата обращения: 09.07.2026).

[23] Сунь, Бо. Натяжение и ослабление: регуляторная система защиты персональных данных в Китае вступает в эпоху многоуровневого управления = 张一弛：中国个人信息保护进入监管分层时代 / Сунь Бо. – Текст : электронный // 君合法律评论 : [официальный сайт юридической фирмы JunHe]. – 2026. – 10 апреля. – URL: junhe.com (дата обращения: 12.07.2026).

References:

[1] YouTube has already blocked more than 80 Russian channels this year/Interfax: News Agency. – 2024. - July 10. - URL: https://www.interfax.ru/russia/970173 (access date: 12.07.2026).

[2] Meta extended permission to call for the murder of the Russian military until the end of April/Kommersant: newspaper. – 2022. - April 11. - URL: https://www.kommersant.ru/doc/5304694 (access date: 12.07.2026).

[3] Twitter/ 74.py blocked in Russia: online edition. – 2022. - March 5. - URL: https://74.ru/text/world/2022/03/05/70488602/ (access date: 12.07.2026).

[4] Roskomnadzor asks Twitter to clarify the reasons for blocking several Russian accounts/ Official website of Roskomnadzor. – 2019. - December 16. - URL: https://old.rkn.gov.ru/press/publications/news71076.htm (access date: 12.07.2026).

[5] Cyberattacks on Russian companies in 2024/Solar Group of Companies: Cyber Threat Research Center: official website. – 2025. - URL: https://rt-solar.ru/analytics/reports/5320/ (access date: 12.07.2026).

[6] In two years, the share of malware attacks on the Russian industry has grown from 56% to 83 %/SecPost: online information security publication. – 2026. - May 19. – URL: https://secpost.ru/za-dva-goda-dolya-atak-s-vredonosnym-po-na-rossijskuyu-promyshlennost-vyrosla-s-56-do-83 (дата обращения: 12.07.2026).

[7] Cyberwar of Russia and Ukraine/TAdviser: public-commercial portal. – 2025. - November 5. - URL: https://clck.ru/3UhkQF (access date: 12.07.2026).

[8] Pearson, J. US calls on Big Tech to help evade online censors in Russia, Iran / J. Pearson // Reuters : global news agency. – 2024. – September 5. - URL: reuters.com (access date: 12.07.2026).

[9] The Safe Internet League has identified more than 13 million fakes about Russia since the beginning of the SVO/TASS: news agency. – 2024. - January 25. - URL: tass.ru (access date: 12.07.2026).

[10] In Pervouralsk, a teenager was accused of sabotage on the railway/RIA Novosti: news agency. – 2026. - July 9. - URL: https://ria.ru/20260709/sk-2103718528.html (access date: 12.07.2026).

[11] A teenager who set fire to a substation in the suburbs was accused of a terrorist attack/RIA Novosti: news agency. – 2026. - July 2. - URL: ria.ru (access date: 12.07.2026).

[12] Register of foreign agents/Ministry of Justice of the Russian Federation: official website. – 2026. - URL: minjust.gov.ru (access date: 12.07.2026).

[13] Shitsi, C. History of the development of social media in China/C. Shitsi // World of science, culture, education. – 2025. – № 6 (115). - S. 543-546.

[14] 中华人民共和国网络安全法 (Cybersecurity Law of the People's Republic of China)/Official Website of the Cyberspace Administration of the PRC (CAC). - URL: https://www.cac.gov.cn/2025-12/29/c_1768735112911946.htm (access date: 10.07.2026).

[15] Federal Law No. 26.07.2017 of 187-FZ (as amended by 07.04.2025) "On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation." - URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=502634&dst=100001%2C-1&date=13.07.2026&demo=2 (access date: 09.07.2026).

[16] Decree of the Government of the Russian Federation of 08.02.2018 No. 127 (as amended by 07.11.2025) "On Approval of the Rules for Categorizing Critical Information Infrastructure Facilities of the Russian Federation, as well as a List of Indicators of the Significance of Critical Information Infrastructure Facilities of the Russian Federation and Their Values." - URL: http://government.ru/docs/all/115353/2 (access date: 10.07.2026).

[17] 中华人民共和国数据安全法 (Data Security Law of the People's Republic of China)/Official website of the PRC Cyberspace Administration (CAC). - URL: https://www.cac.gov.cn/2021-06/11/c_1624994566919140.htm (access date: 09.07.2026).

[18] Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 (as amended by 26.06.2026) "On Information, Information Technologies and Information Protection." - URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=538088&dst=100001%

2C-1&date=12.07.2026&demo=2 (access date: 12.07.2026).

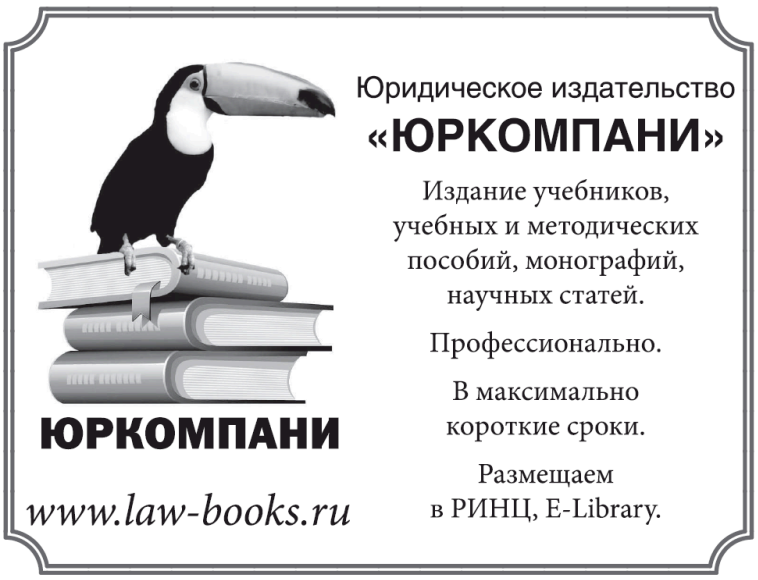
[19] Federal Service for Technical and Export Control. Order No. 17 dated 11.02.2013 "On Approval of Requirements for Protection of Non-State Secret Information Contained in State Information Systems" (as amended by 28.08.2024) /Official website of the FSTEC of Russia. – URL: https://fstec.ru/dokumenty/vse-dokumenty/prikazy/prikaz-fstek-rossii-ot-11-fevralya-2013-g-n-17 (дата обращения: 12.07.2026).

[20] Federal Law No. 27.07.2006 dated 152-FZ (as amended 24.06.2025) "On Personal Data." - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ca9e5658710519f09ab2fdb8196fcb3eb024a051/ (access date: 12.07.2026).

[21] Decree of the Government of the Russian Federation of 01.11.2012 No. 1119 "On approval of requirements for the protection of personal data during their processing in personal data information systems." - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137356/8c86cf6357879e861790a8a7ca8bea4227d56c72/#dst100025 (access date: 12.07.2026).

[22] 个人信息保护法 (Law of the People's Republic of China "On the Protection of Personal Information")/Official website of the Cyberspace Administration of the PRC (CAC). - URL: https://www.cac.gov.cn/2021-08/20/c_1631050028355286.htm (access date: 09.07.2026).

[23] Sun, Bo. Tightening and loosening: China's regulatory system for personal data protection is entering an era of multilevel governance = 张一弛: 中国个人信息保护进入监管分层时代/Sun Bo. - Text: electronic // 君合法律评论: [official website of JunHe Law Firm]. – 2026. - April 10. - URL: junhe.com (access date: 12.07.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 06.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-49-54
Дата принятия рукописи в печать: 28.08.2026 г.

ХАЛИЛОВА Элина Омаровна,
4 курс 40.03.01 "Юриспруденция" образовательная программа "Юридическая деятельность" СЗИУ РАНХиГС,
e-mail: ekhalilova-19@ranepa.ru

ТРЕТЬЯКОВ Евгений Константинович,
4 курс «Менеджмент» НОУ ВПО Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, Россия, г. Санкт-Петербург,
e-mail: evgeniitre@gmail.com

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКТОРА: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ

Аннотация. *Правовое обеспечение цифровой трансформации государственного сектора в России сегодня переживает этап структурной перестройки. Если ранее регулирование строилось как реакция на внедрение конкретных сервисов, то теперь вектор смещается в сторону формирования целостной архитектуры, где ключевыми элементами становятся платформа «ГосТех» и стандарты применения искусственного интеллекта. Анализ обновленной Стратегии цифрового развития показывает, что акцент сделан не столько на самих технологиях, сколько на переходе от хаотично разрозненных баз данных к унифицированной модели взаимодействия ведомств. В этом контексте требования к защите информации перестают быть второстепенным условием и превращаются в базовый принцип функционирования системы, а право, в свою очередь, берет на себя функцию связующего звена — оно не просто фиксирует правила, но и обеспечивает совместимость всех цифровых процессов, замыкая логику государственного управления в единый контур.*

Ключевые слова: *Цифровизация государственного управления, электронное правительство, ГосТех, государственные услуги, информационная безопасность, искусственный интеллект, цифровая трансформация, правовое регулирование.*

KHALILOVA Elina Omarovna,
4th course 40.03.01 "Jurisprudence" educational program "Legal activities" SZIU RANEPA

TRETYAKOV Evgeny Konstantinovich,
4th course "Management" NOU HPE St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, Russia, St. Petersburg

LEGAL REGULATION OF PUBLIC SECTOR DIGITALIZATION: CONTEMPORARY TRENDS

Annotation. *The legal framework for the digital transformation of the public sector in Russia is currently undergoing a phase of structural restructuring. Whereas previously regulation was built as a reaction to the implementation of specific services, the vector is now shifting toward the formation of a cohesive architecture, in which the GosTech platform and standards for the use of artificial intelligence are becoming key elements. An analysis of the updated Digital Development Strategy shows that the emphasis is placed not so much on the technologies themselves, but on the transition from chaotically dispersed databases to a unified model of inter-agency interaction. In this context, information protection requirements cease to be a secondary condition and become a fundamental principle of the system's functioning. Law, in turn, assumes the function of a connecting link — it not only establishes the rules, but also ensures the compatibility of all digital processes, thereby closing the logic of public administration into a single integrated framework.*

Key words: *digitalization of public administration, e-government, GosTech, public services, information security, artificial intelligence, digital transformation, legal regulation.*

Введение. Государственный сектор традиционно инертен к технологическим нововведениям в силу жесткой регламентации процедур и иерархической структуры принятия решений. Цифровизация преодолевает этот барьер не заменой носителей, а трансформацией самой сути взаимодействия между властью, обществом и бизнесом. Технологическая инфраструктура сегодня становится полноправным элементом публичного управления, наравне с правовым актом или административным регламентом.

Правовая система реагирует на эти изменения асимметрично. Базовые институты электронного правительства закреплены в законодательстве, однако стремительное внедрение алгоритмических и платформенных решений постоянно обгоняет нормотворческий процесс. Регулирование вынужденно догоняет реальность, достраивая правила постфактум, что порождает острую дискуссию о целях и методах цифровой трансформации государственного аппарата.

Особую остроту этому вопросу придает обновление стратегических ориентиров развития. Новая редакция стратегии цифровой трансформации знаменует переход от локальных инициатив к глубинной реорганизации работы ведомств. Унификация информационных систем на единой платформе, внедрение искусственного интеллекта и отказ от бумажного документооборота выводят правовое сопровождение этих процессов в разряд приоритетных государственных задач. [4,6]

Цель настоящей работы — охарактеризовать актуальные правовые рамки цифровизации и определить векторы их дальнейшей эволюции. В центре внимания находятся нормативная база электронных услуг, архитектура государственных платформ, ужесточение требований к безопасности данных, а также юридические аспекты применения интеллектуальных алгоритмов в деятельности органов власти.

Материалы и методы. Исследование опирается на комплексную методологию, соединяющую общенаучные приемы с инструментарием юридической догматики. С помощью анализа и синтеза выделены устойчивые этапы развития профильного законодательства. Формально-юридический метод применен для изучения содержания ключевых федеральных законов и подзаконных актов, регламентирующих работу государственных информационных систем.

Системный подход позволил трактовать цифровизацию не как конгломерат технических решений, а как взаимосвязанную конструкцию, объединяющую нормы, институциональную среду и реальную практику управленческих процедур. Сравнительно-правовой анализ использован для сопоставления прежней разрозненной модели ведомственной автоматизации с современной платформенной архитектурой. Такое сравнение демонстрирует поступательный дрейф правового поля от точечного регулирования отдельных сервисов к формированию целостной логики существования цифрового государства. [8]

Эмпирическую основу составляют актуальные программные документы цифровой трансформации, статистика внедрения единой платформы, а также текущие данные о трендах в области кибербезопасности и использования ИИ. Обращение к свежему эмпирическому материалу обусловлено высокой динамикой обновления данной сферы законодательства, которая существенно опережает темпы изменений в иных отраслях права.

Литературный обзор. Академический дискурс о цифровизации государственного сектора преимущественно вращается вокруг концепции электронного правительства, понимаемой как организационно-правовой механизм дистанционного взаимодействия власти с обществом и бизнесом. Российские правоведы единодушны в том, что фундамент этой модели заложен базовыми законами об информации и государственных услугах, которые создали условия для запуска единого портала и системы межведомстанного обмена данными.

Однако исследователи фиксируют существенную диспропорцию: технологические инновации внедряются быстрее, чем формируются их правовые рамки. Причём препятствия возникают не столько в виде явных запретов, сколько в форме смысловых лакун, размытых дефиниций и отсутствия обязательных стандартов сопряжения информационных систем между федеральным центром и регионами. Эта фрагментарность регулирования порождает дискуссию о базовых принципах, которым должно подчиняться цифровое управление: нейтральность к технологиям, открытость протоколов и гарантии безопасности участников остаются наиболее часто упоминаемыми ориентирами.

Отдельным вызовом для юридической науки становится квалификация самой природы цифровых инструментов в публичном праве. Попытки подвести их под существующие категории оказываются малоэффективными, поскольку законодатель вынужден реагировать на каждое новое явление точечно, упуская архитектурную взаимосвязь решений. Именно поэтому многие авторы связывают перспективы отрасли не с корректировкой отдельных норм, а с разработкой универсальных конструкций, способных адаптироваться к стремительной смене технологических укладов.

В последнее время внимание смещается к

двойственному эффекту цифровизации публичной сферы. Повышая доступность и скорость сервисов, она одновременно обнажает уязвимости, связанные с судьбой персональных данных, непрозрачностью алгоритмов и надёжностью критической инфраструктуры. Этот парадокс убедительно доказывает, что обновление государственного аппарата не сводится к техническому переоснащению, а требует пересмотра основ самого публичного управления.

Понятие и признаки цифровизации государственного сектора. Цифровизация государственного сектора — это не единовременный запуск программных продуктов, а длящийся процесс переформатирования всего цикла управленческой информации: от её зарождения и обработки до хранения и передачи. С юридической точки зрения такая трансформация затрагивает саму ткань административных процедур, поскольку всё больше властных действий сегодня совершается, фиксируется и подтверждается без оглядки на бумажный носитель.

Главная качественная перемена заключается в смене вектора: автоматизация отдельных задач уступает место выстраиванию сквозной цифровой архитектуры. Ранние этапы сводились к оцифровке обособленных услуг, тогда как нынешний этап отличается стремлением к унификации платформ, стандартизации массивов данных и созданию общей технологической среды для всех ветвей власти. Это кардинально смещает фокус правового регулирования — объектом нормирования становятся не отдельные сервисы, а алгоритмы сцепления всей системы государственных информационных ресурсов. [11]

Ещё одна сущностная черта связана с пересмотром роли конечного потребителя. Вместо привычного хождения по ведомствам цифровая среда предлагает навигацию по жизненным ситуациям, где несколько услуг объединяются в единый маршрут. Право на это реагирует с запозданием, поскольку жёсткая конструкция обособленных компетенций органов власти плохо совместима с логикой бесшовного клиентского пути. Переход к такой модели вынуждает законодателя искать новые способы регулирования межведомственного взаимодействия, где границы полномочий становятся условными, а приоритет получает полнота и удобство сервиса.

Нормативные основы электронного правительства. Базис цифровизации государственного сектора в России выстроен на двух взаимосвязанных законах. Первый из них — об информации и защите данных — установил общие правила оперирования электронными документами и применения цифровой подписи. Второй — об организации государственных услуг — легитимировал работу единого портала и механизма межведомственного обмена сведениями, превратив концепцию электронного правительства из абстрактной идеи в реально действующий правовой институт.

Эти акты охватили не только техническую сторону, но и саму процессуальную ткань: формат подачи заявок через интернет, регламент работы портала и основания для отказа, а главное — принцип однократного предоставления информации. Благодаря этому значительный массив контактов гражданина с властью перестал требовать личной явки в кабинет чиновника.

Однако развитие нормативной среды долго шло по пути запаздывающих реакций на запросы ведомств, а не упреждающего проектирования общей архитектуры. Информационные системы разных уровней власти создавались независимо друг от друга, порождая проблемы совместимости и разрыв в стандартах безопасности. Именно осознание издержек такой фрагментации подтолкнуло законодателя к смене парадигмы в пользу унифицированной платформенной модели.[10]

Платформенная модель и «ГосТех». На смену хаотичному множеству обособленных решений приходит стратегия единого цифрового фундамента. Вместо индивидуальной разработки каждый государственный орган получает доступ к типовым платформенным инструментам, что исключает дублирование затрат и гарантирует единообразие данных. Единые справочники, стандартные интерфейсы и общая система идентификации пользователей перестают быть техническими деталями и становятся полноценными элементами правового каркаса управления.

Новая редакция стратегии цифровой трансформации закрепляет этот курс как нормативный императив, обозначая конкретные сроки и доли систем, подлежащих переводу на общую платформу. Тем самым законодатель смещает акцент с регулирования отдельных ведомственных сервисов на утверждение единой архитектурной матрицы, обязательной для всей публичной власти.

Таблица 1.

Динамика целевых показателей цифровой трансформации государственного управления в РФ (2026–2030 гг.)

Показатель	2026	2028	2030
Доля государственных информационных систем на платформе «ГосТех», %	20	40	100
Сокращение объема документооборота (накопленный эффект), %	10	25	60

Уменьшение количества согласований документов, %	8	20	50
Сокращение ручного ввода данных по оптимизированным процессам, %	42	65	90
Среднее время согласования документов, дни	1	0,5	0,1
Число цифровых сервисов на основе жизненных ситуаций, ед.	42	70	100
Число видов сведений, передаваемых через цифровой профиль без повторного сбора, ед.	150	200	250

*Составлено автором на основе Распоряжения Правительства РФ от 09.07.2026 № 1779-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» и данных о ходе его реализации. [1-7]

Переход к платформенной модели перераспределяет и центр ответственности. Если раньше надёжность и безопасность каждого ресурса лежали на конкретном министерстве, то теперь эти вопросы становятся общегосударственной инфраструктурной функцией. Доступность и устойчивость платформы, сохранность массивов данных, чёткость алгоритмов их обработки — всё это требует иного юридического оформления: прописанных обязательств оператора, формализованных критериев качества предоставляемых сервисов и прозрачной системы контроля, выходящей за рамки ведомственной компетенции.

Электронные услуги и модель жизненных ситуаций. Цифровая трансформация государственных сервисов выходит за рамки простого перевода бумажных процедур в электронную форму. Вместо ведомственной логики предлагается логика события: рождение ребёнка, открытие предприятия или обращение за льготами запускают цепочку взаимосвязанных действий, которые прежде требовали обхода разных кабинетов. Теперь они сшиваются в единый маршрут, где заявитель проходит все этапы без повторного ввода одних и тех же сведений.

Правовое оформление таких сценариев неизмеримо сложнее, чем регламент отдельной услуги. Здесь требуется синхронизация компетенций нескольких органов, придание юридической силы автоматическому обмену данными между ними и установление единых стандартов для информации, циркулирующей внутри сквозного процесса. Стратегия цифровой трансформации прямо ориентирует на расширение подобных сервисов и использование цифрового профиля гражданина как источника достоверных сведений, что должно кардинально сократить объём запрашиваемых документов.

Однако техническая возможность объединить услуги нередко наталкивается на правовую недосказанность. Регламенты межведомственного взаимодействия, критерии качества передаваемых данных и механизмы отслеживания статуса обращения на каждом этапе зачастую прописаны фрагментарно. Без чёткого нормативного закрепления этих звеньев даже самый продвинутый интерфейс остаётся лишь витриной, за которой скрывается прежняя разобщённость.

Искусственный интеллект в деятельности органов власти. Внедрение искусственного интеллекта в работу госаппарата переходит из разряда пилотных экспериментов в рутинную управленческую практику. Алгоритмы уже не просто тестируются, а встраиваются в документооборот и подготовку типовых решений, постепенно становясь обязательным элементом профессионального инструментария чиновника. Успешные региональные проекты тиражируются, и эта экспансия напрямую затрагивает предмет административного регулирования.

Законодательное закрепление происходит через создание координационных центров, отвечающих за развитие ИИ, и включение соответствующих показателей в систему оценки цифровой зрелости регионов. Тем самым добровольное новаторство уступает место плановому и измеримому внедрению. Но чем глубже проникает алгоритм в управленческую ткань, тем острее встаёт вопрос о границах его автономии: в одних случаях система может предлагать вариант, в других — окончательное решение должно оставаться за человеком, и правовая дифференциация этих ситуаций пока отстаёт от технологических возможностей.

Кроме того, качество работы интеллектуальных инструментов напрямую зависит от полноты и точности эталонных массивов данных. Единые справочники, актуальность записей и прозрачность источников приобретают не меньшее нормативное значение, чем сам алгоритм. В итоге право всё больше уходит от регулирования кода и железа к регулированию условий, при которых машина допускается к участию во властных процедурах: достоверность информации, понятность логики выводов и подконтрольность результатов.

Информационная безопасность как системное требование. Контроль за защитой государственных информационных систем перестал быть формальной проверкой соблюдения стандартов и превратился в содержательную составляющую всего жизненного цикла цифровых решений. От

проектирования до эксплуатации — требования безопасности теперь встроены в каждый этап, а ответственность операторов измеряется реальным состоянием защищённости, а не наличием сертификатов. Для региональных властей это обернулось необходимостью пересматривать накопленную инфраструктуру, проводить аудит и выделять дополнительные средства на модернизацию средств защиты. Рынок отреагировал сдвигом спроса в сторону архитектур, где безопасность заложена изначально, а не прикручена позднее.

Особую остроту этому вопросу придаёт курс на импортозамещение в программном обеспечении. Переход на отечественные решения для внутренних коммуникаций и документооборота трактуется не только как технологическая автономия, но и как защита от внешних рисков — прекращения поддержки, санкционных ограничений или уязвимостей, заложенных в иностранный код. Типовое рабочее место госслужащего на российском софте становится элементом суверенной инфраструктуры.

В 2026 году нормативное оформление получила и практика применения искусственного интеллекта на уровне отдельного субъекта: московский экспериментальный правовой режим для ИИ продолжает действовать как особая регуляторная площадка, отличная от общефедеральных правил. Этот пример показывает, что безопасность в широком смысле — включая понятность алгоритмов и надёжность данных — начинает дифференцироваться в зависимости от масштаба внедрения.[6]

Проблемы правового регулирования. Прогресс в цифровизации государственного сектора не снимает фундаментальных противоречий, заложенных в самой природе правового реагирования на технологические изменения. Главное из них — терминологическая неопределённость. Законодатель каждый раз оказывается перед необходимостью заново квалифицировать сущность очередного новшества, что обрекает регулирование на запаздывание. Вместо устойчивого понятийного аппарата формируется казуистика, где каждый следующий технологический акт требует отдельного нормативного определения.

Второй узел проблем связан с рассогласованием технической зрелости и юридической проработанности сложных межведомственных сервисов. Инфраструктура способна объединять данные, но право не всегда прописывает, кто отвечает за их достоверность на промежуточных этапах, как распределяется ответственность при сбоях и по какому стандарту оценивается качество сквозного процесса. Без этих звеньев даже безупречно работающая платформа не даёт ожидаемого управленческого эффекта, а порой создаёт иллюзию порядка при фактической правовой пустоте.

Наконец, регулятор оказывается перед дилеммой: сохранять технологическую нейтральность или предписывать конкретные гарантии. Слишком общие нормы не защищают персональные данные и не делают алгоритмы прозрачными, а чрезмерная детализация привязывает право к сиюминутному техническому решению, обрекая его на устаревание вслед за кодом. Удержание этого баланса остаётся главным вызовом для дальнейшего развития отрасли.

Заключение. Правовое сопровождение цифровизации государственного сектора в России прошло путь от фрагментарных реакций на отдельные технологические внедрения к выстраиванию единой нормативной архитектуры. Платформенная унификация, сквозные сервисы, внедрение интеллектуальных алгоритмов и ужесточение стандартов безопасности перестали быть периферийными темами — они превратились в стержневые элементы публичного управления, меняющие саму логику властных процедур.

Однако этот сдвиг обнажил и глубинные противоречия. Терминологическая неопределённость, зазор между технологическими возможностями и их юридическим оформлением, а также поиск меры между гибкостью регулирования и надёжностью гарантий остаются нерешёнными. Их наличие говорит о том, что дальнейшая работа не должна сводиться к корректировке отдельных норм — необходим пересмотр базовых категорий административного права применительно к цифровой среде. [5;12]

Дальнейшее движение видится в трёх направлениях: завершение перевода всех государственных информационных систем на общую платформенную основу, встраивание искусственного интеллекта в управленческие процессы под систематическим правовым надзором и формирование стандартов безопасности как неотъемлемой части проектной документации, а не дополнения к ней. Последовательная реализация этих задач способна превратить цифровизацию из инструмента сокращения издержек в фундамент для более открытой и предсказуемой модели власти, где технологическая эффективность не расходится с правовой определённостью и ответственностью перед обществом.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

[2] Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3448.

[3] Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (в ред. от 26.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4179.

[4] О персональных данных : Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3451.

[5] Федеральный закон «О персональных данных» : от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ.

[6] Агамагомедова С. А. Правовое регулирование государственного контроля и надзора: евразийская повестка // ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: экономика, право, политика. – 2025. – Т. 19. – №. 4. – С. 90-97.

[7] Алиев М. Б. Особенности цифровизации функций таможенных органов: обеспечение экономической безопасности и делового климата // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. – 2026. – Т. 106. – №. 1. – С. 64-75.

[8] Горелова Т. П., Серебровская Т. Б. Цифровая трансформация логистического бизнеса // Современная конкуренция. – 2022. – Т. 16. – №. 2 (86). – С. 101-112.

[9] Петрова Г. В., Ступаков В. И. Роль конституционно-правового регулирования бюджетных отношений в условиях цифровизации // Проблемы экономики и юридической практики. – 2025. – Т. 21. – №. 1. – С. 67-72.

[10] Семикопная П. А., Апарина О. В. Цифровая трансформация в государственном управлении: вызовы и перспективы // Управленческий учет. – 2025. – №. 4. – С. 334-339.

[11] Троян Н. А. Правовое регулирование в сфере цифровых технологий в России: современное состояние, актуальные проблемы и перспективы развития // Правовая информатика. – 2025. – Т. 3. – С. 146-150.

[12] Хужаназаров А. Анализ современных тенденций нормотворчества в эпоху цифровизации // yuridik fanlar axborotnomasi. – 2026. – Т. 10. – №. 2. – С. 23-33.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2014. – № 31. - Art. 4398.

[2] On Information, Information Technologies and Information Protection: Federal Law No. 27.07.2006 of 149-FZ (as amended by 08.08.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. - No. 31 (part 1). - Art. 3448.

[3] On the organization of the provision of state and municipal services: Federal Law of 27.07.2010 No. 210-FZ (as amended by 26.07.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2010. – № 31. - Art. 4179.

[4] On personal data: Federal Law No. 27.07.2006 of 152-FZ (as amended by 08.08.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. - No. 31 (part 1). - Art. 3451.

[5] Federal Law "On Personal Data": dated July 27, 2006 No. 152-FZ.

[6] Agamagomedova S. A. Legal regulation of state control and supervision: Eurasian agenda // EURASIAN INTEGRATION: economy, law, politics. – 2025. - VOL. 19. – №. 4. - S. 90-97.

[7] Aliyev M. B. Features of digitalization of the functions of customs authorities: ensuring economic security and business climate // Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Social Science Series. – 2026. - T. 106. – №. 1. - S. 64-75.

[8] Gorelova T. P., Serebrovskaya T. B. Digital transformation of the logistics business // Modern competition. – 2022. - T. 16. – №. 2 (86). - S. 101-112.

[9] Petrova G.V., Stupakov V.I. The role of constitutional and legal regulation of budgetary relations in the context of digitalization // Problems of economics and legal practice. – 2025. - VOL. 21. – №. 1. - S. 67-72.

[10] Semikopnaya P. A., Aparina O. V. Digital transformation in public administration: challenges and prospects // Management accounting. – 2025. – №. 4. - S. 334-339.

[11] Troyan N.A. Legal regulation in the field of digital technologies in Russia: current state, current problems and development prospects // Legal informatics. – 2025. - VOL. 3. - S. 146-150.

[12] Khuzhanazarov A. Analysis of current trends in rulemaking in the era of digitalization // yuridik fanlar axborotnomasi. – 2026. - T. 10. – №. 2. - S. 23-33.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-55-57

СУСТИНА Татьяна Ильинична,
кандидат юридических наук, Российский университет транспорта,
e-mail: 8090@apmo.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБУЧЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИНЦИП ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. *В статье анализируется классификацию субъектов, связанных с искусственным интеллектом (разработчиков, дистрибьютеров, учителей, пользователей и др) с точки зрения необходимости установления их ответственности за противоправные действия, связанные с работой искусственного интеллекта. Автор указывает на необходимость четкой регламентации обучения нейронных сетей и повышения открытости искусственного интеллекта путем раскрытия алгоритмов.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, ИИ, нейросетевые технологии, нейросеть, обучение ИИ, учитель ИИ.*

SUSTINA Tatiana Ilyinichna,
PhD, Russian University of Transport

LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TRAINING AS A FUNDAMENTAL PRINCIPLE FOR ENSURING THE INFORMATION SECURITY OF SOCIETY

Annotation. *This article analyzes the classification of entities associated with artificial intelligence (developers, distributors, teachers, users, etc.) in terms of the need to establish their liability for illegal actions related to artificial intelligence. The author emphasizes the need for clear regulation of neural network training and increased openness in artificial intelligence by disclosing algorithms.*

Key words: *artificial intelligence, AI, neural network technologies, neural network, AI training, AI teacher.*

Правовое регулирование нейросетевых технологий (ИИ) в настоящее время тема для широких обсуждений на различных научных и общественных дискуссионных площадках.

Ученые правоведы обсуждают правовую сущность искусственного интеллекта, субъектный состав лиц, взаимодействующих с искусственным интеллектом, использование и регулирование нейросетевых технологий в разных сферах общественной жизни и бизнеса, вопросы ответственности.

Сложности, с которыми сталкивается юридическое сообщество в вопросах правового регулирования ИИ связаны безусловно с особым правовым статусом систем нейросетевых технологий, с уникальными технологическими процессами, которые кардинально отличаются от всего, ранее созданного человечеством. Однако последние годы массовое использование систем нейросетевых технологий позволило выявить новые проблемы, решение которых еще предстоит найти.

Е.С. Селиванова, В.В. Саркисян указывали, что неопределенность и отклонения в поведении систем искусственного интеллекта являются не дефектом конкретной реализации, а имманентным свойством самой технологии, обусловленным ее архитектурой и принципами обучения. Без понимания их работы невозможно эффективное научное исследование, правотворчество и правоприменение, при этом необходимо определиться с субъектным составом отношений в области искусственного интеллекта [8].

На сегодняшний день в России не существует закона, который бы определял классификацию таких субъектов, однако она содержится

в проекте Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в РФ», а именно: разработчик ИИ – модели, оператор, владелец ИИ и пользователь. При этом Европейский регламент об ИИ выделяет еще роли «развертывающего лица», «импортера», «дистрибьютера» и др.

Классификация субъектов, действующих в области нейросетевых технологий необходима для развития правового регулирования института ответственности. За противоправный результат использования искусственного интеллекта каждый субъект отношений в данной сфере может отвечать только соразмерно степени своей вины. В связи с чем, необходимо четкое разграничение ролей субъектов, работающих с искусственным интеллектом с момента создания и до момента выпуска на рынок и применения пользователями.

Разработчики, операторы и владельцы ИИ-технологий могут привлекаться к ответственности за незаконный результат их применения, если они заведомо знали или должны были знать о возможности получения такого результата; пользователи ИИ-сервисов за использование преступного результата их применения, если он возник из-за умышленных действий либо несоблюдения условий пользования.

При этом законопроектом вводится понятие «обучение модели искусственного интеллекта», которое определяется как процесс настройки числовых значений (алгоритмов) модели искусственного интеллекта регулирующих влияние каждого запроса к такой модели и ее ответа на запрос, с использованием наборов данных с целью формирования или совершенствования способности модели искусственного интеллекта достигать заданных человеком целей. Действительно, качество результатов, выдаваемых нейронными сетями, состоит в прямой связи с качеством математических моделей, обеспечивающих реализацию алгоритмов искусственного интеллекта.

Представляется, именно процесс обучения модели искусственного интеллекта должен регулироваться нормативно в целях обеспечения информационной безопасности как общества, так и государства.

Вопросы обучения систем искусственного интеллекта последние годы поднимаются все чаще как учеными [3, 4, 5], так и национальными и международными законодателями [6, 7]. При этом сам по себе вопрос обучения нейронных сетей в настоящее время нормативно не урегулирован, принципы работы алгоритмов государству и обществу не понятны.

Особая важность информационных технологий, которые в настоящее время приобрели глобальный трансграничный характер стали неотъемлемой частью всех сфер деятельности личности, общества и государства, задекларированная Доктриной информационной безопасности Российской Федерации [9] диктует необходимость их особого регулирования с учетом реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

Сложности правового регулирования вопросов искусственного интеллекта связаны с необходимостью соблюдения баланса интересов государства (обеспечение информационной безопасности: защиты персональных данных, защиты от деструктивного влияния на общество данных, генерированных нейросетью и другие угрозы, связанные с применением нейросети) с одной стороны, и свободой развития и обучения нейросетевых технологий с целью повышения эффективности их работы).

Решение проблемы соблюдения баланса интересов безопасности общества и свободы ИИ может лежать в плоскости регламентации открытости работы ИИ и установления методов работы алгоритмов с соблюдением действующих законодательных догм.

То есть, одна из основных задач общества, применяющего искусственный интеллект - это обучение нейронной сети, с учетом интересов общества, личности, государства.

Ввиду неочевидности интерпретации данных искусственным интеллектом, а также в отсутствие понимания внутренних процессов в слоях нейросети, даже их разработчиками, в первую очередь, необходимо урегулировать содержание баз данных используемых для обучения нейронных сетей.

«Правильное» цензурированное обучение нейронных сетей может исключить ошибки, галлюцинации, выдачу противоправных результатов, а также позволит достигать прогнозируемых результатов с наименьшими финансовыми и производственными затратами.

Таким образом, участие личности (профессионала) верифицирующего исходные данные для обучения нейронной сети и формирующего веса между её нейронами, создаст исходный контекст для выдачи нейронной сетью результатов, соответствующих целям и задачам, в том числе поставленным в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, определяет личную ответственность “учителей” и разработчиков нейронных сетей.

К негативному фактору такой правовой регламентации работы нейросетей относится замедление их обучения, что так же бросает вызов обществу. Без понимания математической основы токенизации продуктов речи и их предостав-

ления нейронным сетям, достичь высоких результатов работы ИИ будет затруднительно, при этом повысить доверие к ИИ общества и государства можно введением принципа открытости ИИ, а именно: обязать компании-разработчики и/или дистрибьютеров раскрывать принципы работы алгоритмов.

Список литературы:

[1] Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»;.

[2] Законопроект № 1271570-8 «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1271570-8 ((дата обращения: 08.07.2026);.

[3] Карпычев, В. Ю. Правовое регулирование больших данных: пусть будет / В. Ю. Карпычев // Юрист. 2022. № 4. – С. 68–73;.

[4] Афанасьева, Е. Н. Введение в индустрию 4.0: основы формирования цифрового будущего: монография / Е. Н. Афанасьева. – Томск: ТУСУР, 2021. – 93 с.

[5] Кольздорф, М. А. Свободное использование объектов авторских и смежных прав при обработке больших данных (Big Data) / М. А. Кольздорф // Закон. 2021. № 5. – С. 142–164;.

[6] 2025/2058(INI) Copyright and generative artificial intelligence – opportunities and challenges // Legislative Observatory European Parliament URL: https://oeil.europarl.europa.eu/oeil/en/procedure-file?reference=2025/2058(INI) (дата обращения: 07.06.2026);.

[7] Training of artificial intelligence (AI) models // Parliamentary question - European Parliament URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-10-2025-003582_EN.html#def1 (дата обращения: 07.06.2026);.

[8] Селиванова, Е.С., Саркисян, В.В. (2026). Предсказуемость алгоритмического поведения искусственного интеллекта как критерий гражданско-правовой ответственности и нормативного контроля. Russian Journal of Economics and Law, 20(2), С. 341–360.

[9] Доктрина информационной безопасности РФ, утв. Указом Президента РФ № 646 от 05.12.2016 года.

References:

[1] Decree of the President of the Russian Federation of December 5, 2016 No. 646 "On approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation";.

[2] Bill No. 1271570-8 "On Support for the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation," URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1271570-8 ((date of appeal: 08.07.2026);.

[3] Karpychev, V. Yu. Legal regulation of big data: let it be/V. Yu. Karpychev // Lawyer. 2022. № 4. - S. 68-73;.

[4] Afanasyeva, E. N. Introduction to industry 4.0: fundamentals of the formation of a digital future: monograph/E. N. Afanasyeva. - Tomsk: TUSUR, 2021. - 93 s.

[5] Kolsdorf, M. A. Free use of objects of copyright and related rights in the processing of big data (Big Data)/M. A. Kolsdorf // Law. 2021. № 5. - S. 142-164;.

[6] 2025/2058(INI) Copyright and generative artificial intelligence – opportunities and challenges // Legislative Observatory European Parliament URL: https://oeil.europarl.europa.eu/oeil/en/procedure-file?reference=2025/2058(INI) (accessed: 07.06.2026);.

[7] Training of artificial intelligence (AI) models // Parliamentary question - European Parliament URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-10-2025-003582_EN.html#def1 (дата обращения: 07.06.2026);.

[8] Selivanova, E.S., Sargsyan, V.V. (2026). Predictability of algorithmic behavior of artificial intelligence as a criterion of civil liability and regulatory control. Russian Journal of Economics and Law, 20(2), С. 341–360.

[9] The doctrine of information security of the Russian Federation, approved by Presidential Decree No. 646 of 05.12.2016.

- МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-58-62
Дата принятия рукописи в печать: 30.08.2026 г.

ИСКРА Оксана Сергеевна,
Ассистент кафедры права, факультета гуманитарных наук, экономики и права ФГБОУ ВО Азовского государственного педагогического университета им. П. Д. Осипенко,
e-mail: iskraocsana@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА И КОНКУРЕНТНОЕ ВЛИЯНИЕ НА НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ МОДЕЛИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу взаимодействия международных стандартов информационного права с национальными системами ценностей в условиях цифровой трансформации глобального медиапространства. Рассматривается конкурентная природа современного информационного порядка, при которой унификация правовых норм регулирования данных, контента и цифровой инфраструктуры сопряжена с риском размывания традиционных духовно-нравственных установок. Отдельное внимание уделено российской практике – Доктрине информационной безопасности и Указу Президента РФ № 809 о защите традиционных ценностей. Новизна работы заключается в сопоставлении международно-правовых механизмов стандартизации с институциональными ответами Российской Федерации на вызовы информационного суверенитета. Сделан вывод о необходимости выработки гибкой модели правового регулирования, сочетающей открытость к международным технологическим стандартам с защитой национальной идентичности.*

Ключевые слова: *информационное право, международные стандарты, ценностные модели, информационный суверенитет, цифровая трансформация, традиционные ценности, информационная безопасность.*

ISKRA Oksana Sergeevna,
Assistant at the Department of Law, Faculty of Humanities, Economics and Law Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Azov State Pedagogical University named after P. D. Osipenko

INTERNATIONAL STANDARDS OF INFORMATION LAW AND COMPETITIVE INFLUENCE ON NATIONAL VALUE MODELS

Annotation. *The article examines the interaction between international information law standards and national value systems amid the digital transformation of the global media environment. It analyzes the competitive nature of the contemporary information order, in which the unification of legal norms governing data, content, and digital infrastructure carries the risk of eroding traditional moral values. Particular attention is given to Russian practice, including the Information Security Doctrine and Presidential Decree No. 809 on protecting traditional values. The novelty of the study lies in comparing international legal standardization mechanisms with the institutional responses of the Russian Federation to challenges of information sovereignty. The conclusion emphasizes the need for a flexible regulatory model combining openness to international technological standards with the protection of national identity.*

Key words: *information law, international standards, value models, information sovereignty, digital transformation, traditional values, information security.*

Конкурентная природа глобального информационного пространства

Право не успевает за технологией – это утверждение давно перестало быть метафорой и превратилось в рабочую формулу для юристов, занимающихся регулированием цифровой среды. Международные стандарты информационного права формировались на протяжении последних трех десятилетий как ответ на трансграничный характер данных, контента и коммуникационных потоков, однако сама логика их создания изначально несла отпечаток тех правовых и культурных традиций, которые доминировали в международных организациях в момент выработки соответствующих норм.

Современная информационная среда устроена так, что технические протоколы, платформенные политики и модели модерации контента одновременно выступают инструментами трансляции определенного набора ценностных установок. Как отмечают Базавлук и Ковалев, исследовавшие динамику информационного противоборства в условиях многополярности, глобальное медиапространство превратилось в самостоятельную арену геополитической конкуренции, где технологическое превосходство напрямую конвертируется в возможность формировать повестку и интерпретационные рамки для миллиардов пользователей [1]. Речь идет не столько о прямой цензуре, сколько о менее заметной, но более устойчивой форме влияния – о встраивании определенных смысловых конструкций в алгоритмы рекомендаций, модели ранжирования и стандарты «безопасного контента».

Формально международные стандарты информационного права нейтральны по отношению к национальным культурам. Практика, однако, демонстрирует иное: унифицированные требования к обработке персональных данных, свободе выражения мнений или регулированию искусственного интеллекта нередко разрабатываются без учета специфики незападных правовых систем, а затем предлагаются как универсальный эталон. Здесь возникает первое серьезное противоречие – между декларируемой технологической нейтральностью стандарта и его фактическим ценностным происхождением.

Показательно, что даже сугубо технический сегмент информационного права – защита интеллектуальной собственности в сфере программного обеспечения – оказывается ареной конкуренции моделей регулирования. Терентьев, анализируя государственное регулирование интеллектуальной собственности в сфере информационных технологий, фиксирует необходимость адаптации существующих правовых механизмов к специфике цифровой среды именно потому, что универсальные международные подходы не всегда учитывают национальные приоритеты технологического развития [7]. Отсюда вырастает более общий вопрос: может ли информационное право быть по-настоящему универсальным, если сама информация всегда циркулирует в конкретном культурном контексте?

Институциональные основания стандартизации и национальный ответ

Информационное право, как отрасль сложилось относительно недавно, и это обстоятельство многое объясняет в его нынешней противоречивости. Семухина, характеризуя нормы информационного права в социальной сфере, подчеркивает, что данная отрасль – одна из наиболее интегрированных в социум и государство, поскольку затрагивает правопонимание, правотворчество и формы правового регулирования на всех уровнях общественной жизни [6]. Именно эта тотальная интегрированность делает информационное право особенно чувствительным инструментом воздействия на массовое сознание – куда более чувствительным, чем, скажем, гражданское или административное право, которые регулируют более локализованные сферы отношений.

Международная стандартизация в этой отрасли развивалась через несколько параллельных треков: конвенции по защите персональных данных, рекомендации профильных агентств ООН, отраслевые технические регламенты и, наконец, неформальные корпоративные политики глобальных цифровых платформ. Последний трек, пожалуй, наиболее интересен с исследовательской точки зрения, поскольку формально не относится к публичному международному праву, но фактически выполняет его функции – устанавливает правила поведения для миллиардов пользователей вне зависимости от их гражданства.

Российский законодатель ответил на эту ситуацию системой институциональных мер, центральным элементом которой стала Доктрина информационной безопасности. Параллельно с ней действует Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809, утвердивший Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [4]. Соединение этих двух документов формирует правовую конструкцию, в которой информационная безопасность прямо увязывается с задачей защиты ценностного ядра общества – подход, который отличает российскую модель от большинства западных юрисдикций, где регулирование информационной сферы традиционно строится вокруг прав отдельного пользователя, а не коллективных культурных приоритетов.

Можно заметить определенную асимметрию в самих подходах к регулированию. Западная модель информационного права исторически выстраивается вокруг индивидуальных цифровых прав – защиты персональных данных, свободы слова, права на забвение. Российская и, шире, незападная традиция чаще апеллирует к категориям общественной и государственной безопасности, коллективной идентичности, суверенитета. Ни одна из этих моделей не является ошибочной сама по себе; проблема начинается там, где одна из них претендует на статус универсального международного стандарта, автоматически маргинализируя альтернативные подходы.

Здесь стоит сделать оговорку: не всякое международное стандартообразование носит конкурентный или конфликтный характер. Значительная часть технических регламентов – протоколы передачи данных, стандарты кибербезопасности, форматы электронного документооборота – формируется на основе прагматичного консенсуса и не несет выраженной идеологической нагрузки. Ионина, рассматривая подходы к обеспечению информационной безопасности компании, показывает, что на организационном уровне международные стандарты защиты информации воспринимаются преимущественно как технический инструментарий, а не как ценностный проект [3]. Конфликт обостряется именно в тех сегментах, где стандарт затрагивает содержание информации, а не только форму ее передачи, – регулирование контента, алгоритмов модерации, образовательных и просветительских материалов.

Практические механизмы защиты ценностного суверенитета

Что происходит, когда национальная правовая система пытается совместить участие в международном информационном обмене с защитой собственной ценностной модели? Ответ на этот вопрос неоднороден и зависит от конкретной сферы регулирования.

В сфере защиты персональных данных Россия, как и большинство стран, встроена в логику международных стандартов – требования к локализации баз данных, согласию субъекта персональных данных и минимизации сбора информации во многом перекликаются с общими международными подходами. Здесь конкуренция ценностных моделей минимальна, поскольку речь идет о защите частной жизни – категории, признаваемой практически всеми правовыми системами, хотя и с разной степенью приоритетности.

Иначе выглядит ситуация в сфере регулирования контента и цифровой инфраструктуры для детей и молодежи. Именно эта область становится точкой максимального напряжения между международной унификацией и национальным ценностным суверенитетом. Цифровая трансформация организационных и управленческих практик, которую подробно рассматривают Поняева, Кукушкин, Рождественский и Бабкин применительно к стратегическому управлению предприятиями, показывает, насколько глубоко технологические изменения проникают в институциональную ткань общества, затрагивая не только бизнес-процессы, но и модели коммуникации между поколениями [5]. Если управленческие структуры вынуждены перестраиваться под давлением цифровизации, то тем более подвержены трансформации механизмы передачи ценностных установок в семье, школе, медиапространстве.

Практика показывает несколько относительно эффективных направлений правового ответа на эту угрозу:

закрепление в нормативных актах приоритета традиционных духовно-нравственных ценностей как объекта государственной защиты, а не только предмета декларации;

развитие института информационного суверенитета через требования к локализации критической цифровой инфраструктуры и данных;

поддержка отечественных технологических платформ как альтернативы иностранным сервисам, формирующим собственные модели модерации контента;

участие в международных дискуссиях по формированию альтернативных, не western-centric, стандартов регулирования искусственного интеллекта и больших данных.

Каждый из этих механизмов имеет свои ограничения. Локализация данных повышает издержки для бизнеса и не всегда технически осуществима в условиях глобальных облачных инфраструктур; поддержка национальных платформ требует значительных инвестиций и времени, в течение которого зависимость от зарубежных решений сохраняется; международное участие в альтернативных форматах стандартизации осложняется тем, что основные площадки выработки таких стандартов – от ISO до профильных структур ООН – исторически контролируются странами, задавшими исходную ценностную рамку.

Отдельного внимания заслуживает историко-правовой контекст самого феномена международного права как такового. Коллектив авторов – Безбородов, Ведель, Лихачев, Лунев, Сметанин, Титова, Чуркина и Халафян, обратившийся к истории науки международного права в дореволюционной России, демонстрирует, что вопрос о соотношении универсальных правовых норм и национальной специфики не является новым явлением цифровой эпохи, а восходит к более ранним этапам формирования отечественной юридической

доктрины [2]. Российские правоведы конца XIX – начала XX века уже сталкивались с проблемой применения европейских правовых концепций к реалиям, отличающимся культурно и институционально от западноевропейского контекста. Это наблюдение позволяет взглянуть на современную конкуренцию информационно-правовых стандартов не как на уникальный вызов цифровой эпохи, а как на очередную итерацию давнего вопроса о пределах правового универсализма.

Прогнозировать развитие ситуации на среднесрочном горизонте сложно, но некоторые тенденции просматриваются достаточно отчетливо. Усиление технологического суверенитета крупных незападных экономик – России, Китая, отчасти Индии – ведет к постепенной фрагментации единого информационного пространства на несколько регулятивных контуров, каждый со своим набором стандартов защиты данных и модерации контента. Параллельно продолжается работа международных площадок по выработке минимального технического консенсуса – в первую очередь в сфере кибербезопасности и защиты критической инфраструктуры, где расхождение ценностных моделей менее выражено. Картина здесь неоднородная: в одних сегментах регулирования мир движется к фрагментации, в других – к сохранению технической унификации.

Заключение

Проведенное рассмотрение позволяет утверждать, что международные стандарты информационного права никогда не были и, вероятно, не могут быть полностью ценностно-нейтральным явлением. Их формирование отражает баланс сил и приоритетов, сложившийся на конкретном историческом этапе развития международных институтов, а изменение этого баланса неизбежно ставит вопрос о пересмотре самих стандартов.

Российская правовая модель, объединяющая механизмы информационной безопасности с задачей защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, представляет собой один из вариантов национального ответа на риск ценностной унификации через глобальные цифровые платформы и международные регулятивные форматы. Эффективность этого ответа зависит от способности сочетать защитные механизмы с сохранением технологической конкурентоспособности – задача, требующая постоянной балансировки между открытостью и суверенитетом.

Практическая значимость представленного анализа заключается в обосновании необходимости дифференцированного подхода к международной стандартизации: в технических сегментах информационного права целесообразна максимальная унификация, тогда как в сегментах, затрагивающих содержание информации и модели коммуникации, обоснован приоритет национального регулирования. Дальнейшие исследования могли бы быть направлены на сравнительный анализ моделей защиты информационного суверенитета в странах БРИКС, а также на оценку эффективности конкретных правовых инструментов, закрепленных в российском законодательстве после 2022 года, с использованием эмпирических данных о динамике медиапотребления и общественного восприятия традиционных ценностей.

Список литературы:

[1] Базавлук С.В., Ковалев А.А. Информационное противоборство в многополярном мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. URL: https://elibrary.ru/item.asp?edn=MQQFIS (дата обращения: 21.07.2026).

[2] Безбородов Ю.С., Ведель И.А., Лихачев М.А., Лунев А.А., Сметанин Н.В., Титова Т.А., Чуркина Л.М., Халафян Р.М. Наука международного права в дореволюционной России. 2025. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82984919 (дата обращения: 21.07.2026).

[3] Ионина М.В. Анализ подходов к обеспечению информационной безопасности компании // Бюллетень инновационных технологий. 2024. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=60016653 (дата обращения: 21.07.2026).

[4] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430648/ (дата обращения: 21.07.2026).

[5] Поняева И.И., Кукушкин К.В., Рождественский О.И., Бабкин А.В. Стратегическое управление организацией в условиях цифровой трансформации: основные тенденции // Российский журнал менеджмента. 2024. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=HZOPSH (дата обращения: 21.07.2026).

[6] Семухина Е.В. Нормы информационного права в социальной сфере, на службе государству и науке. 2022. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49486626 (дата обращения: 21.07.2026).

[7] Терентьев К.Б. Государственное регулирование интеллектуальной собственности в сфере информационных технологий. 2025. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=82675787 (дата обращения: 21.07.2026).

References:

[1] Bazavluk S.V., Kovalev A.A. Information confrontation in a multipolar world // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2025. URL: https://elibrary.ru/

item.asp?edn=MQQFIS (access date: 21.07.2026).

[2] Bezborodov Yu.S., Vedel I.A., Likhachev M.A., Lunev A.A., Smetanin N.V., Titova T.A., Churkina L.M., Khalafyan R.M. Science of international law in pre-revolutionary Russia. 2025. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82984919 (access date: 21.07.2026).

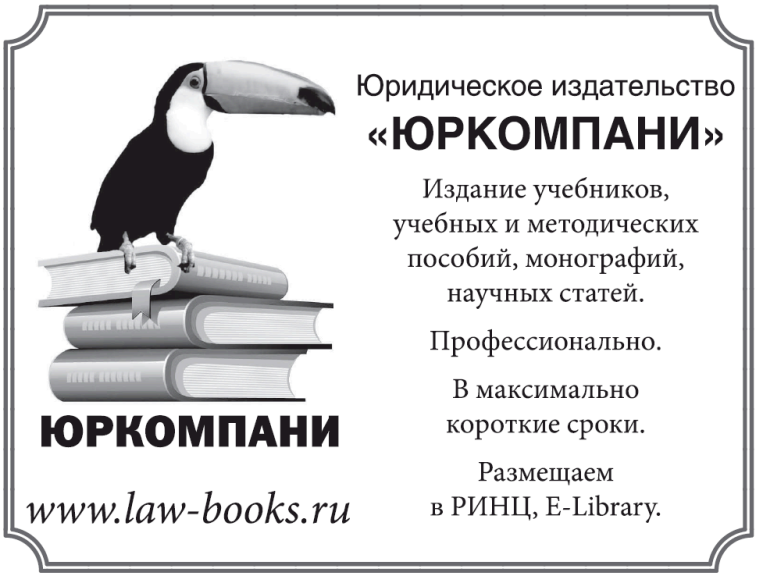
[3] Ionina M.V. Analysis of approaches to ensuring the information security of the company // Bulletin of innovative technologies. 2024. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=60016653 (access date: 21.07.2026).

[4] On the approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430648/ (access date: 21.07.2026).

[5] Ponyaeva I.I., Kukushkin K.V., Rozhdestvensky O.I., Babkin A.V. Strategic management of the organization in the context of digital transformation: main trends // Russian Journal of Management. 2024. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=HZOPSH (access date: 21.07.2026).

[6] Semukhina E.V. Norms of information law in the social sphere, in the service of the state and science. 2022. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49486626 (access date: 21.07.2026).

[7] Terentyev K.B. State regulation of intellectual property in the field of information technology. 2025. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=82675787 (access date: 21.07.2026).



- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 05.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-63-70

КОВТУН Степан Олегович,
Студент четвёртого курса, Юридическая школа, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет», г. Владивосток,
e-mail: MyishkinLev@yandex.ru

ХАРТИЯ 1814 ГОДА И ОСНОВНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ 1906 ГОДА: ОБЗОРНЫЙ АНАЛИЗ ОКТРОИРОВАННЫХ КОНСТИТУЦИЙ

Аннотация. *Сравнительно-исторический анализ французской конституционной Хартии 1814 года и российских Основных Государственных Законов 1906 года направлен на преодоление анахроничных подходов к оценке октроированных конституций. С помощью сравнительного метода и юридической герменевтики исследован контекст эпохи и логика их авторов. Выявлено, что оба акта базируются на «монархическом принципе»: отрицании разделения властей, самоограничении монарха и трактовке прав как дарованных привилегий. При этом французская Хартия стала вынужденным компромиссом с революционным наследием, тогда как российские Законы защищали ещё функционирующую традиционную систему. Сделан вывод, что октроированные конституции представляют собой самостоятельные инструменты сохранения монархической власти и фиксации баланса сил, а не дефектные этапы на пути к парламентаризму.*

Ключевые слова: *Конституционное право; октроированная конституция; сравнительно-исторический метод; юридическая герменевтика; монархический принцип; Конституционная Хартия 1814 года; Основные Государственные Законы 1906 года; народный суверенитет; разделение властей; самоограничение власти; монархия; Реставрация.*

KOVTUN Stepan Olegovich,
4th-year studentю, School of Law, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Far Eastern Federal University», Vladivostok

THE CHARTER OF 1814 AND THE FUNDAMENTAL LAWS OF 1906: A COMPARATIVE OVERVIEW OF GRANTED CONSTITUTIONS

Annotation. *The comparative-historical analysis of the French Constitutional Charter of 1814 and the Russian Fundamental State Laws of 1906 aims to overcome anachronistic approaches to evaluating granted constitutions. Utilizing the comparative method and legal hermeneutics, the study examines the historical context of the era and the underlying logic of their authors. The findings reveal that both acts are based on the "monarchical principle," characterized by the denial of the separation of powers, the self-limitation of the monarch, and the treatment of rights as granted privileges. However, while the French Charter was a forced compromise with the revolutionary legacy, the Russian Laws sought to protect an actively functioning traditional system. The study concludes that granted constitutions represent independent instruments for preserving monarchical power and consolidating the balance of power, rather than flawed transitional stages on the path to parliamentarism.*

Key words: *Constitutional law; granted constitution; comparative-historical method; legal hermeneutics; monarchical principle; Constitutional Charter of 1814; Fundamental State Laws of 1906; popular sovereignty; separation of powers; self-limitation of power; monarchy; Restoration.*

Среди всех отраслевых юридических наук конституционное право остаётся наиболее подверженной в силу изучения им тех источников права и тех правовых институтов, которые сильнее всего подвержены влиянию политиических учений, поскольку они определяют основы политического и экономического строя. Из этого вытекает такая его особенность, что учреждения и законодательства ближайшего и далёкого прошлого часто могут рассматриваться через призму сегодняшнего дня, что неизбежно порождает оценку правовых явлений преимущественно на соответствие тому, было ли его развитие направлено на приближение или наоборот на удаление от современного состояния. Однако, такой подход видится ошибочным: законодатели прошлого не знали и не могли знать с полной уверенностью в каком направлении движится общественное развитие и к чему оно придёт столетия спустя. В конституционном праве такой оценке часто подвергается конституции, принятые не «снизу» - по результатам прямого или опосредованного волеизъявления народа, а «сверху», в частности, по решению неограниченных монархов. Как указывает Е.В. Виноградова [5, с. 2-3], такие конституции часто рассматриваются с исключительно негативной стороны как заведомо нелегитимные, поскольку были приняты без народного участия. Иногда и вовсе отвергается сама возможность признавать такие законодательные акты конституциями, что в отсутствие понимания внутренней логики такого законодательства затрудняет изучение конституционного развития в XIX-XX веках. Чтобы лучше понять, как функционировали такого рода законодательные акты, для какой цели создавались и были ли они реально действующими, следует изучить как понимали цели таких конституций сами их создатели и идеологи. Лучше всего для этого пригодится сравнительно-исторический метод и юридическая герменевтика, поскольку мы имеем место с документами писавшимися во времена революций, а значит, необходимо понимать обстановку, в которой они создавались.

I

По замечанию ведущего российского специалиста по периоду Французской революции А. В. Чудинова, Французская революция стала матрицей для всех последующих политических революций, участники которых как сознательно, так и непроизвольно стремились к подражанию им [4, с. 8]. И будет справедливым истолковать слова историка несколько расширительно – не только для тех участников революций, что ставили своей целью ниспровержение текущего общественного строя, но и тех из них, что, наоборот, таким попыткам сопротивлялись. История Французской революции 1789 года в широком смысле оканчивается на возвращении к власти династии Бурбонов в результате низложения императора Наполеона I и начале периода Реставрации (1814–1830). Важную веху этого периода являет Конституционная Хартия Людовика XVIII 1814 года (далее – Хартия) – документ, представляющий собой одну из первых дошедших до нас октроированных конституций, т. е. принятых не на голосовании, а в результате волеизъявления монарха, который по тогдашним представлениям считался носителем суверенитета. В сходных, хоть и не идентичных, условиях перехода революции на спад были приняты Николаем II Основные Государственные Законы 1906 года (далее ОГЗ 1906), ставшие первой российской конституцией, как и французская Хартия за почти столетие до этого, носившей октроированный характер. Сравнению этих конституционных актов и будет посвящена данная статья.

Чтобы провести сравнительный анализ двух конституционных актов, причём по меркам современного конституционного права нетипичных, первоначально следует дать определение понятию «конституция». Это кажется автору не вполне тривиальной задачей, поскольку «конституция» относится к числу наиболее общих понятий правоведения, как, например, «закон», «право» и «государство», а значит, по этому вопросу имеется изрядное несогласие специалистов. В своей работе «Конституционно-правовой лексикон», представляющей собой словарь терминов конституционного права, один из ведущих современных конституционалистов С. А. Авакьян даёт такое определение: основной закон государства, выражающий волю и интересы народа в целом либо отдельных социальных слоёв (групп) общества и закрепляющий в их интересах важнейшие начала общественного строя и государственной организации соответствующей страны [2, с. 396]. Определение это, по всей видимости, наследует теории Ф. Лассаля, понимавшего конституцию как результат столкновения общественных сил. Хотя в самой речи Лассаля «О сущности конституции» акцент именно на народный суверенитет делается в меньшей степени и говорится в первую очередь о балансе сил, поскольку с точки зрения Лассаля вопрос – народная конституция или ненародная – не очень корректен, так как пере-

водит вопрос из плоскости описания её природы в плоскость оценки «хорошо-плохо» [11, с. 16]. Понимание конституции как выражения воли народа или воли политически дееспособной части народа имеет своё основание в теории народного суверенитета, которая по состоянию на XXI век является безраздельно господствующей в конституционном праве, о чём эксплицитно говорит Всеобщая декларация прав человека 1948 года в части 3 статьи 21: «Воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве путём тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования» [6]. Из этой нормы следует, что конституцией в современном её понимании может быть лишь основной закон, принятый в результате народного волеизъявления. И действительно: подавляющее большинство современных государств считают себя демократическими. Однако то, что является очевидным для наших дней, вовсе не было таким в предыдущие исторические периоды, учитывать контекст которых особо важно при рассмотрении актов такой давности. Поэтому автор для целей настоящей работы считает более удобным использовать определение, даваемое М. В. Баглаем [3, с. 77]: под конституцией (лат. «constitutio» – установление) понимают основной закон государства, имеющий высшую юридическую силу. Это позволит избежать анахронизмов при анализе, поскольку долгое время крупнейшие государства Европы вплоть до окончания Первой мировой войны не ставили в основу своей правовой доктрины понятие о народе как о носителе суверенитета. Более того, так как рассматриваемые автором акты действовали в период борьбы правительств с революционными настроениями в обществе, основным требованием движений, их возглавлявших, было как раз признание народа носителем суверенитета и провозглашение республики, будет справедливым сказать, что эти государства были народному суверенитету прямо враждебны. В противном случае сам термин «октроированная конституция» становится внутренне противоречивым. И тем не менее оба документа являлись актом высшей юридической силы, определявшими полномочия государственной власти, характер её отношения с народом и основы общественного строя. Говорить же о них, как о «лже-конституциях», значит подменять изучение источников права, как они есть, рассуждениями о том, какими они должны быть, что делает любую оценку чрезмерно субъективной.

II

Конститационная Хартия 1814 года составлялась как ответ французской политико-правовой мысли на конституционализм революционного периода. Причём главное её отличие от Конституции 1791 года [16, 26], навязанной Людовику XVI Национальным Собранием, или Конституции 1804 года, провозгласившей Наполеона императором, следует искать не столько в полномочиях монарха, действительно гораздо более широких, сколько в их обосновании, в конституционной идеологии. Отсюда и идёт терминологическое различие в названиях основных законов Франции. Слово «конституция» в силу обстановки, в которой были приняты вышеуказанные документы, несло как для короля-реставратора Людовика XVIII, так и для его политических противников неизбежную ассоциацию с революционным периодом. В силу этого король отверг проект основного закона, данный низложившим Бонапарта Сенатом, который означал бы признание, что власть короля производна от народной власти, которую представлял Сенат [1, с. 1-8]. А сам же основной закон получил наименование «Конституционная Хартия», чтобы подчеркнуть связь со средневековыми документами, предоставлявшими различного рода привилегии определённым категориям подданных короля. Преамбула Хартии закрепляет, что документ не был принят в результате народного волеизъявления, а дарован монархом по собственной воле в качестве меры по усовершенствованию государственного строя и возрождения традиции соучастия подданных французского короля в управлении государством, имевшем место в средние века: «Мы рассудили, что, хотя вся власть сосредоточивалась во Франции целиком в особе Короля, наши предшественники не колебались видоизменять ее осуществление, сообразно различию времен, что, таким образом, общины были обязаны своим освобождением Людовику Толстому, укреплением и расширением своих прав Людовику Святому и Филиппу Красивому, что судебные учреждения были установлены и развиты законами Людовика XI, Генриха II и Карла IX, наконец, что Людовик XIV определил почти все части государственного управления различными указами, мудрость коих еще доселе ничем не превзойдена. <…> Мы искали, наконец, начал для конституционной хартии во французском характере и в достойных уважения памятниках прошедших веков. Так, мы усмотрели в восстановлении пэрии истинно национальное учреждение, которое должно связать все воспоминания со всеми надеждами, соединяя времена прошедшие и новые. Мы заменили палатой депутатов те древние собрания Мартовских и Майских Полей, которые так часто обнаруживали одновременно как ревность к интересам народа, так верность

и уважение к власти Королей. Стараясь, таким образом, вновь связать цепь времен, прерванную пагубными уклонениями, мы изгладили из нашей памяти, как хотели бы, чтобы можно было изгладить их и из истории, все бедствия, постигшие отечество в продолжение нашего отсутствия [16, с. 72]. Преамбула завершается словами: «На основании сего, Мы добровольно и в силу свободного осуществления нашей королевской власти, даровали и даруем, уступили и пожаловали нашим подданным как за себя, так и за наших преемников, навсегда нижеследующую конституционную Хартию».

Как можно видеть, идеология, излагаемая королём в преамбуле к основному закону Франции, совершенно не похожа и в своей основе прямо противоречит тому, что можно наблюдать не только в современной Конституции Российской Федерации, иных демократических государств или даже современных конституционных монархий, в частности Испании, где вполне однозначно провозглашается принцип народного суверенитета [9]. Пожалуй, единственным современным государством, в преамбуле основного закона которого возможно усмотреть заметное сходство с Хартией Людовика XVIII, следует признать Султанат Бруней: «МЫ, опираясь на НАШИ прерогативы как Султана Брунея Даруссалам и зависимых от него территорий, настоящим провозглашаем от СВОЕГО ИМЕНИ и имени НАШИХ Наследников нижеследующее» [8].

Обозначенная в Хартии доктрина стала, как указывает А. С. Алексеев, ссылаясь на немецких авторов, прообразом для всех последующих монархических конституций, главным образом среди многочисленных государств раздробленной тогда Германии. Все эти конституции руководствовались тем, что немецкие юристы называют «монархическим принципом» [1, с. 9], который в наиболее своей последовательной форме можно свести к ряду положений, определявших основы их конституционного строя.

Во-первых, это недопустимость разделения властей [1, с. 20]. Поскольку монарх является носителем «верховной власти», иначе говоря, суверенитета, все учреждения в государстве получают свою легитимность от монарха, а не от народа. Следовательно, формально и парламент, и правительство, и суды всех уровней подчинены монарху, а потому законотворческая деятельность представительных органов рассматривалась немецкими конституционалистами не как волеизъявление народа, а как содействие подданных монарху в законотворчестве. Единственным носителем законодательной власти в конечном счёте оставался сам монарх, поскольку мог наложить непреодолимое вето на любой законопроект. В ряде октроированных конституций, в том числе и в самой Хартии, монарх и вовсе был единственным субъектом законодательной инициативы (ст. 16). В российских ОГЗ 1906 такое условие сохранилось только по вопросам их поправок и пересмотра (ст. 8).

Во-вторых, из этого следовало, что конституция является не безусловным ограничением монаршьей власти, а добровольным самоограничением [1, с. 22] – поскольку конституция исходит от монарха как единственного носителя суверенитета в государстве, по-прежнему считалось, что вся полнота государственной власти принадлежит ему, что же касается представительных учреждений, то им законодательная власть была лишь делегирована в целях облегчения управления и защиты дарованных монархом же прав. Следовательно, согласно этой доктрине, конституция ограничивает не саму власть монарха, которая считалась принадлежащей ему в силу божественного права и представлялась такой же полной, как и при абсолютизме, а лишь характер осуществления этой власти в этот конкретный момент. Конституция здесь понимается не как договор между монархом и народом, а как дарованная народу по милости правителя привилегия.

В-третьих, это означало, что теоретически конституция могла быть либо отозвана, либо приостановлена. Самые радикальные выводы из этого положения означали, по словам А. С. Алексеева со ссылкой на немецкого юриста Германа Бишоффа [1, с. 37], что в исключительных случаях, когда государственному строю грозит опасность разрушения, глава государства вправе прибегнуть к изменению или переработке конституции в интересах общественного блага, даже если бы эти действия по тексту самой конституции оказались бы противозаконными.

III

Указанные доктринальные особенности октроированных конституций, заложенные Хартией и развитые немецкой юриспруденцией, оказали влияние, пусть и опосредованное, и на конституционное право дореволюционной России. Несмотря на то, что в изученных автором статьи источниках конституционный акт периода Реставрации Бурбонов не упоминается, доподлинно известно, что при разработке Основных Государственных законов 1906 года в качестве образца применялся опыт германского конституционализма, а именно – Пруссии, Саксонии, Бадена и, в значительной степени, заимствовавшей у Пруссии Японии, о чём пишет в своём Приложении к «Объяснительной записке к проекту Основных государственных законов Российской империи» один из авторов ОГЗ 1906 П. А. Харитонов [10, с. 269-270]. И даже несмотря на то, что автора-

ми новых ОГЗ их реформы понимались скорее как движение в сторону парламентской монархии и её ограничения [10, с. 282], сама логика октроированной монархом конституции приводит в действие разработанный немецкими учёными принцип. В частности, в таком духе получил трактовку термин «самодержавный» в работе П. Е. Казанского «Власть Всероссийского Императора», подтверждение чего он видел, в частности, в Манифесте от 3 июня 1907 года [7, с. 119].

Рассмотрим же теперь наличие параллельных мест в конституционном законодательстве Николая II с Хартией Людовика XVIII, к которой оно «генетически» восходит, и сравним возможные сходства и различия, а также причины, которые могли их обусловить. Положения идеологически тождественные тексту Хартии прослеживаются в Высочайшем манифесте от 6 августа 1905 года: «…тогда озабочивала Нас мысль о согласовании выборных общественных учреждений с правительственными властями и об искоренении разлада между ними, столь пагубно отражающегося на правильном течении государственной жизни. О сем не переставали мыслить Самодержавные Цари, Наши предшественники. Ныне настало время, следуя благим начинаниям Их, призвать выборных людей от всей земли русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов, включив для сего в состав высших государственных учреждений особое законосовещательное установление, коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов» [12] – как и в случае с Францией, представительные учреждения рассматриваются не как проявление суверенитета народа, а как средство, оказывающее помощь монарху в законотворчестве. И несмотря на то, что в дальнейшем от концепции законосовещательной думы пришлось отказаться, новый орган понимался прежде всего как производный от монарха, а не как проявление власти народа. В духе «монархического принципа» немецких конституционалистов и Хартии Людовика XVIII понимается смысл и назначение депутатов Государственной думы в знаменитом Манифесте от 3 июня 1907 года, ознаменовавшем роспуск II созыва: «Обязанности эти, вверенные Нами выборным от населения, наложили на них тем самым тяжелую ответственность и святой долг пользоваться правами своими для разумной работы на благо и утверждение Державы Российской» [13]. В Манифесте от 17 октября читаем: «На обязанность Правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной нашей воли: 1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Концептуально ключевое положение Манифеста совпадает с завершающими строками преамбулы Хартии – права и свободы признаются не существующими сами по себе, не завоёванными в результате борьбы, а как дарованные монархом своим подданным [14, с. 41]. И это же подтверждается во введении к ОГЗ 1906 года, первой российской конституции [13, с. 44], где снова говориться о даровании, а не о признании прав.

Но в то же время нельзя не заметить почти полное отсутствие ссылок на исторические прецеденты, что является не недосмотром авторов этого конституционного акта, а сознательным расчётом. Кажущаяся очевидной на первый взгляд ссылка на т. н. «Земские Соборы» старомосковского периода, да и сам термин были отвергнуты в самом начале как создателями конституции, так и лично Николаем II [12, с. 265-266]. Кроме того, это потенциально могло бы быть истолковано как признание властями принципа народного суверенитета, который по сравнению с временами Людовика XVIII уже был гораздо более популярной идеей и, к тому же в определённой степени признавался славянофилами [10, с. 126].

При сравнении содержания самих конституций обнаруживается заметное их сходство по определяющим параметрам такого рода документов, а именно: полномочиям главы государства (т. е. монарха) и его отношению с органами государственной власти. Так, обе конституции обозначают монарха в качестве безответственного носителя суверенитета и источника власти: «4 Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает. 5. Особа Государя Императора священна и неприкосновенна» – в ОГЗ 1906 года [14, с. 44] и в Хартии 1814: «13. Особа Короля неприкосновенна и священна. Его министры ответственны. Исполнительная власть принадлежит исключительно Королю... 14. Король есть верховный глава государства» [16, с. 77]. И в то же время заметно, что французская конституция, в отличие от российской, описывая идентичную характеристику власти монарха, делает это не столь эксплицитно, а дробит это свойство по нескольким статьям. Почему это было сделано именно так, можно предположить, если сравнить далее. Например, положения о законодательной власти хоть в обоих случаях и предусматривают резолютивное вето монарха, делают это в различных формулировках: «Король один утверждает и обнародует законы» [16. с. 78] и «Государь Император утверждает законы, и без Его утверждения никакой закон не может иметь своего соверше-

ния» [14, с. 44]. В Российской конституции та же самая норма права представлена заметно более агрессивно, что можно истолковать как идеологическую оборону против революционного движения, стремившегося к гораздо большему сужению компетенций монарха, не допустить ограничительного толкования законодательных полномочий царя. В пользу этого говорит и избегание в тексте конституции упоминания о разделении властей даже в мягкой форме: в отличие от французской в ней просто отсутствует такое понятие, как «исполнительная власть». Что же касается «власти управления», о коей пишется в статье 10, которая принадлежит монарху «во всём её объёме», то её дореволюционные юристы, как отмечает П. Е. Казанский, понимали не как какую-то отдельную ветвь государственной власти, а всю государственную власть, т. е. как синоним и конкретизацию понятия «верховной самодержавной власти» [10, с. 54-55]. В связи с этим он, в частности придерживался точки зрения, что события, получившие позднее наименование Третьеиюньского переворота были полностью законными, поскольку Николай II в данном случае действовал на основании статей 4 и 10, а не статьи 87.

При подробном рассмотрении, конечно, видно, что французская конституция, пусть и менее явно, но тоже отрицает разделение властей, поскольку созыв парламента и законодательный процесс всецело подчинены монарху, а всякое правосудие вершится только от имени короля. Немаловажной общей чертой как Хартии [16, 81], так и ОГЗ 1906 [14, 52] стоит отметить также и отсутствие в них парламентского контроля за членами правительства. Министры несут гражданскую и уголовную ответственность за гражданские деликты и преступления соответственно, но конституционно-правовая ответственность перед парламентом за проводимую политику, не предусмотрена, поскольку власть правительства имеет своё основание не в народном волеизъявлении, а в монархе, а значит, и конституционно-правовая ответственность возможна только перед главой государства.

Если же говорить о существенных различиях между двумя конституционными актами, то в качестве таковых можно выделить то, что Хартия идёт на явный компромисс с периодом революции и империи Наполеона, о чём можно судить об обилии формулировок «сохраняется»: так статьи 59–61 и 65 оставляют нетронутой ранее созданную судебную систему, статья 71 сохраняет дворянские титулы, присуждённые Наполеоном, несмотря на то, что в глазах Бурбонов он однозначно был узурпатором, сохраняется, в соответствии с 72 статьёй, и учреждённый императором Почётный легион [16, с. 82-84]. Сохранили, как указывает статья 68, вернувшиеся короли и принятый при Наполеоне Гражданский кодекс, действующий с большим числом изменений и по сей день, и многие законы, хоть в ней же и имеется оговорка «пока они не будут законно отменены», видимо, предполагавшая постепенные поправки в законодательство Франции, которые бы ослабили влияние революционной идеологии на государственные учреждения.

Причину такой компромиссности по отношению к созданной в период Первой республики и Первой империи системы можно усмотреть не только в одном лишь политическом прагматизме, но и в факте уничтожения общественных институтов Старого порядка практически полностью. Говоря в преамбуле о необходимости «связать цепь времён», Людовик XVIII констатирует состояние правовой реальности Франции на момент начала Реставрации: за промежуток в почти четверть века (1789–1814) всё старое дореволюционное право было полностью отменено [17, с. 167-171], а значит, уже более никак не регулировало действующие отношения в обществе, соответственно, вернуться к нему было принципиально невозможно. Ближайшим аналогом здесь было бы состояние российского права после издания советских декретов о суде. ОГЗ 1906 года же, напротив, писались в более благоприятных условиях: всё российское право и все сложившиеся учреждения на тот момент ещё существовали: по-прежнему действовал Свод Законов Российской империи, по-прежнему действовала губернская административно-территориальная система, по-прежнему существовало большинство существующих ещё с начала XIX века органов, а значит, перед авторами конституции стояла задача не столько примирить старую монархическую власть с состоявшимися радикальными изменениями и силами общества, которые долгое время существовали вне и без неё, а скорее наоборот – защитить ещё существующую систему и преобразовать её элементы в той мере, в какой это тогда считалось минимально допустимым для её обороны, как до этого предпринимали такие действия в государствах Германии, опираясь на наработки, предоставленные опытом создания октроированной конституции во Франции. Подобные различие фактически подтверждают идею Лассаля о писаной конституции, как о юридическом закреплении действующего на данный момент баланса сил в обществе.

Подытоживая, видится не вполне корректным рассматривать дарованные сверху конституции как поступательное движение в сторону от абсолютной монархии к парламентской, так как их издание, учитывая доктринальные обоснования и содержание таких документов, всегда

преследовало прямо противоположные задачи. Октроированная конституция в монархическом государстве не является демократической не в силу фиктивности или неполноценности или «половинчатости реформ». Она не является демократической прежде всего потому, что и не ставит перед собой такого цели.

Список литературы:

[1] Алексеев А. С. К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве / проф. А. С. Алексеев. — Ярославль : Тип. Губ. правления, 1910. — 121 с.

[2] Авакьян С. А. Конституционный лексикон : государственно-правовой терминологический словарь / С. А. Авакьян. — М. : Юстицинформ, 2015. — 640 с.

[3] Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник / М. В. Баглай. — 14-е изд., изм. и доп. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. — 704 с.

[4] Бовыкин Д. Ю. Французская революция / Д. Ю. Бовыкин, А. В. Чудинов. — М. : Альпина нон-фикшн : ПостНаука, 2020. — 468 с. : ил. — (Библиотека ПостНауки). — ISBN 978-5-91671-975-8.

[5] Виноградова Е. В. Октроированные конституции в процессе трансформации суверенной власти монарха / Е.В. Виноградова // Правовая политика и правовая жизнь. — 2025. — № 3. — С. 93–99.

[6] Всеобщая декларация прав человека : принята Генер. Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 28.06.2026).

[7] Казанский П. Е. Власть Всероссийского Императора : очерки действующего русского права / П.Е. Казанский. — Одесса : Тип. «Техник», 1913.

[8] Конституция Брунея. — URL: https://worldconstitutions.ru/?p=334 (дата обращения: 28.06.2026).

[9] Конституция Испании : принята 27 дек. 1978 г. (с изм.). — URL: https://worldconstitutions.ru/?p=149 (дата обращения: 28.06.2026).

[10] Куликов С. В. История создания Основных государственных законов 1906 г.: предварительные итоги изучения / С.В. Куликов // Проблемы истории общества, государства и права : Сборник научных трудов Всероссийской заочной научной конференции, 2021. — С. 255–391.

[11] Лассаль Ф. О сущности конституции // Лассаль Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 2. — 1905 (или отд. изд.: Киев : кн. маг. С.И. Иванова и К°, 1905).

[12] Манифест об учреждении Государственной Думы, 6 августа 1905 г. — URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3081/ (дата обращения: 28.06.2026).

[13] Манифест 3 июня 1907 г. (О роспуске II Государственной думы). — URL: https://duma.tomsk.ru/document/view/896 (дата обращения: 28.06.2026).

[14] Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 9 / под общ. ред. О. И. Чистякова. — М. : Юрид. лит., 1994.

[15] Сухобоченков Е. С. Государственный суверенитет в контексте концепций славянофильства и западничества / Е. С. Сухобоченков // POLITBOOK. — 2022. — № 4. — С. 122–134.

[16] Тексты важнейших основных законов иностранных государств. Ч. 1 : Основные законы Англии. Французские конституции 1791, 1814 и 1830 годов. Бельгийская конституция / под ред. Ф. Ф. Кокошкина. — М. : М. и С. Сабашниковы, 1905.

[17] Чудинов А. В. Старый порядок во Франции и его крушение / А. В. Чудинов. — СПб. : Наука, 2017. — 205 с.

References:

[1] Alekseev A.S. On the question of the legal nature of the power of the monarch in a constitutional state/prof. A.S. Alekseev. - Yaroslavl: Type. Lip. board, 1910. - 121 s.

[2] Avakyan S. A. Constitutional lexicon: state-legal terminological dictionary/S. A. Avakyan. - M.: Justicinform, 2015. - 640 s.

[3] Baglay M.V. Constitutional law of the Russian Federation: textbook/M.V. Baglay. - 14th ed., Rev. and add. - M.: Norm: INFRA-M, 2023. - 704 s.

[4] Bovykin D. Yu. French Revolution/D. Yu. Bovykin, A. V. Chudinov. - M.: Alpina non-fiction: PostNauka, 2020. - 468 p.: Ill. - (PostScience Library). — ISBN 978-5-91671-975-8.

[5] Vinogradova E.V. Octroated constitutions in the process of transformation of sovereign power of the monarch/E.V. Vinogradova // Legal policy and legal life. — 2025. — № 3. - S. 93-99.

[6] Universal Declaration of Human Rights: adopted by Gener. UN Assembly December 10, 1948 - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (accessed: 28.06.2026).

[7] Kazan P.E. Power of the All-Russian Emperor: essays on the current Russian law/ P.E. Kazan. - Odessa: Tip. "Technician," 1913.

[8] Constitution of Brunei. - URL: https://worldconstitutions.ru/?p=334 (access date: 28.06.2026).

[9] Spanish Constitution: Adopted 27 Dec 1978 (as amended). - URL: https://worldconstitutions.ru/?p=149 (access date: 28.06.2026).

[10] Kulikov S.V. History of the creation of the Basic State Laws of 1906: preliminary results of the study/S.V. Kulikov // Problems of the history of society, state and law: Collection of scientific

works of the All-Russian correspondence scientific conference, 2021. - S. 255-391.

[11] Lassalle F. On the essence of the constitution // Lassalle F. Works: in 2 vols. T. 2. - 1905 (or dep. ed.: Kyiv: Prince magician. S.I. Ivanova and Co., 1905).

[12] Manifesto on the establishment of the State Duma, August 6, 1905 - URL: https: //constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3081/ (date of appeal: 28.06.2026).

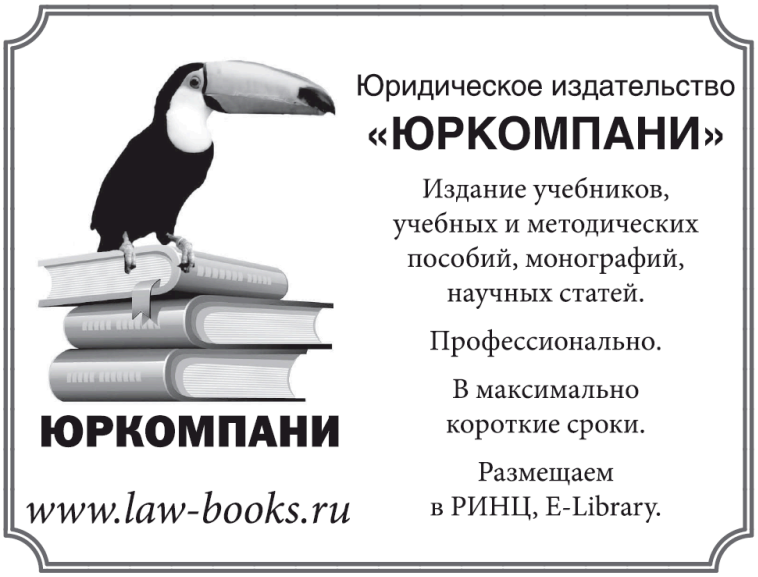
[13] Manifesto June 3, 1907 (On the dissolution of the Second State Duma). - URL: https://duma.tomsk.ru/document/view/896 (access date: 28.06.2026).

[14] Russian legislation of the X-XX centuries. In 9 volumes. T. 9/under the general. ed. O. I. Chistyakova. - M.: Jurid. lit., 1994.

[15] Sukhobochenkov E. S. State sovereignty in the context of the concepts of Slavophilism and Westernism/E. S. Sukhobochenkov // POLITBOOK. — 2022. — № 4. - S. 122-134.

[16] Texts of the most important basic laws of foreign states. Ch. 1: The basic laws of England. French constitutions of 1791, 1814 and 1830. Belgian Constitution/ed. F.F. Kokoshkin. - M.: M. and S. Sabashnikov, 1905.

[17] Chudinov A.V. Old order in France and its collapse/A.V. Chudinov. - St. Petersburg: Science, 2017. - 205 s.



Дата поступления рукописи в редакцию: 19.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-71-78

ГУСАИМ Иван Вячеславович,
научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук,
Россия, Москва,
ORCID: 0009-0006-0379-8523,
e-mail: GusaimIvan1997@yandex.ru

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВОК 2020 ГОДА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. *Конституционная реформа 2020 года стала значимым этапом развития аксиологического содержания Конституции Российской Федерации. Наряду с институциональными преобразованиями в конституционный текст были включены положения, связанные с исторической преемственностью российской государственности, защитой исторической памяти, семьей и детьми, культурой, русским языком, взаимным доверием государства и общества, социальным партнерством, экономической, политической и социальной солидарностью. В статье исследуется вопрос о том, в какой мере совокупность данных положений может рассматриваться в качестве идеологической основы конституционной реформы без ее отождествления с государственной или обязательной идеологией, запрещенной Конституцией Российской Федерации. Цель исследования состоит в выявлении правового механизма, посредством которого ценностно-мировоззренческие результаты конституционных поправок приобретают значение для обеспечения общественной безопасности. Методологическую основу составили формально-юридический, системный и аксиологический методы, анализ правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и документов стратегического планирования. Обосновано, что поправки 2020 года не создали самостоятельного механизма общественной безопасности, а модифицировали аксиологическую основу уже существующего конституционно-правового механизма ее обеспечения. Предложено разграничивать нормативно-трансляционное, социально-превентивное и гарантийно-ограничительное направления такого воздействия. Показано, что конституционные ценности способны не только определять объекты и ориентиры правовой охраны, но и задавать пределы публично-властного вмешательства посредством требований идеологического многообразия, правовой определенности, соблюдения прав и свобод человека и соразмерности применяемых мер. Сделан вывод о взаимном характере связи конституционных ценностей и общественной безопасности: ценности формируют нормативные ориентиры ее обеспечения, тогда как общественная безопасность создает условия для устойчивой реализации конституционных прав, свобод и институтов.*

Ключевые слова: *конституционные поправки, общественная безопасность, конституционные ценности, идеология, солидарность, гражданский мир, конституционная идентичность, национальная безопасность, правовая охрана, конституционализм.*

Благодарности: Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности, как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации (FFFZ-2025-0001)».

GUSAIM Ivan Vyacheslavovich,
Researcher, Center for Security Studies of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Moscow

THE IDEOLOGICAL BASIS OF THE 2020 CONSTITUTIONAL AMENDMENTS AND THEIR SIGNIFICANCE FOR ENSURING PUBLIC SECURITY

Annotation. *The constitutional reform of 2020 marked an important stage in the development of the axiological content of the Constitution of the Russian Federation. Along with institutional changes, the constitutional text incorporated provisions concerning the historical continuity of Russian statehood, the protection of historical memory, family and children, culture, the Russian language, mutual trust between the state and society, social partnership, and economic, political and social solidarity. The article examines the extent to which these provisions may be regarded as the ideological basis of the constitutional reform without identifying them with a state or mandatory ideology prohibited by the Constitution of the Russian Federation. The purpose of the study is to reveal the legal mechanism through which the value-based and worldview-related results of the constitutional amendments acquire significance for ensuring public security. The methodology includes formal legal, systemic and axiological methods, as well as analysis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and strategic planning documents. It is argued that the 2020 amendments did not create an independent mechanism of public security but modified the axiological foundations of the existing constitutional and legal mechanism for ensuring it. The study distinguishes three interrelated dimensions of this influence: normative-translational, socio-preventive and guarantee-limiting. Constitutional values are shown to determine not only the objects and priorities of legal protection but also the limits of public intervention through ideological pluralism, legal certainty, respect for human rights and proportionality. The article concludes that constitutional values and public security are functionally interdependent.*

Key words: *constitutional amendments, public security, constitutional values, ideology, solidarity, civil peace, constitutional identity, national security, legal protection, constitutionalism.*

Acknowledgments: The article was prepared as part of the implementation of the state assignment "Comprehensive study of public security issues as a strategic priority of national security of the Russian Federation (FFFZ-2025-0001)".

Введение

Конституционные преобразования имеют значение, выходящее за пределы формального изменения текста Основного закона. Закрепление новых принципов и ценностных ориентиров способно влиять на последующее законодательство, публичное управление и правоприменение. В этом отношении реформа 2020 г. представляет особый научный интерес: наряду с институциональными изменениями она усилила ценностную составляющую Конституции Российской Федерации, закрепив положения об исторической преемственности, памяти, семье и детях, культуре, взаимном доверии государства и общества, социальном партнерстве, экономической, политической и социальной солидарности [12].

Одновременно возникает конституционно-правовое противоречие. Конституция Российской Федерации закрепляет идеологическое многообразие и запрещает установление государственной или обязательной идеологии, однако сам ее текст объективно содержит представления о фундаментальных основах взаимодействия личности, общества и государства. В научной литературе идеологическая составляющая Конституции обоснованно связывается с системой конституционных ценностей и ориентиров при сохранении принципа идеологического многообразия [1].

Не менее значим вопрос о связи ценностных новелл с общественной безопасностью. Само закрепление ценности не доказывает ее непосредственного влияния на состояние общественных отношений: между конституционной нормой и конкретной деятельностью по обеспечению безопасности находятся стратегическое планирование, законодательство, правоприменение и общественные институты. Поэтому целью исследования является раскрытие идеологической основы поправок 2020 г. и определение правового механизма, посредством которого их ценностное содержание приобретает значение для общественной безопасности.

Рабочая гипотеза состоит в том, что реформа не сформировала самостоятельный механизм общественной безопасности, а **модифицировала аксиологическую основу уже существующего конституционно-правового механизма ее обеспечения**, усилив нормативную определенность ряда ценностных ориентиров.

Материалы и методы

Материалами исследования выступили Конституция Российской Федерации, Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ [13], Федеральный закон «О безопасности», правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, действующие документы стратегического планирования и современная конституционно-правовая литература.

Использованы формально-юридический, системный и аксиологический методы. Первый применялся для определения содержания конституционных новелл, второй – для сопоставле-

ния Конституции с последующим стратегическим и законодательным регулированием, третий – для выявления значения конституционных ценностей как ориентиров публичной политики. Анализ правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации позволил определить пределы ценностно ориентированного регулирования.

Результаты

Идеологическое содержание Конституции необходимо отличать от государственной либо обязательной идеологии. Конституция не может быть ценностно нейтральной в абсолютном смысле, поскольку закрепляет достоинство личности, права и свободы человека, народовластие, федерализм, социальную государственность, политическое и идеологическое многообразие. Тем самым Основной закон неизбежно содержит нормативное представление о фундаментальных принципах организации государства и общества. Непосредственно применительно к реформе 2020 г. в научной литературе ее идеологическая составляющая также исследуется через конституционные ценности, традиции и мировоззренческие ориентиры дальнейшего правового регулирования [2].

В этой связи под **идеологической основой конституционных поправок 2020 года** предлагается понимать совокупность конституционно формализованных ценностно-мировоззренческих ориентиров, определяющих содержательную направленность публично-правового регулирования при сохранении идеологического многообразия и недопустимости обязательного мировоззренческого единомыслия.

Такое определение позволяет избежать двух крайностей. Первая состоит в отрицании какого-либо идеологического содержания Конституции в силу запрета государственной идеологии. Вторая, напротив, сводит конституционно закрепленные ценности к обязательной мировоззренческой доктрине. Представляется, что обе позиции недостаточно учитывают специфику конституционного регулирования: ценностный ориентир приобретает юридическое значение не потому, что государство требует его безусловного принятия каждым гражданином, а потому, что он включен в систему конституционных норм и принципов и должен толковаться во взаимосвязи с ними.

Данная граница получила официальное конституционно-правовое подтверждение в Заключении Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-З [14]. Проверяя положения Закона о поправке на соответствие главам 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации, Суд не признал их ценностную направленность установлением государственной либо обязательной идеологии. Это позволяет рассматривать идеологическое содержание реформы именно в аксиологическом смысле – как совокупность юридически выраженных ценностных ориентиров, а не как средство мировоззренческой унификации общества.

Значение такого содержания не исчерпывается непосредственным текстом Конституции. Конституционная реформа способна воздействовать на дальнейшее развитие правовой системы, законодательство, деятельность публичных институтов и правоприменение [3]. Поэтому исследование поправок только как совокупности новых формулировок было бы недостаточным: принципиальное значение имеет их дальнейшая нормативная конкретизация.

В научной литературе реформа 2020 г. характеризуется как трансформация системы конституционных ценностей [4]. Вместе с тем представляется более точным говорить не о замене существовавшей конституционной аксиологии, а о ее развитии. Основы конституционного строя не утратили юридического приоритета, тогда как отдельные ценности получили более выраженную нормативную форму.

Анализ содержания поправок позволяет выделить несколько взаимосвязанных направлений такой аксиологической конкретизации. Историко-идентификационный компонент образуют положения о преемственности российской государственности, исторически сложившемся государственном единстве и защите исторической памяти. Семейно-межпоколенческий выражается в дополнительном конституционном акценте на положении детей, семье и воспитании. Культурно-интеграционный связан с языком, культурой и сохранением этнокультурного многообразия. Наконец, социально-солидарный компонент включает взаимное доверие государства и общества, социальное партнерство, баланс прав и обязанностей, экономическую, политическую и социальную солидарность.

Юридическое значение конституционализации ценности заключается не только в ее символическом признании. Приобретая конституционный статус, соответствующий ориентир получает повышенную правовую значимость и становится фактором последующего нормотворчества, интерпретации и деятельности публичной власти [5]. Однако отсюда не следует возможность автоматически выводить из конституционной ценности любое ограничение или запрет: ее реализация должна осуществляться внутри общей системы Конституции.

Для темы общественной безопасности наиболее значим социально-солидарный компонент реформы. Солидарность рассматривается в современной конституционно-правовой доктрине

как самостоятельная ценность, относящаяся к взаимодействию личности, общества и государства [6]. Важно, что в Конституции она закреплена в смысловой связи с доверием государства и общества, социальным партнерством и балансом прав и обязанностей. Тем самым речь идет не о специальной мере безопасности, а о нормативной модели устойчивого социального взаимодействия.

Установление этой особенности позволяет перейти к вопросу о месте указанных ценностей в системе общественной безопасности. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» непосредственно выделяет общественную безопасность в числе регулируемых направлений, однако не дает исчерпывающего определения данной категории [15]. Поэтому при ее конституционно-правовом исследовании неизбежно сохраняется значение доктринального подхода. Современные исследования предлагают учитывать при определении общественной безопасности не только защищенность от конкретных противоправных посягательств, но и устойчивость общественных институтов, состояние социальных связей и аксиологическую природу охраняемых интересов [7].

Для целей настоящего исследования общественная безопасность рассматривается как относительно самостоятельное направление национальной безопасности, характеризующее защищенность личности, общества, общественных институтов и устойчивых условий коллективной жизнедеятельности от угроз, способных нарушать гражданский мир, социальную стабильность, правопорядок и нормальное функционирование общественных отношений. Такое определение используется как исследовательская конструкция и позволяет сопоставить содержание общественной безопасности с ценностными новеллами Конституции.

Ключевое значение при таком сопоставлении приобретает стратегический уровень регулирования. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации относит государственную и общественную безопасность к стратегическим национальным приоритетам и связывает соответствующее направление с защитой прав и свобод, укреплением гражданского мира и согласия, обеспечением политической и социальной стабильности, развитием взаимодействия государства и гражданского общества, предупреждением социальной напряженности и иных деструктивных процессов [16].

Именно здесь обнаруживается нормативная связь с социально-солидарным содержанием реформы. Конституционное закрепление солидарности и доверия само по себе не обеспечивает безопасность, однако на следующем уровне правового регулирования гражданский мир, согласие и социальная стабильность уже выступают целями соответствующей государственной политики. Следовательно, между конституционной ценностью и сферой безопасности существует не прямая причинность, а последовательная правовая конкретизация.

Значение поправок для конституционных основ безопасности уже являлось предметом самостоятельного научного анализа [8]. Поэтому утверждение о том, что реформа 2020 г. в принципе затронула сферу безопасности, не может составлять научную новизну настоящего исследования. Особенность предлагаемого подхода заключается в рассмотрении прежде всего тех новелл, которые непосредственно не сформулированы как нормы о безопасности, но способны приобретать соответствующее значение посредством дальнейшего стратегического и правового развития.

Этот процесс прослеживается и в государственной политике по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Действующие Основы соответствующей государственной политики связывают ценностную сферу с противодействием социокультурным угрозам, сохранением общероссийской гражданской идентичности, гражданского мира и согласия, укреплением законности и правопорядка [17]. Вместе с тем традиционные российские духовно-нравственные ценности нельзя полностью отождествлять с конституционными ценностями: последние включают также достоинство, равенство, права и свободы человека, политическое и идеологическое многообразие. Следовательно, стратегическая ценностная политика может реализовываться только внутри более широкой конституционной системы координат.

Дополнительную конкретизацию дают положения Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 г., связывающие гражданскую идентичность и единство с межнациональным и межрелигиозным согласием, предупреждением конфликтов и укреплением устойчивости общественных отношений [18]. Такое развитие стратегического регулирования позволяет говорить о последовательной функциональной связи ценностных ориентиров, социальной интеграции и предотвращения процессов, способных представлять угрозу общественной безопасности.

Полученные результаты позволяют предложить понятие **аксиологически опосредованного механизма значения конституционных поправок для общественной безопасности**. Его исходное положение состоит в отсутствии непо-

средственной причинной зависимости между закреплением конституционной ценности и изменением фактического состояния безопасности. Воздействие происходит через несколько взаимосвязанных юридических и социальных направлений.

Первое из них имеет нормативно-трансляционный характер. Конституционная ценность получает развитие посредством конституционного толкования, стратегического целеполагания, определения общественно значимых интересов, законодательной конкретизации и последующего правоприменения. В современной доктрине уже сформулирован подход к трансляции стратегических целеполаганий в законодательство об общественной безопасности через категорию общественного интереса [9]. Развивая его применительно к рассматриваемой теме, следует включить в механизм предшествующий уровень – саму Конституцию. Стратегическое регулирование не существует автономно от конституционной системы ценностей, а потому закрепление определенного ориентира на конституционном уровне способно влиять на дальнейшее содержание публичной политики.

Такой подход объясняет и пределы непосредственного действия ценностной нормы. Конституционное положение, закрепляющее солидарность или историческую память, не определяет конкретное полномочие правоохранительного органа. Чем дальше осуществляется переход от общего конституционного ориентира к конкретной мере государственного вмешательства, тем выше должны быть требования к законодательному основанию, правовой определенности и компетенции соответствующего субъекта.

Второе направление имеет социально-превентивный характер. Состояние общественной безопасности зависит не исключительно от эффективности государственного принуждения. Значение имеют правосознание, доверие к публичным институтам, способность социальных групп признавать легитимные правила разрешения противоречий и готовность взаимодействовать в пределах правового порядка. Связь конституционных ценностей, правосознания и предупреждения внутригосударственных кризисных процессов уже получила научное обоснование [10].

При этом социально-превентивный потенциал ценностей не означает стремления устранить конфликт как социальное явление. В условиях идеологического и политического многообразия различие интересов является естественным. Конституционно значимой выступает способность общества разрешать возникающие противоречия правовыми и ненасильственными способами. Поэтому солидарность и гражданский мир следует понимать не как требование одинаковых взглядов, а как условия сохранения допустимых форм взаимодействия между различными социальными субъектами.

Социально-превентивная связь может быть представлена как движение от ценностного ориентира через правосознание, идентичность, доверие и солидарность к поддержанию гражданского мира и снижению риска деструктивной эскалации общественных противоречий. Однако такая последовательность характеризует **функциональный потенциал**, а не установленную статистическую причинность. Сам факт конституционного закрепления ценности не доказывает изменения фактического поведения общества.

Третье направление является гарантийно-ограничительным. Его значение состоит в том, что Конституция определяет не только объекты защиты, но и допустимые пределы средств, применяемых ради безопасности. Правовое обеспечение государственной и общественной безопасности в практике конституционного правосудия рассматривается через необходимость поддержания баланса конституционно значимых интересов и соблюдения требования соразмерности [11].

Поэтому ценностно ориентированная политика безопасности не может оправдывать неограниченное публично-властное вмешательство. Ее пределами выступают достоинство личности, права и свободы человека, равенство, идеологическое многообразие, правовая определенность и пропорциональность. Чем интенсивнее принимаемая мера затрагивает сферу конституционных прав, тем более строгому обоснованию должны подвергаться ее цель, необходимость и юридическая форма.

Так проявляется внутренний предел самой идеологической основы поправок. Охрана исторической памяти не может устранять свободу мысли; поддержание общественного согласия – исключать законную общественную дискуссию; защита ценностных ориентиров – трансформироваться в обязательное мировоззренческое единомыслие. В противном случае защита одной конституционно значимой ценности могла бы осуществляться посредством необоснованного умаления другой.

Таким образом, нормативно-трансляционное, социально-превентивное и гарантийно-ограничительное направления существуют во взаимосвязи. Первое объясняет юридический путь конкретизации ценности, второе – ее возможное значение для устойчивости общественных отношений, третье – пределы допустимого государственного воздействия. Именно их единство характеризует аксиологически опосредованное

значение конституционной реформы 2020 г. для общественной безопасности.

Обсуждение

Предлагаемый подход уточняет существующее представление о связи конституционной реформы и безопасности. Научная новизна заключается не в признании ценностного содержания поправок или самого факта их значения для безопасности, а в системном объяснении того, **каким образом ценностная новелла, непосредственно не являющаяся нормой о безопасности, может приобрести соответствующую функцию и одновременно установить пределы ее реализации**.

В отличие от трансляционного подхода, начинающего анализ со стратегического целеполагания, в настоящем исследовании отправной точкой является конституционная ценность. При этом не утверждается, что каждый стратегический приоритет является прямым следствием конкретной поправки. Речь идет о последовательной нормативной конкретизации и обязательной совместимости стратегического регулирования с конституционной системой ценностей.

Исследование имеет нормативно-доктринальный характер и не устанавливает эмпирическую эффективность поправок 2020 г. Изменение преступности, общественного доверия, межнациональной напряженности и иных социальных показателей зависит от множества факторов и не может объясняться самим фактом изменения Конституции. Поэтому научно обоснованным является вывод о формировании **нормативных предпосылок и механизмов воздействия**, но не о доказанной причинной эффективности конкретных поправок.

Нормативное признание ценности также не означает ее одинакового восприятия всеми членами общества. В условиях конституционного плюрализма интеграционный потенциал ценностного регулирования существует лишь при сохранении равенства, свободы убеждений и законной общественной дискуссии. В результате связь общественной безопасности и конституционных ценностей приобретает взаимный характер: ценности определяют часть ориентиров и пределов безопасности, тогда как общественная безопасность создает условия для устойчивой реализации прав, свобод и деятельности общественных институтов.

Заключение

Идеологическую основу конституционных поправок 2020 г. следует рассматривать не как государственную или обязательную идеологию, а как совокупность конституционно формализованных ценностно-мировоззренческих ориентиров, действующих внутри общей системы Конституции и ограниченных принципами идеологического многообразия, равенства и прав человека.

Реформа 2020 г. не создала новую систему конституционных ценностей с нуля, но усилила нормативную определенность историко-идентификационных, семейно-межпоколенческих, культурно-интеграционных и социально-солидарных ориентиров. Наиболее выраженная связь с общественной безопасностью обнаруживается применительно к солидарности, взаимному доверию государства и общества, гражданскому миру, согласию и устойчивости общественных отношений.

Значение поправок для общественной безопасности носит преимущественно аксиологически опосредованный характер. Конституционные новеллы не создают самостоятельного механизма безопасности, а **модифицируют аксиологическую основу уже существующего конституционно-правового механизма ее обеспечения**. Такое воздействие реализуется в нормативно-трансляционном, социально-превентивном и гарантийно-ограничительном направлениях.

Тем самым ценностно ориентированное обеспечение общественной безопасности конституционно оправданно лишь постольку, поскольку само остается внутри системы Конституции. Конституционные ценности способны определять не только то, что подлежит правовой охране, но и пределы допустимых средств такой охраны. Именно сочетание общественной защищенности с правами человека, идеологическим многообразием, правовой определенностью и пропорциональностью позволяет рассматривать аксиологическое содержание реформы 2020 г. как элемент современного конституционно-правового механизма общественной безопасности.

Список литературы:

[1] Кокотов А. Н. Конституция России и идеология // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. – № 12. – С. 11–23.

[2] Масленникова С. В. Идеология конституционных поправок 2020 г. в сфере социального и экономического развития // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 5. С. 24–47.

[3] Лазарев В. В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 4. С. 5–17.

[4] Руденко В. В. Российская конституционная реформа 2020 года: трансформация системы ценностей // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 4 (62). С. 71–83.

[5] Саликов М. С., Гончаров М. В. Конституционные ценности на новом этапе развития основного закона Российской Федерации // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. № 1. С. 60–68.

[6] Руденко В. В. Солидарность как конституционно-правовая ценность в России // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 198–216.

[7] Колоткина О. А. Значение унификации понятийно-категориального аппарата национальной безопасности в контексте уточнения содержания категории «общественная безопасность» // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 3. С. 49–58.

[8] Ирошников Д. В. Отражение категории «безопасность» и производных от нее понятий в Конституции Российской Федерации (в свете поправок 2020 года) // Вопросы безопасности. 2021. № 3. С. 44–59.

[9] Колоткина О.А., Ягофарова И.Д. От национальных интересов к общественным: проблема трансляции стратегических целеполаганий в законодательстве об общественной безопасности. Конституционное и муниципальное право № 03/2026. С. 25–29.

[10] Задорожная Е. В. 2025. Конституционные ценности и уровень правосознания граждан как факторы предотвращения внутригосударственных кризисов. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 50(3): С. 593–601.

[11] Тарибо Е.В. Вопросы правового обеспечения безопасности в практике конституционного правосудия. Журнал Конституционного правосудия № 01/2026. С. 1–4.

[12] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.

[13] Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.

[14] Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347691/ (дата обращения: 09.08.2026).

[15] Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (с изм.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 1, ст. 2.

[16] Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения: 09.08.2026).

[17] Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (ред. от 4 марта 2026 г.). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 09.08.2026).

[18] Указ Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_519680/ (дата обращения: 09.08.2026).

References:

[1] Kokotov, A. N. The Constitution of Russia and Ideology // Actual Problems of Russian Law. – 2023. – Vol. 18. – No. 12. – Pp. 11–23.

[2] Maslennikova, S. V. The Ideology of the 2020 Constitutional Amendments in the Sphere of Social and Economic Development // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. No. 5. Pp. 24–47.

[3] Lazarev, V. V. The Ideology of Constitutional Reform of the Legal System of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25. No. 4. Pp. 5–17.

[4] Rudenko, V. V. The Russian Constitutional Reform of 2020: Transformation of the Value System // Leningrad Law Journal. 2020. No. 4 (62). Pp. 71–83.

[5] Salikov M. S., Goncharov M. V. Constitutional Values at a New Stage of Development of the Basic Law of the Russian Federation // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. No. 1. pp. 60–68.

[6] Rudenko V. V. Solidarity as a Constitutional and Legal Value in Russia // Antinomies. 2025. Vol. 25, issue 1. pp. 198–216.

[7] Kolotkina O. A. The Importance of Unifying the Conceptual and Categorical Apparatus of National Security in the Context of Clarifying the Contents of the Category “Public Security” // Electronic Scientific Journal “Science. Society. State”. 2025. Vol. 13, No. 3. pp. 49–58.

[8] Iroshnikov D. V. Reflection of the Category of "Security" and Derivative Concepts in the

Constitution of the Russian Federation (in Light of the 2020 Amendments) // Security Issues. 2021. No. 3. pp. 44–59.

[9] Kolotkina O. A., Yagofarova I. D. From National Interests to Public Interests: The Problem of Broadcasting Strategic Goals in Legislation on Public Security. Constitutional and Municipal Law No. 03/2026. pp. 25–29.

[10] Zadorozhnaya E. V. 2025. Constitutional Values and the Level of Legal Awareness of Citizens as Factors in Preventing Domestic Crises. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 50(3): pp. 593–601.

[11] Taribo E. V. Issues of Legal Support of Security in the Practice of Constitutional Justice. Journal of Constitutional Justice, No. 01/2026. pp. 1–4.

[12] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2014. — No. 31. — Art. 4398.

[13] Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020, No. 1-FKZ “On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority” // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2020. — No. 11. — Art. 1416.

[14] Opinion of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 16, 2020 No. 1-Z "On the Conformity of the Provisions of Chapters 1, 2, and 9 of the Constitution of the Russian Federation with the Provisions of the Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority" That Have Not Entered into Force, as well as on the Conformity of the Procedure for the Entry into Force of Article 1 of This Law in Connection with the Request of the President of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347691/ (date accessed: 09.08.2026).

[15] Federal Law of December 28, 2010 No. 390-FZ "On Security" (as amended) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2011. — No. 1, Art. 2.

[16] Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (date of access: 09.08.2026).

[17] Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" (as amended on March 4, 2026). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (accessed: 09.08.2026).

[18] Decree of the President of the Russian Federation of November 25, 2025 No. 858 "On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2036" // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_519680/ (accessed: 09.08.2026).

- ПРАВО И ЭКОНОМИКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-79-86
Дата принятия рукописи в печать: 01.08.2026 г.

ЗАРИПОВ Шамиль Ришатович,
Старший преподаватель кафедры финансового и административного права Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: zaripovlawyer@mail.ru

ЗАРИПОВ Ришат Усманович,
Старший преподаватель кафедры физической культуры Института природы и человека ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: kafedrafvbgu@yandex.ru

АСЛАЕВ Сагит Тухватович,
Кандидат педагогических наук, профессор, советник ректора ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: kafedrafvbgu@yandex.ru

АСЛАЕВ Тимур Сагитович,
Доцент кафедры физической культуры Института природы и человека ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: kafedrafvbgu@yandex.ru

КУДАШЕВ Рустем Кимович,
Доцент кафедры физической культуры Института природы и человека ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: kafedrafvbgu@yandex.ru

САЙФУТДИНОВ Вахит Варисович,
Доцент кафедры физической культуры Института природы и человека ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: kafedrafvbgu@yandex.ru

ПРЕДМЕТ ФИНАНСОВОГО ПРАВА В ИСЛАМСКИХ СТРАНАХ

Аннотация. *В статье исследуется предмет финансового права в исламских странах, представляющий собой совокупность общественных отношений, возникающих в процессе формирования, распределения и использования публичных фондов денежных средств на основе принципов шариата и норм исламского права (фикха). Авторы раскрывают генезис исламских публичных финансов от эпохи Пророка Мухаммеда до современного ренессанса исламской финансовой системы в XX–XXI веках. Анализируются ключевые группы отношений, входящих в предмет финансового права: отношения по формированию государственной казны (Байт-аль-мал) из дозволенных источников (закят, харадж, джизья, сукук и др.); отношения по целевому распределению бюджетных средств на социальные нужды; отношения в сфере исламского банкинга и беспроцентных контрактов (мудараба, мушарака, мурабаха, иджара); отношения по государственному кредиту через выпуск сукук; отношения по финансовому контролю, включая шариатский надзор; а также отношения в сфере исламского страхования (такафул). Особое внимание уделяется отличительным чертам исламской модели: первично-*

сти религиозных норм, определяющих дозволенные и запрещённые источники доходов и направления расходов, а также двойственной природе финансово-правовой ответственности юридической перед государством и религиозно-этической перед Аллахом. Делается вывод, что предмет финансового права в исламских странах имеет не только экономическое, но и духовно-нравственное измерение, а его границы жёстко обусловлены религиозно-правовыми императивами шариата, что отличает его от светских правовых систем.

Ключевые слова: *предмет финансового права, исламские страны, шариат, Байт-аль-мал, закят, вакф, сукук, исламский банкинг, мудараба, мушарака, мурабаха, такафул.*

ZARIPOV Shamil Rishatovich,
Senior Lecturer, Department of Financial and Administrative Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

ZARIPOV Rishat Usmanovich,
Senior Lecturer at the Department of Physical Education at the Institute of Nature and Man, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

ASLAEV Sagit Tukhvatovich,
Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Advisor to the Rector of Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

ASLAEV Timur Sagitovich,
Associate Professor of the Department of Physical Education at the Institute of Nature and Man, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

KUDASHEV Rustem Kimovich,
Associate Professor of the Department of Physical Education at the Institute of Nature and Man, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

SAYFUTDINOV Vakhit Varisovich,
Associate Professor of the Department of Physical Education at the Institute of Nature and Man, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

THE SUBJECT OF FINANCIAL LAW IN ISLAMIC COUNTRIES

Annotation. *The article examines the subject of financial law in Islamic countries, which represents a set of social relations arising in the process of formation, distribution and use of public funds based on the principles of Sharia and the norms of Islamic law (fiqh). The authors reveal the genesis of Islamic public finance from the era of Prophet Muhammad to the modern renaissance of the Islamic financial system in the 20th–21st centuries. The key groups of relations that constitute the subject of financial law are analyzed: relations on the formation of the state treasury (Bayt al-mal) from permitted sources (zakat, kharaj, jizya, sukuk, etc.); relations on the targeted distribution of budget funds for social needs; relations in the field of Islamic banking and interest-free contracts (mudaraba, musharaka, murabaha, ijara); relations on state credit through the issuance of sukuk; relations on financial control, including Sharia supervision; as well as relations in the field of Islamic insurance (takaful). Special attention is paid to the distinctive features of the Islamic model: the primacy of religious norms that determine permitted and prohibited sources of income and expenditure areas, as well as the dual nature of financial and legal liability legal before the state and religious-ethical before Allah. It is concluded that the subject of financial law in Islamic countries has not only economic but also spiritual and moral dimensions, and its boundaries are strictly determined by the religious and legal imperatives of Sharia, which distinguishes it from secular legal systems.*

Key words: *subject of financial law, Islamic countries, Sharia, Bayt al-mal, zakat, waqf, sukuk, Islamic banking, mudaraba, musharaka, murabaha, takaful.*

Как отмечают Н.А. Львова и Н.В. Покровская: «История исламских финансов ведет отсчет с VII в., когда ислам начал зарождаться как одна из мировых религий» [11, с. 32]. Генезис исламских публичных финансов уходит корнями в эпоху Пророка Мухаммеда, когда средства из военной добычи и первых налогов (закят, джизья) распределялись сразу, без создания постоянного казначейства. Основа исламских финансов была заложена ещё в ранний период исламской цивилизации, когда мусульманские правоведы начали разрабатывать нормы экономического поведения, соответствующие Корану и Сунне. В VIII–XIII веках, в эпоху исламского Золотого века, распространение исламских способов финансирования в Азии, Африке и Европе было связано с экспансией Арабского халифата, однако в течение 600 лет османского владычества мало что происходило в плане развития системной исламской экономики, и практика Османской империи всё больше следовала западным образцам [15, с. 101]. Ключевой этап становления пришёлся на правление халифа Умара ибн аль-Хаттаба (634–644 гг.), который, столкнувшись с масштабными завоеваниями, институционализировал Байт аль-Мал («Дом имущества») как централизованную казну, запретил делить завоёванные земли между воинами, ввёл регулярные выплаты жалованья из казны и создал кадастровые реестры - диваны, используя византийские и сасанидские фискальные образцы [8, с. 288]. Сложилась правовая доктрина, согласно которой имам (глава государства) являлся не собственником, а лишь распорядителем общественного достояния. В период расцвета при Омейядах и ранних Аббасидах сформировалась чёткая архитектура доходов: военные поступления (ганима, фай), налоги с иноверцев (джизья, харадж) и обязательные налоги мусульман (закят, ушр). Расходы строго регламентировались шариатом: средства закята шли на помощь бедным и нуждающимся, харадж и джизья на содержание армии, чиновников и социальные нужды, а хумс распределялся между Аллахом, Пророком, его родственниками, сиротами и путниками. Со временем, по мере расширения империи и ослабления контроля верховной власти, при поздних Аббасидах произошло разделение на общую казну (Байт Мал аль-Муслимин) и личную казну халифа (Байт Мал аль-Хасса), сбор налогов всё чаще отдавался на откуп, что привело к массовым злоупотреблениям, коррупции и фактической утрате халифами контроля над доходами начался длительный период деградации и упадка. Лишь в середине XX века исламские финансы вновь начали заявлять о своей идентичности. В 1930–1950-е годы исламские экономисты инициировали первый критический анализ ссудного процента с позиции исламской экономики и попытались наметить соответствующие шариату альтернативы в форме партнёрств. К 1953 году они предложили первое описание беспроцентного банка, основанного на двухуровневой мударабе [2, с. 153].

В современную эпоху концепция исламских публичных финансов переживает ренессанс, институты закята и вакфа адаптируются для решения социальных проблем, обсуждается применение блокчейна для повышения прозрачности, а исторический опыт Саудовского государства XVIII–XIX веков демонстрирует жизнеспособность модели Байт аль-Мал в новых условиях [9, с. 159].

Первые экспериментальные исламские банки в виде обществ беспроцентных сбережений и займов возникли в 1950–1960-х годах в Пакистане и на Индийском субконтиненте. Ключевым проектом стал эксперимент в египетском городке Мит-Гамр, начатый в июле 1963 года под руководством экономиста Ахмада ан-Наггара; это был первый в мире успешный эксперимент по созданию финансового института, работающего без процентов, где деньги не продавались, а инвестировались в партнёрстве с разделением прибыли и убытков [4, с. 45]. К 1967 году в Египте действовало девять подобных сберегательных касс. Практически одновременно в Малайзии в 1962 году была создана организация «Табунг Хаджи» сберегательный фонд для паломников, который стал старейшим исламским финансовым учреждением современности, успешно функционирующим по сей день.

Настоящий прорыв произошёл в 1970-е годы благодаря окончанию колониализма, росту религиозности и, что наиболее важно, нефтяному буму, который принёс беспрецедентный уровень благосостояния и избыточные сбережения населению богатых нефтью государств Ближнего Востока. Поворотным стал 1975 год, когда были созданы Исламский банк Дубая - первый в мире полноценный коммерческий исламский банк, и Исламский банк развития (ИБР) - многонациональный банк, учреждённый под эгидой Организации Исламская конференция при поддержке короля Саудовской Аравии Фейсала [2, с. 155]. Также в 1975 году мусульманские юристы выступили против традиционного страхования, что заложило основу для альтернативной структуры такафула (исламского страхования), а в 1979 году была основана первая такафул-компания. В 1976 году в Мекке прошла первая Международная конференция по исламской экономике, положившая начало академической деятельности; в 1978 году в Университете короля Абдул-Азиза в Джидде создан Центр исследований в области исламской экономики. В 1979 году Пакистан стал первой

страной, внедрившей практику исламского банкинга на государственном уровне, а в Судане появилась первая исламская страховая компания. Начиная с 1975 года исламское банковское движение привело к возникновению около 200 работающих на непроцентной основе финансовых учреждений в 40 странах; три страны Пакистан, Иран и Судан, сделали исламский банкинг частью государственной политики, запретив проценты во всех банках [19, с. 38].

В 1980-е годы движение исламских банков и академических институтов продолжало усиливаться. В 1980 году Пакистан принял закон о создании компаний Мудараба. В июле 1983 года Малайзия открыла свой первый официальный банк, соответствующий нормам шариата — Bank Islam Malaysia Berhad (BIMB), а также приняла Исламский банковский акт, ставший первым в мире специализированным законом, регулирующим деятельность исламских банков. В сентябре 1983 года Судан реформировал свою банковскую систему на основе исламских принципов, создав двойную систему: исламскую на севере и традиционную на юге. В марте 1984 года Иран перешёл к беспроцентной банковской деятельности на национальном уровне после принятия закона об исламском банковском деле. К 1985 году исламские финансовые продукты предлагали уже более 50 традиционных банков по всему миру. В 1990-е годы интерес общественности к исламской финансовой системе продолжал расти, крупные международные традиционные банки начали использовать «исламские окна», были запущены исламские индексы Dow Jones и Financial Times, в западных академических кругах возрос интерес к исламским финансам, и был создан Гарвардский исламский финансовый форум. В 1991 году в Индонезии был создан первый исламский банк, официально спонсируемый государством Bank Muamalat.

Ключевым вызовом для растущей индустрии стала необходимость унификации практик и разработки общих стандартов. 26 февраля 1990 года была учреждена Организация по бухгалтерскому учёту и аудиту исламских финансовых институтов (AAOIFI) в Бахрейне, которая разрабатывает стандарты бухгалтерского учёта, аудита, управления, этики и шариата. В 2000-е годы появились и быстро увеличились в объёме суверенные и корпоративные сукук (исламские облигации) как альтернатива традиционным облигациям [14, с. 62]. В 2002 году в Куала-Лумпуре, Малайзия, основан Совет по исламским финансовым услугам (IFSB), разрабатывающий глобальные пруденциальные стандарты для обеспечения стабильности и надёжности индустрии. В 2004 году в Казахстане открыт первый исламский банк в странах СНГ, Al Hilal Islamic Bank, а в Соединённом Королевстве открывается Исламский банк Великобритании, первый в Европейском союзе банк, действующий в соответствии с нормами шариата.

С 2014 года происходит существенный рост исламского финансирования на международном уровне, включая рост рынка сукука и исламских фондов. В 2024 году активы исламских финансов достигли 3,88 трлн долларов США, показав годовой рост в 14,9%, что выгодно отличается от традиционного глобального финансового сектора; прогнозируется, что к 2028 году глобальные активы достигнут 7,5 трлн долларов [6, с. 118]. Современные тенденции включают цифровую трансформацию (исламский финтех): токенизированные сукук, системы расчётов на основе блокчейна, инструменты обеспечения соответствия шариату на базе искусственного интеллекта, снижение издержек и улучшение трансграничного управления [14, с. 62]. Сукук всё активнее используются для финансирования инфраструктурных проектов и проектов устойчивого развития.

Что касается России, идея внедрения исламского банкинга впервые возникла во время финансового кризиса 2008 года. В 2011 году после публикации стандартов Центральным банком РФ началось активное обсуждение вопросов развития исламских финансов. В 2013 году в Татарстане была введена первая в России исламская микрофинансовая компания «Лариба-Финанс». В 2022 году появились первые исламские финансовые инструменты и услуги на институциональном уровне (исламские банковские карты). 4 августа 2023 года принят Федеральный закон № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнёрскому финансированию в отдельных субъектах РФ». Эксперимент проводится с 1 сентября 2023 года по 1 сентября 2025 года на территориях Башкортостана, Татарстана, Чечни и Дагестана. Итоги первого квартала 2024 года обнадеживают: через исламский банкинг заключено 315 сделок на общую сумму свыше 1 млрд рублей, в реестре ЦБ по исламскому банкингу зарегистрированы 19 финансовых организаций. 11 октября 2024 года зарегистрирована первая в России сделка по исламскому банкингу через платформу «СТАТУС-ИНВЕСТ».

Таким образом, раскрыв генезис и динамику развития исламских финансов как системообразующей категории финансового права в исламских странах, мы можем раскрыть сущность предмета финансового права в исламских странах. Предмет финансового права в исламских странах представляет собой совокупность общественных отношений, возникающих в процессе

формирования, распределения и использования публичных (государственных) и иных фондов денежных средств, которые основаны на принципах шариата и урегулированы нормами исламского права (фикха) и национального законодательства [12, с. 17]. Предмет финансового права в исламских странах включает несколько ключевых групп отношений:

Во-первых, это отношения по формированию государственной казны (Байт-уль-мал), связанные с мобилизацией доходов исключительно из дозволенных (халяль) источников: 1) закят (обязательный религиозный налог на имущество и доходы мусульман) [13, с. 179]; 2) харадж и ушр (налоги с сельскохозяйственных земель и продукции); 3) джизья (подушный налог с немусульман); 4) ганима и фай (поступления от военной деятельности); 5) доходы от государственной собственности; 6) выпуск сукук (исламских ценных бумаг) как форма государственного заимствования, не противоречащая запрету на рибу [18, с. 146];

Во-вторых, предметом выступают отношения по распределению и использованию бюджетных средств, где расходы строго предписаны шариатом и направлены на общественные нужды (социальную функцию): 1) финансирование социальной сферы (помощь бедным, сиротам); 2) здравоохранение; 3) образование; 4) содержание государственного аппарата и армии; 5) финансирование религиозных институтов [17, с. 207];

В-третьих, в предмет входят отношения в сфере исламского банкинга и исламских финансов, возникающие при использовании специфических беспроцентных контрактов: 1) мудараба (доверительное партнёрство «капитал/управление») [10, с. 114]; 2) мушарака (долевое партнёрство с совместным вложением капитала) [10, с. 114]; 3) мурабаха (торговая сделка с наценкой, когда банк покупает товар и перепродаёт клиенту) [5, с. 39]; 4) иджара (финансовая аренда, лизинг); 5) кард-уль-хасан (беспроцентный благотворительный заём);

В-четвёртых, предмет охватывает отношения по государственному кредиту и управлению долгом, поскольку процентные займы (риба) запрещены, эти отношения связаны с выпуском и обращением сукук, которые предоставляют инвестору долю в реальном активе, а не долговое требование с процентами [14, с. 62];

В-пятых, предмет включает отношения по финансовому контролю, причём не только стандартный государственный финансовый контроль (счётные палаты, казначейство), но и шариатский надзор – деятельность шариатских советов при центральных банках и финансовых институтах, следящих за соответствием финансовых операций нормам Корана и Сунны [3, с. 212];

В-шестых, в сферу предмета попадают отношения в сфере страхования (такафул), основанные на принципах добровольного пожертвования (табарру) и взаимного распределения риска между участниками, в отличие от традиционного коммерческого страхования, содержащего элементы гарара и майсира. Ключевая особенность предмета финансового права в исламских странах заключается в том, что, в отличие от западных или российской правовых систем, где основой служат экономическая целесообразность и закон, здесь первичными являются религиозные нормы шариата, определяющие, какие доходы и расходы дозволены (халяль), какие запрещены (харам) и как должны строиться финансовые отношения между государством, институтами и гражданами [12].

Финансовая деятельность в исламских странах как центральная категория исламского финансового права представляет собой процесс формирования, распределения и использования фондов денежных средств, прежде всего государственной казны байт-аль-мал, в строгом соответствии с нормами шариата, что коренным образом отличает её от классической западной и российской модели. Сущность этой деятельности определяется основополагающими принципами и запретами, среди которых категорический запрет рибы (ростовщичества, то есть любого заранее обусловленного процентного дохода), запрет гарара и майсира (чрезмерной неопределённости, риска и азартных игр), обязательность закята как одного из столпов ислама, принцип разделения прибылей, убытков и рисков между участниками сделки, святость контрактов и раскрытие информации, а также конечная цель социальной справедливости, выражающаяся в справедливом распределении доходов и поддержке нуждающихся. Финансовая деятельность охватывает несколько ключевых сфер: 1) бюджетную деятельность по управлению байт-аль-мал, включая формирование доходов из дозволенных источников (закят, харадж, ушр, джизья, доходы от госимущества, выпуск сукук) и осуществление строго целевых расходов на социальные нужды, оборону и управление [8, с. 287]; 2) налоговую деятельность, прежде всего взимание и распределение закята; 3) банковскую и инвестиционную деятельность через альтернативные партнёрские контракты (мудараба, мушарака) и торговые контракты (мурабаха, иджара), а также беспроцентный благотворительный заём кард-уль-хасан [5, с. 39]; 4) страховое дело в форме такафул, основанного на принципах взаимного сотрудничества и добровольного пожертвования табарру; денежное обращение и валютное регулирование; 5) финансовый контроль, включающий не только государ-

ственный надзор, но и специализированный шариатский надзор, осуществляемый советами при центральных банках и финансовых институтах [3]. В рамках этой деятельности реализуются распределительная (перераспределительная), контрольная, регулятивная, социальная и стабилизационная функции [16].

Субъекты финансовой деятельности в исламских странах включают государство в лице халифа, султана или правительства, которое выступает верховным распорядителем публичных финансов и отвечает за формирование и расходование средств байт-аль-мал в соответствии с шариатом, а также за установление и сбор закята, хараджа, джизьи и других одобренных налогов. Участниками финансовой деятельности в исламских странах являются: 1) Институт государственной казны байт-аль-мал, который одновременно является и субъектом как управленческий аппарат, и объектом как хранилище средств; 2 Исламские банки и финансовые институты, работающие на основе беспроцентных контрактов и выступающие ключевыми посредниками в инвестиционной и кредитной деятельности; 3) Физические и юридические лица, включая вкладчиков, предпринимателей, получателей финансирования и благотворительной помощи; 4) Институт хисбы, осуществляющий контроль за соблюдением шариатских норм в экономической и финансовой сферах; 5) Шариатские советы (комитеты), дающие фетвы о соответствии финансовых продуктов нормам ислама и являющиеся высшей апелляционной инстанцией; 6) Учреждения закята и вакфа, занимающиеся сбором, учётом и распределением закята и управлением имуществом вакф [1, с. 141].

Объектами финансовой деятельности выступают: 1) Денежные средства в их исламском понимании, то есть фиатные деньги признаются полноценными деньгами, обладающими покупательной способностью, но не являющимися товаром, а золото, серебро и валюты подлежат особым правилам обмена (сарф) только равное на равное и из рук в руки [10, с. 123]; 2) Государственная казна байт-аль-мал как совокупность централизованных публичных фондов; 3) Обязательные платежи (закят, ушр, харадж, джизья и иные сборы), поступающие в бюджет [7, с. 211]; 4) Сукук - исламские ценные бумаги, удостоверяющие долю владения в реальном активе, а не долговое требование; 5) Реальные активы (товары, недвижимость, оборудование), которые всегда должны обеспечивать исламские контракты доли в партнёрствах мудараба и мушарака, дающие право на часть прибыли от совместного предприятия при разделении рисков [10, с. 114]; 6) Имущество вакф, изъятое из частного оборота и используемое на благотворительные цели; 7) Беспроцентный благоворительный заём как объект отношений социальной поддержки (Кард-ульхасан). Таким образом, в исламской модели субъектный состав шире за счёт включения религиозно-правовых институтов, а объекты жёстко ограничены запретами на рибу и гарар, что требует использования реальных активов и партнёрских контрактов вместо процентных долговых инструментов [16].

Предмет финансового права в исламских странах представляет собой совокупность общественных отношений, возникающих при формировании, распределении и использовании публичных фондов денежных средств (прежде всего государственной казны байт-аль-мал) на основе принципов шариата и норм исламского права (фикха). Ключевой особенностью предмета является первичность религиозных норм, определяющих дозволенные (халяль) и запрещённые (харам) источники доходов и направления расходов. В состав предмета входят отношения по формированию доходов из халяльных источников (закят, харадж, ушр, джизья, сукук и др.), отношения по целевому расходованию средств на социальные нужды, здравоохранение, образование, оборону, а также отношения в сфере исламского банкинга (мудараба, мушарака, мурабаха, иджара), государственного кредита (сукук), финансового контроля (включая шариатский надзор) и исламского страхования (такафул). Таким образом, предмет финансового права в исламских странах отличается от светских моделей тем, что его границы и содержание жёстко обусловлены религиозно-правовыми императивами шариата, что придаёт финансовым отношениям не только экономическое, но и духовно-нравственное измерение.

Список литературы:

[1] Беккин Р.И. Исламское финансовое право и его роль в регулировании исламских финансов // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Выпуск 155. № 3-2. 2013. С. 134-144.

[2] Беккин Р.И. Мусульманский банк как историческая категория: опыт создания кредитных учреждений для мусульман в первой половине XX в // Вестник МГИМО Университета. 2020. Т. 13, № 5. С. 149-167.

[3] Беккин Р.И. Шариатский надзор в исламских финансовых институтах в России после принятия федерального закона о партнерском финансировании // Проблемы современной экономики. 2024. № 2 (90). С. 204-214.

[4] Беккин Р.И. «Мит-Гамр»: история и механизмы функционирования первого в мире исламского банка // Вестник МГИМО-Университета. 2025. Т. 18. № 6. С. 44-61.

[5] Бизюков С.Н. Юридические уловки в исламском праве: путь от средневековья до XXI века // Право. Журнал Высшей школ экономики. 2014. № 3. С. 31-54.

[6] Зарипов Ш.Р., Аслаев С.Т., Аслаев Т.С., Зарипов Р.У., Карташев Н.И. Правовые основы партнерского финансирования в рамках исламской экономики // Образование и право. 2024. № 12. С. 117-122.

[7] Зарипов Ш.Р., Кудашев Р.К., Петров А.Н., Салимов И.А., Еремеев В.Ю. Правовые основы налогообложения в исламской экономике // Образование и право. 2024. № 12. С. 210-215.

[8] Зарипов Ш.Р., Кузнецов И.А., Алмакаева Г.Р., Шаймухаметова Л.Р. Бюджетное право в исламским странах // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 286-291.

[9] Зарипов Ш.Р., Кузнецов И.А., Алмакаева Г.Р., Шаймухаметова Л.Р. Финансово-правовое регулирование противодействия (легализации) отмыванию доходов, полученных преступным путем в исламских странах в цифровую эпоху // Право и государство: теория и практика. 2025. № 11. С. 158-162.

[10] Иванов Э.А., Ахтаханов М.Р. Инновационные финансовые продукты в исламской финансовой системе в сфере кредитных отношений // Экономика образования. 2013. № 3(76). С. 111-125.

[11] Львова Н.А., Покровская Н.В. Особенности исламского налогообложения в условиях современной финансовой системы // Финансы и кредит. № 8 (632). 2015. С. 31-40.

[12] Новикова Р.Г. Теоретические основы правового регулирования финансовых отношений в исламских странах: автореф. ... канд. юрид. наук. М. 2016. 30 с.

[13] Нуриев Б.Д. Закят в классическом мусульманском праве // Вестник Костромского государственного университета. Выпуск 21. № 3. 2015. С. 178-182.

[14] Пашков Р.В. Сукук как финансирование по принципам шариата // Инновации и инвестиции. № 10. 2017. С. 61-69. С. 62.

[15] Сюкияйнен Л.Р. Исламская концепция халифата: исходные начала и современная интерпретация // Россия и мусульманский мир. 2017. № 9(303). С. 87-104.

[16] Сюкияйнен Л.Р. Исламское право и диалог культур в современном мире / Л. Р. Сюкияйнен ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономике». - М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 684 с.

[17] Сюкияйнен Л.Р. Конституционный статус шариата как источника законодательства в арабских странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 205-222.

[18] Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право собственности: юридическое осмысление религиозных постулатов // Россия и мусульманский мир. 2006. № 3. С. 139-149.

[19] Сюкияйнен Л.Р. Об изучении правовых основ исламской экономики // Финансовое право. 2006. № 3. С. 37-40.

References:

[1] Bekkin R.I. Islamic financial law and its role in regulating Islamic finance // Academic notes of Kazan University. Humanities series. Issue 155. № 3-2. 2013. S. 134-144.

[2] Bekkin R.I. Muslim Bank as a historical category: experience in creating credit institutions for Muslims in the first half of the 20th century // Bulletin of MGIMO University. 2020. T. 13, NO. 5. S. 149-167.

[3] Bekkin R.I. Sharia supervision in Islamic financial institutions in Russia after the adoption of the federal law on partner financing // Problems of the modern economy. 2024. № 2 (90). S. 204-214.

[4] Bekkin R.I. "Mit-Gamr": the history and functioning mechanisms of the world's first Islamic bank // Bulletin of MGIMO-University. 2025. T. 18. № 6. S. 44-61.

[5] Bizyukov S.N. Legal tricks in Islamic law: the path from the Middle Ages to the XXI century // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2014. № 3. S. 31-54.

[6] Zaripov S.R., Aslaev S.T., Aslaev T.S., Zaripov R.U., Kartashev N.I. Legal foundations of partner financing in the framework of the Islamic economy // Education and law. 2024. № 12. S. 117-122.

[7] Zaripov Sh. R., Kudashev R.K., Petrov A.N., Salimov I.A., Eremeev V.Yu. Legal basis of taxation in the Islamic economy // Education and law. 2024. № 12. S. 210-215.

[8] Zaripov Sh. R., Kuznetsov I.A., Almakaeva G.R., Shaimukhametova L.R. Budgetary law in Islamic countries // Law and state: theory and practice. 2025. № 12. S. 286-291.

[9] Zaripov Sh. R., Kuznetsov I.A., Almakaeva G.R., Shaimukhametova L.R. Financial and legal regulation of countering (legalizing) money laundering in Islamic countries in the digital age // Law and state: theory and practice. 2025. № 11. S. 158-162.

[10] Ivanov E.A., Akhtakhanov M.R. Innovative financial products in the Islamic financial system in the field of credit relations // Economics of education. 2013. № 3(76). S. 111-125.

[11] Lvova N.A., Pokrovskaya N.V. Features of Islamic taxation in the conditions of the modern financial system // Finance and credit. № 8 (632). 2015. S. 31-40.

[12] Novikova R.G. Theoretical foundations of the legal regulation of financial relations in Islamic countries: author... cand. jurid. sciences. M. 2016.

30 s.

[13] Nuriev B.D. Zakyat in classical Muslim law // Bulletin of Kostroma State University. Issue 21. № 3. 2015. S. 178-182.

[14] Pashkov R.V. Sukuk as financing according to the principles of Sharia // Innovation and investment. № 10. 2017. S. 61-69. S. 62.

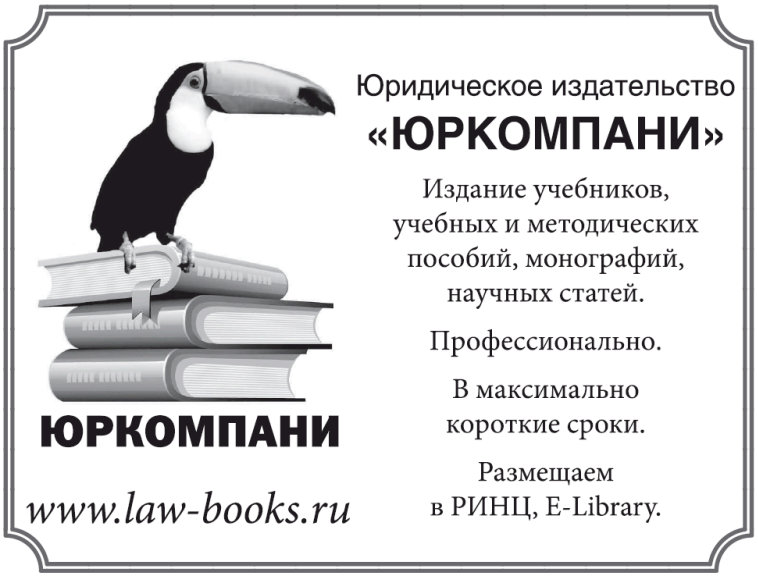
[15] Syukiyainen L.R. Islamic concept of the caliphate: original beginnings and modern interpretation // Russia and the Muslim world. 2017. № 9(303). S. 87-104.

[16] Syukiyainen L.R. Islamic Law and Dialogue of Cultures in the Modern World/L.R. Syukiyainen; Nat. †. University "Higher School of Economics." - M.: Ed. House of the Higher School of Economics, 2021. - 684 p.

[17] Syukiyainen L.R. Constitutional status of Sharia as a source of legislation in Arab countries // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2016. № 4. S. 205-222.

[18] Syukiyainen L.R. Muslim Property Law: Legal Understanding of Religious Tenets // Russia and the Muslim World. 2006. № 3. S. 139-149.

[19] Syukiyainen L.R. On the study of the legal foundations of the Islamic economy // Financial law. 2006. № 3. S. 37-40.



Дата поступления рукописи в редакцию: 18.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-87-93

БЕРЕЗОВСКАЯ Мария Олеговна,
студент Юридического института НИ ТГУ,
e-mail: marisodne@yandex.ru

ЕРЕМИНА Дарья Сергеевна,
студент Юридического института НИ ТГУ,
e-mail: ereminadasha26@gmail.com

Научный руководитель:
ГОНЧАРОВА Валерия Андреевна,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ЛИЧНОЕ СТРАХОВАНИЕ КАК НЕПОИМЕНОВАННЫЙ СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ КРЕДИТОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена исследованию правовой природы личного страхования как способа обеспечения исполнения обязательств, используемого в сфере потребительского кредитования. Актуальность темы обусловлена отсутствием в Гражданском кодексе Российской Федерации исчерпывающего перечня обеспечительных механизмов, существованием дискуссии относительно выполнения личным страхованием обеспечительной функции. Цель исследования – определение возможности использования договора личного страхования для обеспечения исполнения обязательств. Авторы рассматривают доктринальные подходы к указанному вопросу, используя как общенаучные, так и частно-научные методы: анализ, системный, формально-юридический, а также метод сравнительного правоведения. В работе также исследуются проблемы правоприменения, связанные с внесением изменений в Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» в 2019 и 2021 году, и пути их решения на уровне законодателя и судебной практики. В статье делается вывод о фактическом выполнении страхованием обеспечительной функции, несмотря на формальное отсутствие признаков акцессорности. В связи с этим предлагается закрепить в законе правило о прекращении обеспечительного эффекта личного страхования при досрочном исполнении основного обязательства, что позволит защитить имущественные интересы заемщиков-потребителей.*

Ключевые слова: *личное страхование, способ обеспечения исполнения обязательств, потребительское кредитование, акцессорность.*

BEREZOVSKAYA Maria Olegovna,
Student of the Law Institute of National Research Tomsk State University

EREMINA Daria Sergeevna,
Student of the Law Institute of National Research Tomsk State University

Scientific supervisor:
GONCHAROVA Valeria Andreevna,
Associate Professor, Candidate of Legal Sciences

PERSONAL INSURANCE AS A NON-TYPIFIED SECURITY FOR OBLIGATIONS IN CONSUMER LENDING: PROBLEMS OF DOCTRINE AND PRACTICE

Annotation. *This article is devoted to the study of the legal nature of personal insurance as a means of enforcing obligations used in the field of consumer credit. The relevance of the topic is due to the absence in the Civil Code of the Russian Federation of an exhaustive list of security mechanisms, the existence of a debate regarding the performance by personal insurance of the security function. The aim of the study is to determine whether a personal insurance contract can be used to ensure the performance of obligations. The authors consider doctrinal approaches to this question, using both general scientific and private-scientific methods: analysis, systemic, formal-legal, as well as the method of comparative jurisprudence. The paper also examines problems of enforcement related to amendments to the federal law "On consumer credit (loan)" in 2019 and 2021, and how they are resolved at the level of the legislator and judicial practice. The article concludes that insurance actually performs a security function, despite the formal absence of signs of accessory responsibility. It is therefore proposed to enshrine in the law a rule on the termination of the security effect of personal insurance upon early performance of the principal obligation, which would protect the property interests of consumer borrowers.*

Key words: *personal insurance, method of securing the fulfillment of obligations, consumer credit, accessority.*

Потребительское кредитование в современном имущественном обороте выполняет роль инструмента, обеспечивающего удовлетворение спроса граждан при отсутствии у них необходимой суммы собственных денежных средств. Степень полезного действия этой правовой конструкции напрямую коррелирует с надлежащим поведением заемщика по возврату денежного долга. В этой связи выбор способа обеспечения исполнения обязательств приобретает не только практическое, но и доктринальное значение, особенно применительно к личному страхованию, обеспечительная природа которого остается дискуссионной.

Надлежащее исполнение обязательств является необходимым условием реализации указанных функций. Ключевой обязанностью заемщика признается возврат кредитных средств. Механизмы, гарантирующие надлежащее исполнение обязательств, перечислены в п. 1 ст. 329 ГК РФ. Предусмотренный перечень не является закрытым, что указывает на возможность существования механизмов, которые не обозначены в главе 23 ГК РФ, но имеющих обеспечительную функцию. Среди непоименованных способов исполнения кредитного обязательства можно выделить личное страхование, которое широко используется в хозяйственном обороте для обеспечения исполнения обязательств заемщика. При этом признание обеспечительной природы личного страхования остается спорным в юридической литературе.

Необходимо обратить внимание, что законодатель не дает определения способов обеспечения исполнения обязательств, а указывает конкретные гарантии. Попытки выработки данного понятия предпринимаются среди ученых. Сущность способов обеспечения обязательств, как полагает Б. М. Гонгало, сводится к специальным имущественным мерам акцессорного типа. Такие меры, предусмотренные нормативными или договорными положениями, одновременно побуждают должника к исполнению и создают кредитору страховку от недобросовестности контрагента [9]. По мнению Е. А. Суханова, способы обеспечения обязательств являются дополнительными средствами, предусмотренными гражданским законодательством для защиты имущественных прав кредитора посредством формирования гарантий для надлежащего исполнения обязательств должником [11]. В. В. Витрянский утверждает, что рассматриваемый институт предназначен для нивелирования имущественных потерь и мотивирует должника не допускать нарушения обязательства [8].

Из приведенных суждений следует, что способы обеспечения обязательств нацелены на защиту интересов кредитора и минимизацию рисков неисполнения обязательства должником. В. А. Гончарова выделяет ряд характерных для них признаков. Во-первых, они призваны создать условия, способствующие надлежащему исполнению обязательства должником еще до того, как оно будет нарушено. Во-вторых, они гарантируют кредитору защиту его имущественных интересов на случай недобросовестности контрагента. Помимо этого, данным конструкциям присущи стимулирующее воздействие на должника и особый обеспечительный механизм, суть которого состоит в появлении дополнительного источника для

погашения требований кредитора [10].

Как было отмечено выше, ст. 329 ГК РФ не содержит исчерпывающего перечня способов обеспечения обязательств, это порождает дискуссию о том, что можно относить к непоименованным способам обеспечения обязательств. Рассмотрим в качестве одного из них конструкцию договора страхования.

Как утверждает В. А. Гончарова, страхование в чистом виде не является инструментом обеспечения обязательств, поскольку оно предназначено для иных целей, чем защита имущественных интересов кредитора застрахованного лица. Однако это не исключает возможность использования данной конструкции для снижения рисков неисполнения обязательства [10].

Надо учесть, что такое применение конструкции договора страхования существовало и до принятия Федерального закона от 21.12.2013 N 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (Далее – ФЗ «О потребительском кредите (займе)»), а судебная практика легитимировала подобное применение страховой конструкции. Показательна в этом отношении позиция, изложенная в п. 4 Обзора судебной практики по гражданским делам об исполнении кредитных обязательств (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2013): высшая судебная инстанция признала, что страхование жизни и здоровья, где выгодоприобретателем выступает банк, может выполнять обеспечительную функцию в рамках кредитного договора. Суд также указал, что условие о страховании правомерно только в том случае, если оно выступает результатом добровольного выбора гражданина-заемщика.

Федеральным законом от 27.12.2019 N 483-ФЗ «О внесении изменений в статьи 7 и 11 Федерального закона "О потребительском кредите (займе)" и статью 9.1 Федерального закона "Об ипотеке (залоге недвижимости)"» была введена ч. 2.4, устанавливающая, что договор личного страхования может быть заключен в целях обеспечения исполнения обязательств заемщика по договору потребительского кредита (займа). Системное толкование прочих положений, появившихся благодаря тому же Федеральному закону, позволяет сделать вывод что договор потребительского кредита может и не предусматривать условие о личном страховании, но оно в свою очередь может влиять на размер процентной ставки.

Тем не менее в науке гражданского права существует обоснованная, однако не бесспорная позиция, согласно которой, личное страхование нельзя отнести к способу обеспечения исполнения обязательств.

Так, А. А. Архипова рассматривает возможность отнесения личного страхования к способам обеспечения исполнения обязательств как противоречащую самой сути института личного страхования [7]. По мнению автора, личное страхование предназначено по своей цели для защиты личных нематериальных благ, признание его способом обеспечения является неэтичным, поскольку жизнь и здоровье не должны иметь стоимостного содержания и участвовать в имущественном обороте. При этом по отношению к некоторым видам имущественного страхования автор допускает их обеспечительную природу, при соблюдении некоторых условий.

К. А. Новиков полагает, что свойство акцессорности, то есть функциональной зависимости от основного обязательства является конституирующим для способов обеспечения исполнения обязательств [12].

Сообразно приведенным доводам, предлагается обособить два типа обеспечительных моделей. Первая — это дополнительные (акцессорные) обязательства, чья цель состоит в безвозмездном восполнении имущественной сферы кредитора, чьи интересы пострадали вследствие неисполнения. Второй - обеспечительно-ориентированные обязательства, не имеющие свойства акцессорности, имеющие лишь мотив, но не обеспечительную цель. Хотя автор напрямую и не относит личное страхование к обеспечительно-ориентированным обязательствам, такой вывод можно сделать из общих принципов, разработанных К. А. Новиковым. Во-первых, критерий акцессорности осуществления к личному страхованию неприменим. Страховая выплата приурочена к страховому случаю, а ее предоставление не ставится в зависимость от факта нарушения кредитного обязательства должником. Во-вторых, личное страхование не соответствует признаку акцессорности объема, поскольку страховая сумма определяется соглашением сторон и может не совпадать с размером долга. В-третьих, личное страхование является возмездным обязательством, при возникновении страхового случая, страховщик обязан выплатить застрахованному лицу страховое возмещение, однако по Новикову обеспечительное обязательство должно быть безвозмездным для должника.

Наиболее обоснованной и не противоречащей актуальному законодательству представляется позиция Е. С. Трезубова, согласно которой на текущий момент уместно говорить об обеспечительно-ориентированном характере обязательств по личному страхованию [13]. Вместо акцессорности автор предлагает использовать конструкцию взаимосвязанных договоров, что, по его мнению, позволяет наиболее эффективно решить проблему защиты прав потребителей. Аргументация автора основана на анализе действу-

ющего законодательства, поскольку с 2021 года законодатель предоставил гражданину возможность отказаться от личного страхования, сопутствующего потребительскому кредитованию, без согласия страховщика. Отказ влечет за собой обязанность вернуть страхователю страховую премию в размере, пропорциональном оставшемуся периоду действия договора страхования (ч. 2.7 ст. 7 ФЗ «О потребительском кредите (займе)»). Автор обращает внимание и на другой аспект: практика финансового уполномоченного на сегодняшний день показывает, что конструкция связанных договоров позволяет заемщику вернуть неиспользованную часть страховой премии при досрочном погашении кредита. Причем такой возврат осуществляется даже тогда, когда страховой договор не содержит соответствующего условия. Подобный результат обусловлен особым правовым режимом, установленным для связанных договоров [13]. Однако и в таком случае встречаются недобросовестные обходные схемы, призванные нивелировать полезный защитный эффект законодательных новелл, ограничив возврат страховой премии лишь частью страховых рисков, о которых будет сказано далее.

Таким образом, приведенный анализ трех доктринальных подходов позволяет сделать следующие выводы.

Позиция А.А. Архиповой, основанная на отрицании обеспечительной функции личного страхования исходя из этического критерия, не учитывает современных реалий оборота и потребностей защиты прав потребителей. Этический аргумент заслуживает внимание, но не является абсолютным препятствием для признания страхования способом обеспечения. Необходимо подчеркнуть, что действующий правопорядок уже воспринимает возможность денежного измерения таких нематериальных благ, как жизнь и здоровье. Это проявляется в рамках целого ряда институтов: при исчислении утраченного заработка вследствие причинения вреда здоровью, в спорах о возмещении морального вреда, а также в сфере инвестиционного страхования жизни. Опираясь на принцип диспозитивности, можно утверждать, что участники гражданского оборота вправе наделить страховое обязательство обеспечительным характером. Более того, согласованная в договоре личного страхования страховая сумма не может трактоваться в качестве стоимостного эквивалента жизни. Ее главной функцией является фиксация пределов ответственности страховщика, установленный по взаимному волеизъявлению сторон, что служит инструментом распределения рисков.

Позиция К. А. Новикова, основанная на строгих критериях акцессорности, также представляется не вполне убедительной. Во-первых, автор предлагает считать способами обеспечения лишь залог, удержание и поручительство, исключая из данного перечня независимую гарантию, неустойку, задаток, а также иные, непоименованные способы. Однако подобный подход, ограничивающий круг обеспечительных мер, расходится с содержанием п. 1 ст. 329 ГК РФ, который закрепляет более широкий перечень. Данное противоречие позволяет сделать вывод о том, что акцессорность не является единственным критерием для отнесения какой-либо конструкции к способу обеспечения, в первую очередь, законодатель исходит из функционального критерия: способ обеспечения — это любое правовое средство, предусмотренное соглашением сторон или законом, выступающее дополнительной гарантией исполнения обязательств. Во-вторых, возмездность не является основополагающим критерием для отнесения личного страхования к способу обеспечения. Так, независимая гарантия, по своей правовой природе может быть как возмездной, так и безвозмездной, что не влияет на ее отнесение законодателем к способам обеспечения. К тому же, страховая премия выплачивается не кредитору, а страховщику, ее экономический смысл заключается в принятии платы за риск, а не за само обеспечение. Для кредитора получение выплаты безвозмездно, поскольку он не предоставляет встречного удовлетворения страховщику или заемщику.

Что касается позиции Е.С. Трезубова, она заслуживает поддержки в той части, в которой рассматривает дополнительный механизм защиты прав потребителей при помощи конструкции связанных договоров. Данный подход нашел законодательное закрепление и позволяет обойти доктринальные возражения, связанные с отсутствием у личного страхования свойства акцессорности, поскольку для квалификации договоров как взаимосвязанных достаточно их экономического единства. Часть 2.4 статьи 7 Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ определяет, при каких обстоятельствах страховой договор считается направленным на обеспечение кредитного обязательства. Таких обстоятельств два. Во-первых, ситуация, когда банк дифференцирует условия займа - продолжительность срока возврата, итоговую стоимость кредита, размер процентной ставки и сопутствующих начислений, формирующих полную стоимость, - в зависимости от того, оформил ли гражданин страховку. Во-вторых, случай, когда выгодоприобретателем назначен кредитор, который вправе получить страховое возмещение при невозможности заемщика обслуживать долг, причем величина страховой суммы корректируется соразмерно фактиче-

ской задолженности.

Страховщики используют две основные схемы в целях удержания страховой премии при досрочном погашении кредита. Первый способ предполагает разделение единого страхового интереса на два самостоятельных договора: один формально соответствует критериям обеспечительного и по нему возможен возврат премии, а второй имеет абстрактную формулировку, с выгодоприобретателем самим застрахованным лицом либо его наследниками, что исключает возврат страховой премии. Второй способ позволяет включать в один договор несколько страховых рисков, часть из которых признается “обеспечивающими” исполнение кредита, а часть - нет, что позволяет страховщику возвращать премию лишь пропорционально обеспеченной части покрытия. При этом Центральный Банк в информационном письме Банка России от 13 июля 2021 г. № ИН-06-59/50 «О возврате части уплаченной страховой премии по отдельным страховым рискам при досрочном исполнении заемщиком обязательств по договору потребительского кредита (займа)» признал недопустимой вторую из указанных практик, указав, что Закон о потребительском кредите не выделяет в рамках договора страхования, заключенного в целях обеспечения, риски, служащие этой цели, и риски, не преследующие такую цель. Однако первая схема - разделение страхового покрытия на два договора - остается за рамками правового запрета и продолжает применяться, что свидетельствует о недостаточности механизмов защиты.

Представляется, что конструкция взаимосвязанных договоров не исключает признание личного страхования как способа обеспечения по смыслу ст. 329 ГК РФ. Распространением на него правил акцессорности позволило бы автоматически пресечь подобные схемы, при досрочном погашении кредита страховое обязательство прекращалось бы в полном объеме, независимо от количества договоров или рисков, исключая возможность страховщика удерживать премию, ссылаясь на формальные предлоги. Обе конструкции имеют право на существование, однако именно акцессорность позволила бы защитить права потребителей-заемщиков в полном объеме.

Еще одним проблемным аспектом, связанным с предоставлением услуг личного страхования при потребительском кредитовании, является их навязывание при заключении договора потребительского кредита. Несмотря на то, что в ч. 2.2 ст. 7 Федерального закона от 21.12.2013 N 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» предусмотрена обязанность кредитора предоставить заемщику возможность получения потребительского кредита без заключения договора личного страхования, кредитные организации принимают различные попытки обойти данный запрет. Следует отметить, что суды выявляют и пресекают такое недобросовестное поведение. В Апелляционном определении от 03.12.2025 № 33-5070/2025 Тюменский областной суд подчеркнул, что проставление кредитором отметок о согласии заемщика на дополнительные услуги является неправомерным. Несмотря на это, банк навязал клиенту личное страхование, действуя без надлежащего волеизъявления гражданина, не разъяснив ему суть условий и лишив его возможности влиять на текст договора. Суд констатировал нарушение Закона «О защите прав потребителей», указав, что подобная сделка, совершенная в обход закона посредством обмана и введения в заблуждение, является ничтожной.

Также о недопустимости выражения согласия типографским способом высказывался Верховный Суд Российской Федерации (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.07.2024 N 11-КГ24-9-К6): при подписании кредитного договора согласие на заключение договоров страхования проставлено заранее типографским способом, а не истцом собственноручно, в связи с чем подписание заявления о предоставлении кредита не отражает ее воли в части приобретения услуг по страхованию жизни и здоровья, соответственно, согласие на предоставление данных услуг в порядке, установленном частью 2 статьи 7 Закона N 353-ФЗ, банком при заключении кредитного договора получено не было.

Стоит также упомянуть, что законодатель приходит к необходимости принятия мер для решения обозначенной проблемы. Так, Федеральным законом от 24.07.2023 N 359-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О потребительском кредите (займе)" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» были внесены изменения в ч. 2 ст. 7 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)», предписывающих оформлять согласие заемщика на получение дополнительных услуг, включая страховые, исключительно через специальное заявление, обособленное от основного договора, что нормативно закрепляет невозможность понуждения потребителя к заключению договора на невыгодных для того условиях.

Вышеуказанное свидетельствует о заинтересованности государства в регулировании данной сферы и защите прав потребителей как незащищенной стороны. Однако нельзя не отметить, что при использовании личного страхования с целью обеспечения исполнения обязательства продолжают возникать определенные трудности,

для преодоления которых нужно дальнейшее развитие правовой регламентации конструкции личного страхования применительно к обеспечению обязательств по договору потребительского кредита.

Таким образом, анализ доктринальных подходов и правоприменительной практики позволяет заключить, что в настоящее время личное страхование в потребительском кредитовании выполняет фактическую обеспечительную функцию. Вопрос об отнесении личного страхования к способам обеспечения обязательств по смыслу ст. 329 ГК РФ остается дискуссионным. Поскольку классические критерии акцессорности предъявляемые к способам обеспечения, не охватывают личное страхование в полной мере, возникают ситуации, в которых права потребителей остаются незащищенными. Введение конструкции взаимосвязанных договоров смягчает проблему, но не устраняет ее полностью. Представляется целесообразным законодательное закрепление отдельных последствий акцессорности применительно к страхованию, заключенному в целях обеспечения потребительского кредита, в частности правила о прекращении обеспечительной функции страховании при прекращении основного обязательства. Проблема понуждения потребителей к заключению договоров личного страхования при получении потребительского займа также остается актуальной, что указывает на необходимость дальнейшего реформирования законодательства.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – М., 2026. – Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[2] О внесении изменений в статьи 7 и 11 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)» и статью 9.1 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)»: Федеральный закон от 27.12.2019 N 483-ФЗ // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – М., 2026. – Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[3] О потребительском кредите (займе): Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – М., 2026. – Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[4] Апелляционное определение Тюменского областного суда от 03.12.2025 N 33-5070/2025 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – М., 2026. – Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[5] Обзор судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2013) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – М., 2026. – Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[6] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.07.2024 N 11-КГ24-9-К6 // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – М., 2026. – Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[7] Архипова А. Г. Является ли страхование способом обеспечения обязательств? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 8. – С. 65–87.

[8] Брагинский М. И. Договорное право: общие положения. 4-е изд. // Брагинский М. И., Витрянский В. В. – М.: Статут, 2020. – 847 с.

[9] Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. М.: Статут, – 2004.

[10] Гончарова В.А. Непоименованные способы обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве России: монография. – М.: Юстицинформ, - 2022. – 184 с.

[11] Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023.

[12] Новиков К.А. Акцессорность обеспечительных обязательств и обеспечительно-ориентированные права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 1. – С. 78–97.

[13] Трезубов, Е. С. Обеспечительная функция личного страхования заемщика в кредитных отношениях // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2024. – № 22. – С. 70-72. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obespechitelnaya-funktsiya-lichnogo-strahovaniya-zaemschika-v-kreditnyh-otnosheniyah (дата обращения: 12.06.2026).

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (rev. dated 31.07.2025, as amended on 25.03.2026) // ConsultantPlus: Ref. Legal system. - Version Prof. - M., 2026. - Access mode: local network Scientific. b-ki Tom. state university.

[2] On amendments to Articles 7 and 11 of the Federal Law "On Consumer Credit (Loan)" and Article 9.1 of the Federal Law "On Mortgage (Real Estate Pledge)": Federal Law of 27.12.2019 N 483-FZ // ConsultantPlus: ref. Legal system. - Version Prof. - M., 2026. - Access mode: local network Scientific. b-ki Tom. state university.

[3] On consumer credit (loan): Federal Law No. 21.12.2013 dated 353-FZ (as amended by 29.12.2025) // ConsultantPlus: ref. Legal system. - Version Prof. - M., 2026. - Access mode: local network Scientific. b-ki Tom. state university.

[4] Appeal ruling of the Tyumen Regional Court of 03.12.2025 N 33-5070/2025 // ConsultantPlus: ref. legal system. - Version Prof. - M., 2026. - Access mode: local network Scientific. b-ki Tom. state university.

[5] Review of judicial practice in civil cases related to the resolution of disputes on the performance of credit obligations (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 22.05.2013) // ConsultantPlus: ref. legal system. - Version Prof. - M., 2026. - Access mode: local network Scientific. b-ki Tom. state university.

[6] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.07.2024 No. 11-KG24-9-K6 // ConsultantPlus: ref. Legal system. - Version Prof. - M., 2026. - Access mode: local network Scientific. b-ki Tom. state university.

[7] Arkhipova A. G. Is insurance a way to secure obligations ? // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2018. – № 8. - S. 65-87.

[8] Braginsky M.I. Contract law: general provisions. 4th ed . // Braginsky M.I., Vitryansky V.V. - M.: Statute, 2020. - 847 p.

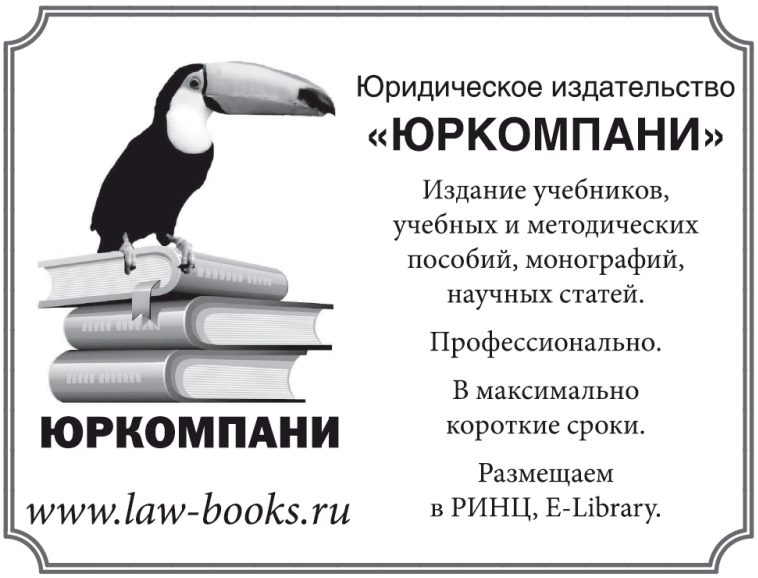
[9] Gongalo B.M. The doctrine of securing obligations. Questions of theory and practice. M.: Statute, - 2004.

[10] Goncharova V.A. Unnamed ways to ensure the fulfillment of obligations in civil law of Russia: monograph. - M.: Justicinform, - 2022. - 184 s.

[11] Civil law: textbook: in 4 volumes/rev. ed. E.A. Sukhanov. 3rd ed., Revised and add. M.: Statute, 2023.

[12] Novikov K.A. Accessory obligations and security-oriented rights // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2017. – № 1. - S. 78-97.

[13] Trezubov, E. S. The security function of the borrower's personal insurance in credit relations // Altai Bulletin of the State and Municipal Service. – 2024. – № 22. - S. 70-72. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obespechitelnaya-funktsiya-lichnogo-strahovaniya-zaemschika-v-kreditnyh-otnosheniyah (дата обращения: 12.06.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 09.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-94-98

ЗАРИПОВ Шамиль Ришатович,
Старший преподаватель кафедры финансового и административного права Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: zaripovlawyer@mail.ru

ЗАРИПОВ Ришат Усманович,
Старший преподаватель кафедры физической культуры Института природы и человека ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: kafedrafvbgu@yandex.ru

АЗНАБАЕВ Олег Фаритович,
Старший преподаватель кафедры физической культуры Института природы и человека ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: kafedrafvbgu@yandex.ru

ГАРИФУЛЛИН Руслан Ринатович,
Старший преподаватель кафедры физической культуры Института природы и человека ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: kafedrafvbgu@yandex.ru

ЕРЕМЕЕВ Вячеслав Юрьевич,
Старший преподаватель кафедры физической культуры Института природы и человека ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: kafedrafvbgu@yandex.ru

КАРТАШЕВ Никита Иванович,
Доцент кафедры физической культуры Института природы и человека ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: kafedrafvbgu@yandex.ru

МЕТОД ФИНАНСОВОГО ПРАВА В ИСЛАМСКИХ СТРАНАХ

Аннотация. *В статье исследуется метод финансового права в исламских странах, который рассматривается как совокупность религиозно-императивных и диспозитивных способов правового регулирования общественных отношений, возникающих в процессе формирования, распределения и использования публичных фондов. Авторы раскрывают уникальную природу данного метода, сочетающую жёсткие запреты шариата (риба, гарар, майсир), обязательные предписания (закят) и дозволения, а также гибкость, достигаемую через иджтихад, выбор мазхаба и фетвы. Особое внимание уделяется роли шариатских советов как специфического правового инструмента надзора, а также иерархии источников, где религиозные нормы имеют приоритет над светским законодательством. Делается вывод, что метод финансового права в исламских странах представляет собой синтез властно-императивного воздействия и религиозно-этических норм, что отличает его как от сугубо императивных, так и от диспозитивных методов светских правовых систем.*

Ключевые слова: *метод финансового права, исламские страны, шариат, Байт-аль-мал, закят, вакф, сукук, исламский банкинг.*

ZARIPOV Shamil Rishatovich,
Senior Lecturer, Department of Financial and Administrative Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

ZARIPOV Rishat Usmanovich,
Senior Lecturer at the Department of Physical Education at the Institute of Nature and Man, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

AZNABAEV Oleg Faritovich,
Senior Lecturer at the Department of Physical Education at the Institute of Nature and Man, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

GARIFULLIN Ruslan Rinatovich,
Senior Lecturer at the Department of Physical Education at the Institute of Nature and Man, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

EREMEEV Vyacheslav Yurievich,
Senior Lecturer at the Department of Physical Education at the Institute of Nature and Man, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

KARTASHEV Nikita Ivanovich,
Associate Professor of the Department of Physical Culture at the Institute of Nature and Man, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

THE METHOD OF FINANCIAL LAW IN ISLAMIC COUNTRIES

Annotation. *The article examines the method of financial law in Islamic countries, viewed as a set of religiously imperative and dispositive means of legal regulation of social relations arising in the process of formation, distribution, and use of public funds. The authors reveal the unique nature of this method, combining strict Sharia prohibitions (riba, gharar, maysir), mandatory prescriptions (zakat), and permissions, as well as flexibility achieved through ijtihad, choice of madhhab, and fatwas. Special attention is paid to the role of Sharia supervisory boards as a specific legal instrument of oversight, and to the hierarchy of sources where religious norms take precedence over secular legislation. It is concluded that the method of financial law in Islamic countries represents a synthesis of authoritative-imperative impact and religious-ethical norms, which distinguishes it from both strictly imperative and dispositive methods of secular legal systems.*

Key words: *method of financial law, Islamic countries, Sharia, Bayt al-mal, zakat, waqf, sukuk, Islamic banking.*

Метод финансового права в исламских странах раскрывается через понимание того, как именно нормы шариата и светского законодательства воздействуют на общественные отношения, составляющие предмет финансового права [9, с. 14]. Если предмет отвечает на вопрос «что регулируется?», то метод на вопрос «каким способом?» и «с использованием каких правовых средств?» [11]. В исламской правовой доктрине метод финансового права приобретает уникальные черты, поскольку он неразрывно связан с религиозно-этическими принципами, вытекающими из Корана, Сунны и фикха [14, с. 224]. По своей сути метод финансового права в исламских странах является императивным (властно-обязывающим), что сближает его с методом финансового права в романо-германской правовой семье, где государство в лице уполномоченных органов (байт-аль-мал, казначейство, налоговые службы, шариатские советы) устанавливает обязательные для всех участников правила формирования, распределения и использования публичных фондов [6, с. 287] Однако императивность здесь не является светским произволом государства, а проистекает

из божественного права, государство выступает не творцом правил, а их хранителем и исполнителем. Поэтому метод финансового права исламских стран можно определить как религиозно-императивный властные предписания опираются не только на авторитет публичной власти, но и на священный характер регулируемых норм [3, с. 188].

Ключевая особенность метода финансового права в исламских странах заключается в том, что он сочетает в себе два, на первый взгляд, противоположных начала, жёсткую императивность и гибкость, достигаемую через механизмы иджтихада и фетв. С одной стороны, фундаментальные запреты (риба, гарар, майсир) [8, с. 55] и обязанности (закят, соблюдение контрактов) являются абсолютными и не подлежат изменению ни законодателем, ни судьёй [10, с. 179]. С другой стороны, метод допускает определённую вариативность в рамках дозволенного через выбор мазхаба (правовой школы), издание фетвы по новым вопросам и использование правовых конструкций, не противоречащих Корану. В этом проявляется диалектическое единство стабильности (неизменность принципов) и динамизма (адаптация к меняющимся экономическим условиям). Способы правового регулирования в рамках метода финансового права исламских стран традиционно выделяются три основных: 1) запрет (харам); 2) дозволение (халяль); 3) предписание (фард или ваджиб). Запрет является наиболее ярким инструментом, данный способ прямо запрещает участие в финансовых операциях, содержащих рибу (ссудный процент), гарар (чрезмерную неопределённость) и майсир (азартные игры) [4, с. 119]. Запрет имеет не только юридические последствия (недействительность сделки, изъятие незаконного дохода), но и религиозные (грех) [5, с. 213]. Дозволение как способ финансово-правового регулирования означает, что все финансовые отношения, прямо не запрещённые шариатом, в принципе допустимы, однако применяется важный критерий, они не должны вести к несправедливости (зульм) и должны способствовать общественному благу (маслаха). Предписание распространяется на обязательные платежи (закят) и соблюдение договорных условий [12, с. 695].

Важной составляющей метода финансового права в исламских странах является механизм шариатского надзора как специфический правовой инструмент [1, с. 207]. В отличие от светского финансового права, где контроль осуществляют только государственные органы, в исламских странах метод финансового права предусматривает обязательное наличие шариатских советов (комитетов) при центральных банках, исламских банках и финансовых институтах. Эти советы дают фетвы о соответствии финансовых продуктов и операций нормам ислама, что придаёт правовому регулированию дополнительный религиозно-авторитетный слой. Нарушение их заключений может не влечь административной ответственности, но ведёт к потере доверия со стороны мусульманских клиентов и, как следствие, к экономическим санкциям [7, с. 160]. Ещё одна особенность метода финансового права в исламских странах является развитое применение договорно-правового способа финансово-правового регулирования. Например, контракты мудараба, мушарака, мурабаха, иджара получают нормативное закрепление в специальных законах, а их соблюдение проверяется как гражданскими судами, так и шариатскими советами [2, с. 39]. Принуждение к исполнению таких контрактов осуществляется через государственную судебную систему, что придаёт им публично-правовую природу. Метод финансового права в исламских странах также характеризуется принципом старшинства иерархии источников при разрешении коллизий. Если светское законодательство противоречит Корану или достоверной Сунне, приоритет отдаётся последним. Это создаёт уникальную правовую ситуацию, когда законодатель связан религиозными нормами, а метод правового регулирования включает механизмы проверки законов на соответствие шариату (например, через Федеральный конституционный суд в Пакистане, который имеет в своём составе судей-шариатистов, или через Совет стражей конституции в Иране) [13, с. 7].

Таким образом, сущность метода финансового права в исламских странах заключается в властно-императивном, религиозно-обусловленном воздействии на финансовые отношения, осуществляемом через систему запретов, дозволений и предписаний, закреплённых в шариате и реализуемых как государственными органами, так и институтами религиозного надзора [1, с. 209]. Этот метод финансово-правового регулирования не является сугубо императивным или диапозитивным, он синтезирует в себе элементы обоих императивность публичного права с сакральной санкцией и договорную свободу частного права, ограниченную божественными рамками. Без понимания этой гибридной, религиозно-императивной сущности невозможно адекватно интерпретировать ни бюджетные, ни налоговые, ни банковские отношения в исламских странах. Метод финансового права это не просто набор приёмов и способов, это выражение целостного исламского мировоззрения, где финансовая деятельность является частью служения Богу и обществу.

Метод финансового права в исламских странах - это совокупность религиозно-импера-

тивных (религиозно-этических и властных предписаний), диапозитивных способов (правовых рекомендаций, правовых поощрений, правовых согласований, договорно-правовых способов) финансово-правового регулирования общественных отношений в исламских странах. Метод финансового права в исламских странах носит религиозно-императивный характер. Государство выступает не творцом, а хранителем и исполнителем божественных установлений, закреплённых в Коране и Сунне. Основу метода составляют три способа правового регулирования: запрет (харам), в отношении рибы, гарара, майсира; предписание (фард) в отношении закята и выполнения договорных условий; дозволение (халяль) для всех остальных финансовых операций, не противоречащих шариату. Ключевая особенность метода является обязательное наличие шариатских советов, дающих фетвы о соответствии финансовых продуктов и операций нормам ислама. Метод сочетает жёсткую императивность фундаментальных запретов и гибкость, достигаемую через механизмы иджтихада, выбора мазхаба и издания фетв. Также метод включает специфические способы: правовые рекомендации (этические нормы), правовые поощрения, правовое согласование (международные платформы) и договорно-правовой способ (акцепт правил цифровых платформ). Таким образом, метод финансового права в исламских странах представляет собой синтез властно-императивного воздействия и религиозно-этических норм, что отличает его от как сугубо императивных, так и диспозитивных методов светских правовых систем.

Список литературы:

[1] Беккин Р.И. Шариатский надзор в исламских финансовых институтах в России после принятия федерального закона о партнерском финансировании // Проблемы современной экономики. 2024. № 2 (90). С. 204-214.

[2] Бизюков С.Н. Юридические уловки в исламском праве: путь от средневековья до XXI века // Право. Журнал Высшей школ экономики. 2014. N 3. С. 31-54.

[3] Газизова Р.Г. Специфические методы правового регулирования исламских финансовых отношений. // Сравнительное правоведение: современное состояние и перспективы развития: сборник тезисов «Компаративистские чтения». - Львов: ЛьвГУВД. 2012. С. 186-189.

[4] Зарипов Ш.Р., Аслаев С.Т., Аслаев Т.С., Зарипов Р.У., Карташев Н.И. Правовые основы партнерского финансирования в рамках исламской экономики // Образование и право. 2024. № 12. С. 117-122.

[5] Зарипов Ш.Р., Кудашев Р.К., Петров А.Н., Салимов И.А., Еремеев В.Ю. Правовые основы налогообложения в исламской экономике // Образование и право. 2024. № 12. С. 210-215.

[6] Зарипов Ш.Р., Кузнецов И.А., Алмакаева Г.Р., Шаймухаметова Л.Р. Бюджетное право в исламским странах // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 286-291.

[7] Зарипов Ш.Р., Кузнецов И.А., Алмакаева Г.Р., Шаймухаметова Л.Р. Финансово-правовое регулирование противодействия (легализации) отмыванию доходов, полученных преступным путем в исламских странах в цифровую эпоху // Право и государство: теория и практика. 2025. № 11. С. 158-162.

[8] Имонов О.Д. Исламские и мусульманские финансы в домохозяйствах мусульман // Проблемы учета и финансов. N 3 (27). 2017. С. 52-57.

[9] Новикова Р.Г. Теоретические основы правового регулирования финансовых отношений в исламских странах: автореф. ... канд. юрид. наук. М. 2016. 30 с.

[10] Нуриев Б.Д. Закят в классическом мусульманском праве // Вестник Костромского государственного университета. Выпуск 21. N 3. 2015. С. 178-182.

[11] Руковишникова И.В. Метод финансового права / И.В. Руковишникова; отв. Ред. Н.И. Химичева. – 3-е изд., перераб. И доп. – М.: Норма : ИНФРА- М, 2015. 288 с.

[12] Сюкияйнен Л.Р. Исламское право: взаимодействие религиозных и юридических начал // Дорога науки : Сборник статей в честь 80-летия академика М. Б. Пиотровского. – Санкт-Петербург : Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 2024. С. 667-697.

[13] Сюкияйнен Л.Р. Ислам и конституции арабских стран // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 4. С. 4-23.

[14] Сюкияйнен Л.Р. Фикх - источник современного права в арабских странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 222-245.

References:

[1] Bekkin R.I. Sharia supervision in Islamic financial institutions in Russia after the adoption of the federal law on partner financing // Problems of the modern economy. 2024. № 2 (90). S. 204-214.

[2] Bizyukov S.N. Legal tricks in Islamic law: the path from the Middle Ages to the XXI century // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2014. N 3. S. 31-54.

[3] Gazizova R.G. Specific methods of legal regulation of Islamic financial relations . // Comparative jurisprudence: current state and development prospects: a collection of theses "Comparative readings." - Lviv: LvGUVD. 2012. S. 186-189.

[4] Zaripov S.R., Aslaev S.T., Aslaev T.S., Zaripov R.U., Kartashev N.I. Legal foundations of partner financing in the framework of the Islamic economy // Education and law. 2024. № 12. S. 117-122.

[5] Zaripov Sh. R., Kudashev R.K., Petrov A.N., Salimov I.A., Eremeev V.Yu. Legal basis of taxation in the Islamic economy // Education and law. 2024. № 12. S. 210-215.

[6] Zaripov Sh. R., Kuznetsov I.A., Almakaeva G.R., Shaimukhametova L.R. Budgetary law in Islamic countries // Law and state: theory and practice. 2025. № 12. S. 286-291.

[7] Zaripov Sh. R., Kuznetsov I.A., Almakaeva G.R., Shaimukhametova L.R. Financial and legal regulation of countering (legalizing) money laundering in Islamic countries in the digital age // Law and state: theory and practice. 2025. № 11. S. 158-162.

[8] Imonov O.D. Islamic and Muslim finance in Muslim households // Problems of accounting and finance. N 3 (27). 2017. S. 52-57.

[9] Novikova R.G. Theoretical foundations of the legal regulation of financial relations in Islamic countries: author... cand. jurid. sciences. M. 2016. 30 s.

[10] Nuriev B.D. Zakyat in classical Muslim law // Bulletin of Kostroma State University. Issue 21. N 3. 2015. S. 178-182.

[11] I.V. Rukovishnikova Method of Financial Law/I.V. Rukovishnikova; resp. Ed. N.I. Khimicheva. - 3rd ed., Revised And add. - M.: Norm: INFRA-M, 2015. 288 pp.

[12] Syukiyainen L.R. Islamic law: interaction of religious and legal principles // Road of science: Collection of articles in honor of the 80th anniversary of academician M. B. Piotrovsky. - St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky, 2024. S. 667-697.

[13] Syukiyainen L.R. Islam and the Arab constitutions // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. № 4. S. 4-23.

[14] Syukiyainen L.R. Fikh - source of modern law in Arab countries // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. № 4. S. 222-245.



- ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-99-104
Дата принятия рукописи в печать: 10.08.2026 г.

АШИТКО Валерий Парфенович,
кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного университета «МТСО» г. Минск, Республика Беларусь,
e-mail: Leqsokobaxidze@yahoo.com

УЧАСТИЕ ЗАЩИТНИКА В УСТРАНЕНИИ НАРУШЕНИЙ НА ЭТАПАХ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. *Статья посвящена комплексному исследованию роли защитника на этапах возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Автором обоснован тезис об эффективном реализации функции защиты на ранних стадиях процесса, это является неотъемлемым условием обеспечения законности и соблюдения прав личности. Детально проанализирован международно-правовой фундамент права на защиту и его имплементация в национальное законодательство Республики Беларусь. Выявлены и систематизированы причины процессуальной пассивности отдельных защитников. Аргументирована необходимость своевременного и активного реагирования стороны защиты на процессуальные нарушения, допускаемые органами уголовного преследования. В порядке научной дискуссии предложены конкретные меры по оптимизации деятельности защитника на завершающем этапе досудебного производства, направленные на укрепление гарантий прав личности и повышение прозрачности оказания юридической помощи.*

Ключевые слова: *стадия возбуждения уголовного дела, предварительное расследование, функция защиты, уголовно-процессуальная деятельность защитника, орган уголовного преследования, гарантии прав личности, юридическая помощь, состязательность, процессуальная ответственность.*

ASHITKO Valeriy Parfenovich,
Ph.D. in Law, Professor, Department of Criminal Law Disciplines at the MITSO International University Minsk, Republic of Belarus

PARTICIPATION OF A DEFENSE COUNSEL IN THE ELIMINATION OF VIOLATIONS AT THE PRE-TRIAL STAGES

Annotation. *The article provides a comprehensive study of the role of the defense counsel at the stages of initiation of a criminal case and preliminary investigation. The author substantiates the thesis that the effective implementation of the defense function at the early stages of the process is an indispensable condition for ensuring legality and the observance of individual rights. The international legal foundation of the right to defense and its implementation in the national legislation of the Republic of Belarus are analyzed in detail. The causes of procedural passivity observed among individual defense counsels, are identified and systematized. The necessity of a timely and active response by the defense to procedural violations committed by criminal prosecution bodies is argued. As part of a scientific discussion, specific measures are proposed to optimize the activities of the defense counsel at the final stage of pre-trial proceedings, aimed at strengthening the guarantees of individual rights and increasing the transparency of legal aid provision.*

Key words: *stage of initiation of a criminal case, preliminary investigation, defense function, criminal procedural activity of the defense counsel, criminal prosecution body, guarantees of individual rights, legal aid, adversarial principle, procedural responsibility.*

Введение

Право на получение квалифицированной юридической помощи является неотъемлемым, естественным правом каждой личности. Его реальное, а не декларативное обеспечение служит фундаментальным принципом существования и поступательного развития правового государства. В уголовном судопроизводстве это право трансформируется в право на защиту, которое приобретает особое значение, поскольку именно в этой сфере государственного принуждения риск неправомерного ограничения личной свободы и других основополагающих прав человека наиболее высок. Институт профессиональной защиты в лице адвоката выступает важнейшей процессуальной гарантией против необоснованного обвинения, произвольного ограничения прав и злоупотреблений властью. Однако эффективность этой гарантии определяется не только формальным наличием у защитника широких полномочий, но и его реальной, деятельной позицией, направленной на своевременное выявление и устранение нарушений закона, особенно на ранних, досудебных стадиях уголовного процесса. Данная статья посвящена анализу проблемных аспектов участия защитника в устранении таких нарушений и поиску путей оптимизации его деятельности.

1. Международно-правовые и конституционные основы права на защиту.

Право на защиту, относясь к категории основных прав и свобод человека, имеет солидный международно-правовой фундамент [1].. Оно не подлежит какому-либо ограничению, поскольку составляет минимальный стандарт прав, гарантированных лицу, обвиняемому в совершении преступления. В соответствии с Принципом 17 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 43/173 от 9 декабря 1988 г.), каждое задержанное лицо имеет право на получение юридической помощи со стороны адвоката. Компетентный орган обязан незамедлительно после ареста информировать лицо об этом праве и предоставить разумные возможности для его реализации. В тех случаях, когда лицо не имеет возможности самостоятельно выбрать адвоката, ему должны быть предоставлены услуги защитника, назначенного судебным или иным органом, при необходимости — на безвозмездной основе [2, с. 234].

Важные рекомендации относительно участия юристов в уголовном процессе содержатся в Основных положениях о роли адвокатов, принятых Восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 27 августа – 7 сентября 1990 г.) [3, с. 357]. В них подчеркивается, что для эффективной защиты прав и основных свобод необходимо обеспечить всем лицам реальный доступ к юридическим услугам, предоставляемым независимыми профессиональными юристами. Особо акцентируется, что правительства должны обеспечить эффективные процедуры и гибкие механизмы для эффективного и равного доступа к юристам, дабы такая помощь была действительно эффективной и способствовала отправлению правосудия.

Аналогичное понимание ценности юридической помощи содержится и в европейских международно-правовых актах. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года в пункте 3 статьи 6 признает право на защиту через выбранного или назначенного защитника в качестве одного из основополагающих элементов права на справедливое судебное разбирательство. Всеобщая декларация прав человека 1948 года в статьях 10 и 11 закрепляет право обвиняемого на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости, «на основе полного равенства» с обеспечением «всех возможностей для защиты» [1, с. 13]. Таким образом, международное сообщество выработало консенсус о том, что право пользоваться помощью адвоката возникает не в суде, а с самого первого момента ограничения свободы человека или предъявления ему обвинения, что подчеркивает критическую важность участия защитника именно на ранних этапах производства по делу.

В Республике Беларусь данное право гарантируется на высшем конституционном уровне. Статья 22 Конституции, провозглашая равенство всех перед законом, устанавливает право граждан на равную защиту их прав и законных интересов без какой-либо дискриминации [4, с. 10]. Продолжением и развитием этого принципа является статья 62 Конституции, гарантирующая каждому право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов. Именно конституционные положения образуют тот незыблемый фундамент, на котором строится все здание уголовно-процессуального регулирования деятельности защитника.

2. Процессуальный статус защитника и содержание функции защиты

Законодательной конкретизацией конституционного принципа выступает норма части 1 статьи 2 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), определяющая в качестве задач уголовно-процессуального закона как уголовное преследование, так и защиту

лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении общественно опасных деяний [5]. В развитие этого положения подозреваемый и обвиняемый наделяются правом на юридическую помощь для осуществления защиты своих прав и свобод, включая право пользоваться помощью защитника[6].

В теории уголовного процесса право на защиту понимается не узко, лишь как право иметь представителя, а как сложное, комплексное явление[7]. Под ним понимается совокупность предусмотренных законом процессуальных прав, предоставленных подозреваемому и обвиняемому для опровержения подозрения или обвинения, смягчения ответственности, а также для защиты иных законных интересов [8, с. 27]. Именно поэтому обеспечение данного права возведено в ранг конституционного принципа уголовного процесса, зафиксированного в статье 17 УПК. Защита как процессуальная функция всегда диалектически противоположна обвинению, что вытекает из содержания пункта 9 статьи 6 УПК, определяющего её как деятельность, осуществляемую стороной защиты в целях опровержения или смягчения обвинения, а также обеспечения прав и интересов подозреваемого, обвиняемого и иных лиц, вовлеченных в орбиту уголовного преследования [5]. В этом определении заложена суть состязательного построения процесса, где функция защиты не подчинена функции обвинения, а является самостоятельным и равновеликим направлением процессуальной деятельности.

Согласно части 1 статьи 44 УПК, защитником является лицо, осуществляющее в установленном законом порядке защиту прав и законных интересов подозреваемого или обвиняемого и оказывающее им юридическую помощь [5]. Процессуальная деятельность защитника неразрывно связана с положением подзащитного, а его допуск к участию в деле возможен с самых ранних этапов: с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, фактического задержания, применения меры пресечения, признания лица подозреваемым или привлечения в качестве обвиняемого [5]. Такое раннее вхождение защитника в процесс неслучайно: оно призвано обеспечить реальную защиту с того момента, как в отношении лица начинают осуществляться меры государственного принуждения, и предотвратить возможные злоупотребления[6, с. 44].

Деятельность защитника на досудебных стадиях направлена на реальное обеспечение принципов законности, состязательности и равенства сторон, формируя систему сдержек и противовесов во взаимоотношениях стороны обвинения и защиты [7, с. 92]. Защитник выступает не просто как представитель частного интереса, но и как публичный элемент механизма правосудия, способствующий всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела. Как разъяснил Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в постановлении от 24 сентября 2009 г. № 7 «Об обеспечении права на защиту в уголовном процессе», обеспечение этого права является основополагающим принципом, выражающимся в предоставлении каждому подозреваемому, обвиняемому реальной возможности осуществлять защиту как лично, так и с помощью защитника. При этом орган, ведущий уголовный процесс, обязан неукоснительно соблюдать установленные законом предписания и создавать необходимые условия для реализации стороной защиты своих процессуальных прав [9,с. 316].

Защитник может участвовать в деле как по приглашению, так и по назначению, что, однако, не меняет объема его процессуальных полномочий, закрепленных в статье 48 УПК [5]. Законодатель наделяет его широким спектром прав, которые можно условно разделить на несколько групп: права по ознакомлению с материалами и общению с подзащитным (знать сущность подозрения, беспрепятственно общаться с подзащитным); права по участию в доказывании (присутствовать при предъявлении обвинения, участвовать в допросах и иных следственных действиях, задавать вопросы, представлять доказательства, собирать и представлять сведения); права по реагированию на нарушения (заявлять ходатайства и отводы, приносить замечания на протоколы, подавать жалобы на действия и решения органа, ведущего уголовный процесс). Этим широким правомочиям корреспондирует главная обязанность защитника (ч. 2 ст. 48 УПК) — использовать все указанные в законе средства и способы защиты для выявления оправдывающих обстоятельств, смягчения ответственности и оказания подзащитному необходимой юридической помощи [5]. Защитник не вправе действовать вопреки интересам подзащитного, признавать его виновность вопреки занятой им позиции или самовольно прекращать свои полномочия. Он также обязан являться по вызовам органа, ведущего процесс, подчиняться его законным распоряжениям и не разглашать данные предварительного расследования. Важно подчеркнуть, что законодатель не разделяет полномочия защитника по стадиям: тот объем прав, который предоставлен ему на досудебных стадиях, является достаточным для активной и полноценной защиты, и он не отличается принципиально от прав в судебном разбирательстве.

3. Проблема процессуальной пассивности защитника на досудебных стадиях

Однако, несмотря на наличие развитого и

достаточного нормативного инструментария, на практике приходится сталкиваться с острой проблемой недостаточной процессуальной активности отдельных защитников именно на досудебных стадиях. Они не всегда реализуют весь потенциал предоставленных им прав, оставляя выявленные нарушения без своевременного реагирования. Возникает парадоксальная ситуация: имея все правовые рычаги для незамедлительного устранения нарушений и защиты прав подзащитного, адвокат откладывает их применение до суда, оставляя человека один на один с необъективным, по его мнению, следствием.

Представляется, что существует целый комплекс взаимосвязанных причин такого поведения. Во-первых, это устоявшееся в доктрине восприятие стадии судебного разбирательства как центральной, решающей, а досудебного производства — лишь как подготовительного, вспомогательного этапа [8, с. 30]. Эта теоретическая установка на подсознательном уровне может программировать адвоката на работу с прицелом на суд, а не на активное формирование материалов дела на следствии. Во-вторых, глубинной причиной служит фактическое ослабление принципа состязательности на предварительном следствии [7, с. 112]. Поскольку следователь, будучи органом уголовного преследования, самостоятельно собирает доказательства, принимает основные процессуальные решения и в значительной степени определяет ход расследования, у защитника может сформироваться убеждение, что его процессуальная активность на этом этапе малоэффективна и что гораздо более весомо его слово будет звучать перед независимым судом. Это убеждение, однако, ошибочно, так как именно на следствии закладывается доказательственная база, которую впоследствии крайне сложно поколебать.

В-третьих, важным фактором является и экономическая составляющая, так называемая гонорарная практика, которая может негласно ориентировать адвоката на увеличение длительности своего участия в деле, а не на скорейшую нормализацию процессуального статуса подзащитного [10, с. 56]. Участвующему защитнику может быть экономически выгоднее, если дело с его нарушениями «дойдет» до суда, а затем, возможно, будет возвращено на дополнительное расследование или повлечет сложные судебные баталии, нежели если нарушения будут устранены еще на стадии следствия, что может привести к прекращению дела или переквалификации обвинения на более мягкое. Информация о фундаментальных нарушениях, допущенных органами следствия, порой осознанно или неосознанно откладывается адвокатом, что противоречит не только духу закона, но и Правилам профессиональной этики адвоката, обязывающим сообщать органам уголовного преследования о допущенных нарушениях прав подзащитного и ходатайствовать об их устранении [6, с. 115]. Такая «тактика» по сути своей аморальна, так как продлевает состояние правовой неопределенности для подзащитного и может быть сопряжена с неоправданным длительным содержанием под стражей.

4. Последствия несвоевременного реагирования и необходимость изменения парадигмы

Такая прокрастинация в вопросах устранения нарушений закона чревата серьезными негативными последствиями не только для судьбы конкретного человека, но и для всей системы правосудия. Практика Верховного Суда показывает, что причинами вынесения оправдательных приговоров и возвращения дел прокурору до сих пор нередко служат нарушения права на защиту, обвинительный уклон и неполнота предварительного следствия, которые носили явный характер, но не были вскрыты и тем более устранены защитой в ходе расследования [9, с. 318]. Суд вынужден констатировать дефекты следствия, которых могло бы не быть при своевременном и активном вмешательстве профессионального защитника.

Некоторые защитники могут считать несвоевременным или тактически невыгодным для себя обжалование действий следователя до суда. Однако ходатайства, направленные на установление значимых по делу обстоятельств, должны заявляться незамедлительно, как только эти обстоятельства стали известны стороне защиты [5]. Промедление смерти подобно для доказательств: может сделаться невозможным проведение необходимых следственных действий в условиях судебного следствия (например, осмотра места происшествия, который к тому моменту будет необратимо изменен, или допроса свидетеля, местонахождение которого будет утеряно). Это влечет либо невосполнимую утрату доказательственной информации, либо возвращение дела прокурору, либо постановление оправдательного приговора за недоказанностью обвинения, что является, по сути, браком в работе как стороны обвинения, так и стороны защиты.

Необходим кардинальный пересмотр подхода к роли защитника на досудебных стадиях. Защитник должен воспринимать себя и восприниматься правоприменительной системой не как «гость» на чужом празднике следствия, а как полноправный и активный участник, чья задача — не ждать суда, а ежедневно и кропотливо обеспечивать законность здесь и сейчас. Именно для этого ему предоставлен весь арсенал прав, начиная от заявления ходатайств и заканчивая обжалования-

ем действий следователя прокурору или начальнику следственного подразделения. Средства для оперативного реагирования у защитника есть; проблема заключается в воле и мотивации к их применению. Эффективная защита — это защита, которая предотвращает нарушения, а не только констатирует их post factum.

5. Предложения по оптимизации деятельности защитника на досудебных стадиях

В целях повышения эффективности участия защитника на досудебных стадиях и устранения стимулов к процессуальной пассивности предлагается комплекс взаимосвязанных мер, направленных на уточнение его процессуальных обязанностей и повышение прозрачности его деятельности.

Во-первых, представляется необходимым на уровне закона закрепить прямой запрет на бездействие защитника. Для этого предлагается внести в содержание части 3 статьи 48 УПК («Права и обязанности защитника») пункт, прямо запрещающий: «оставлять без внимания и должного реагирования факты процессуальных нарушений, ущемляющих права и интересы подзащитного, допущенных органом уголовного преследования в ходе рассмотрения заявления, сообщения о преступлении и расследования уголовного дела». Под «должным реагированием» понимается использование всего спектра прав, предоставленных УПК, для фиксации нарушения и требования его устранения.

Во-вторых, для усиления гарантий и создания действенного механизма контроля, часть 4 статьи 48 УПК целесообразно дополнить положением, закрепляющим корреспондирующую обязанность защитника активного типа: «информировать прокурора, начальника следственного подразделения и начальника органа дознания о допущенных следователем либо лицом, производящим дознание, нарушениях уголовно-процессуального закона, ущемляющих права и интересы защищаемого лица, и требовать их устранения». Эта норма превращает право на обжалование в профессиональную обязанность, если нарушение очевидно и затрагивает права подзащитного.

В-третьих, наиболее действенным системным инструментом повышения ответственности защитника и обеспечения прозрачности его работы могло бы стать введение требования о составлении по завершении предварительного расследования (после ознакомления с делом в порядке ст. 252, 257 УПК) письменного отчета о характере и содержании оказанной юридической помощи. Такой процессуальный документ, адресованный в первую очередь подзащитному и приобщаемый к материалам дела, должен содержать:

описание использованных средств и способов защиты;

перечень заявленных ходатайств и жалоб, а также результатов их рассмотрения;

анализ допущенных органом преследования нарушений с правовой оценкой того, как они затрагивают права и законные интересы участников процесса;

итоговую мотивированную позицию защиты по результатам расследования.

Вышеперечисленные положения позволят самому подзащитному объективно оценить объем и качество проделанной адвокатом работы. Кроме того, это даст суду ценный материал для оценки качества оказанной юридической помощи и соблюдения права на защиту на досудебной стадии[8, с. 44].

Внедрение в уголовно-процессуальное законодательство предложенных мер будет способствовать оптимизации процессуальной деятельности защитника, направит ее в русло активной и своевременной защиты. Это обеспечит ее прозрачность и подконтрольность, сблизит интересы адвоката и подзащитного в вопросах скорейшего восстановления нарушенных прав и, в конечном счете, устранит порочную практику сокрытия от надзирающих и контролирующих органов информации о допущенных органом уголовного преследования нарушениях закона. Только активный, мотивированный и ответственный защитник способен стать подлинной гарантией прав личности в досудебном производстве.

Список литературы:

[1] Всеобщая декларация прав человека : принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 дек. 1948 г. // Права человека : сб. междунар.-правовых док. / сост. В. В. Щербов. – Минск : Белфранс. – С. 11–16.

[2] Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме : утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 43/173 от 9 дек. 1988 г. // Права человека : сб. междунар.-правовых док. / сост. В. В. Щербов. – Минск : Белфранс. – С. 233–237.

[3] Основные положения о роли адвокатов : приняты Восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 27 авг. – 7 сент. 1990 г.) // Сборник международных документов по правам человека. – М. : НОРМА, 2000. – С. 356–362.

[4] Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 80 с.

[5] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля

1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.05.2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

[6] : Савич, И. И. Реализация права на защиту в уголовном процессе: проблемы теории и практики / И. И. Савич. – Минск : БГУ, 2023. – 215 с.

[7] Шпак, В. В. Состязательность в досудебном производстве: современное состояние и перспективы развития / В. В. Шпак // Юстиция Беларуси. – 2024. – № 5. – С. 88–95.

[8] Данилевич, А. А. Уголовный процесс : учебное пособие / А. А. Данилевич, В. И. Самарин. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2024. – 432 с.

[9] Об обеспечении права на защиту в уголовном процессе : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 24 сент. 2009 г. № 7 // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь / сост. В. О. Сукало, И. Н. Менец. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2010. – С. 315–323.

[10] Зайцева, Л. Л. Этика адвокатской деятельности в уголовном процессе / Л. Л. Зайцева // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь. – Минск, 2023. – Вып. 18. – С. 52–60.

References:

[1] Universal Declaration of Human Rights: adopted and proclaimed by General Assembly resolution 217 A (III) of Dec. 10, 1948 // Human Rights: Sat. International Legal Doc ./comp. V.V. Shcherbov. - Minsk: Belfrance. - S. 11-16.

[2] Body of Principles for the Protection of All Persons under Any Form of Detention or Imprisonment: approved by UN General Assembly resolution 43/173 of December 9, 1988 // Human rights: Sat. International Legal Doc ./comp. V.V. Shcherbov. - Minsk: Belfrance. - S. 233-237.

[3] Basic Provisions on the Role of Lawyers: Adopted by the Eighth United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders (Havana, August 27 - September 7, 1990) // Collection of International Human Rights Instruments. - M.: NORMA, 2000. - S. 356-362.

[4] Constitution of the Republic of Belarus 1994: as amended and supplemented, adopted on Rep. referendums November 24. 1996, Oct. 17, 2004, and Feb. 27 2022 - Minsk: Nats. legal information center. Rep. Belarus, 2022. - 80 s.

[5] Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus [Electronic Resource]: July 16, 1999, No. 295-Z: adopted by the House of Representatives on June 24, 1999: approved. Council Rep. June 30, 1999: As amended by Rep. Belarus dated 17.05.2024 // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus/Nat. legal information center. Rep. Belarus. - Minsk, 2025.

[6] : Savich, I. I. Implementation of the right to defense in criminal proceedings: problems of theory and practice/I. I. Savich. - Minsk: BSU, 2023. - 215 s.

[7] Shpak, V.V. Competition in pre-trial proceedings: current state and development prospects/V.V. Shpak // Justice of Belarus. – 2024. – № 5. - S. 88-95.

[8] Danilevich, A. A. Criminal process: textbook/ A. A. Danilevich, V. I. Samarin. - Minsk: Adukatsyya i vykhavanna, 2024. - 432 s.

[9] On Securing the Right to Defense in Criminal Proceedings: Supreme Court Plenum Ruling Rep. Belarus dated September 24, 2009 No. 7 // Collection of decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus/ comp. V.O. Sukalo, I.N. Menets. - Minsk: Nats. legal information center. Rep. Belarus, 2010. - S. 315-323.

[10] Zaitseva, L. L. Ethics of advocacy in criminal proceedings/L. L. Zaitseva // Law in modern Belarusian society: Sat. scientific. tr ./Nat. center for legislation and legal research Rep. Belarus. - Minsk, 2023. - Issue 18. - S. 52-60.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-105-112
Дата принятия рукописи в печать: 25.07.2026 г.

БЕГИЧЕВА Елена Вячеславовна,
судья в отставке, старший преподаватель Института кибербезопасности и цифровых технологий Российского Технологического Университета «МИРЭА»,
e-mail: sherlen.new@gmail.com

ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В АРБИТРАЖНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. *В статье проводится комплексный анализ современных подходов к использованию и оценке цифровых доказательств в арбитражных судах и судах общей юрисдикции. Автор обосновывают тезис о том, что, несмотря на формальное единство нормативного регулирования, именно арбитражное судопроизводство выступает основным «драйвером» развития института цифровых доказательств. Выявлены три ключевые причины опережающего развития арбитражной практики: субъектный состав (профессиональные участники оборота), характер экономических споров (высокая цена иска, оперативность) и качественно иной уровень разработанности правоприменительных подходов, накопленный за счёт последовательного применения критериев допустимости, достоверности и относимости.*

Ключевые слова: *цифровые доказательства, доказательства, арбитражный процесс, гражданское судопроизводство, оценка доказательств, допустимость доказательств, достоверность доказательств.*

BEGICHEVA Elena Vyacheslavovna,
retired judge, senior lecturer at the Institute of Cybersecurity and Digital Technologies of the Russian Technological University "MIREA"

DIGITAL EVIDENCE IN ARBITRATION AND CIVIL PROCEEDINGS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF PRACTICAL APPLICATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation. *This article provides a comprehensive analysis of modern approaches to the use and evaluation of digital evidence in arbitration courts and courts of general jurisdiction. The author substantiate the thesis that, despite the formal unity of regulatory frameworks, arbitration proceedings are the primary driver of the development of digital evidence. Three key reasons for the accelerated development of arbitration practice are identified: the composition of the parties (professional market participants), the nature of economic disputes (high value of claim, efficiency), and a qualitatively different level of sophistication of law enforcement approaches, achieved through the consistent application of the criteria of admissibility, reliability, and relevance.*

Key words: *digital evidence, evidence, arbitration process, civil proceedings, assessment of evidence, admissibility of evidence, reliability of evidence.*

Современный гражданский оборот всё чаще фиксирует юридически значимые действия не на бумажных, а на электронных носителях: договоры заключаются в мессенджерах, обязательства подтверждаются перепиской по электронной почте, а факты нарушения прав фиксируются скриншотами веб-страниц. В этих условиях перед судами возникает задача не только адаптировать нормы Арбитражного процессуального кодекса РФ и Гражданского процессуального кодекса РФ к новым видам носителей информации, но и выработать критерии допустимости, достоверности и относимости цифровых доказательств.

Цифровые (электронные) доказательства «постепенно обретают четкие очертания, дающие возможность их использования наравне с иными доказательствами»[1, с. 45]. Но, все же, несмотря на эти положительные изменения, процесс

формирования единых и устойчивых критериев оценки цифровых доказательств, таких как допустимость, относимость, достоверность и достаточность, протекает весьма неравномерно.

Арбитражное судопроизводство в силу своих особенностей является основным «драйвером» развития практики использования цифровых доказательств, поскольку аккумулирует передовую практику и вырабатывает новые правовые позиции, работая преимущественно с электронными носителями информации. Анализ причин опережающего развития арбитражной практики по сравнению с гражданским процессом, выявление препятствий для интеграции цифровых доказательств в суды общей юрисдикции и определение перспективных направлений их использования требуют рассмотрения объективных факторов.

К таким факторам относятся субъектный состав, характер споров и особенности правового регулирования. В отличие от судов общей юрисдикции, где сторонами преимущественно являются физические лица, арбитражные суды рассматривают дела с участием юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые с самого начала выстраивают свою деятельность в цифровой среде, что предопределяет электронную форму большей части документов и сведений. Активное распространение цифровых технологий заметно изменило способы делового общения между хозяйствующими субъектами, и взаимодействие участников предпринимательской деятельности всё чаще происходит через мессенджеры, облачные сервисы и иные цифровые платформы[2, с. 482]. При этом, данная тенденция характерна не только для крупных корпораций, но и для предприятий малого и среднего бизнеса, которые «используют упрощенные аналоги программ для автоматизации управления и учета (различные CRM-системы, в том числе облачные программы для финансового учета «по подписке» с доступом через личный кабинет в браузере без установки программы и хранения данных на носителях)» [1, с. 46]. Поскольку электронный документооборот, переписка по электронной почте и общение в мессенджерах стали стандартом делового оборота, в случае возникновения спорной ситуации ключевую роль приобретают доказательства, созданные и хранящиеся именно в цифровой среде. В интересах каждого из субъектов спора, чтобы суд исследовал и принял во внимание эти «цифровые следы» в качестве полноценной доказательственной базы. Однако, как показывает анализ арбитражной практики, одного лишь факта повсеместной цифровизации недостаточно: отсутствие в законе четких критериев оценки таких доказательств порождает противоречивую судебную практику [2, с. 485].

Вторым по значимости фактором является характер спора, рассматриваемого в арбитражных судах- экономический. Данный тип споров характеризуется высокой ценой иска, сложностью фактических обстоятельств и, что немало важно, требует оперативного решения спора для минимизации финансовых потерь и иных негативно влияющих последствий для бизнеса. В силу этого оперативность и эффективность доказывания приобретает для участников арбитражного процесса первостепенное значение. Цифровые доказательства, благодаря своей природе, могут быть собраны, обработаны и переданы в суд в существенно более сжатые сроки, по сравнению с письменными доказательствами, что в полной мере отвечает потребностям сторон экономического спора. Более того, расширение круга источников доказательственной информации в цифровой среде заставляет суды вырабатывать новые подходы для их оценки [2, с. 482].

Третьим фактором выступает не столько формальное различие процессуальных кодексов, сколько качественно иной уровень разработанности правоприменительных подходов, достигнутый именно в системе арбитражных судов. Действительно, и часть 3 статьи 75 АПК РФ, и статья 71 ГПК РФ в целом одинаково допускают использование документов, полученных посредством электронной связи, включая информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», в качестве письменных доказательств. Равным образом пункт 55 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10, признавший допустимыми распечатки интернет-материалов (скриншоты), заверенные самими участниками процесса, сформулирован как универсальное разъяснение, не ограниченное рамками какого-либо одного вида судопроизводства.

Преимущество арбитражной системы не в содержании норм, а в последовательности их применения. Арбитражные суды выработали устойчивую практику, включающую конкретные критерии проверки цифровых доказательств: от истребования сведений у операторов связи до анализа метаданных и оценки криптографической целостности файлов. В судах общей юрисдикции применение тех же нормативных предписаний долгое время оставалось фрагментарным и зависело от усмотрения конкретного судьи. Именно накопленный массив правоприменительной практики, а не буква закона, обеспечил арбитражному процессу роль основного «драйвера» в сфере интеграции цифровых доказательств. В арбитражном процессе в качестве письменных доказательств активно используются электронная переписка, скриншоты платежей и публика-

ции из соцсетей [3]. При этом особую доказательственную ценность цифровые материалы приобретают в делах, направленных на установление аффилированности субъектов предпринимательской деятельности.

Для наглядной оценки практики использования цифровых доказательств в арбитражном судопроизводстве следует проанализировать несколько категорий дел, где суды придают электронным доказательствам решающее значение.

Дела о банкротстве и корпоративные споры. Переписка в мессенджерах используется для привлечения к субсидиарной ответственности, позволяя раскрыть реальную структуру управления должником и установить фактически контролировавшее его лицо. Так, в деле о банкротстве ООО «Фудмаркет», рассмотренное Арбитражным судом города Москвы (дело №А40-228256/2017) [4]. ответчик- номинальный генеральный директор- представил переписку в меесенджере, из которой следовало, что ключевые решения принимала Антонова В.П., не являвшаяся ни учредителем, ни директором. Суд признал переписку надлежащим доказательством и привлёк её к субсидиарной ответственности. Также, в качестве примера можно взять дело № А40-107430/2017 о банкротстве «Главного военно-строительного управления № 12» рассматриваемое в Арбитражном суде города Москвы [5]. Конкурсный управляющий оспорил платежи и потребовал взыскать проценты. Ответчик предоставил переписку, из которой следовало, что управляющий сам согласовал график погашения задолженности. Верховный Суд РФ в определении от 20 марта 2026 г. указал, что надлежащим образом заверенная и идентифицированная переписка в мессенджере является допустимым доказательством, способным подтвердить соглашение сторон о порядке исполнения обязательств[6]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что ключевыми критериями допустимости такого доказательства являются: возможность достоверно установить личности, между которыми идет коммуникация в переписке и отсутствие законодательного запрета на согласование условий в подобной форме, если закон не предписывает обязательного порядка письменного оформления с последующим нотариальным удостоверением.

Споры о защите деловой репутации. Информация в сети Интернет может быть легко удалена или изменена, поэтому наиболее надёжным способом её фиксации выступает нотариальный протокол осмотра доказательств (ст. 102 Основ законодательства о нотариате) либо специализированные сервисы автоматической фиксации. В качестве примера, дело № А32-1587/2025, рассмотренное Арбитражным судом Краснодарского края [7]. ООО «АМАКС-СТРОЙ» обратилось с иском о защите деловой репутации к ООО «Команда Кравченко» из-за публикации в Telegram-канале, содержащей фотографии домовладения с недостатками и комментарий о том, что «ещё один дом от Амакс». Факт распространения сведений подтверждён нотариальным протоколом осмотра Telegram-канала. Для установления принадлежности канала ответчику суд истребовал у операторов связи сведения о телефонных номерах, указанных в канале. Номер 8 (800) 707... был зарегистрирован на ООО «Команда Кравченко», а номер 8 (900) 255... на его директора, что позволило идентифицировать ответчика как владельца канала.

Договорные споры. Арбитражные суды выработали чёткие критерии допустимости электронной переписки: ключевым является возможность достоверно идентифицировать стороны коммуникации. Если суд не может установить, от кого исходило сообщение и кому оно адресовано, переписка не признаётся допустимым доказательством. В качестве примера рассмотрим постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21.06.2024 № Ф06-2451/2024 по делу № А65-24486/2023, которым отказано в принятии переписки в мессенджере в качестве доказательства поставки товара. Суд мотивировал отказ тем, что переписка не позволяет установить личность лица, участвовавшего в ней от имени истца, и наличие у него полномочий действовать от его имени [8]. Напротив, при возможности идентификации участников суды признают переписку надлежащим доказательством. Так, Арбитражный суд Волго-Вятского округа в постановлении от 12 июля 2021 года по делу № А38-1645/2020 отклонил довод истца о том, что переписка велась не с корпоративного адреса электронной почты.

При отсутствии нотариального протокола осмотра на сторону, представляющую электронную переписку, возлагается повышенное бремя доказывания её достоверности. Это может выражаться в демонстрации суду оригиналов сообщений на мобильном устройстве, предоставлении сведений от операторов связи о принадлежности телефонных номеров либо проведении компьютерно-технической экспертизы. При надлежащей фиксации и подтверждении связи с обстоятельствами дела переписка в мессенджере выступает эффективным инструментом доказывания воли сторон. Для повышения вероятности её принятия судом сторонам рекомендуется прямо предусматривать в договоре возможность обмена юридически значимыми сообщениями через электронную почту или мессенджеры, указывая конкретные адреса и номера телефонов уполно-

моченных лиц. При соблюдении этих условий у суда не остаётся сомнений относительно намерения сторон использовать такой способ коммуникации.

Несмотря на активное формирование практики использования цифровых доказательств в арбитражном судопроизводстве, в судах общей юрисдикции этот процесс идёт значительно медленнее. Это обусловлено несколькими объективными причинами.

Субъектный состав: В судах общей юрисдикции рассматриваются споры с участием физических лиц, которые зачастую не обладают высокой цифровой и юридической грамотностью. В отличие от профессиональных участников экономического оборота (юридических лиц и ИП), граждане реже используют электронный документооборот, реже сохраняют переписку и не всегда осознают доказательственный потенциал цифровых следов. Эта проблема особенно актуальна у лиц старшего возраста, испытывающих трудности при фиксации и оформлении таких доказательств.

Характер доказывания: необходимость установления личностных, неформальных отношений. Значительная часть гражданских дел: семейные, жилищные, трудовые споры - требует установления личностных, неформальных отношений между сторонами, что сложнее выразить в цифровом следе. В отличие от экономических споров, в которых основным предметом доказывания выступают факты совершения определенных действий (заключение договора, перечисление денежных средств, поставка товара), в гражданских делах нередко требуется установить эмоциональное состояние лица, характер его волеизъявления, наличие или отсутствие добросовестности при осуществлении прав. Цифровые доказательства, такие как переписка в мессенджерах, могут быть использованы и в таких делах, однако их оценка требует более тонкого подхода с учетом контекста и личностных особенностей сторон.

Арбитражное процессуальное законодательство предоставляет сторонам более гибкий инструментарий для работы с цифровыми данными. Статья 64 АПК РФ закрепляет открытый перечень средств доказывания, позволяя судам принимать новые виды цифровых следов в качестве «иных документов и материалов». В гражданском процессе перечень средств доказывания (ч. 1 ст. 55 ГПК РФ) традиционно толкуется как закрытый, что ограничивает процессуальную свободу суда [9]. Кроме того, в арбитражных судах раньше и последовательнее внедрялась инфраструктура электронного правосудия: системы «Мой арбитр» и Картотека арбитражных дел, что приучило участников процесса к работе с цифровыми данными. Указанные различия в совокупности обусловили опережающее развитие практики использования цифровых доказательств именно в арбитражном судопроизводстве

В гражданском же судопроизводстве процесс адаптации идет медленнее, однако общая тенденция к расширению использования электронных доказательств прослеживается и здесь. Особенно заметно это по таким категориям дел, как споры о защите прав потребителей, жилищные споры и дела о взыскании задолженности по договорам займа, где переписка в мессенджерах и скриншоты платежных уведомлений становятся все более распространенным средством доказывания.

Несмотря на наличие объективных сложностей, практика применения постепенно проникает в гражданский процесс судов общей юрисдикции. В ходе анализа судебной практики и научной литературы было выделено несколько перспективных категорий дел, в которых использование цифровых доказательств могут играть решающую роль в определении хода дела. К таким категориям дел относятся:

Семейные споры - в частности, споры, связанные с взысканием алиментов, определением места жительства детей, а также порядком общения с ними. В данной категории дел электронная переписка между двумя родителями может послужить неопровержимым доказательством фактического достижения договоренности супругов, отношения каждого из родителей к исполнению своих обязанностей, а также обстоятельств, способствующих или препятствующих нормальной коммуникации родителя с ребенком. Для иллюстрации различных подходов судов к оценке электронной переписки в семейных спорах представляется целесообразным обратиться к нескольким делам, рассмотренным судами г. Москвы. Первое дело № 2-3/2025, находившееся в производстве Кунцевского районного суда г. Москвы В рамках спора о расторжении брака и разделе совместно нажитого имущества ответчик представил суду переписку сторон, пытаясь доказать, что брачные отношения фактически продолжались и после даты, указанной истицей. Суд, исследовав данную переписку, отметил, что в ней «речь ... идет об обеспечении родителями общего несовершеннолетнего ребенка», и пришел к выводу, что она не подтверждает продолжение супружеских отношений, а свидетельствует лишь об исполнении родительских обязанностей. На этом основании суд не принял переписку в качестве доказательства, подтверждающего позицию ответчика о дате прекращения брака [10]. Напротив, в деле № 2-5889/2025, рассмотренном Черемушкинским

районным судом г. Москвы, электронная переписка сторон сыграла решающую роль. Истцу необходимо было доказать, что семейные отношения с ответчиком фактически прекратились в сентябре 2022 года, что имело принципиальное значение для определения состава имущества, подлежащего разделу. В обоснование своей позиции истец представил суду переписку сторон, заверенную нотариусом. Суд, оценив данное доказательство в совокупности с показаниями свидетеля, прямо указал в решении: «момент прекращения семейных отношений, суд определяет как сентябрь 2022 года, поскольку данный факт подтверждается перепиской сторон». Таким образом, именно нотариально заверенная переписка стала тем ключевым доказательством, которое позволило суду установить юридически значимый факт и, как следствие, исключить из раздела имущество, приобретенное после прекращения семейных отношений [11]. Анализ и сопоставление раннее рассмотренных примеров демонстрирует, что суды общей юрисдикции не только принимают электронную переписку в качестве доказательства по семейным спорам, но и критически оценивают ее содержание на предмет относимости к заявленным требованиям.

Жилищные споры и споры с участием потребителей, связанные с перепиской граждан с управляющими компаниями, застройщиками, подрядчиками и интернет-магазинами. В таких делах электронная переписка может подтверждать факт обращения за защитой нарушенного права, содержание претензий, а также согласование условий устранения недостатков. Примером в жилищной сфере является дело № 2-835/2025, рассмотренное Советским районным судом г. Краснодара 12 августа 2025 года, в котором ответчики по первоначальному иску о признании утратившими право пользования жилым помещением представили суду скриншоты переписки в мессенджере между истицей и их матерью, из которых следовало, что истица проявляла агрессию к членам семьи и высказывала намерения о единоличной приватизации квартиры. Истица в судебном заседании не отрицала принадлежность ей данной переписки. Суд, оценив переписку в совокупности с показаниями свидетелей, пришел к выводу о вынужденном характере отсутствия ответчиков в квартире и отказал в первоначальном иске, удовлетворив встречные требования о вселении [12].

В сфере защиты прав потребителей аналогичную роль сыграла переписка в деле № 2-1066/2025, рассмотренном Тагилстроевским районным судом г. Нижний Тагил 30 октября 2025 года. Исходя из анализа дела, истец внёс предоплату за изготовление лестниц, однако подрядчик нарушил сроки выполнения работ. В подтверждение данного факта истец представил суду переписку сторон в мессенджере и фотографии. Суд признал эти доказательства допустимыми и взыскал с ответчика предоплату, неустойку, компенсацию морального вреда и штраф на общую сумму 453 000 рублей [13]. Таким образом, суды общей юрисдикции последовательно признают электронную переписку допустимым доказательством по жилищным и потребительским спорам, особенно когда принадлежность аккаунта стороне не оспаривается или подтверждается ею самой.

Трудовые споры, связанные с фиксацией факта направления документов, приказов и уведомлений по электронной почте, если такой способ обмена информацией был согласован в трудовом договоре. В таких делах электронная переписка может стать ключевым доказательством при установлении фактических обстоятельств, связанных с исполнением трудовых обязанностей, а также при проверке добровольности волеизъявления работника на увольнение. Примером является дело № 2-2099/2025, рассмотренное Пресненским районным судом г. Москвы 28 марта 2025 года. Истица обратилась в суд с иском о восстановлении на работе, взыскании среднего заработка за время вынужденного прогула и компенсации морального вреда, ссылаясь на то, что заявление об увольнении по собственному желанию было написано ею под давлением генерального директора. В обоснование своей позиции истица представила суду электронную переписку сторон, из которой следовало, что работодатель неоднократно возлагал на неё дополнительные обязанности, не предусмотренные трудовым договором, а также оказывал психологическое давление. Суд, исследовав данную переписку в совокупности с иными доказательствами, установил, что истица не высказывала намерения уволиться и не предпринимала соответствующих действий, а в приказе об увольнении собственноручно указала, что заявление написано под давлением [14]. В результате суд признал увольнение незаконным, восстановил истицу на работе, взыскал в её пользу средний заработок за время вынужденного прогула и компенсацию морального вреда. Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, при разрешении подобных споров необходимо учитывать не только экономическую, но и организационную зависимость работника от работодателя, в распоряжении которого находится основной массив доказательств по делу. В таких условиях именно электронная переписка, сохранённая работником, может стать ключевым доказательством, позволяющим установить действительный характер сложившихся отношений.

Несмотря на то, что количество дел, в которых исследуются цифровые доказательств в судах общей юрисдикции пока уступает арбитражной практике, однако вектор на цифровизацию гражданского судопроизводства задан на самом высоком уровне. Ключевую роль в этом процессе играют разъяснения Верховного Суда РФ, которые формируют правовую основу для легитимации цифровых следов в качестве допустимых доказательств. Прежде всего, необходимо отметить, что высшая судебная инстанция последовательно ориентирует суды на необходимость принимать и оценивать доказательства, полученные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. В пункте 55 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» прямо разъяснено, что «допустимыми доказательствами являются в том числе сделанные и заверенные лицами, участвующими в деле, распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения». Данное разъяснение имеет универсальный характер и активно применяется судами при разрешении споров о защите авторских прав, что подтверждается, в частности, решением Хорошевского районного суда г. Москвы по делу № 2-1793/2025 [15].

Как показал проведённый анализ судебной практики, в судах общей юрисдикции в качестве письменных доказательств сегодня активно используются самые разнообразные цифровые материалы: электронная переписка в мессенджерах, скриншоты платежных уведомлений и электронные кассовые чеки, публикации и фотоматериалы из социальных сетей. При этом ключевыми условиями для признания их допустимыми и достоверными являются возможность идентификации сторон переписки и отсутствие признаков монтажа или иного искажения содержания.

Анализ арбитражной практики использования цифровых доказательств, а также выявление перспективных категорий гражданских дел для их применения, позволяют сделать вывод о том, что арбитражное судопроизводство сыграло роль «полигона» для использования подходов к оценке цифровых данных. Опыт арбитражных судов, накопленный при рассмотрении корпоративных споров, дел о банкротстве и договорных споров, постепенно транслируется и в суды общей юрисдикции. При этом, стоит учитывать объективные особенности гражданского процесса (субъектный состав, характер доказывания, определенный консерватизм подходов) и вырабатывать адаптированные рекомендации по использованию цифровых доказательств в каждой конкретной категории дел. Проведённый в настоящей главе анализ конкретных дел из практики СОЮ по семейным, жилищным, потребительским и трудовым спорам наглядно свидетельствует о том, что данный процесс уже идет и имеет устойчивую тенденцию к расширению.

Список литературы:

[1] Кужантаев Д.Е. Истребование доказательств в электронной форме в делах о банкротстве корпораций в рамках концепции раскрытия доказательств // Арбитражный и гражданский процесс. – 2025. – № 6. – С. 45.

[2] Сариев Г.С. Цифровые доказательства из мессенджеров и облачных сервисов в арбитражном процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2025. – С. 482.

[3] Алибекова Э. Процессуальные особенности использования цифровых доказательств в судебной практике // Адвокатская газета. – 2025. – 3 июля. – URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/protsessualnye-osobennosti-ispolzovaniya-tsifrovykh-dokazatelstv-v-sudebnoy-praktike/ (дата обращения: 17.06.2026).

[4] Определение Арбитражного суда города Москвы от 19.03.2019 по делу № А40-228256/2017 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/62d7414d-6197-4315-911a-d27f5162765d (дата обращения: 20.06.2026).

[5] Определение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-107430/2017 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/1b6d3e2d-ef4c-4b4f-8763-47a43e9594bb (дата обращения: 20.06.2026).

[6] Определение Верховного Суда РФ от 20.03.2026 № 305-ЭС24-4991(13) по делу № А40-107430/2017 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/1b6d3e2d-ef4c-4b4f-8763-47a43e9594bb (дата обращения: 20.06.2026).

[7] Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 19.11.2025 по делу № А32-1587/2025 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/22957265-6171-435f-bf3b-70254a65bbce (дата обращения: 20.06.2026).

[8] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21.06.2024 № Ф06-2451/2024 по делу № А65-24486/2023 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/d6cfbdaa-832f-4551-9571-6d19a6824cbb (дата обращения: 20.06.2026).

[9] Пасикова Т.А., Подопригора А.А. Направления развития понимания средств доказывания в современном процессуальном праве // Мировой судья. - 2026. - № 1. - С. 27–31.

[10] Решение Кунцевского районного суда г. Москвы от 08.10.2025 по делу № 2-3/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/kuncevskij/services/cases/civil/details/efa721d1-9afb-11ed-a3ba-3b817da08189?caseNumber=2-3/2025 (дата обращения: 20.06.2026).

[11] Решение Черемушкинского районного суда г. Москвы от 09.12.2025 по делу № 2-5889/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/cheremushkinskij/services/cases/civil/details/1ef436b1-4b55-11f0-86b0-71139bb6cc5e?caseNumber=2-5889/2025 (дата обращения: 20.06.2026).

[12] Решение Советского районного суда г. Краснодара от 12.08.2025 по делу № 2-835/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции. URL: https://sovetsky--krd.sudrf.ru/ (дата обращения: 20.06.2026).

[13] Решение Тагилстроевского районного суда г. Нижний Тагил от 30.10.2025 по делу № 2-1066/2025 // URL: https://tagilstroevsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=501937315&case_uid=6b44faaa-a581-4f42-a6f6-15d01ea10137&delo_id=1540005 (дата обращения: 20.06.2026).

[14] Решение Пресненского районного суда г. Москвы от 28.03.2025 по делу № 2-2099/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URLhttps://mos-gorsud.ru/rs/presnenskij/services/cases/civil/details/48adf7a1-849c-11ef-a60e-7fd9f997e07d?caseNumber=2-2099/2025 (дата обращения: 20.06.2026).

[15] Решение Хорошевского районного суда г. Москвы от 11.03.2025 по делу № 2-1793/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL:https://mos-gorsud.ru/rs/horoshevskij/services/cases/civil/details/2c3f0cc0-b887-11ef-8b36-712b78e083b8?caseNumber=2-1793/2025 (дата обращения: 20.06.2026).

References:

[1] Kuzhantaev D.E. Electronic Evidence Solicitation in Corporate Bankruptcy Cases under the Concept of Evidence Disclosure // Arbitration and Civil Procedure. – 2025. – № 6. - S. 45.

[2] Sariev G.S. Digital evidence from instant messengers and cloud services in the arbitration process // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2025. - S. 482.

[3] Alibekova E. Procedural features of the use of digital evidence in judicial practice // Lawyer newspaper. – 2025. - July 3. – URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/protsessualnye-osobennosti-ispolzovaniya-tsifrovykh-dokazatelstv-v-sudebnoy-praktike/ (дата обращения: 17.06.2026).

[4] Determination of the Arbitration Court of the City of Moscow dated 19.03.2019 in case No. A40-228256/2017 // File of arbitration cases. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/62d7414d-6197-4315-911a-d27f5162765d (access date: 20.06.2026).

[5] Determination of the Moscow Arbitration Court in case No. A40-107430/2017 // File of arbitration cases. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/1b6d3e2d-ef4c-4b4f-8763-47a43e9594bb (access date: 20.06.2026).

[6] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 20.03.2026 No. 305-EC24-4991 (13) in case No. A40-107430/2017 // File of arbitration cases. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/1b6d3e2d-ef4c-4b4f-8763-47a43e9594bb (access date: 20.06.2026).

[7] Decision of the Arbitration Court of the Krasnodar Territory of 19.11.2025 in case No. A32-1587/2025 // File of arbitration cases. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/22957265-6171-435f-bf3b-70254a65bbce (access date: 20.06.2026).

[8] Resolution of the Arbitration Court of the Volga District of 21.06.2024 No. F06-2451/2024 in case No. A65-24486/2023 // File of arbitration cases. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/d6cfbdaa-832f-4551-9571-6d19a6824cbb (access date: 20.06.2026).

[9] Pasikova T.A., Podoprigora A.A. Directions for the development of understanding of the means of evidence in modern procedural law // Magistrate. - 2026. - № 1. - S. 27-31.

[10] Decision of the Kuntsevsky District Court of Moscow of 08.10.2025 in case No. 2-3/2025 // Official portal of courts of general jurisdiction of the city of Moscow. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/kuncevskij/services/cases/civil/details/efa721d1-9afb-11ed-a3ba-3b817da08189?caseNumber=2-3/2025 (дата обращения: 20.06.2026).

[11] Decision of the Cheryomushkinsky District Court of Moscow of 09.12.2025 in case No. 2-5889/2025 // Official portal of courts of general jurisdiction of the city of Moscow. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/cheremushkinskij/services/cases/civil/details/1ef436b1-4b55-11f0-86b0-71139bb6cc5e?caseNumber=2-5889/2025 (дата обращения: 20.06.2026).

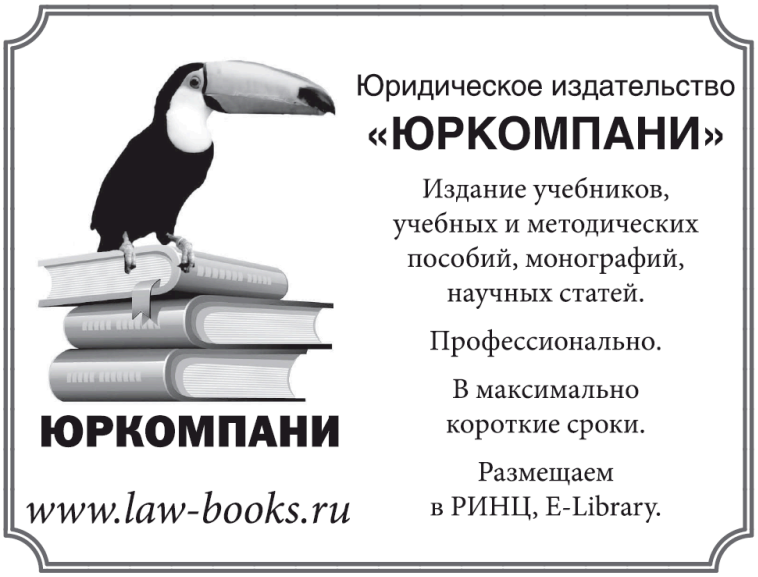
[12] Decision of the Sovetsky District Court of Krasnodar of 12.08.2025 in case No. 2-835/2025 // Official portal of courts of general jurisdiction. URL: https://sovetsky--krd.sudrf.ru/ (access date: 20.06.2026).

[13] Decision of the Tagilstroevsky District Court of Nizhny Tagil dated 30.10.2025 in case No. 2-1066/2025 // URL: https://tagilstroevsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=501937315&case_uid=

6b44faaa-a581-4f42-a6f6-15d01ea10137&delo_id=1540005 (date of appeal: 20.06.2026).

[14] Decision of the Presnensky District Court of Moscow of 28.03.2025 in case No. 2-2099/2025 // Official Portal of Courts of General Jurisdiction of Moscow. URLhttps://mos-gorsud.ru/rs/presnenskij/services/cases/civil/details/48adf7a1-849c-11ef-a60e-7fd9f997e07d?caseNumber=2-2099/2025 (дата обращения: 20.06.2026).

[15] Decision of the Khoroshevsky District Court of Moscow of 11.03.2025 in case No. 2-1793/2025 // Official Portal of Courts of General Jurisdiction of Moscow. URL:https://mos-gorsud.ru/rs/horoshevskij/services/cases/civil/details/2c3f0cc0-b887-11ef-8b36-712b78e083b8?caseNumber=2-1793/2025 (дата обращения: 20.06.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 20.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-113-122
Дата принятия рукописи в печать: 10.08.2026 г.

ВОЙТОВИЧ Лилия Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского процессуального
права Северо-Западного филиала федерального
государственного образовательного учреждения
высшего образования «Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
e-mail: voitovich@yandex.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ О КОМПЕТЕНЦИИ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ: ПОЛНОМОЧИЯ СУДА СОГЛАСНО ОТЕЧЕСТВЕННОМУ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМУ ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ В РЕТРОСПЕКТИВЕ

Аннотация. *В представленной статье автор проводит исследование, сложившейся в настоящее время в отечественном цивилистическом судопроизводственном законодательстве скоординированной системы полномочий суда, оформляющих процессуальные последствия несоблюдения правил о судебной компетенции как со стороны лиц, обращающихся за судебной защитой так и судебных органов. Представленная система сформировалась постепенно и показывает сложный путь модернизации, подтвердивший целесообразность необходимых процедур с учетом дальнейшей их перспективной проработки в направлении их унификации.*

При этом, понимание судебной компетенции по мнению автора включает не только вид судопроизводства и подсудность, но и надлежащий вид производства в рамках цивилистического судопроизводства.

Действующее цивилистическое процессуальное законодательство системно закрепляет процессуальные последствия нарушения правил судебной компетенции, которые реализуются посредством следующих полномочий суда: отказ в принятии просительного документа; возвращение просительного документа, поступившего в суд; прекращение производства по делу; оставление заявления без рассмотрения; передача дела из одного вида судопроизводства в другое; передача дела из одного суда в другой суд.

Акцентируется внимание на том, что в настоящее время получили новое развитие уникальные процессуальные механизмы, обеспечивающие передачу дела не только из одного суда в другой, но и из одного судопроизводства в другое судопроизводство, а также из одного производства в другое производство цивилистического судопроизводства, которые требуют дальнейшего развития.

Автор формулирует и обосновывает предложение о введении процессуальных механизмов, обеспечивающие переход без инициативы заинтересованных лиц из особого производства в исковое. Унификация требований, предъявляемых к просительному документу, способна гарантировать реализацию законодательного введения полномочий для суда об изменении вида производства в цивилистическом судопроизводстве.

Ключевые слова: *цивилистическое процессуальное законодательство, подведомственность, подсудность, процессуальные последствия нарушения правил о судебной компетенции, полномочия суда.*

VOITOVICH Lilia Vladimirovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department
of Civil Procedure Law North-Western Branch Federal State
Educational Institution of Higher Education “Russian State
University of Justice named after V.M. Lebedev”

PROCEDURAL CONSEQUENCES OF VIOLATING THE RULES ON THE COMPETENCE OF JUDICIAL BODIES:

THE POWERS OF THE COURT UNDER DOMESTIC CIVIL PROCEDURAL LEGISLATION IN RETROSPECT

Annotation. *In the presented article the author conducts a study of the current domestic civil law procedural legislation coordinated system of the court's powers, formalizing the procedural consequences of non-compliance with the rules on judicial competence both on the part of persons applying for judicial protection and judicial bodies. The presented system was formed gradually and shows a complex path of modernization, which confirmed the expediency of the necessary procedures, taking into account their further perspective elaboration in the direction of their unification.*

At the same time, the author's understanding of judicial competence includes not only the type of legal proceedings and jurisdiction, but also the appropriate type of legal proceedings within the framework of civil legal proceedings. The current civil procedural legislation systematically establishes the procedural consequences of violating the rules of judicial competence, which are implemented through the following powers of the court: refusal to accept a request document; return of a request document submitted to the court; termination of legal proceedings; leaving an application without consideration; transfer of a case from one type of legal proceedings to another; transfer of a case from one court to another court.

Attention is drawn to the fact that unique procedural mechanisms have now been developed to ensure the transfer of cases not only from one court to another, but also from one legal proceedings to another legal proceedings, as well as from one civil legal proceedings to another civil legal proceedings, which require further development.

The author formulates and substantiates a proposal to introduce procedural mechanisms that ensure the transition from special proceedings to legal proceedings without the initiative of the parties involved. The unification of the requirements for the petition document can guarantee the implementation of the legislative introduction of the court's authority to change the type of proceedings in civil proceedings.

Key words: *civil procedural legislation, jurisdiction, court jurisdiction, procedural consequences of violating the rules on judicial competence, court powers.*

Введение.

Реализация конституционного права на судебную защиту должна быть обеспечена эффективными процессуальными механизмами, определяющими целесообразные правовые последствия несоблюдения правил судебной компетенции как со стороны субъектов обращения, так и судебных органов. Процессуальные последствия обусловлены основаниями, признанными цивилистическим процессуальным законодательством и находят воплощение в полномочиях суда. Гармоничность существующей системы и перспективы совершенствования могут быть показаны посредством ретроспективного анализа положений цивилистического процессуального законодательства.

Основные ориентиры в правовом регулировании оформления посредством судебных полномочий правовых последствий несоблюдения правил судебной компетенции были заложены в УГС 1864 г. [1] и получили свое успешное развитие в последующих отечественных кодифицированных цивилистических процессуальных кодексах (ГПК РСФСР 1923 г. [2]; ГПК РСФСР 1964 г. [3]; АПК РФ 1992 г. [4]; АПК РФ 1995 г. [5]; ГПК РСФСР 2002 г. [6]; АПК РФ 2002 г. [7]; КАС РФ 2015 г. [8]).

В настоящее время в отечественном цивилистическом судопроизводственном законодательстве представлена скоординированная система полномочий суда, оформляющих процессуальные последствия несоблюдения правил о судебной компетенции со стороны субъектов защиты. Однако сложилась представленная система постепенно и показывает сложный путь модернизации, подтвердивший целесообразность необходимых процедур с учетом дальнейшей их перспективной проработки в направлении унификации.

Материалы и методы.

При написании статьи использовалось отечественное законодательство, регулирующее цивилистическое судопроизводство за период от УГС 1864 г. и по настоящее время, а также позиции доктрины. Ретроспективный анализ законодательства обусловлен историческим методом научного исследования.

Эффективным методом являлся и системный, который позволил рассмотреть во взаимосвязи и взаимообусловленности основания полномочий суда, которые устраняют нарушения правил судебной компетенции.

УГС 1864 г.: необходимые элементы право-

вого регулирования.

Рассмотрение положений УГС 1864 г. показывает наличие правового регулирования процессуальных правовых последствий при нарушении правил о судебной компетенции. При этом, определенно можно выделить основные этапы судопроизводства, в рамках которых могли быть установлены такие нарушения.

Так, процессуальные последствия применялись и оформлялись при обращении в суд и в ходе судебного производства [9, с. 329-332]. Как правовое последствие в УГС 1864 г. было предусмотрено прекращение производства по делу у мирового судьи в связи с тем, что встречный иск, неразрывно связанный с первоначальным иском, должен быть рассмотрен в окружном суде, при этом, как важное условие учитывалась цена иска (ст. 39 УГС 1864 г.).

Отличительной особенностью в период действия УГС 1864 г. были допущения пререканий о подсудности между судами, в связи с чем предусматривалось приостановление производства по делу (ст. 43 УГС 1864 г.). Намного позднее отечественное цивилистическое процессуального законодательство отказалось от правового регулирования процедуры пререканий о подсудности. Как известно, в настоящее время установлен полный запрет на споры о подсудности между судами (ч. 4 ст. 23 ГПК РФ 2002 г.; ч. 6 ст. 39 АПК РФ 2002 г., ч. 4 ст. 27 КАС РФ 2014 г.).

Статья 53 УГС 1864 г. устанавливала процедуру возвращения искового прошения как правовое последствие, если выяснялось неподсудность дела при обращении в мировой суд. При этом, это действие совершалось непосредственно и устно. Письменное удостоверение о возвращении искового прошения выдавалось обратившемуся за судебной защитой только на основании словесной просьбы.

В этот период развития отечественного цивилистического судопроизводственного законодательства применялись и не традиционные для настоящего времени механизмы, обеспечивающие правовые последствия несоблюдения правил о судебной компетенции. Так, по УГС 1864 г. основанием для отвода судьи была неподсудность дела конкретному суду: мировому или другому судебному установлению (п. 1 ч. 1 ст. 69). В современных условиях отвод судьи представляет собой процессуальное действие, обусловленное совокупностью оснований, которые носят субъективный характер и применение такого механизма не связано с судебной компетенцией (ст.ст. 16-17 ГПК РФ 2002 г.; ст.ст. 21-22 АПК РФ 2002 г.; ст.ст. 31-32 КАС РФ 2014 г.). Современные представления об отводе как процессуальном институте существенно отличаются от тех, которые были представлены в период действия УГС 1864 г. Со времени действия ГПК РСФСР 1923 г. [10] и позже отвод судьи как процедура не использовалась для устранения нарушений правил о судебной компетенции.

При рассмотрении дела в суде первой инстанции, если было установлено, что дело не относиться к компетенции мирового судьи, производство по делу должно было быть прекращено, что и следовало из содержания ст. 79 УГС 1864 г. Соответственно прекращение производства по делу представлял собой сложившийся правовой механизм обеспечивающий устранение различного рода нарушений в ходе судебного производства, в том числе и в связи с тем, что обнаруживалось нарушение компетенции определенного суда.

Анализ вышеизложенных положений УГС 1864 г. показывает, что правовые последствия, следовавшие за нарушением правил судебной компетенции, включали возможную реализацию следующих полномочий суда: возвращение искового прошения, отвод судьи и прекращение производства по делу. В последующем развитие процессуальной науки и цивилистического судопроизводственного законодательства отсеяли не рациональные процессуальные механизмы, оставили и трансформировали те из них, которые отвечали потребностям эффективного цивилистического судопроизводства.

Вышеизложенные правила были продублированы и для других судов. В Книге второй УГС 1864 г. под названием «Порядок производства в общих судебных местах» в Разделе первом с названием «О производстве в окружных судах» содержалось несколько статей, которые показывали правовые последствия нарушения правил о судебной компетенции. Так, ответчику было предоставлено право, не предоставляя объяснений по существу дела предъявить отвод суду, в случае, когда дело подсудно другому суду (п. 1 ч. 1 ст. 571 УГС 1864 г.). Такое процессуальное действие оформлялось самостоятельным определением суда (ст. 585 УГС 1864 г.).

Как известно, в настоящее время отвод судьи выступает основанием для процессуального последствия в виде изменения компетенции суда, поскольку дело может быть передано на рассмотрение и разрешение другого суда (ст. 21 ГПК РФ, ст. 26 АПК РФ, ст. 36 КАС РФ).

В ст. 584 УГС 1864 г. были установлены два основания, связанные с компетенцией суда, которые запрещали принимать к рассмотрению дело, когда оно по роду своему изъято от подсудности окружным судам и, когда оно подсудно другому окружному суду по месту нахождения недвижимого имения. В настоящее время непринятие про-

сительного документа реализуется посредством полномочия суда об отказе в принятии просительного документа (ст. 134 ГПК РФ 2002 г., ст. 127.1 АПК РФ, ст. 128 КАС РФ). Вместе с тем, нарушение правил о родовой и территориальной подсудности реализуется через полномочие о возвращении просительного документа (ст. 135 ГПК РФ 2002 г., ст. 129 АПК РФ 2002 г., ст. 129 КАС РФ).

Следует отметить, что процессуальные механизмы передачи дела из одного суда в другой не получили правовой регламентации в УГС 1864 г.

ГПК РСФСР 1923 г.: переходный этап развития цивилистического процессуального законодательства.

В ГПК РСФСР 1923 г. в главе восьмой, посвященной регулированию порядка предъявления иска, не было статьи, определяющей полномочия суда, которые отражали бы последствия несоблюдение правил о судебной компетенции, что известно современным цивилистическим судопроизводственным кодексам [11, с. 180-183].

Вместе с тем, в главе третьей, посвященной подсудности ст. 31 ГПК РСФСР 1923 г. как процессуальное последствие неподсудности определила возвращение искового заявления Народным Судом вместе с приложениями и копией резолюции для представления в надлежащий суд. На такое определение суда о непринятии искового заявления была предусмотрена возможность подать частную жалобу (ст. 249 ГПК РСФСР 1923 г.).

Согласно п. б ст. 246 ГПК РСФСР 1923 г. суд высшей инстанции по рассмотрению дела в кассационно-ревизионном порядке должен был прекратить дело производством при отсутствии права на иск или по неподведомственности дела суду.

Согласно п. а ч. 2 ст. 254-б ГПК РСФСР 1923 г. краевому (областному) суду или Верховному суду рассмотревшему дело в порядке надзора было предоставлено право на реализацию полномочия отменить решение, передать дело на новое рассмотрение или прекратить его производством при отсутствии права на иск или по неподведомственности дела суду.

Этим правового регулирование заваленных вопросов и ограничивалось. В последующем полномочия суда, направленные на аннулирование нарушений правил о компетенции суда законодательно закреплялись в главах, регламентирующих отдельные стадии (этапы) судопроизводства. Полномочие суда на отказ в принятии просительного документа и оставление заявления без рассмотрения в этом процессуальном кодексе не предусматривалась.

При этом правовое регулирование получил процессуальный механизм передачи дела из одного суда в другой. Целевое содержание такого процессуального действия не было направлено только на устранение нарушений правил судебной компетенции. (Примечание к ст. 22 ГПК РСФСР 1923 г.). Верховный суд был наделен уникальными полномочиями по изъятию дел из производства судов и передачи их на рассмотрение (ст. 24. ГПК РСФСР 1923 г.).

Вместе с тем, устранению нарушений правил о судебной компетенции была посвящена ч. 4 ст. 24-а ГПК РСФСР 1923 г., и предусматривала передачу дел на коллегиальное рассмотрение (нарсудьи и двух народных заседателей). Таким образом появились первые штрихи правового урегулирования устранения обнаруженных нарушений и передачи дела к компетенции надлежащего суда.

Существенно важным для того времени является введение механизма передачи всех дел в тот суд, где должник впервые был признан несостоятельным или где впервые было возбуждено дело о несостоятельности (ст. 319 ГПК РСФСР 1923 г.).

Основы гражданского судопроизводства СССР 1961 г.: моделирование процессуального законодательства.

Основы гражданского судопроизводства СССР 1961 г. [12] (далее – Основы 1961 г.) вступили в силу 1 мая 1961 г. и определили вектор развития цивилистического процессуального законодательства на долгие годы вперед. Этот нормативный правовой акт урегулировал процессуальный институт отказа в принятии искового заявления.

В п. 1 ч. 2 ст. 31 Основ 1961 г. как основание для отказа было закреплено как неподлежащее рассмотрению в судах. Это основание можно рассматривать как аналогичное неподведомственности дела (вид судопроизводства). При этом, общеизвестно, что именно Основы 1961 г. в ст. 4 впервые вводили правовое регулирование подведомственности, как необходимого процессуального инструмента, определявшего общие критерии судебной компетенции [13, с. 296-298].

Далее в п. 7 ч. 2 ст. 31 Основ 1961 г. как одно из оснований для отказа в принятии просительного документа представлено – «неподсудность дела суду». При этом, отказ по первому из названных оснований (неподведомственность) не допускал возможности повторно обратиться в суд по тождественному требованию, а второе из названных оснований (неподсудность) не запрещало повторно обратиться в суд, если были устранены допущенные нарушения.

Соответственно законодатель в Основах 1961 г. в процессуальном механизме отказа в принятии простительного документа объединил известные современному цивилистическому про-

цессуальному законодательству основания как для отказа, так и для возвращения просительного документа, применяемые при возбуждении производства по делу. Такое решение законодателя носило переходный характер и предопределило возможности для последующего развития процедур, определяющих процессуальные последствия несоблюдения требований законодательства о компетенции суда.

Революционными по содержанию для того времени были основания прекращения производства по делу, установленные в ст. 41 Основ 1961 г., среди которых было аналогичное, закрепленному в п. 1 ч. 2 ст. 31 Основ 1961 г. Соответственно содержание данной формулировки указывало на несоответствие виду судопроизводства и показывало то, что оно влекло в этот период развития цивилистического процессуального законодательства одно из двух процессуальных последствий, которые получат свое дальнейшее законодательное совершенствование.

Подготовка дела к судебному разбирательству как самостоятельная процедура в этот и предыдущий период развития отечественного судопроизводственного законодательства была слабо проработана. Соответственно процессуальные последствия для нарушения правил о компетенции суда в ходе подготовки дела не подлежали выявлению. Дальнейшее совершенствование правового регулирования затронуло и подготовку дела к судебному разбирательству, что отражено и в полномочиях суда по определению процессуальных последствий нарушения правил о судебной компетенции.

ГПК РСФСР 1964 г.: основа для гармонизированной системы.

ГПК РСФСР 1964 г. по структуре и содержанию для своего времени отражал новейшие научные представления цивилистов-процессуалистов и показывал высокий уровень развития юридической техники [14, с. 304-307]. В этот период развития отечественного цивилистического процессуального законодательства сложилась фундаментальная концепция судебной компетенции на основе научных разработок представленных в трудах известнейших исследователей, таких как П.С. Дружков [15], А.Ф. Козлов [16], Ю.К. Осипов [17] и других, что и способствовало становлению системному упорядочиванию процессуальных последствий нарушения правил о компетенции. В этот же период разработана и знаменательная концепция иска в работах М.А. Гурвича [18], которая показывала многогранность и взаимообусловленность исследуемых явлений.

Полномочия суда, реализующие правовые последствия несоблюдения требований о компетенции суда при возбуждении производства по делу включали отказ в принятии заявления, если оно не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства или если имелся договор о передаче дела к компетенции третейского суда, а также если дело неподсудно данному суду (п. 1, п. 6 и п. 7 ч. 2 ст. 129 ГПК РСФСР 1964 г.). Третье из названных оснований не препятствовало вторичному обращению в суд с заявлением по тому же делу, если будет устранено допущенное нарушение, при этом это основание не влекло возвращение заявления, как это будет урегулировано позднее в процессуальном законодательстве. При этом, в ГПК РСФСР 1964 г. процессуальная конструкция возвращения просительного документа применялась только на момент возбуждения производства в проверочной апелляционной инстанции и не предусматривала оснований, свидетельствующих о нарушении правил о судебной компетенции (ст. 318.5).

В ходе подготовки дела к судебному разбирательству и при рассмотрении и разрешении дела по существу в суде первой инстанции суд вправе был реализовать полномочие по прекращению производства по делу если дело не подлежало рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства (ст. 143, п. 1 ч. 1 ст. 219 ГПК РСФСР 1964 г.). Полномочие на оставление заявления без рассмотрения включало основание, обусловленное несоблюдением претензионного порядка урегулирования споров. Так, оставление заявление без рассмотрения следовало если заинтересованным лицом, обратившимся в суд, не соблюден установленный для данной категории дел порядок предварительного внесудебного разрешения дела и возможность применения этого порядка не утрачена (п. 1 ч. 1 ст. 221 ГПК РФ).

В п. 7 ч. 1 ст. 219 ГПК РСФСР 1964 г. было закреплено и важное основание для прекращения производства по делу, которое свидетельствовало о необходимости изменить компетенцию: наличие заключенного между сторонами договора о передаче данного спора на разрешение третейского суда (ст. 27 ГПК РСФСР 1964 г.).

При пересмотре дел в суде апелляционной инстанции (п. 3 ч. 1 ст. 318.9 ГПК РСФСР 1964 г.), кассационной инстанции (п. 3 ч. 1 ст. 305, ст. 309 ГПК РСФСР 1964 г.) и надзорной инстанции (п. 3 ч. 1 ст. 329 ГПК РСФСР 1964 г.) суд также должен был прекратить производство по делу или оставить заявление без рассмотрения, если были установлены основания для этого.

Соответственно этот период отражает последовательное становление оснований для применения полномочий судом, устраняющих нарушения судебной компетенции, которые получили свое последующее оформление и в современном

судопроизводственном законодательстве.

Вместе с тем, ходе подготовки дела к судебному разбирательству цивилистическим процессуальным законодательством были предоставлены дополнительные полномочия суду, позволяющие устранить допущенные нарушения судебной компетенции. Так, ст. 122 ГПК РСФСР 1964 г. в ч. 2 п 4 предусматривала возможность передачи дела ошибочно принятого к производству суда как неподсудного в другой суд. Ст. 123 ГПК РСФСР 1964 г. также предусматривала возможность передачи дела в связи с изменившейся подсудностью вышестоящим судом.

Несоблюдение требований процессуального законодательства о виде конкретного вида производства, в рамках которого могут быть защищены права лицами, обращающимися в суд, влекло применение судом полномочий, в частности, на основании ст. 125.6 ГПК РСФСР 1964 г. Эти процессуальные действия могли быть реализованы на начальном этапе судопроизводства при обращении в суд.

АПК РФ 1992 г. и АПК РФ 1995 г.: основа для дальнейшего развития арбитражного процессуального законодательства.

Первые кодифицированные судопроизводственные кодексы, регулирующие арбитражный процесс повторили путь, пройденный предшествующим гражданским процессуальным законодательством, тем самым подтверждая единые основы. В АПК РФ 1992 г. были продублированы процессуальные механизмы реагирования суда на нарушения правил судебной компетенции.

Вместе с тем, именно в АПК РФ 1992 г. были отдельно урегулированы процедуры реализации полномочий суда не только на отказ в принятии просительного документа (ст. 85), но и его возвращение (ст. 86).

Для отказа в принятии обращения в суд служило основание, ранее признанное и гражданским судопроизводством – «если спор не подлежал рассмотрению в арбитражном суде» (п. 1 ч. 1 ст. 85 АПК РФ 1992 г.). При этом в ст. 86 АПК РФ 1992 г. не содержалось основания о неподсудности дела.

Нарушением правил о судебной арбитражной компетенции служило выяснение существенного обстоятельства на момент возбуждения производства по делу, а именно того, что сторонами было заключено соглашение о передаче данного спора на разрешение третейского суда (п. 2 ч. 1 ст. 85 АПК РФ 1992 г.).

Также были введены новые основания, которые определяли нарушения требований законодательства о судебной компетенции, но применялись для возвращения просительного документа и отражали несоблюдение претензионного порядка урегулирования спора: «если не представлены доказательства принятия мер к непосредственному урегулированию спора с другой стороной, кроме случаев, когда принятие таких мер не требуется; если не представлены доказательства обращения в банк за получением с ответчика задолженности, когда она согласно законодательству должна быть получена через банк» (п. 6 и 7 ч. 1 ст. 86 АПК РФ 1992 г.). Эти основания переходили в п. 2 и 4 ч. 1 ст. 105 АПК РФ 1992 г. и применялись в проверочных инстанциях для оставления иска без рассмотрения.

В ходе подготовки дела и в судебном заседании если было обнаружено что спор не подлежит рассмотрению в суде, производство по делу подлежало прекращению (п. 1 ч. 1 ст. 104 АПК РФ 1992 г.). Аналогичное правовое последствие влекло выявление обстоятельства о том, что имелось соглашение сторон о передаче данного спора на разрешение третейского суда (п. 2 ч. 1 ст. 104 АПК РФ 1992 г.), и если истец не принял мер к непосредственному урегулированию спора с ответчиком, кроме случаев, когда принятие таких мер не требуется и возможность такого урегулирования утрачена (п. 4 ч. 1 ст. 104 АПК РФ 1992 г.).

Появление новых оснований свойственных только арбитражному судопроизводству того времени отражало особенности субъектов защиты и характер спорного материального правоотношения. При этом, на момент возбуждения производства по делу эти основания были разведены на два процессуальных последствия: возвращение и отказ, а далее в следующих стадиях судопроизводства влекли прекращение производства по делу или оставление без рассмотрения, последние из которых применялись и в проверочных инстанциях, но не на момент возбуждения и подготовки дела, а непосредственно в судебном заседании.

В проверочной кассационной инстанции полномочия об оставлении иска без рассмотрения и о прекращении производства по делу было урегулировано в п. 3 и 4 ч. 2 ст. 127 АПК РФ 1992 г., а в надзорной инстанции в п. 3 и 4 ч. 2 ст. 139 АПК РФ 1992 г.

АПК РФ 1995 г. продублировал как основание для отказа в принятии просительного документа «невозможность рассмотрения дела в арбитражном суде» (п. 1 ч. 1 ст. 107). В п. 3 ч. 1 ст. 108 АПК РФ 1995 г., введено полномочие суда на возвращение просительного документа, где появилось основание о неподсудности дела данному арбитражному суду. В этой же ст. 108 в п. 6 ч. 1 урегулировано основание о несоблюдении претензионного порядка урегулирования споров. Соответственно законодательно были разграничены основания для отказа и возвращения проситель-

ного документа, связанные с нарушениями правил о судебной компетенции, реализуемые при возбуждении производства по делу.

Возвращение просительного документа функционировало и в проверочных инстанциях (ст. 151, ст. 168, ч. 3 ст. 193 АПК РФ 1995 г., однако основание о нарушении правил о судебной компетенции не применялось.

Основание п. 1 ч. 1 ст. 107 АПК РФ 1995 г. перешло в п. 1 ч. 1 ст. 85 АПК РФ 1995 г. и влекло прекращение производства по делу. Указанное процессуальное полномочие применялось судом апелляционной инстанции (п. 4 ч. 1 чт. 157 АПК РФ 1995 г., кассационной инстанции (п. 5 ч. 1 ст. 175 АПК РФ 1995 г.) и надзорной инстанции (п. 4 ч. 1 ст. 187 АПК РФ 1995 г.).

Оставление заявления без рассмотрения как процессуальное последствие несоблюдения правил о компетенции суда в АПК РФ 1995 г. было урегулировано в ст. 87, где такими основаниями признавались, закрепленные в п. 2, 4, 5. Процессуальное полномочие об оставлении иска без рассмотрения применялось судом апелляционной инстанции (п. 4 ч. 1 чт. 157 АПК РФ 1995 г., кассационной инстанции (п. 5 ч. 1 ст. 175 АПК РФ 1995 г.) и надзорной инстанции (п. 4 ч. 1 ст. 187 АПК РФ 1995 г.).

Впервые в ст. 214 АПК РФ 1995 г. были урегулированы процессуальные последствия рассмотрения судом иностранного государства дела по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям в виде прекращения производства по делу или оставления заявления без рассмотрения.

Порядок передачи дела из одного суда в другой в связи с обнаруженными нарушениями правил о компетенции был урегулирован в ч. 2 ст. 21 и ст. 31 АПК РФ 1995 г.

ГПК РСФСР 2002 г., АПК РФ 2002 г. и КАС РФ 2015 г.: перспективы модернизации системы полномочий суда по реагированию на нарушение судебной компетенции.

Как известно, перспективы развития законодательства обусловлены предварительным развитием правового регулирования тех или иных явлений. Путь отечественного цивилистического судопроизводственного законодательства показал успешные результаты формирования целостной системы оснований, полномочий и процессуальных последствий нарушения правил о судебной компетенции. Правовое регулирование судопроизводственных процедур обусловлено необходимостью гарантировать надлежащую реализацию определенного ч. 1 ст. 46 Конституцией Российской Федерации [19] права на судебную защиту.

За последнее время научные исследования судебной компетенции получили дальнейшее развитие в работах К.А. Чудиновских [20], Е.В. Любимовой [21] и других исследователей. При этом, представляется значимым, что понимание судебной компетенции однозначно включает не только вид судопроизводства и подсудность, но и надлежащий вид производства в рамках цивилистического судопроизводства.

Исторически признанными цивилистическим процессуальным законодательством являются следующие основания, которые показывают несоблюдение правил о судебной компетенции: невозможность рассмотрения дела данным судом (подведомственность); неподсудность данного дела суду; невозможность рассмотрения дела данным судом в определенном виде судопроизводства; наличие заключенного договора о передаче дела на рассмотрение третейского суда; тождественный спор рассматривается другим судом (государственным или третейским); несоблюдение претензионного порядка урегулирования спора.

Соответственно действующее цивилистическое процессуальное законодательство системно закрепляет процессуальные последствия нарушения правил судебной компетенции, которые реализуются посредством следующих полномочий суда: отказ в принятии просительного документа; возвращение просительного документа, поступившего в суд; прекращение производства по делу; оставление заявления без рассмотрения; передача дела из одного вида судопроизводства в другое судопроизводство; передача дела из одного суда в другой суд.

Следует акцентировать внимание нам том, что именно в настоящее время получили детальное развитие уникальные процессуальные механизмы, обеспечивающие передачу дела не только из одного суда в другой суд, но из одного вида судопроизводства в другой вид судопроизводства, которые не знают аналогов в предшествующем цивилистическом судопроизводственном законодательстве (ч. 3 ст. 33.1 ГПК РФ 2002 г.; ст. 16.1. ч. 6 ст. 227.1 КАС РФ 2015 г.) и обусловлены тем, что цивилистическое правосудие реализует единая судебная система. Соответственно такие механизмы отсутствуют в современном отечественном арбитражном судопроизводстве. Вместе с тем, имеют значение и процессуальные механизмы, предоставляющие возможность перехода дела из одного производства в другое производство цивилистического судопроизводства.

При этом, не все процедуры по передачи дел, в ходе подготовки дела к судебному разбирательству и далее в судебном разбирательстве, а также в проверочных инстанциях должны вовлекать лиц, обратившихся за судебной защитой.

Исключения допустимы в силу указания закона, в том числе в связи с соглашением о передаче споров на разрешение третейского суда (ч. 3 ст. 3 ГПК РФ 2002 г., абз. 2 п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.11.2015 № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров» [22]; ч. 6 ст. 4 АПК РФ 2002 г.), а также и другие общеизвестные инициативы сторон, которые влекут передачу дела из одного суда в другой (ч. 2 ст. 33 ГПК РСФСР 2002 г.; ч. 2 ст. 39 АПК РФ 2002 г.; ч. 2 ст. 27 КАС РФ 2015 г.),

Основания для передачи дела, вызванные инициативой сторон, существенно отличаются от тех, когда судебные органы, устраняют допустившие ошибку и обеспечивают дальнейшее движение дела. В частности, если выяснилось, что судебное дело было принято к производству с нарушением правил подсудности. Также важным элементом такой системы является механизм передачи дела из одного суда в другой, если подсудность дела изменилась в ходе его рассмотрения (ч. 3 ст. 23 ГПК РФ 2002 г.).

Вместе с тем, обращает на себя внимание развивающиеся процессуальные механизмы передачи дела из одного вида цивилистического производства в другое. В частности, в настоящее время известен механизм перехода судом из искового производства в упрощенное и наоборот (ч. 2 и 4 ст. 232.2 ГПК РФ; ч. 5 ст. 227, ч. 2 ст. 228 АПК РФ 2002 г.; ч. 1 ст. 291, ч. 7 ст. 292 КАС РФ 2025 г.).

Возникает вопрос о том, следует ли аналогично урегулировать правила перехода и в других производствах цивилистического судопроизводства, в частности, из искового в особое? Как известно в настоящее время такие трансформации процессуальным законодательством не предусмотрены. Заинтересованные лица, должны повторно пройти самостоятельный путь от подачи просительного документа в суд (ч. 3 ст. 263 ГПК РФ, ч. 3 ст. 217 АПК РФ). Представляется возможным ввести процессуальные механизмы, обеспечивающие такой переход без инициативы заинтересованных лиц. Унификация требований, предъявляемых к просительному документу, может гарантировать возможность законодательного введения полномочий для суда об изменении вида производства в цивилистическом судопроизводстве.

Список литературы:

[1] Россия, Законы и постановления. Судебные уставы 20 ноября 1864 года. Устав гражданского судопроизводства. [1864]. VII. 209 с.

[2] Постановление ВЦИК от 10.07.1923 (ред. от 10.05.1931) «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.»: вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.». // СУ РСФСР. 1923. № 46-47. Ст. 478. Документ утратил силу в связи с изданием Указа Президиума ВС РСФСР от 16.12.1964.

[3] Гражданский процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 11.06.1964. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407. Документ утратил силу с 1 июля 2003 года в связи с принятием Федерального закона от 14.11.2002 № 137-ФЗ.

[4] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: утв. ВС РФ 05.03.1992 № 2447-1, с изм. от 07.07.1993. // Ведомости СНД и ВС РФ. 16.04.1992. № 16. Ст. 836.

[5] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 05.05.1995 № 70-ФЗ (с изм. от 14.01.2000). // Собрание законодательства РФ. 08.05.1995. № 19. Ст. 1709.

[6] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026). // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

[7] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026. // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.

[8] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026). // Собрание законодательства РФ. 09.03.2015. № 10. Ст. 1391.

[9] Войтович Л.В. Правовое регулирование подведомственности и подсудности по УГС 1864 г.: основа для современной эволюции отечественного цивилистического процессуального законодательства. Право и государство: теория и практика. № 2. 2026. С. 329-332.

[10] Постановление ВЦИК от 10.07.1923 (ред. от 10.05.1931) «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.»: вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.». // СУ РСФСР. 1923. № 46 – 47. Ст. 478. Документ утратил силу в связи с изданием Указа Президиума ВС РСФСР от 16.12.1964.

[11] Войтович Л.В. Особенности правового регулирования подведомственности и подсудности по ГПК РСФСФ 1923 г.: значимый этап для поступательного развития современного отечественного цивилистического процессуального законодательства. // Право и государство: теория и практика. № 1. 2026. С. 180-183.

[12] Закон СССР от 08.12.1961 (ред. от 07.01.1988) «Об утверждении Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик». // Ведомости ВС СССР. 1961. № 50. Ст. 526. Документ утратил силу на территории Российской Федерации с 1 февраля 2003 года в связи с принятием Федерального Закона от 14.11.2002

№ 137-ФЗ.

[13] Войтович Л.В. Особенности правового регулирования подведомственности и подсудности Основами гражданского судопроизводства СССР 1961 г.: обусловленность научных исследований переходного этапа. // Право и государство: теория и практика. № 3. 2026. С. 296-298.

[14] Войтович Л.В. Общие закономерности представлений о подведомственности и подсудности по ГПК РСФСР 1964 г.: ретроспективный и перспективный аспект. // Право и государство: теория и практика. № 4. 2026. С. 304-307.

[15] Дружков П.С. Судебная подведомственность споров о праве и иных правовых вопросов, рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства: автореф. … к.ю.н. Свердловск, 1966. 21 с.

[16] Козлов А.Ф. Суд первой инстанции как субъект советского гражданского процессуального права: автореф. … к.ю.н. Свердловск, 1970. 39 с.

[17] Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел: автореф. … д.ю.н. Свердловск, 1974. 36 с.

[18] Гурвич М.А. Право на иск; Акад. наук СССР. Ин-т права. Москва, Ленинград: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949. 216 с.

[19] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 08.07.2026).

[20] Чудовских К.А. Подведомственность в системе гражданского и арбитражного процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 22 с.

[21] Любимова Е.В. Критерии подсудности в гражданском и административном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2020. 28 с.

[22] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.11.2015 № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров». // Российская газета. № 270. 30.11.2015.

References:

[1] Russia, Laws and Regulations. Judicial statutes on November 20, 1864. Charter of civil proceedings. [1864]. VII. 209 p.

[2] Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 10.07.1923 (ed. 10.05.1931) "On the Enactment of the Civil Procedure Code of R.S.F.S.R.": together with the "Civil Procedure Code of R.S.F.S.R. "// SU RSFSR. 1923. № 46-47. Art. 478. The document has lost force in connection with the publication of the Decree of the Presidium of the Armed Forces of the RSFSR of 16.12.1964.

[3] Civil Procedure Code of the RSFSR: approved by Armed Forces of the RSFSR 11.06.1964 . // Vedomosti Armed Forces of the RSFSR. 1964. № 24. Art. 407. The document became invalid on July 1, 2003 in connection with the adoption of Federal Law No. 14.11.2002 of 137-FZ.

[4] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: approved by RF Armed Forces 05.03.1992 No. 2447-1, rev. dated 07.07.1993 . // Vedomosti SND and RF Armed Forces. 16.04.1992. № 16. Art. 836.

[5] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation No. 05.05.1995 dated 70-FZ (as amended on 14.01.2000) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 08.05.1995. № 19. Art. 1709.

[6] Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 09.04.2026) . // Collection of Legislation of the Russian Federation. 18.11.2002. № 46. Art. 4532.

[7] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24.07.2002 No. 95-FZ (rev. dated 15.12.2025) with rev. and addendum, entry effective from 01.01.2026 . // Collection of legislation of the Russian Federation. 29.07.2002. № 30. Art. 3012.

[8] Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated 08.03.2015 No. 21-FZ (as amended on 09.04.2026) . // Collection of Legislation of the Russian Federation. 09.03.2015. № 10. Art. 1391.

[9] Voitovich L.V. Legal regulation of jurisdiction and jurisdiction under the UGS of 1864: the basis for the modern evolution of domestic civil procedural legislation. Law and state: theory and practice. № 2. 2026. S. 329-332.

[10] Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 10.07.1923 (ed. 10.05.1931) "On the Enactment of the Civil Procedure Code of R.S.F.S.R.": together with the "Civil Procedure Code of R.S.F.S.R. "// SU RSFSR. 1923. № 46 – 47. Art. 478. The document has lost force in connection with the publication of the Decree of the Presidium of the Armed Forces of the RSFSR of 16.12.1964.

[11] Voitovich L.V. Features of legal regulation of jurisdiction and jurisdiction under the Code of Civil Procedure of the RSFSF of 1923: a significant stage for the progressive development of modern domestic civil procedural legislation . // Law and State: theory and practice. № 1. 2026. S. 180-183.

[12] Law of the USSR of 08.12.1961 (ed. 07.01.1988) "On approval of the Fundamentals of Civil Procedure of the USSR and Union Republics. "// Vedomosti of the USSR Armed Forces. 1961. № 50. Art. 526. The document became invalid on the territory of the Russian Federation on February 1, 2003 in connection with the adoption of the Federal Law of 14.11.2002 No. 137-FZ.

[13] Voitovich L.V. Features of the legal regulation of jurisdiction and jurisdiction by the Fundamentals of Civil Proceedings of the USSR 1961: the conditionality of scientific research of the transitional stage . // Law and state: theory and practice. № 3. 2026. S. 296-298.

[14] Voitovich L.V. General laws of ideas about jurisdiction and jurisdiction under the Code of Civil Procedure of the RSFSR of 1964: retrospective and promising aspect . // Law and state: theory and practice. № 4. 2026. S. 304-307.

[15] Druzhkov P.S. Judicial jurisdiction of disputes on law and other legal issues considered in civil proceedings: ref.... Ph.D. Sverdlovsk, 1966. 21 pp.

[16] Kozlov A.F. Court of first instance as a subject of Soviet civil procedural law: author.... Ph.D. Sverdlovsk, 1970. 39 pp.

[17] Osipov Yu.K. Jurisdiction of legal affairs: ref.... Doctor of Law Sverdlovsk, 1974. 36 pp.

[18] Gurvich M.A. Right to Claim; Acad. Sciences of the USSR. ID is right. Moscow, Leningrad: Publishing House and 2nd type. Akad Publishing House. Sciences of the USSR, 1949. 216 pp.

[19] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020 . // Official Internet portal of legal information http://www.pravo.gov.ru (date of appeal: 08.07.2026).

[20] Chudovskikh K.A. Jurisdiction in the system of civil and arbitration procedural law: author. dis.... cand. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2002. 22 pp.

[21] E.V. Lyubimova. Criteria of jurisdiction in civil and administrative proceedings: abstract. dis.... cand. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2020. 28 pp.

[22] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.11.2015 No. 52 "On the application by the courts of legislation regulating the work of athletes and coaches. "// Rossiyskaya Gazeta. № 270. 30.11.2015.



Дата поступления рукописи в редакцию: 04.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-123-129

МАРКЕЛОВА Мария Михайловна,
магистр права, юрист практики разрешения международных споров Коллегия адвокатов «Монастырский, Зюба, Степанов и партнеры», Москва, Россия,
e-mail: markelova@mzs.ru

ФИНАНСИРОВАНИЕ ТРЕТЬЕЙ СТОРОНОЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ АРБИТРАЖЕ: О СМЕШАННОЙ МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. *Цель исследования – определить модель регулирования финансирования третьей стороной, учитывающую транснациональную природу международного арбитража, экономическую логику финансирования споров и требования процессуальной справедливости. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, а также анализ законодательства, арбитражных регламентов, профессиональных стандартов и судебной практики Англии и Уэльса, Австралии, США, Сингапура и Гонконга. Установлено, что при различии национальных форм регулирования их функциональное ядро сближается. Обоснована смешанная модель, в которой «мягкое» право формирует первичные стандарты, арбитражные регламенты придают им процессуальное действие, практика проверяет их применимость, а точечные нормы «жесткого» права закрепляют минимальные гарантии допустимости финансирования, раскрытия информации и автономии сторон. Предложены направления поэтапной адаптации модели для России и Евразийского региона без преждевременной всеобъемлющей кодификации.*

Ключевые слова: *финансирование третьей стороной; международный арбитраж; мягкое право; саморегулирование; раскрытие информации; конфликт интересов; смешанная модель регулирования.*

MARKELOVA Maria M.,
Master of Laws, Associate, International Dispute Resolution Practice Monastyrsky, Zyuba, Stepanov & Partners Bar Association, Moscow, Russian Federation

THIRD-PARTY FUNDING IN INTERNATIONAL ARBITRATION: TOWARDS A HYBRID REGULATORY MODEL

Annotation. *The purpose of this article is to identify a regulatory model for third-party funding that accommodates the transnational nature of international arbitration, the economics of dispute funding, and procedural fairness. The research employs doctrinal, comparative, and systemic methods and examines legislation, arbitral rules, professional standards, and case law in England and Wales, Australia, the United States, Singapore, and Hong Kong. The analysis shows that, despite different national regulatory forms, their functional core is converging. The article substantiates a hybrid model in which soft law sets primary standards, arbitral rules give them procedural effect, practice tests their application, and targeted hard law secures minimum guarantees of permissibility, disclosure, and party autonomy. It proposes a gradual adaptation of this model for Russia and the Eurasian region without premature comprehensive codification.*

Key words: *third-party funding; international arbitration; soft law; self-regulation; disclosure; conflicts of interest; hybrid regulation.*

Введение

Финансирование третьей стороной (далее – ФТС; third-party funding) в настоящей статье понимается как безрегрессное финансирование спора независимым коммерческим субъектом, который полностью или частично принимает на себя расходы стороны в обмен на вознаграждение, зависящее от исхода дела, но не становится стороной арбитражного соглашения и не приобретает формального процессуального статуса [1, p. 14; 2, p.

467; 3, p. 12] (Рабочее определение используется для разграничения ФТС с иными способами финансирования и распределения судебных расходов). Такое понимание позволяет отделить ФТС от условного вознаграждения представителя, страхования судебных расходов и иных способов распределения издержек.

Актуальность темы обусловлена несовпадением формальной и экономической структуры арбитражного разбирательства. Процесс ведется между сторонами арбитражного соглашения, однако фандер обладает самостоятельным имущественным интересом в результате и способен обеспечить предъявление и поддержание требований в дорогостоящем споре. Поэтому сведения о нем могут иметь значение для проверки независимости и беспристрастности арбитров, раскрытия информации, конфиденциальности, распределения расходов и обеспечения расходов.

Транснациональный характер ФТС исключает простой ответ, основанный на одной коллизионной привязке: место учреждения фандера, место нахождения финансируемой стороны, право соглашения о финансировании, место арбитража, применимый регламент и юрисдикция исполнения решения могут не совпадать. В зарубежной литературе исследованы договорные, экономические и процессуальные аспекты ФТС, а также соотношение «мягкого» и «жесткого» права [1; 2; 4; 13–15]. В отечественной доктрине развита проблематика негосударственного транснационального регулирования [16], однако сочетание его источников применительно к ФТС требует дальнейшей разработки.

Цель статьи – обосновать функциональную архитектуру смешанного регулирования ФТС и определить направления ее адаптации для России и Евразийского региона. Для достижения цели необходимо: проследить переход от запрета финансирования к контролю его процессуальных последствий; сопоставить западную и азиатскую траектории; разграничить функции профессиональных стандартов, арбитражных регламентов и законодательства; сформулировать минимальный стандарт для российских и евразийских арбитражных институтов. Использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и историко-правовой методы, а также анализ нормативных актов, регламентов, профессиональных стандартов и судебной практики.

1. От запрета финансирования к контролю его процессуальных последствий

Исторически дискуссия о финансировании чужого спора строилась вокруг допустимости самой сделки. Доктрины maintenance и champerty исходили из опасения, что материально заинтересованное третье лицо способно превратить правосудие в инструмент частной наживы и давления [4, pp. 23–24; 5]. В Англии и Уэльсе Закон об уголовном праве 1967 г. устранил уголовную и деликтную ответственность за maintenance и champerty, сохранив возможность признать конкретное соглашение незаконным или противоречащим публичному порядку [6].

Судебная практика перенесла центр тяжести с самого факта финансирования на его последствия: степень контроля фандера, влияние соглашения на поведение стороны и соблюдение прав оппонента. В делах Giles v. Thompson и Papera Traders v. Hyundai закрепился функциональный подход, при котором участие третьего лица оценивается через сохранение целостности процесса, а не посредством автоматического запрета [6]. Одновременно суды учитывали, что старые доктрины не должны лишать менее обеспеченную сторону возможности противостоять экономически более сильному участнику.

Следовательно, центральными объектами регулирования становятся точки соприкосновения финансирования с арбитражной процедурой: финансовая устойчивость фандера, пределы его влияния, прекращение финансирования, раскрытие личности экономически заинтересованного лица, конфликт интересов и защита конфиденциальных условий сделки. Ни гражданско-правовая кодификация договора, ни один арбитражный регламент по отдельности не способны исчерпывающе охватить эти вопросы.

2. Западная траектория: судебная легитимация и пределы саморегулирования

В Англии и Уэльсе сложилась либеральная, но не лишенная ограничений модель. Суды определяют внешние пределы допустимости, соглашение индивидуализирует отношения сторон, а профессиональная ассоциация формулирует отраслевой стандарт. Кодекс поведения Ассоциации лиц, финансирующих судебные разбирательства Англии и Уэльса предусматривает требования к капиталу фандера, ограничения на произвольное прекращение финансирования, механизмы разрешения разногласий и запрет вмешательства, лишающего сторону и ее представителей контроля над делом [7].

Саморегулирование быстрее законодательства учитывает новые финансовые модели и опирается на специальное знание участников рынка. Его предел состоит в добровольности: кодекс дисциплинирует прежде всего присоединившихся к нему субъектов, не обеспечивает универсального охвата и формируется участниками, заинтересованными в широкой договорной свободе. Английский опыт подтверждает продуктивность саморегулирования, но не его самодостаточность.

Австралийский опыт отражает сходный отказ от запрета per se. В деле Fostif Высокий суд не признал коммерческое финансирование группового иска и степень контроля фандера сами по себе достаточными для вывода о злоупотреблении процессом [8]. В США, напротив, режим зависит от права штатов: исторические доктрины в одних юрисдикциях утратили значение, а в других продолжают ограничивать допустимые конструкции [9]. Такая вариативность допускает правовые эксперименты, но снижает предсказуемость трансграничных сделок.

Западные модели развивались преимущественно снизу вверх — через судебный отказ от автоматического запрета, становление рынка и отраслевые стандарты. Их достоинство заключается в чувствительности к практике, недостаток — в неравномерности гарантий и зависимости от зрелости профессионального сообщества. Поэтому формальное заимствование английской модели в правопорядке с неразвитым рынком не обеспечивает тождественного результата.

3. Азиатская траектория: законодательная легализация и институционализация

Сингапур и Гонконг использовали ФТС как элемент политики развития международных центров разрешения коммерческих споров. В Сингапуре поправки 2017 г. вывели финансирование международного арбитража из-под доктрин maintenance и champerty и установили требования к финансирующим субъектам. Законодательная основа была дополнена профессиональным руководством для юристов и разъяснениями Сингапурского международного арбитражного центра (Singapore International Arbitration Centre, SIAC) о поведении арбитров в делах с внешним финансированием [10]. Закон определил допустимость ФТС, профессиональные правила – обязанности представителей, институциональный акт – меры предупреждения процессуальных конфликтов.

С 28 июня 2021 г. сингапурский режим был распространен на внутренний арбитраж, связанные с ним судебные производства, определенные дела Сингапурского международного коммерческого суда и соответствующие медиативные процедуры. Регламент SIAC 2025 г. продолжил институционализацию: правило 38 требует раскрывать наличие соглашения, личность и контактные данные фандера, обновлять сведения и не заключать после формирования состава арбитража соглашение, создающее конфликт интересов. Состав арбитража вправе запросить сведения об интересе фандера и покрытии неблагоприятного решения о расходах, учитывать финансирование при распределении расходов и применять процессуальные последствия за нераскрытие. Сам факт финансирования не образует презумпции неплатежеспособности [11].

Гонконгская реформа построена сходным образом. Ордонанс 2017 г. создал законодательную основу ФТС в арбитраже, медиации и связанных процедурах; положения об арбитраже вступили в силу 1 февраля 2019 г. Закон закрепил обязанность сообщать о факте финансирования и личности фандера, а Кодекс практики конкретизировал требования к добросовестности, капиталу, конфиденциальности, прекращению финансирования и невмешательству [12].

Азиатские реформы не означают замены «мягкого» права «жестким». Законодательство устраняет прежние ограничения, определяет допустимых субъектов и минимальные обязанности, но оставляет профессиональным и институциональным актам конкретизацию. Различается прежде всего последовательность шагов: в западных моделях стандарт первоначально складывался в судебной и профессиональной практике, тогда как в Сингапуре и Гонконге закон заранее создал основу развития гибких правил.

4. Функциональная архитектура смешанного регулирования

Противопоставление «жесткого» и «мягкого» права методологически недостаточно. Формальная необязательность акта не исключает его практической значимости, а законодательная форма не гарантирует способности регулировать быстро меняющуюся профессиональную среду. В международном арбитраже влияние «мягкого» права поддерживается повторяемостью применения, профессиональным авторитетом, репутационными стимулами и возможностью инкорпорации в договор, регламент или процессуальное распоряжение. Различие источников связано со степенью обязательности, определенности и институционализации исполнения [13–16].

Первый уровень смешанной модели образуют профессиональные кодексы, руководства и принципы наилучшей практики. Они задают первичные стандарты в сферах, где законодатель не располагает устойчивым опытом или где нормы быстро устаревают: капитал фандера, информирование клиента, конфиденциальность, прекращение финансирования и пределы вмешательства. Добровольные правила, однако, не охватывают весь рынок и недостаточны при конфликте коммерческого интереса фандера с процессуальной автономией стороны.

Второй уровень составляют арбитражные регламенты и иные институциональные акты. В конкретном разбирательстве они приобретают процессуальную обязательность и превращают общую рекомендацию в правило: определяют момент раскрытия, адресатов уведомления, обязанность обновлять сведения и последствия неис-

полнения. Так, Арбитражные правила МЦУИС 2022 г. требуют раскрывать наличие ФТС, личность фандера и определенные сведения о контролирующих его субъектах, а также сообщать об изменениях [17]. Практика трибуналов проверяет соразмерность стандарта обстоятельствам дела.

Третий уровень – ограниченное «жесткое» право. Его функция состоит не в исчерпывающей регламентации договора, а в закреплении положений, которые не должны зависеть только от добровольного присоединения: допустимости сделки, запрета недобросовестного контроля, правомерности необходимого раскрытия и судебного контроля для защиты публичного порядка. Закон устанавливает внешние ограничения, не подменяя профессиональное и процессуальное регулирование.

Смешанная модель представляет последовательный цикл: профессиональное сообщество формулирует стандарт; договорная и арбитражная практика его апробирует; регламент придает ему процессуальное действие; при необходимости универсального охвата законодательство закрепляет минимальную гарантию. Гармонизация не требует буквального совпадения текстов. Достаточна согласованность целей: признание допустимости финансирования, защита автономии стороны, адресное раскрытие и внешнее вмешательство лишь при злоупотреблении или доказанной процессуальной необходимости.

5. Адаптация для России и Евразийского региона

Для России и государств Евразийского региона выбор между «английской» и «азиатской» моделями в чистом виде был бы неверным. Первая основана на развитом рынке и длительной судебной эволюции; вторая стала частью государственной стратегии развития центров разрешения споров. Рецепции подлежит не внешняя форма, а функциональное ядро. Отсутствие специального закона о ФТС само по себе не означает запрета соглашений, но требует заранее определить процессуально значимые последствия участия фандера.

Отдельные элементы режима уже закреплены в российских институциональных актах. Положение Российского арбитражного центра об арбитражных расходах требует раскрывать факт заключения соглашения и личность финансирующего лица другой стороне, составу арбитража и РАЦ, устанавливает срок и обязанность обновления сведений. Правила о беспристрастности и независимости арбитров, применимые к МКАС при ТПП РФ, учитывают отношения арбитра с лицами, финансирующими или материально поддерживающими разбирательство и экономически заинтересованными в его результате [18].

В правилах Арбитражного центра при РСПП, Национального Центра Спортивного Арбитража и Арбитражного учреждения при ОООР «СоюзМаш России» ФТС преимущественно охватывается общими требованиями независимости и беспристрастности, конфиденциальности и регулирования расходов [18]. Таким образом, нормативные предпосылки существуют, но степень институционального закрепления недостаточна: большинство режимов учитывает фандера через смежные категории, не создавая единообразного минимального стандарта раскрытия.

Первым шагом должно стать распространение минимального стандарта в регламентах российских и евразийских учреждений. Сторона сообщает о факте финансирования и личности фандера на ранней стадии и обновляет сведения. Этого достаточно для первоначальной проверки независимости и беспристрастности. Раскрытие корпоративной структуры, текста соглашения, размера вознаграждения или оценки перспектив дела не должно быть автоматическим: оно допустимо только для конкретной процессуальной цели и при защите конфиденциальности.

Регламенты должны определять адресатов уведомления, полномочия состава арбитража запрашивать дополнительные сведения, последствия несвоевременного раскрытия и критерии учета ФТС при обеспечении и распределении расходов. Само финансирование не должно создавать презумпцию неплатежеспособности или недобросовестности: иначе механизм доступа к арбитражу превращается в источник дополнительного процессуального бремени.

На последующем этапе возможно точечное законодательное закрепление допустимости соглашений, не нарушающих публичный порядок и не передающих фандеру недопустимый контроль; правомерности раскрытия его личности для предотвращения конфликта интересов; учета финансирования при разрешении отдельных процессуальных вопросов только при доказанной релевантности. Для Евразийского региона такая конструкция обеспечивает гармонизацию без унификации: общее функциональное ядро может сочетаться с различиями национального договорного и процессуального права.

Заключение

Исследование показало, что национальные режимы ФТС различаются прежде всего последовательностью регуляторных шагов. Англия и Уэльс двигались от судебной легитимации к отраслевому саморегулированию; Австралия отказалась от презумпции недопустимости коммерческого финансирования; в США сохранилась фрагментация по праву штатов; Сингапур и Гонконг создали специальные законодательные

основы и дополнили их профессиональными и институциональными актами. Ни один подход не подтверждает достаточность единственного источника регулирования.

Наиболее обоснована смешанная модель. «Мягкое» право обеспечивает первичную стандартизацию; арбитражные регламенты превращают релевантные стандарты в правила конкретной процедуры; практика проверяет их соразмерность; «жесткое» право закрепляет универсальный минимум там, где добровольность не защищает публичный интерес и равенство участников. Ее ключевые принципы — презумпция допустимости ФТС, автономия финансируемой стороны, раскрытие факта финансирования и личности фандера, недоступность коммерческих условий без доказанной необходимости и внешнее вмешательство лишь по процессуально оправданным основаниям.

Для России и Евразийского региона модель позволяет избежать как нормативного бездействия, так и преждевременной всеобъемлющей кодификации. Первичная стандартизация должна осуществляться арбитражными учреждениями и профессиональным сообществом, а законодательное закрепление – ограничиваться гарантиями, которым необходим общеобязательный характер. «Жесткое» право требуется не вместо «мягкого», а во взаимосвязи с ним; последовательность подключения источников зависит от зрелости рынка и институциональной среды.

Список литературы:

[1] Nieuwveld L. B., Sahani V. S. Third-Party Funding in International Arbitration. 2nd ed. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2017. XXI, 304 p.

[2] Howie R. A., Moysa G. Financing Disputes: Third-Party Funding in Litigation and Arbitration // Alberta Law Review. 2019. Vol. 57, no. 2. P. 465–502. DOI: 10.29173/alr2582.

[3] European Law Institute. Principles Governing the Third Party Funding of Litigation. October 2024. URL: https://www.europeanlawinstitute.eu (дата обращения: 01.03.2026).

[4] Solas G. M. Third Party Funding: Law, Economics and Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. XVI, 348 p. DOI: 10.1017/9781108628723.

[5] Neuberger D. From Barretry, Maintenance and Champerty to Litigation Funding: Harbour Litigation Funding First Annual Lecture, Gray's Inn. 8 May 2013. §§ 10–19. URL: https://supremecourt.uk/uploads/speech_130508_9d2765bbf5.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

[6] Criminal Law Act 1967. Sections 13–14. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/58 (дата обращения: 01.03.2026); Great Britain. Law Commission. Proposals for Reform of the Law Relating to Maintenance and Champerty. London: H.M. Stationery Office, 1966; Martell v Consett Iron Co Ltd [1955] Ch 363; Gulf Azov Shipping Co Ltd v Idisi [2004] EWCA Civ 292; Arkin v Borchard Lines Ltd [2005] EWCA Civ 655; Giles v Thompson; Devlin v Baslington [1993] UKHL 2; [1994] 1 AC 142; Papera Traders Co Ltd v Hyundai Merchant Marine Co Ltd (The Eurasian Dream) (No 2) [2002] EWHC 2130 (Comm).

[7] Association of Litigation Funders of England & Wales. Code of Conduct. URL: https://associationoflitigationfunders.com/code-of-conduct/ (дата обращения: 01.03.2026); First code of conduct for third-party litigation funders published // Out-Law. 28 November 2011. URL: https://www.pinsentmasons.com/out-law/news/first-code-of-conduct-for-third-party-litigation-funders-published (дата обращения: 01.03.2026).

[8] Campbells Cash and Carry Pty Ltd v Fostif Pty Ltd (2006) 229 CLR 386; [2006] HCA 41, [88]–[96].

[9] Sebok A. J. The Inauthentic Claim // Vanderbilt Law Review. 2011. Vol. 64, no. 1. P. 61–139; Abbott Ford, Inc. v. Superior Court, 43 Cal. 3d 858; Design for Business Interiors, Inc. v. Herson's, Inc., 659 F. Supp. 1103 (D.D.C. 1986).

[10] Civil Law (Amendment) Act 2017 (Singapore), No. 2 of 2017, ss. 5A–5B; Civil Law (Third-Party Funding) Regulations 2017, reg. 3; Law Society of Singapore. Guidance Note 10.1.1: Third-Party Funding. 25 April 2017; Singapore International Arbitration Centre. Practice Note PN-01/17 on Arbitrator Conduct in Cases Involving External Funding. 31 March 2017; Chan Leng Sun SC. Third-Party Funding — Taking Stock // Singapore Law Gazette. January 2019.

[11] Ministry of Law of Singapore. Third-Party Funding to be Permitted for More Categories of Legal Proceedings in Singapore. 21 June 2021. URL: https://www.mlaw.gov.sg/news/press-releases/2021-06-21-third-party-funding-framework-permitted-for-more-categories-of-legal-preceedings-in-singapore/ (дата обращения: 15.03.2026); Singapore International Arbitration Centre. Arbitration Rules of the Singapore International Arbitration Centre. 7th ed. In force from 1 January 2025. Rule 38.

[12] Arbitration and Mediation Legislation (Third Party Funding) (Amendment) Ordinance 2017 (Hong Kong); Arbitration Ordinance (Cap. 609), Part 10A; Mediation Ordinance (Cap. 620), s. 7A; Code of Practice for Third Party Funding of Arbitration, Gazette Notice No. 9048, 7 December 2018; Department of Justice of Hong Kong. Advisory Body on Third Party Funding of Arbitration and Mediation. URL: https://www.doj.gov.hk/en/about/advisory_body.html (дата обращения: 02.03.2026).

[13] Abbott K. W., Keohane R. O., Moravcsik A., Slaughter A.-M., Snidal D. The Concept of Legalization // International Organization. 2000. Vol. 54, no. 3. P. 401–419. DOI: 10.1162/002081800551271.

[14] Abbott K. W., Snidal D. Hard and Soft Law in International Governance // International Organization. 2000. Vol. 54, no. 3. P. 421–456. DOI: 10.1162/002081800551280.

[15] Goldmann M. We Need to Cut Off the Head of the King: Past, Present, and Future Approaches to International Soft Law // Leiden Journal of International Law. 2012. Vol. 25, no. 2. P. 335–368. DOI: 10.1017/S0922156512000064..

[16] Лисица В. Н. Lex mercatoria в зарубежной доктрине // Государство и право. 2008. № 4. С. 103–107.

[17] International Centre for Settlement of Investment Disputes. ICSID Arbitration Rules 2022. Rule 14(1)–(4); ICSID. Background Paper on Proposals for Amendment of the ICSID Rules. Working Paper No. 5. Vol. 1. June 2021. §§ 83–88.

[18] Арбитражный регламент 2021 Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража (в ред. от 01.11.2021), приложение № 1, ст. 14, п. 3–4. URL: https://centerarbitr.ru/text/ (дата обращения: 03.03.2026); Правила о беспристрастности и независимости арбитров, приложение к приказу ТПП РФ от 30.09.2021 № 110 (в ред. от 20.11.2024 № 65), и Правила арбитража МКАС при ТПП РФ (в ред. от 23.10.2024). URL: https://mkas.tpprf.ru/ru/materials/ (дата обращения: 03.04.2026); Правила Арбитражного центра при РСПП о независимости и беспристрастности арбитров и Регламент Арбитражного центра при РСПП. URL: https://arbitration-rspp.ru/documents/rules/ (дата обращения: 03.04.2026); Регламент арбитража споров НЦСА и Кодекс этики арбитров НЦСА. URL: https://sportarbitrage.ru/sportslaw/rules/ (дата обращения: 03.04.2026); Правила Арбитражного учреждения при ОООР «СоюзМаш России». URL: https://arbitr.soyuzmash.ru/doc/ (дата обращения: 04.04.2026).

References:

[1] Nieuwveld L. B., Sahani V. S. Third-Party Funding in International Arbitration. 2nd ed. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2017. XXI, 304 p.

[2] Howie R. A., Moysa G. Financing Disputes: Third-Party Funding in Litigation and Arbitration // Alberta Law Review. 2019. Vol. 57, no. 2. P. 465–502. DOI: 10.29173/alr2582.

[3] European Law Institute. Principles Governing the Third Party Funding of Litigation. October 2024. URL: https://www.europeanlawinstitute.eu (access date: 01.03.2026).

[4] Solas G. M. Third Party Funding: Law, Economics and Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. XVI, 348 p. DOI: 10.1017/9781108628723.

[5] Neuberger D. From Barretry, Maintenance and Champerty to Litigation Funding: Harbour Litigation Funding First Annual Lecture, Gray's Inn. 8 May 2013. §§ 10–19. URL: https://supremecourt.uk/uploads/speech_130508_9d2765bbf5.pdf (access date: 02.03.2026).

[6] Criminal Law Act 1967. Sections 13–14. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/58 (access date: 01.03.2026); Great Britain. Law Commission. Proposals for Reform of the Law Relating to Maintenance and Champerty. London: H.M. Stationery Office, 1966; Martell v Consett Iron Co Ltd [1955] Ch 363; Gulf Azov Shipping Co Ltd v Idisi [2004] EWCA Civ 292; Arkin v Borchard Lines Ltd [2005] EWCA Civ 655; Giles v Thompson; Devlin v Baslington [1993] UKHL 2; [1994] 1 AC 142; Papera Traders Co Ltd v Hyundai Merchant Marine Co Ltd (The Eurasian Dream) (No 2) [2002] EWHC 2130 (Comm).

[7] Association of Litigation Funders of England & Wales. Code of Conduct. URL: https://associationoflitigationfunders.com/code-of-conduct/ (дата обращения: 01.03.2026); First code of conduct for third-party litigation funders published // Out-Law. 28 November 2011. URL: https://www.pinsentmasons.com/out-law/news/first-code-of-conduct-for-third-party-litigation-funders-published (дата обращения: 01.03.2026).

[8] Campbells Cash and Carry Pty Ltd v Fostif Pty Ltd (2006) 229 CLR 386; [2006] HCA 41, [88]–[96].

[9] Sebok A. J. The Inauthentic Claim // Vanderbilt Law Review. 2011. Vol. 64, no. 1. P. 61–139; Abbott Ford, Inc. v. Superior Court, 43 Cal. 3d 858; Design for Business Interiors, Inc. v. Herson's, Inc. , 659 F. Supp. 1103 (D.D.C. 1986).

[10] Civil Law (Amendment) Act 2017 (Singapore), No. 2 of 2017, ss. 5A–5B; Civil Law (Third-Party Funding) Regulations 2017, reg. 3; Law Society of Singapore. Guidance Note 10.1.1: Third-Party Funding. 25 April 2017; Singapore International Arbitration Centre. Practice Note PN-01/17 on Arbitrator Conduct in Cases Involving External Funding. 31 March 2017; Chan Leng Sun SC. Third-Party Funding — Taking Stock // Singapore Law Gazette. January 2019.

[11] Ministry of Law of Singapore. Third-Party Funding to be Permitted for More Categories of Legal Proceedings in Singapore. 21 June 2021. URL: https://www.mlaw.gov.sg/news/press-releases/2021-06-21-third-party-funding-framework-permitted-for-more-categories-of-legal-preceedings-in-singapore/ (дата обращения: 15.03.2026); Singapore International Arbitration

Centre. Arbitration Rules of the Singapore International Arbitration Centre. 7th ed. In force from 1 January 2025. Rule 38.

[12] Arbitration and Mediation Legislation (Third Party Funding) (Amendment) Ordinance 2017 (Hong Kong); Arbitration Ordinance (Cap. 609), Part 10A; Mediation Ordinance (Cap. 620), s. 7A; Code of Practice for Third Party Funding of Arbitration, Gazette Notice No. 9048, 7 December 2018; Department of Justice of Hong Kong. Advisory Body on Third Party Funding of Arbitration and Mediation. URL: https://www.doj.gov.hk/en/about/advisory_body.html (access date: 02.03.2026).

[13] Abbott K. W., Keohane R. O., Moravcsik A., Slaughter A.-M., Snidal D. The Concept of Legalization // International Organization. 2000. Vol. 54, no. 3. P. 401–419. DOI: 10.1162/002081800551271.

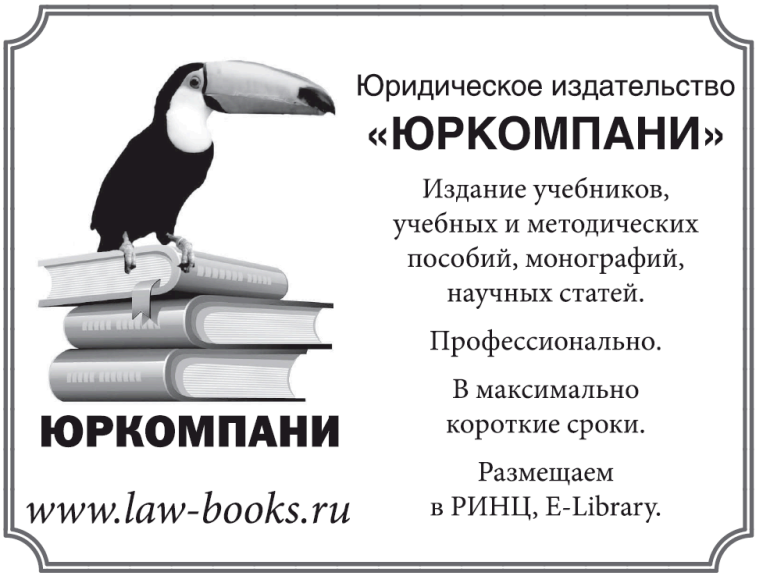
[14] Abbott K. W., Snidal D. Hard and Soft Law in International Governance // International Organization. 2000. Vol. 54, no. 3. P. 421–456. DOI: 10.1162/002081800551280.

[15] Goldmann M. We Need to Cut Off the Head of the King: Past, Present, and Future Approaches to International Soft Law // Leiden Journal of International Law. 2012. Vol. 25, no. 2. P. 335–368. DOI: 10.1017/S0922156512000064..

[16] Fox V.N. Lex mercatoria in foreign doctrine // State and law. 2008. № 4. S. 103-107.

[17] International Centre for Settlement of Investment Disputes. ICSID Arbitration Rules 2022. Rule 14(1)–(4); ICSID. Background Paper on Proposals for Amendment of the ICSID Rules. Working Paper No. 5. Vol. 1. June 2021. §§ 83–88.

[18] Arbitration Rules 2021 of the Russian Arbitration Center at the Russian Institute of Modern Arbitration (as amended on 01.11.2021), Appendix No. 1, Art. 14, Clauses 3-4. URL: https://centerarbitr.ru/text/ (access date: 03.03.2026); Rules on the impartiality and independence of arbitrators, appendix to the order of the RF CCI dated 30.09.2021 No. 110 (as amended by 20.11.2024 No. 65), and the Rules of Arbitration of the ICAC at the RF CCI (as amended by 23.10.2024). URL: https://mkas.tpprf.ru/ru/materials/ (access date: 03.04.2026); Rules of the Arbitration Center under the RUIE on the independence and impartiality of arbitrators and Rules of the Arbitration Center under the RUIE. URL: https://arbitration-rspp.ru/documents/rules/ (access date: 03.04.2026); NCSA Dispute Arbitration Rules and NCSA Code of Ethics for Arbitrators. URL: https://sportarbitrage.ru/sportslaw/rules/ (access date: 03.04.2026); Rules of the Arbitration Institution at the SoyuzMash of Russia OOOR. URL: https://arbitr.soyuzmash.ru/doc/ (access date: 04.04.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 13.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-130-133

ПИСКУЛИН Александр Евгеньевич,
Студент Западно-Сибирского филиала ФГБОУВО «РГУП им. В.М.Лебедева» (г. Томск),
e-mail: mail@law-books.ru

ИСМУХАМБЕТОВА Лианна Маратовна,
Студент Западно-Сибирского филиала ФГБОУВО «РГУП им. В.М.Лебедева» (г. Томск),
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ЛАПА Александр Анатольевич,
доцент кафедры гражданского процессуального права Западно-Сибирского филиала ФГБОУВО «РГУП им. В.М.Лебедева»,
e-mail: mail@law-books.ru

ЧАСТНОЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВО В СМЕШАННОЙ СИСТЕМЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ АКТОВ

Аннотация. *В статье предложена модель частного исполнительства как лицензируемой профессиональной деятельности по принудительному исполнению судебных актов в смешанной системе наряду с государственной службой. Рассмотрены пределы передачи властных полномочий, порядок допуска в профессию, распределение категорий дел, тарифная схема, цифровой контроль и применимость подобной конструкции для России.*

Ключевые слова: *исполнительное производство, судебный исполнитель, частное исполнительство, судебный акт, взыскатель, должник, лицензирование, надзор, тариф, цифровое правосудие.*

PISKULIN Alexander Evgenievich,
Student of the West Siberian branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Tomsk)

ISMUKHAMBETOVA Lianna Maratovna,
Student of the West Siberian branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Tomsk)

Scientific supervisor:
LAPA Alexander Anatolyevich,
Associate Professor of the Department of Civil Procedure Law West Siberian branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Tomsk)

PRIVATE ENFORCEMENT IN A MIXED SYSTEM OF COMPULSORY EXECUTION OF JUDICIAL ACTS

Annotation. *The article proposes a model of private enforcement as a licensed professional activity for compulsory execution of judicial acts within a mixed system operating alongside the public*

service. It examines the limits of delegated coercive powers, admission to the profession, distribution of categories of cases, tariff regulation, digital control and the applicability of such a design to Russia.

Key words: *enforcement proceedings, enforcement agent, private enforcement, judicial act, claimant, debtor, licensing, supervision, tariff, digital justice.*

Исполнение судебного акта завершает судебную защиту в имущественной сфере, где взыскатель получает деньги, вещь либо добивается совершения должником определенных действий. Российская модель исполнительного производства построена на основе публичной службы и детально урегулирована Федеральным законом от 02.10.2007 № 229-ФЗ и Федеральным законом от 21.07.1997 № 118-ФЗ [1; 2]. При всей нормативной плотности система тяготеет к массовому администрированию: сложные и простые дела проходят через единый аппарат, а у судебного пристава-исполнителя ограничена вариативность организационных решений, поскольку высокая нагрузка и стандартизированная процедура сокращают время на индивидуальную стратегию взыскания и персонализированное сопровождение производства. На данной почве закономерно возникает идея частного исполнительства — не как отказ от государственного начала, а как формирование параллельного профессионального сегмента, работающего по лицензии и под жестким надзором.

Международные ориентиры не связывают фигуру исполнителя только с государственной службой. В материалах CEPEJ при Совете Европы исполнитель описан как лицо, уполномоченное государством на ведение процедуры исполнения вне зависимости от служебного статуса [3; 4]. Из приведенной формулы следует практический вывод: публичное принуждение допускает передачу части исполнительных полномочий негосударственному субъекту лишь при условии, что пределы такой передачи, процедура исполнения, судебный контроль, тарифное регулирование и ответственность прямо закреплены в законе. По данной причине спор сосредоточен не на самом факте частного участия, а на границах передачи властных полномочий и на конструкции страхующих механизмов.

Наиболее убедительной для России представляется смешанная модель, близкая по логике к сосуществованию государственных и частных медицинских организаций. Государственный сектор сохраняет универсальную доступность, принимает социально чувствительные дела, несет силовой блок и резерв на случай кризисной нагрузки. Частный сектор конкурирует не степенью принуждения, а скоростью обработки массива документов, качеством коммуникации, инвестициями в цифровые сервисы и специализацией по типам взыскания. При подобной схеме взыскатель получает право выбора канала исполнения, а государство — второй организационный контур без демонтажа действующей службы.

Частный исполнитель в подобной системе ведет деятельность лично либо через бюро с помощниками, делопроизводителем, аналитиком розыска активов и единым цифровым кабинетом. Статус предоставляется после получения высшего юридического образования, прохождения стажировки, сдачи квалификационного экзамена, получения лицензии, вступления в Федеральную палату частных исполнителей и оформления страхования профессиональной ответственности. Подобный порядок близок к модели Казахстана, где частный судебный исполнитель ведет частную практику, проходит лицензирование и действует через систему палат, а исполнение значительной части документов передано негосударственному сегменту [5; 6; 7]. Для российской правовой среды подобная кадровая селекция имеет прямой смысл: в профессию входят лица, готовые строить собственную практику, вкладываться в офис, персонал и технологии.

Предметная компетенция частного сегмента нуждается в жестком разграничении. За публичной службой разумно оставить выселение из единственного жилья, передачу ребенка, исполнение актов неимущественного характера, при которых вероятно физическое противодействие, взыскание в пользу государства по крупным суммам, дела против публичных образований, социальные выплаты, требования из трудовых правоотношений и производства с риском нарушения общественного порядка. Частному исполнителю целесообразно передать денежные взыскания между гражданами и организациями, коммерческие долги, обращение взыскания на транспорт, оборудование, дебиторскую задолженность, залоговое имущество и исполнительные документы о взыскании регулярных платежей. Подобное разделение снизит риск коммерциализации наиболее конфликтных процедур.

Организация процедуры потребует единой государственной цифровой платформы. Возбуждение исполнительного производства, запросы в банки и реестры, арест счетов, извещения сторон, фиксация исполнительных действий и оплата расходов будут осуществляться в одном цифровом контуре. Без подобной инфраструктуры частный сегмент быстро превратится в набор разрозненных офисов с неравным качеством работы. Цифровая среда, напротив, позволит унифициро-

вать сроки, маршруты жалоб, шаблоны процессуальных документов и журнал действий в режиме реального времени [8; 10; 11].

Наиболее уязвимое место подобной схемы связано с риском ориентации не на законность процедуры, а на доходность портфеля. Отсюда вытекает ряд защитных механизмов: обязательная видеозапись описи и изъятия имущества; автоматическая выгрузка всех постановлений в единый реестр; случайное распределение дел; прямой запрет на личные договоренности с коллекторскими структурами; лимит на число дел в производстве; регулярный аудит депозитных счетов; компенсационный фонд Федеральной палаты частных исполнителей; дисциплинарная комиссия с участием государственного органа и профессионального сообщества.

Аргумент в пользу частного исполнительства строится прежде всего на организационной гибкости. Частная фирма заинтересована в скорости документооборота, в качественной работе call-центра, в понятных уведомлениях, в подборе сотрудников под отдельный тип дел, во внедрении сервисной аналитики, в широком графике приема граждан. Публичный аппарат при высокой нагрузке редко достигает подобной пластичности. По опыту Казахстана частные исполнители действуют на всей территории исполнительного округа, а надзор за их работой выделен в самостоятельный блок правового регулирования [5; 6; 7]. Современные публикации о цифровизации и профессиональной коммуникации показывают, что устойчивость подобной модели определяется не только формальным распределением полномочий, но и качеством обратной связи, прозрачностью процедур и уровнем сервисной стандартизации [8; 11; 12].

Скепсис по отношению к идее частных судебных приставов не лишен оснований. Переход к смешанной модели создает риск отбора «легких» производств, территориальной монополизации и неформальных связей с оценщиками, хранителями имущества, банками и представителями взыскателей. Дополнительную опасность несет зависимость дохода исполнителя от результата: в погоне за взысканием граница между настойчивостью и давлением сужается. Новые публикации по проблемам исполнительного производства, цифровой трансформации и казахстанской частной модели подтверждают наличие серьезных резервов и заметных рисков, связанных с контролем, защитой данных, практикой рассмотрения жалоб и неравномерностью качества исполнения [8; 9; 10; 11; 12].

Запуск частного сегмента реален в формате пилотного проекта в нескольких регионах, ограниченного денежными требованиями имущественного характера и полностью электронным документооборотом. Критерии оценки стоит сформулировать заранее: средний срок первого исполнительного действия, доля реального взыскания, число обоснованных жалоб, расходы на одно завершенное производство, уровень цифровой доступности для сторон и устойчивость дисциплинарной практики. Подобный способ даст возможность сопоставить публичную и смешанную модели не на уровне политических ожиданий, а по измеряемым показателям [4; 10; 11].

На уровне законодательной техники реформа потребует пакета связанных норм. В Федеральный закон № 229-ФЗ предстоит ввести новую главу о частном исполнителе, основаниях передачи документа, тарифах, страховании, отводе, дисциплинарном производстве и распределении компетенции [1]. В Федеральный закон № 118-ФЗ потребуется внести дополнения о правилах надзора за лицензированными исполнителями, порядке доступа к государственным реестрам и механизмах оперативного вмешательства при нарушениях [2].

Отдельного нормативного оформления потребуют кодекс профессиональной этики, стандарты организации офиса, требования к персоналу, режим депозитного счета и порядок хранения изъятого имущества для частных судебных исполнителей.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

[2] Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3591.

[3] European Commission for the Efficiency of Justice. Guidelines for a better implementation of the existing Council of Europe's recommendation on enforcement. Strasbourg, 2009. URL: https://rm.coe.int/16807473cd (дата обращения: 30.03.2026).

[4] European Commission for the Efficiency of Justice. Specific Study of the CEPEJ on the Legal Professions: Enforcement Agents. Strasbourg, 2025. 34 p. URL: https://rm.coe.int/cepej-specific-study-on-enforcement-agents-2024-2022-data-/1680b3d383 (дата обращения: 30.03.2026).

[5] Закон Республики Казахстан от 02.04.2010 № 261-IV «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000261_ (дата обращения: 30.03.2026).

[6] Исполнение исполнительных документов // Официальный информационный ресурс Министерства юстиции Республики Казахстан.

URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/adilet/activities/221 (дата обращения: 30.03.2026).

[7] Как стать частным судебным исполнителем? // Официальный информационный ресурс Министерства юстиции Республики Казахстан. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/adilet-zhmb/press/article/details/82595 (дата обращения: 30.03.2026).

[8] Стрельцова Е.Г. Цифровое исполнительное производство // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 10 (203). С. 135–145. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.135-145..

[9] Ананьев О.Г. Проблемные вопросы принудительного исполнения решений судов // Аграрное и земельное право. 2024. № 5 (233). С. 146–148.

[10] Швайцер А.А., Швайцер А.Е., Андреева-Сикач А.А. Актуальные проблемы исполнительного производства // Universum: экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. 2025. № 3 (125). С. 21–26. URL: https://7universum.com/ru/economy/archive/item/19365 (дата обращения: 30.03.2026).

[11] Иванов Н.В. Цифровое исполнительное производство: современное состояние и перспективы развития // Вестник науки. 2025. № 7 (88). Т. 2. С. 73–79.

[12] Жанасаева М.С. Профессиональная коммуникация частных судебных исполнителей: казахстанская практика и международный опыт // Вестник науки и образования. 2025. № 4 (159). Ч. 1. С. 45–50.

References:

[1] Federal Law of 02.10.2007 No. 229-FZ "On Enforcement Proceedings "// Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. № 41. Art. 4849.

[2] Federal Law of 21.07.1997 No. 118-FZ "On Enforcement Bodies of the Russian Federation "// Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. № 30. Art. 3591.

[3] European Commission for the Efficiency of Justice. Guidelines for a better implementation of the existing Council of Europe's recommendation on enforcement. Strasbourg, 2009. URL: https://rm.coe.int/16807473cd (access date: 30.03.2026).

[4] European Commission for the Efficiency of Justice. Specific Study of the CEPEJ on the Legal Professions: Enforcement Agents. Strasbourg, 2025. 34 p. URL: https://rm.coe.int/cepej-specific-study-on-enforcement-agents-2024-2022-data-/1680b3d383 (access date: 30.03.2026).

[5] Law of the Republic of Kazakhstan dated 02.04.2010 No. 261-IV "On Enforcement Proceedings and the Status of Bailiffs." URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000261_ (access date: 30.03.2026).

[6] Execution of executive documents // Official information resource of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/adilet/activities/221 (дата обращения: 30.03.2026).

[7] How to become a private bailiff ? // Official information resource of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/adilet-zhmb/press/article/details/82595 (дата обращения: 30.03.2026).

[8] Streltsova E.G. Digital enforcement proceedings // Lex Russica (Russian law). 2023. T. 76. № 10 (203). S. 135-145. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.135-145..

[9] O.G. Ananiev. Problematic Issues of Enforcement of Court Decisions // Agrarian and Land Law. 2024. № 5 (233). S. 146-148.

[10] Schweitzer A.A., Schweitzer A.E., Andreeva-Sikach A.A. Topical Problems of Enforcement Proceedings // Universum: Economics and Jurisprudence: Electron. scientific journal. 2025. № 3 (125). S. 21-26. URL: https://7universum.com/ru/economy/archive/item/19365 (access date: 30.03.2026).

[11] Ivanov N.V. Digital enforcement production: current state and development prospects // Bulletin of Science. 2025. № 7 (88). VOL. 2. S. 73-79.

[12] Zhanasaeva M.S. Professional communication of private bailiffs: Kazakhstani practice and international experience // Bulletin of Science and Education. 2025. № 4 (159). PART 1. S. 45-50.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-134-137
Дата принятия рукописи в печать: 06.08.2026 г.

ФИЛОНОВА Олина Игоревна,
кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доцент кафедры гражданского процессуального права
Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский
государственный университет правосудия имени
В.М. Лебедева», ORCID ID 0000-0003-3077-7534,
e-mail: filonova2006@mail.ru

ПОДСУДНОСТЬ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ ОКРУЖНЫМ СУДАМ: К 160-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА

Аннотация. *Статья посвящена институту подсудности гражданских дел по Судебной реформе 1864 г. Выявляются виды подсудности и правила определения подсудности гражданских дел окружным судам. Анализ судебных документов подтверждает всесословный характер окружного суда, но при этом свидетельствует о фиксации сословного статуса (в процессуальных документах сохранялась традиция указывать сословную принадлежность или род занятий участников); в качестве сторон в окружном суде выступали как физические лица всех категорий, так и получившие распространение в пореформенную экономику общества, товарищества. Выявляются правила определения родовой подсудности гражданских дел (по предмету спора и цене иска – свыше 500 руб.), и правила определения территориальной подсудности по ее видам (общая, исключительная, альтернативная, договорная, по связанным делам). На архивных материалах Санкт-Петербургского окружного суда, открытие которого состоялось 160 лет назад, показывается применение норм определения подсудности по гражданским делам. Анализ ст. 202-228 Устава гражданского судопроизводства позволяет сделать вывод о гибкости процессуальных правил подсудности, которые были призваны обеспечить защиту интересов сторон и удобство для них.*

Ключевые слова: *подсудность гражданских дел, Судебная реформа 1864 г., окружной суд, родовая подсудность, территориальная подсудность, иск, Устав гражданского судопроизводства, цена иска.*

FILONOVA Olina Igorevna,
Cand. Sci. (Law), Cand. Sci. (History), Associate Professor
of the Civil Procedural Law Department, North-West Branch,
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

JURISDICTION OF CIVIL CASES TO DISTRICT COURTS: ON THE 160TH ANNIVERSARY OF THE ESTABLISHMENT OF THE ST. PETERSBURG DISTRICT COURT

Annotation. *The article is devoted to the institution of jurisdiction of civil cases under the Judicial Reform of 1864. The types of jurisdiction and the rules for determining the jurisdiction of civil cases by district courts are identified. An analysis of court documents confirms the all-class nature of the district court, but at the same time indicates the fixation of class status (procedural documents retained the tradition of indicating the class affiliation or occupation of the participants); both individuals of all categories and societies and partnerships, which became widespread in the post-reform economy, acted as parties to the district court. The rules for determining the generic jurisdiction of civil cases (based on the subject of the dispute and the price of the claim - over 500 rubles) and the rules for determining territorial jurisdiction by its types (general, exclusive, alternative, contractual, for related cases) are identified. The archival materials of the St. Petersburg District Court, which opened 160 years ago, demonstrate the application of the rules for determining jurisdiction in civil cases. An analysis of Art. 202-228 of the Charter of Civil Procedure allows us*

to conclude that the procedural rules of jurisdiction are flexible and were intended to ensure the protection of the interests of the parties and their convenience.

Key words: *Jurisdiction of civil cases, Judicial reform of 1864, District court, Generic jurisdiction, Territorial jurisdiction, Claim, Charter of Civil Procedure, Claim amount.*

Согласно ст. 77-78 Учреждения судебных установлений (далее – УСУ), окружной суд учреждался на несколько уездов и состоял из председателя и членов, и мог быть разделен на отделения [4].

17 апреля 1866 г. в присутствии почетных посетителей, членов дипломатического корпуса и многочисленной публики состоялось торжественное открытие Санкт-Петербургского окружного суда и Санкт-Петербургской судебной палаты. Этому предшествовали посещение 14 апреля Императором Александром II и религиозное освящение [1, с. 103]. Новые суды разместились в здании бывшего Санкт-Петербургского Арсенала, выбранного из-за возможности приспособить его для гласного, публичного суда со сравнительно небольшими издержками.

Санкт-Петербургский окружной суд был разделен на 6 отделений, из которых второе, четвертое и шестое рассматривали гражданские дела [2, с. 216]. Судебные заседания гражданских отделений назначались: второго отделения – по понедельникам и по четвергам, четвертого – по вторникам и по пятницам, шестого – по средам и по субботам с 11 часов [2, с. 217].

Судебная власть окружных судов распространялась на все дела (гражданские и уголовные) и на лиц всех сословий (ст. 2 УСУ). Как отмечают исследователи, по реформе 1864г. «звенья и формы суда приобрели всесословный характер, несмотря на сохранившийся в России сословный строй» [3, с. 23]. Примечательно, что в решениях судов, протоколах судебных заседаний и других источниках указывалось на сословную принадлежность или род занятий сторон (граф, дворянка, купец, мещанка, крестьянин, надворный советник, артист императорских театров и др.).

Чаще всего сторонами выступали физические лица, но сторонами могли быть и компании, товарищества и общества (например, Общество Железной дороги, отделение Коммерческого банка и т.п.).

Подсудности окружных судов, согласно ст. 202 Устава гражданского судопроизводства (далее – УГС), подлежали все иски, за исключением исков, относившихся к подсудности мировых судей (согласно ст. 29 УГС, мировым судьям подлежали иски по обязательствам, не превышавшие пятисот рублей, иски о личных обидах и оскорблениях, иски о восстановлении нарушенного владения) [5].

Ст. 202-228 УГС содержали развернутые общие правила определения подсудности. При этом, ст. 228 УГС содержала имевшую историческое обоснование норму, согласно которой по всем делам, за исключением дел о недвижимых имениях, стороны по взаимному согласию могли избрать для решения спора и не тот окружной суд, рассмотрению которого дело бы подлежало по общим правилам подсудности.

По общему правилу (ст. 203 УГС) иск предъявлялся в окружной суд, в округе которого ответчик имел постоянное жительство (там, где по своим занятиям, промыслам, или по своему имуществу, либо по службе ответчик «имел оседлость или домашнее обзаведение»). Иски о праве собственности, владения или пользования недвижимым имуществом, а также иски по нарушению владения недвижимым имуществом и причинению ему ущерба предъявлялись по месту нахождения этого имущества (ст. 212, 213 УГС).

УГС допускал как исключение альтернативную подсудность: например, в случае, если ответчик по роду своих занятий или промыслов имел оседлость или обзаведение в разных местах, то истцу предоставлялось право выбрать из числа этих мест то, где он мог «застигнуть ответчика» (ст. 205 УГС). Альтернативная подсудность предусматривалась и для дел о нарушении прав литературной, художественной или музыкальной собственности: согласно ст. 217 УГС, иск по такому делу мог быть предъявлен по усмотрению истца или в том суде, в ведомстве которого произошло нарушение права, или в том суде, которому ответчик был подсуден по месту жительства. Альтернативно определялась и подсудность гражданских дел в тех случаях, когда иск относился к движимому имуществу, присоединенному к недвижимому, – тогда иск мог быть предъявлен по усмотрению истца или по месту нахождения недвижимого имения, или по месту жительства ответчика (ст. 219 УГС).

Иски, возникавшие из договора, где было указано место его исполнения или вытекала обязанность исполнить только в определенном месте, предъявлялись в суд по месту исполнения договора (ст. 209 УГС). Санкт-Петербургский окружной суд по 4 отделению 9 октября 1897 г. рассмотрел дело по иску крестьянина Андрея Никифоровича Н. к унтер-офицеру Ефиму Михайловичу Ф. из договора найма помещения. Н. и Ф. заключили договор найма помещения под мясную и «зеленую» торговлю в доме, принадлежавшем Ф. в г. Петергоф, сроком на 10 лет ценою по 650

руб. в год. Н. дал словесное согласие на передачу ему прав и обязанностей по договору и получил от Ф. расписку на 500 рублей в качестве задатка. Данный иск был отнесен к подсудности окружного суда, а не мирового судьи, несмотря на сумму задатка, не превышавшую 500 руб., поскольку предметом спора была не сумма задатка, а требование признать расписку не имеющей значения по договору найма, при цене иска 6500 руб. (сумма найма помещения за 10 лет). Окружной суд, рассмотрев спор, в иске отказал [6].

Согласно ст. 226 УГС встречный иск подлежал подсудности окружного суда, в котором был предъявлен первоначальный иск, если он по своему роду не относился к подсудности другого суда. Так, Санкт-Петербургский окружной суд 27 сентября 1904 г. рассмотрел дело по иску дворянина Николая Ж. о возвращении задатка и по встречному иску дворянина Павла Л. об уплате различных долгов. Санкт-Петербургский окружной суд своим решением удовлетворил исковые требования к Л. о возврате 7000 руб. задатка по «задаточной росписке», а встречный иск Л. суд удовлетворил в сумме 3951 руб. (возмещение убытков от сгоревшей дачи, исправление повреждений и др.) [7].

Дела иностранцев, находившихся в России, как между собою, так и с русскими подданными, относились к подсудности русских судов, и к ним применялись общие правила подсудности (ст. 224 УГС). В производстве Санкт-Петербургского окружного суда находилось дело по спору крестьянина Д. «с Великобританским подданным» У. о привилегии (так назывался патент на изобретение). В 1882 г. Д, служивший в то время начальником депо на железной дороге, изобрел способ отопления паровоза нефтью, устранявший препятствия к использованию этого способа отопления применительно к железным дорогам. Не имея возможности для проведения опытов, Д. обратился к своему начальнику по службе У. с просьбой о содействии с опытами, передал ему чертежи и сделал устные пояснения. У. провел опыты и получил привилегию на свое имя. В иске Д. просил признать изобретение своей собственностью и взыскать в его пользу с У. прибыль с привилегии. Санкт-Петербургский окружной суд, истребовав заключение трех экспертов, 9 февраля 1896 г. вынес решение, которым в иске Д. отказал [8]. Санкт-Петербургская судебная палата оставила в силе решение окружного суда.

Иски против компаний, обществ и товариществ предъявлялись окружному суду по месту нахождения правления или фирмы (ст. 220 УГС). Для исков из договоров, заключенных с местными конторами или агентами компаний и обществ, предусматривалась альтернативная подсудность: иски предъявлялись или по месту нахождения этих контор и агентов, или по месту нахождения правления или фирмы (ст. 221 УГС).

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. В деятельности окружных судов получил отражение важнейший принцип Судебной реформы 1864 г. – всесословный характер, поскольку в соответствии со ст. 2 УСУ власть окружного суда распространялась на лиц всех сословий. В то же время, для судебного делопроизводства была характерна фиксация сословного статуса: в процессуальных документах (в протоколах, решениях) сохранялась традиция указывать сословную принадлежность или род занятий участников (например, дворянин, купец, мещанин). В качестве сторон в окружном суде выступали как физические лица всех категорий, так и получившие распространение в пореформенную экономику общества, товарищества и банки.

Окружные суды выступали в качестве судов общей юрисдикции – согласно ст. 202 УГС, они рассматривали все гражданские иски, кроме тех, что были прямо отнесены к компетенции мировых судей. К ведению мировых судей относились иски по обязательствам на сумму, не превышавшую 500 рублей, дела о личных обидах и споры о восстановлении нарушенного владения. Таким образом, по правилам родовой подсудности гражданские дела свыше этого ценза, а также дела иных, не закрепленных за мировыми судьями, категорий относились к подсудности окружных судов.

Анализ ст. 202-228 УГС показывает гибкость процессуальных правил подсудности, призванных обеспечить защиту интересов сторон, удобство для участников и экономию времени. Можно выделить следующие виды территориальной подсудности: 1) общая территориальная подсудность, когда иск подавался по месту постоянного жительства (оседлости) ответчика; 2) исключительная подсудность: иски, связанные с правом собственности и другими правами на недвижимое имущество, строго привязывались к месту нахождения этого имущества; 3) альтернативная подсудность (по выбору истца): допускался выбор истца в случаях, если ответчик имел жительство в разных местах (по принципу «где застигнет»), при спорах об авторских правах («литературной, художественной или музыкальной собственности»), либо при спорах о движимом имуществе, неразрывно связанном с недвижимым; 4) договорная подсудность: за исключением дел, связанных с недвижимым имуществом, стороны могли по обоюдному согласию изменить законную подсудность и выбрать любой другой окружной суд для разрешения своего дела; 5) подсудность по связанным делам: встречный иск рассматривался в том же окружном суде, что и основной иск. Споры

с участием иностранцев (как между собой, так и с подданными империи) подчинялись общим правилам подсудности.

Список литературы:

[1] Министерство Юстиции за 100 лет. 1802-1902. Исторический очерк. СПб. : Сенатская типография. 1902. 340 с.

[2] Наказ Санкт-Петербургского окружного суда // Судебник : Сборник новых судебных законов и распоряжений по отправлению правосудия со включением личного состава новых судебных учреждений на 1866 год. Санкт-Петербург : Издание Л. Демиса, 1866. С. 216-221.

[3] Немытина М. В. Институциональные основы судебной реформы 1864 года // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2024. № 4. С. 12-24.

[4] Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть третья. Учреждение судебных установлений. Второе дополненное издание. – Санкт-Петербург : Издание Государственной канцелярии, 1867. – 628 с.

[5] Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть первая. Устав гражданского судопроизводства, дополненный законоположением 1866 года Об охранительном судопроизводстве. – Санкт-Петербург : Издание Государственной канцелярии, 1866. – 690 с.

[6] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 356. Оп. 1. Д. 285.

[7] ЦГИА СПб. Ф. 356. Оп. 1. Д. 2814.

[8] ЦГИА СПб. Ф. 356. Оп. 1. Д. 9159.

References:

[1] Justice Department for 100 years. 1802-1902. Historical essay. St. Petersburg: Senate Printing House. 1902. 340 s.

[2] Order of the St. Petersburg District Court // Sudebnik: Collection of new judicial laws and orders for the administration of justice with the inclusion of personnel of new judicial institutions for 1866. St. Petersburg: Edition of L. Demis, 1866. S. 216-221.

[3] Nemytina M.V. Institutional foundations of judicial reform of 1864 // Historical and legal problems: a new angle. 2024. № 4. S. 12-24.

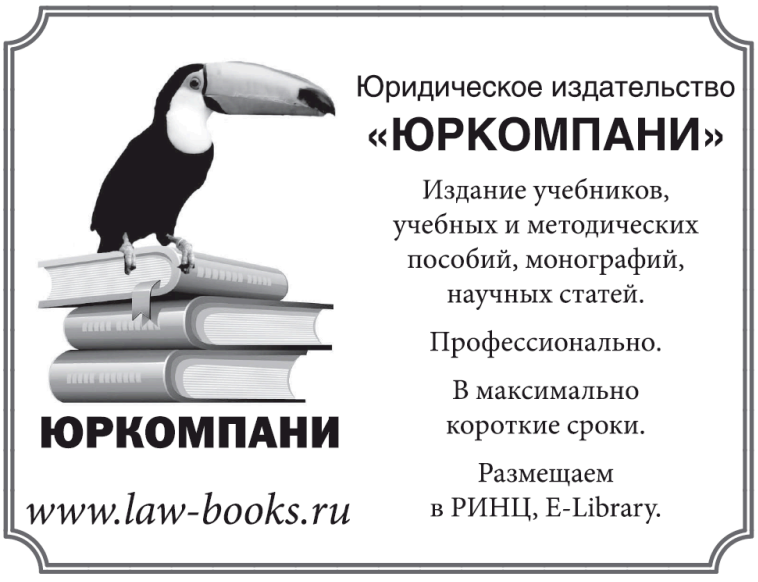
[4] Judicial Statutes November 20, 1864, outlining the reasoning on which they are based. Part three. Establishment of judicial rulings. Second augmented edition. - St. Petersburg: Publication of the State Chancellery, 1867. - 628 p.

[5] Judicial Statutes November 20, 1864, outlining the reasoning on which they are based. Part one. The Charter of Civil Procedure, supplemented by the law of 1866 On Protective Proceedings. - St. Petersburg: Publication of the State Chancellery, 1866. - 690 s.

[6] Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA St. Petersburg). F. 356. Op. 1. D. 285.

[7] TsGIA St. Petersburg. F. 356. Op. 1. D. 2814.

[8] TsGIA St. Petersburg. F. 356. Op. 1. D. 9159.



- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-138-144
Дата принятия рукописи в печать: 13.08.2026 г.

ХМЕЛЕВСКИЙ Игнат Олегович,
студент 2 курса магистратуры образовательной программы «Юрист для частного бизнеса и власти» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, юрист ООО «Банки.ру Искусственный интеллект», Москва, Россия,
e-mail: xmelevskij02@bk.ru

ТИПОЛОГИЯ НАРУШЕНИЙ АВТОРСКИХ ПРАВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *Цифровая среда существенно изменила обращение произведений науки, литературы и искусства. Она расширила легальные способы доступа к контенту, но одновременно сделала бездоговорное использование произведений более быстрым, массовым и трудно контролируемым. Наибольшие сложности для правоприменителя возникают не в простых случаях копирования, а там, где нарушение складывается из нескольких технологических действий и распределяется между пользователем, платформой, хостинг-провайдером, поисковой системой, рекламными и платежными сервисами. Цель исследования состоит в разработке типологии нарушений авторских прав в цифровой среде, которая может использоваться для правовой квалификации деяния, определения надлежащего субъекта ответственности и выбора соразмерных мер защиты. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и доктринальный методы. В результате предложена многоуровневая типология, объединяющая четыре критерия: вид нарушаемого права, способ цифрового использования произведения, роль субъекта нарушения и технологический механизм его реализации. Показано, что генеративный ИИ и NFT не образуют самостоятельных видов авторских прав, однако создают зоны повышенного квалификационного риска. В таких ситуациях особенно важно разграничивать воспроизведение, доведение до всеобщего сведения, переработку, удаление информации об управлении правами, а также распределять ответственность между прямым нарушителем и информационным посредником. Сделан вывод, что предложенная типология повышает предсказуемость правоприменения, помогает выстраивать доказательственные модели по конкретному типу нарушения и позволяет точнее выбирать меры защиты — от пресечения нарушения и удаления контента до ограничения доступа и взыскания компенсации.*

Ключевые слова: *авторское право, цифровая среда, нарушение исключительного права, личные неимущественные права автора, информационный посредник, технические средства защиты, генеративный искусственный интеллект, NFT.*

KHMELEVSKII Ignat Olegovich,
second-year Master's student, Master's Programme "Lawyer for Private Business and Government", Financial University under the Government of the Russian Federation Lawyer, Banki.ru Artificial Intelligence LLC Moscow, Russia

TYPOLOGY OF COPYRIGHT INFRINGEMENTS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Annotation. *The digital environment has substantially changed the circulation of literary, artistic and scientific works. It has expanded lawful access to content, but it has also made unlicensed exploitation faster, more scalable and more difficult to control. The most complex cases*

are not limited to simple copying: they usually arise where infringement is formed through several technological acts and distributed among users, platforms, hosting providers, search engines, advertising and payment services. The purpose of this article is to develop a typology of copyright infringements in the digital environment that can assist legal qualification, identification of the liable actor and selection of proportionate remedies. The study relies on formal legal, comparative legal, system-structural and doctrinal methods, as well as on the analysis of guidance of the Supreme Court of the Russian Federation and international copyright treaties. The article proposes a multi-level typology based on four criteria: the type of violated right, the mode of digital exploitation, the role of the actor and the technological mechanism of infringement. It is argued that generative AI and NFTs do not create new categories of copyright, but they form high-risk qualification zones. In these situations, it is especially important to distinguish reproduction, making available to the public, adaptation, removal of rights management information and the allocation of liability between direct infringers and intermediaries. The article concludes that the proposed typology improves predictability in law enforcement, structures evidentiary models and helps correlate the factual pattern of infringement with remedies, including takedown, injunctive relief, access restriction and compensation.

Key words: *copyright, digital environment, exclusive rights, moral rights, information intermediary, technological protection measures, generative AI, NFT.*

Введение

Цифровизация оборота произведений заметно изменила саму фактуру авторско-правовых споров. Копирование стало почти мгновенным, распространение — трансграничным, а доступ к произведению не всегда связанным с передачей материального носителя. Для права это означает не только увеличение числа нарушений, но и усложнение их квалификации. Одни и те же фактические действия в сети могут одновременно затрагивать воспроизведение, доведение до всеобщего сведения, переработку, удаление информации об управлении правами и вопрос о пределах ответственности информационного посредника. Верховный Суд Российской Федерации в Обзоре от 29 мая 2024 г. специально указал, что само размещение произведения в сети Интернет не означает согласия правообладателя на его свободное использование. Правовая оценка в таких спорах зависит от конкретного способа использования произведения и от роли лица, участвующего в распространении контента [6].

Актуальность темы усиливается международным и технологическим контекстом. Бернская конвенция закрепляет минимальные стандарты охраны и принцип отсутствия формальностей. Договор ВОИС по авторскому праву, в свою очередь, переносит эти базовые принципы в цифровую среду и связывает использование произведений в электронной форме с традиционными правомочиями автора, включая воспроизведение и коммуникацию к публике. Хранение произведения в цифровой форме рассматривается как разновидность воспроизведения, а право коммуникации к публике охватывает предоставление доступа из места и в момент, индивидуально выбираемые пользователем. Дополнительно WCT и WPPT требуют правовой охраны технических средств защиты и информации об управлении правами, без которых цифровой оборот произведений становится особенно уязвимым [7; 8; 9].

Обзор литературы и исследовательский пробел

Российские исследования посвящены охране авторских прав в цифровой среде, ответственности информационных посредников, техническим средствам защиты, NFT, цифровым правам и генеративному искусственному интеллекту. В них подчеркивается, что цифровая среда не только облегчает нарушение, но и усложняет доказывание: необходимо разграничивать прямого нарушителя и посредника, а также учитывать степень контроля платформы над контентом [10; 11; 12; 13; 14].

Зарубежные исследования сосредоточены на архитектуре правоприменения, моделях ответственности платформ, риске чрезмерной блокировки правомерного контента и регулировании пользовательского контента. В работах о генеративном ИИ анализируются обучение на охраняемых данных, меморизация, воспроизведение фрагментов, существенное сходство результата и распределение ответственности между участниками технологической цепочки [15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24].

При этом сохраняется исследовательский пробел. В доктрине пока недостаточно разработана целостная типология, которая одновременно отвечала бы на четыре вопроса: какое именно авторское правомочие нарушено; каким способом произведение использовано в цифровой среде; кто выступает юридически значимым субъектом нарушения; какой технологический механизм сделал нарушение возможным. Без такой матрицы сходные цифровые споры могут разрешаться по разным логикам, что снижает предсказуемость

судебной практики и усложняет подготовку доказательственной позиции.

Методология

Исследование основано на сочетании формально-юридического, сравнительно-правового, системно-структурного и доктринального методов. Формально-юридический метод использован для анализа норм части четвертой ГК РФ, Федерального закона № 149-ФЗ, специальных положений об ограничении доступа к нелегальному контенту и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить российские конструкции с международными стандартами Бернской конвенции, WCT и WPPT, а также с современными зарубежными подходами к ответственности платформ и разрешению споров о пользовательском контенте. Системно-структурный метод применен для построения типологии нарушений как совокупности взаимосвязанных критериев, а доктринальный анализ — для выявления устойчивых и дискуссионных позиций в научной литературе [1; 2; 3; 5; 6; 7; 8; 9].

Результаты

Ключевой результат исследования состоит в разработке четырехкритериальной типологии нарушений авторских прав в цифровой среде. Ее назначение — связать фактическую картину цифрового спора с конкретным авторским правомочием, субъектом ответственности, технологическим механизмом нарушения и набором возможных мер защиты.

Во-первых, нарушения следует различать по виду нарушаемого права. Исключительные права и личные неимущественные права автора имеют разную правовую природу, разный предмет доказывания и разные последствия. ГК РФ прямо закрепляет неотчуждаемость права авторства и права на имя. Поэтому случаи несанкционированного использования произведения необходимо отделять от ситуаций ложной атрибуции, удаления имени автора или искажения произведения [1].

Во-вторых, существенное значение имеет способ использования произведения в цифровой среде. Для интернет-споров наиболее характерны воспроизведение, доведение до всеобщего сведения, распространение и переработка. WCT подтверждает, что хранение охраняемого произведения в цифровой форме относится к воспроизведению, а право коммуникации к публике включает making available, то есть предоставление доступа из места и в момент, самостоятельно выбираемые пользователем. Благодаря этому критерию техническая операция получает юридически значимое содержание [8].

В-третьих, необходимо учитывать роль субъекта. Один цифровой конфликт может вовлекать прямого нарушителя, владельца сайта, хостинг-провайдера, поисковую систему, маркетплейс, социальную сеть или иную платформу. Статья 1253.1 ГК РФ устанавливает специальные условия освобождения информационного посредника от ответственности. Однако Обзор Верховного Суда Российской Федерации 2024 г. показывает, что сама по себе техническая инфраструктурная функция не всегда означает нейтральность посредника. Если субъект контролирует контент, организует его размещение или извлекает выгоду из противоправного оборота, его материально-правовое и процессуальное положение может оцениваться иначе [1; 6].

В-четвертых, отдельного внимания требует технологический механизм нарушения. WCT и WPPT обязывают государства обеспечивать охрану технических средств защиты и информации об управлении правами. Поэтому обход DRM, удаление или изменение rights management information, а также последующее распространение произведений после такого вмешательства образуют самостоятельную группу нарушений. В ней объектом правовой охраны выступает не только произведение как результат творческого труда, но и инфраструктура правомерного доступа к нему [8; 9].

Технологические явления последних лет целесообразно рассматривать не как новые виды авторских прав, а как зоны повышенного квалификационного риска. Для генеративного ИИ ключевыми становятся вопросы обучения на охраняемом контенте, меморизации, последующего воспроизведения фрагментов и распределения ответственности по цепочке «датасет — обучение — донастройка — деплой — пользовательский вывод». Для NFT принципиально важно, что токен, как правило, не тождествен объекту авторского права и сам по себе не передает исключительные права автоматически. В исследовании Guadamuz показано, что в рассмотренных им продажах NFT передача авторского права в большинстве случаев отсутствовала, а NFT выполнял скорее функцию криптографически подписанного подтверждения владения уникальным токеном или связанными с ним метаданными [4; 19; 20; 21; 22; 23; 24].

Таблица 1

Предлагаемая типология нарушений авторских прав в цифровой среде

Тип нарушения	Типичное фактическое проявление	Юридически значимый элемент	Основные меры защиты
Контентные нарушения исключительного права	загрузка файла, стриминг, размещение сканов, нелицензионная публикация на платформе	воспроизведение, доведение до всеобщего сведения, распространение	пресечение, удаление контента, ограничение доступа, компенсация
Нарушения личных неимущественных прав	удаление имени автора, ложная атрибуция, искажение произведения	право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения	признание авторства, восстановление атрибуции, запрет искажения, компенсация морального вреда
Платформенно-посреднические нарушения	неисполнение notice-and-takedown, активная роль платформы в организации оборота контента	статус информационного посредника, объем контроля и осведомленности	предписание об удалении, судебный запрет, оценка условий освобождения от ответственности
Технологические нарушения	обход DRM, удаление RMI, повторное распространение после изменения метаданных	технические меры и информация об управлении правами	пресечение, запрет технических операций, компенсация
Риск-зоны ИИ и NFT	обучение модели на контенте, генерация сходных фрагментов, минтинг NFT без прав	воспроизведение, переработка, доведение до всеобщего сведения; цепочка ответственности	запрет, удаление, раскрытие данных, компенсация

Источник: составлено автором.

Матрица показывает, что типология должна связывать не только нарушенное право, но и доказательственную модель. В платформенных спорах решающее значение имеют контроль и осведомленность субъекта. В спорах о DRM и RMI необходимо устанавливать сам факт вмешательства в технологическую меру или информацию об управлении правами. В спорах об ИИ на первый план выходит архитектура создания результата: происхождение обучающих данных, возможность восстановления охраняемого материала из модели или ее вывода, а также распределение функций между разработчиком, оператором и пользователем [6; 13; 14].

Обсуждение

Предложенная типология позволяет точнее соотнести российское регулирование с международным и сравнительно-правовым контекстом. Бернская конвенция сохраняет фундаментальные принципы охраны произведений и отсутствия формальностей. WCT развивает эти принципы применительно к цифровой среде, уточняя значение воспроизведения и communication to the public. Российское право в целом следует этой логике: авторские права возникают автоматически, гражданско-правовые способы защиты сочетаются со специальными интернет-механизмами ограничения доступа к контенту, распространяемому с нарушением авторских и смежных прав [7; 8; 9].

В сравнительном измерении особенно важна ответственность платформ. Европейская модель после DSM Directive усиливает их участие в предотвращении нарушений и лицензировании контента, тогда как англо-американские safe harbour regimes традиционно связывают освобождение от ответственности с реакцией на уведомление. Исследования показывают, что чрезмерно строгая ответственность стимулирует избыточное удаление правомерного контента, а слишком широкое освобождение переносит издержки на правообладателя. Поэтому регулирование должно учитывать контроль платформы, ее осведомленность, реакцию на уведомление и участие в монетизации [16; 17; 18].

ИИ и NFT подтверждают, что классические конструкции авторского права сохраняют значение, но требуют более точной операционализации. В спорах о генеративном ИИ ключевые вопросы смещаются к обучающим данным, меморизации, существенному сходству результата, границам допустимого использования и распределению ответственности внутри технологической цепочки. NFT-литература, в свою очередь, последовательно показывает, что токенизация цифрового объекта не должна автоматически приравниваться к распоряжению исключительным правом. Следовательно, юридически продуктивнее не со-

здавать искусственные «новые права для новых технологий», а точнее определять, в какой точке уже существующей системы правомочий возникает воспроизведение, переработка, доведение до всеобщего сведения или неправомерное удаление информации об управлении правами [19; 20; 21; 22; 23; 24].

Выводы

Цифровая среда не отменяет базовые конструкции авторского права, но делает нарушение более масштабируемым, многоактным и технологически опосредованным. Для единообразного правоприменения недостаточно установить только факт размещения произведения в сети. Необходимо определить, какое право нарушено, каким способом произведение использовано, какую роль играл конкретный субъект и через какой технологический механизм было реализовано нарушение. Предложенная типология обеспечивает такую классификацию и тем самым помогает точнее определить защищаемый интерес, надлежащего ответчика и применимый набор правовых средств [1; 5; 6].

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ. URL: https://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 22.07.2026).

[2] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. URL: https://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 22.07.2026).

[3] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях: Федеральный закон от 02.07.2013 № 187-ФЗ. URL: https://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 22.07.2026).

[4] О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ. URL: https://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 22.07.2026).

[5] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 22.07.2026).

[6] Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_477422/ (дата обращения: 22.07.2026).

[7] Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works (Paris Act, 1971, as amended in 1979). WIPO Lex. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/text/283698 (accessed: 22.07.2026).

[8] WIPO Copyright Treaty (WCT), 1996. WIPO Lex. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/text/295166 (accessed: 22.07.2026).

[9] WIPO Performances and Phonograms Treaty (WPPT), 1996. WIPO Lex. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/text/295578 (accessed: 22.07.2026).

[10] Хасимова Л. Н., Гайфутдинова Р. З., Ющенко Н. А. Правовое регулирование цифровых прав как объектов гражданского права по законодательству Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 1. С. 89–92. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-tsifrovyh-prav-kak-obektov-grazhdanskogo-prava-po-zakonodatelstvu-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 22.07.2026).

[11] Пушков А. М. Проблемы охраны авторских прав в цифровой среде // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2022. № 1. С. 38–41.

[12] Мельников О. В. Технические средства защиты авторских прав. 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnicheskie-sredstva-zaschity-avtorskih-prav-1 (дата обращения: 22.07.2026).

[13] Аронов А. К., Идрышева С. К. Информационные посредники в цифровой среде: проблемы авторского права и тенденции правового регулирования // Journal of Actual Problems of Jurisprudence. 2025. Vol. 113. No. 1. P. 106–114. DOI: 10.26577/JAPJ202511319.

[14] Чекалкин В. Д. Проблемы правового регулирования ответственности информационных посредников в контексте научной и образовательной деятельности // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7. № 1. С. 100–115. DOI: 10.19181/smtp.2025.7.1.7..

[15] Atanasova I. Copyright Infringement in Digital Environment // Economics & Law. 2019. Vol. 1. No. 1. P. 13–22. URL: ideas.repec.org/a/neo/ecolaw/v1y2019i1p13-22.html..

[16] Gabison G. A. Platform Liability in Copyright Enforcement // Science and Technology Law Review. 2020. DOI/URL: journals.library.columbia.edu/index.php/stlr/article/view/6834..

[17] Dergacheva D., Katzenbach C. “We Learn Through Mistakes”: Perspectives of Social Media Creators on Copyright Moderation in the European Union // Social Media + Society. 2023. DOI: 10.1177/20563051231220329..

[18] Świątkowski D. Mechanisms for Resolving

Online Copyright Disputes: A Comparative Analysis of EU and Common Law Systems in Search of an Optimal Model // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2026. DOI: 10.1093/jiplp/jpag017.

[19] Guadamuz A. The Treachery of Images: Non-Fungible Tokens and Copyright // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2021. Vol. 16. No. 12. P. 1367–1385. DOI: 10.1093/jiplp/jpab152.

[20] Lemley M. How Generative AI Turns Copyright Law Upside Down // Science and Technology Law Review. 2024. Vol. 25. No. 2. DOI: 10.52214/stlr.v25i2.12761..

[21] Cooper Z., Martens B., Peukert C., Stocker V. The Law and Economics of Generative AI and Copyright: A Primer to Core Challenges for Our Digital Future // Review of Network Economics. 2025. Vol. 24. No. 3. P. 161–176. DOI: 10.1515/rne-2025-0039.

[22] Cooper A. F., Grimmelmann J. The Files are in the Computer: On Copyright, Memorization, and Generative AI // Chicago-Kent Law Review. 2025. Vol. 100. P. 141–219. URL: scholarship.kentlaw.iit.edu/cklawreview/vol100/iss1/9..

[23] Fischman-Afori O. Generative AI Art and Copyright Governance: Rethinking the Adaptation Right and Its Limits // Humanities and Social Sciences Communications. 2026. DOI: 10.1057/s41599-026-07311-y..

[24] Thongmeensuk S. Rethinking Copyright Exceptions in the Era of Generative AI: Balancing Innovation and Intellectual Property Protection // The Journal of World Intellectual Property. 2024. Vol. 27. P. 278–295. DOI: 10.1111/jwip.12301.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation. Part Four: Federal Law No. 18.12.2006 of 230-FZ. URL: https://pravo.gov.ru/ (access date: 22.07.2026).

[2] On Information, Information Technology and Information Protection: Federal Law No. 27.07.2006 of 149-FZ. URL: https://pravo.gov.ru/ (access date: 22.07.2026).

[3] On amending certain legislative acts of the Russian Federation on the protection of intellectual rights in information and telecommunication networks: Federal Law of 02.07.2013 No. 187-FZ. URL: https://pravo.gov.ru/ (access date: 22.07.2026).

[4] On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law of 18.03.2019 No. 34-FZ. URL: https://pravo.gov.ru/ (access date: 22.07.2026).

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 No. 10 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (access date: 22.07.2026).

[6] Review of judicial practice in civil cases related to violation of copyright and related rights in the information and telecommunication network "Internet" (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 29.05.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_477422/ (access date: 22.07.2026).

[7] Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works (Paris Act, 1971, as amended in 1979). WIPO Lex. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/text/283698 (accessed: 22.07.2026).

[8] WIPO Copyright Treaty (WCT), 1996. WIPO Lex. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/text/295166 (accessed: 22.07.2026).

[9] WIPO Performances and Phonograms Treaty (WPPT), 1996. WIPO Lex. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/text/295578 (accessed: 22.07.2026).

[10] Khasimova L.N., Gayfutdinova R.Z., Yushchenko N.A. Legal regulation of digital rights as objects of civil law under the legislation of the Russian Federation // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2020. № 1. S. 89-92. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-tsifrovyh-prav-kak-obektov-grazhdanskogo-prava-po-zakonodatelstvu-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 22.07.2026).

[11] Pushkov A.M. Problems of copyright protection in the digital environment // Intellectual property. Copyright and related rights. 2022. № 1. S. 38-41.

[12] O.V. Melnikov. Technical means of copyright protection. 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnicheskie-sredstva-zaschity-avtorskih-prav-1 (дата обращения: 22.07.2026).

[13] Aronov A.K., Idrysheva S.K. Information intermediaries in the digital environment: copyright problems and legal regulation trends // Journal of Actual Problems of Jurisprudence. 2025. Vol. 113. No. 1. P. 106–114. DOI: 10.26577/JAPJ202511319.

[14] Chekalkin V. D. Problems of legal regulation of the responsibility of information intermediaries in the context of scientific and educational activities // Science management: theory and practice. 2025. VOL. 7. № 1. S. 100-115. DOI: 10.19181/smtp.2025.7.1.7..

[15] Atanasova I. Copyright Infringement in Digital Environment // Economics & Law. 2019. Vol. 1. No. 1. P. 13–22. URL: ideas.repec.org/a/neo/ecolaw/v1y2019i1p13-22.html..

[16] Gabison G. A. Platform Liability in Copyright Enforcement // Science and Technology Law Review. 2020. DOI/URL: journals.library.columbia.edu/index.php/stlr/article/view/6834..

[17] Dergacheva D., Katzenbach C. “We Learn

Through Mistakes": Perspectives of Social Media Creators on Copyright Moderation in the European Union // Social Media + Society. 2023. DOI: 10.1177/20563051231220329..

[18] Światkowski D. Mechanisms for Resolving Online Copyright Disputes: A Comparative Analysis of EU and Common Law Systems in Search of an Optimal Model // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2026. DOI: 10.1093/jiplp/jpag017.

[19] Guadamuz A. The Treachery of Images: Non-Fungible Tokens and Copyright // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2021. Vol. 16. No. 12. P. 1367–1385. DOI: 10.1093/jiplp/jpab152.

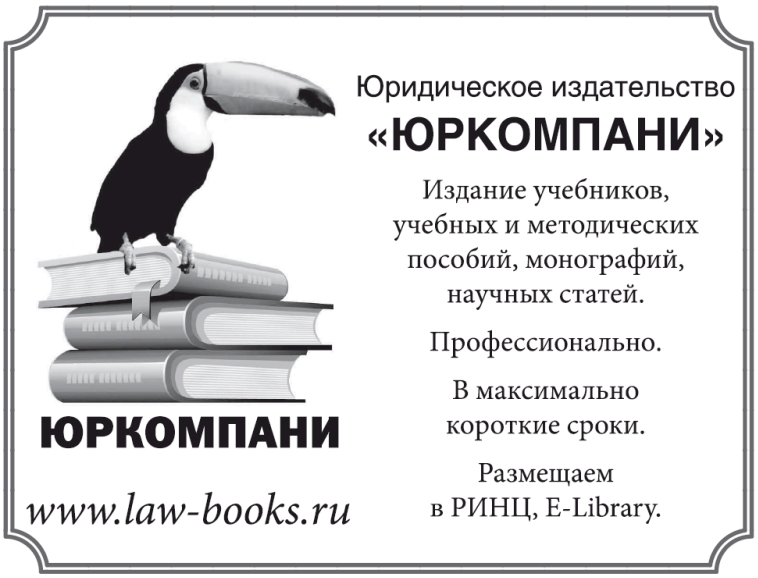
[20] Lemley M. How Generative AI Turns Copyright Law Upside Down // Science and Technology Law Review. 2024. Vol. 25. No. 2. DOI: 10.52214/stlr.v25i2.12761..

[21] Cooper Z., Martens B., Peukert C., Stocker V. The Law and Economics of Generative AI and Copyright: A Primer to Core Challenges for Our Digital Future // Review of Network Economics. 2025. Vol. 24. No. 3. P. 161–176. DOI: 10.1515/rne-2025-0039.

[22] Cooper A. F., Grimmelmann J. The Files are in the Computer: On Copyright, Memorization, and Generative AI // Chicago-Kent Law Review. 2025. Vol. 100. P. 141–219. URL: scholarship.kentlaw.iit.edu/cklawreview/vol100/iss1/9..

[23] Fischman-Afori O. Generative AI Art and Copyright Governance: Rethinking the Adaptation Right and Its Limits // Humanities and Social Sciences Communications. 2026. DOI: 10.1057/s41599-026-07311-y..

[24] Thongmeensuk S. Rethinking Copyright Exceptions in the Era of Generative AI: Balancing Innovation and Intellectual Property Protection // The Journal of World Intellectual Property. 2024. Том 27. С. 278-295. DOI: 10.1111/jwip.12301.



Дата поступления рукописи в редакцию: 13.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-145-149

ШАКЛЕИН Вячеслав Владимирович,
Старший преподаватель кафедры ИГПиПОИД Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники,
e-mail: ppkuitsuSV@mail.ru

ЛУЦУК Дарья Валерьевна,
Студент юридического факультета Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ИНТЕРНЕТ-АККАУНТ И ЕГО РАЗДЕЛЕ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос о правовой природе аккаунтов. В литературе насчитывается несколько точек зрения о правовой природе аккаунта, однако применимо к рассматриваемому вопросу более правильной представляется точка зрения, в соответствии с которой аккаунт рассматривается как иное имущество. Рассматривается вопрос о возможности раздела аккаунтов. Делается вывод, что аккаунт сам по себе неделим и не любой может быть отнесён к общей совместной собственности. Однако те, которые могут быть отнесены к общей совместной собственности могут быть разделены по принципу «один пользуется, другому – компенсация».*

Ключевые слова: *объекты гражданских прав, аккаунт, имущество, общая собственность супругов, раздел общей собственности супругов.*

SHAKLEIN Vyacheslav Vladimirovich,
Senior Lecturer, Department of IGPiPOID Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics

LUTSUK Daria Valerievna,
Law student Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics

TO THE QUESTION OF GENERAL OWNERSHIP OF AN INTERNET ACCOUNT AND ITS SECTION

Annotation. *The article examines the legal nature of accounts. While various viewpoints exist in legal literature regarding the legal nature of an account, the most appropriate approach in the context of the issue at hand is to classify an account as «other property». The article also addresses the question of whether accounts can be divided. It concludes that an account is inherently indivisible and cannot always be classified as joint marital property; however, those accounts that do qualify as joint property may be divided based on the principle of «use by one, compensation to the other».*

Key words: *objects of civil rights, account, property, joint property of spouses, division of joint property of spouses.*

Рассматривая вопрос о возможном разделе аккаунтов как совместной собственности, нельзя не столкнуться с вопросом о правовой природе данного явления. В связи с тем, что закон не содержит ни определения понятию «аккаунт», ни относит его ни к одной из групп объектов гражданских прав, необходимо сначала определиться с тем, является ли аккаунт объектом гражданских прав. Отрицательный ответ на этот вопрос сразу же даст отрицательный ответ вопрос о потенциальной возможности его раздела.

Сразу же необходимо оговориться, что такое явление, как аккаунт, является оборотоспособным, поскольку существуют целые рынки по

их продаже, например продажа аккаунтов на Uber, Netflix и другие [13].

Обращаясь к зарубежной практике, можно выделить дело № 14-33564 суда США по делам о банкротстве, Южная Дакота, Техас, отделение Хьюстона. В данном решении указано, что необходимо разделять аккаунты на личные и созданные с целью извлечения прибыли (коммерческие). Личные аккаунты разделить невозможно, а коммерческие можно включать в конкурсную массу. В США довольно-таки частой является практика заключения мировых соглашений в отношении раздела совместных аккаунтов супругов [11].

Также следует отметить, что Верховный суд считает, что права на аккаунт подлежат защите, исходя из разъяснений, данных в п. 18 Обзора судебной практики № 1 за 2021 г [6]. Кроме того судебная практика уже достаточно давно может признавать аккаунты как составные части бизнеса [5].

Обращаться к данному вопросу необходимо, поскольку он порождается и судебной практикой. Так, в 2021 г. в Российской Федерации был подан первый иск о разделе Instagram-аккаунта (сеть запрещена в России), который супруги вели совместно [14].

Тем не менее, вопрос о том, что такое аккаунт является дискуссионным. Так, с технической точки зрения под аккаунтом принято понимать область системы, содержащую персональные данные пользователя, защищенную логином и паролем. Аккаунт также именуют учетной записью, имя учетной записи назначается администратором информационной системы [16]. Однако данное определение раскрывает исключительно техническую сторону, совершенно не затрагивая правовую.

В целом можно выделить несколько точек зрения на правовую природу аккаунтов.

Хотя и встречается точка зрения о том, что аккаунт следует отнести к цифровым правам [8], она, с точки зрения действующего гражданского законодательства представляется в неверной, поскольку противоречит ст. 141.1 ГК РФ [1], ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] и ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4]. Поскольку цифровые права (любого характера) так или иначе связаны с выполнением обязательств вне цифровой среды, осуществлением или передачей прав, а аккаунт может существовать только внутри цифровой среды и не подпадает под предмет регулирования вышеуказанных законов, то и относить его к цифровым права в таком контексте на настоящий момент не представляется возможным.

Существует и точка зрения о том, что аккаунт является правами и обязанностями с владельцем сетевого ресурса [9]. Однако, сводить аккаунт исключительно к пользовательскому соглашению также нельзя, поскольку это показывает лишь взаимоотношения владельца аккаунта с лицом. Это обозначает лишь часть потенциальных отношений, связанных с аккаунтами.

Говорить о том, что аккаунт – это произведение науки, литературы или искусства [10] или сложное составное произведение [15] также нельзя, поскольку далеко не все аккаунты имеют достаточную творческую природу. Кроме того, не всегда элементы, входящие в его состав, достаточно связаны между собой, что составлять что-то общее, помимо, собственно говоря, аккаунта.

Также есть мнение, что аккаунт нужно рассматривать как «иное имущество» [12]. Данный подход в современном состоянии законодательства представляется более правильным с точки зрения правоприменения, поскольку лучшая альтернатива на настоящий момент отсутствует. Однако и у этого подхода есть свой недостаток. Поскольку такая категория как «иное имущество», при таком подходе, по сути, будет представлять из себя безразмерную «корзину», куда будет попадать всё, что не получается вместить в другие категории. Это хорошо работает в краткосрочной перспективе, пока идут теоретические диспуты и законодатель не определился с регулированием того или иного явления. Но в долгосрочной перспективе элементы, попавшие в эту «корзину», необходимо оттуда извлекать и вкладывать в соответствующую категорию.

Поскольку в рамках данного исследования рассматривается вопрос о разделе аккаунтов, который неизбежно касается правоприменения, следует избрать именно подход к аккаунту именно как к «иному имуществу» (то есть оборотоспособный объект, не входящий в другие категории).

Относительно раздела необходимо сделать вывод, что положения ГК РФ и СК РФ [2] позволяют делить имущество супругов. Как было продемонстрировано ранее, аккаунт вполне может являться имуществом и, соответственно, может считаться совместно нажитым. Однако сразу следует говориться, что не любые аккаунты подлежат разделу.

Очевидно, что аккаунты, используемые исключительно для личных целей, не могут быть разделены, поскольку они вообще не могут считаться общим имуществом аналогично вещам индивидуального пользования. Подобно тому, как муж не может претендовать на косметику жены,

так и жена не может претендовать на личный аккаунт мужа, например, в сети спортзалов.

В силу того, что физически аккаунт разделить невозможно, имеет смысл говорить или о совместном доступе, или о той или иной форме раздела производных от аккаунтов.

Интереснее дела обстоят с аккаунтами, которые представляют из себя своеобразный ключ для доступа к отдельным приобретаемым объектам. Типичным примером тут может являться аккаунт в Steam. По сути, стоимость такого аккаунта можно приравнять (с оговорками) к стоимости товаров, к которым он даёт доступ. Рассматривая данный пример, нужно сказать, что, здесь, по сути, есть три пути. Первый – определить порядок пользования таким образом, чтобы оба супруга могли им пользоваться. Данный путь представляется не слишком удачным, поскольку могут возникнуть проблемы с пользовательским соглашением и с одновременным пользованием. Второй – раздел товаров, к которым даётся доступ. Данный путь кажется более правильным, однако и тут могут возникнуть сложности в исполнении судебного постановления из-за всё того же пользовательского соглашения или технических сложностей (например, система может вообще не предполагать таких переносов). И третий – выплата компенсации. Данный путь оптимален для судебного постановления, поскольку не возникает непреодолимых сложностей с исполнением. Однако он не всегда оптимален для сторон, поскольку к доступу к каким-то товарам может быть заинтересован один супруг, а к другим – другой.

Следующим типом будет являться аккаунт, производящий доходы. Самый простой тому пример – аккаунты в сетях типа Instagram (сеть запрещена в России), YouTube, TikTok и т. д. В данном случае ценность будет представлять, скорее, не сам аккаунт, а доходы (от рекламы, донатов и т. д.), которые он производит. При этом нужно иметь в виду, что и аккаунт может представлять ценность и сам по себе. Однако, из-за очень тесной связи контента с контент мейкером (что очевидно), его передача другому лицу может повлечь резкую потерю в подписчиках и, соответственно стоимости. Даже один этот фактор означает, что оценить собственную стоимость аккаунта может быть очень затруднительно. Поэтому в данном случае предпочтительнее в целях раздела рассматривать именно доходы.

Далее встаёт вопрос о том, с какого периода и до какого момент эти доходы считать, а также о распределении долей. Рассмотрим гипотетическую ситуацию. У супруга до брака имелся аккаунт с некоторым количеством подписчиков, имелись небольшие доходы от рекламы. После заключения брака супруги стали делать контент совместно, число подписчиков возросло, доходы выросли.

Логично, что если доходы должны были быть получены по основаниям, возникшим в браке, но были получены после его расторжения, то можно претендовать на их раздел, о чём говорит и судебная практика, в частности Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 октября 2021 г. N 5-КГ21-101-К2 [7]. Однако если рассматривать вопрос, можно ли признать общими доходы, полученные уже после развода, то ответить на него следует отрицательно. Хотя и кажется справедливым, что благодаря присоединившемуся супругу доход так сильно вырос, тем не менее, попытка распространить раздел доходов на время уже после расторжения брака натыкается на практически неразрешимый вопрос о временной границе. Действительно, на практике едва ли возможно определить, до какого именно момент будет справедливо делить будущие доходы. К тому же тогда аналогичный подход нужно будет распространять и на другие доходы (вроде предпринимательской деятельности), а процесс будет сводиться к попыткам доказать крайне сложно доказуемые оценочные понятия.

Таким образом, наиболее логичным и согласующимся с другими видами общих доходов следует признать временные рамки с момента заключения брака по его расторжение.

Также стоит рассмотреть ещё один тип аккаунтов. Существуют аккаунты в соревновательных компьютерных играх, где чем выше игрок забрался по рейтингу, тем больше может такой аккаунт стоить. Существуют целые рынки по продаже таких аккаунтов. Однако большинство из них являются чёрными, поскольку пользовательские соглашения обычно запрещают передавать доступ третьим лицам, по сути запрещая переход прав по ним. Соответственно, если пользовательское соглашение запрещает переход, то такой аккаунт разделу не подлежит. А если разрешает – то имеет смысл его делить по принципу на чьё имя зарегистрирован – тот и пользуется, а другому необходимо выплачивать компенсацию.

Подытоживая вышесказанное нужно сказать, что как минимум некоторые аккаунты представляют из себя имущественную ценность и могут учитываться при разделе имущества супругами. Однако аккаунты являются в общем случае неделимыми и делятся по принципу «один пользуется, другому – компенсация».

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301 с изм. и доп. в ред. от 01.06.2026 г.

[2] Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16 с изм. и доп. в ред. от 23.03.2026 г.

[3] Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 31. – Ст. 4418 с изм. и доп. в ред. от 08.08.2024 г.

[4] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (часть 1). – Ст. 5018 с изм. и доп. в ред. от 15.12.2025 г.

[5] Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 января 2018 г. № 13АП-30540/17 по делу № А21–6695/2017 [Электронный ресурс] // Sudact.ru. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/TQg46BKPtiLT/ (дата обращения: 21.12.2025).

[6] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 7.04.2021).

[7] Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 октября 2021 г. N 5-КГ21-101-К2 // Гарант.ру URL: https://base.garant.ru/403035948/ (дата обращения: 12.02.2026).

[8] Босык, О.И. Страница в социальной сети как объект гражданских прав / О.И. Босык // Наука и инновации XXI века: Сборник статей по материалам VI Всероссийской конференции молодых ученых, Сургут. – 2019. – Т. 27. – С. 90-94.

[9] Гринь, Е.С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт / Е.С. Гринь // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – №. 2 (135). – С. 128-134.

[10] Дубынина Е.И. Раздел виртуального имущества между супругами // Молодой ученый. 2023. № 50. С. 186–187.

[11] Игбаева, Г. Р. Право собственности супругов на аккаунты в социальных сетях / Г. Р. Игбаева, С. А. Якушева // Правда и Закон. – 2023. – № 2(24). – С. 34-40.

[12] Корчагин М.А. «Иное имущество» как объект гражданских прав // Вопросы российской юстиции. 2020. № 6. С. 141–150.

[13] Мельник Ю. "Цифровая личность" за копейки // Comnews URL: https://www.comnews.ru/content/115730/2018-11-12/cifrovaya-lichnost-za-kopeyki (дата обращения: 10.10.2025).

[14] Раздел имущества: бывшие супруги делят Instagram*-аккаунт // Арбитражная практика для юристов. 2021. № 1. URL: https://e.arbitr-praktika.ru/862687?ysclid=likazs2bpk945279439 (дата обращения: 08.09.2025).

[15] Федоров А.М. Понятие и правовая природа аккаунта в социальной сети // Юридическая наука. 2023. № 8. С. 151–155.

[16] Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: около 1 500 слов. М.: Астрель: АСТ, 2011. С. 24–25.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. - Art. 3301 rev. and add. ed. 01.06.2026.

[2] Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 1. - Art. 16 rev. and add. as amended on 23.03.2026.

[3] Federal Law of August 2, 2019 No. 259-FZ "On Attracting Investments Using Investment Platforms and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation "// Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2019. – № 31. - Art. 4418 rev. and add. as amended on 08.08.2024.

[4] Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation "// Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. - No. 31 (Part 1). - Art. 5018 rev. and add. as amended on 15.12.2025.

[5] Decision of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated January 17, 2018 No. 13AP-30540/17 in case No. A21-6695/2017 [Electronic Resource] // Sudact.ru. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/TQg46BKPtiLT/ (access date: 21.12.2025).

[6] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2021) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 7.04.2021).

[7] Determination of the Investigative Committee for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of October 26, 2021 No. 5-KG21-101-K2 // Гарант.ру URL: https://base.garant.ru/403035948/ (date of appeal: 12.02.2026).

[8] Bosyk, O.I. Page on the social network as an object of civil rights/O.I. Bosyk // Science and innovation of the XXI century: Collection of articles based on the materials of the VI All-Russian Conference of Young Scientists, Surgut. – 2019. - VOL. 27. - S. 90-94.

[9] Grin, E.S. Inheritance of accounts in social networks: Russian and foreign experience/E.S. Grin // Actual problems of Russian law. – 2022. - VOL. 17. – №. 2 (135). - S. 128-134.

[10] Dubynina E.I. Division of virtual property between spouses // Young scientist. 2023. № 50.

S. 186-187.

[11] Igbaeva, G. R. Ownership of spouses on social media accounts/G. R. Igbaeva, S. A. Yakushev // Truth and Law. – 2023. – № 2(24). - S. 34-40.

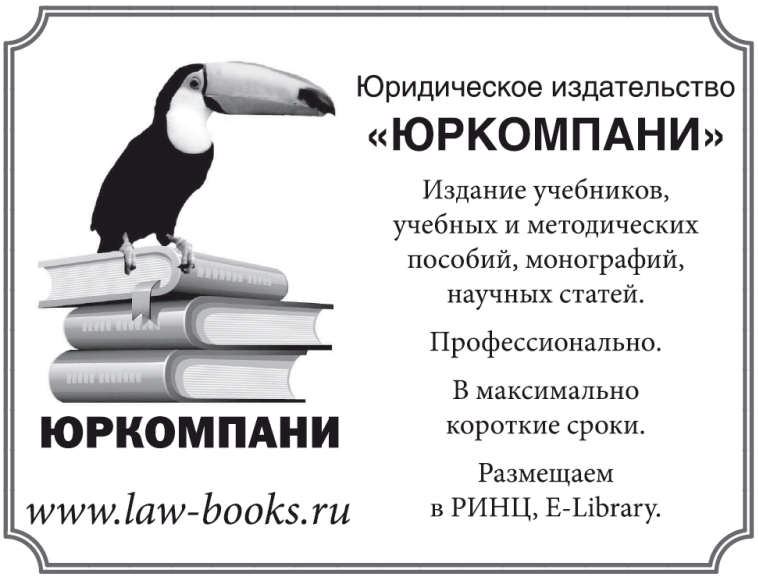
[12] Korchagin M.A. "Other property" as an object of civil rights // Issues of Russian justice. 2020. № 6. S. 141-150.

[13] Melnik Yu. "Digital personality" for a penny // Comnews URL: https://www.comnews.ru/content/115730/2018-11-12/cifrovaya-lichnost-za-kopeyki (date of reference: 10.10.2025).

[14] Division of property: former spouses share Instagram * -account // Arbitration practice for lawyers. 2021. № 1. URL: https ://e.arbitr-praktika.ru/862687? ysclid = likazs2bpk945279439 (accessed: 08.09.2025).

[15] Fedorov A.M. The concept and legal nature of an account on a social network // Legal science. 2023. № 8. S. 151-155.

[16] Shagalova E.N. The newest explanatory dictionary of the Russian language of the XXI century: about 1,500 words. M.: Astrel: AST, 2011. S. 24-25.



Дата поступления рукописи в редакцию: 15.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-150-153

ЧУБ Анна Олеговна,
Студент Юго-Западного государственного университета,
e-mail: annachub2004@icloud.com

ПЕТРОВ Николай Вячеславович,
кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права Юго-Западного государственного университета; старший преподаватель кафедры конституционного и гражданского права Курской академии государственной и муниципальной службы,
e-mail: petrovkolya97@mail.ru

ВИД РАЗРЕШЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАВООБЛАДАТЕЛЕЙ

Аннотация. *В статье рассматривается содержание категории «вид разрешенного использования земельного участка». Авторы предпринимают попытку охарактеризовать правовую природу данного элемента правового режима земельного участка в Российской Федерации, а также приходят к выводу, что именно он имеет наибольшее значение для правообладателей, так как конкретно дифференцирует возможные и допустимые действия на земельном участке, несоблюдение которых влечет за собой привлечение к юридической ответственности.*

Ключевые слова: *земельный участок, вид разрешенного использования, правообладатель, собственность, классификатор, правомочия.*

CHUB Anna Olegovna,
student at Southwestern State University

PETROV Nikolay Vyacheslavovich,
PhD in History, Senior Lecturer at the Department of Civil Law of Southwestern State University; Senior Lecturer at the Department of Constitutional and Civil Law of the Kursk Academy of State and Municipal Service

THE TYPE OF PERMITTED USE AS AN ELEMENT OF THE LEGAL REGIME OF A LAND PLOT AND ITS SIGNIFICANCE FOR COPYRIGHT HOLDERS

Annotation. *The article discusses the content of the category «type of permitted use of land». The authors attempt to characterize the legal nature of this element of the legal regime of a land plot in the Russian Federation, and also come to the conclusion that it is of the greatest importance to right holders, as it specifically differentiates possible and permissible actions on a land plot, non-compliance with which entails bringing to legal responsibility.*

Key words: *land plot, type of permitted use, copyright holder, ownership, classifier, powers.*

Введение

Развитие гражданского оборота во все времена невозможно без использования земельных участков, выступающих ценнейшим ресурсом. Земельные отношения в России всегда были «болевой точкой» правового регулирования, предмет оживлённых дискуссий и инструментом политического давления и продвижения. Говоря о современном этапе развития правовой системы Российской Федерации и земельных правоотно-

шений в них, следует указать, что опыт тридцати пяти лет постсоветского формирования и развития земельного фонда дал большие возможности землепользователям, но в то же время до конца не отказался от связи с советским прошлым.

К сожалению, само правовое регулирование земельных отношений носит сложный, порой слишком запутанный характер, а уровень правосознания граждан не позволяет в полной мере понимать правильный механизм выполнения требований, предъявляемых к землепользователям. Это влечет за собой многочисленные нарушения, до сих пор далеко не все субъекты гражданского оборота оформили свои земельные участки надлежащим образом. Это несет риски и для них как правообладателей и для системы органов публичной власти, которые не могут в полной мере осуществлять охранные, контрольные и мониторинговые мероприятия в отношении таких земельных участков.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что для всех земельных участков с помощью земельного законодательства должен быть определен простой, понятный, но в то же время эффективный и позволяющий соблюдать принципы земельного законодательства правовой режим земельного участка.

Научная дискуссия и о правовой природе и элементах правового режима земельного участка на протяжении многих лет является достаточно оживленной. Авторы постоянно устанавливают тенденции регулирования режима земельных участков на современном этапе [1]; имеют место исследования монографического характера по данной проблематике [2]; отдельные исследования посвящены комплексному анализу правоприменительной практики по вопросам соблюдения видов разрешённого использования земельных участков [3]. Несмотря на все многообразие исследовательских подходов относительно уяснения сущности правового режима земельных участков, место и роль в нем вида разрешенного использования в нем не всегда находится в фокусе правоведов, которые сосредотачиваются на другом не менее важном компоненте – категория земельного участка.

В связи с этим, цель данной статьи представлена как формирование целостного представления о виде разрешенного использования земельного участка как элемента его правового режима, а также оценки его значения для правообладателей.

Основной задачей является анализ категории «вид разрешенного использования земельного участка» в научной литературе, в нормативно-правовых актах и его отражение в правоприменительной практике.

Результаты

Как отмечается в научной литературе, вид разрешенного использования представляет собой «одно из наиболее существенных понятий, регулируемых правилами землепользования и градостроительства» [4, с. 19].

Вид разрешенного использования не регулируется напрямую Земельным кодексом Российской Федерации, здесь большую роль играет Градостроительный кодекс, а также регулирование на уровне подзаконных актов и актов местного уровня. Определяющим для землепользователя конкретным земельным участком является применение градостроительных правил земельных участков, а также правила землепользования и застройки.

В пункте 1 статьи 14.4. Земельного кодекса Российской Федерации вид разрешенного использования определяется через возможно осуществляемый вид деятельности на земельном участке (на и под его поверхностью). И здесь законодатель хоть и предоставляет определенную свободу, но все же устанавливает ряд императивных требований:

вид разрешенного использования устанавливается в отношении земельных участков любой категории, обязательно должен быть основной и могут быть дополнительные;

основной вид разрешенного использования вносится в ЕГРН, сведения о дополнительных видах там не требуются, их перечень находится в классификаторе (писали о нем выше), который разрабатывается Росреестром.

При установлении значения вида разрешенного использования земельного участка необходимо обратить внимание на то, что в сравнении с категорией земельного участка этот элемент более «подвижный» в отношении изменений, но в то же время именно он позволяет установить объем правомочий правообладателей земельного участка.

Виды разрешенного использования выступают инструментом обеспечения баланса интересов публичного и частного характера, поскольку при определении ряда действий, которые возможно производить с земельным участком, отражается приоритет развития той или иной территории. Причем публичный интерес может быть вызван как первоочередным стремлением сохранить свойства земельного участка как природного ресурса, так и экономической выгодой.

Эта характеристика земельного участка позволяет также органам системы единой публичной власти соотносить, используется ли участок собственником или иным управомоченным лицом в соответствии с представленным объемом правомочий.

М.Е. Щебленков считает недостатком правового регулирования режима земельного участка достаточно общее и широкое определение вида разрешенного использования, поскольку имеет место правовая неопределенность [5, с. 96]. Д.Р. Соловьев придерживается сходной позиции и определяет, что определение вида разрешенного использования включает в себя:

правовую основу и рамочные градостроительные регламенты, и документы по территориальному зонировании;

указание на субъектов, которые могут быть правообладателями земельных участков с тем или иным видом разрешенного использования;

особенности самого земельного участка, предназначенного для определенного вида разрешенного использования;

цель, которая должна быть реализована в рамках определенного вида разрешенного использования земельного участка [6, с. 658].

Итак, вид разрешенного использования, в отличие от категории земельного участка, является более динамичным его элементом по ряду причин.

Здесь следует указать и на подзаконный характер регулирования перечня видов разрешенного использования в классификаторе, также необходимо обратить внимание и на то, что правила землепользования и застройки определяются на муниципальном уровне правового регулирования.

Думается, можно выделить следующие аспекты, связанные с видом разрешенного использования как элементом правового режима земельного участка. Так, для землепользователя важно соблюдать тот вид разрешенного использования, который закреплен за земельным участком, а также возможность изменения или дополнения вида разрешенного использования.

В Обзоре практики рассмотрения судами дел, связанных с изменением вида разрешенного использования земельного участка, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2018 г. обращается внимание на соотношение прав арендатора с возможность изменения вида разрешенного использования земельного участка [7].

Так, установлено, что арендатор не может менять вид разрешенного использования в отношении земельного участка, находящегося в государственной и муниципальной собственности. В качестве примера Верховный Суд Российской Федерации приводит дело, в котором общество с ограниченной ответственностью получило (ООО 2) в собственность от другого общества с ограниченной ответственностью (ООО 1) объект незавершённого строительства, был заключен договор с местной администрацией на тех же условиях, на которых проходили первоначальные торги с ООО 1, т.е. на строительство многоквартирного дома 4-5 этажности. При оспаривании отказа на изменение вида разрешённого использования на строительство дома 5-9 этажности, суды отказали ООО 2, а Верховный Суд Российской Федерации подтвердил правильность этих выводов, потому что обратная ситуация с изменением стала бы, по сути, подменой процедуры первоначальных торгов с ООО 1 [7].

В другой ситуации, приводимой Верховным Судом Российской Федерации, гражданин пытался подменить дополнительным видом разрешенного использования земельного участка (под открытую гостевую стоянку) основной вид - индивидуальные жилые дома, садоводство, огородничество, дачное строительство. В нарушение требований пункта 3 части 1 статьи 37 Градостроительного кодекса Российской Федерации о запрете изменения основного вида разрешенного использования вспомогательным, суды первой и апелляционной инстанции допустили подобное изменение, признав незаконными действия органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, тогда как кассационный суд обратил внимание на требования градостроительного законодательства и отсутствие доказательств по использованию земельного участка по основному виду разрешенного использования [7].

В целом, процедура установления вида разрешенного использования на сегодняшний день не имеет четкой правовой регламентации, не предусмотрена обязанность по его выбору. На это обращает внимание профессор Г.И. Землякова и подчеркивает, что в таком случае незаконно и необоснованно предъявлять требование по кадастровому учету в связи с выбором или изменением вида разрешенного использования, а тем более осуществлять привлечение к ответственности [8, с. 252].

Двойственность правовой природы рассматриваемого элемента земельного участка, по мнению С.С. Сергеева, заключается в том, что вид разрешенного использования – элемент градостроительного регулирования, позволяющий прогнозировать развитие муниципальных образований, а также его можно расценивать как условие, определяющее определенный объем прав землепользователей [4, с. 18]. В этом, считаем, и заключено значение этого элемента в правовом режиме земельного участка.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, отметим, что вид разрешенного использования земельного участка выполняя, пожалуй, самую значимую роль в правовом режиме для правообладателей,

так как конкретно дифференцирует, что можно и что запрещено осуществлять на земельном участке. Вместе с тем, мы приходим к выводу, что виды разрешенного использования работают в связке с категорией земельного участка, которую на данный момент нельзя исключать. Виды разрешенного использования на территории такого масштабного по территории государства в зависимости от регионов и даже муниципалитетов слишком разрознены, регламентация процедур установления и изменения еще не до конца унифицирована. Именно через выбор видов разрешенного использования публичные субъекты могут прогнозировать развитие территорий.

Список литературы:

[1] Гречко В. В. Регулирование правового режима земельного участка на современном этапе развития российского законодательства // Аграрное и земельное право. – 2012. – № 8(92). – С. 107-114.

[2] Зырянов А.И. Правовой режим земельного участка граждан: монография. – Рязань: Издательство «Концепция», 2016. – 72 с.

[3] Михольская В. В., Петропавловская, Ю.С. Правоприменительная практика по изменению или установлению вида разрешенного использования земельного участка // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2025. – № 6(285). – С. 61-66.

[4] Сергеев С. С. Вид разрешенного использования земельного участка как инструмент регулирования градостроительной политики в отношении апартаментов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2025. – № 9(288). – С. 17-22.

[5] Щебленков М. Е. К вопросу об определении понятия «виды разрешенного использования земельных участков» // Евразийская адвокатура. – 2024. – № 4(69). – С. 95-98.

[6] Соловьев Д. Р. Понятие вида разрешенного использования земельного участка: правовая природа, практическое значение и судебная интерпретация // Вестник науки. – 2025. – Т. 3, № 5(86). – С. 652-659.

[7] Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с изменением вида разрешенного использования земельного участка (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14 ноября 2018 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, май 2019 г., № 5.

[8] Землякова Г. Л. Выбор вида разрешенного использования земельного участка его правообладателем: проблемы правового регулирования // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2021. – Т. 31, № 2. – С. 251-256.

References:

[1] Grechko V. V. Regulation of the Legal Regime of a Land Plot at the Present Stage of Development of Russian Legislation // Agrarian and Land Law. – 2012. – No. 8(92). – Pp. 107-114.

[2] Zyryanov A.I. Legal Regime of a Land Plot of Citizens: Monograph. – Ryazan: Publishing House "Kontseptsiya", 2016. – 72 p.

[3] Mikholskaya V. V., Petropavlovskaya, Yu.S. Law enforcement practice on changing or establishing the type of permitted use of a land plot // Property relations in the Russian Federation. – 2025. – No. 6(285). – Pp. 61-66.

[4] Sergeev S. S. The type of permitted use of a land plot as a tool for regulating urban planning policy in relation to apartments // Property relations in the Russian Federation. – 2025. – No. 9(288). – Pp. 17-22.

[5] Shcheblenkov M. E. On the Definition of the Concept of “Types of Permitted Use of Land Plots” // Eurasian Advocacy. – 2024. – No. 4(69). – Pp. 95-98.

[6] Solovyov D. R. The Concept of Land Use Permitted Use: Legal Nature, Practical Significance, and Judicial Interpretation // Bulletin of Science. – 2025. – Vol. 3, No. 5(86). – Pp. 652-659.

[7] Review of the practice of courts in cases related to changing the type of permitted use of a land plot (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 14, 2018) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, May 2019, No. 5.

[8] Zemlyakova G. L. The choice of the type of permitted use of a land plot by its owner: problems of legal regulation // Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law. – 2021. – Vol. 31, No. 2. – Pp. 251-256.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-154-161
Дата принятия рукописи в печать: 31.08.2026 г.

ЯКОВЛЕВ Александр Романович,
Аспирант ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,
e-mail: Sanchopancho45@mail.ru

КОМПЕНСАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ И СТРАХОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ РИСКОВ КАК ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВЕСТОРОВ

Аннотация. *Объект исследования — гражданско-правовые отношения между инвестором, профессиональным участником финансового рынка (брокером, доверительным управляющим, страховщиком, оператором инвестиционной платформы) и компенсационными либо страховыми организациями по поводу восстановления имущественных потерь инвестора. Такие потери возникают вследствие ненадлежащего исполнения инвестиционных обязательств или наступления страхового случая.*

В работе рассматривается правовая природа Федерального общественно-государственного фонда по защите прав вкладчиков и акционеров (далее - федеральный компенсационный фонд), действующего на основании Федерального закона от 05.03.1999 № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг». Отдельно исследуется новый механизм гарантирования средств на индивидуальных инвестиционных счетах и роль Банка России как мегарегулятора в защите имущественных интересов инвесторов. Анализируется договорная конструкция инвестиционного и накопительного страхования жизни, а также доктринальные подходы к квалификации страхования инвестиций как отдельного вида имущественного страхования. Основное внимание уделено недостаточности компенсационных механизмов для неквалифицированных инвесторов, участников инвестиционных платформ (Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ название дописать) и лиц, совершающих дистанционные цифровые инвестиционные операции с использованием криптовалютных активов.

Методология работы включает формально-юридический метод — при анализе норм Гражданского кодекса РФ, Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации», федеральных законов № 46-ФЗ, № 259-ФЗ, названия законов дописать № 251-ФЗ и № 331-ФЗ; метод системного анализа — при изучении практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов по спорам о возврате страховой премии по договорам инвестиционного страхования жизни и по спорам, связанным с оборотом криптовалюты; сравнительно-правовой метод — при сопоставлении российской модели защиты инвесторов с зарубежным опытом, прежде всего с деятельностью Корпорации защиты инвесторов в ценные бумаги наверно надо в скобках указать название корпорации (Securities Investor Protection Corporation (SIPC).

Научная новизна состоит в выявлении и систематизации четырёх недостатков частноправовой модели защиты имущественных интересов инвестора.

Во-первых, компенсационное покрытие избирательно: институты, созданные на основании федеральных законов № 46-ФЗ и № 331-ФЗ, охватывают лишь отдельные категории инвесторов и не распространяются на всё многообразие инвестиционных отношений.

Во-вторых, страховое законодательство не выделяет страхование инвестиций в самостоятельный вид имущественного страхования. Из-за этого в доктрине сохраняется терминологическая неопределённость, а в правоприменении и страховой практике отсутствуют единые подходы.

В-третьих, неквалифицированный инвестор структурно уязвим: вынужденно обращаясь к брокеру-посреднику, он принимает на себя риски его недобросовестных действий или утраты платёжеспособности.

В-четвёртых, для дистанционных цифровых инвестиционных операций почти отсутствуют частноправовые компенсационные и превентивные механизмы, что подтверждается судебной практикой, которая нередко отказывает таким инвесторам в защите.

На основе сделанных выводов предложен ряд рекомендаций. Статью 32.9 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» предлагается дополнить нормой, закрепляющей страхование инвестиций как самостоятельный подвид имущественного страхования. Целесообразно учредить отдельный компенсационный фонд для защиты неквалифицированных инвесторов, а также включить технологию смарт-контрактов в систему гражданско-правовых средств в качестве превентивного инструмента защиты прав участников цифровых сделок. Эти меры позволят восполнить пробелы правового регулирования и повысить эффективность частноправовой защиты инвесторов в условиях цифровизации финансового рынка.

Ключевые слова: *защита прав инвесторов; компенсационный фонд; страхование инвестиций; Банк России; мегарегулятор; неквалифицированный инвестор; инвестиционная платформа; блокчейн; смарт-контракт; страховой интерес; частноправовые гарантии; Закон об организации страхового дела.*

YAKOVLEV Alexander Romanovich,
Graduate student of FSBEI HE "Southwest State University"

COMPENSATION MECHANISMS AND INSURANCE OF INVESTMENT RISKS AS PRIVATE LEGAL GUARANTEES OF INVESTOR RIGHTS PROTECTION

Annotation. *The object of the study is civil law relations between the investor, a professional participant in the financial market (broker, trustee, insurer, operating investment platform) and compensation or insurance organizations regarding the restoration of property losses of the investor. Such losses arise due to improper fulfillment of investment obligations or the occurrence of an insured event.*

The paper examines the legal nature of the Federal Public-State Fund for the Protection of the Rights of Depositors and Shareholders (hereinafter, the Federal Compensation Fund), acting on the basis of Federal Law of 05.03.1999 No. 46-FZ "On the Protection of the Rights and Legitimate Interests of Investors on the Securities Market." Separately, a new mechanism for guaranteeing funds in individual investment accounts and the role of the Bank of Russia as a mega-regulator in protecting the property interests of investors are being investigated. The contractual construction of investment and accumulative life insurance is analyzed, as well as docking approaches to the qualification of investment insurance as a separate type of property insurance. The focus is on the insufficiency of compensation mechanisms for unqualified investors, participants in investment platforms (Federal Law of 02.08.2019 No. 259-FZ add the name) and persons performing remote digital investment operations using crypto-lute assets.

The methodology of work includes a formal legal method - when analyzing the norms of the Civil Code of the Russian Federation, Law of the Russian Federation of 27.11.1992 No. 4015-1 "On the organization of insurance business in the Russian Federation," federal laws No. 46-FZ, No. 259-FZ, the names of the laws should be added No. 251-FZ and No. 331-FZ; system analysis method - when studying the practice of courts of general jurisdiction and arbitration courts in disputes over the return of insurance premiums under investment life insurance contracts and in disputes related to cryptocurrency turnover; comparative legal method - when comparing the Russian model of investor protection with foreign experience, primarily with the activities of the Corporation for the Protection of Investors in Securities, it is probably necessary to indicate the name of the corporation (Securities Investor Protection Corporation (SIPC) in brackets.

The scientific novelty consists in identifying and systematizing four shortcomings of the private law model for protecting the investor's property interests.

Firstly, compensation coverage is selective: institutions created on the basis of federal laws No. 46-FZ and No. 331-FZ cover only certain categories of investors and do not apply to the entire variety of investment relations.

Secondly, insurance legislation does not allocate investment insurance as an independent type of property insurance. Because of this, terminological uncertainty remains in the doctrine, and there are no uniform approaches in law enforcement and insurance practice.

Thirdly, an unqualified investor is structurally vulnerable: you, needily, turning to an intermediary broker, he assumes the risks of his unfair actions or loss of solvency.

Fourth, for remote digital investment operations, there are almost no private-law compensatory and preventive mechanisms, as evidenced by judicial practice, which rarely denies such investors protection.

Based on the findings, a number of recommendations have been proposed. Article 32.9 of the Law of the Russian Federation "On the Organization of Insurance Business in the Russian Federation" is proposed to be supplemented with a norm fixing insurance of investments as an independent subspecies of property insurance. It is necessary to establish a separate compensation fund to protect non-qualified investors, as well as to include smart contract technology in the civil law system as a preventive tool to protect the rights of participants in digital transactions. These measures will make it possible to fill the gaps in legal regulation and increase the effectiveness of private law protection of investors in the context of the digital financial market.

Key words: *investor rights protection; compensation fund; investment insurance; Bank of Russia; mega-regulator; non-qualified investor; investment platform; blockchain; smart contract; insurance interest; private law guarantees; Law on the organization of insurance business.*

Рост числа граждан, вовлечённых в инвестиционную деятельность, и массовый приход на биржу лиц без специальной подготовки делают всё более необходимым совершенствование частноправовых средств защиты их имущественных интересов [10, с. 34]. Значительную часть активов на рынке ценных бумаг составляют сбережения рядовых граждан, начинающих инвесторов и домашних хозяйств [5, с. 72]. Их имущество не связано с предпринимательской деятельностью эмитентов и посредников, поэтому такие инвесторы объективно менее защищены перед недобросовестными или неплатёжеспособными контрагентами. Действующая модель делит инвесторов на квалифицированных и неквалифицированных, но, как справедливо отмечается в литературе, это разграничение опирается на формальные критерии и не раскрывает содержательного механизма защиты интересов каждой из групп [5, с. 73]. В доктрине при этом предпринимаются попытки систематизировать сами способы защиты прав инвесторов независимо от их статуса [4, с. 176]. В отличие от публично-правовых инструментов государственного воздействия, компенсационные фонды и страховые механизмы относятся к частноправовым средствам: они направлены на восстановление имущественного положения инвестора после события, повлёкшего утрату вложенных средств.

Основным актом, закрепляющим компенсационный механизм на российском рынке ценных бумаг, является Федеральный закон от 05.03.1999 № 46-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг». На его основе создан федеральный компенсационный фонд — некоммерческая организация, которая выплачивает компенсации физическим лицам-инвесторам, ведёт реестр лиц, имеющих право на компенсацию, и представляет их интересы в судах и исполнительном производстве. Работа фонда носит субсидиарный характер: выплаты получают только те инвесторы, которым не удалось взыскать средства по вступившему в силу решению суда из-за отсутствия у должника достаточного имущества. Держатели ценных бумаг, предназначенных для квалифицированных инвесторов, права на компенсацию не имеют.

Важным этапом развития этого института стало принятие Федерального закона от 31.07.2025 № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о системе возмещения стоимости имущества, учтённого на индивидуальных инвестиционных счетах». Он реформировал систему возмещения стоимости имущества на индивидуальных инвестиционных счетах и в целом отражал общую тенденцию совершенствования законодательства о рынке ценных бумаг и защите прав инвесторов [2, с. 75]. По новым правилам участие в компенсационной системе стало договорным и диспозитивным: право на компенсацию возникает только при условии, что клиентское имущество не возвращено в полном объёме в течение шести месяцев с момента признания оператора индивидуального инвестиционного счёта банкротом.

Заметную роль в защите прав инвесторов играет Банк России. В научной литературе отмечается, что регулятор может влиять на превращение частных сбережений в инвестиции — через ключевую ставку, поддержку программ финансовой грамотности, взаимодействие с кредитными и финансовыми организациями, а также через лицензирование и надзор за операторами инвестиционных платформ с оценкой их способности вернуть средства вкладчикам при финансовых затруднениях [6, с. 85]. Однако широкие надзорные полномочия в отношении платформ законодатель не подкрепил достаточными гарантиями защиты их участников. Иными словами, при усилении контроля со стороны регулятора не были в полной мере выстроены механизмы, которые обеспечивали бы баланс между публичным надзором и частными интересами инвесторов, опе-

раторов и иных лиц, вовлечённых в работу платформ. Это создаёт риск того, что контрольные меры будут применяться достаточно жёстко, но при этом сами участники платформ окажутся в менее защищённом положении. Особенно это важно в ситуациях, когда требуется оперативное вмешательство в деятельность платформы, ограничение отдельных операций или оценка её финансовой устойчивости. В таких условиях правовое регулирование должно не только расширять полномочия надзорного органа, но и одновременно закреплять прозрачные процедуры, понятные основания для вмешательства и эффективные способы защиты прав участников. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ограничивает ответственность оператора платформы возмещением убытков за раскрытие недостоверных или неполных сведений либо за нарушение правил платформы [6, с. 86]. Данный тезис подтверждают и специальные исследования способов защиты прав инвесторов на инвестиционных платформах: в них отмечается недостаточность договорных и претензионных механизмов восстановления нарушенных прав вкладчиков. [3, с. 154]. Дополнительно настораживает то, что мегарегулятор фактически не контролирует операции с криптовалютными активами. Это резко повышает риск потери вложений для граждан, не защищённых от волатильности данного сегмента рынка [6, с. 85]. Аналогичная проблема разрозненности нормативного регулирования характерна и для иных нестандартных конструкций коллективного инвестирования. В частности, речь идёт о закрытых паевых инвестиционных фондах недвижимости, аккумулирующих денежные средства граждан для целей жилищного строительства. Применительно к данной модели инструментарий защиты прав пайщиков до настоящего времени не получил должной правовой проработки [9].

Помимо компенсационных фондов, в цивилистической науке в качестве самостоятельного механизма охраны имущественных интересов инвестора выделяется институт страхования. Функциональное назначение данного инструмента заключается в минимизации рисков страхователя посредством предоставления ему возможности получить возмещение убытков, возникших вследствие наступления страхового случая, предусмотренного договором страхования инвестиционных вложений [7].

Страховое правоотношение характеризуется совокупностью обязательных элементов, к числу которых относятся: подлежащий защите имущественный интерес; страховой риск; специальный денежный фонд, формируемый страховщиком; а также страховая премия, уплачиваемая страхователем в пользу страховой организации. Применительно к инвестиционной деятельности объектом охраны выступает стоимостное выражение размещённых денежных средств. Однако Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» не придаёт этому институту достаточной определённости: страхование инвестиций не названо самостоятельным видом имущественного страхования в перечне статьи 32.9 [7].

Оправданным представляется доктринальное деление инвестиционных рисков на внутренние и внешние. Внутренние связаны с недобросовестностью или несостоятельностью реципиента инвестиций, внешние — с неисполнением договорных обязательств его контрагентами в ходе предпринимательской деятельности. Практическая ценность такого деления состоит в том, что оно позволяет разграничить убытки инвестиционного и предпринимательского происхождения при определении пределов страхового покрытия. Сравнительный анализ свидетельствует, что отсутствие в российском праве специализированного страхового института с участием государства является существенным пробелом. В США, напротив, действует Корпорация защиты инвесторов в ценные бумаги, обеспечивающая защиту клиентских счетов у брокеров и участников биржевых организаций от потерь, связанных с несостоятельностью брокерских компаний, и при недостаточности собственных ресурсов фонда вправе привлекать дополнительные государственные средства [7].

Существенным инструментом перераспределения инвестиционного риска в пользу страховщика выступают договоры инвестиционного и накопительного страхования жизни. Их правовая природа определяется тем, что они сочетают в себе элементы договора личного страхования с обязательствами по размещению привлечённых средств в финансовые инструменты для извлечения дохода в пользу застрахованного лица.

Именно эта двойственная природа порождает основную правовую проблему: невозможность однозначной квалификации возникающих отношений. Потребитель фактически лишается полноценной защиты, свойственной страховым правоотношениям, так как его доходность не гарантирована, а риск падения стоимости активов перекладывается на него же. В то же время он не обладает статусом классического инвестора, который предполагает более высокий уровень осознанности принимаемых рисков. Таким образом, договорная форма ИСЖ/НСЖ создаёт иллюзию

страховой защиты при фактическом сохранении инвестиционных рисков на стороне гражданина, что свидетельствует о существенном пробеле в механизме правового регулирования финансовых рынков.

Судебная практика придаёт существенное значение тому, надлежащим ли образом исполнена обязанность по раскрытию условий договора в специальной таблице-памятке: при наличии дефектов в её оформлении договор может быть признан незаключённым, а страховщик — обязанным возвратить полученные от потребителя денежные средства. Вместе с тем единообразие в подходах судов отсутствует: если установлено, что истец был осведомлён о существенных условиях договора и обладал специальными финансовыми знаниями, в удовлетворении требований о признании сделки недействительной, как правило, отказывается. Это свидетельствует о необходимости унификации стандартов раскрытия информации об инвестиционной составляющей страхового продукта и одновременно указывает на недостаточную определённость действующего финансового законодательства в части защиты прав инвесторов [2, с. 76].

Особенно остро проблема недостаточных частноправовых гарантий проявляется в статусе неквалифицированного инвестора. Прямой доступ к организованным торгам есть только у профессиональных участников рынка, поэтому рядовые граждане вынуждены передавать распоряжение своими средствами брокерам. Это означает опосредованное, «косвенное взаимодействие лица с рынком ценных бумаг» [5, с. 73]. Брокер имеет фактическую возможность злоупотребить своим положением и действовать в собственных интересах в ущерб инвестору, а риски частного лица усиливает и вероятность потерять средства из-за банкротства брокерской организации [5, с. 74]. Это согласуется с выводами о структурной недостаточности существующих способов защиты прав инвесторов в России [4, с. 178]. Дополнительный риск создаёт несовершенство брокерского договора, который сочетает элементы комиссии, поручения и агентирования при отсутствии чётких требований к его содержанию. Возникающие пробелы восполняются отсылками к внутренним регламентам брокеров, а те составлены в их собственных интересах [5, с. 75]. Отдельная проблема — блокировка активов российских инвесторов иностранными депозитариями в условиях санкций, тогда как регулятор не раз указывал на нехватку средств для обмена заблокированных активов [5, с. 74]. В данном контексте в научной литературе высказывается вполне обоснованная позиция о необходимости учреждения специализированного компенсационного фонда, предназначенного для лиц, чьи активы оказались заблокированными либо замороженными вследствие нарушения норм международного права. При этом предполагается, что финансирование такого фонда должно осуществляться на совместных началах брокерскими организациями и Банком России [5, с. 75]. Помимо этого, авторы предлагают закрепить унифицированную типовую форму договора брокерского обслуживания, подлежащую обязательному предварительному согласованию с Центральным банком Российской Федерации [5, с. 75].

На современном этапе всё более актуальной становится проблема обеспечения правовой защиты участников дистанционных цифровых инвестиционных операций, связанных с криптовалютными активами, а также токенами, эмитируемыми в рамках механизма первичного размещения монет (ICO) [1, с. 35]. Как показывает правоприменительная практика, нарушение прав указанной категории участников инвестиционных отношений происходит преимущественно на заключительном этапе взаимодействия сторон: возврат инвестированных денежных средств осуществляется несвоевременно либо в неполном объёме, обещанное вознаграждение не выплачивается, а в отдельных случаях предмет вложения вовсе не предоставляется инвестору [1, с. 35].

Действующая система инструментов финансирования предпринимательской деятельности не в полной мере отвечает потребностям участников гражданского оборота. При этом появляющиеся новые объекты инвестиционных вложений на сегодняшний день недостаточно исследованы юридической доктриной и нуждаются в самостоятельной правовой квалификации [1, с. 36]. Показательно, что значительная часть проектов на рынке токенов изначально была мошеннической — деньги инвесторов собирали без реального намерения реализовать заявленную идею. По данным зарубежных исследователей, именно такие схемы преобладали среди запущенных ICO-кампаний [1, с. 37].

Складывающаяся судебная практика в основном отказывает этой группе инвесторов в защите. Суды исходят из того, что в России не урегулированы ни расчёты виртуальной валютой, ни деятельность криптовалютных бирж, а значит, все операции с криптовалютой её владельцы совершают на собственный риск, и законодательство о защите прав потребителей на такие отношения не распространяется [1, с. 36]. По той же логике отклоняются требования лиц, которые добровольно передали деньги в обмен на криптовалюту в рамках интернет-проектов: суды ссылаются на добровольность вложения и на то, что у другой стороны нет юридической обязанности возвра-

щать переданное [1, с. 37].

При этом арбитражная практика постепенно движется к признанию криптовалютных объектов «иным имуществом» в рамках открытого перечня объектов гражданских прав по статье 128 ГК РФ [1, с. 38]. Это создаёт основу для дальнейшего развития частноправовых средств защиты, но само по себе не устраняет главного пробела — отсутствия компенсационных и страховых гарантий в этой сфере.

В качестве упреждающего механизма защиты участников дистанционных цифровых сделок в литературе обосновывается совместное применение технологии распределённого реестра и смарт-контракта. Такое сочетание позволяет организовать оборот инвестиционных объектов в цифровой среде так, что нужда в последующей судебной защите отпадает: нарушить обязательство становится технически невозможно [1, с. 34]. Автоматическое исполнение условий договора при наступлении заданных программных параметров исключает саму возможность одностороннего уклонения контрагента от передачи объекта или возврата средств. На практике эта модель предполагает создание единой линейки смарт-контрактов, различающихся по типу объекта инвестирования — для бездокументарных ценных бумаг, цифровых прав, утилитарных цифровых прав, цифровых финансовых активов, цифровой валюты и фьючерсных контрактов, — с последующей их встройкой в программно-аппаратный комплекс организованных торгов [1, с. 34]. Полноценная модель превенции неисполнения обязательств должна объединять механизм государственно-частного партнёрства, экспериментальный правовой режим для дистанционных цифровых инвестиций, набор стандартизированных смарт-контрактов, новые договорные конструкции и полисубъектный юрисдикционный блокчейн, построенный на многоузловом взаимодействии субъектов, которые находятся на территории и под юрисдикцией Российской Федерации. Ценность такого подхода в том, что он переносит часть инвестиционных рисков из области последующей судебной защиты в область упреждающей технико-правовой гарантии. Это особенно важно сейчас, когда действующее гражданское законодательство не приспособлено к регулированию дистанционных цифровых объектов вложения средств.

Отдельного внимания заслуживает защита интересов миноритарных инвесторов — акционеров с незначительной долей в уставном капитале, у которых нет действенных инструментов влияния на корпоративные решения. Их уязвимость усиливается тем, что контрольные механизмы корпоративного законодательства ориентированы прежде всего на мажоритарных участников, а миноритарным акционерам доступно, по сути, лишь обращение в суд постфактум. Это не устраняет исходный дисбаланс корпоративного влияния и требует самостоятельной разработки частноправового инструментария; данная проблема и возможные пути её решения подробно рассматриваются в отечественной доктрине [8, с. 68]. Всё сказанное подтверждает общий вывод: существующие частноправовые гарантии защиты инвесторов фрагментарны и бессистемны. Они не образуют цельного механизма, который обеспечивал бы сопоставимый уровень защиты для всех категорий вкладчиков независимо от выбранного канала и объекта инвестирования.

Заключение

Исследование показало, что уровень частноправовой защиты инвестора различается в зависимости от выбранного инвестиционного канала, категории субъекта и характера принимаемого риска. Компенсационный фонд, созданный на основании федеральных законов № 46-ФЗ и № 331-ФЗ, обеспечивает субсидиарную защиту лишь узкому кругу инвесторов рынка ценных бумаг и владельцев индивидуальных инвестиционных счетов. Институт страхования инвестиций достаточно разработан в доктрине, но не получил надлежащего закрепления в Законе об организации страхового дела, из-за чего его нельзя использовать как самостоятельный способ защиты прав вкладчика. В зоне наибольшего правового риска оказываются неквалифицированные инвесторы, пользователи инвестиционных платформ, а также лица, осуществляющие операции с криптовалютными активами. Применительно к данным категориям участников инвестиционных отношений отсутствуют как компенсационные механизмы возмещения потерь, так и институт страхового покрытия. Судебная же защита их прав существенно осложняется в силу того, что специальное правовое регулирование соответствующих объектов на сегодняшний день не сформировано.

Для преодоления обозначенных пробелов представляется целесообразным внести дополнение в статью 32.9 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации», расширив перечень видов имущественного страхования за счёт включения самостоятельного вида — страхования инвестиционных вложений. При этом необходимо предусмотреть законодательное закрепление классификации инвестиционных рисков на внутренние и внешние. Реализация данного предложения позволит устранить существующую доктринальную неопределённость в данной сфере и заложит нормативную основу для последующей унификации правоприменительной, в том числе страховой, практики.

Это дополнение стоит сопроводить корректировкой Федерального закона № 46-ФЗ: закрепить особый правовой статус неквалифицированного инвестора в отношениях с брокером и учредить при участии Банка России и профессионального сообщества специализированный компенсационный фонд, который покрывал бы риски утраты средств из-за банкротства брокера или блокировки активов иностранным депозитарием. С опорой на опыт Корпорации защиты инвесторов в ценные бумаги в США заслуживает поддержки и предложение создать в России специализированную организацию с государственным участием, которая аккумулировала бы страховые взносы инвесторов и производила выплаты при неплатёжеспособности профессиональных участников рынка. Она дополнила бы действующую субсидиарную модель компенсационного фонда системным механизмом превентивного страхового покрытия, финансируемого самими участниками рынка. Применительно к дистанционным цифровым сделкам обоснованно стимулировать разработку и внедрение стандартизированных смарт-контрактов, различающихся по типам объектов инвестирования: это перенесёт часть гарантий защиты инвестора из плоскости последующей судебной защиты в плоскость упреждающего технико-юридического обеспечения обязательств. Реализация всего комплекса предложений позволит преодолеть фрагментарность частноправового механизма защиты прав инвесторов, более сбалансированно распределить инвестиционный риск между профессиональными участниками рынка и розничными вкладчиками и привести уровень защиты разных категорий инвесторов в соответствие с задачами устойчивого развития национального финансового рынка в условиях его цифровой трансформации.

Список литературы:

[1] Матыцин Д.Е. Риск неисполнения обязательств участниками инвестиционных сделок: превентивные гражданско-правовые механизмы защиты прав / Д.Е. Матыцин // Право и управление. XXI век. – 2021. – Т. 17, № 4(61) – С. 33-50.

[2] Верзун С.П. Актуальные аспекты развития и совершенствования финансового законодательства, регулирующего финансовые рынки и защиту прав инвесторов / С.П. Верзун // Наукоград: наука, производство, общество. – 2025. – № 4. – С. 74-77.

[3] Зимина Ю.Р. Способы защиты прав инвесторов на инвестиционных платформах / Ю.Р. Зимина // Закон и право. – 2023. – № 10. – С. 152-156.

[4] Злобнов Д.А. Способы защиты прав инвесторов в РФ / Д.А. Злобнов // Научно-исследовательский Центр «Science Discovery». – 2021. – № 6. – С. 175-180.

[5] Кузнецова Е.М. Проблемы защиты прав неквалифицированного инвестора на рынке ценных бумаг и варианты их решения / Е.М. Кузнецова // Альманах молодого исследователя. – 2024. – № 16. – С. 72-76.

[6] Ковалевич Е.В. Щит для капитала: Банк России и механизмы защиты прав инвесторов в современной России / Е.В. Ковалевич // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 111-7. – С. 84-87. – DOI 10.18411/trnio-07-2024-389..

[7] Куницкая Е.В. Правовой институт страхования как способ защиты прав инвесторов / Е.В. Куницкая, М.В. Рыбкина // Ленинградский юридический журнал. – 2020. – № 4(62). – С. 115-126.

[8] Темчук М.И. Защита прав миноритарных инвесторов: проблематика и перспективы развития в российском праве / М.И. Темчук // Юридическая наука и практика. – 2024. – Т. 20, № 2. – С. 64-73.

[9] Седляр О.Н. Защита прав инвесторов закрытых паевых инвестиционных фондов в строительстве жилья / О.Н. Седляр // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2025. – № 11(290). – С. 88-92.

[10] Клепцова Л.В. Защита прав инвесторов в Российской Федерации / Л.В. Клепцова, А.В. Сазонова // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. – 2023. – № 4(52). – С. 34-36.

References:

[1] D.E. Matytsin. Risk of default by participants in investment transactions: preventive civil legal mechanisms for the protection of rights/ D.E. Matytsin // Law and management. XXI century. – 2021. - T. 17, NO. 4 (61) - S. 33-50.

[2] Verzun S.P. Actual aspects of development and improvement of financial legislation regulating financial markets and protection of investors' rights/ S.P. Verzun // Naukograd: science, production, society. – 2025. – № 4. - S. 74-77.

[3] Zimina Yu.R. Ways to protect the rights of investors on investment platforms/Yu.R. Zimina // Law and Law. – 2023. – № 10. - S. 152-156.

[4] Zlobnov D.A. Ways to protect the rights of investors in the Russian Federation/D.A. Zlobnov // Research Center "Science Discovery." – 2021. – № 6. - S. 175-180.

[5] Kuznetsova E.M. Problems of protecting the rights of an unqualified investor in the securities market and their solutions/E.M. Kuznetsova // Almanac of a young researcher. – 2024. – № 16. - S. 72-76.

[6] E.V. Kovalevich. Shield for capital: Bank of Russia and mechanisms for protecting investor rights

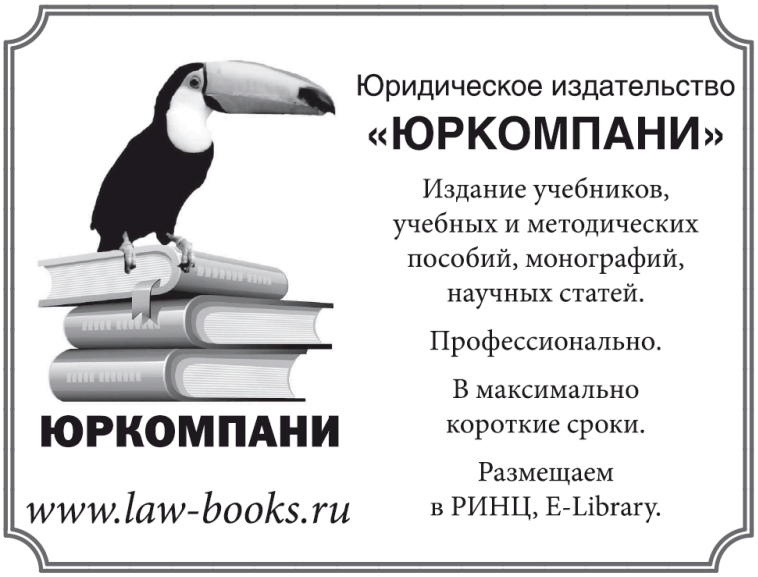
in modern Russia/E.V. Kovalevich // Trends in the development of science and education. – 2024. – № 111-7. - S. 84-87. – DOI 10.18411/trnio-07-2024-389..

[7] E.V. Kunitskaya Legal Institute of Insurance as a way to protect investors' rights/E.V. Kunitskaya, M.V. Rybkina // Leningrad Legal Journal. – 2020. – № 4(62). - S. 115-126.

[8] Temchuk M.I. Protection of the rights of minority investors: problems and development prospects in Russian law/M.I. Temchuk // Legal science and practice. – 2024. - T. 20, NO. 2. - S. 64-73.

[9] Sedlyar O.N. Protection of the rights of investors of closed-end mutual investment funds in housing construction/O.N. Sedlyar // Property relations in the Russian Federation. – 2025. – № 11(290). - S. 88-92.

[10] Kleptsova L.V. Protection of investors' rights in the Russian Federation/L.V. Kleptsova, A.V. Sazonova // Russian science and education today: problems and prospects. – 2023. – № 4(52). - S. 34-36.



Дата поступления рукописи в редакцию: 07.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-162-166

НИКУЛИНА Виктория Андреевна,
аспирант кафедры «Правовое обеспечение государственного управления и экономики» Российский университет транспорта (МИИТ), г. Москва, Россия,
e-mail: vicka99.99@mail.ru

Научный руководитель:
ЧЕБОТАРЕВА Анна Александровна,
доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Правовое обеспечение государственного управления и экономики» Российский университет транспорта (МИИТ), г. Москва, Россия,
e-mail: a.a.tchebotareva@gmail.com

ПРОКУРОРСКИЙ ТРАНСПОРТНЫЙ НАДЗОР НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

Аннотация. *В статье проводится комплексный анализ института прокурорского транспортного надзора на железнодорожном транспорте. Рассматриваются правовые основы, система и организация транспортных прокуратур, предмет и основные направления надзорной деятельности. Особое внимание уделяется полномочиям транспортных прокуроров, актам прокурорского реагирования, а также взаимодействию с контрольно-надзорными органами. Выявлены актуальные проблемы и предложены пути совершенствования прокурорского надзора в условиях цифровизации транспортного комплекса и реформирования контрольно-надзорной деятельности.*

Ключевые слова: *прокурорский надзор, транспортная прокуратура, железнодорожный транспорт, транспортная безопасность, контрольно-надзорная деятельность, акты прокурорского реагирования, цифровизация.*

NIKULINA Victoria,
postgraduate student of the Department "Legal Support for Public Administration and Economics" of the Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation

Scientific supervisor:
CHEBOTAREVA Anna,
Dr.Sc. (Law), Associate Professor, Head of the Department "Legal Support for Public Administration and Economics" of the Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation

PROSECUTORIAL TRANSPORT SUPERVISION IN RAILWAY TRANSPORT

Annotation. *The article provides a comprehensive analysis of the institute of prosecutorial transport supervision in railway transport. The legal basis, system and organization of transport prosecutor's offices, the subject and main directions of supervisory activities are considered. Special attention is paid to the powers of transport prosecutors, acts of prosecutorial response, as well as interaction with regulatory authorities. Actual problems have been identified and ways have been proposed to improve prosecutorial supervision in the context of digitalization of the transport complex and reform of control and supervisory activities.*

Key words: *prosecutorial supervision, transport prosecutor's office, railway transport, transport security, control and supervisory activities, acts of prosecutorial response, digitalization.*

Введение

Железнодорожный транспорт – стратегическая отрасль экономики Российской Федерации, а его повышенная опасность и уязвимость перед террористическими угрозами обусловливают необходимость эффективной системы обеспечения законности. Ключевое место в этой системе занимает прокурорский надзор – универсальный механизм обеспечения верховенства закона и защиты прав граждан [10, с. 5].

Правовые основы и организация транспортных прокуратур

Правовую основу прокурорского транспортного надзора составляет Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», согласно которому прокуратура осуществляет надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов [1]. Применительно к железнодорожному транспорту надзорная деятельность охватывает Федеральный закон «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации [2]», Устав железнодорожного транспорта и Федеральный закон «О транспортной безопасности [3]». Организация надзора конкретизирована в приказе Генеральной прокуратуры РФ от 15 июля 2011 г. № 211 «Об организации надзора за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере [4]».

Транспортные прокуратуры образуют специализированную подсистему, построенную по территориально-производственному принципу, включая транспортные прокуратуры на правах прокуратур субъектов РФ и районного звена. Их юрисдикция не совпадает с административно-территориальным делением и распространяется на объекты железнодорожного, воздушного и водного транспорта. Как указывает Н.А. Попова, «место и роль транспортной прокуратуры определяются спецификой поднадзорных объектов, требующей от прокуроров специальных познаний в области транспортного законодательства [18]».

Предмет и основные направления надзора

Предмет прокурорского надзора на железнодорожном транспорте включает несколько ключевых направлений: надзор за исполнением законодательства о безопасности движения и транспортной безопасности; надзор за соблюдением прав пассажиров; надзор за законностью деятельности контрольно-надзорных органов.

Приоритетным направлением выступает надзор за исполнением законодательства о транспортной безопасности и антитеррористической защищенности. Как отмечают П.В. Агапов и С.В. Борисов, «антитеррористическая защищенность транспортного комплекса остается одной из наиболее острых проблем, требующих постоянного прокурорского внимания [7, с. 126]». Транспортные прокуроры оценивают исполнение субъектами транспортной инфраструктуры требований по категорированию объектов, проведению оценки уязвимости, разработке планов обеспечения транспортной безопасности и аттестации сил безопасности.

Д.М. Плугарь выделяет типичные нарушения в данной сфере: неисполнение требований по оснащению объектов техническими средствами безопасности, ненадлежащую подготовку персонала и несоблюдение порядка допуска к работе [19, с. 16]. Г.Д. Данилин, анализируя опыт Западно-Сибирской транспортной прокуратуры, подчеркивает важность системного взаимодействия транспортных прокуроров с территориальными прокуратурами и правоохранительными структурами [13, с. 38].

Полномочия транспортных прокуроров и акты реагирования

Полномочия транспортных прокуроров носят властно-распорядительный характер и включают право беспрепятственного доступа на поднадзорные объекты, истребования документов, вызова должностных лиц для объяснений, проведения проверок. Как отмечает А.Ю. Винокуров, система полномочий прокурора реализуется в строго установленных процессуальных формах [12, с. 187].

Основными актами прокурорского реагирования являются: протест (на противоречащий закону правовой акт), представление (требование об устранении нарушений), постановление о возбуждении дела об административном правонарушении и предостережение о недопустимости нарушения закона. Наиболее часто на железнодорожном транспорте возбуждаются дела по ст. 11.15.1 КоАП РФ (нарушение требований транспортной безопасности) и ст. 11.1 КоАП РФ (нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта) [7, с.134].

Взаимодействие с контрольно-надзорными органами

Эффективность прокурорского надзора во многом определяется взаимодействием транспортных прокуратур с Ространснадзором. С.Н. Братановский, О.Г. Остапец и Д.Х. Беккалиев подчеркивают, что «деятельность Ространснадзора неразрывно связана с прокурорским надзором, поскольку прокуратура осуществляет надзор за законностью деятельности самого контрольно-надзорного органа» [9]. Прокурор оценивает полноту реализации Ространснадзором полномочий и законность принимаемых им решений.

Важным механизмом взаимодействия является согласование планов контрольных мероприятий с органами прокуратуры в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 31 декабря

2020 г. № 2428 [5]. Федеральный закон № 248-ФЗ существенно расширил роль прокуратуры в контрольно-надзорной системе, закрепив институты согласования проверок, единого реестра контрольных мероприятий и профилактических механизмов.

С.Н. Зайкова акцентирует внимание на необходимости усиления координационной роли прокуратуры в отношении всех субъектов, осуществляющих контрольные функции, включая МВД, ФСБ и МЧС России [15, с. 85].

Цифровизация прокурорского надзора

Цифровая трансформация транспортного комплекса требует внедрения современных технологий в прокурорский надзор. В.А. Вайпан отмечает, что «правовое обеспечение цифровой трансформации должно охватывать все аспекты функционирования отрасли, включая надзорную деятельность [11]».

Ключевым инструментом выступает Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий, оператором которого является Генеральная прокуратура РФ. Перспективно использование Единой государственной информационной системы обеспечения транспортной безопасности (ЕГИС ОТБ), аккумулирующей данные о категорировании объектов, оценке уязвимости и планах безопасности [6]. С.М. Зубарев и А.В. Сладкова подчеркивают, что «цифровые технологии не заменяют традиционные формы надзора, но существенно повышают их эффективность [16, с. 56]».

Проблемы и пути совершенствования

Ключевыми проблемами прокурорского надзора на железнодорожном транспорте являются: продолжающееся реформирование контрольно-надзорной деятельности, требующее корректировки подходов к надзору [20, с. 108]; недостаточная укомплектованность транспортных прокуратур кадрами со специальными познаниями [8, с. 19]; необходимость адаптации к условиям цифровизации [17].

Перспективные направления совершенствования: разработка специализированных методик прокурорских проверок с учетом категорирования объектов; расширение использования информационных систем для мониторинга состояния законности; усиление профилактической составляющей; совершенствование механизмов взаимодействия с контрольно-надзорными органами и субъектами транспортной инфраструктуры.

Заключение

Прокурорский транспортный надзор на железнодорожном транспорте – специализированное направление прокурорской деятельности, вносящее существенный вклад в обеспечение законности и правопорядка в стратегически значимой отрасли. Цифровизация, реформирование контрольно-надзорной системы и изменение геополитической обстановки ставят перед транспортными прокурорами новые задачи, требующие постоянного совершенствования форм и методов надзорной деятельности.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

[2] Федеральный закон от 10.01.2003 № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» // Российская газета. – 2003. – 18 янв.

[3] Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» // Российская газета. – 2007. – 14 февр.

[4] Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15.07.2011 № 211 «Об организации надзора за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере» // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: about:blank (дата обращения 01.07.2026).

[5] Постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 № 2428 «О порядке формирования плана контрольных (надзорных) мероприятий…» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата публикации: 09.01.2021; дата обращения 01.07.2026).

[6] Постановление Правительства Российской Федерации от 01.08.2023 № 1251 «Об утверждении Положения о ЕГИС ОТБ» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 32 (ч. I). – Ст. 5233.

[7] Агапов, П. В. Антитеррористическая защищённость транспортного комплекса в сфере надзорной деятельности прокуроров / П. В. Агапов, С. В. Борисов // Транспортное право и безопасность. – 2020. – № 3. – С. 126–138.

[8] Балдина, А. С. Административно-правовое регулирование кадрового обеспечения контрольно-надзорных органов : дис. … канд. юрид. наук / А. С. Балдина. – Нижний Новгород, 2018.

[9] Братановский, С. Н. Прокуратура Российской Федерации в механизме защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина : монография / С. Н. Братановский, А. В. Урываев. – Саратов : IPRbooks, 2012. – 244 с.

[10] Братановский, С. Н. Организационно-правовые аспекты деятельности Ространснадзора в области железнодорожных перевозок / С. Н. Братановский, О. Г. Остапец, Д. Х. Беккалиев // КонсультантПлюс.

[11] Вайпан, В. А. Правовое обеспечение цифровой трансформации транспортного комплекса России / В. А. Вайпан // Транспортное право. – 2022. – № 3.

[12] Винокуров, А. Ю. Прокурорский надзор : учебник / А. Ю. Винокуров, Ю. Е. Винокуров. – 5-е изд. – Москва : Юрайт, 2021.

[13] Данилин, Г. Д. Участие прокуратуры в противодействии преступности на транспорте / Г. Д. Данилин // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 10-1. – С. 38–44.

[14] Евдокимов, А. С. Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре)…»: организационно-правовой анализ / А. С. Евдокимов // Административное право и процесс. – 2022. – № 2. – С. 34–40.

[15] Зайкова, С. Н. Об отдельных направлениях совершенствования контрольно-надзорной деятельности в области транспортной безопасности на железнодорожном транспорте / С. Н. Зайкова // Lex Russica. – 2023. – Т. 76, № 6. – С. 79–89.

[16] Зубарев, С. М. О понятии и сущности цифровых технологий контроля в сфере государственного управления / С. М. Зубарев, А. В. Сладкова // Административное право и процесс. – 2019. – № 9. – С. 53–59.

[17] Оноколов, Ю. П. Некоторые понятия правового регулирования цифровизации транспортного комплекса РФ / Ю. П. Оноколов // КонсультантПлюс.

[18] Попова, Н. А. Место и роль транспортной прокуратуры в системе органов прокуратуры / Н. А. Попова // Материалы Третьего Международного транспортно-правового форума. – Москва, 2021. – С. 694–698.

[19] Плугарь, Д. М. Прокурорский надзор за исполнением законов об антитеррористической защищённости объектов железнодорожного транспорта : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Д. М. Плугарь. – Москва, 2018.

[20] Спиридонов, А. А. Комплексное реформирование контроля и надзора / А. А. Спиридонов // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 10. – С. 102–116.

References:

[1] Federal Law of 17.01.1992 No. 2202-1 "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation "// Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1995. – № 47. - Art. 4472.

[2] Federal Law of 10.01.2003 No. 17-FZ "On Railway Transport in the Russian Federation "// Rossiyskaya Gazeta. – 2003. - Jan. 18.

[3] Federal Law of 09.02.2007 No. 16-FZ "On Transport Security "// Rossiyskaya Gazeta. – 2007. - Feb. 14.

[4] Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation of 15.07.2011 No. 211 "On the organization of supervision over the implementation of laws in the transport and customs sphere "// Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. - URL: about: blank (date of reference 01.07.2026).

[5] Decree of the Government of the Russian Federation of 31.12.2020 No. 2428 "On the procedure for forming a plan of control (supervisory) measures... "// Official Internet portal of legal information. - URL: http://pravo.gov.ru/ (published date: 09.01.2021; accessed date 01.07.2026).

[6] Decree of the Government of the Russian Federation of 01.08.2023 No. 1251 "On Approval of the Regulation on EGIS OTB "// Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2023. - No. 32 (part I). - Art. 5233.

[7] Agapov, P.V. Anti-terrorist security of the transport complex in the field of supervisory activities of prosecutors/P.V. Agapov, S.V. Borisov // Transport law and security. – 2020. – № 3. - S. 126-138.

[8] Baldina, A. S. Administrative and legal regulation of staffing of control and supervisory bodies: dis.... cand. jurid. Sciences/A. S. Baldina. - Nizhny Novgorod, 2018.

[9] Bratanovsky, S. N. Prosecutor's Office of the Russian Federation in the mechanism for protecting constitutional rights and freedoms of man and citizen: monograph/S. N. Bratanovsky, A. V. Uryvaev. - Saratov: IPRbooks, 2012. - 244 s.

[10] Bratanovsky, S. N. Organizational and legal aspects of the activities of Rostransnadzor in the field of railway transportation/S. N. Bratanovsky, O. G. Ostapets, D. Kh. Bekkaliev // Consultant Plus.

[11] Vaipan, V. A. Legal support of the digital transformation of the transport complex of Russia/ V. A. Vaipan // Transport law. – 2022. – № 3.

[12] Vinokurov, A. Yu. Prosecutor's supervision: textbook/A. Yu. Vinokurov, Yu. E. Vinokurov. - 5th ed. - Moscow: Yurayt, 2021.

[13] Danilin, G. D. Participation of the prosecutor's office in combating crime in transport/ G. D. Danilin // Tauride scientific observer. – 2016. – № 10-1. - S. 38-44.

[14] Evdokimov, A. S. Federal Law "On State Control (Supervision)...": organizational and legal analysis/A. S. Evdokimov // Administrative Law and Process. – 2022. – № 2. - S. 34-40.

[15] Zaykova, S. N. On certain areas of improvement of control and supervisory activities in the field of transport safety in railway transport/ S. N. Zaykova // Lex Russica. – 2023. - T. 76, NO. 6. - S. 79-89.

[16] Zubarev, S. M. On the concept and essence of digital control technologies in the field of public administration/S. M. Zubarev, A. V. Sladkova // Administrative law and process. – 2019. – № 9. -

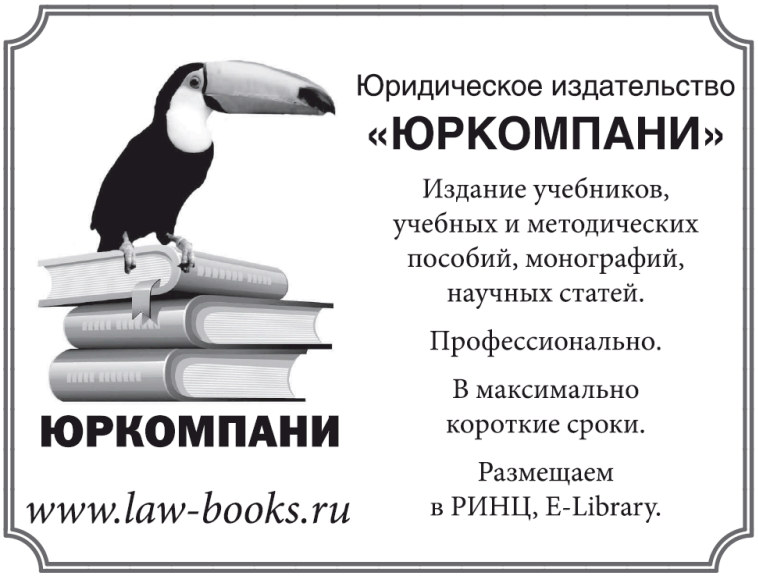
S. 53-59.

[17] Onokolov, Yu. P. Some concepts of legal regulation of digitalization of the transport complex of the Russian Federation/Yu. P. Onokolov // ConsultantPlus.

[18] Popova, N. A. Place and role of the transport prosecutor's office in the system of prosecution authorities/N. A. Popova // Materials of the Third International Transport and Legal Forum. - Moscow, 2021. - S. 694-698.

[19] Plougar, D. M. Prosecutorial supervision of the implementation of laws on anti-terrorist protection of railway transport facilities: ref. dis.... cand. jurid. Sciences/D. M. Plougar. - Moscow, 2018.

[20] Spiridonov, A. A. Comprehensive reform of control and supervision/A. A. Spiridonov // Actual problems of Russian law. – 2022. – № 10. - S. 102-116.



Дата поступления рукописи в редакцию: 20.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-167-173
Дата принятия рукописи в печать: 31.08.2026 г.

ГОЛОВИН Ярослав Александрович,
магистр, выпускник, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва,
Самара, Россия,
ORCID: https://orcid.org/0009-0009-1025-733X,
e-mail: Y.Golovin-lawyer@yandex.ru

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ИСКИ ПРИ ОСПАРИВАНИИ РЕШЕНИЙ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ СОБСТВЕННИКОВ ПОМЕЩЕНИЙ В МНОГОКВАРТИРНОМ ДОМЕ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *Коллективные иски по своему характеру с позиции реализации права на защиту группы лиц в определенной мере более сложны, чем индивидуальные, в том числе по причине возникновения сложностей при рассмотрении дела судом. Цель исследования в данном случае – это выявление проблем правоприменения, обусловленных несовершенством правового регулирования и разработка предложений относительно их решения. Гипотеза исследования – предусмотренная главой 22.3 Гражданского процессуального кодекса РФ модель защиты прав и законных интересов группы лиц применима к исследуемой категории споров, но не учитывает специфику правового статуса участников общего собрания многоквартирного дома. Научная новизна исследования заключается в разработке критериев формирования группы, определения надлежащего ответчика, присоединения собственников к иску, реализации принципа состязательности применительно к отдельной категории споров – споров, в рамках которых оспариваются решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме. Методологическую основу составили формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой методы. Исследованы нормы Гражданского кодекса РФ, Жилищного кодекса РФ, Гражданского процессуального кодекса РФ, разъяснения Верховного Суда РФ, материалы судебной практики, а также современная научная литература. По результатам сделан вывод, что при определении состава группы и круга ответчиков на практике возникают проблемы, что негативно отражается на эффективности судебного механизма защиты. Практическая значимость исследования заключается в разработке предложений, направленных на совершенствование законодательства, что позволит впоследствии сформировать единообразие судебной практики.*

Ключевые слова: *групповой иск, коллективный иск, многоквартирный дом, общее собрание собственников, судебная защита, судебная защита, представитель, истец, ответчик.*

GOLOVIN Yaroslav Alexandrovich,
Master's degre, graduate of Samara national Research University named after academician S.P. Korolev,
Samara, Russia

CLASS-ACTION LAWSUITS CHALLENGING DECISIONS OF THE GENERAL MEETING OF UNIT OWNERS IN A MULTI-UNIT RESIDENTIAL BUILDING: PROCEDURAL ASPECTS

Annotation. *By their very nature, class actions – from the perspective of enforcing the right to protection for a group of individuals-are, to a certain extent, more complex than individual lawsuits, in part because of the challenges involved in having the case heard by a court. The purpose of this study is to identify problems in the application of the law caused by imperfections in legal regulation and to develop proposals for their resolution. The research hypothesis is that the model for protecting the rights and legitimate interests of a group of individuals, as provided for in Chapter 22.3 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, is applicable to the category of disputes under study but does not take into account the specific legal status of participants in the general meeting*

of a multi-unit residential building. The scientific novelty of this study lies in the development of criteria for forming a group, determining the proper defendant, joining property owners to the lawsuit, and applying the adversarial principle to a specific category of disputes—those in which decisions of the general meeting of property owners in a multi-unit residential building are contested. The methodological framework was based on formal-legal, systemic-structural, and comparative-legal methods. The study examined provisions of the Civil Code of the Russian Federation, the Housing Code of the Russian Federation, the Civil Procedure Code of the Russian Federation, clarifications issued by the Supreme Court of the Russian Federation, case law, and contemporary academic literature. Based on the results, it was concluded that problems arise in practice when determining the composition of the group and the circle of defendants, which negatively affects the effectiveness of the judicial mechanism of protection. The practical significance of the study lies in the development of proposals aimed at improving legislation, which will subsequently help establish uniformity in judicial practice.

Key words: *class action, collective action, apartment building, general meeting of owners, legal protection, legal protection, counsel, plaintiff, defendant.*

Введение

Управление общим имуществом в многоквартирных домах, с учетом статуса данного имущества, осуществляется коллективно. На практике принятие решений не всегда осуществляется с соблюдением требований законодательства, а принимаемые решения могут устраивать не всех собственников жилых помещений в многоквартирных домах. Как следствие возникают споры, в рамках которых оспариваются принятые решения. На фоне общего количества судебных дел, рассматриваемых судами, число дел, в рамках которых оспариваются решения, принятые на общем собрании собственников, относительно невелико, но оно не имеет тенденции к уменьшению.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2022 году из совокупности остатка и поступивших исков, что составляет 6535 дел, требования были удовлетворены по 2165 делам. В 2023 году из 7158 – 2461, а в 2024 из 6592 – 2427 [1]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что количество споров не изменяется существенно, то есть вопрос об оспаривании решений общего собрания собственников (далее по тексту – ОСС) помещений в многоквартирных домах (далее по тексту – МКД) сохраняет свою актуальность.

Процессуальное законодательство России в части групповых исковых было изменено в 2019 году, когда в нормах ГПК РФ появились положения о рассмотрении дел о защите прав и законных интересов группы лиц (глава 22.3) [2]. При этом законодатель не выделяет отдельные виды споров, в том числе исследуемая категория. Проблема заключается в том, что применительно к каждой разновидности дел присутствует своя специфика, но она не учтена при разработке положений закона. Например, в качестве таковой можно выделить закрепленное в статье 244.20 ГПК РФ требование о присоединении не менее чем двадцати лиц – членов группы к заявленному требованию о защите, чтобы дело могло быть рассмотрено по правилам главы 22.3 ГПК РФ [3]. Меньшее количество присоединившихся лиц – это предпосылка рассмотрения дела по общим правилам искового производства.

Следовательно, наличие процессуального, закрепленного в законе механизма защиты группы лиц еще не свидетельствует о возможности его применения на практике применительно к оспариванию решений ОСС помещений в МКД.

Итак, целью настоящей статьи является выявление процессуальных особенностей и проблем предъявления и рассмотрения групповых исков, в рамках которых оспариваются решения ОСС помещений в МКД.

Обзор литературы

Вопросам групповых исков в российской научной литературе уделяется внимание. Концепция группового иска разрабатывалась такими авторами, как В.В. Ярков, Ю.А. Тимофеев и Р.М. Ходыкин. В основу правового регулирования данные авторы предлагают положить идею об однородности требований и общности фактических обстоятельств [4; 5].

Идея развивается в работе И.В. Гинзбург, которая считает, что институт коллективных исков необходим для российского судопроизводства, как самостоятельный [6]. Обосновывая целесообразность сохранения института группового иска, В.В. Ярков и В.В. Долганичев выделяют процессуальную целесообразность и процессуальную экономию, как одни из причин, в силу которых групповые иски являются объективной необходимостью в рамках российского гражданского судопроизводства [7].

Специфика и проблематика подготовки по делам, в рамках которых рассматриваются групповые иски, была проанализирована Д.В. Еременко, уделившим отдельное внимание вопросам извещения участников соответствую-

щей группы [8].

Отдельные аспекты субъектного состава групповых исков исследованы в работах А.В. Афтаховой, которая обосновывает необходимость конкретизации нормативной терминологии [9].

Понятие группового иска исследуется А.И. Жуковой и Е.В. Жеребкиной. Данные авторы заостряют внимание на проблематике предъявления встречного иска, а также на непроработанности прав участников судопроизводства в связи с предъявлением группового иска [10]. Анализ понятия группового иска, специфики определения группы и критериев принадлежности к ней, излагается и в работах В.Г. Домшенко [11; 12], С.А. Митрачкова [13].

Таким образом, по результатам анализа научной литературы можно утверждать, что значительная часть работ посвящена понятию групповых исков, критериям, на основе которых определяется группа. Однако в большинстве случаев исследователи и теоретики права не уделяют внимания дифференциации групповых исков, в том числе выделенных на основе состава группы и ее особенностей. Как следствие, можно утверждать, что тема до настоящего времени разработана недостаточно.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования выбрано следующее. Нормативная основа – ГК РФ, ЖК РФ, ГПК РФ, поскольку указанные источники права определяют законодательно закрепленное понятие группового иска, основания оспаривания и специфику рассмотрения подобных дел. Для полноты исследования проанализированы правовые позиции Верховного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ, судебные акты судов общей юрисдикции, а также научные публикации отечественных исследователей.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, позволивший определить содержание и соотношение норм главы 9.1 ГК РФ, статьи 46 ЖК РФ и главы 22.3 ГПК РФ; системно-структурный метод, использованный для выявления взаимосвязей между материальными и процессуальными предпосылками предъявления группового иска; а также сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить нормативно закрепленные понятия, теорию права и судебную практику.

Результаты и обсуждение

Принятие коллективных решений, в том числе собственниками помещений в МКД, не всегда осуществляется единогласно, но для участников, не согласных с принятым решением предусмотрены механизмы правовой защиты. Наиболее эффективной защитой в настоящее время является обращение в суд. После закрепления в нормах ГПК РФ положений о групповых исках, для собственников помещений в МКД появилась возможность не только индивидуального оспаривания решений ОСС, но и коллективного.

Коллективные споры, как отмечает Н.А. Сутормин, предпочтительнее индивидуальных, потому что они обеспечивают финансовую и процессуальную экономию [14], что представляется обоснованным.

Оспаривание решений ОСС помещений в МКД предполагает возможность применения положений главы 22.3 ГПК РФ о групповых исках при соблюдении указанных в законе условий.

Управление общим имуществом в многоквартирном доме в силу положений статьи 44 ЖК РФ осуществляется путем проведения общих собраний. При этом по смыслу норм статьи 46 ЖК РФ принятые решения имеют обязательную силу для всех собственников помещений в МКД [15].

Общий материально-правовой интерес в использовании имущества не тождественен общности интересов, как она понимается применительно к групповым искам, будучи одним из обязательных условий предъявления группового иска в соответствии со статьей 244.20 ГПК РФ [3]. Общность интересов во втором случае – это общность позиции, которую занимает лицо.

Наличие группы – это основное условие рассмотрения дела по правилам главы 22.3 ГПК РФ. Применительно к собственникам помещений в МКД объединяющим группу фактором является право собственности на соответствующее жилое помещение. Однако само по себе право собственности не может рассматриваться в качестве условия, при котором возможно присоединение к группе в том смысле, который придается понятию в гражданском процессуальном законодательстве. У присоединяющихся лиц должны быть общие интересы в части оспаривания того или иного решения, права и законные интересы должны быть однородны, все члены группы должны выбрать одинаковый способ защиты своих прав.

Второй критерий, предусмотренный статьей 244.20 ГПК РФ, на котором необходимо отдельно заострить внимание – это наличие общего ответчика. Применительно к групповому иску ответчик должен быть общим для каждого из истцов. Суд должен установить, что требования каждого из истцов направлены против одного и того же ответчика.

В судебной правоприменительной практике уже постепенно формируется единообразие в части установления совокупности оснований, при которых рассмотрение дела допускается по правилам главы 22.3 ГПК РФ. В частности, Мыти-

щинский городской суд Московской области не только установил общность требований истцов – собственников помещений в МКД, оспаривавших решение общего собрания, но и общность требований к одному ответчику [16].

Вместе с тем, анализ судебной практики позволяет утверждать, что акцент порой ставится на формальном совпадении ответчика, а материально-правовая природа заявленного требования не всегда подвергается анализу в совокупности с иными критериями групповых исков, закрепленными в законе.

Представляется, что при разрешении вопроса о возможности группового производства суду необходимо исходить не из формального совпадения ответчика, а из материально-правовой природы спорного требования. Если требование каждого собственника состоит в признании недействительным одного и того же решения общего собрания по одному и тому же основанию, условие об общем ответчике следует толковать во взаимосвязи с положениями статьи 181.4 ГК РФ и статьи 46 ЖК РФ.

Проблема определения ответчиков по анализируемой категории дел сохраняется, как отмечает Д.А. Туманов, но суды чаще в качестве надлежащих ответчиков рассматривают инициаторов проведения ОСС [20].

Определение инициаторов проведения ОСС, лиц, голосовавших за принятие соответствующего решения в качестве ответчиков по делу представляется вполне логичным и обоснованным, так как речь идет о том, что их интересы явно противоречат интересам истцов, поскольку истцы либо не голосовали, либо голосовали против принятого решения.

Верховный Суд РФ в 2015 году изложил правовую позицию, согласно которой надлежащими ответчиками по исследуемой категории гражданских дел являются собственники помещений в МКД [21]. При этом в настоящее время собственники должны выступать в качестве истцов, присоединяясь к иску или утрачивая на будущее право оспорить решение, что не позволяет в полной мере применять указанную правовую позицию.

Представляется, что собственники, принимавшие участие в ОСС и голосовавшие за принятие решения должны выступать в качестве ответчиков по делу, а те, кто не принимал участие или голосовал против – могут реализовать право на присоединение к иску.

Специфика групповых исков проявляется также в определении того, как реализуются намерения оспорить решение со стороны участника группы. В силу положений пункта 6 статьи 181.4 ГК РФ на лицо, намеренное обратиться в суд, возлагается обязанность уведомления всех участников соответствующего сообщества и предоставления им необходимой информации [17]. Уведомление в данном случае – это предпосылка присоединения иных участников группы к иску, обеспечиваемая за счет установления запрета на обращение в суд впоследствии, если возможность присоединения не была реализована изначально.

Предусматривая требование об уведомлении, законодатель не конкретизирует способ, которым уведомление должно быть осуществлено. Пленум Верховного Суда РФ дает разъяснения только применительно к корпоративным спорам, отмечая, что порядок уведомления не должен создавать существенные препятствия для обращения в суд, а положения гражданского законодательства о заблаговременном уведомлении применимы к правоотношениям собственников помещений МКД в той мере, в какой правоотношения не урегулированы нормами главы 6 ЖК РФ [18].

Вместе с тем, в статье 45 ЖК РФ закреплено положение о предоставлении реестра собственников жилья лицу, которое письменно обращается, уведомляя о намерении собрать ОСС МКД. Согласия на передачу персональных данных в этом случае не требуется. Представляется, что именно это правило целесообразно закрепить применительно к уведомлению о намерении оспаривания решения ОСС помещений в МКД.

Наличие данных всех собственников упрощает уведомление, но сам способ уведомления, не предусмотренный законом, нуждается в проработке и нормативном закреплении. Необходим дополнительный механизм уведомления, который не был бы чрезмерно обременительным для гражданина (в частности, отправка писем посредством «Почты России» представляется чрезмерно обременительным механизмом по причине затратности).

В этой связи целесообразно внести изменения в ЖК, дополнив статью 46 пунктом 6.1, прямо закрепляющим перечень допустимых способов уведомления собственников жилья в МКД о намерении обращения в суд с групповым иском, а также установить, что использование Государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства признается приоритетным способом уведомления, обеспечивающим презумпцию надлежащего извещения участников общего собрания.

Отдельно представляется необходимым заострить внимание на последствиях принятия решения по спору, в рамках которого оспаривается решение ОСС помещений в МКД. Как отмечено выше, для групповых исков законодатель закрепил невозможность реализации права на обращение в суд применительно к собственникам,

которые не присоединились к групповому иску. Данное ограничение направлено на исключение возникновения ситуаций, когда одному и тому же решению ОСС будет дана различная оценка, хотя некоторые исследователи полагают, что речь идет о неправомерном лишении права, способ фиксации которого законодателем не определен [19]. Процессуальная модель группового иска изначально ориентирована на разрешение единого спора в интересах множества лиц.

Правильной представляется оценка, которая была дана исследуемым нормам гражданского процессуального законодательства еще на стадии обсуждения проекта. В.В. Ярков, Ю.А. Тимофеев и Р.М. Ходыкин указывают, что речь идет о понуждении к реализации права под угрозой его лишения впоследствии, в то время как право может быть реализовано исключительно по усмотрению его обладателя [4].

В целях исключения возможности злоупотреблений со стороны недобросовестных собственников помещений в МКД, а также защиты интересов участников определенной группы целесообразно закрепить непосредственно в законе положения о допустимости подачи последующего (то есть уже после состоявшегося решения по спору в отношении данного решения ОСС) индивидуального иска об оспаривании решения ОСС помещений в МКД в том случае, когда будет доказан факт ненадлежащего исполнения обязанности по уведомлению. Поскольку нормы ЖК РФ имеют в данном случае приоритет перед нормами ГК РФ, предлагаемое положение предпочтительнее закрепить в статье 46 ЖК РФ.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что предусмотренный главой 22.3 ГПК РФ механизм группового иска может применяться при оспаривании решений ОСС помещений в МКД, однако его реализация сопряжена с рядом процессуальных особенностей. При этом отдельные аспекты не проработаны до настоящего времени, что создает правовую неопределенность.

В целях совершенствования правового регулирования по результатам исследования предложены изменения в законодательство России. Предлагается законодательно закрепить уведомление собственников о подаче иска через ГИС ЖКХ. Кроме того, категоричный запрет на обращение в суд для неприсоединившихся собственников создает предпосылку нарушения их прав в том случае, когда уведомление не было осуществлено надлежащим образом. Поэтому целесообразно закрепить норму о допустимости оспаривания для неприсоединившихся к иску собственников помещений в МКД в том случае, если они не были надлежащим образом уведомлены о подготовке и подаче иска.

Одновременно необходимо определить правовые последствия ненадлежащего уведомления, в том числе возможность последующего индивидуального оспаривания решения ОСС собственником, которому не была предоставлена реальная возможность присоединиться к групповому иску.

Исследование вопросов оспаривания в дальнейшем является перспективным направлением, потому что данный способ защиты прав и законных интересов востребован.

Список литературы:

[1] Данные судебной статистики / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://cdep.ru/?id=79. (дата обращения: 16.08.2026).

[2] Федеральный закон от 18.07.2019 № 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 29 (ч. I). Ст. 3858.

[3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

[4] Ярков В.В., Тимофеев Ю.А., Ходыкин Р.М. О проекте главы 38.1 ГПК РФ «Рассмотрение дел о защите прав и законных интересов группы лиц» // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 8. С. 16-20.

[5] Ярков В.В., Тимофеев Ю.А., Ходыкин Р.М. О проекте главы 38.1 ГПК РФ «Рассмотрение дел о защите прав и законных интересов группы лиц» // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 9. С. 16-20.

[6] Гинзбург И.В. Защита прав и законных интересов группы лиц (компаративистский анализ) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 5. С. 71-83.

[7] Ярков В.В., Долганичев В.В. Подготовка специалистов юридических направлений в контексте развития коллективных форму судебной защиты // Перспективы науки и образования. 2020. № 6 (48). С. 136-153.

[8] Еременко Д.В. Некоторые проблемы публикаций предложений о присоединении к групповым искам // Право и государство: теория и практика. 2024. № 10 (238). С. 392-396.

[9] Афтахова А.В. Субъекты защиты прав и законных интересов группы лиц: вопросы терминологии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: право. 2022. № 3 (71). С. 79-85.

[10] Жукова А.И., Жеребкина Е.В. К вопросу о некоторых проблемах реализации института

групповых исков в гражданском судопроизводстве // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 147-150.

[11] Домшенко В.Г. О российской модели группового иска // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. С. 77-85.

[12] Домшенко В.Г. Модель формирования группы лиц как ключевая характеристика механизма группового иска: сравнительно-правовое исследование // Вестник гражданского процесса. 2023. № 2. С. 218-257.

[13] Митрачков С.А. Подходы к понятию группового иска в российском правовом дискурсе // Юридическая наука. 2024. № 1. С. 120-125.

[14] Сутормин Н.А. Преимущества и недостатки группового иска // Государство и право. 2020. № 7. С. 119-123.

[15] Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14.

[16] Решение Мытищинского городского суда Московской области от 10.02.2026 по делу № 2-264/2026 (УИД 50RS0028-01-2025-007259-79) // СудАкт. [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/3cWD92bBkr1R/. (дата обращения: 16.08.2026).

[17] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[18] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

[19] Трезубов Е.С., Звягина Н.С. Проблемы правового статуса участников группы лиц при рассмотрении коллективных исков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 27, № 4. С. 1065-1078.

[20] Туманов Д.А. К вопросу об исках против группы лиц и неопределенного круга лиц // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 3. С. 62-66.

[21] Определение Верховного Суда РФ от 23.11.2015 № 302-ЭС15-14438 по делу № А19-12594/2013 // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=444780#7Qc0hSVssNUkfCUm. (дата обращения: 16.08.2026).

References:

[1] Judicial statistics data / Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: https://cdep.ru/?id=79. (Accessed: 16.08.2026).

[2] Federal Law of 18.07.2019 No. 191-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 29 (Part I). Art. 3858.

[3] Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 04.08.2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.

[4] Yarkov V.V., Timofeev Yu.A., Khodykin R.M. On the draft Chapter 38.1 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation "Consideration of Cases on the Protection of the Rights and Legitimate Interests of a Group of Persons" // Arbitration and Civil Procedure. 2012. No. 8. pp. 16-20.

[5] Yarkov V.V., Timofeev Yu.A., Khodykin R.M. On the draft Chapter 38.1 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation "Consideration of Cases on the Protection of the Rights and Legitimate Interests of a Group of Persons" // Arbitration and Civil Procedure. 2012. No. 9. pp. 16-20.

[6] Ginzburg I.V. Protection of the Rights and Legitimate Interests of a Group of Persons (comparativistic analysis) // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2022. Vol. 18. No. 5. pp. 71-83.

[7] Yarkov V.V., Dolganichev V.V. Training of specialists in legal fields in the context of the development of collective forms of judicial protection // Prospects of Science and Education. 2020. No. 6 (48). Pp. 136-153.

[8] Eremenko D.V. Some problems of publishing proposals to join class actions // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 10 (238). Pp. 392-396.

[9] Aftakhova A.V. Subjects of protection of the rights and legitimate interests of a group of persons: issues of terminology // Bulletin of Tver State University. Series: Law. 2022. No. 3 (71). Pp. 79-85.

[10] Zhukova A.I., Zherebkina E.V. On Some Problems of Implementing the Institute of Class Actions in Civil Proceedings // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 1. pp. 147-150.

[11] Domshenko V.G. On the Russian Model of a Class Action // Property Relations in the Russian Federation. 2023. pp. 77-85.

[12] Domshenko V.G. The Model of Formation of a Group of Persons as a Key Characteristic of the Class Action Mechanism: A Comparative Legal Study // Bulletin of Civil Procedure. 2023. No. 2. pp. 218-257.

[13] Mitrachkov S.A. Approaches to the Concept of a Class Action in Russian Legal Discourse // Legal Science. 2024. No. 1. pp. 120-125.

[14] Sutormin N.A. Advantages and Disadvantages of a Class Action Lawsuit // State and Law. 2020. No. 7. pp. 119-123.

[15] Housing Code of the Russian Federation of December 29, 2004 No. 188-FZ (as amended on August 4, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1 (Part 1). Art. 14.

[16] Decision of the Mytishchi City Court of the Moscow Region dated February 10, 2026 in Case No. 2-264/2026 (UID 50RS0028-01-2025-007259-79) // SudAkt. [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/3cWD92bBkr1R/. (Accessed: 16.08.2026).

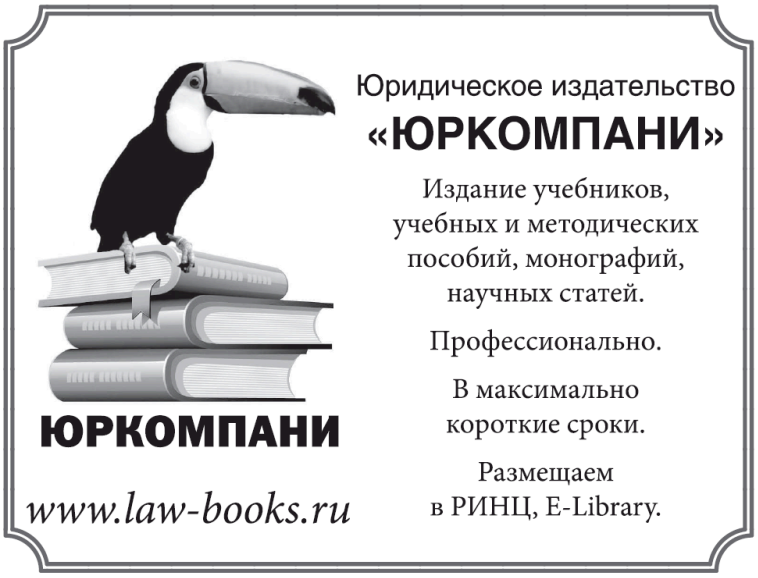
[17] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 10.06.2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Article 3301.

[18] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 8.

[19] Trezubov E.S., Zvyagina N.S. Problems of the Legal Status of Participants in a Group of Persons in the Consideration of Class Action Claims // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2023. Vol. 27, No. 4. Pp. 1065-1078.

[20] Tumanov D.A. On the Issue of Claims against a Group of Persons and an Indefinite Circle of Persons // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2024. No. 3. Pp. 62-66.

[21] Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 23, 2015 No. 302-ES15-14438 in Case No. A19-12594/2013 // SPS ConsultantPlus. [Electronic resource]. URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=444780#7Qc0hSVssNUkfCUm. (date accessed: 16.08.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 19.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-174-180
Дата принятия рукописи в печать: 31.08.2026 г.

ХАЛИЛОВА Элина Омаровна,
4 курс 40.03.01 "Юриспруденция", образовательная программа "Юридическая деятельность", СЗИУ РАНХиГС, г. Санкт-Петербург, Россия,
тел. +79312135553,
e-mail: ekhalilova-19@ranepa.ru

КИСЕЛЕВА Ксения Евгеньевна,
4 курс «Юриспруденция», образовательная программа "Юридическая деятельность", СЗИУ РАНХиГС, г. Санкт-Петербург, Россия,
тел. +79313152515,
e-mail: ksu-kisel@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБОРОТЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ СО СТОРОНЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Аннотация. *В статье рассматривается комплекс проблем, связанных с правовым регулированием оборота земельных участков в рамках частного права. Автор анализирует действующие нормы гражданского и земельного законодательства, выявляет коллизии и пробелы в регулировании сделок с земельными участками, а также противоречия между публично-правовыми ограничениями и частноправовыми интересами участников оборота. Особое внимание уделяется вопросам оборотоспособности земельных участков, специфике их правового режима как объектов недвижимости, а также балансу частных и публичных интересов при распоряжении землёй.*

На основе проведённого анализа предлагается концепция совершенствования законодательства, включающая меры по гармонизации норм гражданского и земельного права, уточнению правового статуса отдельных категорий земель, упрощению процедур совершения сделок и повышению прозрачности земельного оборота. В работе приведены примеры правоприменительной практики и рассмотрены возможные правовые модели регулирования, адаптированные к современным социально-экономическим условиям.

Ключевые слова: *концепция совершенствования законодательства, частное право, гражданско-правовое регулирование, реформа земельного законодательства, баланс частного и публичного интереса, оборот земельных участков, правовой режим земельного участка, недвижимое имущество, сделки с землёй, гражданский оборот.*

KHALILOVA Elina Omarovna,
4th-year student, 40.03.01 "Jurisprudence", Legal Activity Educational Program, Northwestern Management University, RANEPA, St. Petersburg, Russia

KISELEVA Ksenia Evgenievna,
4th-year student, "Jurisprudence", Legal Activity Educational Program, Northwestern Management University, RANEPA, St. Petersburg, Russia

THE CONCEPT OF IMPROVING THE LEGISLATION ON THE CIRCULATION OF LAND PLOTS FROM THE PERSPECTIVE OF PRIVATE LAW

Annotation. *The article examines a range of issues related to the legal regulation of the turnover of land plots within the framework of private law. The author analyzes the current norms of civil and land legislation, identifies conflicts and gaps in the regulation of transactions involving land plots, as well as contradictions between public law restrictions and the private law interests of the parties involved in the turnover. Special attention is paid to the issues of the marketability of land plots, the specifics of their legal regime as real estate objects, and the balance between private and public interests in the disposal of land.*

Based on the analysis conducted, a concept for improving the legislation is proposed, which includes measures to harmonize the norms of civil and land law, clarify the legal status of certain categories of land, simplify transaction procedures, and increase the transparency of land turnover. The paper provides examples of law enforcement practice and examines possible legal models for regulation.

Key words: *The concept of improving legislation, private law, civil law regulation, reform of land legislation, balance of private and public interests, turnover of land plots, legal regime of a land plot, real estate, transactions involving land, civil turnover.*

Введение. Современное российское законодательство об обороте земельных участков пережило несколько крупных реформ. Однако накопившиеся противоречия и пробелы показывают: нужна не очередная правка, а целостная концепция развития. Такая система должна обеспечивать предсказуемость оборота прав на землю, рациональное использование территорий, защиту публичных интересов и снижение издержек для государства и бизнеса. В научной и экспертной среде уже просматриваются контуры будущей модели регулирования. Предлагаемые законодательные изменения направлены на то, чтобы одновременно усилить правовую защищённость обладателей участков, сбалансировать публичные и частные интересы, а также адаптировать земельно-правовой механизм к цифровым учётно-регистрационным процессам. [4; 6] Цель настоящей работы — охарактеризовать актуальные правовые рамки оборота земельных участков и определить векторы их дальнейшей эволюции. В центре внимания находятся нормативная база эданного направления законодательства, оценка требований к обороту прав на землю, а также юридические аспекты рационального использования земельных участков.

Материалы и методы. Исследование опирается на комплексную методологию, соединяющую общенаучные приемы с инструментарием юридической догматики. С помощью анализа и синтеза выделены устойчивые этапы развития профильного законодательства. Формально-юридический метод применен для изучения содержания ключевых федеральных законов и подзаконных актов, регламентирующих работу государственных информационных систем. Системный подход позволил трактовать оборот земельных участков к взаимосвязанную конструкцию, объединяющую нормы, земельного и частного права. Эмпирическую основу составляют актуальные программные документы законодательства в области оборота земельных участков, а также текущие данные о трендах в смежных областях и законодательных норм. Обращение к свежему эмпирическому материалу обусловлено высокой актуальностью данной сферы законодательства, которая существенно влияет на рынок оборота земельных участков.

Литературный обзор. На текущий момент академический дискурс сфокусирован вокруг российской модели оборота земель. В данной модели этап почти полного изъятия участков из гражданского оборота сменился нынешним сложным устройством, где частноправовые рыночные механизмы тесно переплетены с жёстким публичным территориальным режимом. Показательно, что именно на этом перекрестке межотраслевые противоречия, рассмотренные ранее, обостряются до предела, а значит, назревает необходимость в системной доктрине их разрешения.

Первый узел проблем по мнению исследователей — избыточная «расщеплённость» земельных норм. Сегодня они рассыпаны по разным кодексам и законам, нередко дублируют или по-разному модифицируют положения Гражданского кодекса. Суды и административные органы вынуждены сами выстраивать иерархию норм, хотя одинаковые по сути отношения оказываются подчинены разным логикам. Реформа должна дать чёткое разграничение предметов регулирования и устойчивые стыки между земельными, градостроительными и гражданскими институтами. Для данной научной специальности такая логика требует не просто разграничить гражданско-правовые и земельно-правовые предписания по формальным признакам, а выстроить их иерархию и взаимодействие так, чтобы частные правовые механизмы перестали вступать в латентный конфликт с публичными режимами, а сам правоприменитель получил ясные ориентиры в этом межотраслевом поле.

Вторая линия связана с видами разрешённого использования участков и их привязкой к территориальному зонированию. Новые кодифицированные подходы призваны сократить произвольное толкование и устранить разрыв между текстом регламентов и экономической реальностью. Но двигаться нужно дальше: к большей прозрачности, единообразию классификации и цифровым сервисам, чтобы изменение вида использования не подменяло процедуру предоставления земли. Такой подход сокращает простор для манипуляций при смене разрешённого использования, одновременно гарантируя предсказуемость правового положения для владельцев и арендаторов, а также увязывая рыночный оборот участков с публичными территориальными решениями.

Концептуальная модель совершенствования законодательства оборота земельных участков.

Особый разговор — земли сельхозназначения. До сих пор здесь сохраняются массивы невостребованных долей, неиспользуемые угодья и правовые риски для инвесторов. Вместо карательной модели контроля требуется переход к такой, где право и экономика вместе побуждают к реальному освоению земли — через единую информационную систему, чёткие критерии неиспользования и экономические стимулы для добросовестных пользователей. Предлагается заместить репрессивную логику воздействия моделью, где права собственника сельхозземель не ущемляются, а наполняются прозрачными стимулами. Такой подход позволяет оценивать действия владельца по четким, заранее известным критериям, что напрямую отвечает цели исследования — поиску работающих инструментов для возврата неиспользуемых угодий в хозяйственный оборот. То же касается неэффективно используемых «спящих» участков не только в сельском хозяйстве. Признаки неиспользования предлагается привязать не к формальному отсутствию деятельности, а к фактическому состоянию участка. Это станет основой для принудительного вовлечения в оборот через изъятие или передачу новым пользователям — но с сохранением гарантий для добросовестных правообладателей. [1]

Концептуальное требование к механизму вовлечения — исключить риск произвольного изъятия собственности. Для этого суды и административные органы обязаны опираться на заранее утвержденные и единые для всех случаев стандарты: четкие границы неиспользования, обязательный досудебный порядок уведомления и фиксированную шкалу компенсации. Только такая унификация процедур гарантирует, что решение будет следствием объективных обстоятельств, а не усмотрения отдельного правоприменителя.

Цифровизация как элемент правовой модели оборота земельных участков.

Цифровизация здесь не просто перевод учёта в электронный вид, а создание взаимосвязанных федеральных систем. В режиме, близком к реальному времени, можно будет получить данные о статусе участка, владельце, ограничениях и зонах с особыми условиями. Это снизит информационную асимметрию между государством, бизнесом и гражданами, уменьшит ошибки в сделках. В частноправовой логике это напрямую защищает добросовестного приобретателя: вместо разрозненных справок из разных источников он видит целостный и юридически чистый статус участка. Такая полнота данных превращает решение из рискованной догадки в обоснованный выбор, исключая скрытые обременения, которые раньше всплывали уже после сделки.

Новые инструменты вроде публично-правовых соглашений и расширенных правил изъятия земли для государственных нужд не должны подрывать доверие к институту собственности. Наоборот, нужны ясные компенсационные механизмы и возможность для частных лиц участвовать в планировании преобразований. [2] С этим связана и гармонизация изъятия земельных участков. Существующая модель страдает от несоразмерности компенсации, длительности процедур и неоднородности судебной практики. Реформа требует чёткого определения публичных целей, прозрачности резервирования и стандартизированной оценки компенсации. Тогда изъятие будет восприниматься как исключительная, но необходимая мера, а не как инструмент давления.

Зонирование и зоны с учетом особых условий использования.

Отдельно стоит зонирование и зоны с особыми условиями использования. Их дублирование и несогласованность создают правовую неопределённость. Необходима унификация подходов и единые цифровые реестры, чтобы ограничения не обнаруживались уже после заключения договора.

Сложные земельные режимы должны быть понятны не только специалистам, но и обычным гражданам и предпринимателям. Меньше громоздких формулировок и необоснованных отсылок, больше логики и согласованности терминов — это само по себе становится элементом реформы, снижающим число ошибок и судебных споров. Цифровые технологии в земельном обороте больше не просто помогают, а сами диктуют, как должно меняться регулирование. Старая модель — бумажные процедуры, ведомственно разрозненные базы, разное толкование норм — уже не тянет ни объёмы сделок, ни требования к

прозрачности и скорости. Поэтому сводить цифровизацию к обновлению сервисов Росреестра или электронным заявлениям — ошибка. Речь идёт о глубинной трансформации самого способа правового регулирования.

В российском праве эта трансформация идёт по двум линиям. Первая, очевидная: государство переводит в электронную форму услуги в сфере недвижимости, чтобы сократить сроки и убрать лишние барьеры. Вторая, более сложная: кадастровый учёт, регистрация прав, пространственные данные, зоны с особыми условиями, электронные аукционы и контроль за землёй начинают работать внутри единой цифровой экосистемы. Именно этот переход от разрозненной автоматизации к интегрированной среде и делает тему унификации законодательства по-настоящему острой. Цифровая модель меняет само понятие правового статуса участка. Раньше правообладатель ходил по разным ведомствам, сверял несопоставимые бумажки и сам разбирался с противоречиями. Теперь предполагается, что юридически значимая информация верифицируется в одном цифровом контуре. Статус участка становится структурированным цифровым профилем: право, кадастр, ограничения, сервитуты, зонирование — всё в одной логике. Такая модель сама требует, чтобы нормы разных отраслей были совместимы не только на бумаге, но и в цифровом применении.

Прозрачность и борьба с коррупцией — вот что эксперты называют главным выигрышем. Электронные платформы фиксируют каждое действие чиновника, отсекают субъективное усмотрение, не дают манипулировать данными. Особенно ярко это видно на торгах публичной землёй. Электронные аукционы изменили не только формат, но и саму логику доступа к ресурсу: условия, договоры, протоколы существуют в единой среде и подписываются усиленной электронной подписью. Цифровое пространство перестаёт быть просто удобным интерфейсом — оно становится местом, где рождается и подтверждается право на землю. [3] Отсюда прямой вывод: без унификации регулирования цифровизация невозможна. Нельзя построить эффективную систему, если Земельный кодекс, закон о регистрации, градостроительные нормы и ведомственные регламенты трактуют одни и те же понятия по-разному. Цифровой среде нужна юридическая однозначность. Если конструкция допускает слишком широкое толкование, алгоритмизация становится либо невозможной, либо опасной. Так что внедрение технологий объективно подталкивает государство к стандартизации понятий и унификации процедур.

Унификация терминологии в части оборота земельных участков.

Предлагаемая унификация терминов и процедур учёта устранит разночтения в правоприменении. Однако её ценность шире технической правки: именно согласованность этих механизмов превращает земельное законодательство из свода правил в рабочий инструмент территориального развития. Пример такого движения — Национальная система пространственных данных и цифровые решения Росреестра. Сегодня их рассматривают не просто как технический проект, а как инструмент комплексного развития территорий, выявления незарегистрированных объектов и профилактики нарушений. Цифровая платформа становится новой институциональной формой: учёт, контроль, услуги и планирование соединяются в одном контуре. Ведомства больше не обмениваются бумагами — они работают с общей системой пространственно-правовых данных.

Однако достижение этой цели упирается в пересмотр устоявшихся границ полномочий. Если координация между ведомствами останется прежней, даже самый совершенный цифровой контур лишь перенесет существующую разобщенность на новую технологическую платформу, не устранив ее сути.

Геоинформационные технологии, дистанционный мониторинг, анализ больших данных и элементы искусственного интеллекта уже активно используются. Они помогают картографировать территории, находить расхождения между фактическим и зарегистрированным использованием, автоматически проверять документы. С правовой точки зрения это означает, что реальная земля на местности и её описание в реестре сближаются. Но появляются и новые вопросы: можно ли полагаться на алгоритмы при юридически значимых решениях, кто отвечает за ошибки системы, как проверять автоматизированные выводы. Иными словами, цифровизация не устраняет правовые проблемы, а переводит их в другую плоскость. Бумажная система порождала утрату документов и коррупционное усмотрение. Цифровая порождает киберугрозы, утечки данных, ошибки алгоритмов и риск недоступности правосудия для тех, кто плохо владеет технологиями. Поэтому унификация должна охватывать не только земельные процедуры, но и общие стандарты цифровой юридической безопасности: правила аутентификации, защиту информации, порядок оспаривания цифровых действий. Без этого доверия не будет. Унификация терминов и учёта устранит разночтения, но её эффект зависит от пересмотра ведомственных границ. Без реальной координации цифровой контур законсервирует старую разобщённость. Поэтому стержнем реформы должны стать стандарты юридической безопасности, где

защита данных, ясность алгоритмов и порядок обжалования ошибок систем перестанут быть разрозненными нормами, а составят единую основу ответственности. [4; 5] Цифровизация стирает привычные границы между учётом, регистрацией и контролем. Когда сведения об участке, ограничениях, сервитутах и зонах автоматически интегрируются в ЕГРН, государство получает возможность в реальном времени отслеживать соблюдение режима. Регистрация, предоставление участка, контроль и выявление нарушений выстраиваются в единый цифровой процесс. Это требует пересмотра старых моделей распределения полномочий, которые создавались под бумажный документооборот и ведомственную автономию.

Многое меняют и электронные аукционы. Обязательная электронная форма для большинства торгов означает, что сама сделка по приобретению участка или права аренды становится частью цифрового процесса, где условия, договор, данные о победителе и результаты логически связаны. Возможность «ручной» настройки условий резко снижается. Но одновременно это требует унификации правил на всех уровнях — от федерального до муниципального. Иначе технологически единая форма будет скрывать правовую разнородность содержания. Блокчейн и другие технологии с неизменяемой записью обсуждаются как средство повышения доверия к цифровым сделкам. Однако пока нет нормативной модели, которая определила бы юридический статус распределённых реестров, их соотношение с ЕГРН, порядок исправления ошибок и ответственность за сбои. Технология может быть надёжной, но без ясного правового статуса она остаётся экспериментом, а не элементом регулирования.

Ещё один барьер — разнобой в терминологии. Чтобы цифровая система работала, понятия «земельный участок», «публичный сервитут», «вид разрешённого использования», «зона с особыми условиями» должны иметь стабильное и сопоставимое содержание во всех нормативных актах. Если земельное, градостроительное и регистрационное законодательство описывают одно и то же по-разному, цифровая система не устранит противоречия, а воспроизведёт их. Унификация в цифровую эпоху — это ещё и унификация юридического языка. [6] Практический смысл прост: участник оборота, подающий заявление через портал или участвующий в электронном аукционе, ожидает целостной и актуальной картины правового статуса участка. Если после сделки выясняется, что часть ограничений не внесена в реестр или сведения ведомств расходятся, доверие к цифровой среде рушится. Цифровизация повышает цену любой правовой нестыковки: то, что раньше считалось бюрократической неточностью, теперь выглядит как системная ошибка регулирования.

Нельзя забывать и о социальной стороне. Доступность услуг зависит не только от наличия интерфейса, но и от его удобства и понятности. Если система рассчитана только на технически подготовленных пользователей, возникает новое неравенство в доступе к земельным правам — особенно для жителей отдалённых территорий, малого бизнеса и сельских землепользователей. Унификация должна создавать универсальную среду, где последствия цифровых действий очевидны для всех. [7; 8] Цифровизация земельных отношений невозможна без единого понимания целей, проектов и распределения ответственности между регуляторами. Пока сервисы развиваются быстрее, чем правовая концепция их взаимодействия, сохраняется риск ведомственной фрагментации. Одна платформа отвечает за пространственные данные, другая — за торги, третья — за регистрацию, четвёртая — за градостроительство. А пользователь снова собирает картину по кускам. Поэтому унификация должна охватывать не только законы, но и институциональную архитектуру: единые правила обмена, форматы данных, согласованные сроки и стандарты действий. Без этого цифровизация останется набором параллельных сервисов, а не полноценной реформой.

Итак, внедрение технологий и унификация регулирования — это не два разных процесса, а одна линия модернизации земельного права. Цифровизация требует юридической однозначности и прозрачности. Унификация получает новый импульс именно потому, что сложную правовую реальность нужно перевести в устойчивые цифровые формы. В перспективе такая трансформация способна создать прозрачную, предсказуемую и технологически надёжную систему оборота земли, где учёт, регистрация, торги, контроль и пространственное планирование работают как единый механизм. Но для этого право не должно просто «сопровождать» цифровизацию — оно обязано заранее сформировать для неё понятные и единообразные правила, способные обеспечить одновременно эффективность, безопасность и доверие участников. [9; 10] Унификация терминов и учёта устранит разночтения, но её эффект зависит от пересмотра ведомственных границ. Без реальной координации цифровой контур законсервирует старую разобщённость. Поэтому стержнем реформы должны стать стандарты юридической безопасности, где защита данных, ясность алгоритмов и порядок обжалования ошибок систем перестанут быть разрозненными нормами, а составят единую основу от-

ветственности. Такая логика позволяет выйти за рамки отраслевых противоречий: упорядочив регуляторные источники и опираясь на складывающуюся судебную практику, можно сформировать стимулы для рационального землепользования в единой цифровой среде.

Заключение. Исследование показало: оборот земельных участков в России нельзя объяснить средствами одной отрасли права. Он складывается на пересечении гражданских, земельных, градостроительных, административных и регистрационных норм, каждая из которых регулирует один и тот же объект, но с разных сторон. В действующей правовой системе земельный участок — не просто недвижимая вещь для имущественного обмена. Это особый объект, чья юридическая судьба определяется сочетанием частного интереса владельца и множества публичных требований: от охраны территории до государственного контроля. Поэтому межотраслевой характер регулирования земельного оборота — не абстракция, а объективное свойство самого предмета. Оно проявляется на всех стадиях жизни участка: от образования и постановки на учет до сделок, использования, изменения режима и судебной защиты.

Список литературы:

[1] Лемещенко О. В. Рынок земельных ресурсов: фискальные результаты и эффективность государственного управления // Проблемы агрорынка. – 2026. – №. 1. – С. 240-249.

[2] Ламбаев Ж. Т. Эффективное осуществление права собственности и нормы гражданского законодательства // Пролог: журнал о праве. – 2022. – №. 2 (34). – С. 48-56.

[3] Федяев К. С., Муратов М. С. Состояние и экономическая эффективность использования земельных ресурсов в сельскохозяйственной организации // Наука и Образование. – 2025. – Т. 8. – №. 4. С. 121-126.

[4] Войновский В. З. Функции, цели и задачи утилизационного сбора: негативные и позитивные последствия // Вопросы российского и международного права. — 2026. — Том 16, № 3А. — С. 86.

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 26.11.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

[6] Тананыкин С. С., Боер А. А. Особенности договора аренды земельных участков как объектов недвижимого имущества // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2023. – №. 5 (81). – С. 309-315.

[7] Тюлякова А. С., Тадевосян Г. Х. Прекращение как объект теоретико-правового исследования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – №. 5 (148). – С. 62-69.

[8] Томилин К. В. Развитие земельных отношений в сельском хозяйстве региона (на материалах Кемеровской области–Кузбасса) : дис. – Москва, 2022, 2022. 204 с.

[9] Тополевская М. В. Право собственности на земельные участки: взаимодействие гражданского и земельного права // ББК 67.400. 1 (2Рос) К67. – 2025. – С. 204.

[10] Турдакын М. Б. Роль земельных ресурсов в государственной экономической системе // The Scientific Heritage. – 2022. – №. 87-1. – С. 24-29.

[11] Царенко И. В. Регулирование использования трудовых ресурсов на региональном рынке труда : дис. – Царенко Ирина Владимировна, 2022. 223 с.

[12] Цибульникова М. Р. Оценка природных ресурсов территории в парадигме устойчивого развития // Географический вестник. – 2024. – №. 2 (69). – С. 69-77.

[13] Шевченко И. В. Земельное правовое регулирование и продовольственная безопасность: проблемы правового оборота сельскохозяйственных земель // Инновации и продовольственная безопасность. – 2025. – №. 3. – С. 72-96.

References:

[1] Lemeshchenko O. V. Land Resources Market: Fiscal Results and Public Administration Efficiency // Problems of the Agricultural Market. - 2026. - No. 1. - Pp. 240-249.

[2] Lambaev Zh. T. Effective Exercise of Property Rights and Civil Legislation // Prologue: Journal of Law. - 2022. - No. 2 (34). - Pp. 48-56.

[3] Fedyaev K. S., Muratov M. S. State and Economic Efficiency of Land Resources Use in an Agricultural Organization // Science and Education. - 2025. - Vol. 8. - No. 4. Pp. 121-126.

[4] Voynovsky V. Z. Functions, Goals, and Objectives of the Utilization Fee: Negative and Positive Consequences // Issues of Russian and International Law. — 2026. — Vol. 16, No. 3A. — P. 86.

[5] Civil Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law of 26.01.1996 No. 14-FZ (as amended on 26.11.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 5. – Art. 410.

[6] Tananykin S. S., Boer A. A. Features of a Lease Agreement for Land Plots as Real Estate // Skif. Issues of Student Science. – 2023. – No. 5 (81). – P. 309-315.

[7] Tyulyakova A. S., Tadevosyan G. Kh. Termination as an Object of Theoretical and Legal Research // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2022. – No. 5 (148). – P. 62-69.

[8] Tomilin K. V. Development of land relations in regional agriculture (based on materials from the Kemerovo region–Kuzbass): diss. – Moscow, 2022, 2022. 204 p.

[9] Topolevskaya M. V. Ownership of land plots:

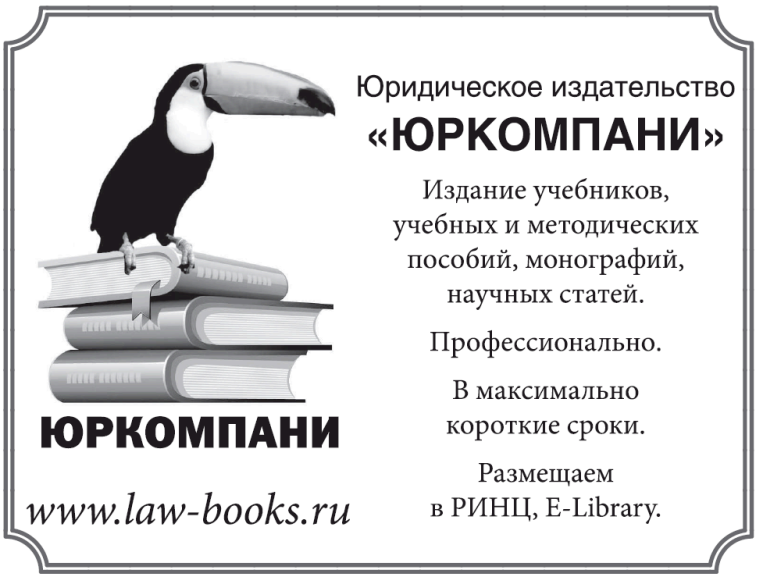
interaction of civil and land law // BBK 67.400. 1 (2Ros) K67. – 2025. – P. 204.

[10] Turdakyn M. B. The role of land resources in the state economic system // The Scientific Heritage. – 2022. – No. 87-1. – P. 24-29.

[11] Tsarenko I. V. Regulation of the use of labor resources in the regional labor market: dis. – Tsarenko Irina Vladimirovna, 2022. 223 p.

[12] Tsibulnikova M. R. Assessment of natural resources of the territory in the paradigm of sustainable development // Geographical Bulletin. - 2024. - No. 2 (69). - P. 69-77.

[13] Shevchenko I. V. Land legal regulation and food security: problems of legal circulation of agricultural land // Innovations and food security. - 2025. - No. 3. - P. 72-96.



- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-181-190
Дата принятия рукописи в печать: 31.08.2026 г.

РЫБЧЕНКО Ваге Каренович,
аспирант кафедры судебного права, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ИВАНОВА Светлана Анатольевна, доктор юридических наук, профессор,
e-mail: mail@law-books.ru

ИМУЩЕСТВО ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ В САДОВОДЧЕСКИХ ТОВАРИЩЕСТВАХ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, УПРАВЛЕНИЕ И ПРЕДЕЛЫ РАСПОРЯЖЕНИЯ

Аннотация. *В статье исследуется гражданско-правовая природа имущества общего пользования в садоводческих некоммерческих товариществах. Обосновывается, что такое имущество представляет собой не простую совокупность дорог, сетей и объектов благоустройства, а функционально связанный с территорией садоводства имущественный комплекс, режим которого находится на пересечении вещного, корпоративного, обязательственного и земельного права. Анализируются модели принадлежности имущества общего пользования: общая долевая собственность собственников земельных участков, собственность товарищества, публичная собственность, а также передача отдельных объектов ресурсоснабжающим организациям. Особое внимание уделяется управлению данным имуществом, правовому положению лиц, ведущих садоводство без членства в товариществе, и пределам распоряжения инфраструктурой садоводческой территории. Делается вывод о необходимости усиления реестровой, сметной и процедурной прозрачности управления имуществом общего пользования.*

Ключевые слова: *садоводческое некоммерческое товарищество, товарищество собственников недвижимости, имущество общего пользования, земельный участок общего назначения, общая долевая собственность, управление имуществом, распоряжение имуществом, членские взносы, целевые взносы.*

RYBCHENKO Vahe Karenovich,
graduate student of the Department of Judicial Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Supervisor:
IVANOVA Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Law, Professor

COMMON PROPERTY IN HORTICULTURAL PARTNERSHIPS: CIVIL NATURE, MANAGEMENT AND DISPOSAL LIMITS

Annotation. *The article examines the civil law nature of common property in horticultural non-profit partnerships. It is substantiated that such property is not a simple set of roads, networks and improvement objects, but a property complex functionally related to the territory of horticulture, the regime of which is at the intersection of property, corporate, liability and land law. Models of ownership of common property are analyzed: common shared ownership of land owners, partnership*

property, public property, as well as the transfer of individual objects to resource supplying organizations. Particular attention is paid to the management of this property, the legal status of persons conducting gardening without membership in a partnership, and the limits of disposal of the infrastructure of the gardening territory. It is concluded that it is necessary to strengthen the registry, estimate and procedural transparency of the management of common property.

Key words: *horticultural non-profit partnership, association of property owners, common property, general land, common shared property, property management, property disposal, membership fees, earmarked contributions.*

Имущество общего пользования в садоводческих товариществах является одним из наиболее сложных объектов гражданско-правового регулирования. Вокруг него концентрируются судебные споры о принадлежности дорог и инженерных сетей, правомерности взимания платежей, статусе лиц, не являющихся членами товарищества, передаче инфраструктуры ресурсоснабжающим организациям, а также пределах компетенции органов товарищества при распоряжении объектами, без которых территория садоводства фактически не может функционировать.

Актуальность темы определяется тем, что Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 217-ФЗ) изменил прежнюю модель регулирования садоводческих и дачных объединений, закрепив садоводческое некоммерческое товарищество как вид товарищества собственников недвижимости [4]. Законодатель отказался от множественности прежних организационно-правовых форм и сформировал более жесткую конструкцию коллективного управления территорией. Отметим, что в Законе № 217-ФЗ были уточнены понятие имущества общего пользования, режим земельных участков общего назначения, правила передачи объектов в общую долевую собственность, публичную собственность и собственность ресурсоснабжающих организаций [4].

Закон № 217-ФЗ определяет имущество общего пользования как расположенные в границах территории ведения гражданами садоводства или огородничества земельные участки и находящиеся на них объекты, используемые для удовлетворения общих потребностей граждан, ведущих садоводство и огородничество на указанной территории [4]. Из этого определения следует, что имущество общего пользования характеризуется тремя обязательными признаками.

Первый признак - территориальный. Объект должен находиться в границах территории садоводства или огородничества. Это означает, что имущество общего пользования не существует как абстрактная категория: оно всегда связано с конкретной планировочной и организационной территорией, на которой расположены индивидуальные земельные участки, дороги, проезды, сети и иные элементы коллективной инфраструктуры.

Второй признак - функциональный. Объект признается имуществом общего пользования не потому, что им пользуется неопределенный круг лиц, а потому, что он предназначен для удовлетворения общих потребностей собственников участков и иных правообладателей. К таким потребностям относятся проход и проезд к участкам, электроснабжение, водоснабжение, газоснабжение, водоотведение, сбор отходов, благоустройство, охрана, противопожарная безопасность и иные нужды территории [4].

Третий признак - имущественный. В состав имущества общего пользования могут входить земельные участки общего назначения, дороги, проезды, инженерные сети, объекты освещения, ограждения, помещения охраны, контейнерные площадки, элементы благоустройства, движимые вещи и иные объекты, обслуживающие территорию. При этом часть объектов подлежит кадастровому учету и государственной регистрации прав, а часть может иметь вспомогательный или технологический характер.

Отметим, что правовая сложность состоит в неоднородности такого имущества. В его составе могут находиться как земельные участки и объекты капитального строительства, так и линейные объекты, некапитальные сооружения, элементы благоустройства, оборудование. Поэтому квалификация имущества общего пользования, на наш взгляд, требует разграничения трех уровней: состава имущества, титула принадлежности и режима использования. Наличие права собственности товарищества на объект не устраняет его функционального назначения, а фактическое пользование объектом всеми собственниками не означает автоматического возникновения общей долевой собственности без надлежащего оформления.

Гражданско-правовая природа имущества общего пользования является смешанной. В ней соединяются вещно-правовые, корпоративные, обязательственные и земельно-правовые элементы. Такая комплексность обусловлена самой природой садоводческой территории: индивидуальные земельные участки принадлежат отдельным собственникам, но их нормальное использо-

вание невозможно без общей инфраструктуры.

С точки зрения вещного права имущество общего пользования может находиться в общей долевой собственности собственников земельных участков. Закон № 217-ФЗ устанавливает, что недвижимое имущество общего пользования, созданное или приобретенное после вступления закона в силу, принадлежит на праве общей долевой собственности лицам, являющимся собственниками земельных участков, расположенных в границах территории садоводства, пропорционально площади этих участков. Доля в праве общей собственности следует судьбе права собственности на садовый земельный участок; при переходе права собственности на участок к приобретателю переходит и соответствующая доля в общем имуществе [4].

Данная конструкция сближает имущество общего пользования в садоводстве с общим имуществом в многоквартирном доме, но не тождественна ему. В многоквартирном доме общее имущество конструктивно связано с помещениями. В садоводстве индивидуальный участок пространственно отделен от дорог, сетей и иных объектов общего назначения. Поэтому законодатель специально закрепляет запрет выдела доли в натуре, отчуждения доли отдельно от земельного участка и ничтожность условий договора, при которых переход права на участок не сопровождается переходом доли в общем имуществе [4]. Эти ограничения показывают, что доля в имуществе общего пользования имеет акцессорный характер по отношению к садовому земельному участку.

С точки зрения корпоративного права садоводческое товарищество является видом товарищества собственников недвижимости. В соответствии с гражданским законодательством товарищество собственников недвижимости создается для совместного владения, пользования и в установленных законом пределах распоряжения имуществом, находящимся в общей собственности или общем пользовании собственников [2]. Следовательно, СНТ выступает не универсальным собственником всей инфраструктуры, а организационной формой коллективного управления общими объектами и общими расходами.

С точки зрения обязательственного права имущество общего пользования порождает обязанность участия в расходах. Члены товарищества уплачивают членские и целевые взносы [4]. Лица, ведущие садоводство без участия в товариществе, обязаны вносить плату за приобретение, создание, содержание имущества общего пользования, текущий и капитальный ремонт объектов капитального строительства, относящихся к такому имуществу, а также за услуги и работы товарищества по управлению имуществом [4]. Пользование инфраструктурной средой не может быть безвозмездным, если ее содержание оплачивается другими собственниками.

С точки зрения земельного права имущество общего пользования связано с планировочной структурой территории. Земельные участки общего назначения образуются в соответствии с утвержденным проектом межевания территории [4]. Их назначение не может произвольно изменяться органами товарищества, поскольку они обеспечивают доступ к участкам, размещение сетей и иные коллективные функции. Поэтому земельный участок общего назначения отличается от обычного оборотоспособного земельного участка: его ценность определяется не только рыночной стоимостью, но и инфраструктурной необходимостью.

Таким образом, имущество общего пользования в садоводческих товариществах следует определять как функционально связанный с территорией имущественный комплекс, который может принадлежать различным субъектам, но всегда подчинен специальному режиму общего использования, коллективного финансирования, ограниченной оборотоспособности и целевого распоряжения.

Действующее российское законодательство предусматривает несколько моделей принадлежности имущества общего пользования.

Первая и наиболее логичная модель - общая долевая собственность собственников земельных участков. Ее преимущество состоит в совпадении титула с экономической природой объекта: имущество создается и содержится за счет собственников, обслуживает их участки и следует судьбе этих участков. При продаже садового земельного участка новый собственник приобретает ту же долю в общем имуществе, которая принадлежала прежнему собственнику [4].

Однако общая долевая собственность не является беспроблемной. При большом количестве участников сложно обеспечить регистрацию прав, актуализацию сведений ЕГРН, получение согласий и разрешение споров о размере долей. Пропорциональность доли площади участка формально ясна, но не всегда отражает реальный объем потребления инфраструктуры. Поэтому при определении платежей закон допускает учет площади участка, площади объектов недвижимости, объема использования имущества общего пользования и иных критериев, если они закреплены в уставе и имеют расчетное обоснование [4].

Вторая модель - собственность товарищества. Она исторически распространена, поскольку многие объекты инфраструктуры прежних садоводческих объединений оформлялись на юридическое лицо. Ее достоинство состоит в управ-

ленческой простоте: товарищество как один правообладатель может заключать договоры, регистрировать права, выступать в суде, организовывать ремонт и обслуживание. Однако эта модель несет риск подмены: имущество, созданное для общих нужд и за счет взносов, начинает восприниматься как свободный актив юридического лица. Имущество товарищества не должно рассматриваться как имущество, которым органы юридического лица могут распоряжаться по своему усмотрению. Даже если объект зарегистрирован за СНТ, его режим ограничен целевым назначением и компетенцией органов управления. Передача недвижимого имущества общего пользования в общую долевую собственность собственников участков, публичную собственность или собственность ресурсоснабжающих организаций относится к компетенции общего собрания [4]. Следовательно, правомочия товарищества как собственника носят специальный, функционально ограниченный характер.

Третья модель - публичная собственность. Имущество общего пользования может быть передано безвозмездно в государственную или муниципальную собственность при наличии решения общего собрания, возможности нахождения имущества в публичной собственности и согласия собственников, если объект находится в общей долевой собственности [4]. Такая передача оправдана применительно к дорогам, сетям, объектам водоотведения и иным элементам инфраструктуры, обслуживание которых требует публичного участия и устойчивого финансирования.

Четвертая модель - собственность ресурсоснабжающих организаций. Закон допускает передачу имущества организациям, осуществляющим газоснабжение, теплоснабжение, электроснабжение, водоснабжение и водоотведение, при условии дальнейшего использования имущества для нужд товарищества и правообладателей участков [4]. Такая модель практически значима, поскольку эксплуатация инженерных сетей требует специальных знаний и ответственности. Вместе с тем она должна сопровождаться договорными гарантиями доступа, ремонта, технологического присоединения и сохранения назначения объекта.

Пятая модель - принадлежность имущества иным лицам при сохранении режима фактического общего пользования. Она характерна для ситуаций, когда дороги или сети принадлежат застройщику, управляющей организации или прежнему правообладателю. В таких случаях особенно важен баланс интересов: собственники участков не должны безвозмездно пользоваться инфраструктурой, но и владелец инфраструктуры не вправе навязывать произвольные платежи без экономического обоснования. Конституционный Суд РФ в контексте комплексов индивидуальной застройки указал на необходимость справедливого баланса прав и обязанностей при оплате управления и содержания общего имущества [6].

Формирование имущества общего пользования начинается с планировочного и землеустроительного оформления территории. Земельные участки общего назначения образуются в соответствии с проектом межевания территории [4]. В практическом отношении необходимы подготовка проекта межевания, образование земельных участков общего назначения, кадастровый учет, государственная регистрация прав, определение режима использования и отражение объектов в документах товарищества.

Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ связывает государственный кадастровый учет и государственную регистрацию прав с заявлением и документами, поступившими в орган регистрации прав в установленном порядке [5]. Поэтому фактическое существование дороги, водопровода или линии электропередачи не создает полной юридической определенности. Требуется установить характеристики объекта, правообладателя, ограничения, обременения и основания возникновения права.

Особую сложность представляют старые садоводческие товарищества. В них часто отсутствуют проекты межевания, документы о предоставлении земель общего пользования, акты ввода сетей в эксплуатацию, сведения о балансовой принадлежности. Часть объектов могла быть создана хозяйственным способом за счет целевых взносов, но не оформлена как самостоятельный объект гражданских прав. Поэтому в таких ситуациях необходимо различать три вопроса: кому принадлежит имущество; кто несет расходы по его содержанию; кто вправе принимать управленческие решения.

Собственник участка может быть обязан участвовать в расходах на содержание инфраструктуры даже при отсутствии зарегистрированной доли в праве собственности, если он объективно пользуется территорией и получает выгоду от содержания общего имущества [7; 8]. Но обязанность платить не означает автоматического признания права собственности на каждый объект инфраструктуры. Вещный титул, обязательственное участие в расходах и управленческая компетенция должны устанавливаться отдельно.

Для повышения правовой определенности целесообразно закрепить обязанность СНТ вести реестр имущества общего пользования. Такой реестр должен включать наименование объекта, кадастровый номер при наличии, сведения о правообладателе, основание возникновения права,

источник финансирования создания или приобретения, техническое состояние, договоры обслуживания, ограничения и обременения. Реестр не заменит ЕГРН, но станет внутренним инструментом прозрачности и контроля. Не менее важно финансово-экономическое обоснование расходов. Закон требует, чтобы размер взносов определялся на основании приходно-расходной сметы и финансово-экономического обоснования, утвержденных общим собранием [4]. Это правило должно рассматриваться не как формальность, а как гарантия против произвольного взимания платежей. Чем сложнее состав имущества, тем подробнее должны раскрываться расходы на дороги, сети, охрану, вывоз отходов, благоустройство, налоги, ремонт, проектные и кадастровые работы.

Управление имуществом общего пользования строится на сочетании самоуправления, специальной компетенции органов товарищества и защиты прав всех правообладателей земельных участков. Закон устанавливает, что собственники участков, расположенных в границах территории садоводства или огородничества, вправе создать лишь одно товарищество для управления имуществом общего пользования [4]. Управление таким имуществом в границах территории может осуществлять только одно товарищество. Это правило имеет важное значение. Оно препятствует появлению конкурирующих структур, претендующих на управление одними и теми же дорогами, сетями и объектами благоустройства. Конфликты между прежними правлениями, инициативными группами, управляющими компаниями и новыми юридическими лицами способны парализовать обслуживание территории. Поэтому институциональное единство управления выступает необходимым условием сохранения инфраструктуры.

Высшим органом управления является общее собрание членов товарищества. К его исключительной компетенции относятся решения о создании или приобретении имущества общего пользования, порядке его использования, передаче в аренду или безвозмездное пользование, установлении сервитута, передаче недвижимого имущества общего пользования в общую долевую собственность, публичную собственность или собственность ресурсоснабжающих организаций, утверждении сметы, размера взносов и финансово-экономического обоснования [4].

Правление товарищества организует исполнение решений общего собрания, заключает договоры, обеспечивает создание, содержание и использование имущества общего пользования, готовит смету и финансово-экономическое обоснование, обращается в суд за взысканием задолженности. Председатель действует от имени товарищества без доверенности, подписывает документы и представляет СНТ в отношениях с третьими лицами [4]. Однако ни правление, ни председатель не вправе подменять общее собрание по вопросам, отнесенным законом к его исключительной компетенции.

Отдельного внимания заслуживает передача части функций управляющей организации. Закон допускает заключение договоров с организациями, выполняющими работы и оказывающими услуги, необходимые для содержания имущества общего пользования [4]. Но управляющая организация не становится новым субъектом самоуправления территории. Она является исполнителем, подрядчиком или агентом, а не носителем корпоративной воли собственников.

Верховный Суд РФ в деле о взыскании платы за содержание инфраструктуры указал, что фактическое оказание услуг по содержанию общего имущества может порождать право на экономически обоснованную оплату даже при отсутствии заключенного договора, но исполнитель должен доказать факт оказания услуг, их необходимость и разумность размера платы [9]. Этот подход имеет принципиальное значение: он защищает инфраструктуру от поведения «безбилетника», но одновременно требует доказательств реальности и обоснованности расходов.

Управление имуществом общего пользования должно основываться на четырех принципах. Первый - единство управления в пределах территории. Второй - разграничение компетенции общего собрания, правления и председателя. Третий - финансовая прозрачность сметы и расчетов. Четвертый - равенство бремени и выгоды, предполагающее участие всех правообладателей участков в разумных и доказанных расходах.

Одним из ключевых практических вопросов является участие в расходах лиц, которые владеют участками в границах территории садоводства, но не вступают в товарищество. С одной стороны, членство в некоммерческой организации добровольно. С другой стороны, отказ от членства не означает отказа от пользования дорогами, сетями, охраной, благоустройством и иной инфраструктурой. Закон № 217-ФЗ закрепил компромиссную модель. Лица, ведущие садоводство без участия в товариществе, вправе использовать имущество общего пользования на равных условиях с членами товарищества, но обязаны вносить плату за приобретение, создание, содержание такого имущества, текущий и капитальный ремонт объектов капитального строительства, а также за услуги и работы товарищества по управлению имуществом. Ежегодный размер такой платы устанавливается в размере, равном суммарному ежегодному размеру целевых

и членских взносов члена товарищества, рассчитанному в соответствии с законом и уставом [4].

Данная плата не является членским взносом, поскольку лицо без членства не приобретает корпоративного статуса. Она представляет собой специальное обязательственное участие в расходах на содержание инфраструктуры. Основанием обязанности является не членство, а право собственности на участок в границах территории и объективная возможность пользоваться имуществом общего пользования.

Верховный Суд РФ в Определении от 1 июля 2025 г. № 5-КГ25-65-К2 подтвердил, что собственники земельных участков, ведущие садоводство без участия в товариществе, обязаны вносить плату, предусмотренную Законом № 217-ФЗ, в порядке, установленном для уплаты взносов членами товарищества [8]. Одновременно Суд обратил внимание на пределы взыскания пеней, что показывает необходимость различать основную обязанность по оплате и санкционные последствия ее нарушения. Правовая природа этой обязанности должна строиться на балансе. Недопустимо, чтобы собственник участка полностью устранялся от расходов, перекладывая их на членов товарищества. Но столь же недопустимо использовать плату лиц без членства как способ принуждения к вступлению в СНТ или финансирования расходов, не связанных с содержанием общего имущества и управлением им. Поэтому у таких лиц должны быть гарантии доступа к информации. Они не участвуют в корпоративном управлении в полном объеме, но поскольку на них возлагается обязанность оплаты, они должны иметь возможность знакомиться со сметой, финансово-экономическим обоснованием, расчетом платы, перечнем имущества общего пользования, договорами и актами выполненных работ. Без такой прозрачности обязанность платить превращается из гражданско-правового бремени в фактически административную повинность.

Распоряжение имуществом общего пользования является наиболее чувствительной сферой, поскольку отчуждение, передача в пользование, установление сервитута или изменение назначения объекта затрагивают права всех собственников земельных участков. В отличие от обычного имущества юридического лица, имущество общего пользования не может рассматриваться как свободный имущественный ресурс. Его оборотоспособность ограничена назначением.

Закон предусматривает несколько форм распоряжения: передача в аренду, передача в безвозмездное пользование, установление сервитута, передача недвижимого имущества общего пользования в общую долевую собственность собственников участков, публичную собственность или собственность ресурсоснабжающей организации [4]. Все эти действия допустимы лишь при соблюдении компетенции общего собрания, получении необходимых согласий и сохранении функциональной связи имущества с территорией.

Передача имущества в аренду или безвозмездное пользование может быть правомерной, если она направлена на обслуживание общих потребностей: размещение пункта охраны, оборудования связи, контейнерной площадки, объектов благоустройства. Однако такая передача не должна ограничивать проход и проезд к участкам, ухудшать доступ к сетям или создавать преимущество отдельным лицам за счет остальных правообладателей. Решение должно определять объект, срок, условия, размер платы или основания безвозмездности.

Отметим, что установление сервитута допустимо, если оно не разрушает общий режим использования. Сервитут может потребоваться для прокладки сетей, доступа к соседнему участку, обслуживания линейного объекта. Но он не должен становиться скрытой формой исключительного пользования общим имуществом. Если сервитут фактически лишает собственников возможности использовать дорогу, проезд или площадку, он противоречит природе имущества общего пользования.

Передача имущества в публичную собственность может быть эффективной, если публичное образование принимает на себя реальную обязанность содержания объекта. Передача ресурсоснабжающим организациям оправдана в отношении инженерных сетей, требующих профессиональной эксплуатации. Однако в обоих случаях необходимы гарантии дальнейшего использования имущества для нужд товарищества и правообладателей участков [4].

Пределы распоряжения имуществом общего пользования можно выразить через пять запретов: запрет отчуждения, разрушающего функциональное назначение; запрет распоряжения без решения компетентного органа; запрет распоряжения чужой долей без согласия правообладателя; запрет извлечения выгоды в ущерб общим потребностям; запрет непрозрачности условий сделки. Любое значимое распоряжение должно быть документально раскрыто собственникам: объект, основание, условия, последствия, влияние на доступ к инфраструктуре и размер платежей.

8. Судебная практика и основные конфликтные модели

Судебная практика по спорам об имуществе общего пользования формируется вокруг нескольких типовых конфликтов.

Первый - взыскание задолженности с членов товарищества и лиц без членства. Суды исходят из того, что собственник участка, находящегося в границах территории садоводства, не может пользоваться инфраструктурой и одновременно уклоняться от участия в расходах. Верховный Суд РФ подтверждает обязанность лиц без членства вносить установленную законом плату за содержание имущества общего пользования и управление им [8].

Второй конфликт - взыскание расходов управляющей организацией. В деле № А40-85703/2024 Верховный Суд РФ указал, что фактическое оказание услуг по содержанию общего имущества и инфраструктуры может порождать право требования экономически обоснованной платы, даже если между собственником и управляющей организацией отсутствует договор [9]. Но исполнитель должен доказать перечень и объем услуг, их необходимость, направленность на удовлетворение общей потребности, разумность и экономическую обоснованность платы [9].

Третий конфликт - спор о правовом статусе инфраструктуры. В старых товариществах дороги, сети и иные объекты могут находиться в собственности СНТ, публичного образования, ресурсоснабжающей организации или иного лица. Суды исследуют документы о создании, передаче, балансовой принадлежности, регистрации прав и источниках финансирования. Фактическое обслуживание территории влияет на распределение расходов, но не всегда решает вопрос о титуле собственности.

Четвертый конфликт - оспаривание решений общего собрания. Поскольку большинство значимых вопросов об имуществе общего пользования относится к компетенции общего собрания, споры о кворуме, уведомлении, повестке и подсчете голосов имеют прямое имущественное значение. Недействительность решения может поставить под сомнение утверждение сметы, договоры управления, передачу имущества и взыскание платежей.

Пятый конфликт - ограничение доступа к участкам и земельным участкам общего назначения. Закон закрепляет право правообладателей свободно и без взимания платы использовать земельные участки общего назначения для прохода и проезда к своим участкам [4]. Поэтому блокировка ворот, отказ в доступе или иные меры давления на должников должны оцениваться критически. Взыскание задолженности должно осуществляться в судебном порядке, а не путем самоуправного ограничения доступа.

В целом судебная практика движется к функционально-балансовому подходу. Суды признают необходимость финансирования общей инфраструктуры, но требуют доказательств реальности расходов, соблюдения компетенции органов товарищества и экономической обоснованности платежей. Такой подход позволяет одновременно защитить инфраструктуру территории и права отдельных собственников.

Несмотря на развитие российского гражданского законодательства, правовой режим имущества общего пользования сохраняет ряд проблем. Первая проблема - недостаточная определенность состава такого имущества. Закон содержит общее определение, но не требует обязательного внутреннего реестра. В результате собственники не всегда понимают, какие именно объекты они содержат, кому они принадлежат, какие расходы на них приходятся и какие договоры заключены для их обслуживания.

Вторая проблема - смешение имущества товарищества и имущества собственников участков. На практике СНТ иногда распоряжается инфраструктурой как собственным активом, хотя объект создан за счет целевых взносов и предназначен для всех правообладателей территории. Следует закрепить презумпцию целевого режима имущества общего пользования: независимо от титула принадлежности такое имущество не может использоваться способом, препятствующим удовлетворению общих потребностей территории.

Третья проблема - неопределенность процедур согласия собственников при распоряжении имуществом, находящимся в общей долевой собственности. Закон требует согласия собственников при передаче имущества публичному образованию или ресурсоснабжающей организации [4], но нуждается в детализации порядка получения согласия, формы волеизъявления, сроков и последствий отказа. Целесообразно установить специальную процедуру коллективного согласия, сочетающую решение общего собрания и индивидуальную защиту существенных интересов собственников.

Четвертая проблема - недостаточная прозрачность финансово-экономического обоснования. Закон требует утверждения сметы и финансово-экономического обоснования [4], но не раскрывает минимальные стандарты его содержания. Представляется необходимым закрепить, что обоснование должно включать перечень имущества, расчет расходов по видам работ и услуг, сведения о договорах, тарифах, периодичности обслуживания, остатках денежных средств и планируемых капитальных расходах.

Пятая проблема - слабая защита лиц без членства при принятии решений, влияющих на их платежи. Эти лица обязаны участвовать в расходах, но не обладают полноценным корпоратив-

ным влиянием. Законодатель мог бы предоставить им право получать документы, участвовать в обсуждении вопросов сметы и платы, представлять возражения, а также оспаривать решения в части, непосредственно затрагивающей их обязанность по оплате и доступ к имуществу общего пользования.

Шестая проблема - недостаточная цифровизация управления. Закон допускает принятие решений общего собрания с применением электронных или иных технических средств [4], однако для имущества общего пользования необходимы более развитые инструменты: электронный реестр объектов, электронная смета, доступ к договорам и актам, личный кабинет собственника, электронное голосование с проверяемой идентификацией. Это повысит доверие к решениям товарищества и снизит количество споров о документах.

В заключение отметим, что имущество общего пользования в садоводческих товариществах представляет собой особый гражданско-правовой феномен. Его нельзя свести к обычному имуществу юридического лица, поскольку оно предназначено для удовлетворения общих потребностей собственников земельных участков и функционально связано с территорией садоводства. Его также нельзя полностью отождествить с классической общей долевой собственностью, поскольку закон допускает различные модели принадлежности, включая собственность товарищества, публичную собственность и собственность ресурсоснабжающих организаций.

Гражданско-правовая природа имущества общего пользования выражается в сочетании вещного титула, территориального назначения, корпоративного управления и обязательственного финансирования. Именно это сочетание объясняет специальные правила о следовании доли судьбе земельного участка, запрете выдела и отдельного отчуждения доли, исключительной компетенции общего собрания по ключевым имущественным вопросам, обязанности членов и лиц без членства участвовать в расходах на содержание инфраструктуры.

Управление имуществом общего пользования должно строиться на принципах единства управления, разграничения компетенции органов товарищества, финансовой прозрачности и равного участия собственников в разумных расходах. Пределы распоряжения определяются целевым назначением имущества: передача в аренду, безвозмездное пользование, установление сервитута, передача публичному образованию или ресурсоснабжающей организации допустимы лишь тогда, когда они не разрушают функциональную роль объекта и осуществляются с соблюдением компетенции органов и согласий собственников.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[3] Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

[4] О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31. Ст. 4766.

[5] О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29. Ст. 4344.

[6] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 дек. 2021 г. № 55-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 7, части 1 статьи 44, части 5 статьи 46, пункта 5 части 2 статьи 153 и статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.С. Малковой // Собрание законодательства РФ. 2022. № 2. Ст. 503.

[7] Обзор судебной практики по вопросам, возникающим при рассмотрении дел, связанных с садоводческими, огородническими и дачными некоммерческими объединениями, за 2010–2013 год: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 2 июля 2014 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 1.

[8] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 1 июля 2025 г. № 5-КГ25-65-К2.

[9] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24 февр. 2026 г. № 305-ЭС25-8944 по делу № А40-85703/2024.

[10] Алексеев С.С. Право собственности. Проблемы теории. М.: Норма, 2008. 240 с.

[11] Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. М.: Юрайт, 2023. 451 с.

[12] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2011. 847 с.

[13] Вещное право: научно-познавательный очерк / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2017.

560 с.

[14] Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2021. 576 с.

[15] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. М.: Юрайт, 2022. 1069 с.

[16] Комментарий к Федеральному закону «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд» / под ред. О.А. Городова. М.: Проспект, 2023. 384 с.

[17] Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 183 с.

[18] Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 544 с.

[19] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2020. 351 с.

[20] Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М.: Статут, 2010. 893 с.

[21] Суханов Е.А. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2022. 958 с.

[22] Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. 220 с.

[23] Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 2005. 461 с.

[24] Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М.: Статут, 2006. 240 с.

[25] Эрделевский А.М. Комментарий судебной практики по спорам о праве собственности и иных вещных правах. М.: Проспект, 2021. 336 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // Official Internet portal of legal information.

[2] Civil Code of the Russian Federation. Part One: Federal Law of Nov. 30 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

[3] Land Code of the Russian Federation: Federal Law of October 25, 2001 No. 136-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 44. Art. 4147.

[4] On the conduct by citizens of horticulture and horticulture for their own needs and on amending certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of July 29, 2017 No. 217-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. № 31. Art. 4766.

[5] On state registration of real estate: Federal Law of July 13, 2015 No. 218-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2015. № 29. Art. 4344.

[6] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 28, 2021 No. 55-P in the case on verification of the constitutionality of part 1 of article 7, part 1 of article 44, part 5 of article 46, paragraph 5 of part 2 of article 153 and article 158 of the Housing Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen T.S. Malkova // Collection of legislation of the Russian Federation. 2022. № 2. Art. 503.

[7] Review of judicial practice on issues arising in the consideration of cases related to horticultural, horticultural and dacha non-profit associations, 2010-2013: approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation July 2, 2014 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 1.

[8] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of July 1, 2025 No. 5-KG25-65-K2.

[9] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of February 24. 2026. No. 305-ES25-8944 in case No. A40-85703/2024.

[10] Alekseev S.S. Ownership. Theory problems. M.: Norma, 2008. 240 s.

[11] Belov V.A. Civil law. General part. M.: Yurayt, 2023. 451 pp.

[12] Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Book One: General Provisions. M.: Statute, 2011. 847 pp.

[13] Property law: scientific and educational essay/rev. ed. E.A. Sukhanov. M.: Statute, 2017. 560 s.

[14] Civil law: textbook: in 4 vols. 1: General part/rev. ed. E.A. Sukhanov. M.: Statute, 2021. 576 p.

[15] Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, part one/ed. I.E. Abova, A.Yu. Kabalkina. M.: Yurayt, 2022. 1069 p.

[16] Commentary on the Federal Law "On the Conduct of Gardening and Horticulture by Citizens for Their Own Needs "/ed. O.A. Gorodova. M.: Prospect, 2023. 384 pp.

[17] Krasavchikov O.A. Legal facts in Soviet civil law. M.: Gosyurizdat, 1958. 183 pp.

[18] Lapach V.A. Civil Rights Object System: Theory and Jurisprudence. St. Petersburg: Legal Center Press, 2002. 544 p.

[19] Pokrovsky I.A. The main problems of civil law. M.: Statute, 2020. 351 pp.

[20] Sklovsky K.I. Property in civil law. M.: Statute, 2010. 893 p.

[21] Sukhanov E.A. Russian civil law: textbook: in the 2 of T. T. 1. M.: Statute, 2022. 958 p.

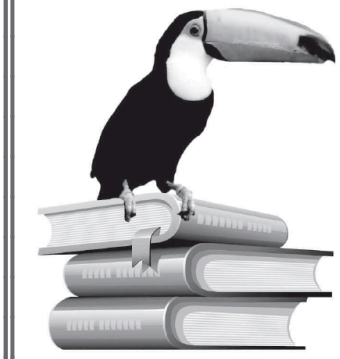
[22] Tolstoy Yu.K. Content and civil protection of property rights in the USSR. L.: Publishing House

of Leningrad State University, 1955. 220 s.

[23] Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law. M.: Statute, 2005. 461 pp.

[24] Yakovlev V.F. Civil law method of regulating public relations. M.: Statute, 2006. 240 s.

[25] Erdelevsky A.M. Commentary on judicial practice on disputes over property rights and other property rights. M.: Prospect, 2021. 336 pp.



www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-191-194
Дата принятия рукописи в печать: 07.08.2026 г.

БЫКОВ Даниил Сергеевич,
аспирант Юго-Западного государственного университета,
e-mail: bykkav2018@yandex.ru

ПРЕДЕЛЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НАСЛЕДНИКОВ ПО ДОЛГАМ НАСЛЕДОДАТЕЛЯ

Аннотация. *В статье исследуются пределы ответственности наследников по долгам наследодателя в соответствии с действующим гражданским законодательством Российской Федерации. Рассматриваются правовая природа перехода долговых обязательств в порядке наследственного правопреемства, содержание принципа универсального правопреемства, а также особенности применения статьи 1175 Гражданского кодекса Российской Федерации. Проанализированы основания возникновения ответственности наследников, порядок определения её пределов, особенности исполнения обязательств при наличии нескольких наследников, а также наиболее распространённые проблемы, возникающие в судебной практике при рассмотрении требований кредиторов наследодателя. Сделан вывод о том, что ограничение ответственности наследников стоимостью принятого наследственного имущества обеспечивает баланс интересов участников наследственных правоотношений, однако отдельные вопросы определения состава наследственной массы и пределов ответственности требуют дальнейшего совершенствования правоприменительной практики.*

Ключевые слова: *наследственное право, наследование, наследодатель, наследник, долги наследодателя, ответственность наследников, наследственная масса, кредиторы наследодателя, универсальное правопреемство.*

BYKOV Daniil Sergeevich,
graduate student at Southwestern State University

HEIRS 'LIABILITY LIMITS FOR THE HEIRS' DEBTS

Annotation. *The article examines the limits of liability of heirs for the debts of the testator in accordance with the current civil legislation of the Russian Federation. The legal nature of the transfer of debt obligations in the order of inheritance, the content of the principle of universal succession, as well as the specifics of the application of Article 1175 of the Civil Code of the Russian Federation are considered. The grounds for the occurrence of the responsibility of heirs, the procedure for determining its limits, the specifics of fulfilling obligations in the presence of several heirs, as well as the most common problems arising in judicial practice when considering the claims of creditors of the testator are analyzed. It was concluded that limiting the liability of heirs to the value of the accepted hereditary property ensures a balance of interests of participants in hereditary legal relations, however, certain issues of determining the composition of the hereditary mass and the limits of liability require further improvement of law enforcement practice.*

Key words: *hereditary law, inheritance, testator, heir, testator's debts, heirs' liability, hereditary mass, testator's creditors, universal succession.*

Доказывание имущественных требований кредиторов после смерти должника представляет собой один из наиболее сложных вопросов наследственного права. Смерть гражданина не прекращает большинство его имущественных обязательств, поскольку в соответствии с принципом универсального правопреемства к наследникам переходят не только принадлежащие наследодателю права, но и входящие в состав наследства имущественные обязанности. Вместе с тем российское гражданское законодательство исходит из необходимости обеспечения разумного баланса между интересами кредиторов и лиц, принявших наследство. С одной стороны, смерть должника не должна служить основанием для прекращения обязательств и лишать кредиторов возможности получить исполнение. С другой стороны, наследники не могут рассматриваться как новые самостоятельные должники, обязанные отвечать по долгам наследодателя всем принадле-

жащим им имуществом. Именно поэтому законодатель установил специальный механизм ограничения ответственности наследников стоимостью принятого наследственного имущества [1, с. 86].

Правовое регулирование рассматриваемых отношений основывается прежде всего на положениях главы 64 Гражданского кодекса Российской Федерации. Согласно статье 1110 ГК РФ при наследовании имущество умершего переходит к другим лицам в порядке универсального правопреемства. Данное положение означает, что наследник приобретает весь комплекс имущественных прав и обязанностей наследодателя как единое целое, если иное прямо не предусмотрено законом. При этом статья 1112 ГК РФ относит к составу наследства не только вещи и имущественные права, но и имущественные обязанности, существовавшие на день открытия наследства. Исключение составляют права и обязанности, неразрывно связанные с личностью умершего, переход которых в порядке наследования законом исключён. К их числу относятся, например, обязанность по уплате алиментов, право на получение алиментных платежей, а также иные обязательства, исполнение которых невозможно без личного участия должника [2, с. 300].

Из приведённых положений следует, что большинство долгов наследодателя сохраняет свою юридическую силу после открытия наследства. На практике к ним относятся обязательства по кредитным договорам, договорам займа, обязательства по оплате коммунальных услуг, задолженность по договорам купли-продажи, аренды, подряда, налоговые обязательства, возникшие до смерти гражданина, а также иные имущественные долги. Вместе с тем сам факт открытия наследства ещё не означает автоматического возникновения обязанности у потенциальных наследников исполнять обязательства умершего. Такая обязанность возникает исключительно после принятия наследства. Статья 1152 ГК РФ прямо предусматривает, что для приобретения наследства наследник должен его принять. До совершения этого юридически значимого действия лицо не приобретает статус универсального правопреемника и не становится субъектом обязательств наследодателя [3, с. 104].

Ключевое значение в регулировании рассматриваемых отношений имеет статья 1175 ГК РФ, определяющая пределы ответственности наследников по долгам наследодателя. Закон закрепляет два взаимосвязанных правила. Во-первых, наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя солидарно. Во-вторых, каждый из них несёт ответственность лишь в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества. Именно второе положение представляет собой одну из важнейших гарантий защиты имущественных интересов наследников. Законодатель тем самым исключает возможность обращения взыскания на имущество наследника, которое не связано с наследственной массой и принадлежало ему до открытия наследства либо приобретено позднее по самостоятельным основаниям.

Данный принцип имеет принципиальное значение для всей системы наследственного права. Если стоимость наследственного имущества составляет один миллион рублей, а размер задолженности наследодателя достигает двух миллионов рублей, кредиторы вправе рассчитывать только на удовлетворение своих требований в пределах стоимости принятого наследства. Возложение обязанности компенсировать оставшуюся сумму за счёт личного имущества наследника противоречило бы самой природе наследственного правопреемства, поскольку наследник не является лицом, принявшим на себя соответствующее обязательство добровольно [4, с. 20].

На практике существенные сложности вызывает определение стоимости наследственного имущества, поскольку именно она определяет предел ответственности каждого наследника. Гражданский кодекс Российской Федерации не содержит специального порядка её определения, вследствие чего соответствующий вопрос разрешается судами с учётом конкретных обстоятельств дела. В качестве доказательств обычно используются отчёты независимых оценщиков, результаты судебной экспертизы, сведения о кадастровой стоимости недвижимости, документы, подтверждающие рыночную стоимость транспортных средств и иного имущества. При возникновении спора суд обязан установить действительную стоимость имущества, существовавшую на день открытия наследства, поскольку именно с этим моментом закон связывает возникновение наследственных правоотношений.

Особенности возникают в случаях, когда наследство принимается несколькими наследниками. В соответствии со статьёй 1175 ГК РФ их ответственность перед кредиторами носит солидарный характер. Это означает, что кредитор вправе предъявить требование как ко всем наследникам одновременно, так и к любому из них по своему выбору. Вместе с тем солидарная ответственность в наследственных правоотношениях существенно отличается от общих правил, предусмотренных главой 25 ГК РФ. Несмотря на возможность предъявления требования к одному наследнику, размер взыскания в любом случае ограничивается стоимостью имущества, полученного именно этим наследником. Следовательно, солидарность проявляется исключительно в по-

рядке предъявления требований кредитором, но не отменяет установленного законом ограничения имущественной ответственности.

После исполнения обязательства одним из наследников в объёме, превышающем стоимость его наследственной доли, у него возникает право регрессного требования к остальным наследникам в соответствии со статьёй 325 ГК РФ. Такое решение позволяет сохранить справедливое распределение имущественной нагрузки между всеми лицами, принявшими наследство, и одновременно обеспечивает эффективную защиту интересов кредитора, который не обязан самостоятельно определять долю ответственности каждого наследника [5, с. 67-68].

Значительная часть судебных споров связана с обязательствами по кредитным договорам. После смерти заёмщика кредитные организации обращаются в суд с требованиями о взыскании задолженности с наследников. При разрешении подобных дел суду необходимо установить не только факт принятия наследства, но и определить состав наследственной массы, круг наследников и стоимость имущества, перешедшего каждому из них. Отсутствие оценки наследственного имущества либо взыскание задолженности без установления пределов ответственности неоднократно признавалось судами вышестоящих инстанций существенным нарушением норм материального права [6, с. 63-64].

Отдельной проблемой является определение состава долгов, переходящих к наследникам. На практике кредиторы нередко пытаются включить в объём взыскиваемых требований штрафные санкции, начисленные спустя продолжительное время после смерти должника. Однако при разрешении подобных споров суды должны учитывать не только условия обязательства, но и принцип соразмерности гражданско-правовой ответственности. Если увеличение задолженности произошло вследствие недобросовестного поведения кредитора, который длительное время не предпринимал действий по предъявлению требований к наследникам, применение чрезмерных штрафных санкций может быть признано несоразмерным последствиям нарушения обязательства. Такой подход соответствует положениям статьи 333 ГК РФ, допускающей снижение явно несоразмерной неустойки [7, с. 245-246].

Не менее важное значение имеет вопрос отказа от наследства. В силу статьи 1157 ГК РФ наследник вправе отказаться от принятия наследства без указания причин. Такой отказ распространяется как на имущество, так и на входящие в наследственную массу долги. Поскольку принятие наследства не допускается под условием или с оговорками, лицо не может принять только имущество, отказавшись от исполнения обязательств наследодателя. Вместе с тем полный отказ от наследства освобождает гражданина от возникновения статуса универсального правопреемника и, следовательно, исключает возможность предъявления к нему требований кредиторов наследодателя.

Таким образом, действующее гражданское законодательство Российской Федерации формирует достаточно последовательную систему регулирования ответственности наследников по долгам наследодателя. Её основой выступает принцип универсального правопреемства, сочетающийся с законодательным ограничением ответственности стоимостью принятого наследственного имущества. Подобная конструкция обеспечивает защиту интересов кредиторов, сохраняя возможность взыскания существующей задолженности, и одновременно исключает необоснованное возложение на наследников обязанности отвечать по долгам умершего собственным имуществом. Вместе с тем анализ судебной практики показывает, что вопросы определения стоимости наследственной массы, установления состава переходящих обязательств и применения статьи 1175 ГК РФ по-прежнему вызывают сложности. Представляется целесообразным дальнейшее развитие судебных разъяснений Верховного Суда Российской Федерации по указанным вопросам, что будет способствовать формированию единообразной практики и повышению эффективности защиты прав всех участников наследственных правоотношений.

Список литературы:

[1] Гаврилов, В. Н. Ответственность наследников по долгам наследодателя / В. Н. Гаврилов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 4 (117). – С. 84-88.

[2] Лушина, Л. А. К вопросу об универсальности правопреемства в наследственных правоотношениях / Л. А. Лушина, Л. В. Мищенко // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 298-301.

[3] Алсынбаева, Э. М. Особенности фактического принятия наследства / Э. М. Алсынбаева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 7-2 (82). – С. 103-105.

[4] Крысанова-Кирсанова, И. Г. Пределы ответственности наследника по обязательствам наследодателя: отдельные вопросы правоприменения / И. Г. Крысанова-Кирсанова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 2 (36). – С. 19-22.

[5] Гончарова, И. А. Установление солидарной ответственности наследников по долгам наследодателя / И. А. Гончарова // Вестник магистратуры. – 2014. – № 6-2 (33). – С. 66-69.

[6] Давлетова, Д. К. Проблемы взыска-

ния задолженности по кредитным договорам при переходе обязательства к наследникам / Д. К. Давлетова // Символ науки. – 2020. – № 1. – С. 62-65.

[7] Абакумова, Е. Б. Дискуссионные вопросы правоприменительной практики по снижению неустойки судом в соответствии со ст. 333 ГК РФ / Е. Б. Абакумова // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2021. – № 3 (19). – С. 244-250.

References:

[1] Gavrilov, V. N. The responsibility of heirs for the debts of the testator/V. N. Gavrilov // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2017. – № 4 (117). - S. 84-88.

[2] Lushina, L. A. On the universality of succession in hereditary legal relations/L. A. Lushina, L. V. Mishchenko // Legal technique. – 2011. – № 5. - S. 298-301.

[3] Alsynbaeva, E. M. Features of the actual acceptance of the inheritance/E. M. Alsynbaev // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2023. – № 7-2 (82). - S. 103-105.

[4] Krysanova-Kirsanova, I. G. Limits of the heir's responsibility for the testator's obligations: certain issues of law enforcement/I. G. Krysanova-Kirsanova // Legal science and law enforcement practice. – 2016. – № 2 (36). - S. 19-22.

[5] Goncharova, I. A. Establishment of joint responsibility of heirs for the debts of the testator/ I. A. Goncharov // Bulletin of magistracy. – 2014. – № 6-2 (33). - S. 66-69.

[6] Davletova, D.K. Problems of debt collection under loan agreements when transferring obligations to heirs/D.K. Davletova // Symbol of science. – 2020. – № 1. - S. 62-65.

[7] Abakumova, E. B. Discussion issues of law enforcement practice to reduce the penalty by the court in accordance with Art. 333 of the Civil Code of the Russian Federation/E. B. Abakumova // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. – 2021. – № 3 (19). - S. 244-250.



Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-195-200
Дата принятия рукописи в печать: 31.08.2026 г.

БАРИКАЕВА Айгуль Фаргатовна,
кандидат экономических наук, научный сотрудник
Международного научно-исследовательского центра
судебной экспертизы и исследований,
e-mail: mail@law-books.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА) НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОСНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. *В статье исследуется значение малого и среднего предпринимательства для укрепления экономических основ местного самоуправления в Российской Федерации [9]. Обосновывается, что предпринимательство на муниципальном уровне следует рассматривать не только как объект государственной поддержки, но и как элемент экономической функции местного самоуправления, обеспечивающий занятость населения, расширение налоговой и неналоговой базы, вовлечение муниципального имущества в хозяйственный оборот, повышение качества городской и сельской среды. Особое внимание уделено конституционно-правовым предпосылкам формирования муниципальной предпринимательской политики, нормам Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ, новому Федеральному закону от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ [10], механизмам имущественной, информационной, консультационной и закупочной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства [10,11]. Сделан вывод о необходимости перехода от разрозненных мер поддержки к муниципальной системе развития предпринимательства, включающей программное планирование, учет территориальной специализации, цифровые реестры муниципальных ресурсов, координационные органы, муниципальные закупочные каналы и показатели бюджетно-экономического эффекта.*

Ключевые слова: *муниципальное образование, экономические основы местного самоуправления, малое предпринимательство, муниципальная программа, муниципальная собственность, единая система публичной власти.*

BARIKAEVA Aigul Fargatovna,
Candidate of Economic Sciences, Researcher at the
International Research Center for Forensic Science
and Research

ORGANIZATION OF A SYSTEM OF ENTREPRENEURSHIP (SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES) AT THE MUNICIPAL LEVEL AS A FACTOR IN STRENGTHENING THE ECONOMIC FOUNDATIONS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

Annotation. *The article examines the importance of small and medium-sized businesses to strengthen the economic foundations of local self-government in the Russian Federation. It is justified that entrepreneurship at the municipal level should be considered not only as an object of state support, but also as an element of the economic function of local self-government, providing employment for the population, expanding the tax and non-tax base, involving municipal property in economic circulation, improving the quality of the urban and rural environment. Particular attention is paid to the constitutional and legal prerequisites for the formation of municipal entrepreneurial policy, the norms of Federal Law of July 24, 2007 No. 209-FZ, the new Federal Law of March 20, 2025 No. 33-FZ, mechanisms of property, information, consulting and procurement support for small and medium-sized businesses. It was concluded that it is necessary to switch from disparate support measures to the municipal system for the development of entrepreneurship,*

including program planning, accounting for territorial specialization, digital registers of municipal resources, coordination bodies, municipal procurement channels and indicators of budgetary and economic effect.

Key words: *municipality, economic foundations of local self-government, small business, municipal program, municipal property, unified system of public authority.*

Экономические основы местного самоуправления традиционно раскрываются через триаду: муниципальная собственность, средства местных бюджетов и имущественные права муниципальных образований. Такой подход закреплен в российском муниципальном законодательстве и в целом соответствует конституционной идее самостоятельного решения населением вопросов местного значения. Однако в современных условиях указанная триада уже не может рассматриваться как статичная имущественно-бюджетная конструкция. Для реальной самостоятельности муниципального уровня важны не только наличие имущества и формальное существование местного бюджета, но и способность муниципального образования создавать условия для устойчивой хозяйственной активности на своей территории.

В этом смысле малое и среднее предпринимательство выступает одним из ключевых факторов укрепления экономических основ местного самоуправления. Муниципальный бизнес формирует рабочие места, обеспечивает население товарами и услугами повседневного спроса, участвует в благоустройстве, строительстве, коммунальном обслуживании, транспортной, туристской, социальной, образовательной и культурной инфраструктуре. При этом его значение не исчерпывается частноправовой сферой. На муниципальном уровне предпринимательство объективно становится публично значимым ресурсом территориального развития: чем устойчивее сеть малых и средних предприятий, тем выше налоговая и неналоговая устойчивость местного хозяйства, тем ниже зависимость муниципалитета от исключительно трансфертной модели финансирования.

Конституционная основа муниципальной предпринимательской политики выводится из нескольких взаимосвязанных положений Конституции Российской Федерации. Во-первых, местное самоуправление признается и гарантируется в качестве самостоятельного уровня публичной самоорганизации населения, не входящего в систему органов государственной власти [12]. Во-вторых, местное самоуправление обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью [12]. В-третьих, органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, вводят местные налоги и сборы, решают иные вопросы местного значения [12].

Эти конституционные положения создают не только имущественную, но и функциональную основу для участия муниципального образования в развитии предпринимательской среды. Если муниципалитет вправе управлять имуществом, планировать бюджет, распоряжаться земельными и иными ресурсами в пределах компетенции, то он неизбежно становится субъектом публичного влияния на локальную экономику. Такое влияние не означает вмешательства в частноправовую свободу предпринимателя. Напротив, его правовой смысл состоит в создании условий, при которых предпринимательская инициатива может развиваться устойчиво, прозрачно и в интересах местного сообщества.

Базовое специальное регулирование развития малого и среднего предпринимательства закреплено в Федеральном законе от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ. Значение данного закона для муниципального уровня состоит в том, что он прямо предусматривает полномочия органов местного самоуправления по вопросам развития малого и среднего предпринимательства. К таким полномочиям относятся создание условий для развития малого и среднего предпринимательства, формирование и осуществление муниципальных программ, анализ финансовых, экономических, социальных и иных показателей развития предпринимательства, прогнозирование его развития, формирование инфраструктуры поддержки, содействие деятельности некоммерческих организаций, выражающих интересы предпринимателей, а также образование координационных или совещательных органов [13].

Указанный перечень имеет системообразующий характер. Он показывает, что законодатель видит муниципалитет не пассивным адресатом государственной политики, а самостоятельным участником системы поддержки предпринимательства. Особенно важным является полномочие по анализу показателей и прогнозированию развития малого и среднего бизнеса. Без такой аналитической функции муниципальная поддержка неизбежно превращается в набор случайных мер, не связанных с реальной структурой локальной экономики. Для малых городов, сельских поселений, городских округов, туристских территорий, промышленных муниципалитетов и пригородных зон предпринимательские модели

различны. Следовательно, и муниципальные программы не могут быть одинаковыми по содержанию.

Федеральный закон № 209-ФЗ выделяет несколько форм поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства: финансовую, имущественную, информационную, консультационную, образовательную, поддержку в области инноваций, промышленного производства, ремесленной деятельности, внешнеэкономической деятельности, социального предпринимательства и сельскохозяйственной деятельности [13]. На муниципальном уровне наиболее значимыми являются имущественная, информационная, консультационная и организационная формы. Это объясняется тем, что муниципалитет, как правило, не обладает масштабными финансовыми ресурсами для прямого субсидирования бизнеса, но располагает территориальной информацией, муниципальными помещениями, земельными участками, локальными коммуникационными каналами, правом принимать муниципальные программы и возможностью организовывать постоянный диалог с предпринимательским сообществом.

Экономическая основа местного самоуправления традиционно связывается с материальными ресурсами, закрепленными за муниципальным образованием. Однако устойчивость местного самоуправления определяется не только объемом муниципальной собственности, но и тем, насколько эта собственность включена в полезный хозяйственный оборот. Нежилое помещение, земельный участок, рынок, объект транспортной инфраструктуры, муниципальное имущество коммунального назначения или свободная производственная площадка могут быть либо пассивным активом, требующим расходов на содержание, либо инструментом развития малого бизнеса, занятости и налоговой базы; официальная статистика Единого реестра МСП подтверждает массовый характер данного сектора [14].

Системная организация предпринимательства позволяет муниципалитету перевести часть имущества из режима административного хранения в режим экономического развития. При этом речь идет не о распродаже муниципальных активов, а о рациональном использовании имущества в интересах местного сообщества. Льготная аренда, долгосрочное предоставление помещений, включение объектов в специальные перечни, создание бизнес-инкубаторов, муниципальных коворкингов, ремесленных и туристских пространств, организация ярмарочных площадок и нестационарной торговли могут превращать муниципальную собственность в фактор развития локальной экономики.

Связь предпринимательства с местным бюджетом также неоднозначна. Значительная часть налогов, связанных с деятельностью бизнеса, поступает не непосредственно в местный бюджет, а распределяется по бюджетной системе в соответствии с федеральным и региональным законодательством. Поэтому муниципалитет далеко не всегда получает прямой бюджетный эффект от роста предпринимательской активности. Тем не менее такой эффект существует в прямой и косвенной формах. Прямые эффекты включают поступления от местных налогов, арендных платежей, платы за пользование муниципальным имуществом, доходов от продажи имущества в установленных законом случаях, платежей за размещение объектов и иных неналоговых доходов. Косвенные эффекты выражаются в занятости населения, росте доходов жителей, снижении социальной напряженности, повышении деловой привлекательности территории, увеличении спроса на муниципальные услуги и инфраструктуру.

Муниципальная программа развития малого и среднего предпринимательства является центральным юридико-организационным инструментом муниципальной предпринимательской политики. Ее назначение состоит не только в фиксации перечня мероприятий, но и в связывании целей развития бизнеса с ресурсами муниципального образования, ответственными исполнителями, сроками, показателями и механизмами общественного контроля. На практике многие муниципальные программы страдают избыточной декларативностью: они воспроизводят федеральные формулы, но слабо отражают территориальную специфику.

Качественная муниципальная программа должна начинаться с паспорта предпринимательской среды. Такой паспорт может включать сведения о количестве субъектов МСП и самозанятых, отраслевой структуре бизнеса, динамике регистрации и прекращения деятельности, занятости, доступных муниципальных помещениях, свободных земельных участках, состоянии торговой и бытовой инфраструктуры, потребностях жителей, транспортной доступности, туристском потенциале, наличии образовательных организаций, кадровых дефицитах и барьерах для бизнеса. Без такого анализа программа не способна выполнять функцию управления.

Муниципальное имущество является одним из наиболее чувствительных и одновременно наиболее результативных инструментов поддержки малого и среднего бизнеса. Для начинающего предпринимателя доступ к помещению или земельному участку часто важнее прямой финансовой помощи. Высокая стоимость аренды, неопределенность срока пользования, сложность подключения к инженерным сетям, отсутствие по-

нятной информации об объектах являются барьерами, которые муниципалитет способен частично снизить.

Имущественная поддержка должна строиться на нескольких принципах. Первый принцип — публичность. Предприниматель должен иметь возможность увидеть полный перечень доступных объектов [14], условия их предоставления, ограничения, срок аренды, размер платы, порядок подачи заявления и основания отказа. Второй принцип — целевое назначение. Муниципальное имущество, предоставленное в целях поддержки бизнеса, должно использоваться именно для предпринимательской деятельности, указанной в договоре и программе. Третий принцип — долгосрочность. Малый бизнес не инвестирует в помещение, оборудование и ремонт, если срок пользования слишком короткий и может быть произвольно прекращен. Законодательное требование о долгосрочном характере договоров в отношении имущества из перечней поддержки имеет поэтому важное экономическое значение [15].

Четвертый принцип — соответствие конкуренции. Льготное предоставление имущества не должно превращаться в скрытую поддержку избранных субъектов. Муниципалитет обязан заранее определять критерии отбора, приоритетные виды деятельности, основания предоставления льгот и порядок контроля за использованием имущества. Пятый принцип — связь с территориальным развитием. Имущественная поддержка должна помогать решать конкретные проблемы: оживлять первые этажи зданий, развивать бытовые услуги в отдаленных населенных пунктах, поддерживать социальное предпринимательство, создавать рабочие места в депрессивных зонах, развивать туристские маршруты и локальные производства [16]. При этом преимущественное право выкупа арендуемого имущества субъектами МСП должно применяться с учетом долгосрочных интересов муниципального образования [17].

Муниципальный спрос является важным, но часто недооцененным ресурсом развития малого предпринимательства. Органы местного самоуправления, муниципальные учреждения и предприятия закупают товары, работы и услуги для нужд образования, культуры, спорта, благоустройства, ремонта, транспорта, жилищно-коммунальной сферы, информационных технологий. Для малого бизнеса участие в таких закупках может стать стабильным каналом сбыта и инструментом профессионализации.

Федеральное законодательство о контрактной системе закрепляет специальные правила участия субъектов малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций в закупках [18]. Для муниципального уровня это означает, что закупочная политика может выполнять не только обеспечительную, но и развивающую функцию. Однако для этого недостаточно формально соблюдать квоты. Нужно снижать информационные и организационные барьеры: обучать предпринимателей участию в закупках, размещать понятные планы закупок, дробить закупки там, где это не нарушает закон и соответствует экономической целесообразности, своевременно оплачивать исполненные контракты, избегать избыточных требований к участникам. Для организаций с муниципальным участием дополнительно значимы правила закупок с участием МСП по законодательству о закупках отдельными видами юридических лиц [19].

Несмотря на наличие нормативной базы, организация системы предпринимательства на муниципальном уровне сталкивается с рядом устойчивых проблем.

Первая проблема - ресурсная асимметрия муниципальных образований. Крупные городские округа обладают кадрами, цифровыми сервисами, имущественной базой и административными возможностями, тогда как малые муниципалитеты часто ограничены минимальным аппаратом управления и зависимым бюджетом. В результате одинаковые по формулировке полномочия реализуются крайне неравномерно.

Вторая проблема - формализация муниципальных программ. Нередко программы поддержки предпринимательства включают мероприятия общего характера, не обеспеченные финансированием и не связанные с конкретными объектами имущества, закупками, земельными решениями и потребностями бизнеса. Отчетность при этом строится вокруг количества консультаций и мероприятий, а не вокруг экономического результата. Такая модель создает видимость деятельности, но не укрепляет экономические основы местного самоуправления.

Организация системы малого и среднего предпринимательства на муниципальном уровне является одним из наиболее значимых факторов укрепления экономических основ местного самоуправления в России. Муниципальное предпринимательство связывает конституционные гарантии местного самоуправления с реальной экономикой территории: местным бюджетом, муниципальной собственностью, занятостью населения, доступностью услуг, качеством городской и сельской среды.

Правовой анализ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, развитие малого и среднего предпринимательства должно рассматриваться как элемент экономической функции местного самоуправления, а не только как направление государственной политики поддержки

бизнеса. Во-вторых, полномочия органов местного самоуправления в сфере МСП требуют системной реализации через муниципальные программы, имущественные перечни, цифровые сервисы, координационные органы и закупочные механизмы. Во-третьих, муниципальная собственность может быть активным ресурсом развития бизнеса при условии прозрачного, целевого и долгосрочного использования. Во-четвертых, местный бюджет получает от предпринимательства не только прямые доходы, но и комплексные социально-экономические эффекты, которые должны учитываться в муниципальном планировании. В-пятых, единая система публичной власти не должна нивелировать муниципальную специфику; напротив, она должна обеспечивать согласование федеральных, региональных и муниципальных инструментов поддержки предпринимательства.

Список литературы:

[1] Авакьян С. А. Муниципальное право России : учебник. М. : Проспект, 2023. 544 с.

[2] Васильев В. И. Местное самоуправление: конституционные основы и современная практика. М. : Норма, 2021. 368 с.

[3] Грудцына Л. Ю. Местное самоуправление и институты гражданского общества: проблемы правового взаимодействия. М. : Юркомпани, 2022. 312 с.

[4] Кожевников О. А. Защита экономической основы местного самоуправления в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2020. № 3. С. 12–17.

[5] Кутафин О. Е., Фадеев В. И. Муниципальное право Российской Федерации : учебник. М. : Проспект, 2022. 672 с.

[6] Шугрина Е. С. Экономическая основа местного самоуправления: правовой анализ // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 5. С. 3–9.

[7] Шугрина Е. С. Муниципальное право Российской Федерации : учебник. М. : Норма, 2024. 592 с.

[8] Чиркин В. Е. Публичная власть в современном обществе: конституционно-правовой анализ. М. : Норма, 2020. 416 с.

[9] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

[10] Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2025.

[11] См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2018 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 242 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой муниципального образования — городского округа “Город Чита”» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 31. Ст. 5063; Постановление Конституционного Суда РФ от 30 мая 2023 г. № 27-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

[12] Конституция Российской Федерации. Ст. 12.

[13] Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Ст. 11 // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.

[14] Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства : статистика ФНС России. URL: https://ofd.nalog.ru/statistics.html (дата обращения: 04.06.2026).

[15] Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ. Ст. 18 ч. 4.3.

[16] Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Гл. 5 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.

[17] Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения движимого и недвижимого имущества, находящегося в государственной или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства…» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 30 (ч. 1). Ст. 3615.

[18] Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Ст. 30 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

[19] Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Ст. 3.4 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4571; Постановление Правительства РФ от 11 декабря 2014 г. № 1352 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 51. Ст. 7438.

References:

[1] Avakyan S. A. Municipal law of Russia: textbook. M.: Prospect, 2023. 544 p.

[2] Vasiliev V.I. Local self-government: constitutional foundations and modern practice. M.: Norma, 2021. 368 pp.

[3] Grudtsyna L. Yu. Local self-government and civil society institutions: problems of legal interaction. M.: Yurkompani, 2022. 312 s.

[4] Kozhevnikov O. A. Protection of the economic basis of local self-government in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Municipal service: legal issues. 2020. № 3. S. 12-17.

[5] Kutafin O. E., Fadeev V. I. Municipal law of the Russian Federation: textbook. M.: Prospect, 2022. 672 p.

[6] Shugrina E. S. The economic basis of local self-government: legal analysis // State power and local self-government. 2018. № 5. S. 3-9.

[7] Shugrina E. S. Municipal law of the Russian Federation: textbook. M.: Norma, 2024. 592 p.

[8] Chirkin V.E. Public power in modern society: constitutional and legal analysis. M.: Norma, 2020. 416 p.

[9] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993: with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // Official Internet portal of legal information. URL: http://pravo.gov.ru.

[10] Federal Law of March 20, 2025 No. 33-FZ "On General Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority "// Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025.

[11] See, for example: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 18, 2018 No. 33-P "In the case of checking the constitutionality of paragraph 3 of Article 242 of the Budget Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the municipality - the urban district "City of Chita" "// Collection of legislation of the Russian Federation. 2018. № 31. Art. 5063; Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 30, 2023 No. 27-P // Official Internet portal of legal information. URL: http://pravo.gov.ru.

[12] Constitution of the Russian Federation. Art. 12.

[13] Federal Law No. 209-FZ of July 24, 2007 "On the Development of Small and Medium Enterprises in the Russian Federation." Art. 11 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2007. № 31. Art. 4006.

[14] Unified register of small and medium-sized businesses: statistics of the Federal Tax Service of Russia. URL: https://ofd.nalog.ru/statistics.html (access date: 04.06.2026).

[15] Federal Law No. 209-FZ of July 24, 2007. Art. 18 h. 4.3.

[16] Federal Law No. 135-FZ of July 26, 2006 "On Protection of Competition." Ch. 5 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (part 1). Art. 3434.

[17] Federal Law of July 22, 2008 No. 159-FZ "On the peculiarities of alienation of movable and immovable property owned by the state or in municipal ownership and rented by small and medium-sized businesses... "// Collection of legislation of the Russian Federation. 2008. No. 30 (part 1). Art. 3615.

[18] Federal Law of April 5, 2013 No. 44-FZ "On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs." Art. 30 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2013. № 14. Art. 1652.

[19] Federal Law of July 18, 2011 No. 223-FZ "On the Procurement of Goods, Works, Services by Certain Types of Legal Entities." Art. 3.4 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. No. 30 (part 1). Art. 4571; Decree of the Government of the Russian Federation of December 11, 2014 No. 1352 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. № 51. Art. 7438.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 07.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-201-205

ЖАМКОВ Михаил Вячеславович,
аспирант Федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» (ИЗиСП) (г. Москва),
e-mail: zhamkov.mixail@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВА ЗАСТРОЙКИ В МЕХАНИЗМЕ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. *В статье исследуется возможность использования права застройки (суперфиция) в механизме комплексного развития территорий. Анализируются действующие правовые титулы, на основании которых девелопер осуществляет освоение земельных участков, включая право аренду. Рассматриваются положения проекта реформы вещного права, а также позиции представителей юридической науки относительно преимуществ и недостатков права застройки и строительной аренды. Делается вывод о преждевременности введения права застройки в российское законодательство. Обосновывается, что существующие проблемы реализации проектов комплексного развития территорий могут быть решены посредством совершенствования арендных отношений, договорного регулирования.*

Ключевые слова: *право застройки; суперфиций; земельные участки; аренда; строительная аренда; строительство; комплексное развитие территорий; вещное право; ограниченное вещное право.*

ZHAMKOV Mikhail Vyacheslavovich,
Postgraduate Student, Federal State Research Institution "Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation" (IZiSP) (Moscow)

CHALLENGES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT RIGHTS WITHIN THE FRAMEWORK OF INTEGRATED TERRITORIAL DEVELOPMENT

Annotation. *This article examines the potential use of building rights (superficies) within the framework of integrated territorial development. It analyses the existing legal titles on the basis of which developers carry out the development of land plots, including leasehold rights. The provisions of the draft reform of property law are examined, as are the views of legal scholars regarding the advantages and disadvantages of the right to build and construction leases. The conclusion is drawn that it is premature to introduce the right to build into Russian legislation. It is argued that the existing problems in implementing integrated territorial development projects can be resolved by improving lease arrangements and contractual regulation.*

Key words: *development rights; superficies; land plots; lease; building lease; construction; integrated land development; right in rem; limited right in rem.*

Современный этап развития градостроительного законодательства характеризуется поиском оптимальных правовых форм, способных обеспечить баланс между публичными и частными интересами при преобразовании городских пространств. Механизм комплексного развития территорий (далее – КРТ), закреплённый в Градостроительном кодексе Российской Федерации (далее – ГрК РФ) [9], представляет собой один из ключевых инструментов реализации государственной политики в сфере создания комфортной городской среды. Однако его эффективное функционирование напрямую зависит от качества правового регулирования отношений по использованию земельных участков, предоставляемых частной стороне, реализующей КРТ (девелоперу / инвестору / застройщику).

Современная правовая модель КРТ в Рос-

сии заключается в сочетании градостроительных решений, специальных договоров и уже известных земельно-правовых титулов. Глава 10 ГрК РФ закрепляет КРТ как самостоятельный механизм территориального преобразования, и предусматривает нормы, устанавливающие цели КРТ, его виды, порядок принятия решения, содержание договора и порядок реализации.

На данный момент девелопер может обладать земельным участком, входящим в границы территории КРТ, на следующих правах:

вещном праве в виде праве собственности (например, если КРТ реализуется по инициативе правообладателей участков);

обязательственном праве - праве аренды - т.н. «строительная аренда» (например, если участок был изъят у предыдущего правообладателя в целях КРТ, а потом предоставлен девелоперу в аренду);

в случае КРТ по инициативе правообладателей доступно еще одно обязательственное право – право безвозмездного пользования земельным участком, находящимся в публичной собственности (ч. 1 ст. 70 ГрК РФ, ст. 24 Земельного кодекса Российской Федерации; далее – ЗК РФ [10]).

В силу ряда причин наиболее часто при реализации проектов КРТ девелоперы приобретают участки, входящие в границы территории КРТ и необходимые для его реализации, на праве аренды (В научной литературе, часто отмечается, что в текущих правовых реалиях обязательственное по своему происхождению право аренды имеет значительное количество вещно-правовых признаков (защита вещно-правовыми иска-ми, право следования и т.п.). Это влечет появления точек зрения на право аренды как на вещно-обязательственное, квазивещное или полноценное вещное право).

Данная система прав сформировалась для обеспечения функционирования строительной отрасли задолго до формирования механизма КРТ, и в целом данная связка прав выполняла свою функцию.

При этом в научном сообществе довольно давно ведутся дискуссии относительно необходимости введения нового вида права в систему прав, доступных застройщику, а именно: ограниченного вещного права в виде права застройки (суперфиция), предполагающего изменение правообладателем свойств и качеств земельного участка, прежде всего возведение на нем различных объектов строительства (зданий, сооружений).

Анализируя вопросы застройки территорий, Е.С. Болтанова справедливо разграничивает право на застройку земель как элемент правомерного использования земельного участка (который, в частности, находит свою закрепление в ст. 263 Гражданского кодекса Российской Федерации [11], посвященной застройке собственником земельного участка) и собственно право застройки как самостоятельную юридическую конструкцию, которую планировалось вернуть в российское законодательство как определенную правовую форму использования земельного участка для строительства. При этом само право застройки Е.С. Болтанова определяет как особое вещное право, владелец которого наделен правомочиями по владению, пользованию чужим земельным участком исключительно в целях строительства или реконструкции здания, сооружения и его последующей эксплуатации» [4].

Также требуется учитывать и градостроительный аспект. О.А. Романова, анализируя природу градостроительных отношений, отмечала их преимущественно публичный характер [7]. Градостроительная деятельность по своей сущности не ограничивается частным интересом инвестора в освоении участка, поскольку связана с планировкой территории, инфраструктурным обеспечением, балансом интересов населения, органов публичной власти, собственников недвижимости и будущих пользователей территории. Поэтому любое обсуждение права застройки должно вестись не только в координатах вещного права, но и в координатах публичного управления территориальным развитием. Аналогичной позиции придерживается, и Л.Е. Бандорин, который еще в период становления современного градостроительного регулирования писал о «переходе от административной системы определения судьбы земельных участков к правовой системе» [1].

Основной импульс этой дискуссии дала одобренная в 2009 году решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства Концепция развития гражданского законодательства [12] и проект Федерального закона № 47538-6 [13] (проектом были предложено более конкретное содержания права застройки, однако суть его содержания осталась в том виде, в котором была отражена в концепции). При этом вопрос остается актуальным и споры в научной среде продолжаются до сих пор [2, 3, 6, 8].

Упомянутой концепцией предлагается определить следующее содержание права застройки, предназначенного для случаев, когда участок планируется использовать для строительства объектов и их последующей эксплуатации.

Содержание права застройки - владение и пользование земельным участком, а также находящимися (возведенными) на земельном участке зданиями и сооружениями, которые, по общему правилу, после возведения становятся собствен-

ностью собственника участка (в отличие от аренды, где наоборот, по общему правилу собственником будет считаться лицо, создавшее объект, - арендатор). Однако эти здания и сооружения в течение срока действия права застройки в некоторой степени находятся во власти суперфициара (например, он имеет право сносить эти объекты и возводить новые).

По сравнению с правом застройки право аренды не имеет в законодательстве столь детальной фиксации его содержания. Закон, как правило ограничивается указанием на то, что по договору аренды арендодатель обязуется передать во временное владение и пользование или во временное пользование арендатору объект аренды. То есть закон оставляет урегулирование большинства вопросов, возникающих по поводу аренды, на сами стороны. Договор аренды представляет собой определенный конструктор. Содержание права аренды «наполняется» на основании договоренностей сторон.

Концепцией предполагается, что суперфиций должен быть срочным правом. Это, как представляется логично, поскольку все рукотворные объекты (в том числе, здания и сооружения) имеют свой срок эксплуатация, и по истечение этого срока собственник земельного участка вправе рассчитывать на освобождение своего участка от вышедших из эксплуатаций объектов.

Авторы концепции предлагают законодательно закрепить диапазон действия права в рамках периода от 50 до 199 лет, что, на наш взгляд, в известной степени ограничивает свободу усмотрения сторонами условий договора. В случае с договорами аренды, законодательно установлены предельные сроки аренды лишь исключительных случаев, которые в основном касаются случаев аренды земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности (ст. 39.8 ЗК РФ).

Для аренды участков в целях КРТ в законодательстве установлена своя специфика. Так, законодатель не устанавливает отдельного срока для такого договора аренды, а указывает, что участок предоставляется в аренду на срок действия договора о КРТ. Данный подход, представляется правильным, учитывая, что земельные участки предоставляются девелоперу под конкретную цель – реализацию проекта КРТ. В этих условиях закрепление какого-либо отдельного срока договора аренды неизбежно бы породило рассогласованность двух этих договоров (например, если были продлены сроки реализации проекта о КРТ, но продлен срок действия договора).

Авторы концепции также указывают на отчуждаемость суперфиция (возможен переход прав и обязанностей) и возмездность. Данным характеристикам отвечает и право аренды.

В науке имеется несколько точек зрения относительно необходимости и целесообразности введения права застройки в современное законодательство.

Так, одним из наиболее последовательных сторонников права застройки является Р.С. Бевзенко. В своих работах он отмечал, что, по его мнению, в текущем регулировании существует явный недостаток правовых инструментов для застройки чужих земельных участков, основанных на доктрине ограниченных вещных прав [2, 3].

Сторонником реформы также является Е.А. Суханов, видя в ней «необходимым и назревшим шагом на пути развития и совершенствования правового оформления рыночных преобразований» [8].

Некоторые авторы отмечают, что недостатки имеются как у строительной аренды, так и у предлагаемого права застройки. Так, Е.Ю. Иванова отмечает, что «обе названные гражданско-правовые формы строительства на чужом земельном участке нуждаются в реформировании, и выбор в пользу только лишь одной из них не кажется столь однозначным» [6].

При этом предлагаемая реформа также подверглась обоснованной критике со стороны части научного сообщества. Так, Е.А. Галиновская считает введение права застройки избыточным и противоречащим концепции правового регулирования использования земель на основании установленного для них правового режима. Галиновская отмечает, что введение ограниченного права для застройки, по сути, означает отход от универсальности прав на землю и установления ограничений «в пользовании не только в зависимости от целевого назначения (разрешенного использования) земель, но в зависимости от приобретаемого права на землю». Галиновская указывает, что целям развития системы прав на землю в большей степени отвечают меры по совершенствованию уже существующего права постоянного (бессрочного) пользования, а также совершенствование арендных земельных отношений, при этом обращая внимание, что такие меры не потребуют кардинального изменения законодательства [5].

Сторонники реформы, как правило, приводят такие преимущества права застройки по сравнению с арендой как:

большая устойчивость отношений и стабильность договора (выражающаяся, в частности, в меньшем перечне оснований для расторжения договора);

большая залогоспособность и лучшая защита интересов кредиторов застройщика (например, способность права застройки войти в конкурсную массу);

отсутствие обременения земельного участка после истечения договора (т.е. на участке отсутствуют объекты недвижимости, принадлежащие третьему лицу – застройщику-арендатору).

Указанные преимущества, действительно, могут улучшить положение застройщика и разрешить некоторые проблемы, встающие перед собственником земельного участка, девелопером и его кредиторами.

Однако, на наш взгляд, данные вопросы во многом могут быть решены и при согласовании сторонами условий договора аренды. Т.е. данные проблемы могут отпасть в случае проведения сторонами надлежащей проработки будущей конструкции их правоотношений (например, стороны сами могут определить в договоре будущую судьбу возводимых зданий и сооружений; стороны также могут прописать основания, детальный порядок расторжения договора и полагающиеся в связи с этим компенсации).

В свою очередь, закрепленные в ЗК РФ императивные установления относительно условий (оснований заключения договора, срока и др.) аренды земельного участка, находящегося в публичной собственности, хоть и ограничивают в известной степени свободу договора, однако не полностью лишают стороны свободы. Кроме того, эти ограничения призваны защитить публичные интересы от недобросовестных арендаторов. Как представляется, в случае принятия реформы и введения права застройки в законодательство данные ограничения также бы распространились и на суперфиций, поскольку публичные интересы не прекратили бы свое существование.

Таким образом, на данный момент введение права застройки является преждевременным в связи с отсутствием проблемы, которую должен был бы решить суперфиций. Имеющиеся недостатки системы прав на землю стоит решать не введением новых, а путем точечных правок к существующим видам прав, в частности, как отмечала Е.А. Галиновская, путем корректировки существующего регулирования арендных земельных отношений.

Кроме того, ввод права застройки породил бы значительный массив переходных юридико-технических проблем: регистрация и оборот нового вещного права, его оценка, налогообложение, соотношение с градостроительными и ограничениями.

Представляется, что все вышесказанное применимо и механизму КРТ. Для реализации проектов КРТ право застройки не является необходимым инструментом, поскольку для этого уже используется существующие титулы (право собственности, право аренды, право безвозмездного пользования), которые, разумеется, не лишены своих недостатков. Основные проблемы КРТ находятся в плоскости согласовании публичных и частных интересов, распределении расходов на инфраструктуру, устойчивости градостроительных решений, синхронизации земельных и градостроительных процедур, а также в обеспечении исполнимости договоров о КРТ.

Список литературы:

[1] Бандорин Л.Е., Холопик К.В. Градорегулирование и административные барьеры в области освоения территорий, проектирования и строительства // Вопросы государственного и муниципального управления. 2007. № 2-3. С. 185-189.

[2] Бевзенко Р.С. О целесообразности и желательности введения права застройки в российское право / Р. С. Бевзенко // Закон. – 2016. – № 6. – С. 53-57.

[3] Бевзенко Р.С. Принцип единства судьбы прав на земельный участок и на строения на нем / Р. С. Бевзенко // Вестник гражданского права. – 2020. – Т. 20, № 2. – С. 60-123.

[4] Болтанова Е.С. Эколого-правовые основы регулирования застройки земель зданиями и сооружениями в России : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.06 / Болтанова Елена Сергеевна; [Место защиты: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ]. — Томск, 2014. — 457 с.

[5] Галиновская Е.А. К вопросу о вещных правах на землю / Е. А. Галиновская // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2010. – № 3(102). – С. 68-74.

[6] Иванова Е.Ю. Проблемы строительной аренды в судебной практике и проект введения права застройки в отечественное законодательство // Вестник гражданского права. – 2021. – № 2. – С. 149–174.

[7] Романова О. А. Субъекты и объекты градостроительных правоотношений // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12 (109). С. 53-61.

[8] Суханов Е.А. Проблемы вещного права в современном российском праве // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 33 - 38.

[9] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть I). ст. 16.

[10] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

[11] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301.

[12] Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобре-

на решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: Некоммерческая интернет-версия (дата обращения: 03.07.2026).

[13] Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» : (в части введения в Гражданский кодекс РФ главы 20.1 «Право застройки») : (ред., принятая Гос. Думой Федер. Собр. РФ в первом чтении 27 апреля 2012 г.) // Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6 (дата обращения: 09.07.2026).

References:

[1] Bandorin L.E., Kholopik K.V. City regulation and administrative barriers in the field of development of territories, design and construction // Issues of state and municipal administration. 2007. № 2-3. S. 185-189.

[2] Bevzenko R.S. On the expediency and desirability of introducing building rights into Russian law/R.S. Bevzenko // Law. – 2016. – № 6. - S. 53-57.

[3] Bevzenko R.S. The principle of unity of fate of rights to a land plot and to buildings on it/ R.S. Bevzenko // Bulletin of Civil Law. – 2020. - T. 20, NO. 2. - S. 60-123.

[4] E.S. Boltanova. Ecological and legal basis for regulating the development of land by buildings and structures in Russia: dissertation... Doctors of Law: 12.00.06/Boltanova Elena Sergeevna; [Place of protection: Law ID and compare. Law under the Government of the Russian Federation]. - Tomsk, 2014. - 457 p.

[5] Galinovskaya E.A. On the issue of property rights to land/E.A. Galinovskaya // Property relations in the Russian Federation. – 2010. – № 3(102). - S. 68-74.

[6] Ivanova E.Yu. Problems of construction lease in judicial practice and the project of introducing the right of development into domestic legislation // Bulletin of Civil Law. – 2021. – № 2. - S. 149-174.

[7] Romanova O. A. Subjects and objects of urban planning legal relations // Actual problems of Russian law. 2019. № 12 (109). S. 53-61.

[8] Sukhanov E.A. Problems of property law in modern Russian law // Journal of Russian law. 2016. № 4. S. 33-38.

[9] Town Planning Code of the Russian Federation No. 29.12.2004 dated 190-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1 (Part I). Art. 16.

[10] Land Code of the Russian Federation dated 25.10.2001 No. 136-FZ // NW RF. 2001. № 44. Art. 4147.

[11] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

[12] The concept of development of civil legislation of the Russian Federation (approved by the decision of the Council under the President of the Russian Federation on the codification and improvement of civil legislation dated 07.10.2009) // Access from the ConsultantPlus reference legal system. Access mode: Non-commercial Internet version (accessed on: 03.07.2026).

[13] Draft Federal Law No. 47538-6 "On Amendments to Parts One, Two, Three and Four of the Civil Code of the Russian Federation, as well as to Certain Legislative Acts of the Russian Federation": (regarding the introduction of Chapter 20.1 "Building Rights" into the Civil Code of the Russian Federation): (ed., adopted by the State Duma Feder. Sobr. RF in the first reading on April 27, 2012) // Legislative support system. - URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6 (access date: 09.07.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-206-210

МАКСИМКИН Яков Александрович,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права юридического института Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, кандидат юридических наук,
e-mail: maksimkin.yaa@ssau.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ТАРГЕТИРОВАННОЙ РЕКЛАМЫ

Аннотация. *В статье исследуется правовая природа таргетированной рекламы как направленного информационного воздействия на заранее определенную аудиторию или конкретного потребителя в сети «Интернет». На основе анализа легального определения рекламы (пункт 1 статьи 3 Федерального закона «О рекламе»), разъяснений Федеральной антимонопольной службы России и судебной практики автор обосновывает вывод о том, что таргетированная реклама не образует самостоятельного правового явления, а представляет собой разновидность рекламы. Аргументируется функциональное толкование признака адресованности рекламы неопределенному кругу лиц: определяющее значение имеет направленность информации на продвижение объекта рекламирования, а не персонификация ее адресата. С учетом введенных статьей 18.1 Закона «О рекламе» требований о маркировке рекламы в сети «Интернет» и положений законодательства о персональных данных сформулированы практические рекомендации для законотворческой и правоприменительной деятельности.*

Ключевые слова: *реклама; таргетированная реклама; реклама в сети «Интернет»; неопределенный круг лиц; объект рекламирования; маркировка рекламы; персональные данные; Федеральная антимонопольная служба; правовая природа; рекламная информация.*

MAKSIMKIN Yakov Aleksandrovich,
Associate Professor of the Department of Civil and Business Law, Law Institute, Samara National Research University, Candidate of Legal Sciences

ON THE LEGAL NATURE OF TARGETED ADVERTISING

Annotation. *The article examines the legal nature of targeted advertising as a focused informational influence on a predefined audience or a specific consumer on the Internet. Drawing on an analysis of the legal definition of advertising (clause 1 of article 3 of the Federal Law "On Advertising"), the explanations of the Federal Antimonopoly Service of Russia and judicial practice, the author substantiates the conclusion that targeted advertising does not constitute an independent legal phenomenon but is a variety of advertising. A functional interpretation of the criterion that advertising is addressed to an indefinite circle of persons is argued for: decisive importance belongs to the orientation of the information towards promoting the advertising object rather than to the personalization of its addressee. Taking into account the requirements for the labelling of Internet advertising introduced by article 18.1 of the Law "On Advertising" and the provisions of personal data legislation, practical recommendations for legislative activity and law enforcement are formulated.*

Key words: *advertising; targeted advertising; advertising on the Internet; indefinite circle of persons; advertising object; advertising labelling; personal data; Federal Antimonopoly Service; legal nature; advertising information.*

Актуальный цифровой маркетинг трактует таргетированную рекламу как метод сфокусированного влияния на конкретные сегменты потенциальных покупателей (целевые группы) посредством веб-технологий [7]. Вместе с тем юридическая квалификация такого формата распространения информации остается предметом дискуссий [1].

Чтобы определить, выступает ли таргетированная реклама подвидом традиционной рекламы или формирует новую правовую категорию, требуется обратиться к доктринальным подходам

отечественной цивилистики относительно сущности рекламной информации и ее атрибутов, выявляемых судами и надзорными органами [4].

Российская правовая наука характеризует рекламу через комплекс специфических свойств: возмездный характер, отсутствие персонализации получателей, вариативность каналов трансляции [3], а также наличие главного телеологического ориентира – генерирование и поддержание стабильного интереса к предмету продвижения [8]. Юридическая конструкция рекламного сообщения базируется на нормативном определении, закрепленном в ч. 1 ст. 3 Закона «О рекламе» [11], которое выделяет три смыслообразующих элемента: многообразие форм доведения информации; ориентация на неиндивидуализированную аудиторию; функциональная задача по привлечению внимания к объекту рекламирования, стимуляции интереса и его коммерциализации.

ФАС России в официальных разъяснениях также фокусирует внимание на ключевых свойствах рекламного контента [12]. Статус рекламы приобретают любые сведения неперсонального характера, преследующие цель продвижения заданного объекта; рассылка таких сведений по заранее сформированному списку адресатов не лишает их рекламной сущности. Критерий «неопределенности круга лиц» трактуется ведомством как невозможность предварительной идентификации каждого реципиента в статусе потенциального контрагента по сделке. Выделение «целевой аудитории» правомерно, однако, если контент доступен субъектам за пределами узкого целевого сегмента, он признается направленным на неопределенный круг лиц [13].

Высшие судебные инстанции отмечали: оценивая материалы на предмет их рекламного характера, суды должны принимать во внимание функциональную направленность таких материалов [14]. Публикация сведений, вызывающих устойчивую ассоциацию с конкретным продуктом, квалифицируется как реклама; для этого порой достаточно фрагментарного упоминания характеристик товара (например, демонстрации логотипа).

Соответственно, решающим фактором идентификации рекламного сообщения становится его телеологический аспект – умысел на продвижение объекта и стимуляцию потребительского спроса; параметр неиндивидуализированности получателей выступает признаком вторичным. Между тем алгоритмы директ-маркетинга в цифровой среде позволяют предельно точно очерчивать круг адресатов.

В парадигме цифрового продвижения под таргетированием понимается трансляция сведений, имеющих выраженную маркетинговую цель (популяризация, поддержание спроса, позиционирование объекта), но сфокусированная на предварительно сегментированной аудитории либо на конкретизированном реципиенте.

Технология доставки такого контента подразумевает аналитику пользовательских сведений: рекламодатели и площадки исследуют метрики возраста, гендера, геолокации, сетевых предпочтений и поведенческих паттернов, что позволяет настраивать показы для отдельных кластеров и пользователей. Зарубежные исследователи описывают поведенческий таргетинг как мониторинг цифрового следа, позволяющий идентифицировать субъекта без деанонимизации его реального имени [10], что порождает риски манипулирования потребительскими привычками аудитории [9].

Изложенное подводит к ключевой проблематике – определению правовой природы таргетинга [2]. В доктрине сформировались две полярные концепции [15]. Сторонники первой настаивают: вследствие выраженной адресности таргетинг не вписывается в законодательную дефиницию рекламы (из-за отсутствия признака «неопределенности круга лиц») и должен классифицироваться как самостоятельное правовое явление, нуждающееся в автономном регулировании. Адепты второй позиции, которую разделяет и автор, утверждают, что таргетированный маркетинг – высокотехнологичный подвид классической рекламы, подчиняющийся действующим предписаниям профильного закона.

Защищая второй подход, важно подчеркнуть: критерий «неиндивидуализированности получателей» недопустимо интерпретировать буквально, игнорируя основные задачи маркетинговых посланий. Позиции ФАС России и высшей судебной инстанции консолидированы: доминантой правовой квалификации признается намерение популяризировать товар или услугу, тогда как состав аудитории выступает признаком подчиненным. Обратная логика породила бы юридический нонсенс: идентичный по смыслу блок информации считался бы рекламным при публикации на открытом сайте, но утрачивал бы этот статус при автоматизированной рассылке тем же пользователям.

Кроме того, при использовании алгоритмов персонализации аудитория лишь визуально кажется определенной. Устанавливая фильтры по множеству параметров (социальных, поведенческих, локационных), рекламодатель не идентифицирует пользователя как конкретную сторону перспективной сделки, а формирует обезличенный кластер, состав которого динамичен и заранее неизвестен заказчику продвижения. Следовательно, конечные реципиенты таких объявлений остаются тем самым «неопределенным кругом

лиц»: их невозможно заблаговременно персонифицировать в статусе стороны сделки. Адресная специфика доставки сведений не препятствует признанию таких материалов рекламными в контексте ч. 1 ст. 3 Закона «О рекламе».

Данный тезис находит прямую поддержку в законодательстве. Федеральным законом от 02.07.2021 № 347-ФЗ профильный закон дополнен статьей 18.1, регулирующей правила интернет-продвижения [16]. Норма обязывает маркировать, учитывать и регистрировать в Едином реестре интернет-рекламы любые промоматериалы в сети, не делая исключений для адресных (таргетированных) рассылок. Тем самым законодатель устанавливает унифицированный режим для всего интернет-маркетинга независимо от способов формирования аудитории.

Любой маркетинговый креатив в сети должен содержать пометку «реклама», данные о заказчике и уникальный цифровой токен, генерируемый оператором рекламных данных; отчетность направляется в государственный реестр под контролем Роскомнадзора. Эти требования в полной мере распространяются на таргетированный маркетинг, а их игнорирование влечет санкции: ч. 15–17 ст. 14.3 КоАП РФ [17] предусматривают штрафы, которые для юридических лиц достигают семисот тысяч рублей.

Признание таргетинга разновидностью рекламы подчиняет его и прочим нормативам базового закона. Так, согласно ст. 18 Закона «О рекламе», распространение промоматериалов через сети электросвязи (включая электронную почту и автоматические рассылки) допускается исключительно при наличии предварительного согласия адресата, причем доказывать факт его получения обязан распространитель. Поскольку алгоритмы персонализации задействуют именно эти каналы, исполнение данного требования приобретает существенное практическое значение. Настройка фильтров аудитории основана на сборе персональных данных и поведенческом профилировании, что вводит деятельность рекламодателей в сферу действия Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [18] и требует законного основания обработки, прежде всего – согласия субъекта [19].

Изложенное позволяет заключить: таргетированный маркетинг не образует самостоятельного правового явления, а представляет собой разновидность рекламы, выделяемую по технологическим особенностям отбора получателей и каналам доставки. Его правовой режим складывается из общих предписаний рекламного законодательства, специальных норм ст. 18.1 об учете интернет-рекламы и требований законодательства о персональных данных. Ни действующая нормативная база, ни судебная практика не содержат признаков, позволяющих исключить таргетинг из легального контура понятия «реклама».

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд практических рекомендаций. Во-первых, при оценке цифрового контента антимонопольному органу и судам следует исходить из функционального (телеологического) критерия – направленности информации на привлечение внимания к объекту рекламирования; локализация показов для узкого сегмента аудитории или конкретного лица должна расцениваться как признак вторичный, поскольку сама по себе точечная доставка не опровергает рекламной природы материала. Во-вторых, хозяйствующим субъектам, применяющим инструменты персонализированного маркетинга, надлежит обеспечивать одновременное выполнение трех групп обязательств: правил маркировки и учета интернет-рекламы (ст. 18.1 Закона «О рекламе»), требования о предварительном согласии адресата при распространении рекламы по сетям электросвязи (ст. 18 того же Закона) и предписаний о законном основании обработки персональных данных, используемых для таргетирования. В-третьих, в целях устранения теоретических разногласий представляется целесообразным дополнить понятийный аппарат ст. 3 Закона «О рекламе», прямо закрепив, что признак адресованности «неопределенному кругу лиц» сохраняется при адресном (в том числе таргетированном) распространении рекламной информации.

Перспективы развития отраслевого регулирования видятся не в конструировании обособленного правового режима для таргетинга, а в уточнении и взаимном согласовании действующих предписаний рекламного законодательства и норм о персональных данных с учетом специфики цифровой среды.

Список литературы:

[1] Аблятипова Н.А. Таргетированная реклама: гражданско-правовой аспект / Н.А. Аблятипова, А.А. Кравцова // Крымский научный вестник. 2019. № 3 (24). С. 10 – 11.

[2] Архипов В.В. Интернет-право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / В.В. Архипов. М.: Юрайт, 2016. 249 с.

[3] Богацкая С.Г. Правовое регулирование рекламной деятельности: учебное пособие / С.Г. Богацкая. М.: Университетская книга, 2007. 368 с.

[4] Копытин Д.А. Правовое регулирование рекламного рынка. Предпринимательско-правовой аспект: монография / Д.А. Копытин. М.: Волтерс Клувер, 2010. 192 с.

[5] Ксенофонтов О.М. E-Commerce: аспекты правового регулирования таргетированной ре-

кламы в России / О.М. Ксенофонтов // Право цифровой экономики: Ежегодник-антология / под ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2020. С. 217 – 244.

[6] Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование: монография / А.И. Савельев. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020. 920 с.

[7] Синяев В.В. Таргетированная реклама как основной элемент digital-маркетинга / В.В. Синяев // Экономические системы. 2018. Т. 11. № 2 (41). С. 75 – 76.

[8] Челышев М.Ю. О рекламе, коммерческой рекламе и рекламной деятельности как о правовых категориях / М.Ю. Челышев // Вестник экономики, права и социологии. 2008. № 2. С. 71 – 81.

[9] Calo R. Digital Market Manipulation / R. Calo // The George Washington Law Review. 2014. Vol. 82. № 4. P. 995 – 1051.

[10] Zuiderveen Borgesius F.J. Singling out people without knowing their names – Behavioural targeting, pseudonymous data, and the new Data Protection Regulation / F.J. Zuiderveen Borgesius // Computer Law & Security Review. 2016. Vol. 32. Iss. 2. P. 256 – 271.

[11] Российская газета. 2006. № 51. 15 марта. Далее по тексту – Закон «О рекламе».

[12] Приказ ФАС России от 14.11.2023 № 821/23 «Об утверждении руководства по соблюдению обязательных требований "Понятие рекламы"» // Официальные документы. 2023. № 46 (еженедельное приложение к газете «Учет, налоги, право»).

[13] Письмо ФАС России от 20.06.2018 № АД/45557/18 «Об оценке неопределенного круга лиц в рекламе» // Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

[14] Постановление Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 № 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О рекламе» // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2012. № 45.

[15] Обзор высказанных в литературе позиций см., напр.: Ксенофонтов О.М. E-Commerce: аспекты правового регулирования таргетированной рекламы в России // Право цифровой экономики: Ежегодник-антология / под ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2020. С. 217 – 244.

[16] Федеральный закон от 02.07.2021 № 347-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О рекламе"» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5066. Нормы о рекламе в сети «Интернет» вступили в силу с 1 сентября 2022 г.

[17] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1. Части 15–17 статьи 14.3 введены Федеральным законом от 24.06.2023 № 274-ФЗ.

[18] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

[19] Подробнее о правовом регулировании распространения рекламы и обработки персональных данных в сфере электронной коммерции см.: Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020. 920 с.

References:

[1] Ablyatipova N.A. Targeted advertising: civil aspect/N.A. Ablyatipova, A.A. Kravtsova // Crimean Scientific Bulletin. 2019. № 3 (24). S. 10-11.

[2] Arkhipov V.V. Internet law: textbook and workshop for undergraduate and graduate studies/ V.V. Arkhipov. M.: Yurayt, 2016. 249 pp.

[3] Bogatskaya S.G. Legal regulation of advertising activities: a textbook/S.G. Bogatskaya. M.: University Book, 2007. 368 pp.

[4] Kopytin D.A. Legal regulation of the advertising market. Entrepreneurial and legal aspect: monograph/D.A. Kopytin. M.: Wolters Kluver, 2010. 192 p.

[5] Ksenofontov O.M. E-Commerce: Aspects of Legal Regulation of Targeted Advertising in Russia/ O.M. Ksenofontov // Digital Economy Law: Annual Anthology/ed. M.A. Rozhkova. M.: Statute, 2020. S. 217-244.

[6] Savelyev A.I. E-commerce in Russia and abroad: legal regulation: monograph/A.I. Savelyev. 3rd ed., Revised and add. M.: Statute, 2020. 920 p.

[7] Sinyaev V.V. Targeted advertising as the main element of digital marketing/V.V. Sinyaev // Economic systems. 2018. T. 11. № 2 (41). S. 75-76.

[8] Chelyshev M.Yu. On advertising, commercial advertising and advertising activities as legal categories/M.Yu. Chelyshev // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2008. № 2. S. 71-81.

[9] Calo R. Digital Market Manipulation / R. Calo // The George Washington Law Review. 2014. Vol. 82. № 4. P. 995 – 1051.

[10] Zuiderveen Borgesius F.J. Singling out people without knowing their names – Behavioural targeting, pseudonymous data, and the new Data Protection Regulation / F.J. Zuiderveen Borgesius // Computer Law & Security Review. 2016. Vol. 32. Iss. 2. P. 256 – 271.

[11] Rossiyskaya Gazeta. 2006. № 51. March 15. Further in the text - the Law "On Advertising.".

[12] Order of the Federal Antimonopoly Service of Russia dated 14.11.2023 No. 821/23 "On Approval of Guidelines for Compliance with Mandatory Requirements "Concept of Advertising" "// Official Documents. 2023. No. 46 (weekly supplement to the

newspaper "Accounting, Taxes, Law").

[13] Letter of the FAS of Russia dated 20.06.2018 No. AD/45557/18 "On the assessment of an indefinite number of persons in advertising "// The document was not published. Access from the ConsultantPlus reference legal system.

[14] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 08.10.2012 No. 58 "On Certain Issues of the Practice of Arbitration Courts Applying the Federal Law "On Advertising "// Economics and Life (Accounting Appendix). 2012. № 45.

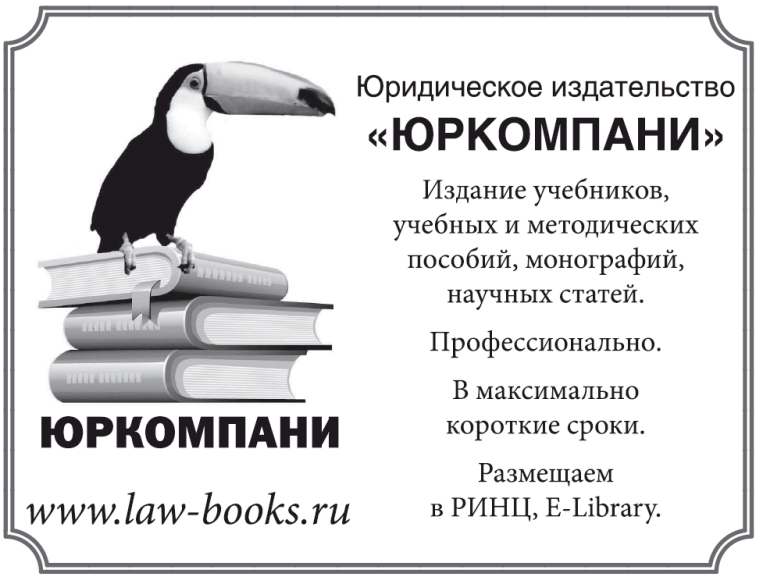
[15] For a review of the positions expressed in the literature, see, for example: Ksenofontov O.M. E-Commerce: aspects of the legal regulation of targeted advertising in Russia // Digital Economy Law: Yearbook-Anthology/ed. M.A. Rozhkova. M.: Statute, 2020. S. 217-244.

[16] Federal Law of 02.07.2021 No. 347-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Advertising" "// Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (part 1). Art. 5066. The norms on advertising on the Internet entered into force on September 1, 2022.

[17] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). Art. 1. Parts 15-17 of Article 14.3 were introduced by Federal Law No. 24.06.2023 of 274-FZ.

[18] Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ "On Personal Data "// Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (part 1). Art. 3451.

[19] For more information on the legal regulation of the distribution of advertising and the processing of personal data in the field of e-commerce, see: Savelyev A.I. E-commerce in Russia and abroad: legal regulation. 3rd ed., Revised and add. M.: Statute, 2020. 920 p.



- УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС -

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-211-215
Дата принятия рукописи в печать: 31.08.2026 г.

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Павловна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, г. Псков, Россия, e-mail: pavlovna.76@mail.ru

АНДРЕЕВА Марина Мирославовна,
старший преподаватель кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, г. Псков, Россия, e-mail: marina-andreeva.2011@yandex.ru

ГЕВОРГЯН Кирилл Константинович,
аспирант кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, г. Псков, Россия, e-mail: kirill199822@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые вопросы участия специалиста на стадии возбуждения уголовного дела при производстве проверки сообщения о преступлении, касающиеся возможностей проведения специалистом исследований предметов, документов и трупов, получения и использования заключения специалиста не только участниками уголовного судопроизводства со стороны стороной обвинения, уполномоченными на проведение такой проверки, но и лицами, которые участвуют в производстве процессуальных действий, проведения освидетельствования лица врачом. В целях разрешения обозначенных вопросов авторами вносятся предложения о внесении изменений в нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего понятия «специалист» и «заключение специалиста», а также порядок рассмотрение сообщений о преступлениях и производство освидетельствования.*

Ключевые слова: *возбуждение уголовного дела, проверка сообщения о преступлении, специалист, заключение специалиста, исследования, освидетельствование.*

ALEKSANDROVA Olga Pavlovna,
Associate Professor, Department of Law Enforcement, Criminal Law and Process, Pskov State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Pskov, Russia

ANDREEVA Marina Miroslavovna,
Senior Lecturer at the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure, Pskov State University, Pskov, Russia

GEVORGYAN Kirill Konstantinovich,
Postgraduate Student at the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure, Pskov State University, Pskov, Russia

CERTAIN ISSUES REGARDING THE PARTICIPATION OF A SPECIALIST AT THE PRE-INVESTIGATION STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS DURING THE VERIFICATION OF A CRIME REPORT

Annotation. *The article examines certain issues regarding the involvement of a specialist at the stage of initiating a criminal case during the verification of a crime report. Specifically, it addresses the specialist's capacity to conduct examinations of objects, documents, and corpses, as well as the procurement and use of a specialist's opinion not only by the prosecution authorities authorized to conduct such verification but also by other participants in procedural actions. The article also discusses the medical examination of individuals by a physician. To address these issues, the authors propose amendments to the criminal procedure legislation governing the definitions of 'specialist' and 'specialist's opinion,' as well as the procedures for reviewing crime reports and conducting medical examinations.*

Key words: *institution of criminal proceedings, pre-investigation check, specialist, specialist's opinion, examinations, forensic medical examination.*

Стадия возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе представляет собой начальный, но крайне значимый этап судопроизводства.

На данном этапе решается вопрос о наличии оснований для начала расследования, что определяет законность и обоснованность всего последующего производства. Однако правовая регламентация этой стадии содержит существенные пробелы, особенно в части определения статуса участников проверки до предварительного расследования и допустимости полученных доказательств. В современном мире научно-технического прогресса, с его стремительным развитием научных знаний и инновационных технологий, которые активно внедряются во все сферы общественной жизни, трудно обойтись без использования специальных знаний и уголовное судопроизводство не является исключением. Необходимость использования специальных знаний возникает практически на всех стадиях уголовного процесса, в том числе и на его первой стадии – стадии возбуждения уголовного дела. В условиях усложнения преступных деяний, роста числа преступлений в сфере экономики, незаконного оборота наркотиков и использования высокотехнологичных средств, значение специальных знаний для принятия законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела неуклонно возрастает. Специалист, обладая знаниями в конкретной области науки, техники, искусства или ремесла, способен оказать неоценимую помощь в обнаружении, фиксации и предварительном исследовании следов преступления на самом раннем этапе. Однако, как справедливо отмечается в современной литературе, процессуальный механизм вовлечения специалиста в проверочные действия на стадии возбуждения уголовного дела остается несовершенным и фрагментарным. Проблема усугубляется отсутствием в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) детальной регламентации порядка проведения большинства проверочных действий, а также прав и обязанностей специалиста при их производстве. Это порождает неоднозначность правоприменительной практики, ставит под сомнение допустимость полученных результатов и нарушает принцип состязательности сторон, поскольку участвующие в проверке сообщения лица, которые впоследствии могут приобрести статус участников со стороны защиты, на данной стадии фактически лишены возможности привлекать специалиста на равных с обвинением основаниях.

Заключение специалиста, будучи закрепленным в законе как доказательство, на практике нередко воспринимается правоприменителями как документ второстепенного значения, уступающий по доказательственной силе заключению эксперта. Такое отношение обусловлено объективными факторами – отсутствием детальной процессуальной формы получения заключения, четких требований к содержанию такого заключения, отсутствием ответственности специалиста за заведомо ложное заключение, возможностью заинтересованности специалиста в исходе дела.

Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 04.03.2013 № 23-ФЗ

в ч. 1 ст. 144 УПК РФ существенно расширил перечень процессуальных действий, которые могут быть проведены уполномоченными должностными лицами на стадии возбуждения уголовного дела при проверке сообщения о преступлении, в том числе и с использованием помощи специалиста. К таковым относятся: получение образцов для сравнительного исследования, осмотр места происшествия, осмотр документов и предметов, осмотр трупа, освидетельствование, производство документальных проверок и ревизий, исследований документов, предметов, трупов с привлечением к участию в этих действиях специалистов.

Остановимся на некоторых процессуальных действиях, к участию в которых могут быть привлечены специалисты. Так, в ч. 1 ст. 144 УПКРФ законодатель устанавливает право уполномоченных должностных лиц требовать производства «исследований документов, предметов, трупов с привлечением к участию в этих действиях специалистов», однако в тексте закона не раскрывает, что понимается под указанным процессуальным действием. Кроме того, законодатель в ст. 144 УПК РФ вообще ничего не упоминает о праве участников проверки сообщения о преступлении получить заключение специалиста по вопросам, входящим в его профессиональную компетенцию, хотя в дальнейшем, в соответствии с положениями ч. 1.2 ст. 144, ст. 74, и ч. 3 ст. 80 УПК РФ оно может быть использовано в качестве доказательства по уголовному делу. В ч. 3 ст. 80 УПК РФ «заключение специалиста» определено как «представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами», в отличие от понятия «заключение эксперта», которое в ч. 1 указанной выше нормы сформулировано как «представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами». Законодательно закрепленное понятие «заключение специалиста» уже «на протяжении длительного времени порождает оживленные дискуссии процессуалистов по поводу возможности проведения данным участником уголовного процесса исследований» [1, с. 82].

В словарях русского языка термин «суждение» трактуется как «форма мышления, в которой что-то утверждается или отрицается …, а также мнение, заключение или взгляд на что-либо» [2, с. 692], а «исследование» трактуется как научное изучение, осмотр для выяснения, изучения чего-нибудь [2, с. 228].

Согласно позиции Верховного Суда РФ, изложенной в п. 20 Постановления Пленума от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» «специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами. В случае необходимости проведения исследования должна быть произведена судебная экспертиза».

Однако, специалист как лицо, обладающее специальными знаниями в конкретной области науки, техники, искусства и ремесла, формулируя свое заключение по поставленным перед ним вопросам, может осматривать предметы и документы, которые пока не являются вещественными доказательствами, но впоследствии могут стать таковыми, производить измерения, подбирать и изучать научную литературу, нормативно-правовые акты и т.п., что вполне укладывается в этимологическое значение термина «исследование». На практике специалисты нередко проводят фактические исследования – например, предварительное исследование наркотических средств, документов, следов биологического происхождения и т.п. Результаты таких исследований оформляются как «справки», «акты» или иные документы, которые затем используются в качестве оснований для принятия решения о возбуждении дела.

Соглашаясь, что заключение специалиста не должно подменять заключение эксперта, нами поддерживается точка зрения процессуалистов, полагающих, что специалист вправе производить исследование, тем более что прямого запрета на это в ч. 3 ст. 80 УПК РФ не содержится [1, с. 82]. Кроме того, сформулированное в ч. 3 ст. 80 УПК РФ понятие «заключение специалиста», а также данное законодателем в ст. 58 УПК РФ определение специалиста, как лица, привлекаемого к участию в процессуальных действиях «для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию» также у процессуалистов порождает вопросы о возможности использования заключения специалиста на стадии возбуждения уголовного дела, когда есть участники со стороны обвинения, но нет участников со стороны защиты.

Так, например, Е.В. Елагина приходит к выводу о том, что на стадии возбуждения уголовного дела невозможно использование «заключения специалиста как формы использования специальных знаний», так как «стороны в процессе появляются в связи с необходимостью реализации процессуальных функций обвинения и защиты» [2, с. 48-49].

С.В. Лукошкина полагает необходимым в целях реализации принципа состязательности использование на стадии возбуждения уголовного дела заключения специалиста, так как «органы предварительного расследования имеют возможность обратиться к заключению эксперта, то сто-

рона защиты, хоть и имеет возможность задать эксперту собственные вопросы, фактически лишена возможности получить параллельное или альтернативное мнение носителя специальных знаний, что изначально создает неравные возможности сторон при формировании доказательственной базы» [3, с. 265].

Соглашаясь с мнением С.В. Лукошкиной отметим, что на стадии возбуждения уголовного дела нет участников со стороны защиты, а есть только лица, участвующие в процессуальных действиях при проверке сообщения о преступлении, что, как представляется, требует внесения соответствующих уточняющих корректировок в законодательство.

С учетом всего изложенного выше, предлагается внести изменения в ч. 3 ст. 80 УПК РФ и изложить ее в следующей редакции: «заключение специалиста – представленное в письменном виде суждение, которое может быть обоснованно содержанием и результатами исследования, если оно производилось, по вопросам, поставленными перед специалистом сторонами, а также лицами, участвующими в производстве процессуальных действий при проверке сообщений о преступлении», а ст. 58 УПК РФ дополнить указанием, что специалист привлекается для разъяснения вопросов не только сторонам и суду, но и лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщений.

Кроме того, представляется целесообразным дополнить ч. 1 ст. 144 УПК РФ, содержащую перечень процессуальных действий, которые вправе производить уполномоченные должностные лица, после фразы «требовать производства … исследований документов, предметов, трупов с привлечением к участию в этих действиях специалистов» фразой «получить заключение специалиста по вопросам, входящим в его профессиональную компетенцию».

Также в целях реализации принципа состязательности предлагается ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, в которой закреплены права лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщений о преступлении, дополнить правом за свой счет пользоваться помощью специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, и получить заключение специалиста.

До возбуждения уголовного дела в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ законодатель наделяет уполномоченных должностных лиц правом на производство освидетельствования. Не останавливаясь на вопросе о возможности производства освидетельствования до возбуждения уголовного дела, так как согласны со многими авторами, что на этапе проверки сообщения о преступлении нет таких участников как подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или свидетель, а, следовательно, указанное следственное действие не может быть произведено, коснемся закрепленного в ч. 4 ст. 179 УПК РФ положения об освидетельствовании лица другого пола. Согласно указанной выше норме, следователь или дознаватель при освидетельствовании лица другого пола, если оно сопровождается обнажением данного лица, не присутствует, а указанное следственное действие производится врачом.

В данном случае возникает закономерный вопрос о том, на каких юридических основаниях врач может произвести процессуальное действие – освидетельствование и кто должен фиксировать его ход и результаты в протоколе, если врач хоть и обладает специальными знаниями и может быть привлечен к производству следственного действия в качестве специалиста, но полномочиями по их производству не наделен. Субъектами производства следственных действий в соответствии с нормами УПК РФ являются только следователь (ст. 38), руководитель следственного органа (ст. 39), дознаватель (ст. 41), начальник подразделения дознания (ст. 40.1), начальник органа дознания (ст. 40.2) при условии принятия уголовного дела к своему производству, либо орган дознания (ст. 40, 157) в случае исполнения письменного поручения следователя или дознавателя. Указанный перечень субъектов производства следственных действий является исчерпывающим.

Представляется необходимым исключить ч. 4 ст. 179 УПК РФ или изложить в измененной редакции. Так, например, О.П. Александрова и Л.Ю. Буданова предлагают указанную норму изложить в следующей редакции: «Освидетельствование лица, сопряженное с его обнажением, производится только уполномоченным должностным лицом органа предварительного расследования того же пола, что и освидетельствуемый. Следователь вправе привлечь к производству освидетельствования специалиста, обладающего специальными знаниями в области медицины, результаты которого оформляются заключением специалиста».

Соглашаясь с указанным выше мнением авторов, отметим, что в данном случае возможен и еще один вариант решения обозначенной проблемы освидетельствования лица другого пола – это дача обязательного для исполнения письменного поручения органу дознания, что входит в полномочия следователя и дознавателя. Внесенные предложения по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства, как представляется, смогут оказать содействие в расширении возможностей использования специальных знаний на стадии возбуждения

уголовного дела и реализации принципа состязательности.

Список литературы:

[1] Александрова О.П., Буданова Л.Ю. Некоторые проблемы участия специалиста в уголовном судопроизводстве // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 3. С. 80-88.

[2] Елагина Е.В. Заключение специалиста: некоторые проблемы формирования и использования // Криминалистъ. 2016. № 2 (19). С. 44-49.

[3] Лукошкина С.В. Участие специалиста на стадии возбуждения уголовного дела: к вопросу о соблюдении принципа состязательности процесса // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22, № 3. С. 260–267.

[4] Ожегов С.И. Словарь русского языка. М: Рус. яз., 1981. 816 с.

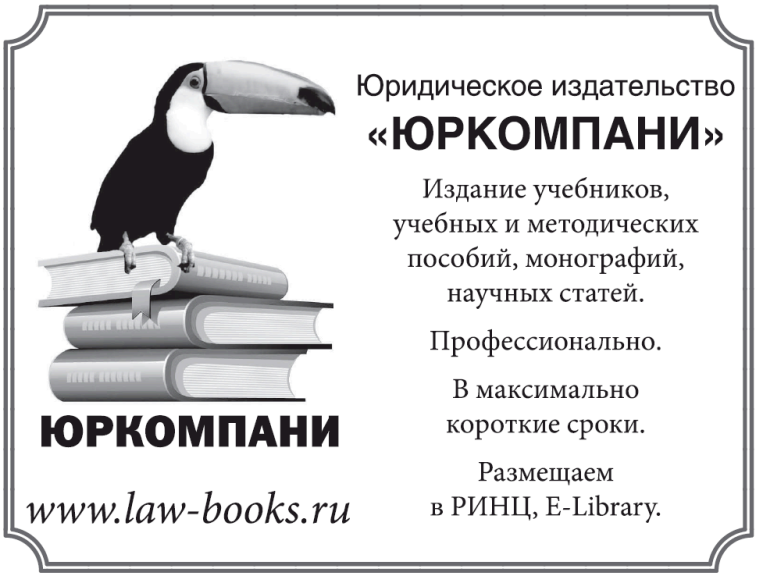
References:

[1] Aleksandrova O.P., Budanova L.Yu. Some Issues of Specialist Participation in Criminal Proceedings // Bulletin of Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2020. No. 3. pp. 80-88.

[2] Elagina E.V. Specialist's Opinion: Some Issues of Formation and Use // Criminalist. 2016. No. 2 (19). pp. 44-49.

[3] Lukoshkina S.V. Participation of a Specialist at the Stage of Initiating a Criminal Case: On the Issue of Compliance with the Principle of Adversarial Proceedings // Academic Law Journal. 2021. Vol. 22, No. 3. pp. 260-267.

[4] Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian Language. Moscow: Rus. lang., 1981. 816 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 02.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-216-225
Дата принятия рукописи в печать: 23.07.2026 г.

ГУРЬЯНОВА Софья Олеговна,
Академия ФСИН России (г. Рязань, Российская Федерация), курсант факультета психологии и пробации, e-mail: sofi.guryanowa@yandex.ru

КУЗНЕЦОВ Михаил Иванович,
Академия ФСИН России (г. Рязань, Российская Федерация), доцент кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и пробации, кандидат педагогических наук, доцент, e-mail: mikhail_kuznetsov_1962@list.ru

КУРКИНА Ирина Николаевна,
Владимирский юридический институт ФСИН России, (г. Владимир, Российская Федерация), доцент кафедры юридической психологии, педагогики и организации воспитательной работы с осужденными, кандидат педагогических наук, доцент, e-mail: i-kurkina@yandex.ru

РАЩУПКИНА Людмила Валерьевна,
Национальный исследовательский университет «МЭИ», (г. Москва, Российская Федерация), доцент кафедры философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: rashchupkinaLV@mpei.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ О ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. *В статье исследуется специфика восприятия осуждённых курсантами, обучающихся по специальностям «Оперативно-розыскная деятельность» и «Психология служебной деятельности» на выборке из 74 испытуемых на базе Академии ФСИН России. В качестве методики была использована разработанная авторами анкета. Обработка ответов проводилась в программе SPSS STATISTICS. Результаты исследования показали отсутствие статистической связи в представлениях будущих юристов и психологов УИС. Выявлено, что курсанты-юристы больше ориентированы на внешнее поведение и соответствие нормам, тогда как курсанты-психологи уделяют внимание внутреннему миру осужденного, его мотивам и ценностям. Полученные данные подтверждают необходимость дальнейшей работы по формированию у курсантов целостного, научно обоснованного представления о личности осужденных.*

Ключевые слова: *социальная перцепция, осужденные, курсанты, ФСИН России, образ осужденного, профессиональная деятельность.*

GURYANOVA Sofya O.,
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation), cadet of the Faculty of Psychology and Probation

KUZNETSOV Mikhail I.,
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation), Associate Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

KURKINA Irina N.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, (Vladimir, Russian Federation), Associate Professor of the Department of Legal Psychology, Pedagogy and Organization of Educational Work with Convicts, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

RASHCHUPKINA Lyudmila V.,
National Research University "MPEI", (Moscow, Russian Federation), Associate Professor of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology named after G.S. Arefyeva, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

REPRESENTATIONS OF STUDENTS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE RUSSIAN FEDERAL PENITENTIARY SERVICE ABOUT THE PERSONALITY OF CONDEMNEDS

Annotation. *The article explores the specifics of the perception of convicts by cadets studying in the fields of Operational Investigative Activities and Service Psychology, based on a sample of 74 subjects at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. The authors developed a questionnaire as a research method. The responses were processed using the SPSS STATISTICS program. The results of the study showed no statistical correlation in the perceptions of future lawyers and psychologists in the penal system. It has been revealed that law students are more focused on external behavior and compliance with norms, while psychology students pay attention to the inner world of the convict, their motives, and values. The obtained data confirm the need for further work to form a holistic, scientifically grounded understanding of the personality of convicts among students.*

Key words: *social perception, convicts, cadets, Federal Penitentiary Service of Russia, image of a convict, professional activity, operational and investigative activities, psychology of official activity.*

Демократизация и либерализация общественных отношений оказали существенное влияние на кадровую политику уголовно-исполнительной системы (УИС). В частности, пристальное внимание уделяется повышению эффективности социальной и психологической работы и развитию системы пробации. Идеология пенитенциарной системы все больше ориентируется на приоритетность не столько наказания, сколько ресоциализации осужденных [1, с. 74]. По этой причине требования, предъявляемые к педагогическим и коммуникативным навыкам и умениям сотрудников исправительных учреждений (ИУ), возрастают. Приоритетное место в списке профессионально значимых качеств, обеспечивающих эффективность деятельности персонала ИУ, отводится психолого-педагогической компетентности, способности осваивать и реализовывать педагогические технологии. Эта способность, по замечанию Н. В. Лукьянченко, основывается на убеждении в возможности перевоспитания осужденных и стремлении к реализации этой возможности [1, с. 75].

Согласно постулатам социальной психологии, поведение человека в отношении партнеров по общению во многом зависит от того, на какую субъективную картину взаимодействия он опирается, какой образ приписывает себе и другим участникам взаимодействия. Представления о ситуации взаимодействия становятся схемами, регулирующими, предписывающими поведение личности. Следовательно, работа с профессиональными представлениями должна стать существенной частью профессионального развития сотрудников УИС.

Теоретический анализ литературы показы-

вает, что формирование представлений опирается на опыт соответствующей деятельности [2, с. 183]. Исследуя явление социальной перцепции, мы также исходим из концептуального положения о том, что этот процесс характеризует, в первую очередь, когнитивную функцию общения, результатом которой является создание образа собеседника [3, с. 60]. Проблема влияния образа на практическую деятельность человека была предметом изучения ведущих отечественных ученых (Е. А. Климов, Б. Ф. Ломов, С. Л. Рубинштейн). Они пришли к выводу о том, что образы составляют необходимую основу регуляции и саморегуляции трудовой деятельности и взаимоотношений. В социально-перцептивных актах происходит трансформация свойств физического облика человека в признаки психологических качеств его личности. Воспринимаемые признаки внешнего облика актуализируют ассоциирующиеся с ними психологические значения личности, сложившиеся в опыте социального взаимодействия.

Эти выводы позволяют нам рассматривать образ партнера по взаимодействию в качестве одного из важнейших регуляторов общения людей. Так, социальная перцепция предопределяет характер межличностного взаимодействия, качество межличностных контактов. Отсюда вытекает важность изучения того, как сотрудники воспринимают взаимодействие с осужденными, какова имеющаяся у них субъективная картина ключевого взаимодействия пенитенциарной системы «сотрудники - осужденные».

На эту субъективную картину не могут не влиять характеристики профессиональной деятельности. Они, по замечанию Т. Ю. Молчановой, создают особый контекст профессионально-служебной коммуникации: тесный контакт с криминальной средой, обязательное соблюдение служебной дисциплины, строго регламентированные условия ИУ, его социальная изолированность, постоянный риск возникновения экстремальных ситуаций и высокая степень социальной ответственности [4, с. 214]. Практика показывает, что ошибки в общении с осужденными могут приводить к серьезным последствиям в виде протестных выступлений, групповых неповиновений и других действий, угрожающих безопасности ИУ.

В этой связи, высокий уровень развития механизмов социальной перцепции сотрудников представляется необходимым условием для выстраивания эффективного взаимодействия с осужденными и прогнозирования их социального поведения. Компетентность сотрудников УИС в вопросах коммуникации, в особенности, в области социальной перцепции, становится ключевым фактором успешной реализации воспитательных целей и обеспечения правопорядка в ИУ.

Таким образом, в контексте представленных данных, особый научный интерес для нас представляет вопрос формирования образа осужденного в сознании будущего специалиста.

В исследуемой проблематике основное внимание уделяется изучению представлений самих осужденных, в то время как анализ представлений сотрудников ИУ об осужденных практически не представлен. Однако современные задачи пенитенциарной практики обуславливают необходимость применения новых подходов к решению этой проблемы. Представления сотрудников ИУ имеют определяющее значение, поскольку именно от них зависит качество и успешность выполняемой ими работы. Это, в свою очередь, оказывает непосредственное влияние на возможность исправления и ресоциализации спецконтингента. Вышеизложенное подчеркивает актуальность и необходимость обстоятельного рассмотрения вопроса об изучении представлений сотрудников ИУ об осужденных.

Так, нами было проведено эмпирическое исследование представлений курсантов старших курсов об осужденных: об устойчивых характеристиках их поведения и личности, типичных позициях, занимаемых ими в процессе взаимодействия с сотрудниками. Исследование проводилось на базе Академии ФСИН России. Общую выборку исследования составили 74 курсанта 4 курса в возрасте от 20 до 23 лет, обучающихся по специальностям «Оперативно-розыскная деятельность» (далее - ОРД) и «Психология служебной деятельности» (далее - ПСД). Из них 35 (47,3%) испытуемых мужского пола и 39 (52,7%) - женского. Среди курсантов, обучающихся по специальности ОРД, 26 мужчин (70,3%) и 11 женщин (29,7%). Среди курсантов, обучающихся по специальности ПСД, 9 мужчин (24,3%) и 28 женщин (75,7%).

С целью выявления особенностей выборки курсантам было предложено оценить степень своего согласия с утверждениями: «У меня уже был опыт непосредственного общения с осужденными» и «У меня достаточно знаний и умений, чтобы адекватно оценивать личность осужденных». Анализ распределения ответов проводился с учетом специализации респондентов (См. Рисунок 1). Полученные данные указывают на то, что среди курсантов, имеющих опыт непосредственного общения с осужденными, преобладает доля обучающихся по специальности ОРД.

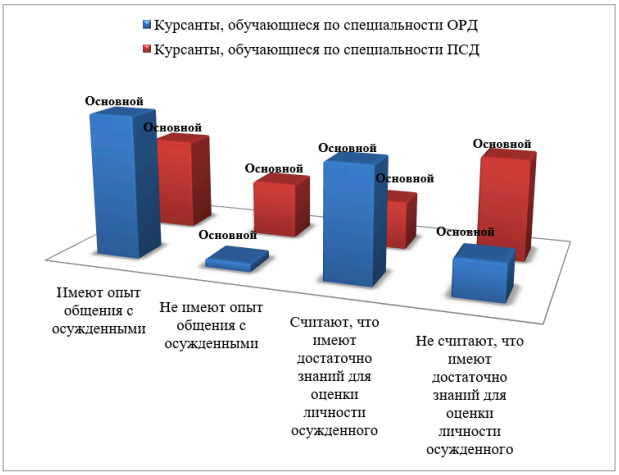


Рисунок 1. Сравнительный анализ опыта общения и уровня уверенности в своих знаниях у курсантов ОРД и ПСД.

Анализ ответов на второй вопрос выявил существенный уровень неуверенности в собственной компетенции (для оценки личности осужденных) среди курсантов обеих специализаций. Особенно преобладает доля курсантов, не выразивших уверенности в своих знаниях, среди обучающихся по специальности ПСД.

Целью нашего исследования было выявление наличия или отсутствия взаимосвязи между ответами курсантов, обучающихся по направлениям ОРД и ПСД. В качестве методики исследования использовалась разработанная нами анкета, включающая в себя 27 вопросов открытого и закрытого типа. Для сравнения соответствующих двух независимых выборок мы использовали критерий Хи-квадрат.

Гипотезы были сформулированы следующим образом: H0 - взаимосвязи между изучаемыми переменными (ответами психологов и ответами юристов) не существует; H1 - взаимосвязь между изучаемыми переменными (ответами психологов и ответами юристов) существует.

Необходимо отметить, что значение асимптотической значимости, превышающее установленный порог в 0,05, означает принятие нулевой гипотезы, которая утверждает, что между ответами курсантов, обучающихся по специальностям ОРД и ПСД, не существует статистически значимой взаимосвязи. То есть статистический анализ не выявил достаточных оснований утверждать, что ответы курсантов-юристов и курсантов-психологов существенно различаются в отношении их согласия или несогласия с утверждением.

Оценить согласованность представлений будущих психологов и юристов позволила обработка ответов на вопросы закрытого типа (с дихотомической шкалой: 1 - да, 2 - нет) в SPSS STATISTICS. Они представлены в Таблице 1:

Таблица 1. Результаты анкетирования курсантов об их представлении о личности осужденных

Утверждение	Асимптотическая значимость	Принимаемая гипотеза	Среднее значение (ОРД)	Среднее значение (ПСД)
«Осужденные обладают схожими чертами характера»	0,612	H0	1,19	1,22
«Осужденные имеют низкий уровень образования»	0,829	H0	1,51	1,35
«Осужденные страдают психическими расстройствами»	0,005	H1	1,27	1,27
«Осужденные перенимают криминальный опыт из собственной семьи»	0,109	H0	1,43	1,30
«Осужденные могут быть хорошими родителями»	0,242	H0	1,24	1,11
«Осужденных можно признать жертвами обстоятельств»	0,382	H0	1,57	1,46

«Осужденные осознают последствия своих действий»	0,523	H0	1,19	1,46
«Осужденные не эмпатичны (не могут поставить себя на место другого человека, в том числе пострадавшего от их действий)»	0,489	H0	1,59	1,27
«Осужденные способны на сострадание к другим людям и сочувствие»	0,696	H0	1,19	1,35
«Осужденные способны испытывать чувство вины за свои поступки и искренне в них раскаиваться»	0,207	H0	1,19	1,16
«Осужденные способны на исправление и ведение правопослушного образа жизни»	0,949	H0	1,19	1,14
«Осужденные могут успешно интегрироваться в общество, изменить свою жизнь после освобождения»	0,365	H0	1,16	1,11
«Осужденные агрессивны, импульсивны, конфликтны, склонны к обману, манипуляциям, демонстративному поведению»	0,676	H0	1,05	1,08
«Осужденные характеризуются повышенной тревожностью, заниженной самооценкой и легко поддаются влиянию окружающих»	0,096	H0	1,38	1,27
«Для осужденных характерно перекладывание ответственности на «внешние» обстоятельства (другие люди, воля случая и т.д.)»	0,068	H0	1,16	1,22
«Осужденные испытывают сложности с	0,983	H0	1,30	1,27

выражением своих эмоций социально приемлемым способом»				
«Осужденные способны признавать свои ошибки и стремятся к исправлению»	0,126	H0	1,11	1,35
«Осужденные обладают достаточной силой воли, чтобы не совершать преступлений в будущем»	0,549	H0	1,41	1,32

В ходе анализа данных установлено, что в подавляющем большинстве случаев асимптотическая значимость превышала уровень 0,05, что послужило основанием для принятия нулевой гипотезы. Это указывает на отсутствие статистически значимой взаимосвязи между ответами курсантов. Иными словами, результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод об отсутствии значимых различий в представлениях об осужденных курсантов обеих специальностей.

Единственным исключением является утверждение: «Осужденные страдают психическими расстройствами». Это значит, что в этом вопросе ответы курсантов обеих специальностей были согласованы.

В большинстве случаев средние значения близки друг к другу, что является дополнительным подтверждением отсутствия существенных различий в восприятии и оценке характеристик осужденных курсантами разных специальностей.

Основываясь на количественном соотношении утвердительных и отрицательных ответов, мы выявили преобладающие точки зрения курсантов. Количественный анализ ответов представлен в таблице 2:

Таблица 2. Количественный анализ ответов

Утверждение	ОРД (соотношение согласившихся/ не согласившихся)	ПСД (соотношение согласившихся/ не согласившихся)
Осужденные обладают схожими чертами характера	81% - 19%	78% - 22%
Осужденные могут быть хорошими родителями	76% - 24%	89% - 11%
Осужденные осознают последствия своих действий	81% - 19%	54% - 46%
Осужденные способны признавать свои ошибки и стремятся к исправлению	89% - 11%	65% - 35%
Осужденные способны на сострадание к другим людям и сочувствие	81% - 19%	65% - 35%
Осужденные способны испытывать чувство вины за свои поступки и искренне в них раскаиваться	81% - 19%	84% - 16%
Осужденные способны на исправление и ведение правопослушного образа жизни	81% - 19%	86% - 14%
Осужденные могут успешно интегрироваться в общество, изменить свою жизнь после освобождения	84% - 16%	89% - 11%

Осужденные агрессивны, импульсивны, конфликтны, склонны к обману, манипуляциям, демонстративному поведению	95% - 5%	92% - 8%
Для осужденных характерно перекладывание ответственности на «внешние» обстоятельства (другие люди, воля случая и т.д.).	84% - 16%	78% - 22%
Осужденные имеют низкий уровень образования	49% - 51%	65% - 35%
Осужденные не эмпатичны	41%- 59%	73% - 27%
Осужденные обладают достаточной силой воли, чтобы не совершать преступлений в будущем	59% - 41%	68% - 32%

Итак, в целом, курсанты склонны разделять мнение, что осужденные имеют общие черты характера, могут быть хорошими родителями, осознают последствия своих действий, способны на сострадание, раскаяние, исправление и успешную интеграцию в общество после освобождения. Однако при этом большинство курсантов считает, что осужденные агрессивны, склонны к перекладыванию ответственности и не всегда обладают высоким уровнем образования. В ряде вопросов, где наблюдаются хоть какие-то различия (пусть и статистически незначимые), заметна тенденция будущих юристов давать более критичные оценки. Они чаще приписывают осужденным негативные качества.

Для обработки ответов на вопросы открытого типа был применен качественный анализ. В частности, анализ ответов на вопрос: «Опишите типичного осужденного, с которым, как Вы предполагаете, Вам предстоит работать. Какие черты характера, манеры поведения или особенности личности вы ожидаете увидеть?» показал, что в сознании курсантов, обучающихся по специальности ПСД, сформировался достаточно определенный портрет, включающий в себя демографические, криминологические, личностные и поведенческие характеристики. В соответствии с этим, мы распределили ответы на категории и отразили их в Таблице 3:

Таблица 3. Ответы курсантов, обучающихся по специальности ПСД

Категория	Характеристики
Демографические признаки	«мужчина примерно 25-40 лет»; «образование среднее или ниже среднего», «образование на уровне школы», «недостаточный уровень образования», «человек со средним специальным образованием или без него», «малообразованные», «не имеет хорошего образования» «не состоит в официальном браке» «жители неблагоприятных районов, пригородов или сел» «безработный либо занят на малооплачиваемой работе», «доход ниже среднего», «зачастую плохое финансовое положение»
Криминологические признаки	«отбывает наказание за сбыт, хранение, распространение наркотиков или за экстремистскую деятельность»; «преступления средней тяжести - кражи, грабежи, мошенничество»; «228 статья»
Внешность	«неприятная внешность», «неухоженный вид»
Особенности эмоционально-волевой сферы	«эмоциональная нестабильность (2)», «депрессивность», «тревожность (2)», «повышенная тревожность», «суицидальные наклонности». «повышенная агрессия (2)», «агрессивный (5)», «агрессивная настроенность», «агрессивность (2)», «агрессия (2)», «вспыльчивый», «черствый», «низкий уровень эмпатии»/
Особенности мотивационной сферы	«отсутствие мотивации», «отсутствует мотивация к чему-либо», «личность без целей, желания исправиться», «деформирована мотивационно-ценностная сфера личности», «готовый пойти

	практически на все ради своей выгоды», «нежелание самореализации»
Пенитенциарные признаки	«осужденный, хорошо знающий свои права и обязанности, а также нормативную базу», «не желает работать с психологами», «неуважительное отношение к сотрудникам УИС», «с сотрудниками ведет себя уважительно, не признает вины за содеянное», «уверенный, дружелюбный с сотрудниками», «скрытый, хитрый, агрессивный, от психологической помощи будут отказываться, вину отрицать» «уважающий криминальные традиции»/
Особенности психических процессов	«негативная направленность, ригидность мышления, узкий кругозор», «хорошо развита память и внимание» «низкий уровень рефлексии, затруднено прогнозирование последствий», «рассеянность внимания», «низкое умственное развитие»
Психологические признаки	«демонстративные», «показательное поведение», «жестокость» «сниженная самооценка», «низкая самооценка», «неустойчивая самооценка» «снижено чувство социальной ответственности»
Особенности общения	«активная жестикуляция», «повышенная склонность к конфликтам», «неразборчивая речь», «речь грубая», «грубое общение», «грубость», «использование жаргонизмов в речи», «использование жаргонных выражений», «жаргонное общение» «шантаж, неуважение, манипулятивность, плаксивость, агрессивность, озлобленность», «грубость, расчет, хитрость, ловкость, подвешенный язык», «хитрость, увертливость, неготовность признать свои ошибки», «скрытая или активная агрессия, хамское поведение, попытка вызвать жалость, втереться в доверие, расчетливость, наглость», «скрытая агрессия, склонность к манипуляциям, демонстративности, отсутствие навыков конструктивного общения и контроля эмоций, недоверие к окружающим» «хитрый (7)», «очень хитрый», «наглый (4)», «бесцеремонный», «пассивно-агрессивный», «играющий роль», «разбирается в людях», «лжец», «способен вывернуть все в свою пользу» «грубость (2)», «грубый (4)», «не идет на контакт», «манипулятор (2)», «недоверчивость», «недоверие» (2), «подозрительность», «напряженность»

В ответах прослеживается ориентация на психологические и социальные факторы преступного поведения. Типичный осужденный представляется курсантами-психологами как мужчина в возрасте 25-40 лет, с неполным средним образованием, не состоящий в браке, выходец из неблагополучной среды, совершивший преступления, связанные с экстремистской деятельностью или сбытом, хранением и распространением наркотиков. Внешность характеризуется как неприятная и неухоженная. Наиболее часто упоминаются такие черты, как агрессивность («повышенная агрессия», «агрессивный», «агрессивная настроенность», «агрессивность», «агрессия»), хитрость («хитрый», «очень хитрый»), грубость («наглый», «бесцеремонный», «пассивно-агрессивный», «грубость», «грубый», «не идет на контакт»,), лживость («лжец»), и склонность к манипуляциям и отрицанию вины («играющий роль», «разбирается в людях», «способен вывернуть все в свою пользу» «манипулятор»).

Осужденные в представлении респондентов часто импульсивны, склонны к конфликтам и не способны конструктивно выражать свои эмоции. Осужденному приписываются низкая самооценка, сниженное чувство социальной ответственности, негативная направленность мышления и узкий кругозор. Также отмечается повышенная тревожность, подозрительность и недоверие к окружающим. Курсанты факультета психологии и пробации ожидают столкнуться с неуважительным отношением к сотрудникам УИС, нарушениями дисциплины и нежеланием сотрудничать с психологами. Встречаются также ответы, выражающие надежду на возможность раскаяния и исправления осужденных. Некоторые курсанты ожидают встретить людей, готовых признать свою вину и начать жизнь «с чистого листа».

Таким образом, ответы формируют образ

осужденного как человека, нуждающегося в психологической помощи и реабилитации.

Анализ ответов курсантов, обучающихся по специальности ОРД, также позволяет выделить ряд закономерностей в их представлениях об осужденных. Они представлены в Таблице 4:

Таблица 4.Ответы курсантов, обучающихся по специальности ОРД

Категория	Характеристики
Особенности когнитивной сферы	«любознательность», «сообразительность», «понимающий», «умный». «тугодумие», «глупость», «необразованность», «низкий уровень интеллекта», «снижен уровень анализа своих действий», «необразованный», «не понимающий адекватных законных требований»
Психологические особенности	«низкий эмоциональный интеллект», «эмоциональность», «вспыльчивость», «импульсивный», «тревожный», «обидчивый», «тяжелое психологическое состояние» «злопамятность», «жестокость», «агрессивный (2)», «озлобленный (2)» «неуверенность в себе»
Поведенческие особенности и характеристики общения	«разговорчивые или наоборот слишком молчаливые и закрытые», «максимально старается уходить от поставленного вопроса», «скрытность при общении, нежелание общения», «отрешенность, незаинтересованность», «недоверчивость, социально неприспособленный человек с чертами агрессии и недоверия к окружающим»,
Демографические признаки	«мужчина 27-40 лет без образования», «приверженец уголовной субкультуры».
Пенитенциарные признаки	«не нарушающий порядка условий отбывания наказания», «человек, всеми способами пытающийся нарушить правила внутреннего распорядка», «совершает поступки для облегчения условий пребывания в ИУ или СИЗО», «нарушитель, негодяй» «более опытный и разборчивый в силу того, что уже отбывает лишение свободы», «более внимательный и аккуратный, обладающий немалым опытом в уголовно-преступной среде», «привык к жизни вне свободы» «не признают своего деяния: «ничего не совершал, сел по ошибке, подставили и т.д.», «спокойный, хладнокровный, отсутствие раскаяния»/

Следует подчеркнуть, что курсанты-юристы отмечают как негативные, так и потенциально позитивные черты осужденных: например, сообразительность, общительность, любознательность, находчивость, готовность к сотрудничеству. Однако эти черты, как правило, рассматриваются через призму хитрости, корысти, стремления к личной выгоде. В ответах прослеживается акцент на их высокой адаптивности, умении использовать ситуацию в своих интересах. Подчеркивается наблюдательность осужденных, их способность оценивать персонал ИУ, выявлять их слабые места и использовать эту информацию в своих интересах. Также отмечается низкий уровень правосознания, отрицательное отношение к сотрудникам, нарушение правил внутреннего распорядка, приверженность криминальной субкультуре. В ответах этой группы респондентов встречается указание на преобладание таких качеств, как лживость, склонность к обману национальность и вероисповедание осужденных.

В целом, вырисовывается образ осужденного как сложной и противоречивой личности, прежде всего стремящейся к выживанию и улучшению своего положения в условиях лишения свободы. Таким образом, у курсантов, обучающихся по специальности ОРД, складывается образ осужденного как потенциального нарушителя. В их ответах чаще встречается описание негативных черт характера.

Обе группы испытуемых акцентируют внимание на таких качествах осужденных, как хит-

рость, склонность ко лжи и грубость. Однако в их представлениях о типичном осужденном наблюдаются и различия. Так, курсанты ОРД чаще отмечают такие черты, как скрытность, настороженность и стремление к личной выгоде. Они также упоминают принадлежность к субкультуре и готовность к сотрудничеству с администрацией, что может быть обусловлено спецификой их будущей работы: необходимостью получения информации и контроля за осужденными. В свою очередь, курсанты ПСД больше внимания уделяют психологическим характеристикам осужденных: таким, как агрессивность, низкая самооценка, эмоциональная нестабильность и деформированная мотивационно-ценностная сфера. Они также отмечают низкий уровень образования и самоконтроля, склонность к манипуляциям и отрицанию вины. Подчеркивается влияние неблагоприятных социальных факторов: низкий доход, безработица и неблагополучные семейные отношения.

Иными словами, курсанты ОРД склонны видеть в осужденных прежде всего потенциальных правонарушителей, в то время как курсанты ПСД акцентируют внимание на психологических проблемах и социальных предпосылках преступного поведения. Эти различия в восприятии отражают специфику целей и задач каждой из специальностей: ОРД фокусируется на выявлении и пресечении преступлений, а ПСД - на оказании психологической помощи и социальной реабилитации осужденных.

Таким образом, представления об осужденных у будущих юристов и психологов УИС не связаны между собой статистически. То есть нельзя утверждать, что мнение об осужденных зависит от специализации курсанта. В целом, можно отметить, что образ, сформированный курсантами-юристами, ориентирован в большей степени на внешнее поведение и соответствие общественным нормам, в то время как курсанты-психологи больше внимания уделяет внутреннему миру осужденного, его мотивам, ценностям и стремлениям.

Результаты исследования дают интересную информацию о том, как будущие юристы и психологи воспринимают осужденных и указывают на важность дальнейшей работы по формированию у курсантов целостного и научно обоснованного представления о личности осужденных. Полученные данные могут быть использованы для совершенствования образовательных программ, подготовки специалистов, способных эффективно работать в УИС.

Список литературы:

[1] Лукьянченко, Н. В. Особенности представлений работников ФСИН России об интерактивной позиции сотрудников и осужденных/ Н. В. Лукьянченко // Прикладная юридическая психология. - 2013. - № 4. - С. 74–81.

[2] Басина, Т. А. Особенности представлений курсантов ведомственного вуза об осужденных / Т. А. Басина // Устойчивое развитие науки и образования. - 2017. - № 7. - С. 182-186.

[3] Мороз, М. В. Социальная перцепция в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел / М. В. Мороз // Санкт-петербургские встречи молодых ученых: Материалы I всероссийского конгресса адъюнктов, аспирантов и соискателей ученых степеней, Санкт-Петербург, 15 июня 2023 года. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. - С. 57-61.

[4] Молчанова, Т. Ю. Особенности профессиональной коммуникации сотрудников уголовно-исполнительной системы / Т. Ю. Молчанова // Молодой ученый. - 2020. - № 45 (335). - С. 213-215.

References:

[1] Luk'yanchenko, N. V. Specifics of the perceptions of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia about the interactive position of employees and convicts] // Applied Legal Psychology, No. 4. 2013. p. 74–81.

[2] Basina, T. A. Specifics of the perceptions of cadets of a departmental university about convicts // Sustainable Development of Science and Education, No. 7. 2017. p. 182-186.

[3] Moroz, M. V. Social perception in the professional activities of employees of internal affairs bodies] // Saint Petersburg Meetings of Young Scientists: Materials of the I All-Russian Congress of Adjuncts, Postgraduates and Applicants for Academic Degrees, Saint Petersburg, June 15, 2023]. Sankt-Peterburg, 2023. p. 57-61.

[4] Molchanova, T. Yu. Specifics of professional communication of employees of the penal system] // Young Scientist], No. 45 (335). 2020. p. 213-215.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-226-229

ГОФМАН Александр Анатольевич,
доцент кафедры
огневой и тактико-специальной подготовки юридического
факультета ВЮИ ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ПОЖИМАЛИН Вячеслав Николаевич,
доцент института подготовки государственных
муниципальных служащих Академии ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ НАКАЗАНИЙ, АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуется эффективность наказаний, альтернативных лишению свободы, в контексте современной уголовной политики Российской Федерации. На основе анализа статистических данных, положений Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» и судебной практики рассматриваются такие виды наказаний, как принудительные, обязательные и исправительные работы, а также институт пробации. Автор приходит к выводу, что альтернативные наказания демонстрируют более высокую экономическую и социальную эффективность по сравнению с лишением свободы, однако их реализация сталкивается с рядом организационных проблем, требующих законодательного и правоприменительного решения. Особое внимание уделяется новому институту пробации как механизму повышения эффективности альтернативных наказаний.*

Ключевые слова: *альтернативные наказания, принудительные работы, исправительные работы, обязательные работы, пробация, рецидивная преступность, гуманизация уголовной политики, эффективность наказания, уголовно-исполнительная система, ресоциализация.*

GOFMAN Alexander Anatolyevich,
Associate Professor, Department of Firearms and
Tactical-Special Training, Faculty of Law, VYU FSIN of Russia

POZHIMALIN Vyacheslav Nikolaevich,
Associate Professor, Institute for the Training of State and
Municipal Employees, Academy of the Federal Penitentiary
Service of Russia

THE EFFECTIVENESS OF ALTERNATIVE PUNISHMENTS TO IMPRISONMENT: LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS OF IMPLEMENTATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines the effectiveness of punishments alternative to imprisonment in the context of modern criminal policy of the Russian Federation. Based on the analysis of statistical data, provisions of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation" and judicial practice, such types of punishment as compulsory labor, corrective labor, and the institution of probation are considered. The author concludes that alternative punishments demonstrate higher economic and social efficiency compared to imprisonment; however, their implementation faces a number of organizational problems that require legislative and law enforcement solutions. Special attention is paid to the new institution of probation as a mechanism for increasing the effectiveness of alternative punishments.*

Key words: *alternative punishments, compulsory labor, corrective labor, probation, recidivism, humanization of criminal policy, punishment effectiveness, penal system, resocialization.*

Современная уголовно-исполнительная политика Российской Федерации характеризуется последовательным курсом на гуманизацию системы наказаний и расширение применения мер, не связанных с изоляцией осужденного от общества. В 2025 году только 26% осужденных получили наказание, связанное с лишением свободы, тогда как остальным 320 000 преступников были назначены альтернативные наказания[2]. Данная тенденция отражает осознание того, что тюремное заключение не всегда является наиболее эффективным средством достижения целей уголовного наказания, а в ряде случаев порождает негативные социальные последствия, связанные с разрывом социальных связей и криминализацией личности.

Вопрос эффективности альтернативных наказаний приобретает особую актуальность в связи с реализацией Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» от 06.02.2023 № 10-ФЗ, а также плановым увеличением числа исправительных центров и расширением применения принудительных работ. Цель настоящего исследования — комплексный анализ эффективности наказаний, альтернативных лишению свободы, по таким критериям, как уровень рецидивной преступности, экономические показатели и социально-реабилитационный потенциал[1].

Принудительные работы относятся к основным видам наказаний (ч. 1 ст. 45 УК РФ) и заключаются в привлечении осужденного к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы. Законодатель определил это наказание как альтернативу лишению свободы в предусмотренных законом случаях (ч. 1 ст. 53.1 УК РФ) за совершение преступления небольшой или средней тяжести, либо за совершение тяжкого преступления впервые.

Установлен особый порядок назначения наказания в виде принудительных работ: суд в резолютивной части приговора вначале указывает на назначение наказания в виде лишения свободы на определенный срок, а затем — на замену лишения свободы принудительными работами. Принудительные работы отбываются в исправительных центрах, где осуществляется надзор за осужденными. Помимо привлечения к труду, из заработной платы осужденного производится удержание в доход государства в размере, установленном приговором суда в пределах от 5 до 20 %.

Законодателем установлен круг лиц, которым не может быть назначен данный вид уголовного наказания: несовершеннолетние, инвалиды первой или второй группы, беременные женщины, женщины с детьми до трех лет, лица, достигшие пенсионного возраста и признанные полностью неспособными к трудовой деятельности, а также военнослужащие. С 20 января 2026 года данные нормы распространяются на мужчин, являющихся единственными родителями ребенка возрастом до 3 лет[5].

Система уголовных наказаний, закрепленная в ст. 44 УК РФ, включает несколько видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества:

Обязательные работы — заключаются в выполнении осужденным бесплатных общественно полезных работ. Данный вид наказания характеризуется низкой карательной нагрузкой и ориентирован преимущественно на лиц, совершивших преступления небольшой тяжести.

Исправительные работы — отбываются по месту работы осужденного с удержанием из заработной платы в доход государства от 5 до 20%. Предполагают сохранение трудовой занятости и социальных связей осужденного.

Ограничение свободы — заключается в установлении судом ограничений (не покидать определенное место, не посещать определенные места, не изменять место жительства без согласия специализированного органа и др.).

Принудительные работы — занимают особое место среди альтернативных наказаний, так как предполагают не только трудовую занятость, но и определенную степень изоляции (отбывание в исправительных центрах). Это делает их переходной формой между наказаниями, не связанными с изоляцией, и лишением свободы.

Штраф — наиболее мягкий вид наказания, применяемый преимущественно за преступления небольшой тяжести.

Ключевым критерием эффективности любого вида наказания является уровень рецидивной преступности. Как отмечается в официальных разъяснениях, вопросы ресоциализации и социальной адаптации осужденных, а также лиц, отбывших уголовные наказания, приобретают все большую актуальность, поскольку от полноты их решения зависят уровень рецидивной преступности и безопасность общества.

Статистические данные свидетельствуют о том, что число рецидивов после отбывания наказания в исправительных центрах значительно ниже, чем после отбывания наказания в колониях. Данный факт может быть объяснен тем, что принудительные работы позволяют осужденному сохранить социальные связи, получить профессию и адаптироваться к трудовой деятельности в условиях, приближенных к нормальным, что существенно снижает риск возврата к преступному поведению.

Альтернативные наказания демонстрируют более высокую экономическую эффективность по сравнению с лишением свободы. Содержание одного осужденного в исправительном учрежде-

нии обходится государству в значительную сумму, тогда как принудительные работы не только не требуют бюджетных затрат, но и приносят доход в виде удержаний из заработной платы осужденных[4].

Создание исправительных центров и привлечение осужденных к труду позволяет решать одновременно несколько задач: обеспечение занятости осужденных, пополнение бюджета, развитие производственного сектора УИС. Как показывает практика, более 50% рабочих мест для осужденных предоставлены работодателями, что свидетельствует о востребованности данной модели как со стороны государства, так и со стороны бизнес-сообщества.

Важнейшим преимуществом альтернативных наказаний является их социально-реабилитационный потенциал. В отличие от лишения свободы, которое часто приводит к разрыву социальных связей, утрате профессии и криминализации личности, альтернативные наказания позволяют осужденному сохранить социально полезные связи, продолжить трудовую деятельность и избежать стигматизации.

Сохранение социальных связей является важным фактором, препятствующим совершению новых преступлений. Лица, отбывающие наказание без изоляции от общества, имеют возможность поддерживать отношения с семьей, воспитывать детей, что способствует формированию правопослушного поведения и снижает риск рецидива.

Законом закреплены три вида пробации:

Исполнительная пробация — применяется уголовно-исполнительными инспекциями в отношении лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества (за исключением осужденных к штрафу и принудительным работам), и иных мер уголовно-правового характера.

Пенитенциарная пробация — применяется в отношении осужденных в учреждениях, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, представляет собой совокупность мер, направленных на исправление осужденных, а также на подготовку осужденных к освобождению из указанных учреждений.

Постпенитенциарная пробация — применяется в отношении лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и оказавшихся в трудной жизненной ситуации, представляет собой совокупность мер, направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию.

Срок применения постпенитенциарной пробации определяется индивидуальной программой, но не может составлять более 1 года со дня её начала. Основанием применения пробации является обращение лица в уголовно-исполнительную инспекцию с заявлением об оказании содействия в ресоциализации.

Как отмечается в разъяснениях Генеральной прокуратуры РФ, Закон о пробации содержит большое количество отсылочных и бланкетных норм, его содержание имеет рамочный межотраслевой характер. Нигде не установлены обязанности субъектов пробации, а нормы Закона не содержат конкретных механизмов (процедур) реализации мер пробации (например, содействие в трудоустройстве, обеспечение жильем, получение медицинской и психологической помощи)[7].

Закон не устанавливает очередность (приоритетность) оказания социальной поддержки тех или иных категорий нуждающихся в ней граждан, а также не предусматривает особого порядка финансирования такой поддержки применительно к осужденным и бывшим осужденным.

Актуальной остается проблема профессиональной подготовки кадров в сфере пробации. Как указывается в официальных разъяснениях, потребуется разработать соответствующие образовательные программы, имеющие междисциплинарное содержание и предусматривающие изучение организационно-правовых основ и технологий социальной работы, форм и методов воспитательной работы, вопросов противодействия коррупции, применения информационных технологий. Их реализация целесообразна как в отношении сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, так и в отношении персонала иных органов, являющихся субъектами пробации[3].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что наказания, альтернативные лишению свободы, являются эффективным инструментом уголовной политики, позволяющим достигать целей исправления осужденных при меньших экономических и социальных издержках. Статистические данные за 2024-2025 годы свидетельствуют о последовательной реализации курса на гуманизацию уголовного правосудия: доля приговоров к лишению свободы снизилась с 29% до 26%[5].

Принудительные работы как альтернатива лишению свободы демонстрируют растущую востребованность в судебной практике, что подтверждается данными Локтевского районного суда Алтайского края, где количество замен наказания на принудительные работы за 9 месяцев 2025 года выросло в три раза по сравнению с 2024 годом. Верховный Суд РФ последовательно призывает суды активнее применять альтернативные виды наказания при наличии смягчающих обсто-

ятельств и отсутствии отягчающих

Внедрение института пробации на основе Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ создает предпосылки для дальнейшего совершенствования системы альтернативных наказаний и повышения их результативности. Индивидуальные программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации позволяют обеспечить адресный подход к каждому лицу, в отношении которого применяется пробация.

Вместе с тем эффективность альтернативных наказаний существенно зависит от организационного обеспечения: наличия рабочих мест, взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с органами местного самоуправления и работодателями, качества правового регулирования и кадрового обеспечения. Решение этих проблем требует комплексного подхода и дальнейшего совершенствования законодательства.

Перспективными направлениями исследования представляются: разработка методик оценки эффективности альтернативных наказаний с учетом не только статистических, но и качественных показателей; анализ правоприменительной практики замены лишения свободы принудительными работами при рецидиве преступлений; изучение влияния института пробации на снижение рецидивной преступности в долгосрочной перспективе; сравнительный анализ эффективности различных видов альтернативных наказаний; исследование зарубежного опыта применения альтернативных наказаний и пробации с целью его адаптации к российской правовой системе.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Контур.Норматив. — URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=502783.

[2] Краснов: реальное лишение свободы в 2025-м назначили четверти осужденных // ПРАВО.Ru, 18.02.2026. — URL: https://pravo.ru/news/262496/.

[3] Роль и задачи органов власти и учреждений в реализации положений Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Генеральная прокуратура Российской Федерации, 27.09.2024. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_22/activity/legal-education/explain/e206394/.

[4] Верховный суд призвал суды применять альтернативные виды наказаний // Красногвардейский районный суд Республики Крым, 21.07.2025. — URL: https://krasnogvardeiskiy--krm.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=316.

[5] Принудительные работы как вид уголовного наказания // Локтевский районный суд Алтайского края, 18.12.2025. — URL: https://loktevsky--alt.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=7.

[6] Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ "О пробации в Российской Федерации"» // Официальное опубликование правовых актов. — URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311300040?index=1.

[7] Институт пробации в Российской Федерации // Генеральная прокуратура Российской Федерации, 08.07.2025. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_50/activity/legal-education/explain/e5876152/.

References:

[1] Federal Law No. 06.02.2023 dated 10-FZ "On Probation in the Russian Federation "// Kontur.Norm. — URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=502783.

[2] Krasnov: a quarter of convicts were appointed real imprisonment in 2025 // PRAVO.Ru, 18.02.2026. - URL: https://pravo.ru/news/262496/.

[3] The role and tasks of authorities and institutions in the implementation of the provisions of Federal Law of 06.02.2023 No. 10-FZ "On Probation in the Russian Federation "// Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 27.09.2024. - URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_22/activity/legal-education/explain/e206394/.

[4] The Supreme Court called on the courts to apply alternative types of punishment // Krasnogvardeisky District Court of the Republic of Crimea, 21.07.2025. - URL: https://krasnogvardeiskiy--krm.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=316.

[5] Forced labor as a type of criminal punishment // Loktevsky District Court of the Altai Territory, 18.12.2025. - URL: https://loktevsky--alt.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=7.

[6] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 29.11.2023 No. 350 "On resocialization, social adaptation and social rehabilitation of persons in respect of whom probation is applied in accordance with Federal Law of 06.02.2023 No. 10-FZ "On Probation in the Russian Federation" "// Official publication of legal acts. — URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311300040?index=1.

[7] Institute of Probation in the Russian Federation // Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 08.07.2025. - URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_50/activity/legal-education/explain/e5876152/.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-230-234

ГОФМАН Александр Анатольевич,
доцент кафедры
огневой и тактико-специальной подготовки юридического
факультета ВЮИ ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ПОЖИМАЛИН Вячеслав Николаевич,
доцент института подготовки государственных
муниципальных служащих Академии ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ПРОГРАММЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. *Статья посвящена анализу программ ресоциализации осуждённых в российской и зарубежной пенитенциарной практике. Рассматриваются основные направления ресоциализационной работы, включая воспитательное воздействие, профессиональное обучение, трудовую занятость, психологическое сопровождение, подготовку к освобождению и постпенитенциарную поддержку. Особое внимание уделяется соотношению исправления, социальной адаптации и ресоциализации, поскольку данные понятия близки по содержанию, но различаются по задачам и ожидаемым результатам. На основе анализа современных научных подходов делается вывод о необходимости развития непрерывной модели ресоциализации, охватывающей период отбывания наказания и этап возвращения лица в общество.*

Ключевые слова: *ресоциализация осуждённых, исправление осуждённых, уголовно-исполнительная система, социальная адаптация, профессиональное образование, пробация, зарубежный опыт, постпенитенциарное сопровождение.*

GOFMAN Alexander Anatolyevich,
Associate Professor, Department of Firearms and
Tactical-Special Training, Faculty of Law, VYU FSIN of Russia

POZHIMALIN Vyacheslav Nikolaevich,
Associate Professor, Institute for the Training of State and
Municipal Employees, Academy of the Federal Penitentiary
Service of Russia

RESOCIALIZATION PROGRAMS FOR CONDEMNED PERSONS: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Annotation. *The article is devoted to the analysis of programs for the resocialization of convicts in Russian and foreign penitentiary practice. The main directions of resocialization work are considered, including educational influence, vocational training, employment, psychological support, preparation for release, and post-penitentiary support. Special attention is paid to the relationship between correction, social adaptation, and resocialization, as these concepts are similar in content but differ in terms of objectives and expected results. Based on the analysis of modern scientific approaches, it is concluded that it is necessary to develop a continuous model of resocialization that covers the period of serving a sentence and the stage of a person's return to society.*

Key words: *re-socialization of convicts, correction of convicts, penal system, social adaptation, vocational education, probation, foreign experience, post-penitentiary support.*

Ресоциализация осуждённых относится к наиболее значимым направлениям уголовно-исполнительной политики. Значение ее определяется тем, что само по себе отбытие наказания не дает гарантий возвращения лица к правомерному образу жизни. Освобождение из исправительного учреждения сопровождается резким переходом из сложной социально-психологической среды в обычную социальную жизнь, где человеку необходимо самостоятельно решать вопросы бытовые вопросы. Проблема возникает в момент, когда указанные проблемы остаются без сопровождения. Риск повторного преступного поведения сохраняется, или, а в некоторых случаях возрастает, даже если в период отбывания наказания осуждённый формально соблюдал установленный порядок и добросовестно относился к свои обязанностям [2].

В связи с указанной ресоциализацией необходимо рассматривать в виде последовательной системы мер, восстанавливающей способности человека к жизни в обществе без совершения повторных преступлений. В научных кругах отмечается, что результат исправительного воздействия можно и целесообразно оценивать посредством способности осужденного сохранить правомерное поведение после освобождения.

А. П. Скиба обращает внимание на недостаточную теоретическую разработанность института ресоциализации и указывает, что данное направление должно быть связано с постпенитенциарным предупреждением новых преступлений [1]. Данная позиция представляется обоснованной и объясняется тем, что исправительное учреждение не может ограничиваться обеспечением режима и дисциплины. Исправительное воздействие приобретает неполный характер, если работа с осуждённым не ориентирована на его последующую жизнь на свободе. Человек, попав в жесткие ограничения в исправительном учреждении, адаптируется к требованиям учреждения, но, вместе с тем, выйдя на свободу, он оказывается неподготовленным к самостоятельной социальной жизни.

Для более объективного раскрытия вопросов, касающихся ресоциализации осужденных, необходимо разграничить понятия «исправление», «социальная адаптация» и «ресоциализация».

Так, О. А. Адоевская отмечает, что в обороте эти категории употребляются как близкие; хотя они не совпадают по своему содержанию [2]. Исправление, будучи одной из основных целей уголовного – исполнительной системы, связано с изменением отношения лица к совершенному преступлению, требованиям закона и нормам общежития (ч.1 ст. 9 УИК РФ). Социальная адаптация же охватывает приспособление человека к конкретным условиям жизни после освобождения. Ресоциализация в свою очередь явление более широкое, и она представляет комплекс мер, направленных на формирование у осуждённых способности и готовности к законопослушному поведению и включению в общество после освобождения из мест лишения свободы

Данное понимание столь близких, но разных терминов имеет непосредственное практическое отношение. Если при достижении ресоциализации совершается подмена отдельными воспитательными беседами или формальным участием в мероприятиях, она не достигает своей цели. Напротив, полноценная ресоциализационная программа учитывает личность осуждённого, характер совершённого им преступления, его уровень образования и наличие профессии, состояние здоровья, семейные связи и мотивацию к изменению поведения, а также риски возвращения к преступному образу жизни [3].

Российская практика ресоциализации осуждённых традиционно строится на сочетании нескольких направлений:

воспитательной работы;

получения образования;

профессионального обучения;

привлечения к труду;

психологического сопровождения;

подготовки к освобождению.

Каждое из них представляет самостоятельное значение. Воспитательная работа формирует представление о допустимых формах поведения и правовых обязанностях и их последствиях при повторном нарушении закона. Образовательные программы повышают общий уровень развития личности, расширяя горизонт трудоустройства. Трудовая занятость дисциплинирует и формирует устойчивый режим дня.

О. А. Адоевская, анализируя воспитательную работу с осуждёнными в контексте их ресоциализации, указывает на необходимость более чёткого понимания её роли и содержания [3]. По мнению автора, задача воспитательной работы состоит в том, чтобы изменить само отношение к собственному поведению, к другим людям, к труду и семье, к правовым ограничениям и осознать свое место среди обещства.

Среди методов сопровождения, направленных на поддержку и помощь в развитии личности, психологическая работа занимает важное место в программах ресоциализации. Многие осуждённые имеют характерные поведенческие проблемы, среди которых:

низкий уровень самоконтроля;

агрессивность;

зависимое поведение;

склонность к конфликтам;

недоверие к социальным институтам;-

трудности в построении нормальных межличностных отношений.

Работа психолога строится на выявлении указанных проблемы и определении, какие именно меры поддержки необходимы конкретному человеку. Одному осуждённому может потребоваться коррекция агрессивного поведения, другому — помощь в преодолении зависимости, третьему — восстановление контакта с семьёй и формирование бытовой самостоятельности. Не существует единой методики или программы, которая подошла бы во всех случаях. Причины преступного поведения и социального неблагополучия имеют различную подоплеку [1].

Другим не менее важным аспектом в поддержке осужденного, покидающего стены исправительного учреждения, является профессиональное обучение. Отсутствие профессии и реальных трудовых навыков ставят человека в заведомо уязвимое положение. Имея одно только желание изменить образ жизни, он сталкивается с ограниченным выбором легальных источников дохода. Существует риск того, что прежняя криминальная среда может восприниматься как более доступный способ выживания. Поэтому профессиональная подготовка должна быть связана с внутренними потребностями учреждения и с реальными запросами рынка труда. В противном случает человек получает навык, который не поможет ему после освобождения.

Вместе с указанным, российская система ресоциализации имеет ряд устойчивых трудностей. К числу наиболее выраженных относятся:

недостаточная индивидуализация программ;

формальный характер части мероприятий;

слабая связь между исправительным учреждением и внешней социальной средой;

трудности взаимодействия с работодателями;

дефицит устойчивого постпенитенциарного сопровождения.

Хотя определенная работа проводится и меры поддержки реализуется согласно фактическим возможностям, зачастую получается, что после освобождения человек остаётся один на один с прежними бытовыми и социальными проблемами. В данной ситуации положительные изменения, достигнутые в период отбывания наказания, теряют свою опору.

О. Г. Ковалев подчёркивает необходимость сравнительного и теоретико-правового анализа данного направления [4]. Данный подход рассматривает ресоциализацию в виде многоаспектной системы, в которой учитываются цель, субъекты, методы, этапы и критерии эффективности. Для российской системы программ ресоциализации вывод из данных положений следующий: простое увеличение количества мероприятий не всегда означает повышение результата, результативность определяется тем, насколько программа действительно снижает вероятность повторного преступления и помогает человеку закрепиться в законопослушной социальной среде.

Зарубежный опыт показывает, как результативность ресоциализации зависит от непрерывности сопровождения. В. С. Юндина, анализируя практику зарубежных стран, отмечает значение таких аспектов, как:

постпенитенциарной ресоциализации;

индивидуальных программ;

помощи в трудоустройстве;

обеспечении жильём;

восстановлении социальных связей [5].

Данный опыт, хотя и кажется перспективным, воспринимать как готовую рабочую систему было бы поспешно. Пенитенциарные системы различаются по масштабу и финансированию, уровню участия местных сообществ и характеру социальной политики и, конечно, численности лиц, отбывающих наказание. Российская пенитенциарная система безусловно уникальна, хотя бы потому, что простирается на территории всей страны и имеет особенность в том, что необходим учет специфики региональной конъектуры. Однако, нельзя отрицать тот факт, что отдельные элементы зарубежной практики могут быть использованы при совершенствовании отечественных программ.

Так, в Германии, как одной из передовых стран в области социальной политики мира, индивидуальное планирование исполнения наказания и последующая подготовка лица к освобождению является приоритетным ориентиром в пенитенциарной системе. Смысл данного подхода заключается в том, что возвращение осуждённого в общество должно протекать постепенно, а человек должен быть подготовленным [5]. Осужденного не переводят резко из режима изоляции в полностью свободную среду без навыков самостоятельной жизни и социальной поддержки. В рамках подобной модели обязательны к исполнению:

профессиональное обучение;

социальная работа;

психологическая помощь;

оценка рисков;

взаимодействие с внешними службами.

В скандинавских странах уклон в пенитенциарной политике сделан на принципе нормализации условий исполнения наказания. По замыслу представителей органов власти, изоляция не

должна разрушать базовые социальные навыки человека сильнее, чем это необходимо в рамках исполнения наказания. Поэтому там особое внимание уделяется образованию, труду и бытовой самостоятельности, который сопровождается тесным контактом с родными и близкими. Очевидно, что данный опыт не может быть прямо перенесён в российскую систему [5]. Но сама идея сохранения социальной пригодности осуждённого заслуживает определенного внимания.

В Канаде и ряде других государств европейского союза распространены подходы, основывающиеся на оценке рисков повторного преступления и программа работы с осуждённым строится на криминогенных потребностях личности, откуда вытекает учёт причин, побуждающие человека к повторному нарушению закона. К данным причинам относятся:

зависимость;
отсутствие профессии;
криминальное окружение;
семейная дезорганизация;
низкий уровень образования;
импульсивность;
агрессивность;
отсутствие постоянного жилья.

Вероятность подобрать действенные меры сопровождения осужденного напрямую зависит от точности выявления указанных факторов.

Сравнение российского и зарубежного опыта позволяет сделать вывод, что основное различие отечественной пенитенциарной политики от зарубежной кроется в организационном подходе. Зарубежных модели строятся по принципу индивидуального маршрута, в котором учитывается характеристика осужденного. Нельзя отрицать что таких элементов нет в российской практике, но стоит признать, что их реализация на практике сталкивается с определенными трудностями. Стоит отметить, что не повсеместно, тем не менее их отсутствие не устойчиво. Центральное внимание зачастую сосредоточено на мероприятиях внутри учреждения, в то время как этап освобождения и после него до сих пор остаётся уязвимым.

Предполагается, что перспективным направлением развития российской модели выступит усиление связи между исправительным учреждением и органами пробации, социальными службами, работодателями, образовательными организациями и общественными объединениями. Ресоциализация не будет результативна, если она прекращается в момент освобождения. Потому что первое время после выхода из учреждения считается наиболее сложным и уязвимым [2]. В это время бывшему осуждённому требуется помощь в оформлении документов, трудоустройстве, решении жилищных вопросов, восстановлении социальных контактов и сохранении правомерной мотивации. Из этого следует, что программы ресоциализации необходимо оценивать по количеству проведённых мероприятий и по их подлинному результату. К таким результатам можно отнести:

трудоустройство;
продолжение образования;
отсутствие повторных преступлений;
восстановление или приобритение семейных связей;
соблюдение установленных обязанностей;
отказ от прежних криминальных контактов.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить, что российский и зарубежный опыт ресоциализации осуждённых показывает, что наиболее результативной выступает комплексная и непрерывная работа, которая начинается в период отбывания наказания и продолжается после освобождения. Российская система располагает необходимыми базовыми средствами, среди которых:

воспитательная работа;
профессиональное обучение;
трудовая занятость;
психологическое сопровождение;
развивающийся механизм пробационного сопровождения.

Дальнейшее повышение результативности возможно посредством индивидуализации программ и усиления постпенитенциарной поддержки. Из этих положений вытекает неизбежное расширения взаимодействия с работодателями, а также укрепление связи с социальной инфраструктурой. Зарубежный опыт представляется ценным в виде источника практических решений, делающих ресоциализацию адресной и последовательной.

Список литературы:

[1] Скиба А. П. Ресоциализация осужденных: некоторые теоретико-правовые аспекты // Уголовно-исполнительное право. — 2023. — Т. 18 (1–4), № 4. — С. 434–445.

[2] Адоевская О. А. Исправление и ресоциализация: к вопросу о концептуальной ясности // Уголовно-исполнительное право. — 2024. — Т. 19 (1–4), № 2. — С. 217–228.

[3] Адоевская О. А. Проблемы воспитательной работы с осужденными в контексте их ресоциализации // Уголовно-исполнительное право. — 2023. — Т. 18 (1–4), № 2. — С. 219–226.

[4] Юндина В. С. Социальная адаптация несовершеннолетних осужденных как отдельный вид постпенитенциарной ресоциализации // Вестник магистратуры. — 2024. — № 6-4 (153). — С. 36–39.

[5] Юндина В. С. Опыт зарубежных стран

в сфере ресоциализации осужденных // Вестник магистратуры. — 2024. — № 9-2 (156). — С. 47–49.

References:

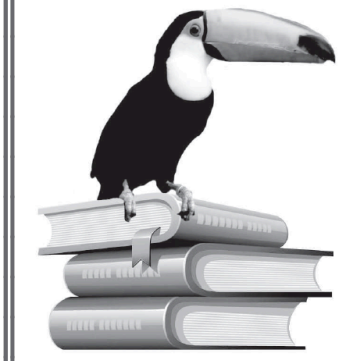
[1] Skiba A.P. Resocialization of convicts: some theoretical and legal aspects // Criminal executive law. — 2023. - T. 18 (1-4), NO. 4. - S. 434-445.

[2] Adoevskaya O. A. Correction and resocialization: to the question of conceptual clarity // Criminal executive law. — 2024. - T. 19 (1-4), NO. 2. - S. 217-228.

[3] Adoevskaya O. A. Problems of educational work with convicts in the context of their re-socialization // Penal law. — 2023. - T. 18 (1-4), NO. 2. - S. 219-226.

[4] Yundina V. S. Social adaptation of juvenile convicts as a separate type of post-penitential resocialization // Bulletin of the magistracy. — 2024. — № 6-4 (153). - S. 36-39.

[5] Yundina V. S. Experience of foreign countries in the field of resocialization of convicts // Bulletin of magistracy. — 2024. — № 9-2 (156). - S. 47-49.



Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-235-239

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Павловна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правоохранительной
деятельности, уголовного права и процесса
Псковского государственного университета,
Псков, Россия,
e-mail: pavlovna.76@mail.ru

АНДРЕЕВА Марина Мирославовна,
старший преподаватель кафедры правоохранительной
деятельности, уголовного права и процесса
Псковского государственного университета,
Псков, Россия,
e-mail: marina-andreeva.2011@yandex.ru

ГЕВОРГЯН Кирилл Константинович,
аспирант кафедры правоохранительной
деятельности, уголовного права и процесса
Псковского государственного университета,
Псков, Россия,
e-mail: kirill199822@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые вопросы производства отдельных процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела таких, как получение объяснений, истребование предметов и документов и их изъятие, производство документальных проверок и ревизий, касающиеся отсутствие законодательно закрепленного понятия данных действий, а также процессуального порядка их производства и оформления хода и результатов. В целях разрешения обозначенных вопросов авторами вносятся предложения о внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство.*

Ключевые слова: *возбуждение уголовного дела, объяснение, истребование предметов и документов, документальная проверка, ревизия.*

ALEKSANDROVA Olga Pavlovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Law Enforcement,
Criminal Law and Process, Pskov State University,
Pskov, Russia

ANDREEVA Marina Miroslavovna,
Senior Lecturer at the Department of Law Enforcement,
Criminal Law and Procedure, Pskov State University,
Pskov, Russia

GEVORGYAN Kirill Konstantinovich,
Postgraduate Student at the Department of Law Enforcement,
Criminal Law and Procedure, Pskov State University,
Pskov, Russia

CERTAIN ISSUES REGARDING THE CONDUCT OF SPECIFIC PROCEDURAL ACTIONS AT THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE

Annotation. *The article examines certain issues related to the performance of specific procedural actions at the stage of initiating a criminal case, such as obtaining explanations, requesting and seizing objects and documents, and conducting documentary audits and inspections. The study highlights the lack of a legislative definition for these actions, as well as the absence of a clear procedural framework for their execution and documentation. To address these issues, the authors propose amendments to the criminal procedure legislation.*

Key words: *initiation of criminal proceedings, statement, request for the production of items and documents, documentary audit, audit.*

Стадия возбуждения уголовного дела, будучи процессуальным фильтром и точкой отсчета официального уголовного преследования, сохраняет свою ключевую роль в системе уголовного судопроизводства.

Для принятия законного, обоснованного и справедливого решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела необходимо наличие закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе (УПК РФ) оснований (ст. 24 и ст. 140), для установления которых в соответствии со ст. 144 УПК РФ обязательно проведение проверки по сообщению о преступлении (поводу).

Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 04.03.2013 № 23-ФЗ в ч. 1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса (УПК РФ) существенно расширил перечень процессуальных действий, которые могут быть проведены уполномоченными должностными лицами на стадии возбуждения уголовного дела при проверке сообщения о преступлении.

Остановимся на некоторых процессуальных действиях, которые уже длительное время вызывают оживленные дискуссии в науке и у правоприменителей, в том числе и с учетом положений ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ о том, что «полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 УПК РФ» о допустимости доказательств, то есть чтобы они не были получены с нарушением уголовно-процессуального законодательства. Так, в тексте закона не раскрывается содержание таких процессуальных действий, как «получение объяснений», «истребование предметов и документов и их изъятие» в порядке, установленном УПК РФ, «документальные проверки» и «ревизии», не регламентируется ни процедура производства указанных действий, ни процессуальные документы, которыми должны быть оформлены их ход и результаты, а потому сведения, полученные в ходе проведения указанных процессуальных действий не рассматриваются в качестве доказательств, так как они получены без соблюдения процессуальной формы и порождают сомнения в достоверности.

Актуальность обозначенной выше проблемы в части, касающейся получения объяснений не вызывает сомнений, особенно когда участники уголовного судопроизводства впоследствии сообщают иные сведения, а также при производстве дознания в сокращенной форме, в ходе которого дознаватель в соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ вправе не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения. Процессуалисты предлагают разные варианты совершенствования правовой регламентации процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела. По мнению В.М. Герасенкова, «необходимо в ст. 5 УПК РФ ввести п. 22.1 следующего содержания: «Объяснение – сведения, полученные от лиц на стадии рассмотрения заявления или сообщения о преступлении, об обстоятельствах, имеющих значение для принятия решения в соответствии со ст. 145 настоящего Кодекса»» [4, с. 77].

Представляется интересным и заслуживающим внимания мнение М.Н. Богданова и Д.А. Никитина, которые предлагают дополнить ст. 144 частью 1.3. в следующей редакции: «Объяснения гражданина или должностного лица представляет собой сведения, имеющие отношение к сообщению о совершенном или готовящемся преступлении и сообщенные данным лицом в устной или письменной форме. Устное объяснение оформляется в виде документа, именуемого «объяснение», в котором указывается дата, время и место его составления, должность, специальное звание, фамилия и инициалы сотрудника, составившего объяснение, сведения о лице, дающем объяснение, сообщенные сведения. Объяснение должно содержать запись о разъяснении лицу прав, предусмотренных ст. 51 Конституции РФ,

которая удостоверяется его подписью.

Объяснение подписывается сотрудником, его составившим, и лицом, давшим объяснения» [2, с. 77].

Соглашаясь с предложениями указанных выше авторов, по нашему мнению, целесообразно дополнить ст. 5 УПК РФ понятием «объяснения» в следующей редакции: «Объяснения заявителя, лица, в отношении которого проводится проверка, иных лиц, данные в ходе проверки сообщения о преступлении, которым разъяснены права, предусмотренные ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, представляют собой сведения об обстоятельствах, имеющих имеющие значение для установления признаков преступления и разрешения сообщения по существу, зафиксированное в письменном виде», а сам порядок его получения и процессуального оформления закрепить в ст. 144 УПК РФ.

Законодатель в ст. 144 УПК РФ не закрепил и процедуру производства такого процессуального действия, как истребование предметов, документов и их изъятие в порядке, установленном указанным Кодексом.

Проведенный анализ норм УПК РФ позволил определить некоторые способы истребования предметов и документов и их изъятия.

Так, на основании ч. 4 ст. 21 УПК РФ требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, установленных УПК РФ, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами.

Таким образом, истребование может происходить на основании запроса указанных государственных органов и должностных лиц.

Представляется интересным предложение О.П. Александровой о целесообразности законодательного закрепления факта изъятия истребуемых предметов и документов с составлением протокола, «в котором отражаются факт и обстоятельства изъятия предметов и документов, их перечень с точным указанием их количества, меры, веса, и индивидуальных признаков. Протокол подписывается должностным лицом, его составившим, и лицом, у которого изъяты предметы и документы. Копия протокола вручается под роспись лицу, у которого изъяты предметы и документы. Протокол должен содержать записи о разъяснении лицу, у которого истребуются и изымаются предметы и документы, прав, предусмотренных ч. 1.1 ст. 144 настоящего Кодекса, и требований части 4 ст. 21 настоящего Кодекса, которые удостоверяются его подписью» [1, с. 145].

Аналогичного мнения придерживается и Л.Г. Демурчев, указывая на необходимость составления протокола при истребовании предметов и документов [5, с. 177].

Соглашаясь с необходимостью законодательного закрепления процессуального порядка истребования и изъятия предметов и документов, отметим, что законодатель не предусмотрел никаких мер воздействия к лицам, не представившим запрашиваемые документы, предметы. Думается в отношении таких лиц целесообразно предусмотреть возможность применения мер принуждения в виде денежного взыскания. Поэтому представляется целесообразным дополнить часть 4 ст. 21 УПК РФ положением следующего содержания: В случае неисполнения указанных требований, поручений и запросов учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами на них может быть наложено денежное взыскание в порядке, предусмотренном ст. 117 настоящего Кодекса».

Кроме того, самого по себе такого процессуального действия как изъятие в уголовном судопроизводстве нет. Изъятие следов, предметов и документов может осуществляться в ходе осмотра места происшествия, выемки и обыска. Однако выемка и обыск могут производиться только по возбужденному уголовному делу.

Изъятие предметов и документов до принятия решения о возбуждении уголовного дела в соответствии с УПК РФ допускается только в ходе производства только такого следственного действия, как осмотр места происшествия (ст. 176, 177, 180 УПК РФ).

Однако ряд авторов отмечают [3, с. 51; 8, с. 65], что во многих органах предварительного расследования распространена практика производства выемок до возбуждения уголовного дела, когда это не требует получения судебного решения, и критически относятся к подобным явлениям правовой действительности, обосновывая свою позицию отсутствием законодательного дозволения на производство выемки до возбуждения уголовного дела и разъяснениями Генеральной прокуратуры РФ, изложенными в информационном письме от 20.08.2014 № 36-11-2014 «О недопустимости изъятия предметов и документов вне рамок следственных действий, предусмотренных до возбуждения уголовного дела», согласно которым «изъятие в стадии возбуждения уголовного дела возможно только при производстве следственных действий, исчерпывающе перечисленных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, среди которых обыск и выемка не фигурируют» [8, с. 65-66]

Существует и иная точка зрения, и некоторые авторы полагают допустимым производство выемки до возбуждения уголовного дела. Так, например, А.С. Каретников, С.А. Коретников пола-

гают возможным «производства выемки и обыска не только в тех местах, где не требуется судебное решение, но и в местах, где оно необходимо, либо без судебного решения в случаях, не терпящих отлагательства» [6, с. 39].

О.А. Тетерин и Т.В. Тетерина на основе анализа решений судов, признавших допустимыми доказательства, полученные в ходе выемки до возбуждения уголовного дела, считают «возможным производство выемки до возбуждения уголовного дела при соблюдении требований ст.183 УПК РФ» путем внесения соответствующих изменений в УПК РФ [7, с. 82-83].

По нашему мнению, выемка – это следственное действие, обеспеченное принуждением, которое существенным образом затрагивает права и свободы человека, и вряд ли можно указанное действие производить на этапе, когда признаки преступления с достоверностью не установлены.

Законодатель в УПК РФ, как уже упоминалось выше, не раскрывает и такие понятия, как «документальная проверка» и «ревизия». В тексте иных Федеральных законов (например, ст. 72 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации») используется термин «документарная проверка», под которой понимается «контрольное (надзорное) мероприятие, которое проводится по месту нахождения контрольного (надзорного) органа и предметом которого являются исключительно сведения, содержащиеся в документах контролируемых лиц, устанавливающих их организационно-правовую форму, права и обязанности, а также документы, используемые при осуществлении их деятельности и связанные с исполнением ими обязательных требований и решений контрольного (надзорного) органа. Документы могут представляться контролируемыми лицами с использованием единого портала государственных и муниципальных услуг, регионального портала государственных и муниципальных услуг или мобильного приложения "Инспектор"».

В п. 5 Положения о порядке взаимодействия контрольно-ревизионных органов Министерства финансов РФ с Генеральной прокуратурой РФ, Министерством внутренних дел РФ, Федеральной службой безопасности РФ при назначении и проведении ревизий (проверок), утвержденного приказом Минфина России, МВД России и ФСБ России от 07.12.1999 № 89н/1033/717 «под проверкой понимается контрольное действие по определенному кругу вопросов, участку или эпизоду финансово-хозяйственной деятельности ревизуемой организации».

Анализ действующей редакции законодательства и правоприменительной практики позволяет констатировать, что документальная проверка понимается как оперативное, преимущественно камеральное исследование документов (как на бумажных, так и на электронных носителях) для установления наличия или отсутствия признаков преступления в сфере экономической, финансовой или хозяйственной деятельности. Ее целью является первичный сбор и анализ информации, содержащейся в бухгалтерской, налоговой, отчетной и иной документации, без глубокого сплошного контроля всей финансово-хозяйственной деятельности субъекта. Проверка часто носит выборочный и целевой характер, фокусируясь на конкретных операциях или периодах.

Понятие «ревизия» вообще нигде не закреплено на законодательном уровне. В п. 5 упомянутого выше Положения «ревизия» определена как «система контрольных действий по документальной и фактической проверке обоснованности совершенных организацией хозяйственных и финансовых операций в ревизуемом периоде или достигнутых результатов ее финансово-хозяйственной деятельности».

Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод, что она, в отличие от проверки, представляет собой систему обязательных контрольных действий по сплошной или выборочной (но в установленной пропорции) проверке финансово-хозяйственных операций ревизуемого субъекта за определенный период. Она характеризуется большей формализацией, строгой последовательностью процедур (инвентаризация, экспертиза документов, встречные сверки и т.д.) и итоговым документом – актом ревизии, имеющим особую доказательственную силу. Ревизия направлена не только на выявление признаков преступления, но и на установление точного размера причиненного ущерба, выявление механизма противоправных действий и ответственных лиц.

Важной тенденцией настоящего времени стало расширение толкования предмета документальной проверки и ревизии за счет цифровых следов и данных. Документами признаются не только традиционные бумажные носители, но и электронные документы, подписанные усиленной квалифицированной электронной подписью, записи в базах данных (CRM, ERP-системы), лог-файлы, метаданные файлов, информация с онлайн-касс и фискальных накопителей. Это требует от лиц, производящих проверку или ревизию, и привлекаемых в качестве специалистов владения знаниями и навыками в области цифровизации.

Процедура инициирования документальной проверки или ревизии на законодательном уровне также не нашла своего закрепления. Пра-

вопримениительная практика идет по пути вынесения следователем соответствующего постановления. Их проведение поручается не процессуальным фигурам (специалисту, эксперту), а контрольно-ревизионным органам (например, органам Федерального казначейства, Росфиннадзора) или штатным ревизорам самой организации (в случае ведомственной ревизии).

В правоприменительной практике возникают и вопросы по поводу процессуального оформления акта (справки, заключения) по результатам документальной проверки или ревизии, так как на законодательном уровне их форма не утверждена, что приводит к их вариативности и неполноте.

Представляется целесообразным внесение изменений в УПК РФ, предусматривающих примерную обязательную структуру таких документов, включающую описание исследованных данных, примененные методы, однозначные выводы о выявленных нарушениях со ссылкой на нормы права, а также указание на ограничения и неисследованные вопросы.

Список литературы:

[1] Александрова О.П. Доказывание на стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы правоведения. 2018. Материалы международной научной конференции, посвященной 25-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации (12 декабря 2018 г.). Псков: Псковский государственный университет, 2018. Часть I. С. 142-147.

[2] Богданов М. Н., Никитин Д. А. К вопросу об использовании объяснения в ходе проверки сообщения о преступлении // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 4-2. С. 72-77.

[3] Воскобойник И.О. Проблемы охраны прав личности при проверке сообщения о преступлении. – Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, 2013, № 2 (32), с. 48–52.

[4] Герасенков В.М. Объяснения как источник доказательств в уголовном процессе // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/obyasnenie_kak_dokazatelstvo_v_ugolovnom_processe/ (дата обращения: 18.08.2026).

[5] Демурчев Л.Г. Общие проблемы истребования доказательств на стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. 2011. № 1 (33). С. 175-178.

[6] Каретников А.С., Коретников С.А. Следственные действия как способы проверки сообщения о преступлении // Законность. 2014. № 7. С. 37-42.

[7] Тетерин О.А., Тетерина Т.В. О возможности производства выемки предметов (документов) до возбуждения уголовного дела // Вестник. Государство и право. 2021. № 3 (30). С. 80-83.

[8] Шадрин В.С. Новые возможности уголовно-процессуальной проверки в стадии возбуждения уголовного дела, их истоки и последствия // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 6 (44). С. 62-66.

References:

[1] Aleksandrova, O.P. Proof at the Stage of Initiating a Criminal Case // Current Issues in Jurisprudence. 2018. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 25th Anniversary of the Adoption of the Constitution of the Russian Federation (December 12, 2018). Pskov: Pskov State University, 2018. Part I. pp. 142-147.

[2] Bogdanov, M.N., Nikitin, D.A. On the Issue of Using an Explanation During the Investigation of a Crime Report // Bulletin of Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2016. No. 4-2. pp. 72-77.

[3] Voskoboinik, I.O. Problems of Protecting Personal Rights When Investigating a Crime Report. – Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013, No. 2 (32), pp. 48-52.

[4] Gerasenkov V.M. Explanations as a Source of Evidence in Criminal Proceedings // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/obyasnenie_kak_dokazatelstvo_v_ugolovnom_processe/ (date of access: 18.08.2026).

[5] Demurchev L.G. General Problems of Recovering Evidence at the Stage of Initiating a Criminal Case // Society and Law. 2011. No. 1 (33). Pp. 175-178.

[6] Karetnikov A.S., Koretnikov S.A. Investigative Actions as Methods of Verifying a Crime Report // Legality. 2014. No. 7. Pp. 37-42.

[7] Teterin O.A., Teterina T.V. On the Possibility of Seizing Items (Documents) Before Initiating a Criminal Case // Bulletin. State and Law. 2021. No. 3 (30). pp. 80-83.

[8] Shadrin V.S. New Possibilities of Criminal Procedure Investigation at the Stage of Initiating a Criminal Case, Their Origins and Consequences // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2014. No. 6 (44). pp. 62-66.

- УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-240-247
Дата принятия рукописи в печать: 25.07.2026 г.

АКАПЬЕВ Виктор Львович,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина,
e-mail: akapevv@yandex.ru

КОВАЛЕВА Екатерина Геннадьевна,
кандидат технических наук, доцент кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина,
e-mail: kovalevazchs@yandex.ru

БОРИСЕНКО Александр Васильевич,
кандидат физико-математических наук, старший преподаватель кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина,
e-mail: borisenko02.94@mail.ru

НОВИКОВА Екатерина Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина,
e-mail: tomchik1980@mail.ru

ПРАВОВЫЕ МЕТОДЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. *Современное общество переживает глубокую трансформацию, в основе которой лежит стремительное распространение цифровых технологий, охватывающее практически все сферы жизни человека, включая образование, досуг, профессиональную деятельность и повседневное общение. Дети школьного возраста оказываются погружены в цифровую среду значительно раньше, чем успевают сформировать устойчивые представления о безопасном поведении в ней, и именно это обстоятельство превращает вопросы их информационной безопасности в одну из наиболее острых социальных проблем современности. Прежде всего необходимо отметить неуклонный рост числа киберугроз, которым подвергаются несовершеннолетние пользователи сети Интернет. При этом возможности детей самостоятельно распознавать подобные угрозы существенно ограничены ввиду недостаточного жизненного опыта и низкого уровня цифровой грамотности. Школа как главный институт социализации объективно выступает тем пространством, где защита детей от информационных угроз должна обеспечиваться последовательно и системно, однако реальное состояние дел во многих российских образовательных учреждениях указывает на значительные пробелы как в правовом регулировании этой сферы, так и в организационных механизмах её реализации.*

Ключевые слова: *правовая квалификация, киберугрозы, Правовое регулирование, информационная безопасность.*

AKAPYEV Viktor Lvovich,
Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of the Department of Information and Computer Technologies in the Activities of Law Enforcement Agencies Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of the Russian Federation named after I.D. Putilin

KOVALEVA Ekaterina Gennadievna,
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Information and Computer Technologies in the Activities of Law Enforcement Agencies Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of the Russian Federation named after I.D. Putilin

BORISENKO Alexander Vasilyevich,
Candidate of Physico-mathematical Sciences, Senior lecturer of the Department of Information and Computer Technologies in the Activities of Law Enforcement Agencies Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of the Russian Federation named after I.D. Putilin

NOVIKOVA Ekaterina Anatolyevna,
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Information and Computer Technologies in the Activities of Law Enforcement Agencies Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of the Russian Federation named after I.D. Putilin

LEGAL METHODS OF ENSURING INFORMATION SECURITY FOR SCHOOLCHILDREN

Annotation. *Modern society is undergoing a profound transformation, which is based on the rapid spread of digital technologies that cover almost all areas of human life, including education, leisure, professional activities, and everyday communication. School-age children are immersed in the digital environment much earlier than they have the opportunity to develop stable ideas about safe behavior in it, and this is what makes the issue of their information security one of the most pressing social problems of our time. First of all, it is necessary to note the steady increase in the number of cyber threats faced by underage Internet users. At the same time, children's ability to recognize such threats on their own is significantly limited due to their lack of life experience and low level of digital literacy. As the primary institution for socialization, schools should provide consistent and systematic protection against information threats, but the current state of affairs in many Russian educational institutions reveals significant gaps in both legal regulation and organizational mechanisms for implementing such protection.*

Key words: *legal qualification, cyber threats, legal regulation, and information security.*

Правовое регулирование информационной безопасности несовершеннолетних в Российской Федерации в последние годы заметно развивалось: были приняты важные законодательные акты, направленные на защиту детей от вредоносного контента и ограничение их доступа к информации, причиняющей ущерб нравственному и психическому развитию [1]. Вместе с тем правоприменительная практика обнаруживает очевидную недостаточность существующих механизмов, поскольку нормативные предписания нередко остаются декларативными при отсутствии чётко выстроенной системы их исполнения на уровне конкретных образовательных организаций. Это противоречие между формально закреплёнными правовыми гарантиями и реальным уровнем защищённости школьников в цифровой среде составляет один из ключевых исследовательских вопросов настоящей работы.

Современное общество устроено таким образом, что информация давно превратилась в один из ключевых ресурсов, от состояния кото-

рого зависит не только работа государственных структур и коммерческих организаций, но и повседневная жизнь каждого человека, включая детей школьного возраста. Информация сопровождает человека на каждом шагу: в процессе обучения, общения, досуга и самовыражения, а её доступность через цифровые устройства и интернет сделала вопросы защиты этой информации крайне актуальными для всех возрастных групп населения. Именно поэтому понятие информационной безопасности сегодня рассматривается не только как технический вопрос, но и как правовая, социальная и педагогическая проблема, требующая комплексного подхода со стороны государства, образовательных организаций и семьи.

Информационная безопасность в самом широком смысле представляет собой состояние защищённости информационной среды, при котором обеспечивается сохранность, целостность и доступность информации, а также защита интересов людей, организаций и государства от негативного информационного воздействия. Это понятие охватывает сразу несколько уровней: технический, на котором речь идёт о защите данных и программного обеспечения; правовой, предполагающий наличие законодательных норм, регулирующих информационные отношения; и социально-психологический, связанный с влиянием информационной среды на сознание и поведение человека. Для понимания информационной безопасности школьников особенно важен именно третий уровень, поскольку дети и подростки наиболее восприимчивы к воздействию контента и способам его подачи в цифровом пространстве.

В российском законодательстве понятие информационной безопасности закреплено в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента от 5.12.2016 года № 646, где под ней понимается состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, обеспечивающее реализацию конституционных прав и свобод, достойное качество и уровень жизни граждан, суверенитет и устойчивое развитие страны. Этот документ закладывает концептуальные основы государственной политики в данной сфере и определяет ключевые направления деятельности органов власти по обеспечению защиты информационного пространства. Помимо этого, правовое регулирование информационной безопасности осуществляется через Федеральный закон об информации, информационных технологиях и о защите информации, Федеральный закон о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, а также ряд подзаконных актов и ведомственных документов [2].

Угрозы информационной безопасности принято делить на несколько групп в зависимости от их природы и источника. Внешние угрозы исходят из цифрового пространства и включают распространение вредоносного программного обеспечения, кибермошенничество, незаконный сбор персональных данных, а также распространение контента, наносящего психологический вред пользователям [3]. Внутренние угрозы связаны с действиями самих пользователей, в том числе с неосторожным обращением с личными данными, неосознанным распространением опасной информации и отсутствием цифровой грамотности. Применительно к школьникам обе группы угроз особенно значимы, поскольку дети зачастую не обладают достаточным уровнем критического мышления и опыта, чтобы самостоятельно распознать ту или иную угрозу и правильно на неё отреагировать.

Отдельного внимания заслуживает понятие информационной безопасности личности, под которой понимается защита психологического состояния, ценностных ориентиров, мировоззрения и поведения человека от деструктивного информационного воздействия. Для несовершеннолетних этот аспект имеет принципиальное значение, поскольку их психика находится в стадии формирования, а потому воздействие агрессивного, манипулятивного или пропагандистского контента может нанести серьёзный и долгосрочный вред их развитию [4]. Исследования в области детской и подростковой психологии подтверждают, что регулярный контакт с негативным цифровым контентом способен формировать искажённую картину мира, провоцировать тревожность, агрессию и снижение социальной адаптации у детей школьного возраста.

Система обеспечения информационной безопасности строится на нескольких взаимосвязанных принципах, без соблюдения которых достижение реальной защищённости невозможно. Принцип законности предполагает, что все меры по защите информации и ограничению доступа к вредоносному контенту должны опираться на действующие нормы права и не нарушать конституционных прав граждан. Принцип комплексности означает, что защита должна осуществляться одновременно на нескольких уровнях и включать технические, правовые, организационные и просветительские меры. Принцип непрерывности требует постоянного мониторинга информационной среды и своевременного реагирования на возникающие угрозы, а не разовых точечных вмешательств. Наконец, принцип соразмерности предполагает, что применяемые ограничения и защитные меры должны быть адекватны реальному уровню угрозы и не должны создавать

избыточных препятствий для законного использования информации [5].

Таким образом, информационная безопасность представляет собой многоуровневое явление, охватывающее технические, правовые и социальные аспекты защиты человека и общества от негативных информационных воздействий. В контексте обеспечения безопасности школьников она приобретает особую значимость, поскольку затрагивает не только вопросы защиты данных, но и охрану психического здоровья, нормального интеллектуального и нравственного развития детей в условиях цифровой среды, которая становится для них всё более привычным пространством жизни и общения.

Следовательно, научный и практический интерес представляет направление информационной безопасности в образовательной среде, которое охватывает несколько самостоятельных, но взаимосвязанных траекторий, каждая из которых имеет собственную природу, собственные инструменты реализации и собственные проблемные точки, однако все они в конечном счёте работают на одну цель: обеспечить детям и педагогам безопасное, контролируемое и педагогически обоснованное пространство для работы с информацией. Рассмотрение каждого вида в отдельности позволяет лучше понять, каким образом они встраиваются в общую логику защиты образовательного процесса.

Первым и наиболее очевидным видом является техническая информационная безопасность, которая связана с защитой цифровой инфраструктуры школы: компьютерного оборудования, локальных сетей, серверов, учётных записей, баз данных с персональными данными учеников и педагогов. В большинстве российских школ этот вид безопасности реализуется через установку антивирусного программного обеспечения, настройку межсетевых экранов, разграничение прав доступа к файлам и папкам, а также через использование систем контентной фильтрации, блокирующих доступ к нежелательным интернет-ресурсам [1]. Проблема состоит в том, что уровень технической защиты в разных школах существенно различается: в крупных городских учреждениях, как правило, имеется системный администратор, который следит за состоянием инфраструктуры, тогда как в небольших сельских школах обслуживание техники нередко возложено на учителя информатики, не имеющего специальной квалификации в области информационной безопасности. Это порождает структурное неравенство в уровне защищённости, и для его преодоления целесообразно предусмотреть централизованную техническую поддержку со стороны муниципальных органов управления образованием, которые могли бы обеспечивать дистанционное администрирование, плановые проверки состояния сетевой инфраструктуры и своевременное обновление программного обеспечения на всех подведомственных объектах. Кроме того, техническая безопасность требует регулярного резервного копирования данных, поскольку потеря электронного журнала или архива личных дел учащихся способна нанести серьёзный ущерб работе учреждения.

Вторым важным видом является правовая информационная безопасность, которая обеспечивает соответствие деятельности школы действующему законодательству в информационной сфере. Здесь речь идёт прежде всего о выполнении требований Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных», Федерального закона № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», а также ряда подзаконных актов, регулирующих порядок хранения и обработки сведений об учащихся. На практике правовая безопасность реализуется через разработку и утверждение локальных нормативных актов школы: политики обработки персональных данных, положения об использовании информационных ресурсов, правил работы с электронными системами. Слабым местом этого направления является то, что многие школы формально выполняют требования закона, размещая на сайте соответствующие документы, но не обеспечивают их реального соблюдения в повседневной практике. Например, согласия родителей на обработку персональных данных собираются, но затем данные передаются сторонним сервисам без должного контроля. Для совершенствования правовой составляющей безопасности рекомендуется проводить ежегодный внутренний аудит соответствия документации актуальным требованиям законодательства, поскольку нормативная база в этой сфере регулярно обновляется и локальные акты, разработанные несколько лет назад, могут уже не отвечать действующим нормам.

Третьим видом выступает организационная информационная безопасность, которая касается выстраивания внутри школы чётких процедур, распределения обязанностей и создания системы контроля за информационной средой. Организационные меры включают назначение ответственного за информационную безопасность, разработку инструкций для педагогов и технического персонала, установление порядка реагирования на инциденты, а также проведение инструктажей и внутреннего обучения. В образовательной организации организационная безопасность нередко

недооценивается, поскольку руководство склонно считать, что технические меры сами по себе достаточны. Между тем именно организационная составляющая создаёт условия, при которых технические средства работают правильно: если педагог не знает, что нельзя открывать подозрительные вложения в электронной почте, никакой антивирус не спасёт от заражения школьного сервера. Совершенствование этого вида безопасности предполагает внедрение практики регулярных учебных тренингов для сотрудников по основам цифровой гигиены, а также создание понятного и доступного регламента действий в случае выявления инцидента, например, при утечке персональных данных или несанкционированном доступе к школьным ресурсам.

Четвёртым видом является психологическая информационная безопасность, направленная на защиту психического состояния школьников от деструктивного воздействия информационной среды. Этот вид безопасности связан с рисками, которые несут в себе кибербуллинг, вовлечение детей в деструктивные сообщества в социальных сетях, распространение контента, пропагандирующего суицид, насилие, экстремизм или расстройства пищевого поведения. В отличие от технических угроз, психологические угрозы значительно труднее поддаются обнаружению и нейтрализации, поскольку ребёнок нередко скрывает от взрослых факт своего участия в опасных коммуникациях. Реализация этого вида безопасности в образовательной среде осуществляется преимущественно через работу школьного психолога, классных руководителей и родителей, а также через включение в учебный план занятий по медиаграмотности и безопасному поведению в сети. Для повышения эффективности психологической защиты целесообразно выстраивать в школе систему раннего выявления признаков вовлечённости детей в деструктивные группы, опираясь не только на наблюдение педагогов, но и на специализированные методики работы школьного психолога, которые позволяют своевременно замечать изменения в поведении учащихся.

Пятым видом является содержательная, или педагогическая, информационная безопасность, которая касается качества и характера информации, используемой в учебном процессе. Этот вид безопасности предполагает, что информация, с которой работают школьники в рамках образовательной деятельности, соответствует их возрасту, педагогически обоснована и не наносит вреда их развитию. Реализуется это направление через отбор учебных материалов, использование проверенных образовательных платформ, контроль за содержанием мультимедийных ресурсов, применяемых на уроках, а также через формирование у учащихся навыков критического анализа информации. Проблема состоит в том, что стремительное развитие цифровых технологий опережает возможности педагогического сообщества по оценке новых инструментов, поэтому учителя нередко используют на уроках приложения и сервисы, которые не проходили никакой педагогической экспертизы. В целях совершенствования этого направления представляется полезным создание на уровне региона или федерации реестра рекомендованных цифровых образовательных ресурсов с указанием возрастных ограничений и методических рекомендаций по их применению, что позволило бы педагогам ориентироваться в многообразии доступных инструментов и осознанно выбирать безопасные и эффективные из них.

Таким образом, информационная безопасность в образовательной среде представляет собой многокомпонентную систему, в которой технические, правовые, организационные, психологические и содержательные элементы взаимодействуют между собой и взаимно дополняют друг друга. Отсутствие хотя бы одного из этих компонентов существенно снижает уровень защищённости школьников, поскольку угрозы в информационной сфере носят комплексный характер и не могут быть нейтрализованы усилиями только одного направления. Именно поэтому организационно-правовые методы должны рассматриваться не в изоляции, а в системной взаимосвязи с иными видами мер, направленных на обеспечение безопасности детей в цифровой среде, что позволяет выстроить по-настоящему устойчивую и работоспособную модель защиты.

Система управления информационной безопасностью в образовательной организации представляет собой совокупность взаимосвязанных элементов, которые в совокупности обеспечивают защиту обучающихся, педагогов и административного персонала от угроз в цифровом пространстве, а также гарантируют сохранность персональных данных, образовательного контента и технической инфраструктуры учреждения. Говоря об этой системе, важно понимать, что она не сводится исключительно к установке антивирусного программного обеспечения или настройке сетевых фильтров, а охватывает значительно более широкий спектр управленческих, педагогических, правовых и технических решений, которые должны функционировать согласованно и на постоянной основе.

Фундаментом всей системы управления информационной безопасностью в образовательном учреждении служит нормативно-правовая база, которая задаёт рамки допустимого и обязательного поведения всех участников образо-

вательного процесса в информационной среде. На уровне школы это выражается в разработке и утверждении внутренних локальных актов, в частности положений об использовании информационных ресурсов, политик доступа к сети интернет, регламентов обработки персональных данных учащихся и сотрудников, а также должностных инструкций для лиц, ответственных за информационную безопасность [5]. Однако на практике нередко встречается ситуация, когда подобные документы формально существуют, но фактически не исполняются, поскольку их содержание устарело, не учитывает реальных технологических условий или просто незнакомо педагогическому коллективу. Для исправления этого положения целесообразно проводить ежегодный аудит внутренней нормативной базы с привлечением специалиста в области информационных технологий и юриста, что позволит своевременно актуализировать документы и привести их в соответствие с действующим законодательством и реальными потребностями школы.

Следующим ключевым элементом системы управления выступает организационная структура, то есть распределение ответственности за информационную безопасность между конкретными людьми внутри учреждения. В большинстве российских школ эта функция возложена на системного администратора, который одновременно занимается технической поддержкой оборудования, настройкой программного обеспечения и обеспечением сетевой безопасности, что создаёт очевидную перегрузку и снижает качество каждого из направлений работы. Более рациональным подходом было бы выделение отдельной должности или хотя бы отдельного функционала для специалиста по информационной безопасности, в обязанности которого входили бы мониторинг угроз, обучение персонала, взаимодействие с контролирующими органами и разработка защитных мер. Помимо этого, в систему управления целесообразно включать заместителя директора по учебно-воспитательной работе, классных руководителей и школьного психолога, поскольку многие угрозы информационной безопасности для детей носят не технический, а психологический и поведенческий характер, и именно педагоги первыми способны заметить признаки вовлечения ребёнка в опасные онлайн-сообщества или факты кибербуллинга.

Техническое обеспечение системы управления информационной безопасностью охватывает весь спектр программных и аппаратных средств, с помощью которых школа защищает свою инфраструктуру и контролирует информационную среду. К таким средствам относятся системы контентной фильтрации, ограничивающие доступ учащихся к нежелательным интернет-ресурсам, межсетевые экраны, предотвращающие несанкционированное проникновение в школьную сеть, системы резервного копирования данных, защищающие от потери информации вследствие технических сбоев или вредоносных атак, а также средства антивирусной защиты на всех рабочих станциях и серверах учреждения. Вместе с тем одной лишь установки этих инструментов недостаточно, поскольку технические средства требуют регулярного обновления, профессиональной настройки и мониторинга их работоспособности. Для повышения эффективности технической составляющей системы управления представляется целесообразным внедрение централизованной системы мониторинга сети, которая позволяла бы в режиме реального времени отслеживать подозрительную активность и оперативно реагировать на инциденты, не дожидаясь их перехода в серьёзную проблему [1].

Не менее важным направлением является работа с персоналом, которая в контексте информационной безопасности предполагает систематическое повышение цифровой грамотности педагогов и технических сотрудников. Значительная часть инцидентов в области информационной безопасности происходит не вследствие изощрённых хакерских атак, а по причине банальной неосторожности пользователей, открывающих фишинговые письма, использующих слабые пароли или подключающих непроверенные устройства к школьной сети. Регулярные тренинги, практические занятия по распознаванию угроз и чёткие инструкции по поведению при возникновении инцидента способны существенно снизить вероятность подобных ошибок. В качестве меры по совершенствованию этого направления можно предложить введение обязательного ежегодного инструктажа по информационной безопасности для всех сотрудников школы с последующей проверкой усвоенных знаний, что позволит не только повысить осведомлённость персонала, но и зафиксировать факт прохождения обучения в документальном порядке.

Отдельного внимания заслуживает работа с учащимися, которая представляет собой один из наиболее сложных и одновременно наиболее значимых элементов системы управления информационной безопасностью в школе. Дети и подростки являются наиболее уязвимой категорией пользователей цифровой среды, поскольку в силу возрастных особенностей они склонны к доверчивости, импульсивному поведению в сети и недооценке реальных рисков онлайн-общения. Формирование у школьников навыков безопасного поведения в интернете должно осуществляться не в форме разовых лекций или запретительных

мер, а в рамках системной образовательной работы, встроенной в учебный процесс и внеурочную деятельность. Для этого целесообразно разработать специализированный курс или модуль по цифровой безопасности, адаптированный для разных возрастных групп, поскольку угрозы и модели поведения младших школьников существенно отличаются от тех, с которыми сталкиваются старшеклассники, и единый подход здесь явно недостаточен [6].

Важнейшей частью системы управления информационной безопасностью является взаимодействие школы с родителями, которые в большинстве случаев не имеют возможности напрямую контролировать поведение детей в интернете и при этом нередко сами обладают недостаточным уровнем цифровой грамотности. Родительские собрания, посвящённые вопросам безопасности детей в сети, информационные буклеты и рекомендации по использованию родительского контроля позволяют вовлечь семью в процесс защиты ребёнка и создать согласованную среду, в которой правила безопасного поведения действуют не только в школе, но и дома. В качестве перспективного направления совершенствования данного элемента системы можно предложить создание закрытого информационного портала или раздела на школьном сайте, где родители могли бы получать актуальные сведения об угрозах, рекомендации специалистов и инструменты для самостоятельного обучения цифровой безопасности.

Управление инцидентами информационной безопасности составляет ещё одну важную подсистему, которая нередко остаётся неразвитой в большинстве школ. Под управлением инцидентами понимается совокупность процедур, определяющих порядок выявления, регистрации, расследования и устранения последствий нарушений в области информационной безопасности, будь то утечка персональных данных, заражение оборудования вредоносным программным обеспечением, несанкционированный доступ к учебным материалам или факт кибербуллинга. Отсутствие чётко описанного алгоритма действий в таких ситуациях приводит к хаотичному реагированию, затягиванию сроков устранения угрозы и невозможности объективно оценить масштаб ущерба. Совершенствование этого направления предполагает разработку и утверждение внутреннего регламента реагирования на инциденты, в котором будут закреплены конкретные роли, сроки и последовательность действий каждого ответственного лица, что позволит действовать организованно даже в условиях стресса и неопределённости.

Наконец, система управления информационной безопасностью не может функционировать эффективно без регулярной оценки её результативности, которая осуществляется посредством внутренних и внешних проверок, анализа статистики инцидентов, мониторинга технического состояния инфраструктуры и изучения уровня осведомлённости участников образовательного процесса. Именно контрольная функция замыкает управленческий цикл и позволяет выявлять слабые места, вносить необходимые коррективы и поддерживать систему в актуальном состоянии.

Для повышения качества этой работы представляется обоснованным привлечение внешних экспертов или специализированных организаций для проведения независимого аудита информационной безопасности школы не реже одного раза в два года, а также внедрение практики самооценки с использованием стандартизированных методик, что создаст условия для постоянного совершенствования всей системы в целом.

Таким образом, процесс обеспечения информационной безопасности в образовательной организации представляет собой многоуровневое явление, охватывающее технические, правовые и социальные аспекты защиты человека и общества от негативных информационных воздействий. В контексте обеспечения безопасности школьников она приобретает особую значимость, поскольку затрагивает не только вопросы защиты данных, но и охрану психического здоровья, нормального интеллектуального и нравственного развития детей в условиях цифровой среды, которая становится для них всё более привычным пространством жизни и общения.

Информационная безопасность в образовательной среде представляет собой многокомпонентную систему, в которой технические, правовые, организационные, психологические и содержательные элементы взаимодействуют между собой и взаимно дополняют друг друга. Отсутствие хотя бы одного из этих компонентов существенно снижает уровень защищённости школьников, поскольку угрозы в информационной сфере носят комплексный характер и не могут быть нейтрализованы усилиями только одного направления. Именно поэтому организационно-правовые методы, которым посвящена настоящая работа, должны рассматриваться не в изоляции, а в системной взаимосвязи с иными видами мер, направленных на обеспечение безопасности детей в цифровой среде, что позволяет выстроить по-настоящему устойчивую и работоспособную модель защиты.

Система управления информационной безопасностью не может функционировать эффективно без регулярной оценки её результативности, которая осуществляется посредством внутренних и внешних проверок, анализа статистики

инцидентов, мониторинга технического состояния инфраструктуры и изучения уровня осведомлённости участников образовательного процесса. Именно контрольная функция замыкает управленческий цикл и позволяет выявлять слабые места, вносить необходимые коррективы и поддерживать систему в актуальном состоянии. Для повышения качества этой работы представляется обоснованным привлечение внешних экспертов или специализированных организаций для проведения независимого аудита информационной безопасности школы не реже одного раза в два года, а также внедрение практики самооценки с использованием стандартизированных методик, что создаст условия для постоянного совершенствования всей системы в целом.

Список литературы:

[1] Барков, А.В., Киселев, А.С. О правовом обеспечении безопасности информационно-телекоммуникационной инфраструктуры банков и государственных структур // Банковское право. 2022. № 4. С. 20 – 27.

[2] Дубень А.К. Международное сотрудничество в сфере информационной безопасности: общая характеристика и российский подход к изучению // Международное право и международные организации. 2022. № 1. С. 24 – 30.

[3] Комплексные решения обеспечения информационной безопасности персональных данных: Учебник / В.Л. Акапьев, А.В. Борисенко, Е.Г. Ковалева, Е.А. Новикова. – Санкт-Петербург: Наукоемкие технологии, 2026. – 110 с.

[4] Дугенец А.С., Павлова Л.В. Государственное регулирование обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних как составляющая национальной безопасности России // Административное право и процесс. 2023. № 5. С. 22 – 25.

[5] Казарин О.В., Шубинский И.Б. Основы информационной безопасности: надежность и безопасность программного обеспечения. М.: Юрайт. 2023. 343 с.

[6] Зенков А.В. Основы информационной безопасности. Учебное пособие. М.: Инфра-Инженерия. 2022. 104 с.

References:

[1] Barkov, A.V., Kiselev, A.S. On the legal security of the information and telecommunication infrastructure of banks and government agencies // Banking Law. 2022. № 4. S. 20-27.

[2] Duben A.K. International cooperation in the field of information security: a general description and the Russian approach to study // International law and international organizations. 2022. № 1. S. 24-30.

[3] Comprehensive solutions for ensuring information security of personal data: Textbook/ V.L. Akapiev, A.V. Borisenko, E.G. Kovaleva, E.A. Novikova. - St. Petersburg: Science-intensive technologies, 2026. - 110 s.

[4] Dugenets A.S., Pavlova L.V. State regulation of ensuring the information security of minors as a component of the national security of Russia // Administrative law and process. 2023. № 5. S. 22-25.

[5] Kazarin O.V., Shubinsky I.B. Fundamentals of information security: reliability and security of software. M.: Yurayt. 2023. 343 pp.

[6] A.V. Zenkov. Fundamentals of Information Security. Tutorial. M.: Infra-Engineering. 2022. 104 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-248-257
Дата принятия рукописи в печать: 11.08.2026 г.

ЗАРИПОВ Шамиль Ришатович,
Старший преподаватель кафедры финансового и административного права Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: zaripovlawyer@mail.ru

ЗАРИПОВ Ришат Усманович,
Старший преподаватель кафедры физической культуры Института природы и человека ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: kafedrafvbgu@yandex.ru

ГАРИФУЛЛИН Руслан Ринатович,
Старший преподаватель кафедры физической культуры Института природы и человека ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: kafedrafvbgu@yandex.ru

ЕРЕМЕЕВ Вячеслав Юрьевич,
Старший преподаватель кафедры физической культуры Института природы и человека ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: kafedrafvbgu@yandex.ru

МАХМУТОВ Ильдар Салаватович,
Старший преподаватель кафедры физической культуры Института природы и человека ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: kafedrafvbgu@yandex.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ КАТЕГОРИЙ ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. *В статье анализируются существующие в юридической науке подходы к определению системообразующих категорий правовых образований (отраслей, подотраслей, институтов права). Рассматриваются концепции аутопойезиса Н. Лумана, правовой инфильтрации О.А. Бастрыкиной, а также критерий дивергенции системных связей и принцип корреспондирующих системных изменений А.А. Головиной. На основе критического анализа делается вывод о необходимости разграничения внешних системообразующих категорий (предмет, метод, принципы) и внутренних (уникальных для каждого правового образования). Предлагается авторский подход к выделению системообразующих категорий, включающий также функции, правовую политику и категорию-результат правового регулирования. Результаты обобщены в таблице, иллюстрирующей предложенный подход на примере различных правовых образований (публичное и частное право, процессуальное, международное, финансовое, уголовное и др.).*

Ключевые слова: *системообразующие категории, правовое образование, методология права, аутопойезис, правовая инфильтрация, дивергенция системных связей, конвергенция системных связей.*

ZARIPOV Shamil Rishatovich,
Senior Lecturer, Department of Financial and Administrative Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

ZARIPOV Rishat Usmanovich,
Senior Lecturer at the Department of Physical Education at the Institute of Nature and Man, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

GARIFULLIN Ruslan Rinatovich,
Senior Lecturer at the Department of Physical Education at the Institute of Nature and Man, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

EREMEEV Vyacheslav Yurievich,
Senior Lecturer at the Department of Physical Education at the Institute of Nature and Man, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

MAHMUTOV Ildar Salavatovich,
Senior Lecturer of the Department of Physical Culture at the Institute of Nature and Man, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

METHODOLOGICAL CONCEPTS FOR DEFINING THE SYSTEM-FORMING CATEGORIES OF LEGAL UNIT

Annotation. *The article analyzes the existing approaches in legal science to defining the system-forming categories of legal units (branches, sub-branches, institutions of law). The concepts of autopoiesis by N. Luhmann, legal infiltration by O.A. Bastrykina, as well as the criterion of divergence of systemic connections and the principle of corresponding systemic changes by A.A. Golovina are examined. Based on a critical analysis, the authors conclude that it is necessary to distinguish between external system-forming categories (subject, method, principles) and internal ones (unique to each legal unit). The authors propose their own approach to identifying system-forming categories, including functions, legal policy, and a result-category of legal regulation. The findings are summarized in a table illustrating the proposed approach for various legal units (public and private law, procedural, international, financial, criminal law, etc.).*

Key words: *system-forming categories, legal unit, legal methodology, autopoiesis, legal infiltration, divergence of systemic connections, convergence of systemic connections.*

В российской научной доктрине неоднократно обсуждались и исследовались системообразующие категории различных отраслей, подотраслей, институтов и иных структурных элементов системы права (с предложения А.А. Головиной [5, с. 34], отрасли, подотрасли и т.д. именуются как «правовые образования»). Также в юридической науке выделяют две общности права - частное право и публичное право [23, с. 168], которые также закономерно имеют свои системообразующие категории, которые с данного исследовательского подхода не исследовались. Исходя из данных обстоятельств, является актуальным исследование доктринального обсуждения и исследования системообразующих категорий правовых образований. Обсуждение системообразующих категорий самостоятельной отрасли системы права - финансового права, происходила на Международной научно-практической конференции 15-16 апреля 2010 г. в г. Харькове [19], а крупное научное исследование проводились в рамках докторского диссертационного исследования и в форме научных публикаций по различным направлениям юридической науки. Так, например, Л.П. Ануфриева в докторском диссертационном исследовании выявляет системообразующие категории международного права и международного частного права: «функции и задачи», «субъект права», «объект правового регулирования», «метод правового регулирования», «принципы», «нормы». Р.Т. Биктагиров выделяет общеправовую категорию системообразующих

категорий правовых образований – субъект права [2, с. 353]. Р.Т. Биктагиров разъясняет это тем, что: «Каждая отрасль (подотрасль) права имеет собственную систему субъектов права» [3, с. 57]. Н.В. Щедрин в самостоятельной отрасли уголовного права отмечает следующие системообразующие категории «преступление» и «наказание», а также выделяет «уголовное деяние» и «уголовное воздействие» [6, с. 5]. Г.С. Шкабин дополняет системообразующие категории уголовного права категорией «вред» [25, с. 62]. А.А. Давлетов раскрывая системообразующие категории уголовного процесса, выделяет следующие: «Цель, задачи, метод, форма являются базовыми, сущностными компонентами уголовного процесса» [7, с. 121]. М.В. Лушникова отмечает: «Дискуссионной проблемой российской науки финансового права, прежде всего общей части финансового права являются – системообразующие категории финансового права» [11, с. 170]. По данным Энциклопедии российского финансового права насчитывается 275 категорий финансового права [6], каждая из которых может претендовать на статус системообразующей категории финансового права. Автор настоящего исследования выделяет системообразующие категории финансового права: «предмет, метод, принципы финансового права и категория «финансы» [8, с. 17]. Н.В. Омелёхина отмечает, что: «бюджетная система государства претендует на отнесение к ключевым, системообразующим категориям финансового права» [18, с. 82]. Б.Д. Нуриев доказывает две системообразующие категории финансового права «свобода выбора» и «социальная справедливость» [17, с. 197]. Ю.А. Крохина раскрывает системообразующие категории бюджетного права, выделив в данной подотрасли финансового права следующие системообразующие категории: «предмет и метод бюджетно-правового регулирования, а также правовые принципы» [9, с. 664]. Ю.А. Головастова в пенитенциарном праве выделяет следующие системообразующие категории подотрасли уголовно-исполнительного права: «предмет, метод, цели и принципы пенитенциарного права» [4, с. 316]. О.В. Цегельник раскрывает системообразующие категории предпринимательского права и системообразующие категории жилищного права, выделив в предпринимательском праве «инвестиции» и «инвестиционный конфликт» [22, с. 664], а в жилищном праве «жилищное правоотношение» и «развитие жилищного права» [21, с. 284]. А.В. Майоров системообразующими категориями противодействия преступности определяет «предупреждение преступности», «профилактика преступности» и «борьба с преступностью» [13, с. 128]. К.В. Маслов, А.С. Матненко системообразующими категориями государственного контроля (надзора) определяют категории «риски» и «угрозы» [14, с. 132]. Произведя сравнительный анализ предлагаемых позиций представителями различных правовых образований системообразующих категорий, мы можем наблюдать отсутствие применение единого теоретико-правового подхода к их определению. Каждый автор, различно интерпретирует сущность системообразующих категорий правового образования, что вызывает серьезную теоретическую проблему в определении научно-обоснованных системообразующих категорий правовых образований.

В зарубежной и отечественной теории права существует различные концепции, подходы, классификации и принципы к определению системообразующих категорий правового образования: 1) Концепция аутопойезиса правовых образований (автономного производства элементов правовой системы) и концепции «структурной связности» (согласованность правового регулирования общественных отношений и системы права) Николаса Лумана; 2) Концепция «правовой инфильтрации» (правовое регулирование объективно существовавших (постфактумное правовое регулирование) и не потенциально существующих (антефактумное правовое регулирование) общественных отношений не имевших раннее нормативно и ненормативных правовых актов и актов высших органов судебной власти их регулирующих) и классификации системообразующих категорий правовых образований (внешних и внутренних категорий правового образования) О.А. Бастрыкиной; 3) Критерий «дивергенции системных связей» (способ обособления отрасли права в системе права) и «принцип корреспондирующих системных связей» (процесс взаимопроникновения одной правовой нормы в различные элементы системы права) А.А. Головиной.

Концепция аутопойезиса [5, с. 27] Николаса Лумана Концепция происходит от понятия, созданного биологами Умберто Матураной и Франциском Варелой для описания способности живых систем к самовоспроизводству и поддержанию своей структуры. Н. Луман адаптировал этот термин для описания социальных систем, включая систему права. Согласно Луману, система права является аутопойетичной: она самостоятельно воспроизводит правила и нормы, посредством правоприменительной деятельности. Это значит, что система права создает себя сама из себя: каждое правовое решение, каждый акт стратегического развития, нормативно-правовой акт, ненормативно-правовой акт и акт высших органов судебной власти не просто следует заранее определенным правовому регулированию, но и вносит вклад в дальнейшее правовое регулирование. Исходя из логического анализа концепции

аутопойезиса правовых образований правовое образование формируется на базе определенных общественных отношений и способе их регулирования, что формально-категориально являются «предмет» и «метод» правового образования. По нашему мнению, в категорию «предмет» также включаются общеправовая категория «субъект права», а также категория «объект права». Аутопойезис в системе права включает в себя циклический процесс, где право применяется к ситуациям с учетом существующих правовых норм, а затем созданные решения становятся частью системы и используются в будущей правоприменительной деятельности. Этот процесс обеспечивает автономию системы права, делая ее оперативно замкнутой: она развивается и изменяется, реагируя на внутренние процессы, а не прямо на внешние воздействия. В то время как внешние факторы (такие как изменения в политической, экономической или социальной сферах) могут влиять на систему права, она выборочно интегрирует эти влияния в соответствии со своими собственными категориями. Так, говоря о внешних факторах, Луман отмечает, что хотя система права является оперативно замкнутой, она не является полностью изолированной от внешнего мира. Внешние влияния, такие как социальные изменения, технологический прогресс или изменения в политическом ландшафте, могут стать «раздражителями» или «стимулами» для системы права. Это не означает, что эти внешние факторы диктуют системе права, как изменяться или развиваться; скорее, система права сама выбирает, как реагировать на эти внешние стимулы на основе своих внутренних структур и механизмов. Система права по своему усмотрению «интерпретирует» внешние воздействия и интегрирует их в собственные операции таким образом, чтобы оставаться согласованной со своими основными принципами и структурой, что в теории права является категорией «принципы» правового образования. Процесс выборочной интеграции позволяет системе права поддерживать свою стабильность и идентичность, одновременно адаптируясь к новым условиям и требованиям. Луман иллюстрирует это через концепцию «структурной связности» (structural coupling), которая описывает, как системы поддерживают постоянную взаимосвязь с окружающей средой, сохраняя при этом свою автономию. В контексте права это может означать, например, адаптацию системы права к новым социальным нормам или технологиям путем разработки новых законов или доктрин, но так, чтобы эти изменения были совместимы с основными принципами системы. То есть, система права в рамках теории аутопойезис правовых образований рассматривается как самодостаточная и саморегулирующаяся, она не является полностью отрезанной от внешнего мира и может реагировать на внешние вызовы, сложным образом адаптируясь к ним. Исходя из представленной концепции, мы можем заметить закономерность влияния внешних факторов в рамках общественных отношений, которые имеют форму определенных категорий, на процесс образования правовых образований. Таким образом, ключевые инновационные категории для определенного исторического этапа являются в дальнейшем в рамках концепции аутопойезис правовых образований системообразующими категориями правового образования, как например, категории «преступление» и «наказание» в генезисе уголовного права (отраженные в Русской Правде и Судебниках XV-XVI веков [10, с. 28]), категория «финансы» в генезисе финансового права («План финансов» М.М. Сперанского 1810 года представлял собой проект кардинальных изменений в области бюджета, кредита и денежного обращения» [6, с. 528]), категории «труд» в генезисе трудового права, категории «информация» в генезисе информационного права и категории «искусственный интеллект» при формировании правового образования «права искусственного интеллекта» и последующем законодательстве об искусственном интеллекте. Ключевой вывод, который можно сделать из концепции автопоэтика правового образования Н. Лумана, заключается в том, что изменения в системе права являются результатом её собственных внутренних событий и механизмов исходя из динамики общественных отношений. Этот подход предоставляет новаторский способ анализа развития системы права.

Концепция «правовой инфильтрации» [1] О.А. Бастрыкиной заключается в процессе, в котором правовое регулирование проникает в новые для системы права общественные отношения, то есть в области жизни или системы, где ранее они не имели места или такого масштабного влияния. Концепция «правовой инфильтрации» тесно связано с теорией правового позитивизма и присущ романо-германской правовой семье, когда правовое регулирование становятся доминирующим способом разрешения социальных вопросов, которые ранее урегулировались через традиции, мораль, религию, нравственность или другие социально-культурные механизмы. В сравнении с концепцией аутопойезиса правовых образований, в концепции «правовой инфильтрации» краеугольную роль играет не «внешние категории правового образования» - предмет, метод и принципы правового образования, а «внутренние категории правового образования», которые потребовали или требуют правового регулирования. На сегодняшний день правовая инфильтрация

проявляется в различных направлениях юриспруденции: бизнес-право; биоправо; геоправо; киберправо; социоправо; техноправо; экоправо; право устойчивого развития общества, бизнеса и государства (ESG). Так, например, по направлению социоправа правовое регулирование дезинформации, ненависти в интернете и защите частной жизни, которые проникают в сферу социальных медиа, влияя на политики и практики компаний, управляющих социальными платформами, и поведение пользователей. По направлению техноправа, правовое регулирование цифровой безопасности, конфиденциальности данных, авторских правах и киберпреступности оказывает значительное влияние на разработку и распространение технологических продуктов и услуг, а также на повседневное пользование интернетом и цифровыми сервисами. По направлению экоправо, правовое регулирование, касающееся окружающей среды, которое может стать всепроникающим, затрагивая широкий спектр секторов, от строительства до транспорта, требуя учёта экологических факторов во многих аспектах экономической деятельности. По направлению право устойчивого развития общества, бизнеса и государства (ESG) правовое регулирование принципов устойчивого развития, защиты окружающей среды и борьбы с изменением климата, которые проникают в различные сектора экономики, требуя от компаний и правительств принятия мер по снижению загрязнения и сохранению природных ресурсов. Правовая инфильтрация с позиции экономических интересов: во-первых, направлено на стимулирование инноваций и новых технологий, через правовое закрепление стандартов и требований, которые способствуют исследованиям и разработкам; во-вторых, влияет на инвестиционный климат, поскольку правовое регулирование, особенно в области защиты инвестиций и корпоративного управления, может влиять на привлекательность страны или региона для иностранных инвесторов, так как чёткое и предсказуемое регулирование способствует привлечению инвестиций, в то время как нестабильное или избыточно строгое регулирование может отталкивать инвесторов; в-третьих, способствует к изменению структуры рынка, например, через поддержку определённых видов деятельности или секторов экономики за счёт государственных заказов, субсидий или льгот. Эти примеры показывают, как правовые нормы и принципы интегрируются в различные области деятельности, формируя правила поведения, стандарты и обязательства для участников этих сфер. Таким образом, на сегодняшний день концепция «правовой инфильтрации» проявляется во внутренних категориях правовых образований, образующиеся из инновационных и технологических общественных отношений. Стоит отметить, что на сегодняшний день большинство инновационных и технологических общественных отношений не приводят к выделению отдельных правовых образований, а преимущественно дополняют предметным содержанием существующие правовые образования, но возможно приведут к новым правовым образованиям, на примере направления киберправа и правовой инфильтрации категории «искусственного интеллекта» появления отрасли права – права искусственного интеллекта. Правовая инфильтрация в этом контексте включает в себя пересмотр и корректировку норм по правам человека, защите данных, интеллектуальной собственности и других областях, чтобы они отражали особенности искусственного интеллекта и соответствующие риски.

А.А. Головина предлагает новаторский критерий «дивергенции системных связей» для определения формирования новых отраслей права, акцентируя внимание на анализе отношений между нормами в пределах различных сфер права. Фундаментом для этого становится изучение глубины связей между правовыми нормами основного (материнской) и производного (дочерней) правового образования. По мнению А.А. Головиной, ключевым моментом для признания отрасли права независимой является наблюдаемая дивергенция системных связей между ними, то есть, отделение и формирование самостоятельной отрасли предполагает разрыв или существенное изменение этих связей. Для анализа степени этих связей А.А. Головина вводит «принцип корреспондирующих системных изменений», утверждая, что наличие интенсивных взаимосвязей между отдельными нормами можно обнаружить через их взаимную зависимость от изменений. Согласно этому принципу, если изменение в одной норме права обязательно влечет за собой изменение в другой, или они обе подчиняются изменениям в рамках общего принципа права, то между данными нормами существует глубокая системная связь. Данный принцип основывается на понимании взаимной обусловленности изменений в правовых нормах. Он подчеркивает, что за наличием интенсивных системных связей стоит потребность норм в синхронных изменениях или адаптации к общим принципам права при их трансформации. Принцип демонстрирует критерий для оценки степени интеграции и взаимодействия между различными нормами и может служить основанием для признания необходимости развития отдельной отрасли права, когда эти связи начинают ослабевать или преобразовываться. «Принцип корреспондирующих системных связей» А.А. Головиной подразумевает, что различные правовые нормы

и институты могут иметь аналогии или соответствия на разных уровнях структуры права или в разных элементах системы права. Принцип корреспондирующих системных связей в отличии от критерия «дивергенции системных связей» является функционально подходящим способом по выявлению системообразующих категорий правового образования, так как выполняет функцию по поиску объединяющих элементов в правовом образовании, обеспечивая его системность по формированию целостности в форме определенного правового образования. А поскольку критерий «дивергенция системных связей» применяется с целью разграничения и дифференциации правовых образований и обоснования уникальности отдельной отрасли права, то в рамках противоположного подхода «конвергенции системных связей» в правовом образовании, целью является поиск взаимосвязанных и объединяющих связей, обличенных в форме системообразующих категорий правового образования. По нашему мнению, поиск системообразующих категорий правового образования заключается в выявлении конвергенции системных связей категории правового образования в системе права, что доказывается принципом корреспондирующих системных изменений.

Подводя итог анализу концепций и ранее проведенного анализа научных публикаций, внешними системообразующими категориями правового образования являются предмет, метод и принципы правового образования, а внутренние системообразующие категории правового образования являются всегда уникальными категориями.

Возвращаясь к обзорной части настоящего исследования, где мы рассматривали все существующие позиции научной доктрины о системообразующих категориях правового образования, на основании выделенного подхода к определению системообразующих категорий правового образования, мы предлагаем на научное обозрение следующее понимание системообразующих категорий правовых образований – Таблица 1.

Правовое образование	Уровень системы и структуры права	Системообразующие категории правового образования, выделяемые научной доктриной.	Системообразующие категории правового образования, основываясь на авторском подходе по их выделению.
Публичное право	Правовая общность и интеграл права	Предмет и метод [12, с. 15].	Предмет, функции, метод, принципы, правовая политика и категория «публичный интерес» (на основании теории интереса) как результат-достижение правового регулирования публичных отношений
Частное право.	Правовая общность и интеграл права	Предмет и метод.	Предмет, функции, метод, принципы, правовая политика и категория «частный интерес» (на основании теории интереса) как результат-достижение правового регулирования частных отношений
Процессуальное право (с позиции В.П. Мозолина [15]).	Ветвь права и подинтеграл права	Предмет и тип правоотношения.	Предмет, функции, метод, принципы, правовая политика и категория «процесс» (с позиции В.Д. Сорокина [20]) как результат-достижение правового регулирования процессуальных отношений
Международное право	Отрасль права	Функции и задачи, субъект права, объект правового регулирования, ме-	Предмет, функции, метод, принципы, правовая политика и правосубъектность

		тод правового регулирования, принципы, нормы.	субъекта права (иностранный элемент) как результат-достижение правового регулирования международных отношений
Финансовое право	Отрасль права	Предмет, метод, принципы, финансы, бюджетная деятельность государства, свобода выбора и социальная справедливость.	Предмет, функции, метод, принципы, правовая политика и категория финансы как результат-достижение финансово-правового регулирования
Уголовное право	Отрасль права	Преступление, наказание, уголовное деяние, уголовное воздействие, вред.	Предмет, функции, метод, принципы, правовая политика и категории квалификация преступления и назначение наказания как результат-достижение правового регулирования
Уголовный процесс	Отрасль права	Цель, задачи, метод и форма.	Предмет, функции, метод, принципы, правовая политика и категория «назначение» [16] как результат-достижение правового регулирования
Предпринимательское право	Доктринальная неопределенность	Инвестиции и инвестиционный конфликт	Предмет, функции, метод, принципы, правовая политика и категория предпринимательство как результат-достижение правового регулирования
Жилищное право	Подотрасль права	Жилищное правоотношение и развитие жилищного права.	Предмет, функции, метод, принципы, правовая политика и категория жилище как результат-достижение правового регулирования
Бюджетное право	Подотрасль права.	Предмет, метод и принципы.	Предмет, функции, метод, принципы, правовая политика и категория бюджет как результат-достижение правового регулирования
Пенитенциарное право	Подотрасль права	Предмет, метод, цели и принципы.	Предмет, функции, метод, принципы, правовая политика и категория исполнение наказания как результат-достижение правового регулирования
Противодействие преступности	Институт права	Предупреждение преступности, профилактика преступности и борьба с преступностью.	Предмет, функции, метод, принципы, правовая политика и категории «предупреждение преступности», «профилактика преступности» и «борьба с преступностью» как ре-

			зультат-достижение правового регулирования
Государственный контроль (надзор)	Институт права	Риски и угрозы.	Предмет, функции, метод, принципы, правовая политика и категории «контроль» и «надзор» как результат-достижение правового регулирования

Таблица 1.

Подводя итог исследованию, мы считаем, что предложенный теоретико-правовой подход к определению системообразующих категорий правовых образований, несомненно, подлежит научному анализу и критике, что будет возможно после опубликования монографии «Системообразующие категории финансового права» в рамках пояснение методологических основ системного подхода и теории функциональных систем в методологии юридической науки и применения методической модели на отрасли российской системы права – финансовом праве.

Список литературы:

[1] Бастрыкина О.А. Системообразующие связи внутреннего содержания права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 32 с.

[2] Биктагиров Р.Т. Субъект права как общеправовая категория // Право и политика. 2009. № 2. С. 353-357.

[3] Биктагиров Р.Т. Субъект права как опорная категория юриспруденции // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 2. С. 46-63.

[4] Головастова Ю. А. Системообразующие категории пенитенциарного права // Евразийский юридический журнал. 2020. № 11(150). С. 316-319.

[5] Головина А.А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 34 с.

[6] Грачева Е.Ю., Артюхина Р.Е. Энциклопедия российского финансового права // М.: Проспект. 2024. 928 с.

[7] Давлетов А. А. Системообразующие элементы уголовного судопроизводства // Российский юридический журнал. 2012. № 5(86). С. 114-123.

[8] Зарипов Ш.Р. Понятие, признаки и сущность системообразующих категорий отрасли права, на примере системообразующих категорий финансового права // Вопросы российской юстиции. № 31. 2024. С. 8-19.

[9] Крохина Ю.А. Системообразующие категории бюджетного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 5(244). С. 61-67.

[10] Лоба В.Е. Понимание преступления и наказания по Судебникам XV-XVI веков // Философия права. № 5 (72). 2015. С. 28-33.

[11] Лушникова М.В., Лушников А.М. Российская школа финансового права: портреты на фоне времени: монография // ЯрГУ. Ярославль, 2013. 800 с.

[12] Лященко А.Ю. Метод и предмет правового регулирования как критерии деления права на частное и публичное // Вопросы российской юстиции. № 30. 2024. С. 8-17.

[13] Майоров А.В. Противодействие преступности — приоритетное направление в уголовной политике государства // Вопросы современной юриспруденции. № 34. 2014. С. 128-132.

[14] Маслов К.В., Матненко А.С. Риски и угрозы как системообразующие категории государственного контроля (надзора) // Правоприменение. № 5 (2). 2021. С. 132-144.

[15] Мозолин В.П. Система российского права: (Доклад на Всероссийской конференции 14 ноября 2001 г.) // Государство и право. 2003. № 1. С. 107-113.

[16] Наумов К.А. Цели и задачи (назначение) уголовного процесса // Сибирское юридическое обозрение. № 17 (3). 2020. С. 386-393.

[17] Нуриев Б. Д. Проблема выявления системообразующей категории науки финансового права // Российская и мировая наука: новые вызовы и поиски их решений : сборник научных трудов международной научно-практической конференции, Москва, 25–28 ноября 2018 года. ЧОУ ВО «Академия управления и производства». М.: ООО «НИЦ АРТ». 2018. С. 197-207.

[18] Омелёхина Н.В. Бюджетная система Российской Федерации в системе институтов финансовой безопасности государства // Журнал российского права. № 7 (247). 2017. С. 81-93.

[19] Системообразующие категории в финансовом праве: состояние и перспективы трансформации // Материалы международной научно-практической конференции. г. Харьков. 15-16 апреля 2010 г. 224 с.

[20] Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод и процесс (макроуровень) // Спб.: Юридический центр Пресс. 2004. 661 с.

[21] Цегельник О.В. Системообразующие категории жилищного права Республики Бела-

русь // Правоприменение в публичном и частном праве : материалы Международной научной конференции, Омск, 25–26 марта 2022 года. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2022. С. 281-284.

[22] Цегельник О.В. Системообразующие категории предпринимательского права // Верховенство права: человек в государстве: Сборник научных статей, докладов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ижевск, 24 октября 2019 года. Ижевск: Ижевский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)». 2019. С. 664-668.

[23] Честнов И.Л. Критерии выделения общностей права // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 7 (21-1). 2006. 168-173.

[24] Шкабин Г.С. Вред в уголовном праве: виды и правовое регулирование // Lex Russica. № 8 (117). 2016. С. 62-80.

[25] Щедрин Н.В. Основные направления реформирования системы мер уголовного воздействия: опыт законодательного проектирования // Всероссийский криминологический журнал. № 2. 2012. С. 5-13.

References:

[1] Bastrykina O.A. System-forming relations of the internal content of law: author. dis.... cand. jurid. sciences. Volgograd, 2006. 32 c.

[2] Biktagirov R.T. Subject of law as a general legal category // Law and politics. 2009. № 2. S. 353-357.

[3] Biktagirov R.T. Subject of law as a reference category of jurisprudence // Citizen. Elections. Power. 2018. № 2. S. 46-63.

[4] Golovastova Yu. A. System-forming categories of penitentiary law // Eurasian Law Journal. 2020. № 11(150). S. 316-319.

[5] Golovina A.A. Criteria for the formation of independent industries in the system of Russian law: abstract. dis.... cand. jurid. sciences. M., 2012. 34 pp.

[6] Gracheva E.Yu., Artyukhina R.E. Encyclopedia of Russian Financial Law // M.: Prospect. 2024. 928 pp.

[7] Davletov A. A. System-forming elements of criminal proceedings // Russian Law Journal. 2012. № 5(86). S. 114-123.

[8] Zaripov Sh. R. The concept, characteristics and essence of the backbone categories of the branch of law, using the example of the backbone categories of financial law // Issues of Russian justice. № 31. 2024. S. 8-19.

[9] Krokhina Yu.A. System-forming categories of budget law // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2002. № 5(244). S. 61-67.

[10] Loba V.E. Understanding the crime and punishment according to the Judicial books of the XV-XVI centuries // Philosophy of law. № 5 (72). 2015. S. 28-33.

[11] Lushnikova M.V., Lushnikov A.M. Russian School of Financial Law: portraits against the background of time: monograph // YSU. Yaroslavl, 2013. 800 s.

[12] Lyashchenko A.Yu. Method and subject of legal regulation as criteria for dividing the law into private and public // Issues of Russian justice. № 30. 2024. S. 8-17.

[13] Mayorov A.V. Countering crime is a priority in the criminal policy of the state // Issues of modern jurisprudence. № 34. 2014. S. 128-132.

[14] Maslov K.V., Matnenko A.S. Risks and threats as backbone categories of state control (supervision) // Enforcement. № 5 (2). 2021. S. 132-144.

[15] V.P. Mozolin. The system of Russian law: (Report at the All-Russian Conference on November 14, 2001) // State and law. 2003. № 1. C. 107-113.

[16] Naumov K.A. Goals and objectives (purpose) of the criminal process // Siberian Legal Review. № 17 (3). 2020. S. 386-393.

[17] Nuriev B. D. The problem of identifying the backbone category of the science of financial law // Russian and world science: new challenges and the search for their solutions: a collection of scientific works of an international scientific and practical conference, Moscow, November 25-28, 2018. PEI HE "Academy of Management and Production." M.: LLC "SIC ART." 2018. S. 197-207.

[18] Omelyokhina N.V. The budgetary system of the Russian Federation in the system of financial security institutions of the state // Journal of Russian Law. № 7 (247). 2017. S. 81-93.

[19] Backbone categories in financial law: the state and prospects of transformation // Materials of the international scientific-practical conference. Kharkov. April 15-16, 2010 224 c.

[20] V.D. Sorokin. Legal regulation: subject, method and process (macro-level) // St. Petersburg: Legal Center Press. 2004. 661 pp.

[21] Tsegelnik O.V. System-forming categories of housing law of the Republic of Belarus // Law enforcement in public and private law: materials of the International Scientific Conference, Omsk, March 25-26, 2022. Omsk: Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, 2022. PP. 281-284.

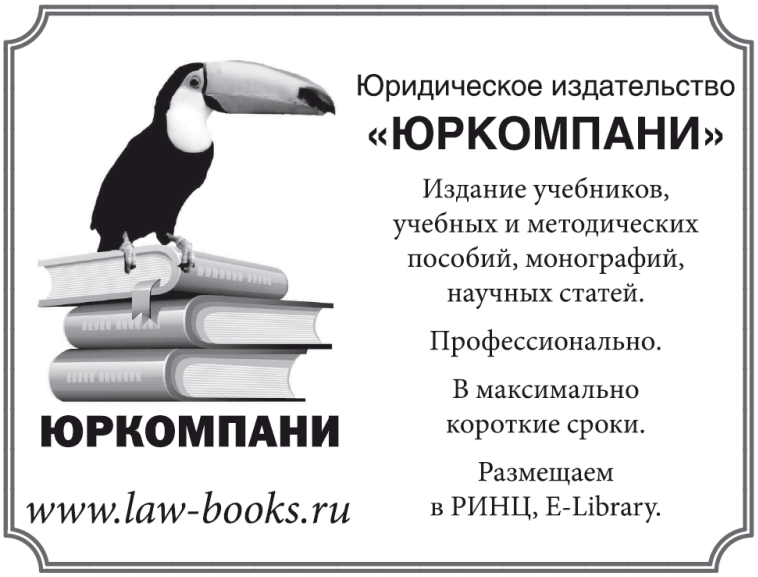
[22] Tsegelnik O.V. System-forming categories of business law // Rule of law: a person in the state: Collection of scientific articles, reports of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Izhevsk, October 24, 2019. Izhevsk: Izhevsk Institute (branch) of the Federal

State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)." 2019. S. 664-668.

[23] Chestnov I.L. Criteria for the allocation of generalities of law // News of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. № 7 (21-1). 2006. 168-173.

[24] Shkabin G.S. Harm in criminal law: types and legal regulation // Lex Russica. № 8 (117). 2016. S. 62-80.

[25] Shchedrin N.V. The main directions of reforming the system of criminal measures: experience in legislative design // All-Russian Criminological Journal. № 2. 2012. S. 5-13.



Дата поступления рукописи в редакцию: 22.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-258-262
Дата принятия рукописи в печать: 31.08.2026 г.

ПЕГАНОВА Юлия Александровна,
кандидат юридических наук, начальник отдела организации научной работы, преподаватель кафедры публично-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
ORCID ID 0000-0002-0420-8242,
e-mail: ya.peganova@mail.ru

ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. *В статье представлены результаты авторского социологического исследования уровня сформированности эколого-правового сознания молодежи Вологодской области. Анкетирование 382 респондентов в возрасте 14–25 лет выявило противоречие: высокая обеспокоенность экологическими проблемами (94% считают, что молодежь должна играть ведущую роль в их решении) соседствует с дефицитом инструментальных правовых знаний (лишь 50,5% уверенно знают свои права). В терминах структуры правосознания это означает доминирование правовой психологии над правовой идеологией. На основе эмпирических данных обосновывается необходимость перехода от просветительских лекций к практико-ориентированным форматам работы, преимущественно в цифровой среде. Научная новизна работы состоит в том, что впервые на репрезентативных данных по Вологодской области выявлены структурные диспропорции в эколого-правовом сознании молодежи и предложены адресные механизмы их преодоления.*

Ключевые слова: *эколого-правовое сознание, молодежь, правовое просвещение, экологическое управление, социологический опрос, Вологодская область.*

PEGANOVA Yulia Alexandrovna,
Candidate of Sciences (Law), Head of the Department for Organization of Research Work, Lecturer of the Department of Public Law Sciences, North-West Institute (Branch) of the O.E. Kutafin University (MSLA)

ENVIRONMENTAL AND LEGAL CONSCIOUSNESS OF YOUTH: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS AND PROSPECTS FOR LEGAL EDUCATION (A CASE STUDY OF THE VOLOGDA REGION)

Annotation. *The article presents the results of the author's sociological study of the level of formation of environmental and legal consciousness among the youth of the Vologda Region. A survey of 382 respondents aged 14–25 revealed a contradiction: high concern about environmental problems (94% believe that youth should play a leading role in solving them) coexists with a deficit of instrumental legal knowledge (only 50.5% confidently know their rights). In terms of the structure of legal consciousness, this means the dominance of legal psychology over legal ideology. Based on empirical data, the necessity of transition from educational lectures to practice-oriented formats of work, mainly in the digital environment, is substantiated. The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time, based on representative data from the Vologda Region, structural disproportions in the environmental and legal consciousness of youth are identified and targeted mechanisms for overcoming them are proposed.*

Key words: *environmental and legal consciousness, youth, legal education, environmental management, sociological survey, Vologda Region.*

Введение.

Вологодская область, как и многие регионы Северо-Запада России, сталкивается с комплексом экологических проблем: от загрязнения атмосферного воздуха в промышленных центрах до сохранения лесных и водных ресурсов. Решение этих задач невозможно без участия граждан, и в первую очередь – молодежи, которая составляет наиболее активную социальную группу. Однако потенциал этого участия напрямую зависит от того, насколько у молодых людей сформировано эколого-правовое сознание.

В юридической науке под эколого-правовым сознанием понимают систему эколого-правовых взглядов, идей, представлений о правовом регулировании экологических отношений, а также оценок и чувств, выражающих отношение общества к действующим эколого-правовым нормам и к самой природе как объекту правовой охраны [10, с. 153].

Конституция РФ в ст. 42 закрепляет право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением [11]; ст. 58 Конституции РФ устанавливает обязанность каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам [11]. Эти конституционные положения образуют нормативную основу эколого-правового сознания. Вопросы природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности отнесены ст. 72 Конституции РФ к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов [11].

Исследователи обоснованно отмечают, что сформированность этого сознания проявляется не только в знании законов, но и в ответственном, экологически сообразном поведении личности [2]. Теория правосознания традиционно выделяет в его структуре два взаимосвязанных элемента: правовую психологию (эмоции, чувства, переживания, стереотипы) и правовую идеологию (систематизированные знания, теории, концепции о праве) [1; 3]. Применительно к экологической сфере это означает, что у личности могут быть одновременно сформированы эмоциональная обеспокоенность состоянием природы (психология) и дефицит четких знаний о механизмах защиты экологических прав (идеология). Именно этот разрыв, на наш взгляд, является ключевой проблемой современного эколого-правового просвещения молодежи.

Центральное место в системе экологического законодательства занимает Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [12], который определяет правовые основы государственной политики в области охраны окружающей среды, обеспечивающие сбалансированное решение социально-экономических задач, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов.

Государственная политика в сфере экологической безопасности определена в Стратегии экологической безопасности [14], которая в числе внутренних вызовов экологической безопасности называет «низкий уровень экологического образования и экологической культуры населения», что напрямую коррелирует с проблематикой настоящего исследования. В сфере молодежной политики Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» в ст. 6 относит к основным направлениям относит «формирование у молодежи экологической культуры и экологически ответственного мировоззрения» [13].

Проблематика формирования эколого-правовой культуры активно разрабатывается в отечественной науке [4; 5; 8, 9]. Вместе с тем, как справедливо отмечает С.И. Коданева, экологическое образование не должно сводиться к простой передаче знаний об окружающем мире, поскольку такой подход не формирует ценностных установок, опыта и привычек экологически ответственного поведения [7, с. 29]. Однако до сих пор большинство исследований носят либо теоретический, либо общепедагогический характер. Региональных эмпирических работ, которые бы на репрезентативных данных диагностировали именно правовую компоненту экологического сознания молодежи, крайне мало.

Настоящее исследование, проведенное в январе–апреле 2025, призвано восполнить этот пробел. Цель работы: на основе данных социологического опроса выявить структурные особенности эколого-правового сознания студенческой молодежи Вологодской области и определить приоритетные направления совершенствования правового просвещения в регионе.

Методология исследования.

Методологическая база работы опирается на структурно-функциональный подход к анализу правосознания, в рамках которого выделяются знаниевый, эмоционально-оценочный и поведенческий компоненты. Для эмпирической диагностики этих компонентов был применен метод массового анкетирования. Анкета включала блоки вопросов, направленных на выявление: а) уровня информированности об экологических правах; б) эмоционального отношения к экологическим проблемам и правовым механизмам их решения; в) реального участия в экологических инициативах.

Респондентами выступила молодежь в воз-

расте от 14 до 25 лет – обучающиеся образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования, расположенных в городах Вологда и Череповец. Выборка составила 382 человека, что обеспечивает репрезентативность для данного типа социологических исследований в региональном масштабе.

Результаты исследования.

Полученные данные позволяют зафиксировать несколько устойчивых тенденций, часть из которых вполне ожидаема, а часть вступает в противоречие с распространенными представлениями о высокой правовой культуре молодежи.

1. Знаниевый (когнитивный) компонент: осведомленность есть, но поверхностная. Большинство респондентов (50,5%) уверенно заявляют, что знают свои экологические права, закрепленные в Конституции РФ. Еще 31,4% имеют общее представление. Казалось бы, это высокий показатель. Однако, когда мы задали вопрос о конкретном механизме защиты этих прав, картина изменилась: лишь 38% точно знают, куда обращаться в случае нарушения, а 32% (22,3% не уверены и 9,7% совсем не знают) не имеют четкого алгоритма действий. Это тревожный симптом: знание о праве не переходит в знание о способах его реализации.

2. Эмоционально-оценочный компонент: запрос на жесткие меры. Здесь фиксируется явная обеспокоенность. 85,3% опрошенных считают, что государство должно ужесточить наказание за экологические правонарушения (47,1% – "скорее должно", 38,2% – "определенно должно"). По нашему мнению, этот запрос отражает не только реальную тревогу за состояние природы, но и определенное правовое инфантилизм: молодежь склонна перекладывать ответственность на государство, ожидая репрессивных мер, а не собственных активных действий. Показательно, что право на участие в принятии экологических решений, закрепленное в Конституции, считает наиболее важным лишь 11,3% респондентов. Для сравнения: право на благоприятную среду назвали таковым 50%.

3. Поведенческий компонент. На словах молодежь демонстрирует готовность к изменениям: 90,3% готовы изменить образ жизни ради сохранения природы (из них 44,5% – на значительные изменения). Однако, когда мы спросили о конкретных практиках, выяснилось: 72% респондентов считают бережное отношение к природе наиболее важным действием (пассивная позиция), и только 2% – участие в экологических акциях (активная позиция). При этом 62,8% заявляют об участии в экологических движениях, но, как показали глубинные комментарии (в открытых вопросах), это участие чаще всего сводится к разовым субботникам в рамках учебных заведений, а не к системной работе или влиянию на управленческие решения.

4. Каналы получения информации: цифровой провал традиционного просвещения. На вопрос об эффективных способах получения экологической информации 66% назвали СМИ и интернет, и лишь 22,8% образовательные учреждения. 63,6% респондентов прямо указали, что социальные сети являются для них основным источником таких сведений. Этот результат ставит под сомнение эффективность существующих форм правового просвещения, которые по-прежнему строятся на лекционных и классно-урочных форматах.

Анализ результатов.

Представленные данные, на наш взгляд, позволяют говорить не просто о недостаточной осведомленности молодежи, а о качественном перекосе в структуре их эколого-правового сознания.

В терминологии теории правосознания можно утверждать, что элемент правовой психологии (эмоциональная тревога, возмущение нарушениями, запрос на справедливость) у вологодской молодежи доминирует. В то же время элемент правовой идеологии (системные знания о нормах права, процессуальных механизмах, способах легального влияния на принятие решений) остается крайне слабым. Это порождает парадокс: молодые люди готовы менять мир, но не знают, как это делать легально и системно.

Наши данные в целом согласуются с результатами исследования студенческой молодежи Ивановской области, где также был зафиксирован низкий уровень знаний о механизмах защиты прав и мнение о несовершенстве законодательства [6]. Однако упомянутое исследование акцентировало внимание на том, что «студенты обладают не высоким уровнем правовой культуры, ощущают потребность в знаниях, но сами не всегда готовы следовать закону в поведении» [6, с. 192]. Мы же предлагаем дополнительную интерпретацию: проблема не только в том, что недостаточно учат, но и в том, что учат не по тем каналам и не теми методами. Поскольку 63,6% респондентов признают соцсети основным источником информации, традиционные образовательные институты проигрывают цифровой среде в борьбе за внимание молодежи.

В полемике с исследователями, которые основной упор делают на совершенствование законодательства и ужесточение санкций (например, в работах по эффективности правопорядка), наши результаты показывают: без одновременной работы над правовой идеологией молодежи репрессивные меры не приведут к росту экологической ответственности. Запрос на ужесточение

(85,3%) при незнании механизмов защиты (32%) – это запрос на то, чтобы за них все сделало государство, а не на то, чтобы они сами стали субъектами экологического управления.

Кроме того, мы солидарны с позицией Е.Г. Негодаевой, которая подчеркивает, что экологическая культура не формируется только образовательными подходами, она требует нравственного подхода, т.е. воздействия и на разум, и на чувства [8]. Однако наши данные конкретизируют этот тезис: в цифровую эпоху воздействие на чувства уже эффективно осуществляется через социальные сети и медиа (именно там фиксируется высокая эмоциональная вовлеченность), а вот воздействие на разум – передача системных правовых знаний – остается прерогативой устаревших лекционных форматов. Разрыв между этими двумя сферами и порождает описанную выше дихотомию.

Выводы.

Ключевой вывод исследования: эколого-правовое сознание студенческой молодежи Вологодской области структурно деформировано. При сформированной (за счет медиа) правовой психологии наблюдается устойчивый дефицит правовой идеологии – системных знаний о праве и механизмах его применения. Этот разрыв становится главным барьером для реального участия молодежи в экологическом управлении.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые на эмпирическом материале по Вологодской области диагностирован не просто недостаток знаний, а именно структурный перекос в сознании, и обоснованы адресные рекомендации, учитывающие этот перекос.

На основе результатов исследования можно предложить следующие рекомендации для региональных органов власти и образовательных организаций:

1. Смена каналов. Учитывая, что 66% молодежи получают информацию через интернет, необходимо создание специализированных цифровых ресурсов – не просто сайтов, а аккаунтов в социальных сетях с кейсами, инфографикой и короткими видео о механизмах защиты экологических прав.

2. Внедрение новых форматов. Заменить абстрактные лекции о нормах права на практико-ориентированные занятия: деловые игры «Как подать жалобу на нарушение?2, тренинги по составлению обращений в контролирующие органы, моделирование участия в общественных слушаниях. Именно такие форматы, по нашему мнению, способны преодолеть разрыв между эмоциональной готовностью и инструментальным бессилием.

3. Интеграция в образовательные стандарты. Представляется необходимым введение в программы вузов и колледжей специальных модулей по экологическому праву с фокусом на практические алгоритмы действий, а не только на теорию.

Предложенный комплекс мер, на наш взгляд, позволит сбалансировать элементы правовой психологии и правовой идеологии, превратив декларируемую готовность молодежи в реальные действия по охране природы Вологодской области и других регионов.

Список литературы:

[1] Алексеев С.С. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов. М., 1998. С. 278.

[2] Васильчук Ю.В., Яковлева Н.Г. Экологическое просвещение как фактор формирования правовой культуры молодежи // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 1(65). – С. 99-108.

[3] Венгеров А.Б. Теория государства и прав: учебник для юридических вузов. 3-е издание. М., 2000. С.492.

[4] Виноградова Е.В. Конституционные приоритеты экологического образования и воспитания экологической культуры – инвестиции в будущее России // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 3. – С. 199–206.

[5] Жаворонкова Н.Г. Доктрина экологического права: теоретико-методологические проблемы / Н.Г. Жаворонкова, Ю.Г. Шпаковский // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2022. – № 5 (93). – С. 26–45.

[6] Киселева Т.В. Правовая культура студенческой молодежи // Состояние и перспективы развития электро- и теплотехнологии (XIX Бенардосовские чтения) : Материалы Международной научно-технической конференции, посвященной 175-летию со дня рождения Н.Н. Бенардоса, Иваново, 31 мая – 02 2017 года. Том I. – Иваново: Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина, 2017. – С. 189-192.

[7] Коданева С.И. Роль экологического правосознания в формировании экологической культуры населения России // Московский юридический журнал. – 2023. – № 3. – С. 24-31.

[8] Негодаева Е.Г. Философско-правовые аспекты формирования экологической культуры // Философия права. – 2022. – № 4. – С. 128–133.

[9] Федорова О.Б. Особенности формирования эколого-правового сознания девиантных подростков // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – 12. – С. 353-356.

[10] Шеяфетдинова Н.А. Специфика эколого-правового сознания как фактора, способствующего решению экологической проблемы // Общество и право. – 2003. – № 1. – С. 152-157.

[11] Конституция Российской Федерации

(принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный портал правовой информации России. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 17.08.2026).

[12] Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. - 14.01.2002. - № 2. - Ст. 133.

[13] Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 04.01.2021. № 1 (часть I). - Ст. 28.

[14] Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. - 24.04.2017. - № 17. - Ст. 2546.

References:

[1] Alekseev S.S. Theory of State and Law. Textbook for Law Schools. Moscow, 1998. P. 278.

[2] Vasilchuk Yu.V., Yakovleva N.G. Environmental Education as a Factor in the Formation of the Legal Culture of Young People // Bulletin of Tver State University. Series: Law. - 2021. - No. 1 (65). - P. 99-108.

[3] Vengerov A.B. Theory of State and Law: Textbook for Law Schools. 3rd edition. Moscow, 2000. P. 492.

[4] Vinogradova E.V. Constitutional Priorities of Environmental Education and Fostering Environmental Culture - Investments in the Future of Russia // Legal Policy and Legal Life. - 2022. - No. 3. - P. 199-206.

[5] Zhavoronkova N.G. The Doctrine of Environmental Law: Theoretical and Methodological Problems / N.G. Zhavoronkova, Yu.G. Shpakovsky // Bulletin of the O.E. Kutafin University. - 2022. - No. 5 (93). - P. 26-45.

[6] Kiseleva T.V. Legal Culture of Student Youth // The State and Prospects of Development of Electrical and Heat Technology (XIX Benardos Readings): Proceedings of the International Scientific and Technical Conference dedicated to the 175th Anniversary of the Birth of N.N. Benardos, Ivanovo, May 31 - February 2, 2017. Volume I. - Ivanovo: Ivanovo State Power Engineering University named after V.I. Lenin, 2017. - P. 189-192.

[7] Kodaneva S.I. The Role of Environmental Legal Awareness in the Formation of the Environmental Culture of the Population of Russia // Moscow Law Journal. - 2023. - No. 3. - P. 24-31.

[8] Negodaeva E.G. Philosophical and Legal Aspects of the Formation of Environmental Culture // Philosophy of Law. - 2022. - No. 4. - P. 128-133.

[9] Fedorova O.B. Features of the Formation of Environmental and Legal Consciousness of Deviant Adolescents // Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. - 2022. - 12. - P. 353-356.

[10] Sheyafetdinova N.A. Specifics of Environmental and Legal Consciousness as a Factor Contributing to the Solution of Environmental Problems // Society and Law. - 2003. - No. 1. - P. 152-157.

[11] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official portal of legal information of Russia. URL: http://pravo.gov.ru (date of access: 17.08.2026).

[12] Federal Law of 10.01.2002 No. 7-FZ "On Environmental Protection" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 14.01.2002. - No. 2. - Art. 133.

[13] Federal Law of 30.12.2020 No. 489-FZ "On Youth Policy in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 04.01.2021. No. 1 (Part I). - Art. 28.

[14] Decree of the President of the Russian Federation of 19.04.2017 No. 176 "On the Strategy for Environmental Security of the Russian Federation for the Period up to 2025" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 24.04.2017. - No. 17. - Art. 2546.

- ИННОВАЦИИ В МИРЕ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-263-266
Дата принятия рукописи в печать: 04.08.2026 г.

БОГДАНОВА Елизавета Александровна,
студентка международно-правового факультета Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации", член молодежного комитета Ассоциации морского права Young RUMLA, Россия, г. Москва,
e-mail: mail@law-books.ru

ИСЛАМСКОЕ ПЕРЕСТРАХОВАНИЕ РЕТАКАФУЛ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТИТУТА

Аннотация. *Статья посвящена институту исламского перестрахования ретакафул. Автор раскрывает основные черты института, механизм его действия, соотношение исламского правового конструкта и классического перестрахования. Через призму сравнительно-правового анализа демонстрируется специфика исламской перестраховочной модели и ее роль в арабском правовом поле.*

Ключевые слова: *перестрахование; исламское право; ретакафул.*

BOGDANOVA Elizaveta Aleksandrovna,
Student, faculty of international law, the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Young RUMLA associate, Russia, Moscow

ISLAMIC REINSURANCE RETAKAFUL: GENERAL CONCEPT OF THE INSTITUTE

Annotation. *The article deals with the Islamic reinsurance retakaful. The author explores the main features of the institute, its operating mechanism, and correlation between the Islamic legal construct and conventional reinsurance. With reference to a comparative legal analysis, the particularity of Islamic reinsurance model and its role in the Arab legal framework are demonstrated.*

Key words: *reinsurance, islamic law, retakaful.*

В арабском мире параллельно существуют две модели перестрахования: классическая западная модель перестрахования (и`адат таамин от араб. إعادة التأمين, дословно «страхование снова») и традиционная исламская модель ретакафула (и`адат такафул от араб. إعادة التكافل). Классическая модель перестрахования является светской и, как правило, представляет собой результат заимствования существующего регулирования либо из континентальной системы, либо из общего права в зависимости от конкретной арабской юрисдикции. Вторая модель, ретакафул, основана на исламском праве и опирается на религиозные нормы.

Возникновение ретакафула обусловлено характерной для исламского права особой системой запретов – гарар (غرار – чрезмерный риск или неопределенность), майсир (ميسر – запрет азарта и спекуляции), риба (رباء – запрет ростовщичества) и харам (حرام – недопустимость ведения запрещенной деятельности). Невозможность с разумной степенью достоверности определить наступление страхового случая, вероятность неполучения перестрахователем выплаты, а также несоразмерность выплат и взносов приводят к ситуации односторонней выгоды, порицаемой в парадигме правовых ценностей Ближнего Востока. Однако риск, даже вследствие его нежелательности для

гражданского оборота, невозможно полностью исключить из хозяйственно-экономической деятельности. В этой связи в странах арабского мира возникла необходимость адаптации моделей перестрахования к реалиям мусульманской правовой системы.

Регулирование ретакафула основывается на модельных нормах руководства по ретакафулу, изданного Советом по исламским финансовым услугам (IFSB), а также на шариатских стандартах Организации бухгалтерского учета и аудита исламских финансовых учреждений (AAIOFI). Стандарт AAOIFI № 41 определяет ретакафул как «согласие страховых компаний, выступающих от имени управляемых ими страховых фондов, на урегулирование части ущерба, возникшего в результате наступления определенных страховых случаев». Механизм ретакафула предполагает формирование единого фонда, идентичного пулу страховых взносов, вносимых на благотворительной основе (то есть без цели преследования коммерческой выгоды). Правовой статус фонда ретакафула, согласно стандарту 41 AAOIFI, приравнивается к статусу юридического лица с обособленной материальной ответственностью. Из средств ретакафул фонда выплачивается покрытие по рискам, переданным в ретакафул. Соглашение о ретакафуле не затрагивает прав первоначального страхователя, оператор такафула несет ответственность перед участником за выплату по требованиям в соответствии с условиями прямого такафул полиса.

Ключевое отличие ретакафула от перестрахования состоит в том, что при ретакафуле не происходит цедирование риска. Механизм ретакафула предполагает передачу от оператора такафула (перестрахователя) к оператору ретакафула (перестраховщику) права управления рисковым фондом. Все такафул-операторы должны совершать на регулярной основе взносы (табарру`а от араб. تبرع) в ретакафул фонд, равные объему рисков страхователей. Прибыль от андеррайтинга делится между операторами такафула и ретакафула. В случае неплатежеспособности такафул-операторов, оператор ретакафула обязуется предоставить беспроцентный заем (кард хасан от араб. قرض حسن), с помощью которого такафул-оператор урегулирует претензии и выплатит страховые суммы.

Для заключения договора по модели ретакафула необходимо одновременное соблюдение ряда условий. Во-первых, страхуемый риск должен быть существенным настолько, что он может привести к неплатежеспособности или банкротству оператора такафула. Во-вторых, риск не должен противоречить принципам шариата. В-третьих, процесс перестрахования должен осуществляться компанией, уполномоченной на проведение ретакафул операций в соответствии со стандартами шариата.

Стандарты AAOIFI называют среди основных методов ретакафула факультативный и облигаторный методы. Первый предполагает, как и в классическом перестраховании, направление оператором такафула предложения о передаче в ретакафул определенного риска с предоставлением всех сведений, необходимых для принятия оператором ретакафула решения о ретакафуле в отношении данного риска. Ретакафул-оператор становится ответственным в части покрытия тех рисков, которые он на себя принял. Облигаторный же метод предусматривает обязанность оператора ретакафула принимать все риски, охваченные соглашением.

Исламское право рассматривает предметом ретакафула ответственность оператора такафула по первоначальному риску. Из этого следует недействительность ретакафула по риску, который еще не был передан в такафул, что принципиально отличает данный институт от классического перестрахования, допускающего передачу перестраховщику будущих рисков. Однако некоторые мусульманские ученые-юристы связывают законность перестрахования будущего риска с законностью принципа «гарантии того, что не произошло» (ضمان ما لم يثبت - даман ма лям ятбут), который закреплен в ханбалитском мазхабе.

Среди исламских правоведов существует позиция о применении к ретакафулу общих правил и методов перестрахования. Например, известный сирийский профессор Вахба Аль-Зухайли полагает, что нет юридических препятствий против применения существующих традиционных методов конвенционального перестрахования к операциям ретакафула, если такие методы совместимы с принципами исламского права. Эта точка зрения опирается на практику перестрахования, осуществляемого коммерческими перестрахователями в отношении операторов ретакафула в соответствии с принципом необходимости (дарура от араб. ضرورة), насущной потребности (хаджа от араб. حاجة) и общей пользы (аль-масляхат аль-`амма المصلحة العامة). Принцип необходимости предполагает существенный характер сделки между такафул-оператором и классическим перестраховщиком, незаключение которой потенциально приведет к вредным последствиям для исламской общины. Иорданский совет по фетвам поддержал этот подход, подчеркнув, что передача риска из такафула в классическое перестрахование действительна в той мере, в какой предотвращает потенциальный вред.

Шариатские стандарты AAOIFI не запреща-

ют передачу риска из такафула в конвенциональное перестрахование. В частности, пункт 7 стандарта 41 предусматривает возможность получения перестраховочного покрытия от неисламского андеррайтера. При этом стандарты содержат некоторые ограничения, призванные обеспечить соблюдение чистоты шариатских активов при взаимодействии исламских компаний с коммерческими предприятиями мирового перестраховочного рынка. Так, исламским операторам запрещается взимать процентную комиссию за перестрахование или участвовать в перестраховочной прибыли, распределяемой коммерческим перестраховщиком, но при этом они не лишены права требовать сокращения размера взносов в пользу перестраховщика.

Действительность передачи риска из такафула в перестрахование обусловлена рядом требований. Во-первых, необходимо обеспечить полное отделение активов участников такафула от счетов коммерческих клиентов перестраховочной компании. Это требование установлено во исполнение стандарта 41 AAOIFI, запрещающего хранение взносов такафула и ретакафула на счетах, создающих процентные доходы. Данное условие представляет серьезную техническую проблему при работе с западными, неисламскими компаниями. Если конвенциональный перестраховщик отвергает концепт отдельных счетов, либо не использует взносы такафула для финансирования соответствующих шариату проектов (не только исламских), оператор такафула должен отказаться от любых процентных доходов, получаемых от перестраховщика.

Обратная модель, когда оператор ретакафула принимает риск, застрахованный коммерческим страховщиком, менее распространена в деловой практике. С шариатской точки зрения она также является допустимой при условии соблюдения трех ключевых требований, перечисленных в пункте 8 стандарта 41 AAOIFI. Речь идет, во-первых, о принятии риска в ретакафул, т.е. исламский оператор ретакафула не вправе осуществлять классическое коммерческое перестрахование, когда его контрагентом выступает западный перестрахователь. Во-вторых, перестраховываемый в ретакафуле риск должен быть халяльным, т.е. должен отвечать требованиям шариата. В-третьих, запрещается привязка ретакафула к первоначальному страховому договору. В этой связи возникают существенные трудности с реализацией оговорки as original, которая предполагает связь двух договоров, а также традиционных для классического перестрахования оговорок о следовании судьбе и следовании решениям.

В целом практика взаимодействия такафула с классическими перестраховочными компаниями, основанная на принципе необходимости и общественной полезности, является, скорее исключением, нежели повсеместно распространенной моделью. Схема взаимодействия перестраховщиков и такафул-операторов остается предметом строгого контроля шариатских советов в целях обеспечения чистоты финансовых потоков. При этом переход от простого разрешения сделок с классическими перестраховщиками к твердой приверженности наращиванию институционального потенциала крупных исламских операторов ретакафула становится развивающимся юридическим императивом на ближневосточном пространстве.

Таким образом, ретакафул представляет собой дополнительное покрытие риска, осуществляемое ретакафул-оператором в рамках отдельного обязательства по перестрахованию. В отличие от классического перестрахования риски в ретакафуле подлежат распределению между участниками, а не передаются оператору. Соответственно, в ретакафуле происходит цедирование не самого риска, а только права управления рисковым фондом. Ретакафул воплощает в себе концепцию повторного такафула, становясь стратегическим инструментом для сохранения средств участников и обеспечения устойчивости исламских финансовых институтов, призванным защитить их от колебаний западных рынков. Ретакафул предусматривает обязательный контроль шариатского наблюдательного совета за «чистотой» перестраховочных операций и ограничивает сферу управления вложениями участников исключительно инструментами, соответствующими исламскому праву. Ретакафул продолжает оставаться фундаментальной опорой экономико-правового суверенитета арабских стран, которая обеспечивает защиту национальных ресурсов и достижение экономической и социальной устойчивости под эгидой принципов шариата, далеких от эксплуатации и разрушительных рисков.

Список литературы:

[1] Шариатские стандарты (1–57): полный текст Шариатских стандартов Организации бухгалтерского учёта и аудита исламских финансовых учреждений, утверждённых до месяца раби' аль-авваля 1438 г. х. (декабря 2016 г.) / Организация бухгалтерского учёта и аудита исламских финансовых учреждений. — Москва: Исламская книга, 2017. — С. 917.

[2] Guiding Principles for Retakāful (Islamic Reinsurance). IFSB-18 // Standarts, IFSB official web-site. URL: https://www.ifsb.org/standards-page/?_sft_published-standard-category=takaful (дата обращения: 23.03.2026).

[3] Arbouna M. B. The Operation of Retakaful

(Islamic Reinsurance) Protection // Arab Law Quarterly. — 2000. — Vol. 15, No. 4. — P. 335–362.

[4] Alshammari A., Altwijry O. Reform of Retakaful Industry // Islamic Studies. – 2023. – Vol. 62. – No. 2. – P. 255-274.

[5] عبدالله بن زيد ال محمود "التأمين وعادات التأمين"، مجلات مجمع الفقه الاسلامي. م. 2 (2)، 1986، ص. 617-641. Абдуллах ибн Зайд аль-Махмуд. Страхование и обычаи страхования // Журнал Исламского юридического общества. — 1986. — № 2 (2). — С. 617–641].

[6] وهبة الزحيلي. أصول الفقه الإسلامي Islamic Books, 2007. – [Вахба аз-Зухайли. Основы исламского права. — Islamic Books, 2007].

[7] الخلايلة، محمد أحمد. الضوابط الشرعية لعمليات إعادة التأمين في شركات التأمين الإسلامية: دراسة فقهية وتطبيقات عملية. دراسات وبحوث دائرة الإفتاء العام الأردنية، عمان، الأردن، (٢٠١٤). Аль-Халайла, Мухаммад Ахмад. Шариатские нормы операций перестрахования в исламских страховых компаниях: богословско-правовое исследование и практические применения. — Исследования и труды Управления фетв Иордании, Амман, Иордания, 2014].

[8] أودني, موح صغير. الطبيعة القانونية لعقد إعادة التأمين // معارف. – 2022 Vol. 17. – No. 1. P. 191-210. [Аудни, Max Сагир. Правовая природа договора перестрахования // Маариф. — 2022. — Т. 17. — № 1. — С. 191–210].

References:

[1] Sharia Standards (1-57): the full text of the Sharia Standards of the Organization for Accounting and Auditing of Islamic Financial Institutions, approved before the month of Rabi'al-Awwal 1438. (December 2016)/Organization of accounting and audit of Islamic financial institutions. - Moscow: Islamic Book, 2017. - S. 917.

[2] Guiding Principles for Retakāful (Islamic Reinsurance). IFSB-18 // Standarts, IFSB official web-site. URL: https://www.ifsb.org/standards-page/?_sft_published-standard-category=takaful (дата обращения: 23.03.2026).

[3] Arbouna M. B. The Operation of Retakaful (Islamic Reinsurance) Protection // Arab Law Quarterly. — 2000. — Vol. 15, No. 4. — P. 335–362.

[4] Alshammari A., Altwijry O. Reform of Retakaful Industry // Islamic Studies. – 2023. – Vol. 62. – No. 2. – P. 255-274.

[5] عبدالله بن زيد ال محمود "التأمين وعادات التأمين"، مجلات مجمع الفقه الاسلامي. م. 2 (2)، 1986، ص. 617-641. Abdullah ibn Zayd al-Mahmud. Insurance and insurance customs // Journal of the Islamic Law Society. — 1986. — № 2 (2). - S. 617-641].

[6] وهبة الزحيلي. أصول الفقه الإسلامي Islamic Books, 2007. - [Wahba al-Zuhaili. Fundamentals of Islamic law. — Islamic Books, 2007].

[7] الخلايلة، محمد أحمد. الضوابط الشرعية لعمليات إعادة التأمين في شركات التأمين الإسلامية: دراسة فقهية وتطبيقات عملية. دراسات وبحوث دائرة الإفتاء العام الأردنية، عمان، الأردن، (٢٠١٤). Al-Khalailah, Muhammad Ahmad. Sharia norms of reinsurance operations in Islamic insurance companies: theological and legal research and practical applications. - Studies and Proceedings of the Fatwa Authority of Jordan, Amman, Jordan, 2014].

[8] أودني, موح صغير. الطبيعة القانونية لعقد إعادة التأمين // معارف. – 2022 Vol. 17. – No. 1. P. 191-210. [Audni, Mah Saghir. The legal nature of the reinsurance contract // Maarif. — 2022. - VOL. 17. — № 1. - PP. 191-210].

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-267-270

КУЗНЕЦОВ Дмитрий Михайлович,
аспирант кафедры гражданского права,
e-mail: dima_kuznecov007@mail.ru

ШЕРГУНОВА Елена Анатольевна

научный руководитель, к.ю.н., доцент кафедры гражданского права,
e-mail: shergunovaea@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы наследования цифровых активов в условиях стремительного развития цифровизации, существующие препятствия, мешающие определению и подтверждению прав на цифровые активы: анонимность криптовалютных кошельков и закрытость данных внутри технологических платформ. Большое внимание уделяется основному механизму передачи наследственных прав – «Цифровому нотариату». В работе предлагается внедрение технологии блокчейн и специальных IT-программ (далее - API), что позволит в дальнейшем нотариальным органам получить доступ к цифровым следам наследодателя и сформировать опись всего цифрового имущества.*

Ключевые слова: *цифровые активы, идентификация цифровых активов, блокчейн-технологии, цифровой нотариат, цифровые права, наследование цифровых активов, криптовалюта, электронные кошельки, доменные имена.*

KUZNETSOV Dmitry Mikhailovich,
postgraduate student of the Department of Civil Law

SHERGUNOVA Elena Anatolyevna,
candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law

CHALLENGES OF INHERITING DIGITAL ASSETS IN THE MODERN ERA

Annotation. *The article discusses the current problems of digital asset inheritance in the context of the rapid development of digitalization, the existing obstacles preventing the definition and confirmation of rights to digital assets.: anonymity of cryptocurrency wallets and privacy of data within technology platforms. Much attention is paid to the main mechanism of transfer of inheritance rights – the "Digital Notary". The paper proposes the introduction of blockchain technology and special IT programs (hereinafter referred to as APIs), which will further allow notary authorities to gain access to the testator's digital footprints and create an inventory of all digital property.*

Key words: *digital assets, digital asset identification, blockchain technology, digital notary, digital rights, inheritance of digital assets, cryptocurrency, e-wallets, and domain names.*

Введение

Проблема наследования цифровых активов заключается в их специфической природе – они существуют в цифровом виде, то есть не имеют привычной нам материальной формы и напрямую связаны с технологиями (блокчейн). Отнесение цифровых активов к объектам гражданских прав требует чёткого законодательного регулирования. Федеральный закон от 31 июня 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» регулирует цифровые финансовые активы и цифровую валюту, но не охватывает такие цифровые активы как: аккаунты в социальных сетях, доменные имена, виртуальное игровое имущество, что полностью не решает проблему наследования такого вида имущества.

Аккаунты часто могут содержать конфиденциальную информацию, которая охраняется зако-

ном (Ст. 23 Конституции РФ ФЗ «О персональных данных). Наличие доступа к такой информации даже у наследника может нарушать право на тайну переписки и приводить к уголовной ответственности (ст. 137, 138 УК РФ). Это создаёт противоречия между наследственным правом и защитой посмертной приватности.

Существенные проблемы возникают при идентификации цифровых активов. Цифровая система нотариата может не обладать данными о таком виде имущества, что соответственно исключает возможность автоматического включения в наследственное дело «цифрового имущества».

Отсутствие чётких механизмов передачи доступа к цифровым активам, даже при наличии завещания, приводит к рискам при передачи ключей доступа и паролей. Наличие таких данных в завещании небезопасно, так как это может стать известно третьим лицам. Поэтому необходимо искать альтернативные методы передачи кодов доступа.

Также цифровые активы могут иметь трансграничный характер, то есть быть связанными с иностранными государствами, что образует дополнительные сложности в виде расхождения или противоречия между законодательными нормами разных государств – межгосударственная (международная) коллизия.

Необходимо выделить проблему, которая возникает из-за ограничений, накладываемых пользовательскими соглашениями. Цифровые платформы (например, Google) не разрешают передавать свои аккаунты третьим лицам, что создаёт правовой конфликт с нормами наследственного права.

Объект исследования: общественные отношения, возникающие в процессе наследования цифровых активов.

Предмет исследования: нормативно-правовое регулирование наследования цифровых активов в России.

В работе предлагается формирование комплексной правовой системы наследования цифровых активов. Для этого необходимо доработать законодательство и выработать судебную практику. Ожидается защита прав наследников, повышение правовой определённости и снижение числа спорных ситуаций.

Актуальность и новизна: развитие существующих и появление новых видов цифровых активов происходит очень быстро, но их механизм передачи полностью не урегулирован номами наследственного права.

Цель: формирование комплексной правовой системы для наследования цифровых активов.

Задачи: 1. Провести анализ текущего законодательства РФ и за рубежом в сфере наследования цифровых активов. 2. Выявить противоречия и не доработки в регулировании наследования цифровых активов. 3. Создать методические рекомендации для наследодателей и наследников цифровых активов.

Используемые методы: диалектический, формально-юридический (догматический), сравнительно-правовой, историко-правовой.

Формы цифровых активов

Цифровизация развивается стремительными темпами и проявляется почти во всех сферах деятельности человека, но, к сожалению, не редко возникают трудности в её правовом регулировании. Следовательно, в юриспруденции возникает потребность в доработке существующих норм или в разработке новых.

Сегодня большая часть ценных активов существует в электронной форме, но слабо развит процесс их идентификации, что делает возможность реализации наследственных прав крайне затруднительной. Ценные активы могут находиться под защитой шифрования, политикой конфиденциальности провайдеров и цифровых платформ, имеют как материальную, так и нематериальную ценность, что требует их правового регулирования. Но Российское законодательство не предлагает легального определения «цифрового наследства». [1, с.577].

Российское законодательство при регулировании отношений наследования цифровых активов может сталкивается с трудностями, например, наследник и информационный посредник (цифровая платформа) могут находиться в разных странах и под разной юрисдикцией [2, с.256].

Проблема наследования цифровых активов заключается в многообразии их форм. Следует выделить несколько:

Активы с выраженной стоимостью: балансы электронных кошельков, криптовалюты, токены, внутриигровые предметы.

Коммерчески значимые аккаунты: каналы Telegram, профили в соцсетях, личные кабинеты селлеров на Ozon, Wildberries, Amazon.

Личные архивы: данные в «облаках», которые скорее имеют не материальную, а мемориальную ценность.

Идентификация цифровых активов

Идентификация цифровых активов достаточно сложная проблема, которая возникает из-за их цифровой (виртуальной) природы и не совершённого правового регулирования. К примеру, у нотариуса может не оказаться необходимых инструментов доступа к этим активам, если наследодатель не оставил каких-либо распоряжений.

Процессу идентификации могут помешать

два препятствия: юридическое и техническое.

Первое, заключается в правовой неопределённости и в пробелах законодательства. К тому же не все цифровые активы имеют чёткую правовую регламентацию, что сильно осложняет их идентификацию как объектов гражданских прав и затрудняет их включение в наследственную массу. Например, Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» регулирует только определённые виды активов (криптовалюты, цифровые финансовые активы), но аккаунты в соцсетях, игровое имущество оставляет без внимания. Также аккаунт наследодателя может содержать персональные данные, распространение которых ограничено. [3]

Второе препятствие, заключается в отсутствии доступа к приватным ключам или сид-фразам. Если доступ к эти данным будет утрачен, то активы могут потеряться навсегда. Также наследники могут вообще не знать о существовании такого вида наследства у наследодателя. [4, с.47]

Таким образом, для преодоления вышеуказанных препятствий необходимо указывать в завещании наличие цифровых активов, их характер и форму хранения. Важно подчеркнуть, поскольку ключи и пароли доступа, это конфиденциальная информация, её небезопасно фиксировать в текст открытого завещания, поэтому необходимо использовать закрытое завещание, содержание которого не будет известно никому, даже нотариусу и только после смерти наследодателя наследники смогут получить доступ к цифровым активам. Также пароли и ключи доступа можно хранить и в банковской ячейке, это необходимо указать в завещании. Наследники получат доступ к ним после смерти наследодателя, предъявив банку свидетельство о праве на наследство. В данном случае целесообразно назначить и исполнителя завещания. Выбрать доверенное лицо «цифрового душеприказчика», которое хорошо разбирается в цифровых технологиях, прописать для него инструкции, следуя которым он сможет помочь наследникам получить «цифровое наследство».

Единая информационная система нотариата

Ключевую роль в идентификации цифровых активов играет Цифровой нотариат. Он обеспечивает юридическую защиту прав наследников и помогает решать специфические проблемы с виртуальным имуществом. Нотариусы могут самостоятельно запрашивать и отправлять в Росреестр и Федеральную налоговую службу документы, используя Единую информационную систему. Она обеспечивает оперативный обмен данными между нотариусами также в рамках системы межведомственного электронного взаимодействия. [5, с.35].

Значительным прогрессом для цифрового нотариата стало принятие Федерального закона от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ «О внесении изменений в основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации». [6]

Он закрепил новые возможности нотариата на цифровом поле – возможность обращения к нотариусу в онлайн-формате, если стороны далеко друг от друга, принятие нотариусом на хранение электронных документов, использование биометрический технологий для распознавания личности.

Сравнительный анализ нотариальных систем разных стран

Законодательные системы разных стран позволяют понять на сколько сильно национальные правовые традиции влияют развитие института цифрового нотариата.

Например, в Австрии нотариальная деятельность является примером развития информационных технологий. По гражданским делам нотариусы могут совершать официальные процедуры с помощью электронных систем связи (§ 90a Австрийского закона о нотариате). [7. с. 299-303]

В США в штате Мичиган законодательство допускает через двухстороннюю аудио-видео связь совершать любое нотариальное действие при условии сохранения записи. Французский опыт указывает, что доказательная сила электронного документа равна бумажному при надёжной идентификации его автора. [8, с. 9-10]

Японскими нотариусами такая работа выполняется вручную. Однако внедряется автоматическая система, которая будет использоваться для нотариального заверения с точной датой, что сократит в время нотариальной услуги. Система работает с использованием каточки с личным номером (eID) и блокчейн Ethereum. [9, с. 67-73]

Таким образом, интеграция международного опыта по использованию цифровых технологий в Российский нотариат, является важным фактором модернизации этих услуг и их адаптации к современным реалиям.

Заключение

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в России процедура наследования новых видов активов затруднительна. Она не проработана и сложна так как правовое регулирование имеют не все цифровые активы. Например, процесс наследования игрового имущества, личных кабинетов в социальных сетях законодательно не закреплён. Споры между отечественным правом

и пользовательскими соглашениями, рыск завладения ключами доступа третьими лицами при наследовании, утрата всех цифровых активов в случае внезапной смерти наследодателя, если он заранее не составил завещание, децентрализованный и часто анонимный характер цифровых активов представляет дополнительные трудности для их идентификации и включения в общую наследственную массу.

Цифровизация развивается быстрыми темпами, что требует от законодателей быстрой реакции и внедрения нормативно правовой базы для обеспечения необходимой защиты интересов наследников и наследодателей. На сегодняшний день самым надёжным методом передачи прав на цифровые активы в процессе наследования является составление завещания, в котором детально указаны все виды и формы хранения цифровых активов, а также предусмотрено хранение ключей доступа от них в банковской ячейке.

Список литературы:

[1] Кузнецова А.С. Цифровое наследство в РФ. Проблемы регламентации // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ» № 12 (93) Том 3. С. 576 - 581. 2025 г. ISSN 2712-8849 // Электронный ресурс: https://www.вестник-науки.рф/article/27561..

[2] Ярахмедов Я.Б. Цифровое наследство: правовые проблемы и пути их решения // Научный Лидер. 2025. № 28 (229). URL: https://scilead.ru/article/9633-tsifrovoe-nasledstvo-pravovie-problemi-i-puti.

[3] Федеральный закон "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 31.07.2020 N 259-ФЗ (последняя редакция).

[4] Артамкин К. С. Применение современных технологий в нотариальной деятельности при наследовании цифровых финансовых активов // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 45–50. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.6.

[5] Кирсанова Е.В. Нотариат в «цифре»: современное состояние и перспективы развития // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 33–40. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-33-40..

[6] Федеральный закон "О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 27.12.2019 N 480-ФЗ (последняя редакция).

[7] Таирова, А.Т., Захаренко, Н.А. Цифровизация нотариальной деятельности / А.Т. Таирова, Н.А. Захаренко // Образование и право. – 2023. – № 9. – С. 299-303.

[8] Скиданюк М.С. международный опыт правового регулирования цифровизации нотариата // Universum: экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. 2026. № 4(138). URL: https://7universum.com/ru/economy/archive/item/22338.

[9] Кряжевских, К.А. Цифровой нотариат в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ / К.А. Кряжевских // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2024. – № 6. – С. 67-73.

References:

[1] A.S. Kuznetsova. Digital inheritance in the Russian Federation. Problems of regulation // International scientific journal "BULLETIN OF SCIENCE" No. 12 (93) Vol. 3. S. 576-581. 2025 ISSN 2712-8849 // Electronic resource: https://www.вестник-науки.рф/article/27561..

[2] Yarakhmedov Y. B. Digital inheritance: legal problems and ways to solve them // Scientific Leader. 2025. № 28 (229). URL: https://scilead.ru/article/9633-tsifrovoe-nasledstvo-pravovie-problemi-i-puti.

[3] Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 31.07.2020 N 259-FZ (latest edition).

[4] Artamkin K. S. Application of modern technologies in notarial activities in the inheritance of digital financial assets // Legal Concept = Legal paradigm. – 2023. - T. 22, NO. 4. - S. 45-50. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.6.

[5] Kirsanova E.V. Notariat in digital: current state and development prospects // Bulletin of the Russian Law Academy. 2025. № 1. S. 33-40. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-33-40..

[6] Federal Law "On Amendments to the Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 27.12.2019 N 480-FZ (latest edition).

[7] Tairova, A.T., Zakharenko, N.A. Digitalization of notarial activities/A.T. Tairova, N.A. Zakharenko // Education and law. – 2023. – № 9. - S. 299-303.

[8] Skidanyuk M.S. international experience in the legal regulation of the digitalization of notaries // Universum: Economics and Jurisprudence: Electron. scientific journal. 2026. № 4(138). URL: https://7universum.com/ru/economy/archive/item/22338.

[9] Kryazhevskikh, K.A. Digital notary in Russia and abroad: comparative legal analysis/ K.A. Kryazhevskikh // Electronic Appendix to the Russian Law Journal. – 2024. – № 6. - S. 67-73.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-271-278
Дата принятия рукописи в печать: 05.08.2026 г.

ДЕРНОВА Виктория Сергеевна,
магистрант, Уральский государственный университет путей сообщения, г. Екатеринбург,
e-mail: dernovavika1603@yandex.ru

АЛЕКСАНДРОВА Надежда Анатольевна,
кандидат философских наук, Уральский государственный университет путей сообщения, г. заведующий кафедрой «Управление персоналом и социология», доцент,
e-mail: ana1856@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ УДЕРЖАНИЯ КУРЬЕРОВ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП: ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ И ЭРГОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *В статье исследуется актуальная проблема удержания линейного персонала старшей возрастной группы (55+) в условиях платформенной занятости и цифровизации логистических процессов на этапе «последней мили». Авторами проанализированы три ключевые группы причин оттока кадров данной категории: физическая дезадаптация, обусловленная изъянами производственной эргономики; социально-психологический дискомфорт и ценностно-культурный конфликт, а также неэффективность транзакционных («молодежных») моделей оплаты труда.*

Авторами предложена комплексная трехконтурная система инструментов удержания курьеров старшего возраста.

Ключевые слова: *управление персоналом; удержание персонала; курьеры старшего возраста; платформенная занятость; выгорание; гибридная оплата труда; «последняя миля».*

DERNOVA Viktoria Sergeyevna,
Master's student, Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg

ALEXANDROVA Nadezhda Anatolyevna,
Candidate of Philosophical Sciences, Head of the Department of Personnel Management and Sociology, Associate Professor, Ural State University of Railway Transport

ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC TOOLS FOR RETAINING OLDER COURIERS: PSYCHOSOCIAL AND ERGONOMIC ASPECTS

Annotation. *The article examines the urgent problem of retention of older linear personnel (55+) in the context of platform employment and digitalization of logistics processes at the "last mile" stage. The authors analyze three key groups of reasons for the outflow of this employee category: physical maladaptation caused by flaws in production ergonomics; socio-psychological discomfort and value-cultural conflict; and the inefficiency of transactional ("youth") wage models.*

The authors propose a comprehensive three-tier system of tools for retaining older couriers.

Key words: *personnel management; employee retention; older couriers; platform employment; burnout; hybrid wage model; "last mile".*

В условиях старения населения и дефицита кадров в секторе логистики особое значение приобретает разработка инструментов, направленных на удержание и повышение мотивации работников старшего возраста.

Интерес российских компаний к работникам возраста 55+ подтверждается данными исследования, проведенного в 2025 году и охватившего 1000 представителей кадровых служб по всей России (таблица 1). [2]

Таблица 1 – Доля компаний, трудоустраивающих работников пенсионного возраста

Год	Да	Иногда	Нет
2025	49%	31%	20%
2023	40%	33%	27%
2019	38%	36%	26%
2011	25%	37%	38%

Результаты показали, что за последние годы ситуация заметно меняется: в 2025 году 49% специалистов кадровых служб ответили, что их организации принимают на работу пенсионеров – это гораздо больше, чем в 2019 (38%) и 2011 (25%) годах. При этом тех, кто берёт пенсионеров «иногда», становится всё меньше: в 2025 году таких было 31%, а в 2011 – 37%. Доля тех, кто вообще не берёт пенсионеров на работу, тоже снизилась: в 2025 году таких осталось 20%, а раньше было 27% (в 2023) и 26% (в 2019). Эти данные показывают, что за 14 лет отношение работодателей к пенсионерам стало более открытым и лояльность работодателей к соискателям-пенсионерам продолжает расти: + 5 п.п. за год.

Сотрудников, вышедших на пенсию, работодатели также стараются удержать от ухода из компании: каждая четвертая организация сообщила о том, что практика удержания работников пенсионного возраста действует давно, а каждый десятый работодатель начал применять такие меры только в последнее время [2].

С другой стороны, растет активность кандидатов старше 55 лет. В первом квартале 2026 года они разместили более 3 млн резюме, на 15% больше, чем в прошлом году, а работодатели отправили им около 1,1 миллиона приглашений. [7]. Свердловская область входит в число пяти регионов с самой высокой долей работающих пенсионеров (таблица 2). [1;2]

Таблица 2 – Топ-5 регионов по числу и доле работающих пенсионеров

Регион	Число работающих пенсионеров	Доля работающих пенсионеров (от их общего числа в регионе), %
Москва	503 тыс	17
Московская область	420 тыс	22
Санкт.-Петербург	334 тыс	21
Краснодарский край	243 тыс	15
Свердловская область	235 тыс	18

В логистике, где ощущается острый дефицит персонала, стратегически важно создавать условия для сохранения и мотивации сотрудников старшего возраста. Особенно это касается курьеров, сталкивающихся с высокой нагрузкой и обладающих низкой вовлеченностью. Логистика «последней мили» в Екатеринбурге демонстрирует высокую турбулентность и текучесть кадров (по оценкам экспертов, превышающую 100-120% в год). Традиционные инструменты удержания, построенные на геймификации, жестком тайм-трекинге и сдельно-прогрессивной оплате, ориентированы на молодежный сегмент и показывают полную неэффективность при работе с сотрудниками старших возрастных групп. В связи с этим возникает объективная необходимость разработки научно обоснованных инструментов удержания «серебряного» человеческого капитала в сфере пешей интернет-доставки.

Целью данного исследования является разработка комплексной модели удержания сотрудников старшего возраста в сфере пешей доставки интернет-заказов, учитывающей их психофизиологические особенности и пространственно-климатическую специфику уральского мегаполиса. Гипотеза нашего исследования заключается в утверждении, что переход от жестких транзакционных моделей управления линейным персоналом к инклюзивной модели, основанной на эргономическом антроподизайне, соответствующих методах цифрового обучения и стабилизации дохода, позволяет значимо снизить уровень текучести кадров в старшей возрастной когорте.

Наше исследование было проведено методами вторичного анализа статистических данных по рынку труда и занятости старшего поколения, а также методом интервью с руководителями служб управления персоналом компаний, занимающихся пешей доставкой (логистика «последней мили»). Всего были проведены интервью с

пятью экспертами трех компаний.

Теоретической основой исследования явилась концепция активного долголетия, которая в российском контексте активно развивается [3; 4; 5; 6] и реализуется на государственном уровне через систему национальных проектов и национальных программ – «Демография» (2019-2024 годы), «Семья» и «Продолжительная и активная жизнь».

В результате анализа интервью руководителей кадровых служб нами были выявлены следующие группы причин увольнений данной категории персонала:

Физическая дезадаптация и провалы производственной эргономики

Психологический дискомфорт и ценностно-культурный конфликт

Неэффективность транзакционных моделей оплаты и дефицит социальной защищенности.

Рассмотрим их более детально, опираясь на мнение интервьюируемых экспертов.

Конкретизация первой группы причин выглядит следующим образом:

Большая физическая нагрузка и городская инфраструктура. Эксперт № 1 подчеркнул: «Для пешего курьера старшего возраста город становится полосой препятствий. Пройти 15-20 км за смену с 10-килограммовым коробом – огромная нагрузка. Зимой из-за гололеда и сугробов резко возрастает риск травм. Подъемы по лестницам при поломке лифтов перегружают суставы и сердце. Стандартные рюкзаки и неудобная форма доказывают: эргономика городской среды для пожилых сотрудников полностью провалена. Люди увольняются, так как физически не выдерживают таких условий».

Давление цифровых алгоритмов и навигации. Эксперт № 2 подчеркнул: «Наша транзакционная модель рассчитывает скорость пешего курьера по среднему шаблону – 5 км/ч по прямой. Алгоритм не учитывает подземные переходы, лестницы или обходы закрытых ЖК. Пожилой сотрудник идет медленнее, из-за чего приложение шлет уведомления об опоздании и включает штрафы. Постоянный моральный прессинг смартфона и страх потерять деньги приводят к выгоранию. Человек чувствует, что система его выживает, и увольняется».

Вес заказов и отсутствие гибкого распределения. Эксперт № 3 в ходе интервью подчеркнул: «Пешие курьеры старшего возраста крайне ответственны и редко отменяют заказы. Но система распределяет грузы вслепую, из-за чего сотруднику 55+ регулярно выпадают тяжелые доставки в дальние дома. Понимая, что сверхнагрузки стали ежедневной нормой, компания теряет надежных людей. Инклюзивность платформы должна заключаться в умном фильтре: алгоритму необходимо автоматически ограничивать вес заказов для таких курьеров до 4-5 килограммов».

Вторая группа причин связана психологическими и культурными факторами:

Низкая психологическая устойчивость к негативному поведению клиентов и отсутствие навыков преодоления профессионального стресса Эксперт № 2 отметил: «В стандартной транзакционной модели курьер остается один на один с клиентом. Молодежь легко игнорирует грубость, но люди 55+ принимают хамство как глубокую личную обиду. У них нет психологических фильтров против сервисного цинизма, поэтому после конфликтов они возвращаются морально уничтоженными. Не имея защиты и поддержки со стороны компании, пожилые сотрудники увольняются после первого же крупного инцидента, чтобы сохранить самоуважение».

Выгорание, обусловленное гиперответственностью сотрудников. Эксперт № 4 высказал следующее мнение: «Пожилые курьеры часто увольняются из-за своей сверхответственности и советской закалки. Они не позволяют себе опозданий, но жесткий цифровой контроль оценивает только секунды, игнорируя вежливость. Когда алгоритм штрафует их наравне с подростками за пятиминутную задержку из-за сломанного лифта, у людей происходит внутренний надлом. Эта несправедливость бьет по их гордости, и они уходят, понимая, что их искреннее старание системе не нужно».

Токсичная атмосфера на складах как главный триггер увольнения. По мнению эксперта № 5, «пешие курьеры старшего возраста часто уходят не из-за тяжелых дорог, а из-за атмосферы в даркстарах. Хаос, крики и матерное общение молодых супервайзеров становятся для них ментальной катастрофой. Когда к 55-летним сотрудникам, имеющим профессиональный и жизненный опыт, относятся как к безликой массе и игнорируют их физиологию, они не терпят. Пожилые люди молча кладут форму на стол в тот же день, поскольку человеческое достоинство для них стоит выше заработка».

Увольнение возрастного сотрудника по психологическим причинам редко бывает случайным – обычно это результат накопленного стресса, который формируется на стыке трех деструктивных факторов:

на внешнем контуре – глубокие личные переживания из-за столкновения с бытовым цинизмом, хамством и деструктивным поведением отдельных клиентов при отсутствии механизмов защиты со стороны компании

на внутреннем контуре – феномен гиперответственности и «синдром отличника», доставшиеся в наследство от прежней трудовой культу-

ры. Пожилые люди ментально выгорают от невозможности соответствовать идеальным стандартам в хаотичных условиях городской логистики

на административном контуре – эйджизм, панибратство и токсичная атмосфера спешки в распределительных центрах и дарксторах, которые напрямую ущемляют базовую потребность зрелого человека в уважении к его возрасту и жизненному опыту.

Третья группа причин увольнений – экономические, разделенные на материальную и нематериальную составляющие.

Материальная мотивация: ловушка сдельной оплаты и «молодежные» тарифы. Эксперт № 1 отметил: «Основная материальная причина увольнений – сдельная система оплаты «заказ-километр» без базового оклада. Финансовая модель рассчитана на молодых и выносливых, выполняющих по 25-30 заказов за смену. Пожилой курьер в силу физиологии двигается медленнее и делает вдвое меньше доставок. Транзакционная система платит ему копейки, не учитывая временные и физические затраты. Отработав честные 8 часов, предпенсионер получает сумму, на которую невозможно выжить. Без фиксированной часовой ставки для этой категории сотрудников сдельная оплата превращается в скрытую дискриминацию».

Скрытые расходы: как пешая доставка загоняет пожилых в минус. Вот мнение эксперта № 4: «Анализ чистого дохода пожилого пешего курьера объясняет их увольнения через месяц. В отличие от молодежи, им после двух недель пешего марафона по асфальту и лестницам требуется ортопедическая обувь, компрессионный трикотаж и лекарства. В нашей транзакционной модели компания эти расходы не компенсирует. Пожилой человек берет калькулятор и видит: треть небольшого заработка уходит на восстановление здоровья после смен. В итоге экономический смысл такой работы для них полностью исчезает».

Нематериальная мотивация: геймификация против базовых ценностей. Эксперт № 3 подчеркнул: «Вся система нематериальной мотивации абсолютно не инклюзивна, так как построена на молодежной геймификации: цифровых бейджах, рангах и конкурсах ради мерча. Для 55-летнего человека это выглядит как детсад или издевательство. Вместо виртуальных значков и соревнований в скорости со студентами пожилым сотрудникам нужны стабильность, уважение, социальная защищенность и официальный статус. Их реальные потребности – это ДМС с лечением суставов, путевки в санатории, компенсация зимней формы и обеды в хабе. Сталкиваясь с игнорированием своих ценностей, люди разочаровываются и уходят».

Минимизировать риски увольнений курьеров старшего возраста могут следующие мероприятия, направленные на снижение физической нагрузки и улучшение производственной эргономики.

Во-первых, частично ослабить остроту проблемы может территориальное зонирование и модель «Домашнего радиуса». Для предотвращения кумулятивной усталости и минимизации ежедневного пешего пробега курьеров старшей возрастной группы рекомендуется внедрение алгоритмического ограничения радиуса доставки (до 1,5-2,0 км) с закреплением сотрудника за конкретным операционным хабом (даркстором или распределительным центром). Например, как подчеркнул эксперт № 3, при закреплении курьера за хабом в районе площади Субботников или пересечения улиц Крауля – Токарей, алгоритм должен ограничивать зону доставки микрорайоном старой застройки (в границах улиц Татищева, Крауля, Заводская). Из маршрутных листов данной категории персонала необходимо исключать сквозные рейсы в удаленные локации (микрорайоны Широкая Речка, Академический), а также маршруты, требующие пересечения загруженных магистралей (например, ул. Халтурина для прохода в микрорайон Заречный).

Во-вторых, необходимо модернизировать средства транспортировки и ввести весовые лимиты, поскольку стандартные алгоритмы автоматического распределения заказов в курьерских приложениях не учитывают возрастную динамику физической выносливости и естественное снижение адаптационного потенциала опорно-двигательного аппарата сотрудников старших возрастных групп. Решением данной проблемы, по мнению экспертов № 3, № 4 и № 5 может быть интеграция в CRM-систему программных фильтров, автоматически перенаправляющих заказы весом более 5 кг, а также любые отправления, адресуемые выше 3-го этажа в домах без лифта, на курьеров на автомобилях или сотрудников более молодых возрастных когорт.

В-третьих, удерживающим мероприятием могло бы стать внедрение анатомической экипировки и ортопедическая поддержка, в частности, переход на облегченные модели терморюкзаков (с ограничением собственного веса конструкции до 1,5 кг), оснащенные курьеров интегрированными анатомическими разгрузочными системами (широкими поясными и нагрудными ремнями), обеспечение их специализированной обувью с высокой степенью амортизации подошвы. Предложенные рекомендации опираются на доказательную базу исследований в сфере медицины труда и управления факторами риска на производстве.

Минимизация рисков увольнения курьеров старшего возраста по причинам психологического и культурного характера, на взгляд экспертов, возможна за счет следующих мероприятий.

Во-первых, необходимо повышать психологическую устойчивость работников и развивать навыки преодоления профессионального стресса.

Действенными инструментами, по мнению всех экспертов, могут быть:

внедрение алгоритма «Черный список клиентов» и превентивная модерация. На уровне курьерского приложения необходимо автоматически блокировать для назначения курьерам старшей возрастной группы доставку клиентам, проявлявшим неадекватное поведение (эксперт № 4)

организация доступа к экстренной психологической медиации («Кнопка SOS»), которая позволит купировать стресс по горячим следам, предотвращая ментальную травматизацию и последующее импульсивное увольнение (эксперты № 2 и № 3)

разработка скриптов и алгоритмов бесконфликтного выхода из деструктивного контакта (эксперт № 1). Пример скриптов приведен в таблице

Таблица 3 – Скрипты ответов курьеров на часто задаваемые вопросы

Частые вопросы	Ответы курьера
Здравствуйте! Где моя посылка? Она задержалась уже на три дня, но статус в приложении не меняется. Я очень переживаю, там важные рабочие документы! Проверьте, пожалуйста, прямо сейчас: она доехала до вашего отделения или потерялась в пути?	Здравствуйте! Я понимаю ваше беспокойство и готов помочь найти отправление. Пожалуйста, сообщите трек-номер посылки или адрес, с которого её отправили.
Да сколько можно ждать?! Вы обещали заказ два часа назад! Почему ваши курьеры никогда не приезжают вовремя? Из-за вас сорвались все планы на вечер, хотя на улице даже дождя толком нет	Иногда доставка задерживается из-за непредсказуемых обстоятельств, например, погоды или технических проблем. Мы делаем всё возможное, чтобы как можно скорее привезти вашу посылку.
Добрый день! Я переезжаю на следующей неделе в другой район, а ко мне должна прийти важная посылка из Китая. Можно как-то сразу перенаправить её на мой новый адрес? Что для этого нужно сделать?	Для смены адреса доставки вам нужно будет заполнить специальный бланк. Я могу помочь вам в этом или направить в компетентный отдел за подробной информацией.
Что делать, если ваша доставка приедет, а меня не будет дома? Завтра я весь день на работе, а в субботу уезжаю. Вы увезете посылку обратно на склад или мне придется её искать?	Если вас не окажется на месте, мы оставим уведомление с инструкциями, как забрать посылку в удобное для вас время.
Я заказывала синее платье, а принесли ярко-красное и без пуговицы! Вы вообще проверяете, что везете? Забирать и платить не буду.	Понимаю ваше недовольство. Моя задача – только доставка, заказы собирают на складе. Я отмечу в программе отказ из-за несоответствия, чтобы деньги не списались. Вы сможете переоформить заказ в личном кабинете.
Ну что там у вас, долго еще? Почему терминал завис? Я тороплюсь, дома ребенок один и обед на плите. Аппарат сломался? Может, поискать наличные или приедете в другой раз?	Извините за задержку. В этом районе Екатеринбурга терминал обновляет данные из-за помех связи. Он перезагрузится за минуту. Если связь не восстановится, я свяжусь с техподдержкой, и они проведут платеж удаленно.
Войдите в положение! Мне нужно примерить туфли на площадке — вдруг размер не подойдет? Зачем сначала платить? Возьмите паспорт в залог, я не убегу! Никто же не узнает!	Я бы рад пойти навстречу, но регламент безопасности это строго запрещает. Нарушение правил грозит мне крупным штрафом и блокировкой. Давайте оформим всё по правилам: сначала оплата, потом примерка. Спасибо за понимание.

Для предотвращения выгорания, вызванного гиперответственностью сотрудников старшего возраста, компаниям необходимо внедрять инструменты, которые легализуют право на ошибку и снижают уровень контроля, например:

внедрение системы KPI, легализующей «право на ошибку». По мнению эксперта № 5, следует предусмотреть «буферное время» на доставку (на 10-15% больше стандартного) и несгораемый лимит допустимых опозданий в месяц.

Курьер должен четко знать: алгоритм не оштрафует и не уволит его за разовую задержку, вызванную внешними факторами

замена жесткого автоматического контроля человеческой поддержкой. Так, напоминания от роботов в приложении («Вы отстаете от графика», «Поторопитесь») вызывают у гиперответственных людей сильнейший стресс и чувство вины. По мнению эксперта № 2, следует создать выделенную линию поддержки или закрепить за возрастными курьерами координаторов-менторов. Возможность голосом объяснить живому человеку проблему («застрял в лифте», «клиент не открывает») моментально снижает уровень тревоги

ограничение интенсивности труда. По мнению экспертов № 1, № 2 и № 5, следует автоматически блокировать возможность брать сверхурочные смены. Это предотвратит накопление физической и ментальной усталости.

Конфликтный потенциал платформенной занятости часто концентрируется в точках выдачи заказов. Процесс сборки и передачи отправлений на курьера сопровождается высокой нервозностью, спешкой и часто – некорректным поведением со стороны складского персонала. Уровень токсичности атмосферы на складах можно снизить, по мнению экспертов № 2 и № 5, за счет:

разделения зон ожидания и сборки: курьеры не должны стоять «над душой» у сборщиков, провоцируя взаимное раздражение. Создание комфортной, изолированной зоны ожидания (с чаем, местами для сидения и розетками) автоматически снижает градус напряжения

формирования прозрачной очереди сборки посредством вывода статуса заказов на общий монитор в дарксторе, что предотвращает конфликт между курьером и сборщиком

внедрение системы рейтингов, позволяющей курьерам оценивать работу конкретного даркстора или сотрудников склада по итогам смены.

Для курьеров возраста 55+ важную роль играют факторы материальной и нематериальной мотивации, занимающие, по мнению экспертов, важное место среди причин увольнений. Стандартные экономические модели, применяемые в современных службах доставки, ориентированы на физические возможности молодых сотрудников. В этих моделях доход курьера формируется по чисто сдельному принципу: фиксированная плата за каждый выполненный заказ и пройденный километр. Для курьеров старшей возрастной группы такая тарифная сетка становится финансовой ловушкой из-за естественного снижения скорости передвижения и быстрой утомляемости. По мнению опрошенных экспертов № 4 и № 5, проблему могут решить следующие мероприятия:

внедрение прогрессивной тарифной сетки со снижением нормативов и снижение планового числа заказов в смену без уменьшения базового дохода

введение гарантированного почасового минимума, т.е. фиксированной ставки. Модель оплаты должна быть гибридной: компания гарантирует фиксированную оплату за каждый час нахождения на смене (минимальный базовый оклад) к которой добавляется небольшая премия за выполненные заказы. Это снизит финансовую тревожность сотрудника и застрахует его от «пустых» смен, когда заказов мало или они задерживаются на сборке

введение специального тарифа «Особые условия», при котором оплачивается не скорость, а сложность. Другими словами, предусмотреть для курьеров 55+ доплаты за идеальное выполнение стандартов (сохранение товарного вида хрупких грузов, отсутствие возвратов) и за работу в неблагоприятных погодных условиях.

Итак, внедрение гибридной оплаты и снижение нормативов выработки позволяет превратить курьеров старшего возраста в стабильную, предсказуемую и лояльную часть команды, чьи затраты окупаются за счет снижения текучести кадров.

При анализе эффективности систем оплаты труда часто учитывается только номинальный доход курьера. Однако для сотрудников категории 55+ ключевым фактором увольнения становится высокая доля сопутствующих («скрытых») расходов, которые напрямую вызваны спецификой пешей доставки в условиях агрессивной городской среды. Для снижения финансовой нагрузки курьеров предпенсионного и пенсионного возраста, по мнению всех экспертов, необходимо:

установление частичной целевой компенсации на медицинские препараты, так называемого «аптечного бонуса»

введение программы амортизации личной обуви и бесплатного профосмотра

установление компенсации транспортных расходов внутри рабочего радиуса.

Что касается использования инструментов геймификации, которые активно используют современные логистические платформы, то они часто вызывают у сотрудников возраста 55+ глубокое отторжение и ценностный конфликт, т.к. выглядят в их глазах как способ обесценения и инфантилизации их труда. Вместо геймификации для удержания курьеров старшего возраста эффективнее использовать инструменты признания значимости и программы профессионального долголетия, например:

введение программы выслуги лет, которая представляет собой понятную статусную систему, например, «Мастер-курьер», «Почетный курьер»

с привязкой каждого ранга к реальным благам: приоритету в выборе удобных смен, повышенному коэффициенту оплаты за стаж или расширенному пакету ДМС

внедрение института менторства и наставничества посредством привлечения опытных возрастных курьеров к адаптации новичков с назначением фиксированной доплаты и бонуса, если новичок успешно прошел адаптацию

учреждение экспертных советов, то есть создание фокус-групп из возрастных курьеров для тестирования новых сумок, одежды, маршрутизаторов или обновлений приложения

кастомизация компенсационного пакета, замена скидок на модные сервисы или мерчи на действительно ценные для этой группы ресурсы, например, компенсация расходов на лекарства, абонементы в бассейн/санаторий и т.д.

Таким образом, анализ выявленных причин увольнений курьеров категории 55+ показывает, что традиционные HR-инструменты платформенной занятости, рассчитанные на молодую аудиторию, малоэффективны в отношении старшего поколения. Удержание этой ценной, дисциплинированной и лояльной когорты сотрудников требует от логистических компаний перехода к дифференцированной стратегии управления, основанной на принципах бережливого производства и гуманизации труда.

Синтез предложенных в работе рекомендаций позволяет сформировать единую трехконтурную систему инструментов удержания персонала старшего возраста:

Инструменты физической и пространственной эргономики. Снижение оттока кадров по медицинским показаниям достигается за счет алгоритмического зонирования маршрутов (модель «Домашнего радиуса» в границах 1,5-2 км), исключения доставки сверхтяжелых заказов в дома без лифтов и внедрения анатомической экипировки (облегченных коробов с поясной разгрузкой). Эти меры минимизируют компрессионные нагрузки на опорно-двигательный аппарат и предотвращают преждевременное физическое истощение сотрудника на маршруте.

Инструменты социально-психологической поддержки. Защита курьеров от профессионального выгорания и «сервисного цинизма» строится на деалгоритмизации контроля, в частности за счет отказа от автоматических штрафов и внедрения живых каналов связи. Реализация программ наставничества и предоставление курьеру права на бесконфликтный выход из деструктивного контакта с агрессивным клиентом позволяют компенсировать дефицит уважения и сохраняют личное достоинство пожилого человека.

Инструменты адаптивной материальной и нематериальной мотивации. Преодоление экономической нерентабельности труда требует отказа от единых «молодежных» тарифов в пользу гибридных моделей оплаты, прежде всего сочетания фиксированного почасового оклада и бонусов за качество, а не скорость. Компенсация скрытых расходов на износ обуви, проезд в общественном транспорте и медицинские препараты защищает чистый доход сотрудника. В сфере нематериального стимулирования необходим отказ от инфантильных механик геймификации и возврат к классическим формам признания социального статуса.

Внедрение предложенного комплекса инструментов позволит логистическим компаниям решить острую проблему дефицита кадров в условиях демографического старения рабочей силы. Затраты на модернизацию экипировки, выплату медицинских компенсаций и внедрение гибридной оплаты труда полностью окупаются за счет резкого снижения издержек на постоянный поиск, наём и онбординг новых сотрудников.

Список литературы:

[1] Брюхова, О. Ю., Старцева Н.Н. Инструменты работы с сотрудниками старших возрастов на разных стадиях их жизненного цикла в организации // Экономика труда. – 2025. – Т.12. № 4. URL: https://1economic.ru/lib/122886?ysclid=mi0govyleg495551349..

[2] В каждой четвертой компании удержание пенсионеров – норма, а каждая десятая стала практиковать это недавно. URL: superjob.ru/research/articles/115260/v-kazhdoj-chetvertoj-kompanii-uderzhanie-pensionerov/) (дата обращения 24.06.2026).

[3] Васильева, Е. В. Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России: монография. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. – 190 с. – ISBN 978-5-94646-663-9.

[4] Герр О.А. Рынок труда в фазе старения работников: анализ теорий, концепций и моделей активного долголетия // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2024. –Т. 13. – № 5. С. 68-74.

[5] Калачикова О.Н., Боброва А.Г., Короленко А.В., Нацун Л.Н., Ребенок О.Ю., Журкевич А.А., Щербина Н.М., Петракова Ю.Н. Активное долголетие и его факторы в контексте демографического старения. Опыт исследования в России и Беларуси. – Вологда, 2022.

[6] Лукичёв П.М., Чекмарев О.П. и др. Новые вызовы современного рынка труда: работники старших возрастов vs пенсионеры // Экономика труда. – 2023. – № 4.

[7] Работа для пенсионеров в 2026-м: кто готов их взять в штат, сколько платятhttps://news.ru/

economics/rabota-dlya-pensionerov-v-2026-m-kto-gotov-ih-vzyat-v-shtat-skolko-platyat (дата обращения 24.06.2026).

References:

[1] Bryukhova, O. Yu., Startseva N.N. Tools for working with older employees at different stages of their life cycle in the organization // Labor Economics. – 2025. - T.12. № 4. URL: https://1economic.ru/lib/122886?ysclid=mi0govyleg495551349..

[2] In every fourth company, retention of retirees is the norm, and every tenth has begun to practice it recently. URL: superjob.ru/research/articles/115260/v-kazhdoj-chetvertoj-kompanii-uderzhanie-pensionerov/) (дата обращения 24.06.2026).

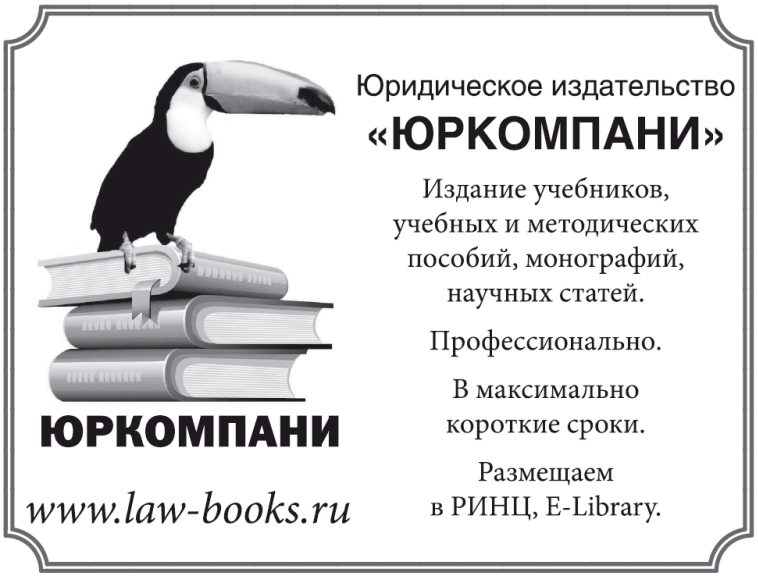
[3] Vasilyeva, E. V. The concept of active longevity: opportunities and limitations of implementation in Russia: monograph. - Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2022. - 190 p. - ISBN 978-5-94646-663-9.

[4] Herr O.A. Labor market in the aging phase of workers: analysis of theories, concepts and models of active longevity // Personnel and intellectual resources management in Russia. – 2024. -T. 13. – № 5. S. 68-74.

[5] O.N. Kalachikova, A.G. Bobrova, A.V. Korolenko, L.N. Natsun, O.Yu. Child, A.A. Zhurkevich, N.M. Shcherbina, Yu.N. Petrakova. Active longevity and its factors in the context of demographic aging. Research experience in Russia and Belarus. - Vologda, 2022.

[6] P.M. Lukichev, O.P. Chekmarev et al. New challenges of the modern labor market: older workers vs pensioners // Labor economy. – 2023. – № 4.

[7] Work for pensioners in 2026: who is ready to hire them, how much they pay https ://news.ru/economics/rabota-dlya-pensionerov-v-2026-m-kto-gotov-ih-vzyat-v-shtat-skolko-platyat (date of appeal 24.06.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 14.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-279-282
Дата принятия рукописи в печать: 05.08.2026 г.

ЛОПАТИН Кирилл Семенович,
преподаватель колледжа Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС,
e-mail: kslopatin@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИНЦИПА ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕСТА НА ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТЬ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена вопросам совершенствования теста на пропорциональность как средства определения конституционности нормативного правового акта, ограничивающего конституционные права и свободы. Выявляется проблема отсутствия чётких критериев сопоставления конституционных ценностей при осуществлении теста на пропорциональность. В целях совершенствования теста на пропорциональность и обеспечения правовой определённости предлагаются основанные на определении Российской Федерации как демократического государства социологические методы определения веса конституционных ценностей, предполагающие исследование общественного мнения и выявление отношения граждан к рассматриваемым конституционным ценностям.*

Ключевые слова: *конституционные ценности, тест на пропорциональность, конституционность, конституционные права, конституционное судопроизводство.*

LOPATIN Kirill Semenovich,
lecturer at the college of the Far Eastern Institute of Management – a branch of the RANEPA

THE PROPORTIONALITY TEST: THE PROBLEM OF ENSURING THE PRINCIPLE OF LEGAL CERTAINTY

Annotation. *This article examines the improvement of the proportionality test as a means of determining the constitutionality of a normative legal act restricting constitutional rights and freedoms. The lack of clear criteria for comparing constitutional values when applying the proportionality test is highlighted. To improve the proportionality test and ensure legal certainty, sociological methods for determining the weight of constitutional values based on the definition of the Russian Federation as a democratic state are proposed. These methods involve public opinion research and identifying citizens' attitudes toward the constitutional values in question.*

Key words: *constitutional values, proportionality test, constitutionality, constitutional rights, constitutional proceedings.*

Введение

Одним из вопросов, до сих пор занимающих умы конституционалистов, является вопрос методологии проверки конституционности нормативных правовых актов. Относительно новым ответом на этот вопрос можно назвать тест на пропорциональность, предполагающий сопоставление ограничиваемой и защищаемой конституционной ценности [3, 18]. Учитывая, что обеспечить абсолютную реализацию всех конституционных ценностей невозможно, тест на пропорциональность позволяет обнаружить, будет ли ограничение, установленное нормативным правовым актом, меньшим злом в сравнении с защищаемой ценностью. Не называя его прямо, тест на пропорциональность использует в своей практике и Конституционный суд Российской Федерации [3, 19].

Идея теста на пропорциональность отличается наличием общей формулировки и непроработанностью отдельных деталей. Иначе говоря, как инструмент, тест на пропорциональность ещё не «отточен» должным образом.

Среди таких «белых пятен» является вопрос самой возможности сопоставления нескольких конституционных ценностей друг другу. Критики теста на пропорциональность указывают на несоизмеримость конституционных ценностей; эта критика сводится к невозможности установить значение ценностей в некоторой общей единице

измерения [2; 70]. В свою очередь, это также означало бы и нарушение принципа правовой определённости в случае применения теста на пропорциональность – результат применения такого теста становится непредсказуемым.

При этом представляется актуальным вопрос, действительно ли это так.

Цель настоящей работы – установить, возможно ли разработать такой метод осуществления теста на пропорциональность, который соответствовал бы требованиям принципа правовой определённости.

Достижение поставленной цели возможно путём выполнения нескольких задач: изучение современных теоретических и практических наработок по вопросу теста на пропорциональность, их критики с точки зрения обеспечения правовой определённости и формулировки предложений, направленных на решение выявленных проблем.

Для выполнения работы применялись формально-юридический метод и метод правового моделирования.

Результаты исследования

По итогу исследования были получены нижеописанные результаты.

Один из теоретиков теста на пропорциональность Роберт Алекси подобрался к ответу на вопрос возможности соотнести ценности, используя числовые значения для их сопоставления [1; 115]. Однако в целом он не заострял внимание на этом, и используемый математический метод, по нашему мнению, характеризуется произвольностью – и, соответственно, нарушением конституционного принципа правовой определённости.

Робертом Алекси использовалась следующая формула для сопоставления конституционных ценностей:

$$W_{ij} = \frac{I_i}{I_j}$$

Где W_ij означает вес нарушаемого принципа, I_i означает степень нарушения принципа, I_j означает важность удовлетворения конкурирующего принципа.

Применение формулы сводится к следующим условиям:

Ограничение конституционно, если W_ij>1;

В иных случаях ограничение неконституционно.

Учитывая, что W_ij>1 при I_i>I_j, предложенный метод можно упростить до формулировки «Ограничение конституционно только в случаях, при которых I_i>I_j».

При этом нет никакого указания на то, как определить значения переменных I_i и I_j. В примере с рассмотрением дела Федеральным конституционным судом Германии, Роберт Алекси присвоил этим переменным значения на основании их вербальной характеристики органом конституционному судопроизводства.

Действительно, предложенный метод точно описывает решения, уже принимаемые органами конституционного судопроизводства. Однако тест на пропорциональность создавался с целью не описывать уже принятые решения органов конституционного контроля, а корректно сопоставлять конституционные ценности. Сейчас же тест на пропорциональность не может служить средством решения стоящих перед ними вопросов, так как не позволяет определить значения предложенных переменных.

Представляется, что задачу можно упростить, определяя I_i как вес конституционной ценности i и I_j как вес конституционной ценности j. В таком случае тест на пропорциональность сведётся к сравнению веса конкурирующих конституционных ценностей.

Если под i понимать конституционную ценность, защищаемую рассматриваемым нормативным правовым актом, а под j – конституционную ценность, ограничиваемую рассматриваемым нормативным правовым актом, то решение о конституционности рассматриваемого нормативного правового акта может быть принято в случае, если I_i>I_j

Мы можем назвать значения этих переменных непроизвольными в том случае, если их точное значение выводится из самого смысла Конституции. Это возможно в нескольких случаях.

Первый случай предполагает, что Конституция прямо устанавливает значения веса конституционных ценностей. Очевидно, в настоящий момент таких основных законов нет, и нет видимых предпосылок для их возникновения в обозримом будущем, однако мы можем рассмотреть такой случай, как теоретическую модель.

Прямое установление веса конституционных ценностей осложняется также и их обобщённой формулировкой в тексте любой Конституции. Когда мы говорим, что законом нарушается какой-либо принцип или ограничивается конституционное право, то это означает нарушение какого-либо элемента принципа или запрет того или иного действия, включённого в право. Уточнение веса каждого элемента конституционной ценности потребовало бы её крайне подробной конкретизации, что противоречит сути конституции как правового акта, содержащего преимущественно общие положения о регулировании общественных отношений, которые уже и конкретизируются федеральными законами и иными нормативными правовыми актами [5; 100] (которые, в свою оче-

редь, уже становятся объектами конституционного контроля).

Кроме того, установление веса конституционных ценностей в конституции – правовом акте, призванном сохранять стабильность в течение длительного срока – «зацементирует» их значение даже в случае изменения социальных условий. Это, в частности, не согласуется с позицией Конституционного суда Российской Федерации, придерживающегося эволютивной теории конституции [6; 105].

Другое решение этой задачки мы можем вывести из ключевого положения Конституции Российской Федерации – определения России как демократического государства. В нынешнем правоприменении характеристика России как демократического государства преимущественно ассоциируется с электоральными механизмами, что в том числе отражено в практике Конституционного суда (например, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 10 июня 1998 г. № 17-П, исследующим вопросы выборов и референдума, или Постановлении Конституционного Суда РФ от 16.07.2007 № 11-П, исследующим вопросы политических партий в демократическом государстве), однако в научной литературе демократию понимают более широко, в частности, отмечая «контроль власти со стороны граждан» и «приоритет интересов граждан» [7; 83]. Дополняя это утверждением о том, что именно многонациональный народ Российской Федерации является субъектом принятия Конституции Российской Федерации, мы можем сделать вывод о том, что вес конституционных ценностях в целях применения теста на пропорциональность может устанавливаться непосредственно гражданами Российской Федерации.

Это не означает, что любое дело в рамках конституционного судопроизводства должно сопровождаться общероссийским голосованием по вопросу приоритета тех или иных ценностей – такое требование лишь затормозило бы деятельность органа конституционного контроля, если бы не полностью парализовало, заставив «отложить в долгий ящик» почти все жалобы на нарушения конституционных прав. Вопрос может быть решён путём обращения к социологическим исследованиям, в частности, к социологическим опросам. Так, Конституционный суд Российской Федерации может обращаться к результатам актуальных социологических исследований, чтобы определить приоритет отдельных ценностей для граждан Российской Федерации, или заказать проведение такого исследования у социологических служб, ведь именно социологические опросы благодаря научно обоснованной методологии позволяют выявить актуальное общественное мнение [4].

В случае проведения социологического исследования в целях разрешения конкретного дела вес конституционной ценности может рассчитываться как среднее арифметическое весов конституционной ценности каждого отдельного гражданина, опрошенного в ходе социологического исследования:

$$I_X = \frac{c_1 + c_2 + ... + c_n}{n}$$

Где I_X является весом конституционного принципа x, c является весом конституционной ценности отдельного гражданина.

Вес конституционной ценности для отдельного гражданина, в свою очередь, может рассчитываться на основании ответов на вопросы, заданных в ходе социологического опроса. Представляется, что соответствующая методология должна разрабатываться применительно к каждому социологическому опросу индивидуально.

Преимуществом предложенного метода является внесение правовой определённости в конституционное судопроизводство при применении теста на пропорциональность: вес конституционного принципа будет определяться не произвольно на основании правосознания судей Конституционного суда Российской Федерации, а путём изучения мнения многонационального народа Российской Федерации – источника власти – на основании научно обоснованной социологической методологии, обеспечивающей репрезентативность и отражение действительного общественного мнения в конкретный момент времени. Представляется, что поспособствует реализации конституционного принципа правовой определённости и положительно скажется на авторитете Конституционного суда Российской Федерации как органе конституционного контроля.

При этом применение теста на пропорциональность в предложенном варианте не должно означать, что Конституционному суду отводится техническая роль организатора исследования общественного мнения. Конституционный суд сохраняет своё полномочие на интерпретацию результатов исследования, что необходимо в том числе и по той причине, что в конкретной ситуации граждане могут не обладать всей нужной информацией для адекватной оценки конституционных ценностей, в то время как Конституционный суд может осуществить комплексное соотношение ценностей, в том числе исходя и из засекреченной информации. Тест на пропорциональность в таком случае – не панацея, а лишь одно из средств осуществления конституционного контроля.

Заключение

По итогам исследования можно утвердительно ответить на вопрос, возможно ли обеспечить реализацию принципа правовой определённости в ходе применения теста на пропорциональность при проверке конституционности нормативных правовых актов. Такая определённость должна обеспечиваться путём разработки конкретной методологии определения веса конституционных ценностей для их дальнейшего сопоставления. В условиях современной Российской Федерации, признаваемой демократических государством, такая методология может быть основана на изучении общественного мнения по вопросу отношения к конкретным конституционным ценностям.

Предложенная методология может не ограничиваться конституционным контролем лишь в Российской Федерации. Её применение возможно и в других конституционных государствах, чьи правовые системы предусматривают институт конституционного контроля и закрепляют демократизм как конституционный принцип.

Список литературы:

[1] Алекси, Р. Сбалансированность, конституционный контроль и представительство / Р. Алекси // Сравнительное конституционное обозрение. – 2006. – № 2(55). – С. 113-118.

[2] Белов, С. А. Рациональность судебной балансировки конституционных ценностей с помощью теста на пропорциональность / С. А. Белов // Петербургский юрист. – 2016. – № 1. – С. 63-75.

[3] Дараган, В. А. Применение теста на пропорциональность при рассмотрении конституционных жалоб / В. А. Дараган // Научные тенденции: Юриспруденция : Сборник научных трудов по материалам XIII международной научной конференции, Санкт-Петербург, 20 апреля 2018 года. – Санкт-Петербург: Международная Объединенная Академия Наук, 2018. – С. 17-20.

[4] Кравченко, А. И. Методология и методы социологических исследований : учебник для вузов / А. И. Кравченко. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 659 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18257-6. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/568832 (дата обращения: 30.11.2025).

[5] Миронов, О. О. К вопросу о функциях конституции / О. О. Миронов // Право и образование. – 2011. – № 8. – С. 95-101.

[6] Урошлева, А. С. Эволютивный подход в аргументативной практике конституционного правосудия / А. С. Урошлева // Сравнительное конституционное обозрение. – 2020. – № 6(139). – С. 87-112.

[7] Широбоков, С. А. Конституционные принципы демократии в Российской Федерации / С. А. Широбоков // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 4(9). – С. 82-89.

References:

[1] Alexi, R. Balance, constitutional control and representation/R. Alexi // Comparative constitutional review. – 2006. – № 2(55). - S. 113-118.

[2] Belov, S. A. Rationality of judicial balancing of constitutional values using the proportionality test/ S. A. Belov // Petersburg lawyer. – 2016. – № 1. - S. 63-75.

[3] Daragan, V. A. Application of the proportionality test in the consideration of constitutional complaints/V. A. Daragan // Scientific trends: Jurisprudence: Collection of scientific works based on the materials of the XIII international scientific conference, St. Petersburg, April 20, 2018. - St. Petersburg: International United Academy of Sciences, 2018. - S. 17-20.

[4] Kravchenko, A. I. Methodology and methods of sociological research: a textbook for universities/A. I. Kravchenko. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. - 659 p. - (Higher education). — ISBN 978-5-534-18257-6. - Text: electronic // Educational platform Yurayt [site]. - URL: https://urait.ru/bcode/568832 (access date: 30.11.2025).

[5] Mironov, O. O. On the question of the functions of the constitution/O. O. Mironov // Law and education. – 2011. – № 8. - S. 95-101.

[6] Uroshleva, A. S. Evolutive approach in the argumentative practice of constitutional justice/ A. S. Uroshleva // Comparative constitutional review. – 2020. – № 6(139). - S. 87-112.

[7] Shirobokov, S. A. Constitutional principles of democracy in the Russian Federation/ S. A. Shirobokov // Actual problems of Russian law. – 2008. – № 4(9). - S. 82-89.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-283-286
Дата принятия рукописи в печать: 02.08.2026 г.

ГОРБУНОВ Максим Дмитриевич,
Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, 0000-0001-5266-8852, e-mail: maxandgor@gmail.com, maximdmigorbunov@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ВНЕДРЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ (МЕДИАЦИИ) В КОНТЕКСТЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена анализу проблемы интенсификации использования альтернативных способов разрешения споров (конфликтов) в юридической практике в контексте особенностей профессионального образования в России. В работе отмечается ряд проблемных аспектов, связанных с институциональными и социокультурными барьерами в сфере юридического образования и выражающихся в ограниченной практике использования медиативных процедур при разрешении правовых конфликтов. Несмотря на существующую нормативную базу профессиональные юристы и иные субъекты права непропорционально редко обращаются к данному способу разрешения споров. Обосновывается связь обозначенной проблемы с существующим подходом к профессиональному образованию юристов и содержательными недостатками образовательных программ на уровне компетентностного и этического подходов. Закладываемые алгоритмы профессионального мышления юриста в контексте понимания приоритетов используемых правовых средств и целей правового воздействия на конфликты, вкупе с ограниченной представленностью конфликтологических компетенций в юридическом образовании, оказывают негативное влияние на решение задачи интенсификации использования альтернативных способов разрешения споров (конфликтов). В заключение в статье предлагается комплекс мер по включению в образовательный процесс медиативной подготовки как на уровне изменения федеральных государственных образовательных стандартов, так и на уровне внедрения проблемно-ориентированного обучения юриста-конфликтолога.*

Ключевые слова: *альтернативные способы разрешения споров, юридическая конфликтология, медиация, юридическое образование, просвещение, государственная политика, компетентностный подход, правовая культура.*

GORBUNOV Maxim Dmitrievich,
Candidate of Science (Law), Associated Professor, Department of Theory and History of State and Law, Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod

THE PROBLEM OF IMPLEMENTING ALTERNATIVE CONFLICT RESOLUTION (MEDIATION) IN THE CONTEXT OF LEGAL EDUCATION

Annotation. *This article analyzes the increasing use of alternative dispute resolution (conflict resolution) in legal practice within the context of professional education in Russia. The paper highlights a number of problematic aspects related to institutional and sociocultural barriers in legal education, which are reflected in the limited use of mediation procedures in resolving legal conflicts. Despite the existing regulatory framework, professional lawyers and other legal entities disproportionately rarely resort to this method of dispute resolution. The article substantiates the connection between this problem and the existing approach to professional legal education and the substantive shortcomings of educational programs at the competency-based and ethical levels. The established algorithms of professional legal thinking, in the context of understanding the priorities of legal means and the goals of legal intervention in conflicts, coupled with the limited representation*

of conflictology competencies in legal education, have a negative impact on the task of intensifying the use of alternative dispute resolution (conflict resolution). In conclusion, the article proposes a set of measures to incorporate mediation training into the educational process, both through changes to federal state educational standards and through the implementation of problem-based training for conflict lawyers.

Key words: *alternative dispute resolution, legal conflictology, mediation, legal education, public awareness, public policy, competency-based approach, legal culture.*

Введение

Проблематика внедрения альтернативных способов разрешения споров (конфликтов) (далее – АСРС) в правовой сфере сегодня имеет высокую степень актуальности ввиду выраженного перекоса в практике разрешения правовых конфликтов с сторону судебного разбирательства. Специалисты-практики и ученые давно сигнализируют о значительной степени перегруженности судебного корпуса и необходимости расширения внесудебных процедур [5, с. 23–24]. В свою очередь, действующему законодательству о медиации, в первую очередь Федеральному закону от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», которое было призвано интегрировать в юридическую практику новых ориентированных на интересы участников правовых отношений способов разрешения споров исполнилось более пятнадцати лет, но его уровень внедрения остается до сих пор на непропорционально низком уровне [7, с. 41–56].

В итоге складывается парадоксальная ситуация, когда сама правовая система транслирует явный запрос на подготовку юристов-медиаторов, а система высшего образования продолжает воспроизводить традиционную модель юриста, ориентированного на победу в процессуальном споре на основе применения формального законодательства. Это противоречие порождает главный проблемный вопрос о способности существующей системы подготовки профессиональных юристов ответить на существующий запрос и преодолеть на уровне профессионального сообщества пренебрежение АСРС.

Это обстоятельство обусловливает исследовательскую задачу по выявлению институциональных образовательных и социокультурных барьеров на уровне профессионального сообщества, замедляющих интенсивность внедрения АСРС в России и предложению потенциальных путей их устранения с учетом специфики юридического образования как такового рамках компетентностного подхода.

Особенности российского юридического образования как ограничивающий фактор

Альтернативные способы разрешения споров включают помимо непосредственно медиации, активно интегрированной в существующий правовой процесс, также переговоры и различные комбинированные процедуры, не имеющие достаточной правовой охраны [4, с. 218–223]. Необходимо отметить, что зарубежной правовой доктрине и юридической практике, в частности на родине практической конфликтологи в США эти инструменты давно интегрированы в базовое юридическое образование и социальные институты [8, p. 1–19; 10, p. 170–179].

В свою очередь в России ситуация сложилась принципиально иная. Несмотря на наличие профессионального стандарта «Специалист в области медиации (медиатор)», утвержденного Приказом Минтруда России от 15.12.2014 № 1041н, который предъявляет четкие требования к компетенциям юриста-конфликтолога, студенты-юристы слабо знакомы с медиативной практикой и реальной ролью конфликтологических навыков в профессиональной юридической деятельности. При этом медиация, как правило, изучается крайне сжато в рамках курса гражданского процессуального права, либо как составляющая курса юридической конфликтологии, которая, несмотря на постепенное расширение своей представленности в вузовском образовании, остается факультативной дисциплиной [6, с. 67–70]. В результате учебный процесс в отечественном юридическом образовании характеризуется как фрагментарностью, так и особенностью формируемых у студентов компетентностных установок.

Российское юридическое образование задает общую направленность тематики разрешения юридических споров вокруг норм процессуального права и обеспечения общего режима законности посредством в первую очередь публично-правового воздействия. Установка студентов на формальную юридическую правильность и противопоставление сторон процесса по типу «истец – ответчик» и «обвинение – защита» формирует узкое понимание правовых конфликтов и задачи юриста, а также порождает установку на выигрыш и разделение сторон на «правых» и «виноватых». Вместе с тем, медиация предполагает принципиально иной подход, поскольку она не только расширяет привычные процессуальные рамки спора, но и меняет установку юриста на обеспечение согласования интересов сторон и поиск решения, ориентированное не на публично-

правовую защиту, а на частные позиции участников процесса.

Другой важной составляющей является недостаточная подготовка самих преподавателей и отсутствие у них не только специфических конфликтологических знаний, но и реального опыта участия в медиативной процедуре. Большинство преподавателей никогда не вели переговоры в медиативном формате, а их опыт ограничен судебными процессами и арбитражем. Кроме того, преподавание юридической конфликтологии ведется в рамках общетеоретического блока, что еще больше ограничивает практическую направленность образовательного процесса.

Направления внедрения и интенсификации медиативных и конфликтологических компетенций

Исходя из выявленных специфических условий, которые создают значимые барьеры в интенсификации внедрения АСРС представляется возможным внести следующие значимые предложения по их устранению:

Во-первых, необходима системная корректировка действующих стандартов специальности, направлений подготовки и содержания учебных планов в рамках сформированного в России компетентностного подхода. Обращает на себя внимание то, что Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата) в действующей редакции, введенный Приказом Минобрнауки России от 13.08.2020 N 1011, на уровне формируемых компетенций не содержит не только специальных указаний на навыки использования АСРС и конкретно медиации, но также не предусматривает формирования знаний конфликтных ситуаций. В данной связи требуется внедрить в действующую карту компетенций на всех уровнях специального блока конфликтологические компетенции общетеоретического и практического характера в контексте формирования навыков и этики юриста-конфликтолога.

Во-вторых, приоритизация практико-ориентированной составляющей юридического образования и переход к активным методам обучения в рамках специализированных программ АСРС, включая кейс-стади, ролевые игры, проблемные дискуссии [2, с. 173–178]. Этот процесс должен быть обеспечен за счет вовлечения уже зарекомендовавшего себя института юридических клиник непосредственно в образовательный процесс и расширения учебной программы дисциплины «Юридическая конфликтология» по часам и введения специальных блоков в процессуальные дисциплины «Альтернативные способы разрешения споров».

В-третьих, расширение программ учебной практики и стажировки как на базе уже упомянутых юридических клиник, так и при направлении студентов в существующие отечественные медиативные сообщества [1, с. 36–37]. Целесообразно создать на базе клиник специализированные медиативные отделения, где студенты под руководством практикующего медиатора смогут проводить досудебные переговоры, составлять медиативные соглашения и даже вести процесс медиации по малозначительным спорам.

В-четвертых, внедрение информационных и ИИ-технологий в учебный процесс. В мировой науке активно поднимается вопрос использования нового инструментария самообучаемых систем искусственного интеллекта и их адаптация к тестовым моделям реконструкции медиативного процесса и к виртуальным тренажерам активного слушания [9, p. 180–201]. В России возможно формирование пилотных проектов подобных симуляторов, воспроизводящих процесс спора и позволяющих студенту вовлекаться в роль медиатора без значительных затрат и издержек прямо в учебном процессе.

В-пятых, создание стимулирующих механизмов вовлечения в использование АСРС среди профессионального сообщества и простых граждан. Показательно, что Верховный Суд РФ неоднократно высказывался в пользу развития судебной медиации как важного условия обеспечения состязательности процесса и оптимизации работы судебной системы в целом, что отмечается, в частности, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства».

При этом необходимо учитывать, что в отечественной российской правовой культуре медиация долгое время воспринималась как «неюридическая» процедура, и по-прежнему доминирует представление, что юрист должен не учитывать интересы, а обеспечивать формальное применение нормы. Преодолеть эти установки возможно, апеллируя к разгрузке судебного корпуса и сокращению издержек для экономики, поскольку медиативные процедуры эффективны не только с точки зрения ориентированности на интересы сторон спора, но также оптимизируют временные и материальные затраты [3, с. 109–113].

Заключение

Проведенный анализ, таким образом, позволяет сделать вывод, что низкая интенсивность внедрения АСРС в российское юридическое образование обусловлена системными особенностями российской правовой и образовательных сфер общества, включая существующий компетентностный подход, установки профессиональ-

ной этики и фрагментарность конфликологической образовательной и педагогической базы.

Интенсификация требует, с одной стороны, выраженных институциональных сдвигов на уровне образовательных стандартов и учебных программ при повышении общей практико-ориентированности юридического образования и вовлечения в ее процесс практикующих медиаторов. С другой стороны, также необходим сдвиг общей парадигмы роли юриста в конфликте и переориентация установок в сторону юриста-конфликтолога, не просто применяющего норму, но учитывающего позиции и интересы сторон спора, а также эффективно применяющего доступные правовые инструменты в юридических конфликтах.

Список литературы:

[1] Карамышева Ю.Д. Медиативные технологии в работе юридической клиники // Наука и образование сегодня. 2017. № 3 (14). С. 36–37.

[2] Малышева И.В. Активные и интерактивные формы работы при формировании юридического типа мышления // Вестник Кузбасского института. 2015. № 3 (24). С. 173–178.

[3] Пронина М.П. Проблема влияния чрезмерности судебных расходов на доступность правосудия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 20. С. 109–113.

[4] Рябус О.А., Старицын А.В. Особенности альтернативных способов разрешения споров // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. № 2 (8). С. 218–223.

[5] Хакимова Г.И., Воронцова И.В. Сущность проблемы загруженности судебной системы Российской Федерации // Достижения науки и образования. 2024. № 2 (93). С. 23–24.

[6] Худойкина Т.В., Васягина М.М. Юридическая конфликтология в системе подготовки будущих юристов // Интеграция образования. 2006. № 1. С. 67–70.

[7] Чумиков А.Н. Медиация в системе конфликтологии социальных взаимоотношений: состояние и перспективы развития // Социологическая наука и социальная практика. 2023. № 2 (11). С. 41–56.

[8] Forrest S M. The Evolving Field of Mediation in the United States // Bond Law Review. 2001. Vol. 13, No 2. P. 1–19.

[9] Hussein E. AI Meets Mediation: Shaping the Future of Dispute Resolution in a Digital World // Arbitration: The International Journal of Arbitration, Mediation and Dispute Management. 2025. Vol. 91, No. 2. P. 180–201.

[10] Price R. An Alternative Approach to Justice: The Past, Present, and Future of the Mediation Program at the U.S. District Court for the Southern District of New York // Yearbook on Arbitration and Mediation. 2014. Vol. 6. P. 170–179.

References:

[1] Karamysheva Yu.D. Mediation technologies in the work of a legal clinic // Science and education today. 2017. No. 3 (14). P. 36–37.

[2] Malysheva I.V. Active and interactive forms of work in the formation of a legal type of thinking // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2015. No. 3 (24). P. 173–178.

[3] Pronina M.P. The problem of the influence of excessive legal costs on the accessibility of justice // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 20. P. 109–113.

[4] Ryabus O.A., Staritsyn A.V. Features of alternative dispute resolution methods // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2022. No. 2 (8). P. 218–223.

[5] Khakimova G.I., Vorontsova I.V. The Essence of the Problem of the Workload of the Judicial System of the Russian Federation // Achievements of Science and Education. 2024. No. 2 (93). P. 23–24.

[6] Khudoykina T.V., Vasyagina M.M. Legal Conflictology in the System of Training Future Lawyers // Integration of Education. 2006. No. 1. P. 67–70.

[7] Chumikov A.N. Mediation in the System of Conflictology of Social Relations: Status and Development Prospects // Sociological Science and Social Practice. 2023. No. 2 (11). P. 41–56.

[8] Forrest S M. The Evolving Field of Mediation in the United States // Bond Law Re-view. 2001. Vol. 13, No. 2. P. 1–19.

[9] Hussein E. AI Meets Mediation: Shaping the Future of Dispute Resolution in a Digital World // Arbitration: The International Journal of Arbitration, Mediation and Dispute Man-agement. 2025. Vol. 91, No. 2. P. 180–201.

[10] Price R. An Alternative Approach to Justice: The Past, Present, and Future of the Mediation Program at the U.S. District Court for the Southern District of New York // Yearbook on Arbitration and Mediation. 2014. Vol. 6. P. 170–179.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-287-290

МАЛЬКОВА Елена Геннадьевна,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», кандидат юридических наук; декан факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет),
e-mail: e-malkova@mail.ru.

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИИ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ЮРИДИЧЕСКИХ КАДРОВ

Аннотация. *Интеграция искусственного интеллекта в повседневную жизнь ставит новые требования к профессиональной подготовке будущих специалистов, в том числе в сфере юриспруденции. Имеющиеся компетенции будущих юристов необходимо модернизировать под условия жизни общества, ставя перед собой большую задачу в виде повышения уровня конкурентоспособности юристов на рынке труда, увеличения продуктивности рутинных задач, а также совершенствование навыков принятия нестандартных решений в непростых ситуациях. В связи с этим актуальность исследования искусственного интеллекта в образовательной сфере высока из-за стремительных изменений ИИ-технологий, которые позволяют образовательным организациям максимально быстро адаптировать обучающихся к новым требованиям общества, ставя перед собой подготовку квалифицированных специалистов. В статье рассматривается острая необходимость приведения имеющихся нормативных актов в соответствие с цифровыми реалиями. Лишь только комплексный подход к полному внедрению и использованию ИИ-технологий позволит повысить уровень подготовки юридических кадров.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, цифровизация, компетенции, систематизация, образовательный процесс.*

MALKOVA Elena Gennadievna,
Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Northwestern Branch of the Lebedev Russian State University of Justice, PhD in Law; Dean of the Faculty of Training Specialists for the Judicial System (Faculty of Law)

THE SPECIFICS OF USING AI TECHNOLOGIES IN THE PROFESSIONAL TRAINING OF LEGAL PERSONNEL

Annotation. *The integration of artificial intelligence into everyday life places new demands on the professional training of future specialists, including in the field of law. The existing competencies of future lawyers need to be modernized to meet the living conditions of society, setting a major task in the form of increasing the competitiveness of lawyers in the labor market, increasing the productivity of routine tasks, as well as improving the skills of making non-standard decisions in difficult situations. In this regard, the relevance of artificial intelligence research in the educational field is high due to the rapid changes in AI technologies, which allow educational organizations to adapt students to the new requirements of society as quickly as possible, setting themselves the task of training qualified specialists. The article discusses the urgent need to bring existing regulations in line with digital realities. Only an integrated approach to the full implementation and use of AI technologies will improve the level of training of legal personnel.*

Key words: *artificial intelligence, digitalization, competencies, systematization, educational process.*

Цифровизация общественных отношений оказывает воздействие на систему высшего образования, в том числе на подготовку специалистов по направлению «Юриспруденция». Одним из основных направлений реформы образования является интеграция искусственного интеллекта (далее по тексту - ИИ), который в настоящее время находит свое применение во всех сферах общественной жизни, включая образовательный процесс.

Настоящее время характеризуется повсеместной интеграцией искусственного интеллекта в различные сферы общественной жизни, которая обуславливает необходимость обеспечить систему высшего профессионального образования высоким уровнем подготовки специалистов юридического профиля. Внедрение ИИ в образовательной сфере предполагает использование различных цифровых технологических решений для задач образовательной аналитики, интерактивного взаимодействия с обучающимися и автоматизированного контроля уровня наличия и освоения компетенций.

На фоне интенсивной интеграции искусственного интеллекта в образовательный процесс существенно возрастает потребность в целенаправленной ориентации системы юридического образования. Изменение и модернизация профессиональных знаний и навыков, развитие юридического мышления, культивирование правосознания у нынешней молодежи являются приоритетными задачами юридического образования в настоящее время. При этом, внедрение искусственного интеллекта в сфере образования должно реализовываться в условиях уважения прав человека, неприкосновенности частной жизни, законности и справедливости.

В настоящее время технологии искусственного интеллекта активно проникают в юридическую практику. Например, как отметил Председатель Верховного Суда Российской Федерации Краснов И.В.: «Аналитические программные комплексы на основе искусственного интеллекта — вот что является перспективным направлением в развитии судебной системы. Будем активнее внедрять их в работу судов, быстрее выявлять противоречия в судебной практике и реагировать на них» [3]. Таким образом, включение различных технологий, в том числе искусственного интеллекта в работу судебной системы может обеспечить доступ к правосудию, повысить уровень доверия к суду, реализовать принципы справедливости и правовой определенности.

Актуальным введением искусственного интеллекта в деятельность судов является работа по рассмотрению простых категорий дел, характеризующихся небольшой степенью сложности, не предполагающих существенного анализа доказательств и не связанных с необходимостью формирования нестандартных правовых подходов, оригинальной правовой аргументации и новых правовых позиций. Активное использование искусственного интеллекта при поступлении дел, их регистрации, подготовки проектов процессуальных решений позволит максимально сократить нагрузку на сотрудников аппарата суда. Данная работа сможет не только повысить скорость и производительность, но и окажет влияние оптимизацию трудовых ресурсов, при этом повышая общую эффективность отправления правосудия.

Несомненно, что будущее юридической практики напрямую связано с использованием искусственного интеллекта, при этом стандартные рутинные задачи со временем будут полностью переданы в полномочия технологий. Уже сейчас, будущим специалистам в области юриспруденции следует адаптировать свои знания к нынешним условиям, а также совершенствовать свой профессиональный опыт, модифицировать творческий подход к решению сложных и запутанных ситуаций, при этом, используя возможности цифровизации общества. В связи с этим, настоящее время диктует все новые и новые требования к компетенциям будущих специалистов в области юриспруденции, в том числе в образовательной сфере, при этом сохраняя качество подготовки.

В разрезе юридического образования искусственный интеллект выступает в качестве инструментального комплекса, действующего на основе алгоритмов машинного обучения, который способен выполнять интеллектуальные операции, включая самое главное – быстрый анализ правовой информации [2, 1274]. Реализация потенциала ИИ при получении юридического образования осуществляется через онлайн обучение, использование специализированных платформ, автоматизированную оценку результатов освоения материала и других технологических решений. Данный подход способствует повышению качества обучения, формированию гибкой образовательной среды и обеспечению всеобщей доступности образовательных услуг в современном цифровом мире.

Применение технологий искусственного интеллекта в сфере образования должно соответствовать действующим нормативно правовым требованиям в области образования, обеспечивать соблюдение стандартов качества образовательных услуг, а также создавать основу для формирования новых регламентов использования цифровых инструментов. При этом юридическое образование должно быть целенаправленно ориентировано на реализацию правовых ценно-

стей и принципов в контексте внедрения ИИ.

Практика применения технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе при подготовке специалистов в области юриспруденции разделяет множество различных видов, которые можно поделить на 2 вида: универсальные и профильные цифровые технологии [1, 99]. К универсальному виду цифровых технологий относят: смарт-контент, система адаптивного обучения, ИИ-ассистенты, образовательные платформы, мессенджеры, видеоконференцсвязь и другое. Необходимо отметить, что первый вид применим ко всем сферам образования. Использование данных технологий помогает развитию цифровых компетенций обучающихся. При этом, применение их возможно не только обучающимся, но и преподавателями и разработчиками курсов.

К профильным цифровым технологиям относят: экспертные правовые системы, программные системы анализа судебной практики, интеллектуальные правовые поисковые системы, системы поддержки принятия юридических решений, системы автоматизированного анализа договоров, цифровые инструменты для электронного правосудия и подачи документов и многие другие. Данный вид технологий предназначен для более узкой сферы применения, такой как юриспруденция. Они не только создают реальные юридические процессы, но и позволяют анализировать, работать с большим объемом информации профессиональной среды. Несомненно, что большая часть указанных технологий предназначена для оптимизации профессиональной и организационной работы юриста, вместе с тем, позволяет в считанные минуты аккумулировать информацию, при этом структурировать, анализировать, выявлять риски и проблемы.

Отдельного внимания заслуживает работа не только применять искусственный интеллект, но и применять его в своей работе, критически оценивать результаты поиска и работы цифровых технологий. Юрист XXI века должен обладать большим набором профессиональных компетенций, чтобы не только контролировать работу искусственного интеллекта, но и модифицировать, интегрировать ее в различные сферы и уметь максимально быстро подстраиваться под условия нынешнего времени. Только при соблюдении всех условий, возможно, быть максимально конкурентоспособным на рынке труда.

В настоящее время законодательство Российской Федерации не содержит норм, позволяющих определить субъекта и основания привлечения к ответственности лиц, использующих работу ИИ, в результате которых, возникли убытки. Существующая система правового регулирования ограничена лишь гражданско-правовой, административной и уголовной ответственностью, однако в них не отражена специфика и особенности применения искусственного интеллекта, не разграничивает зону ответственности пользователей, разработчиков данных системы и их владельцев. Отсутствие данного вида ответственности создает пробел в законодательстве и обозначает необходимость совершенствования нормативного регулирования с учетом быстроразвивающихся цифровых технологий.

Стоит отметить, что будущие юристы не всегда добросовестно использую в образовательной сфере технологии искусственного интеллекта, при этом используя заимствования, выдавая за свой труд, не анализируют и не проверяют ответы, полученные посредством ИИ. Конечно, образовательные учреждения в лице преподавательского состава максимально тщательно подходят к проверке знаний обучающихся, издавая различного плана локальные нормативные акты, регламентирующие использование подобного плана технологий, но данная работа не решает проблему. Создание системы требований к использованию искусственного интеллекта в образовательной деятельности системы высшего профессионального образования является одним из важных приоритетных направлений.

Разработка стандарта применения технологий искусственного интеллекта позволила бы систематизировать правила его использования, разграничить зону ответственности, при этом, соблюдая принципы законности, справедливости, добросовестности и профессиональной ответственности лиц, использующих их. Данный стандарт обеспечил бы чёткое нормативное закрепление таких условий как: правила использования алгоритмов работы искусственного интеллекта, соблюдение мер по защите персональных данных и авторских прав, порядок привлечения к ответственности за результаты работы ИИ, а также параметров, устанавливающих предельные рамки его применения в образовании. Указанное предложение позволит обеспечить гармоничное внедрение искусственного интеллекта в юриспруденцию.

Таким образом, искусственный интеллект становится значимым компонентом цифровизации высшего юридического образования, помогая сделать обучение более продуктивным, результативным, открытым для широкого круга студентов и удобным с точки зрения управления. Интеграция таких технологий обязана соответствовать конституционным основам, требованиям законодательства и этическим стандартам профессии. Устойчивое развитие образовательной сферы достижимо лишь при грамотном сочетании

цифровых технологий и правовых инструментов.

Список литературы:

[1] Данилькевич М.А., Еремин С.Г. Особенности применения технологий искусственного интеллекта в системе высшего юридического образования // Вестник Академии знаний. 2026. № 1 (72). С. 98-100.

[2] Колонтаевская И.Ф. Цифровая трансформация технологий преподавания частноправовых дисциплин в вузах Российской Федерации // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2026. № 6. С. 1273-1275.

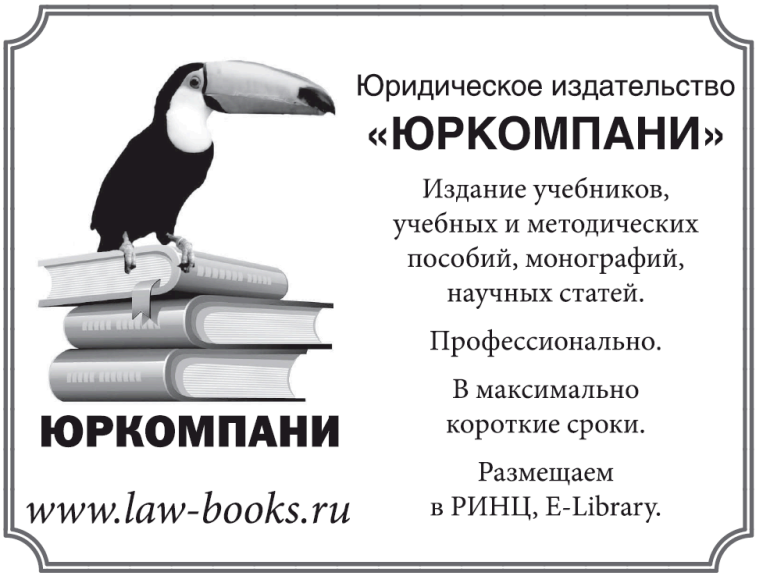
[3] Интернет-ресурс: сайт РБК. – URL: https://www.rbc.ru/politics/21/10/2025/68f77d059a79 47f9662fa864 Дата обращения: 06.08.2026).

References:

[1] Danilkevich M.A., Eremin S.G. Features of the application of artificial intelligence technologies in the system of higher legal education // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2026. № 1 (72). S. 98-100.

[2] Kolontaevskaya I.F. Digital transformation of technologies for teaching private law disciplines in universities of the Russian Federation // Pedagogy. Questions of theory and practice. 2026. № 6. S. 1273-1275.

[3] Internet resource: RBC website. - URL: https://www.rbc.ru/politics/21/10/2025/68f77d059a79 47f9662fa864 Accessed on: 06.08.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 13.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 04.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-291-295

МЕЛЬНИКОВ Антон Сергеевич,
старший преподаватель кафедры физической подготовки юридического факультета ВЮИ ФСИН России, доцент кафедры ТМБОФК Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
e-mail: ms91sambo@mail.ru

КРАПИВИН Олег Владимирович,
доцент института Академии ФСИН России по кафедре физической подготовки и спорта, доцент,
e-mail: o.krapivin@list.ru

КАЗНАЧЕЕВ Валерий Александрович,
доцент кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки Самарского юридического института ФСИН России, кандидат психологических наук,
e-mail: kaznacheevva@bk.ru

ПАНКРАТОВ Егор Сергеевич,
преподаватель кафедры физической подготовки факультета психологии и пробации ВИПЭ ФСИН России,
e-mail: sambo_trud@ mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ ФИЗИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ СОТРУДНИКОВ ФСИН РОССИИ

Аннотация. *Данная работа посвящена исследованию и систематизации подходов к оценке специальной физической подготовленности сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России). В рамках исследования анализируются методики формирования ключевых физических качеств, необходимых для выполнения служебных задач, виде занятий по боевым приемам борьбы. Предложена и обоснована примерная структура учебно-тренировочных поединков, направленная на совершенствование специальных физических качеств и оптимизацию функционального состояния сотрудников уголовно-исполнительной системы.*

Ключевые слова: *прикладные виды спорта, служебная деятельность, сотрудники ФСИН России, физическая культура и спорт, физические качества, уголовно-исполнительная система, учебно-тренировочные поединки.*

MELNIKOV Anton Sergeevich,
Senior Lecturer, Department of Physical Fitness, Faculty of Law, Vladimir Law Institute, Federal Penitentiary Service of Russia; Associate Professor, Department of Physical Fitness, Medical and Physical Education, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

KRAPIVIN Oleg Vladimirovich,
Associate Professor, Institute of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Department of Physical Fitness and Sports Associate Professor

KAZNACHEEV Valery Aleksandrovich,
Associate Professor, Department of Physical, Firearms, and Tactical-Special Training Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia PhD in Psychology

PANKRATOV Egor Sergeevich,
Lecturer, Department of Physical Fitness Faculty of Psychology and Probation, VIPE, Federal Penitentiary Service of Russia

SPECIAL FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONALLY IMPORTANT PHYSICAL QUALITIES OF RUSSIAN FEDERAL PENITENTIARY SERVICE EMPLOYEES

Annotation. *This work is devoted to the study and systematization of approaches to assessing the special physical fitness of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia (FSIN). The study analyzes the methods of developing the key physical qualities necessary for performing official tasks, such as combat wrestling exercises. The study proposes and justifies an approximate structure of training matches aimed at improving the special physical qualities and optimizing the functional state of employees of the penal system.*

Key words: *applied sports, official activities, employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, physical culture and sports, physical qualities, the penal system, and training matches.*

Для сотрудника уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), вне зависимости, к какой должностной категории он относится, для успешного выполнения служебных задач важна физическая подготовленность, которая достигается посредством применения различных видов физической подготовки. В свою очередь, физическая подготовка сотрудников УИС рассматривается как комплекс учебных, тренировочных и спортивных мероприятий, направленных на приобретение умений и навыков, физических и волевых качеств, способствующих успешному выполнению должностных обязанностей и служебных задач. В силу особенностей служебной деятельности сотрудники уголовно-исполнительной системы должны быть физически хорошо подготовлены, поскольку данный вид деятельности предполагает способность сотрудников обеспечить собственную безопасность, безопасность осужденных и третьих лиц, пребывающих на территории исправительного учреждения. Сотрудник должен быть способен использовать физическую силу в предусмотренных законом случаях, например, в ст. 29 Закона РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы российской федерации»:

чтобы предотвратить преступления и административные правонарушения;

чтобы задержать осужденного или лицо, находящееся под стражей;

чтобы предотвратить неповиновения или противодействия законным требованиям сотрудника уголовно-исполнительной системы [1].

Более детальное регулирование осуществляется на ведомственном уровне. Согласно Приказу ФСИН РФ от 13.06.2023 № 382 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации», профессиональная служебная и физическая подготовка направлена на формирование у сотрудников ряда профессиональных и нравственных качеств, обусловленных потребностями службы, достижение высокой степени их морально-психологической готовности к безусловному и качественному выполнению оперативно-служебных задач [2].

Профессиональная и физическая подготовка осуществляется по месту службы сотрудника в целях совершенствования профессиональных знаний, умений и навыков, необходимых для выполнения служебных обязанностей, в том числе в условиях, связанных с возможным применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Согласно действующим нормативам, практические занятия по физической подготовке для сотрудников УИС должны организовываться и проводиться не реже одного раза в неделю продолжительностью не менее двух часов. Это минимальное требование, которое обеспечивает поддержание необходимого уровня физической готовности персонала к выполнению служебных задач.

Физическая подготовка сотрудников УИС является комплексной и призвана развивать различные физические свойства и формировать специальные двигательные навыки, чтобы эффективно выполнять служебные задачи. В качестве основных элементов физической подготовки необ-

ходимо развивать выносливость, силу, скорость, ловкость и гибкость. Сотрудники обязаны развивать эти качества, чтобы быть в состоянии выполнить свои служебные обязанности в различных условиях службы, в том числе, экстремальных. Необходимо также обучать сотрудников приемам борьбы, так как данные навыки могут пригодиться при прямом контакте со спецконтингентом.

Общими задачами физической подготовки сотрудников являются:

постоянное совершенствование своих физических качеств: силы, ловкости, гибкости и выносливости; развитие общей и скоростной выносливости, пространственной ориентации;

формирование уверенности в своих силах и повышение устойчивости организма к воздействию неблагоприятных факторов служебно-боевой деятельности;

вовлечение сотрудников в регулярные занятия физической подготовкой, повышение их мастерства в служебно-прикладных видах спорта;

активное внедрение разнообразных форм занятий физическими упражнениями в режиме рабочего дня, учебы и отдыха;

овладение теоретическими знаниями и практическими навыками самоконтроля за состоянием здоровья в процессе групповых и самостоятельных занятий физическими упражнениями;

формирование смелости и настойчивости при действиях в сложных и экстремальных ситуациях.

К планированию физической подготовки необходимо подходить творчески, используя при этом профессиональные знания и практический опыт и не ограничиваться рамками методических формулировок. При этом планы необходимо составлять с учетом реалий, материально-технических возможностей и кадрового потенциала [3].

Вопросы физической подготовки отражаются в общих планах работы различных подразделений УИС, образовательных учреждений и учебных центров, а также в специализированных планах отделов (отделений) специальной, боевой и физической подготовки. Это обеспечивает системный характер организации процесса физического совершенствования личного состава. Особое внимание нужно уделять тем сотрудникам, которые не выполнили установленные нормативы, и проводить с ними дополнительную работу. Работа должна предусматривать повышение их физического состояния и совершенствование техники выполнения упражнений. Сюда могут входить дополнительные тренировки, индивидуальные занятия и разработка индивидуальных программ физической подготовки. Высокие требования к уровню физической подготовленности сотрудников уголовно-исполнительной системы продиктованы возникновением экстремальных ситуаций, наличием больших психофизических перегрузок в процессе профессиональной деятельности.

Физическая подготовка осуществляется с целью психически и физически подготовить человека успешно выполнять свои трудовые обязанности, поддерживать и развивать необходимый уровень психических и физических свойств сотрудников УИС, поскольку к данному виду деятельности предъявляются повышенные требования, а также обеспечивать приспосабливаемость организма человека к особенностям данной деятельности, развивать профессионально-прикладную двигательную активность и навыки, необходимы для выполнения специальных внутренних и внешних условий труда. Бесспорно, служба в уголовно-исполнительной системе сопровождается постоянным нервным и психологическим напряжением и требует самоотдачи.

Так, например, в 2024 году в России случилось сразу три нападения заключенных в исправительных колониях на сотрудников ФСИН. Первый резонансный случай с нападением арестантов на сотрудников ФСИН произошел в СИЗО-1 в Ростове-на-Дону. Шестеро осужденных, среди которых были террористы, захватили заложников, но спустя несколько часов бойцы спецназа сумели их ликвидировать и освободить людей. Второй случай зафиксировали в ИК-12 в Енакиево Донецкой Народной Республики. Там трое заключенных устроили бунт, сумели получить доступ к более 130 осужденным на пожизненные сроки, а также захватили двух сотрудников ФСИН. Спецназ также быстро и профессионально отреагировал на ситуацию и пресек возможный побег всей колонии. Третий случай произошел в Волгоградской области [4]. В ИК-19 четверо террористов захватили в заложники и жестоко избили сотрудников ФСИН прямо во время дисциплинарной комиссии. Спецназ также ликвидировал всех захватчиков и освободил заложников.

Поэтому недооценка значимости физической подготовленности личного состава чревата неоправданными потерями. Отсюда, перед правоохранителями приоритетной становится задача обеспечения личной и коллективной безопасности, а также безопасности жизни и собственности граждан. Для обеспечения личной безопасности, а также осужденных и других лиц, необходимо проводить занятия с личным составом по физической и боевой подготовке, направленные на их общее физическое развитие, а также приобретение навыков самообороны. Порядок и условия прохождения службы в учреждениях УИС таковы, что сотрудники всегда физически и психологически должны быть готовы к выполнению своих обязанностей. По сути, физическая подготовка в УИС

является частью организованной системы. Реализация процесса гуманизации в сфере исполнения уголовных наказаний, приоритет главных человеческих ценностей, уважение прав человека приводит к росту количества и, вместе с тем, к усложнению профессиональных задач службы, что ведет к необходимости повышать уровень физической подготовки сотрудников УИС.

Этот уровень, также как и возможность его повышения, напрямую влияют на такие характеристики человека как трудоспособность и утомляемость. Указанный случай закономерен: чем выше физические характеристики служащего, тем более здоровым он является и труд его более эффективен. И от этого возрастает коэффициент полезного действия при выполнении им своих служебных обязанностей. Как считают ученые-пенитенциаристы, в качестве основной задачи развития физических качеств сотрудников УИС можно назвать планомерное создание условий для развития не только физических, но и психологических элементов личности сотрудников, в связи с чем они будут выполнять свои служебные обязанности еще более эффективно.

Задачи психологических элементов личности сотрудников:

повышение качеств выполнения специальных двигательных действий; формированию особых психологических качеств, профессионально важных и необходимых в служебной деятельности

ускорению процесса адаптации к условиям прохождения службы; повышению скорости и качества выполнения служебных задач

предупреждению влияния негативных факторов профессиональной деятельности на физическое и психическое состояние личности

повышению регенеративной способности сотрудников после больших физических нагрузок и психических напряжений; ускорению реабилитации после травм, болезней и различных поражений

Помимо этого, физическая подготовка способствует оздоровлению служащих. В настоящее время от сотрудников уголовно-исполнительной системы требуется не только преодоление больших психологических нагрузок. Они должны постоянно совершенствовать свои физические данные, в большой степени, зависящие от состояния здоровья и биологических характеристик человека. Чтобы повысить уровень физической подготовки в деле оздоровления служащих при выполнении ими служебных задач, они должны много времени проводить на тренировках, в которые входят подвижные и спортивные игры, выполнять силовые упражнения на тренажерах и упражнения «в висе», а также бегать на различные дистанции и т.д. Помимо практических занятий по физической подготовке необходимо проводить лекции, раскрывающие значение физической подготовки в оздоровлении. Эти лекции призваны стимулировать служащих на совершенствование своих физических данных [5]. Поскольку служба в органах УИС весьма специфична, то физическая подготовка служащих очень важна. Иными словами, сотрудник УИС должен быть физически развит для успешного применения физической силы в целях недопущения совершения спецконтингентом противозаконных действий по отношению к сотрудникам, самих заключенных или третьих лиц, пребывающих на территории исправительного учреждения.

Прежде чем проводить занятия по физической подготовке, должны быть учтены личные потребности и возможности каждого сотрудника. Также необходимо спланировать рабочее время и возможность проведения занятий без нарушения полноценной деятельности исправительного учреждения УИС. Необходимо разрабатывать индивидуальные программы занятий. Это будет способствовать развитию у сотрудников нужных физических качеств с учетом их особенностей и целей, а также не помешает исправительному учреждению функционировать в штатном режиме. Помимо сказанного, необходимо совершенствовать применение физической силы. Это может сделать физическую подготовку более эффективной. Этот процесс предполагает знание сотрудниками не только всех боевых приемов борьбы, но и необходимость доведения их до автоматизма, применения их в стрессовых ситуациях, в ограниченном пространстве, непредвиденных обстоятельствах и в ограниченных сроках, т.к. данные навыки указывают на их профессиональную компетенцию. Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно отметить важность физической подготовки в служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы РФ. Учитывая непростые условия службы и предъявляемые к сотрудникам УИС требования, занятия по физической подготовке при осуществлении служебной деятельности будут способствовать не только укреплению здоровья и работоспособности сотрудников, но и сделают их работу более эффективной и в то же время помогут повысить и укрепить безопасность и правопорядок при исполнении уголовных наказаний.

Список литературы:

[1] Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 13. 06.2023 06.2023 № 382 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс: https://base.

garant.ru/407382176/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/..

[2] Закон Российской Федерации от 01.07.1997 № 5473-1 (ред. От 31.07.2025 № 323-ФЗ) «Об учреждения и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 33. – Ст. 1316.

[3] Климатов, К.А. Физическая подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы // Молодой ученый. – 2025. – № 27 (578). – С. 125-127.

[4] Василенко, С. Н. Организация служебной подготовки сотрудников специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию / С. Н. Василенко // «Проблемы и перспективы развития специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию».– 2026. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний. – С.11-18.

[5] За 2024 год произашел ряд резонансных случаев нападения заключенных на сотрудников ФСИН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru (дата обращения 14.05.2026).

References:

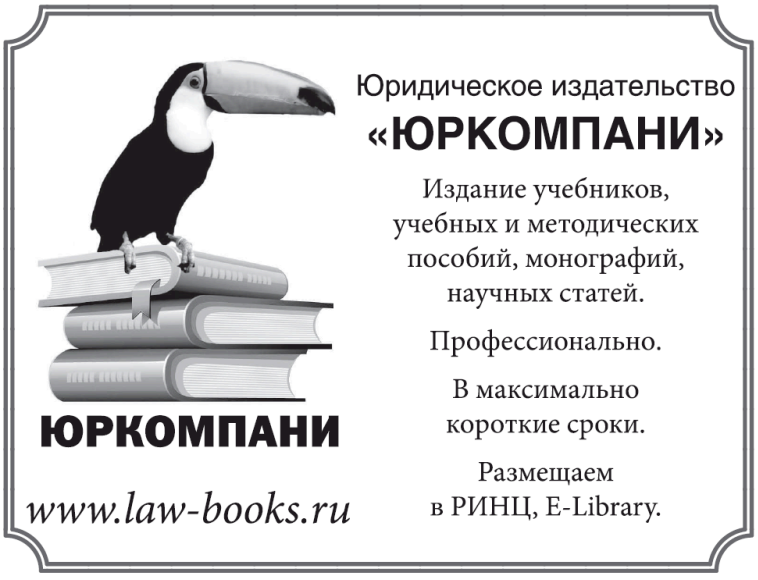
[1] Order of the Federal Penitentiary Service of 13. 06.2023 06.2023 No. 382 "On approval of the Procedure for organizing training for filling positions in the penitentiary system of the Russian Federation // SPs Consultantplus: https://base.garant.ru/407382176/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/..

[2] Law of the Russian Federation of 01.07.1997 No. 5473-1 (as amended by 31.07.2025 No. 323-FZ) "On the institution and bodies executing criminal penalties in the form of imprisonment" Vedomosti of the Congress of People's Deputies and the Supreme Council of the Russian Federation. – 1993. – № 33. - Art. 1316.

[3] Climatov, K.A. Physical training of employees of the penitentiary system // Young scientist. – 2025. – № 27 (578). - S. 125-127.

[4] Vasilenko, S. N. Organization of official training of employees of special units of the penitentiary system for escorting/S. N. Vasilenko // "Problems and prospects for the development of special units of the penitentiary system for escorting: Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the Day of special units of the penitentiary system for escorting. "- 2026. - Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service. - S.11-18.

[5] In 2024, there were a number of high-profile cases of prisoners attacking FSIN officers [Electronic Resource]. - Access mode: https://www.kommersant.ru (access date 14.05.2026).



- ПРОБЛЕМЫ ПРАВА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-296-299
Дата принятия рукописи в печать: 13.08.2026 г.

СЕВОСТЬЯНОВ Алексей Геннадьевич,
адвокат АПМО, аспирант МФЮА,
e-mail: mail@law-books.ru

НЕКОТОРЫЕ ОБЪЕКТИВНЫЕ И МНИМЫЕ ДОВОДЫ ЗА И ПРОТИВ АДВОКАТСКОЙ МОНОПОЛИИ

Аннотация. *В юридическом сообществе широко обсуждается вопрос введения «адвокатской монополии». В рамках данной статьи будут рассмотрены некоторые доводы как за, так и против перехода основной массы юристов в ряды адвокатуры.*

Ключевые слова: *адвокатская монополия, организация адвокатуры, квалифицированная юридическая помощь, адвокат, юрист.*

SEVOSTYANOV Alexey Gennadievich,
lawyer at the Academy of Lawyers' Association,
postgraduate student at the Moscow University of Finance and Law

SOME OBJECTIVE AND IMAGINARY ARGUMENTS FOR AND AGAINST A LAWYER'S MONOPOLY

Annotation. *The issue of introducing a "lawyer's monopoly" is widely discussed in the legal community. This article will examine some arguments both for and against the transition of the majority of lawyers to the bar.*

Key words: *lawyer's monopoly, organization of the bar, qualified legal assistance, lawyer, jurist.*

В настоящее существует две параллельные группы, оказывающие соответственно квалифицированную юридическую помощь и юридические услуги. Это адвокаты и юристы без статуса. Широко обсуждаемая концепция введения в Российской Федерации «Адвокатской монополии» предполагает интеграцию частнопрактикующих юристов и юридических фирм в адвокатское сообщество. Со стороны сторонников объединения юридического сообщества в адвокатуре приводятся доводы «за». В свою очередь, со стороны юристов «без статуса» приводятся различные доводы против перехода в адвокатуру. Рассмотрим некоторые доводы подробнее.

1 довод

Довод «за» - квалификация адвокатов подтверждается при сдаче сложного квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката. Так, согласно статье 9 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»:

1. Статус адвоката в Российской Федерации вправе приобрести лицо, получившее по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам высшее юридическое образование по специальности "Юриспруденция" или "Правоведение", либо высшее образование по направлению подготовки "Юриспруденция" или "Правоведение" квалификации "магистр" при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки "Юриспруденция", "Правоведение" или "Обеспечение законности и правопорядка", либо высшее образование по специальности "Правоведение" или по специальностям, входящим в укрупненную группу специальностей "Юриспруденция", с присвоением квалификации "юрист", лицо, имеющее ученую степень по юридической специальности. Указанные в абзаце первом настоящего пункта лица также должны иметь стаж работы по юридической специальности не менее двух лет или пройти стажировку в адвокатском образовании в сроки, установленные настоящим Федеральным законом. У лиц, высшее юридическое образование которых является впервые полученным высшим образованием, стаж работы по юридической специальности исчисляется не ранее чем с момента его получения.

2. Не вправе претендовать на приобретение

статуса адвоката и осуществление адвокатской деятельности лица:

1) признанные недееспособными или ограниченно дееспособными в установленном законодательством Российской Федерации порядке;

2) имеющие непогашенную или неснятую судимость за совершение умышленного преступления.

3. Решение о присвоении статуса адвоката принимает квалификационная комиссия адвокатской палаты субъекта Российской Федерации (далее - квалификационная комиссия) после сдачи лицом, претендующим на приобретение статуса адвоката (далее также - претендент), квалификационного экзамена. Более того, в соответствии с подпунктом 3 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»:

Адвокат обязан постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и адвокатскими палатами субъектов Российской Федерации. За неисполнение либо ненадлежащее исполнение данной обязанности адвокат может быть привлечен к дисциплинарной ответственности органами адвокатского самоуправления.

Довод «против» - квалификация юриста подтверждается дипломом о высшем образовании. Но ведь, даже не ставя под сомнение качества образования в некоторых ВУЗах, существовавших в конце 90-х начале 2000-х гг. не вызывает сомнения тот факт, что полученные много лет назад знания без соответствующего повышения квалификации становятся не вполне актуальными, а юрист деградирует как специалист.

Получается, что у лица, обратившегося за юридической помощью к юристу без статуса адвоката, нет никаких гарантий в его квалификации даже при наличии диплома о высшем юридическом образовании. Таким образом представляется, что довод «против» в данном случае не вполне состоятелен, и в интересах общества все-таки чтобы юридическую помощь оказывали лица с подтвержденной квалификацией и действующим статусом адвоката.

2 довод

Довод «за» - в случае нарушения возложенных обязанностей либо нарушения профессиональной этики адвокат может быть привлечен к дисциплинарной ответственности. Так, согласно части 2 статьи 19 Кодекса профессиональной этики адвоката:

Поступок адвоката, который порочит его честь и достоинство, умаляет авторитет адвокатуры, неисполнение или ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей, а также неисполнение решений органов адвокатской палаты должны стать предметом рассмотрения соответствующих квалификационной комиссии и Совета, заседания которых проводятся в соответствии с процедурами дисциплинарного производства, предусмотренными настоящим Кодексом. Представляется, что это достаточно важное положение, позволяющее сохранять в рядах адвокатуры добросовестных специалистов и избавляться от лиц, сознательно пренебрегающими нормами закона и профессиональной этики. Более того, стоит отметить, что дисциплинарное производство предусмотрено и ведется даже в отношении судей. Иное приводило бы к вседозволенности.

Довод «против» - процессуальный противник может воспользоваться дисциплинарным производством для расправы с неугодным противником. Но данный довод опровергается следующим. Согласно части 5 статьи 19 Кодекса профессиональной этики адвоката:

Дисциплинарное производство осуществляется только квалификационной комиссией и Советом адвокатской палаты, членом которой состоит адвокат на момент возбуждения такого производства. В исключительных случаях дисциплинарное производство может также возбудить и президент Федеральной палаты адвокатов РФ. В любом случае дисциплинарное производство осуществляется исключительно органами адвокатского самоуправления. Ни правоохранительные органы, ни суд при рассмотрении дисциплинарного производства в органах адвокатского самоуправления участия не принимают. Таким образом и данный довод представляется мнимым. Отсутствие возможности привлечения юриста к дисциплинарной ответственности ведет к проникновению в юридическое сообщество недобросовестных лиц, не желающих отвечать за свои действия и с которыми в настоящее время ничего нельзя сделать, что не отвечает общественным интересам.

3 довод

Довод «за» - начать практику в рамках собственного адвокатского образования лицо, получившее статус адвоката, может только после 3-х летнего адвокатского стажа. Обосновывается это тем, что молодой адвокат, только что получивший статус адвоката при учреждении собственного адвокатского образования, с большой долей вероятности будет допускать ошибки, что негативно отразится как на нем самом (возможные дисциплинарные производства), так и на его доверителях. Именно поэтому и был предусмотрен некий ценз для учреждения собственного адвокатского образования - 3-х летний адвокатский стаж. Бо-

лее того, изначально был предусмотрен не 3-х летний, а 5-летний стаж, необходимый для учреждения адвокатского образования, но в последствии он был снижен. Это говорит о способности и желании адвокатского сообщества к самосовершенствованию.

Довод «против» - существующий ценз на необходимый 3-х летний стаж в статусе адвоката для учреждения собственного адвокатского образования не позволит перейти в адвокатуру уже состоявшимся юристам, являющимися руководителями и участниками действующих юридических фирм. Данный довод носит рациональный характер. Видимо поэтому при разработке Минюстом России проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (проекта закона о введении «Адвокатской монополии») предусмотрено изменений положений статей 22 и 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» касательно необходимого стажа для учреждения коллегии адвокатов и адвокатского бюро. В частности, предусматривается следующее:

«13) в статье 22:

а) пункт 1 после слов «имеющих стаж» дополнить словами «работы по юридической специальности не менее пяти лет либо стаж»;

«14) в статье 23:

а) пункт 1 дополнить предложением следующего содержания:

«В числе учредителей адвокатского бюро должно быть не менее двух адвокатов, имеющих стаж работы по юридической специальности не менее пяти лет либо стаж адвокатской деятельности не менее трех лет». Таким образом, предлагается сделать послабление для вновь вступающих в ряды адвокатуры юристов и ограничиться наличием юридического стажа для учреждения своего адвокатского образования.

4 довод

Довод «за» - адвокатская деятельность является некоммерческой, поэтому положения налогового законодательства о возможности использования упрощенной системы налогообложения не подлежит применению к адвокатам.

Это якобы компенсируется тем, что адвокат не является плательщиком НДС. Представляется, что данный довод слишком абстрактен, и не вполне прослеживается взаимосвязь с некоммерческим характером деятельности адвокатов и невозможностью применения специального налогового режима.

Да, деятельность адвоката является некоммерческой. Вместе с тем, к примеру, адвокат, осуществляющий деятельность в адвокатском кабинете, открывает в банке расчетный счет с номером «40802», который предназначен для обслуживания индивидуальных предпринимателей, а не счет физического лица. Также адвокат ежеквартально сдает в налоговый орган уведомление об исчисленных суммах налогов, авансовых платежей по налогам, сборов, страховых взносов по НДФЛ и ежегодно декларацию форме 3-НДФЛ, аналогично уведомлениям и декларации, сдаваемой индивидуальным предпринимателем. Страховые взносы адвокат оплачивает в фиксированном размере аналогично индивидуальному предпринимателю. При этом Индивидуальный предприниматель на УСН также не является плательщиком НДС (при не превышении оборотов).

Доводы «против» - юрист со статусом адвоката оплачивает НДФЛ от 13 % + 1 % дополнительный взнос на пенсионное страхование + страховые взносы в фиксированном размере + членские взносы в адвокатские палаты + фиксированный взнос при вступлении в адвокатуру. При этом юрист без статуса адвоката, оформленный самозанятым, оплачивает при работе с физическим лицами всего 4 %, а юрист без статуса адвоката, оформленный в качестве индивидуального предпринимателя, всего 6 % + страховые взносы в фонды в фиксированном размере. Разница в налогообложении колоссальная. Представляется, что данный довод заслуживает самого пристального внимания, изучения и внесения поправок в предлагаемый законопроект. Ведь даже самые квалифицированные и добросовестные юристы, работающие полностью в «белую» и платящие как индивидуальные предприниматели 6 % + страховые взносы, не захотят добровольно увеличивать налоговое бремя более чем в два раза. Да, вступительный взнос в адвокатскую палату носит объективный характер и во многих палатах носит разумный размер. С этим, полагаю, можно смириться, т.к. он единовременный. Да, ежемесячные взносы в региональные адвокатские палаты необходимы. Более того, адвокат имеет возможность бесплатно повышать квалификацию посредством организуемых Федеральной палатой адвокатов и региональными палатами вебинаров и иных мероприятий, что на много выгоднее индивидуального повышения квалификации. Получается, и по данным взносам не может возникать больших вопросов.

Эксперимент с самозанятыми в не простой экономической ситуации в стране, скорее всего, будет завершен в самое ближайшее время. Но вот вопрос возможности применения адвокатами УСН носит самый острый характер. Полагаю, что именно данный вопрос является истиной причиной противодействия введению «адвокатской монополии» со стороны частнопрактикующих юристов. Решение вопроса с возможностью приме-

нения УСН позволит прийти к консенсусу и как результат привести работу всего юридического сообщества на благо общества.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 22 апреля 2024 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (дата обращения: 15.07.2026).

[2] Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 18.04.2025) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44841/ (дата обращения: 15.07.2026).

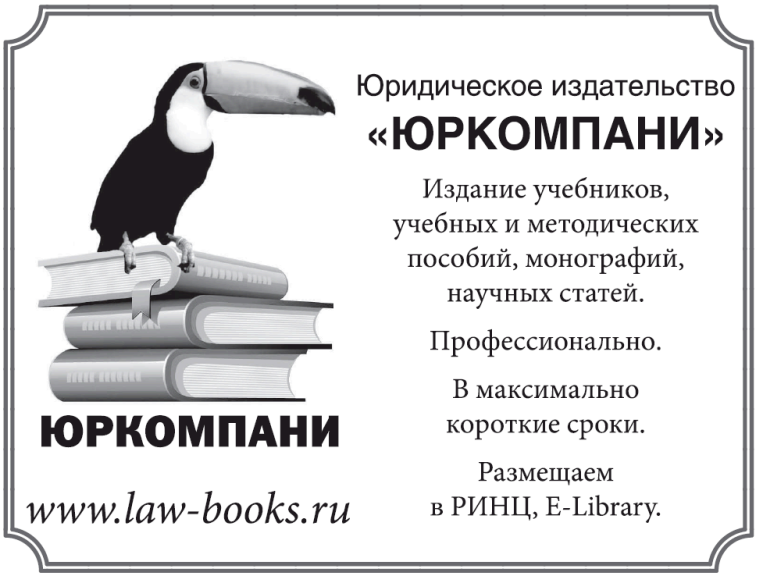
[3] Проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 26.07.2025) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://regulation.gov.ru/projects/158248/ (дата обращения: 15.07.2026).

References:

[1] Federal Law of May 31, 2002 No. 63-FZ "On Advocacy and the Bar in the Russian Federation" (as amended on April 22, 2024) // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (accessed on July 15, 2026).

[2] Code of Professional Ethics of Lawyers (adopted by the First All-Russian Congress of Lawyers on January 31, 2003) (as amended on April 18, 2025) // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44841/ (accessed on July 15, 2026).

[3] Draft federal law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” (as amended on July 26, 2025) // SPS ConsultantPlus. URL: https://regulation.gov.ru/projects/158248/ (date accessed: July 15, 2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 19.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-300-304

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета, ВЮИ ФСИН России, e-mail: krim33@mail.ru

МОРОЗОВ Роман Михайлович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых наук, Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), e-mail: morozur@mail.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ УДАЛЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ С ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. *В статье исследуются особенности использования цифровых технологий и электронных следов в расследовании преступлений против личности. Раскрывается потенциал электронных носителей информации (мобильных устройств, компьютеров и др.) как источника цифровых следов, позволяющих установить обстоятельства преступления, мотивы, круг причастных лиц. На примере уголовного дела по ч. 1 ст. 105 УК РФ демонстрируется практическое применение программно-аппаратных комплексов («Cellebrite UFED», «Мобильный криминалист „Эксперт Плюс“») для извлечения и интерпретации данных, в том числе удалённых. Особое внимание уделено задачам и объектам судебной компьютерно-технической экспертизы, тактическим приёмам работы с цифровыми доказательствами, включая создание «зеркальной» копии носителя для исключения повреждения исходных данных. Рассматриваются категории информации (доступная, скрытая, зашифрованная) и способы восстановления удалённых файлов.*

Ключевые слова: *информация, цифровая информация, предварительное расследование, следы, преступление против личности, событие преступления, судебная компьютерно-техническая экспертиза.*

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
candidate of legal sciences, associate professor Docent at the Department of department of criminal justice and forensic science of the Faculty of Law, Faculty of Law of the Higher Educational Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia

MOROZOV Roman Mikhailovich,
candidate of legal sciences, associate professor Associate Professor of the Department of Criminal Law Sciences at the North-Western Institute (Branch) of the Kutafin University (MSAL)

FORENSIC ASPECTS OF RECOVERING DELETED INFORMATION FROM ELECTRONIC MEDIA IN THE INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST THE PERSON

Annotation. *The article examines the specifics of using digital technologies and electronic traces in the investigation of crimes against the person. The potential of electronic information carriers*

(mobile devices, computers, etc.) as a source of digital traces that make it possible to establish the circumstances of a crime, motives, and the circle of involved persons is revealed. Using the example of a criminal case under Part 1 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation, the practical application of software and hardware complexes (Cellebrite UFED, Mobile Forensic Expert Plus) for extracting and interpreting data, including deleted data, is demonstrated. Special attention is paid to the tasks and objects of forensic computer and technical expertise, as well as to tactical methods of working with digital evidence, including creating a "mirror" copy of the storage medium to prevent damage to the original data. The categories of information (available, hidden, encrypted) and methods for recovering deleted files are considered.

Key words: *information, digital information, investigation, traces, crime against an individual, circumstances of a crime, forensic computer and technical expertise.*

Эволюционная трансформация процессов цифровизации общественных отношений на современном этапе развития государства затрагивает не только сферы федерального, ведомственного, отраслевого и муниципального управления, экономику и социальную сферу, но и оказывает концептуальное влияние на деятельность правоохранительных органов. Внедрение цифровой инфраструктуры, повышение эффективности использования информационных технологий при работе с электронными следами и в целом развитие «цифровой» криминалистики, основным направлением которой служит поиск, извлечение, восстановление электронных данных, по мнению А.И. Бастрыкина, являются одними из перспективных направлений совершенствования работы следователя не только по установлению обстоятельств противоправного деяния, но и созданию условий для отправления справедливого правосудия в отношении лиц, совершивших преступление [3]. Ученые также сходятся во мнении, что использование информационных технологий являясь инструментом сбора доказательственной базы в кратчайшие сроки, позволяет быстро и эффективно выдвигать криминалистические версии, изучать личность подозреваемого и потерпевшего, осуществлять проверку алиби [2, с. 759].

Особую актуальность, в этой связи, приобретает изучение вопросов и перспектив внедрения рассматриваемого научно обоснованного и практико-ориентированного подхода использования достижений науки, техники и цифровых технологий в процесс криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений. Так, мониторинг современного научного поля показал, что зачастую предметом диссертационных исследований, являются закономерности информационного обеспечения деятельности следственно-оперативных органов по выявлению, раскрытию и расследованию:

–дистанционных хищений (Старостенко Н.И.) [4] и мошенничества (Кулаевский А.В.) [5];

–преступлений в сфере компьютерной информации (Харисова З.И.) [6] и информационных технологий (Рудых А.А.) [7];

–экономических преступлений (Буйнов Д.О.) [8] и преступлений, связанных с легализацией преступных доходов (Халин В.Д.) [9];

–преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств (Саркисян К.Т.) [10];

–преступлений экстремистской и террористической направленности (Льянов М.М.) [11].

При этом использование цифровых инструментов в процессе тактико-криминалистического обеспечения сбора доказательственной информации расследования преступлений против личности не находит широкого распространения в современных научных трудах.

Значимость освещения криминалистических особенностей работы с цифровой информацией при расследовании указанной группы преступлений подтверждается статистическими данными их раскрываемости, которая в 2025 году составила 90,3%, что на 0,2% ниже по сравнению с показателями 2024 года (более 17,1 тысяч преступлений против личности остались не раскрытыми) [12].

Анализ правоприменительной практики расследования преступлений против личности, показал, что зачастую полнота доказательственной базы стороны обвинения подкрепляется традиционными видами идеальных следов, такими как показания подозреваемого, свидетелей, потерпевшего и широким спектром следов материальной природы (папиллярные узоры пальцев рук, следы ног, губ, орудие преступления и механические повреждения от его применения, труп, следы биологического происхождения).

В свою очередь, электронные носители информации (мобильные устройства, компьютеры, ноутбуки) служат источником идеальных, в том числе цифровых следов, позволяющих через сбор, изъятие и исследование информационного-цифрового пространства установить обстоятельства преступного события: соучастников преступления, характеристику личности подозреваемого и потерпевшего, мотивы совершения преступления.

Так, в ходе установления обстоятельств преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, по факту обвинения Татарикова С.П., приговором Березовского городского суда Кемеровской области было доказано, что находясь в состоянии алкогольного опьянения, ввиду личной неприязни и в связи с аморальным поведением потерпевшего, заключающемся в предложении вступления с ним в половое сношение и интимную связь, подсудимый при помощи двух ножей нанес потерпевшему не менее восьми ударов, в результате чего последний скончался [13]. В ходе предварительного расследования среди материальных следов преступления, изъятых в ходе осмотра места происшествия, были изъяты и исследованы: труп, презервативы, рюмки и бутылка водки, мобильные устройства, два кухонных ножа, нижнее белье и одежда, силиконовый член, смывы с поверхности зеркала и линолеума, срезы обоев со следами бурого цвета. В ходе последующего осмотра, объектом которого выступало мобильное устройство убитого, специалистом при использовании программно-аппаратного комплекса (программы «Cellebrite UFED 7.58.0.172») со смартфона была извлечена полная файловая система, в том числе данные, представленные в явном и удаленном виде. Конвертирование и интерпретация информации с помощью программы «Мобильный криминалист «Эксперт Плюс» позволила установить ссылки поисковых браузеров, на сайтах которых были размещены порнографические материалы с участием нескольких мужчин. Указанные обстоятельства в совокупности с иными источниками доказательств позволили установить мотивы совершения убийства.

По характеру доступа информация (сведения, цифровые следы) по мнению Бахтеева Д.В., Смахтина Е.В. могут быть доступными, скрытыми и зашифрованными [1, с. 67]. В свою очередь, сведения, содержащиеся на электронном носителе информации нередко подлежат удалению подозреваемым, с целью сокрытия следов преступления и на момент изъятия устройства в ходе следственного осмотра (обыска, выемки) быть «затёртыми», т.е. не подлежащими восстановлению при использовании стороннего программного обеспечения. Если же файлы направлены в «корзину», с последующим стандартным форматированием (дефрагментацией) диска (иного устройства хранения данных), то тактически обоснованным решением следователя может является назначение судебной компьютерно-технической экспертизы.

К объектам судебной компьютерно-технической экспертизы относятся:

–системный блок персонального компьютера;

–USB-накопители;

–внешние жесткие диски;

–ноутбуки, моноблоки, планшеты;

–иные оптические носители информации (мобильные устройства, автомобильные регистраторы, базы данных 1С, облачные хранилища).

Важно понимать, что исследование файловой системы электронного носителя информации, проводится сотрудниками экспертных подразделений после получения полной «зеркальной» копии путем перемещения данных на другой внешний носитель информации. Использование указанного тактико-обоснованного приема обусловлено, с одной стороны, возможным техническим повреждением первоначального электронного объекта, и, с другой стороны, удобством последующего исследования файлов путем визуального осмотра председательствующим судьей в рамках судебного следствия.

Задачами, разрешаемыми в ходе проведения судебной компьютерно-технической экспертизы, являются:

Установление факта блокировки, сокрытия, кодирования, редактирования, копирования или удаления файлов, представляющих значение для установления обстоятельств преступного события (текста, аудиофайлов, фотоизображений, видеофайлов, а также данных об их первоначальном размещении на устройстве; размера, даты создания, последнего изменения файлов и последнего доступа к ним).

Поиск и установление остаточной информации (пользовательских данных; поисковых запросов; логин-файлов; кэш-файлов; данных о подключении других электронных, мобильных устройств, USB-дисков; данных авторизации на определенных Интернет-сайтах, облачных хранилищах).

Определение способа удаления (сокрытия) файлов данных.

Возможность восстановления содержания удаленного (измененного) электронного каталога, файла (папки), доступа к нему в первоначальном виде.

Установление источника создания файла, представляющего интерес для следователя в рамках расследования преступления против личности (подозреваемого, соучастника совершения преступления, потерпевшего, свидетеля).

Определение хронологической последовательности удаления цифровых следов.

Разрешение указанных задач позволяет в условиях конфликтной следственной ситуации при отказе подозреваемого о дачи показаний либо даче ложных показаний не только составить информационный портрет его личности, но и установить обстоятельства, свидетельствующие

о возможных попытках сокрытия преступления, фальсификации доказательств.

Список литературы:

[1] Бахтеев Д.В., Смахтин Е.В. Криминалистические особенности производства процессуальных действий с цифровыми следами // Российский юридический журнал. 2019. № 6 (129). С. 61–68.

[2] Зайцев О. А., Пастухов П. С. Формирование новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 752–777.

[3] Бастрыкин: При расследовании сложных преступлений развивается цифровая криминалистика // Российская газета. URL: https://www.rg.ru/2021/10/18/bastrykin-pri-rassledovanii-prestuplenij-razvivaetsia-cifrovaia-kriminalistika.html. (дата обращения: 06.07.2026).

[4] Старостенко Н.И. Первоначальный этап расследования хищений, совершенных с применением методов социальной инженерии и информационно-телекоммуникационных технологий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Краснодарский университет МВД РФ, 2023. - 29 с.

[5] Кулаевский А.В. Алгоритмизация деятельности следователя по установлению лица, совершившего дистанционное мошенничество: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2025. - 25 с.

[6] Харисова З.И. Теоретические основы и прикладные аспекты расследования преступлений в сфере компьютерной информации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. - 46 с.

[7] Рудых А.А. Информационно-технологическое обеспечение криминалистической деятельности по расследованию преступлений в сфере информационных технологий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД РФ, 2020. - 24 с.

[8] Буйнов Д.О. Теория и практика собирания и экспертного исследования цифровых следов по уголовным делам в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва: МГЮА, 2024. - 29 с.

[9] Халин В.Д. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, связанных с легализацией доходов, полученных преступным путем, совершенной при помощи информационно-телекоммуникационных технологи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Краснодарский университет МВД РФ, 2025. - 29 с.

[10] Саркисян К.Т. Судебные экспертизы объектов в цифровой форме в компьютерных сетях при расследовании незаконного оборота наркотических средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва: МГЮА, 2025. - 29 с.

[11] Льянов М.М. Криминалистическое значение электронно-цифровых следов преступлений экстремистской и террористической направленности в сети «Интернет»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, 2025. - 25 с.

[12] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2025 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/. (дата обращения: 06.07.2026).

[13] Приговор № 1-12/2025 Березовского городского суда Кемеровской области от 07.03.2025. Официальный сайт Березовского городского суда Кемеровской области. URL: https://berezovsky--kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=604246020&case_uid=a9118e3c-7dbf-433c-9f33-6177a5890e92&delo_id=1540006&new=0. (дата обращения: 06.07.2026).

References:

[1] Bakhteyev D.V., Smakhtin E.V. Forensic Features of Procedural Actions with Digital Traces // Russian Law Journal. 2019. No. 6 (129). pp. 61–68.

[2] Zaitsev O.A., Pastukhov P.S. Formation of a New Strategy for Investigating Crimes in the Era of Digital Transformation // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2019. Issue 46. pp. 752–777.

[3] Bastrykin: Digital Forensics Develops in Investigating Complex Crimes // Rossiyskaya Gazeta. URL: https://www.rg.ru/2021/10/18/bastrykin-pri-rassledovanii-prestuplenij-razvivaetsia-cifrovaia-kriminalistika.html. (Accessed: 06.07.2026).

[4] Starostenko N.I. Initial Stage of Investigation of Thefts Committed Using Social Engineering Methods and Information and Telecommunication Technologies: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. - 29 p.

[5] Kulaevsky A.V. Algorithmization of the Investigator's Activities to Identify the Person Who Committed Remote Fraud: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University, 2025. - 25 p.

[6] Kharisova Z.I. Theoretical Foundations and Applied Aspects of Investigation of Crimes in the Sphere of Computer Information: Abstract of a Doctor of Law Dissertation. Ufa: Ufa University of Science and Technology, 2025. - 46 p.

[7] Rudykh A.A. Information Technology

Support for Forensic Activities in Investigating Crimes in the Sphere of Information Technology: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020. - 24 p.

[8] Buinov D.O. Theory and Practice of Collecting and Expert Examination of Digital Traces in Criminal Cases in the Sphere of Economic Activity: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow: Moscow State Law Academy, 2024. - 29 p.

[9] Khalin V.D. Forensic Support for Investigating Crimes Related to the Laundering of Criminally Obtained Incomes Committed with the Help of Information and Telecommunication Technologies: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. - 29 p.

[10] Sargsyan K.T. Forensic Examinations of Digital Objects in Computer Networks in Investigations of Illegal Drug Trafficking: Abstract of Cand. Sci. (Law). Moscow: Moscow State Law Academy, 2025. - 29 p.

[11] Lyanov M.M. Forensic Significance of Electronic-Digital Traces of Extremist and Terrorist Crimes on the Internet: Abstract of Cand. Sci. (Law). Yekaterinburg: Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, 2025. - 25 p.

[12] Brief Characteristics of the State of Crime in the Russian Federation for January - December 2025 // Official Website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/. (Accessed: 06.07.2026).

[13] Sentence No. 1-12/2025 of the Berezovsky City Court of the Kemerovo Region dated March 7, 2025. Official website of the Berezovsky City Court of the Kemerovo Region. URL: https://berezovsky--kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=604246020&case_uid=a9118e3c-7dbf-433c-9f33-6177a5890e92&delo_id=1540006&new=0. (date of access: July 6, 2026).

